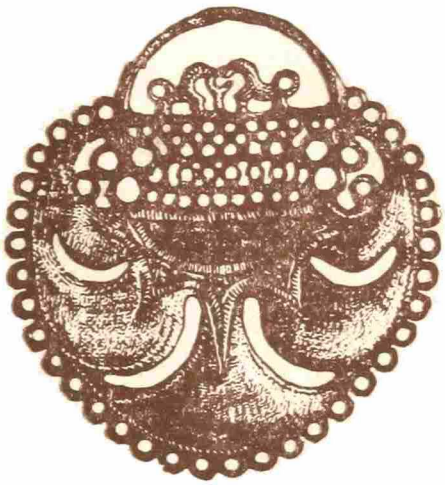
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1985

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Любин В. П., Барышников Г. Ф., Черняховский Г. А., Селиванова Н. Б., Левковская Г. М. (Ленинград). Пещера Кударо I (опыт комплексного исследования) 5
Кольцов Л. В. (Москва). О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) 25
Николова А. В., Рассамакин Ю. Я. (Киев). О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра 37
Пятых Г. Г. (Москва). Некоторые вопросы историографии проблемы происхождения срубной культуры 57
Кызласов Л. Р. (Москва). Тагарская ручная мельница и ее значение . . . 65
Терехова Н. Н. (Москва). Железообработка в древнемонгольских городах . . 72
Мужухоев М. Б. (Грозный). Средневековые святилища Центрального Кавказа 81
Чернецов А. В. (Москва). О декоре купола Большого Сиона 1486 г. 97

Публикации

Трусов А. В. (Москва). Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) 110
Петрин В. Т. (Новосибирск). Писаница из окрестностей Свердловска 119
Синюк А. Т., Погорелов В. И. (Воронеж). Пасековский курганный могильник эпохи бронзы на Среднем Дону 124
Сорокина И. А. (Москва). Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье 136
Дьяков В. И. (Владивосток). Глиняное «зеркало» из Приморья 152
Галанина Л. К. (Ленинград). К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) 156
Сазанов А. В. (Москва). Топография Пантикапея I—IV вв. н. э. 166
Кутайсов В. А. (Симферополь). Дом с андроном из раскопок Керкинитиды . . 178
Айбабин А. И. (Севастополь). Погребение хазарского воина 191
Кузнецов В. А. (Орджоникидзе). Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска 29

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1985 г.

Гаврилина Л. М. (Москва). Кочевнические украшения X в. 214
Постикэ Г. И. (Кишинев). Глиняные котлы на территории Молдавии в раннесредневековый период 227
Макарова Т. И. (Москва). Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска 241

Заметки

Васильев С. А. (Ленинград). Клад каменных орудий из Майнинской палеолитической стоянки 247
Скорый С. А. (Киев). О скифском панцире из Артанда (Венгрия) 250
Чернопицкий М. П. (Ленинград). Курган с погребением «жрицы» на Кубани 251
Мкртычев Т. К. (Москва). К интерпретации терракоты из Сары-тепе II (Южный Согд) 255
Заднепровский Ю. А. (Ленинград). Уникальная находка из Южной Киргизии 258
Гришин Ю. С. (Москва). К вопросу о времени появления железа и местной его добыче на Верхней Лене (Прибайкалье) 260
Чалый В. В., **Фомичев Н. М.** (Азов). Древнерусская костяная бляшка из Азова 262
Кондратьева Е. В. (Ленинград). Новое о Никольской церкви Николо-Стороженского монастыря 264
Формозов А. А. (Москва). Документ по истории русской археологии начала XIX в. 267

Дискуссии

Матюхин А. Е. (Ленинград). О проблемах становления человека и общества 271
Черносвитов П. Ю. (Москва). Демографические и экологические процессы как факторы изменения археологических культур 285
Амброз А. К. (Москва). К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971—1984 гг.) 293

Критика и библиография

Борисковский П. И. (Ленинград). *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982 304
Антонова Е. В. (Москва). *Погожева А. П.* Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск, 1983 306

Хроника

Завьялов В. И., Ольховский В. С. (Москва). Конференция «Археологические источники и проблемы их интерпретации» (Москва, 1984) 311
Мунчаев Р. М., Гуляев В. И. (Москва). Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (Самарканд, 1983) 312
Пиотровский Б. Б., Иерусалимская А. А. (Ленинград). Памяти Алисы Владимировны Банк 316
Раппопорт П. А. (Ленинград). Памяти Анатолия Леопольдовича Якобсона . . 317

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 3
1985

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Lyubin V. P., Baryshnikov G. F., Chernyakhovsky G. A., Selivanova N. B., Levkovskaya G. M. (Leningrad). The Kudaro I Cave (an attempt at comprehensive approach) . . . 5
Koltsov L. V. (Moscow). On the Seasonal Use of Mesolithic Sites (on the materials of the Volga—Oka interfluve) . . . 25
Nikolova A. V., Rassamakin Yu. Ya. (Kiev). Late Aeneolithic Sites on the Right Bank of the Dnieper . . . 37
Pyatykh G. G. (Moscow). Some Problems of Historiography of the Origin of the Timber-Grave Culture . . . 57
Kyzlasov L. R. (Moscow). The Tagarsky Hand Grinder and Its Significance . . 65
Terekhova N. N. (Moscow). Ironworking in Early Mongolian Towns . . . 72
Muzhukhoev M. B. (Grozny). Mediaeval Sanctuaries of the Central Caucasus . . 81
Chernetsov A. V. (Moscow). On the Ornamentation of the Great Zion's Dome (1486) . . . 97

Publications

Trusov A. V. (Moscow). The Zaraisk Upper Palaeolithic Site (Preliminary report) 110
Petrin V. T. (Novosibirsk). Petroglyph from the Vicinities of Sverdlovsk . . . 119
Sinyuk A. T., Pogorelov V. I. (Voronezh). The Pasekovo Mound Burial Ground of the Bronze Epoch on the Middle Don . . . 124
Sorokina I. A. (Moscow). Burials of the Late Bronze Epoch in the Lower Kuban Area . . . 136
Dyakov V. I. (Vladivostok). A Clay «Mirror» from the Maritime Area (Far East) 152
Galanina L. K. (Leningrad). On the Problem of the Relations Between the Scythians and the Meotes . . . 156
Sazanov A. V. (Moscow). Topography of Panticapaeum of the 1st—4th Centuries A. D. . . . 166
Kutaisov V. A. (Simferopol). A House with an Andron from Cercinitis 178
Aibabin A. I. (Sevastopol). A Burial of a Khazar Warrior 191
Kuznetsov V. A. (Orjonikidze). An 8th Century Memorial Complex from Kislovodsk Environs . . . 206
Gavrilina L. M. (Moscow). Nomad Ornaments of the 10th Century 214
Postike G. I. (Kishinev). Clay Cauldrons on the Moldavian Territory in the Early Middle Ages . . . 227
Makarova T. I. (Moscow). Two Cloisonné Objects from Novgorod and Smolensk 241

Notes

Vasiliev S. A. (Leningrad). A Hoard of Stone Implements from the Mainino Palaeolithic Site . . . 247
Skory S. A. (Kiev). On the Scythian Armour from Artand (Hungary) 250
Chernopitsky M. P. (Leningrad). A Mound with a Priestess' Burial on the Kuban River . . . 251
Mkrtychev T. K. (Moscow). On the Interpretation of Terracotta from Sary-Tepe II (South Sogdiana) . . . 255
Zadneprovsky Yu. A. (Leningrad). A Unique Find from Southern Kirghizia . . 258
Grishin Yu. S. (Moscow). On the First Use of Iron and Its Local Mining on the Upper Lena River (the Baikal Area) . . . 260
Chaly V. V., Fomichev N. M. (Azov). An Old Russian Bone Plate from Azov . . 262
Kondratyeva E. V. (Leningrad). New Facts About St. Nicholas Church of the Nikolo-Storozhensky Monastery . . . 264
Formozov A. A. (Moscow). Documents on the History of Early 19th-Century Russian Archaeology . . . 267

Discussions

Matyukhin A. E. (Leningrad). On the Problems of Emergence of Man and Society 271
Chernosvitov P. Yu. (Moscow). Demographic and Ecological Impact on Archaeological Cultures 285
Ambroz A. K. (Moscow). On the Results of the Discussion on the Archaeology of the Hun Epoch in the East European Steppes (1971—1984) 293

Book Reviews and Bibliography

Boriskovsky P. I. (Leningrad). *Arutyunov S. A., Krupnik I. I., Chlenov M. A.* «The Whales' Alley». Antiquities from the Islands in the Senyavin Strait, Moscow, 1982 304
Antonova E. V. (Moscow). *Pogozheva A. P.* Tripolye Anthropomorphic Plastics, Novosibirsk, 1983 306

Chronicle

Zavyalov V. I., Olkhovsky V. S. (Moscow). Archaeological Sources and Problems of Their Interpretation Conference (Moscow, 1984) 311
Munchaev R. M., Gulyaev V. I. (Moscow). The Second Soviet-American Symposium on the Archaeology of the Near East and Central Asia (Samarkand, 1983) 312
Piotrovsky B. B., Ierusalimskaya A. A. (Leningrad). In Memory of A. V. Bank 316
Rappoport P. A. (Leningrad). In Memory of A. L. Yakobson 317

ЛЮБИН В. П., БАРЫШНИКОВ Г. Ф., ЧЕРНЯХОВСКИЙ Г. А.,
СЕЛИВАНОВА Н. Б., ЛЕВКОВСКАЯ Г. М.

ПЕЩЕРА КУДАРО I

(опыт комплексного исследования)

Пещера Кударо I, подобно другим кударским пещерным стоянкам (Кударо II—V), находится на Большом Кавказе, в центральной части его южного склона, на северо-востоке Колхиды (Юго-Осетинская АО ГССР). Она располагается в пределах Нижнерачинской межгорной широтной впадины, заключенной между Главным Кавказским и Рачинским хребтами и прорезаемой по оси р. Джоджори (левый приток р. Риони). Пещеры размещаются компактной группой на южном обрыве Часавальской горы, в среднем течении р. Джоджори, близ верхней границы горно-лесного пояса. Кударо I находится на высоте 1600 м над уровнем моря, 260 м над уровнем реки (рис. 1).

Кударо I—V открыты Ленинградским отрядом Юго-Осетинской экспедиции АН ГССР в 1955 г. [1]. Раскопки Кударо I производились отрядом в 1956—1959, 1961, 1978, 1980, 1983 гг.; вскрыто около 100 м^2 площади пещеры, полностью раскопаны восточная галерея и центральная камера, частично — южная и темная галереи.

Геология и геоморфология. Бассейн р. Джоджори обладает сложным рельефом: здесь распространены гребни и долины, отдельные вершины и впадины; водоразделы округлой формы перемежаются с зубчатыми известняковыми кряжами; глубина расчленения достигает 1500—2000 м; ряд вершин выступает за пределы горно-лесного ландшафта, что обусловливает мозаичное размещение участков горно-лесной и горно-луговой зон.

Сложность рельефа объясняется также тектоническими нарушениями, пестрым составом пород (юрские порфириты и сланцы, юрские меловые и сарматские известняки, третичные и четвертичные конгломераты, песчаники и лавы), частыми сменами разных свит, ледниковыми и карстовыми явлениями.

Тектоника района представляется достаточно сложной. Вытянутость гребней и впадин здесь имеет общекавказское простирание, но отмечается ряд крупных тектонических нарушений. Основная тектоническая линия отграничивает северо-восточную сланцевую часть района от юго-западной порфиритовой и известняковой. За четвертичное время местность испытала поднятие предположительно на 200—700 м.

Тесная долина р. Джоджори заключена в довольно крутых берегах, но близ Часавальской горы расширяется до 0,5 км. Сильная разработанность долины связана здесь с размывом податливых юрских и меловых пород.

С древним оледенением в данном районе связывают древнеледниковые формы рельефа (карры, морены, выносы) в восточной части Рачинского хребта и остатки конечной морены долинного (вюрмского?) ледника, оканчивающегося на высоте 1500 м, в 4 км выше по реке от Часавальской горы [2—4].

Часавальский и соседний известняковые массивы отличаются исключительно интенсивной закарстованностью: известняки прокарстованы вплоть до подстилающих их водоупорных юрских порфиритов; плотность и густота карстовых полостей здесь являются максимальными для всего южного известнякового склона Большого Кавказа. Кударские пещеры выработаны в результате взаимодействия тектонических, карстовых и

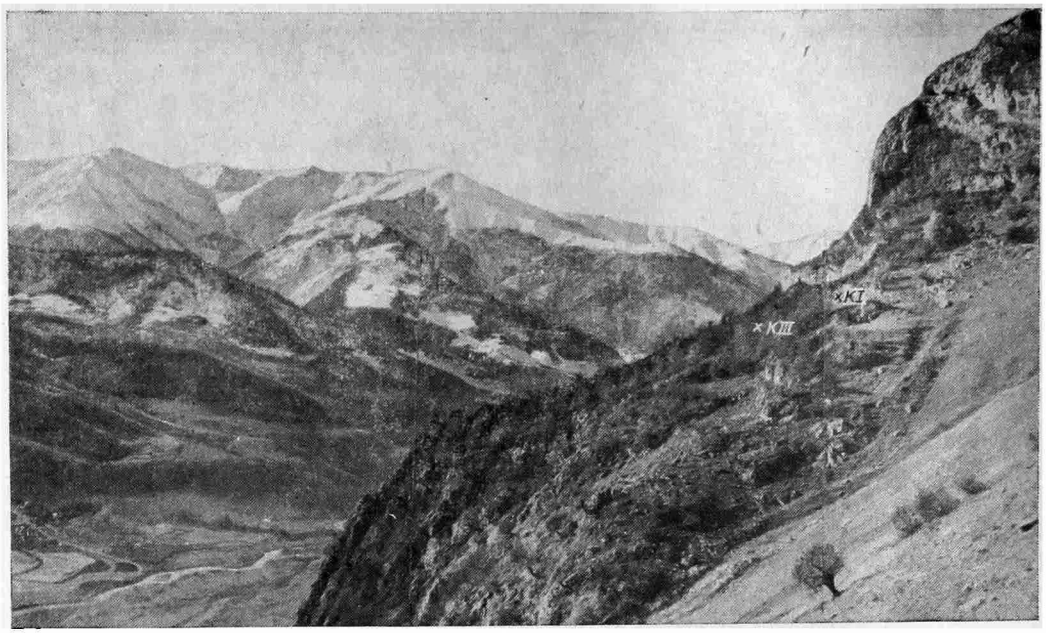


Рис. 1. Долина р. Джоджори. Склон Часавальской горы с кударскими пещерами (отмечены крестиками). В глубине — Рачинский хребет (после первых снегопадов в ноябре)

гравитационных явлений, процессов эрозии, коррозии и механического выветривания. Они располагаются компактно, в виде шестиярусной пещерной системы, взаимопараллельное расположение ярусов которой свидетельствует об одном и том же водотоке и единой системе тектонических трещин [5].

Генетическое единство пещер удостоверяется также их морфологической близостью, сходными топографическими позициями и условиями осадконакопления. Пещеры являются горизонтальными, галерейными, почти лишенными ответвлений. Они располагаются на крутом склоне, в ложбине, между двумя скальными отвершками. Кударские пещеры имеют южную экспозицию, арочные своды, разрушенные древние устьевые части; перекрыты толщами известняков, достаточными для защиты от внешних воздействий (современные сезонные изменения климата вызывают, однако, их большее или меньшее увлажнение); содержат в общем близкие колонки литологических и культурных напластований; характеризуются значительной фациальной изменчивостью отложений.

Наряду с этим отдельные ярусы пещер имеют свои особенности образования и заполнения осадками, вызванные местными условиями трещиноватости и карстования пород, водообильности и разгрузки карстовых вод, объема поступающего терригенного материала и т. д. Особенности эти определили известные морфологические и климатические различия кударских пещер, степень их заполнения осадками и представленности тех или иных горизонтов.

Пещера Кударо I находится в шестом (верхнем) ярусе, имеет длину более 50 м и состоит из трех галерей (8-метровой восточной, 11-метровой южной и 25-метровой северо-западной), лучеобразно сходящихся в просторной центральной камере.

Стратиграфия и литология[1]. Колонка культурных напластований в Кударо I отражает четыре этапа заселения (снизу вверх): 1) ашельский — слой 5; 2) мустьерский — слои 4 и 3; 3) финально-позднепалеолитический — слой 2; 4) энеолитический и более позднего времени — слой 1. Ашельские слои подстилает археологически стерильная пещерная глина — слой 6. Этапы эти совпадают с четырьмя циклами

[1] По данным полевых наблюдений В. П. Любина, А. Г. Черняховского и лабораторных исследований А. Г. Черняховского, Н. В. Ренгартен.

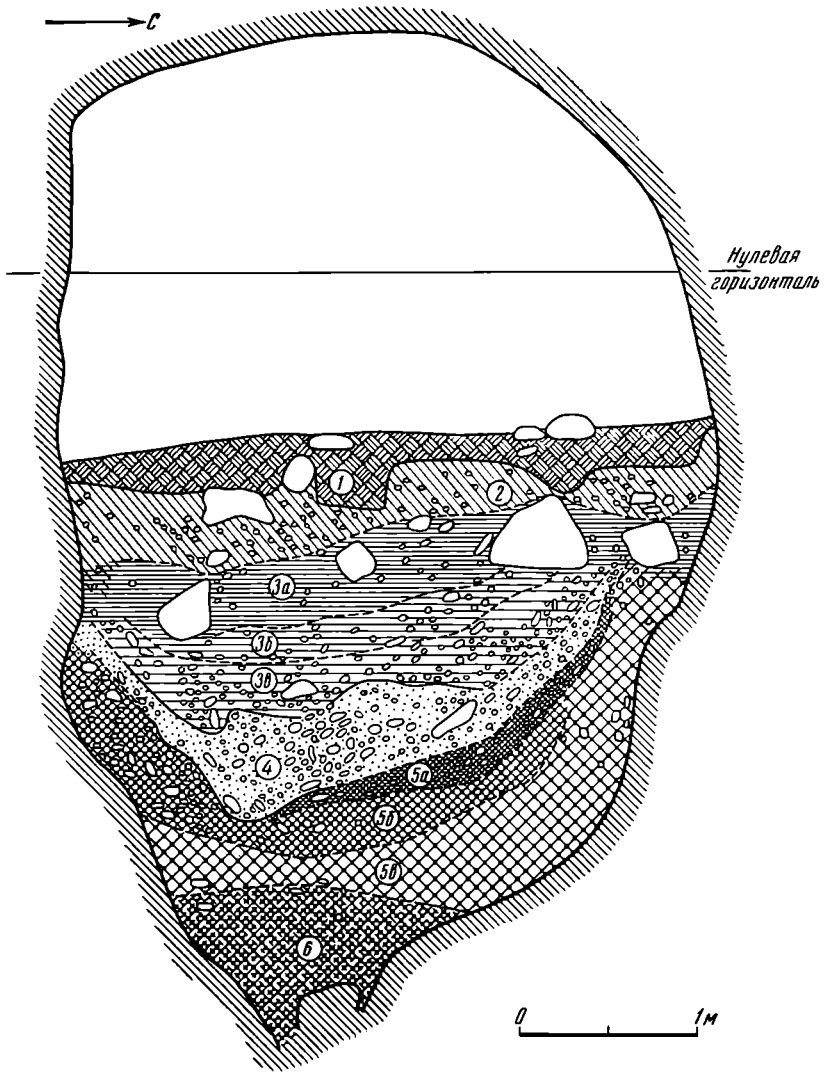


Рис. 2. Пещера Кударо I. Поперечный разрез отложений западной части восточной галереи (слои 1—6)

накопления осадков (соответственно древний — довюрмский, вюрмский, финально-вюрмский и позднеголоценовый), что, по всей вероятности, связано с палеогеографической и экологической обстановкой в горах в течение среднего и верхнего плейстоцена. В толще отложений имеются значительные стратиграфические лакуны, обусловленные явлениями эрозии (вынос части осадков) и угасания процессов седиментации в периоды похолодания. Явления эрозии вызвали также переотложение части культурных остатков, изменение внешней среды — различный характер заселения пещеры человеком и оставление ее во времена неблагоприятного климата. Мощность отложений в Кударо I достигает 4—5 м.

Наиболее отчетливая и полная колонка литологических и культурных отложений сохранилась в восточной галерее. Из отмеченных здесь 10 литологических горизонтов три (5а, б, в) образуют ашельский культурный слой, четыре (4, 3а, б, в) — мустьерский (рис. 2). Отложения галереи характеризуют: а) провисание слоев, их резкое падение от стен галереи к ее центру; б) наличие карманов — эрозионных врезов в кровли нижележащих слоев [6, рис. 1]; в) несогласное залегание ряда горизонтов; г) фациальная изменчивость синхронных отложений в направлении от устья галереи к ее дальней части; д) локальное распространение некоторых горизонтов, линз, сталагмитовых покровов.

В восточной галерее разрез имеет следующее строение (сверху вниз).

Слой 1. Суглинок черный комковатый с редким угловатым щебнем и глыбами известняка (в песчано-алевритовой составляющей породы находятся зерна кварца, полевых шпатов и зеленокаменноизмененных вулканитов). Основная масса образована пелитоморфным глинисто-известковистым веществом. Содержит очаги, обломки глиняных сосудов, кости домашних и диких животных, единичные каменные орудия от средневековья до энеолита. Мощность 0,12—0,40 м.

Слой 2. Суглинок палево-серый пористый (с обломками фосфатов, угловатыми гравийными, песчаными и алевритовыми частицами известняка и обломками минералов, таких, как в слое 1), с большим количеством остроугольного щебня и более крупных обломков. Содержит немногочисленные кремневые орудия конца позднего палеолита — мезолита. Мощность 0,05—0,50 м.

Слой 3 с горизонтами 3а, 3б и 3в. Суглинок пористый, палево-белесый (3а), серовато-бурый (3б, 3в) глинистый, Местами отмечаются хлопьевидные сгустки, журавчики и прожилки кальцита. Количество щебня возрастает сверху вниз и к стенкам пещеры. Наиболее крупный и выветрелый щебень встречен в слое 3в. Содержит мустьерские каменные орудия, скопления костей крупных животных, лосося и грызунов. Мощность 0,25—1 м.

Слой 4. Суглинок белесо-серый, глинистый, с многочисленными мелкими карбонатными стяжениями. В основную глинистую массу погружены алевритовые частицы того же состава, что и во всех вышележащих слоях, фосфатные комочки (катуны песчаного размера, сходные с веществом слоя 5а) и фрагменты костей. В устье галереи слой пронизан пятью сталагмитовыми (фосфоритово-известняковистыми) покровами толщиной до 2—3 см. В 5 м от входа сталагмитовые покровы выклиниваются и слой переполняется оглаженными обломками известняка и сталактитов. В начале формирования слоя произошел размыв кровли ашельских отложений. Слой содержит мустьерские каменные орудия [2], скопления костей крупных млекопитающих, грызунов и лосося. Мощность 0,15—0,65 м.

Слой 5, горизонт 5а. Суглинок желтовато-серый, с серо-зеленоватыми прослойками, уплотненный, глинистый. Содержит значительное количество обломков слабо корродированного известняка. Глинистое вещество цементирует глинисто-фосфатные комочки слоя 5в, алевритовые частицы перечисленных выше минералов и костный детрит. В приустьевой части галереи и кровле слоя наблюдается повышенная гумусированность, комковатая структура, железисто-марганцевые стяжения и фитопористость. По мнению Н. В. Ренгартен, эти признаки обусловлены древним почвообразованием. Почва, очевидно, фиксирует самый длительный перерыв в осадконакоплении, последовавший за периодом размыва и переотложения подстилающих осадков. Содержит ашельские каменные орудия, кости животных. Мощность 0—0,2 м.

Горизонт 5б. Суглинок светло-палевый, уплотненный, глинистый, с небольшим количеством оглаженного слабо корродированного известняка. Глинистое вещество цементирует глинисто-фосфатные комочки слоя 5в, алевритовые частицы перечисленных выше минералов и костный детрит. Содержит ашельские каменные орудия, кости животных. Мощность 0,1—0,4 м.

Горизонт 5в. Суглинок желто-бурый, местами каменистый в результате сильной фосфатизации. Сложен плотными ореховатыми отдельностями с марганцовистыми пленками на их плоскостях. Известняковый щебень сильно корродирован. Содержит ашельские каменные орудия, кости животных. Мощность 0,2—0,6 м.

Слой 6. Коричневато-желтая (в верхней части фосфатизованная) придонная песчанистая глина или глинистый алеврит с хорошо выраженной комковатой отдельностью. Кровля слоя размыта (карманы). Археологически стерилен. Мощность 0,6—1,0 м.

[2] В глубине пещера (темная галерея), где кровля слоя 5 претерпела большой размыв, содержит также значительное количество ашельских орудий.

По данным палеомагнитных определений верхние слои показали прямую намагниченность, слой 6 — обратную.

Часавальская гора сложена массивными рифовыми известняками. Количество нерастворимого остатка в этих известняках настолько ничтожно (0,3—0,7%), что он не может быть основным источником глинистой и песчано-алевритовой составляющей пещерных отложений. Минералогический анализ удостоверяет, что в отложениях начального этапа заполнения пещеры (стерильный слой 6) абсолютно преобладает аллохтонный материал. Аллохтонное происхождение имеет и подавляющая часть алюмосиликатной кластики и глинистого цемента во всех других слоях. Можно предположить, что этот материал поступал в пещеру по системе водопоглощающих каналов типа понор, воронок и шахт, расположенных в урочище Учелет у северного подножия Часавальской горы, вследствие выветривания и размыва известковистых аргиллитов и алевролитов, перекрывающих массивные карстующиеся известняки. Состав этих отложений в общих чертах соответствует составу алюмосиликатной песчано-алевритовой составляющей пещерных отложений.

Специфика горизонта 5в и других перекрывающих его уровней заключается в том, что в период их образования в пещеру начинает поступать огромное количество органического материала, в значительной мере антропогенного происхождения, который, видимо, послужил источником фосфатной минерализации.

Фауна[3]. В отложениях кударских пещер встречены костные остатки около 90 видов плейстоценовых животных [6—8]. В восточной галерее и центральной камере пещеры Кударо I, в частности, найдены кости крупных млекопитающих 31 вида, грызунов — 16, птиц — 31, рыб — 1 и рукокрылых — 4 видов.

Степень раздробленности костей в ашельских слоях в 2 раза выше, чем в мустьерских. Неодинаков и набор костей крупных животных в ашельских и мустьерских слоях. Для ашельских характерно малое количество обломков позвонков и ребер и большое количество мелких костей конечностей (метаподий, фаланг, сесамовидных и др.), для мустьерских — большое количество костей туловища и заметно меньшее количество костей конечностей. Многие кости в мустьерских слоях погрызены крупными хищниками, в ашельских — дикобразами. Различия эти могут быть объяснены археологическими свидетельствами: в ашельское время в пещере существовали в основном долговременные поселения, в мустьерское — временные охотничьи лагеря (костные остатки в мустьерских слоях отражают в известной мере естественные тафоценозы).

Изменение состава и численности остатков зверей по слоям показывает, что пещеры располагались последовательно в разных высотных поясах [7—9]. Для нижних горизонтов ашельского слоя 5 характерны макак, пещерный медведь, леопард, носорог южного типа, гигантский олень, что говорит о теплом климате и открытых ландшафтах саванного облика. Фауна верхней части ашельского слоя и нижнего мустьерского слоя фиксирует несколько фаз колебаний климата. Более холодным и безлесным свойственны сурок, серый хомячок, средние хомяки, прометеева и снеговая полевки, кавказский козел, баран типа аргали; более теплым и лесным — соня-полчок, бобр, дикобраз, бурый медведь, пещерный медведь, лесной кот, носорог, благородный олень, косуля, лось. В отложениях мустьерской эпохи можно выделить очень холодную фазу на границе третьего и четвертого слоев — максимум остатков прометеевой, снеговой

---

[3] Изучением фауны кударских пещер занимался коллектив исследователей. Крупные млекопитающие были определены Н. К. Верещагиным, Г. Ф. Барышниковым, грызуны — И. М. Громовым, В. А. Фокановым, Г. Ф. Барышниковым, Г. И. Барановой, птицы — Н. И. Бурчак-Абрамовичем, Г. О. Черепановым, рукокрылые — Д. В. Гаджиевым, земноводные и пресмыкающиеся — И. С. Даревским, рыбы — Е. А. Цепкиным. Начиная с 1974 г., работы эти (как в поле, так и в камеральных условиях) ведутся под руководством и при непосредственном участии Г. Ф. Барышникова (Зоологический институт АН СССР, Ленинград).

и обыкновенной полевок, красного волка, козла, при одновременном уменьшении относительной численности остатков благородного оленя и косули. Пещеры располагались, видимо, в поясе субальпийских и альпийских лугов. Средняя часть толщи слоя 3 характеризуется умеренно теплым климатом и развитием лесов (присутствие дикобраза Виноградова, лесного кота). Остатки зверей из верхней части слоя 3 вновь указывают на снижение границ поясов (увеличение доли костей прометеевой и снеговой полевок, козла) и проникновение сюда степных элементов — малоазиатского тушканчика, обыкновенного хомяка, перевязки. В отложениях современной эпохи доминируют остатки сони-полчка, лесной мыши, барсука, оленя и других видов зверей широколиственного леса.

Особый интерес представляют изменения количественных соотношений остатков основных промысловых животных — пещерного медведя, благородного оленя и кавказского козла. Остатки пещерного медведя в ашельских слоях Кударо I составляют 74,6—84,5% всех костных находок, в мустьерских — 29,1—48,8%. Количество же остатков оленя и козла изменяется в обратной пропорции: в ашельских слоях их мало (до 10—15%), в мустьерских — достигает 30—45%, при этом в ашельское время в составе названных травоядных преобладает олень (обитатель лесных биоценозов), в мустьерское — козел (житель преимущественно субальпийского и альпийского поясов).

Фрагментарность костного материала затрудняет морфологическое изучение плейстоценовых зверей. Серия из четырех черепов пещерного медведя из мустьерских слоев пещеры Кударо III и набор более чем 200 его предкоренных и коренных зубов из разных слоев обеих пещер показали, что кавказские пещерные медведи по пропорциям черепа (меньшая его вытянутость, большая высота), меньшей выпуклости нижнего края нижней челюсти, архаичным признакам в строении зубов — более островершинный характер главных и меньшее развитие дополнительных бугорков, расположение протокона на P^4, отсутствие выраженного гипоконида на P_4 и т. д. [10] — отличаются от пещерных медведей Западной и Восточной Европы и могут быть выделены в особый подвид Ursus spelaeus kudarensis Baryshnikov (голотип — осевой череп самца, пещера Кударо III, мустье, слой 4, горизонт 4, раскопки В. П. Любина, 1959 г.; колл. Зоологического института АН СССР, Ленинград, № 31260).

Раскопки пещеры Кударо I в 1978, 1980 гг. доставили палеозоологические находки, представляющие большое значение для определения возраста ашельских культурных слоев кударских пещер. В базальном ашельском слое (5в) были обнаружены два предкоренных зуба макака (Macaca cf. sylvana L.) и впервые — более диагностичные остатки пещерного медведя и носорога. Остатки пещерного медведя (горизонт 2 — 3 слоя 5в) представлены фрагментом носовой части черепа с обоими рядами верхнекоренных зубов; морфологические особенности их позволили сблизить эту ашельскую форму с медведем Денингера (Ursus deningeri Reich.). Остатки носорога включали левую нижнечелюстную ветвь с молочными P_2—P_4, молочный и постоянный P_4 (горизонт 4), метаподию и пяточную кость (горизонты 3 и 2). Молочные зубы трудны для определения, и обработка этих материалов ведется Г. Ф. Барышниковым совместно с К. Гереном (Лионский университет, Франция). Находки отнесены к поздней форме этрусского носорога Dicerorhinus etruscus brachycephalus Schroeder. Профиль складчатости эмали на лабиальной стороне P_4 подобен таковому у D. etruscus brachycephalus. У D. mercki профиль более ровный, а у D. hemitoechus Falc. складчатость выражена сильнее [11, рис. 86, 87].

Общий список териофауны ашельского слоя 5в пещеры Кударо I насчитывает к настоящему времени 19 видов: Primates: Macaca cf. sylvana L.; Rodentia: Hystrix sp., Cricetulus cf. argyropuloi J. Grom., Mesocricetus planicola Argyr., Prometheomys schaposchnikovi Satun., Pitymys cf. majori Thom., Microtus ex gr. arvalis L.; Carnivora: Canis cf. etruscus F. Major, Ursus cf. thibitanus Cuv., Ursus deningeri Reich., Martes sp., Meles cf. meles L., Panthera spelaea Goldf., Panthera pardus L.; Perissodactyla: Dice-

Таблица 1

Растительность и климат Кударского района Кавказа в ашельскую эпоху (по палинологическим данным, полученным для пещерной стоянки Кударо I)

Слой	Фаза	Характеристика фаз	Аналоги в современной растительности	Климат
5а	VI	Угнетенные леса из Pinus. Деревья (Picea, Abies, Pinus, Corylus, редкие Fagus, Tilia) продуцируют уродливую пыльцу	Верхний предел древесной растительности	Умеренно холодный, холоднее современного
	VII (4-й оптимум)	Леса из Picea с примесью Abies, реже леса из Pinus. Изредка Cedrus, Fagus, Carpinus, Juglans, Acer. В водоемах — Osmunda regalis	Пояс среднегорных (темнохвойных) лесов Южной Осетии	Умеренный, теплый, напоминает современный, но несколько теплее
	VIII	Субальпийские луга. Доминируют Gramineae, Varia; встречаются Woodsia alpina, Selaginella selaginoides, Lycopodium clavatum. В начале этапа росли Picea, Abies, Betula sect. Albae, Betula costata, Ostrya, Larix, Fagus	Субальпийский пояс	Холодный, влажный
5б	IXa (3-й оптимум или конец 2-го)	Сочетание безлесных формаций, ксерофильных редколесий и лесов из Pinus, Juniperus, Carpinus orientalis, Ostrya. Встречается Celtis sp. Безлесные формации более ксерофильны, чем в фазу IX (господствуют Gramineae, Asteraceae, Chenopodiaceae)	Лесостепной пояс ксерофильных районов Кавказа	Аридный (суше, но не холоднее современного)
	IX (2-й оптимум)	Господствует лесная растительность. Леса из Pterocarya, различных широколиственных пород: Ulmus, Fagus, Tilia, Acer, Castanea, Juglans regia, Moraceae, Fraxinus, Corylus (двух видов) и леса из Pinus. В лесах изредка Ilex, два вида Picea. На лугах – Cyperaceae, Gramineae, Varia	Пояс низовых и низкогорных лесов колхидского типа	Очень теплый, влажный, субтропический
5в	Xa	Условия неблагоприятные для продуцирования пыльцы растениями или ее сохранения в почве. Изредка Salix, Juniperus, Woodsia		Холодный (?)
	X (1-й оптимум)	Сочетание лесных и безлесных формаций. Леса из Pinus (три вида), широколиственных древесных пород: Quercus, Fagus, Ulmus, Zelcova, Juglans, Carpinus, Ostrya, Moraceae, Corylus, Celtis. Изредка: Tsuga, Cedrus, Glyptostrobus, Juniperus, Taxus, Taxodiaceae-Cupressaceae, cf. Parrotia, Pistaceae Безлесные формации ксерофильны. Доминируют Asteraceae, Gramineae; встречаются Cousinia, Acantholimon, Ephedra	Лесостепь с элементами саванны	Очень теплый, суше, чем в фазу IX

Примечание. В настоящее время район расположен в верхней части лесного пояса гор. Он относится к северо-восточной оконечности Колхидской ботанико-географической подпровинции с влажным субтропическим климатом.

rorhinus etruscus brachycephalus Schroeder; Atriodactyla: Cervus cf. elaphus L., Bison sp., Carpa caucasica Güld et Pall., Ovis cf. ammon L.

Экологический облик зверей эпохи накопления базальной части ашельских отложений (слой 5в) в Кударо I указывает на лесостепные или саванноподобные ландшафты и теплый климат. В кровле слоя 5в палеотериологические материалы как будто улавливают похолодание и снижение границ высотных поясов Кавказа. Пещера располагалась в субальпийском поясе. Здесь найдены остатки горно-луговых видов млекопитающих и птиц: сурка кавказского (Marmota paleocaucasica Baryshn.), прометеевой полевки, снеговой полевки (Chionomys gud Satun.), кавказского тетерева (Lyrurus mlokosiewiczi Tacz.).

Слой 5б по материалам Г. М. Левковской [9, с. 135] характеризуется пыльцой влажных широколиственных лесов колхидского типа. Остатки млекопитающих принадлежат 22 видам: Lagomorpha: Lepus cf. europaeus Pall.; Rodentia: Castor fiber L., Hystrix cf. hirsutirostris Brandt, Glis glis L., Cricetulus cf. argyropuloi J. Grom., Cricetulus migratorius Pall., Mesocricetus planicola Argyr.; Carnivora: Canis lupus L., Canis cf. lupus L., Vulpes vulpes L., Ursus cf. spelaeus Rosènm. et Hein., Ursus arctos L., Martes sp., Meles meles L., Panthera pardus L., Panthera spelaea Goldf.; Perissodactyla: Dicerorhinus sp.; Artiodactyla: Cervus elaphus binagadensis Alekp., Capreolus capreolus L., Megaceros sp., Bison sp., Carpa caucasica Güld. et Pall.

Носорог, вероятно, близок к носорогу Мерка, но более точное определение невозможно. Присутствие лесных (бобр, соня-полчок, косуля) и теплолюбивых (крупный дикобраз) видов зверей согласуется с палинологическими данными о межледниковом характере фазы. Вышележащий слой 5а по палеозоологическим и палеоботаническим данным приходится на холодную эпоху оледенения.

Палинологическая характеристика[4]. В настоящее время пещеры расположены в верхней части лесного пояса гор. По современному геоботаническому районированию [12, с. 13, табл. 2, с. 16, рис. 4] это северо-восточная окраина Колхидской ботанико-географической подпровинции евксинской провинции европейской широколиственной области. Наиболее важные сведения о современной местной флоре и растительности приведены в ряде работ [13—16]. Климат, растительность и флора прошлого отличались от современных (табл. 1).

На сводной спорово-пыльцевой диаграмме отложений, вскрытых в пещерах (рис. 3), выделяется 14 палинозон и ряд палиноподзон. Их характеристика (кроме Ха и IXа) опубликована [8, 9]. По палинологическим данным реконструируется 14 фаз в развитии растительности и климата плейстоцена и голоцена. Климатические показатели для фаз, растительность которых сходна с современной растительностью определенных климатических районов Кавказа, приведены на рис. 4.

Стерильному слою 6, подстилающему ашельскую толщу, соответствуют фазы XII, XI; ашельскому слою 5 — фазы: X, Ха (5а); IX, IXа (5б); VIII, VII, VI (5а); мустьерскому слою 4 — фазы V, IV; мустьерскому слою 3 — фаза III; финально-палеолитическому — мезолитическому слою 2 — фазы II и I; современному этапу (рецентный спектр) — фаза 0.

Описание семи ашельских фаз дано в табл. 1. В ашеле отмечалось чередование этапов улучшения климата (фазы, X, IX, IXа (?), VII) и его ухудшения (фазы Ха, VIII, VI). В фазы улучшения климата флора была богаче, отмечалось смещение границ растительных поясов вверх, изменение провинциальных особенностей растительности.

Ранний оптимум (низы 5в, зона X) очень теплый и сухой. Отличается от последующих более частыми находками экзотов (табл. 1). Безлесные формации занимают значительные площади. Они ксерофильны. Древесная растительность разнообразна по экологии и составу. Лесные формации не имеют аналогов в современной растительности Кавказа. В хвойно-широколиственных лесах господствовала сосна (три вида),

[4] По данным Г. М. Левковской.

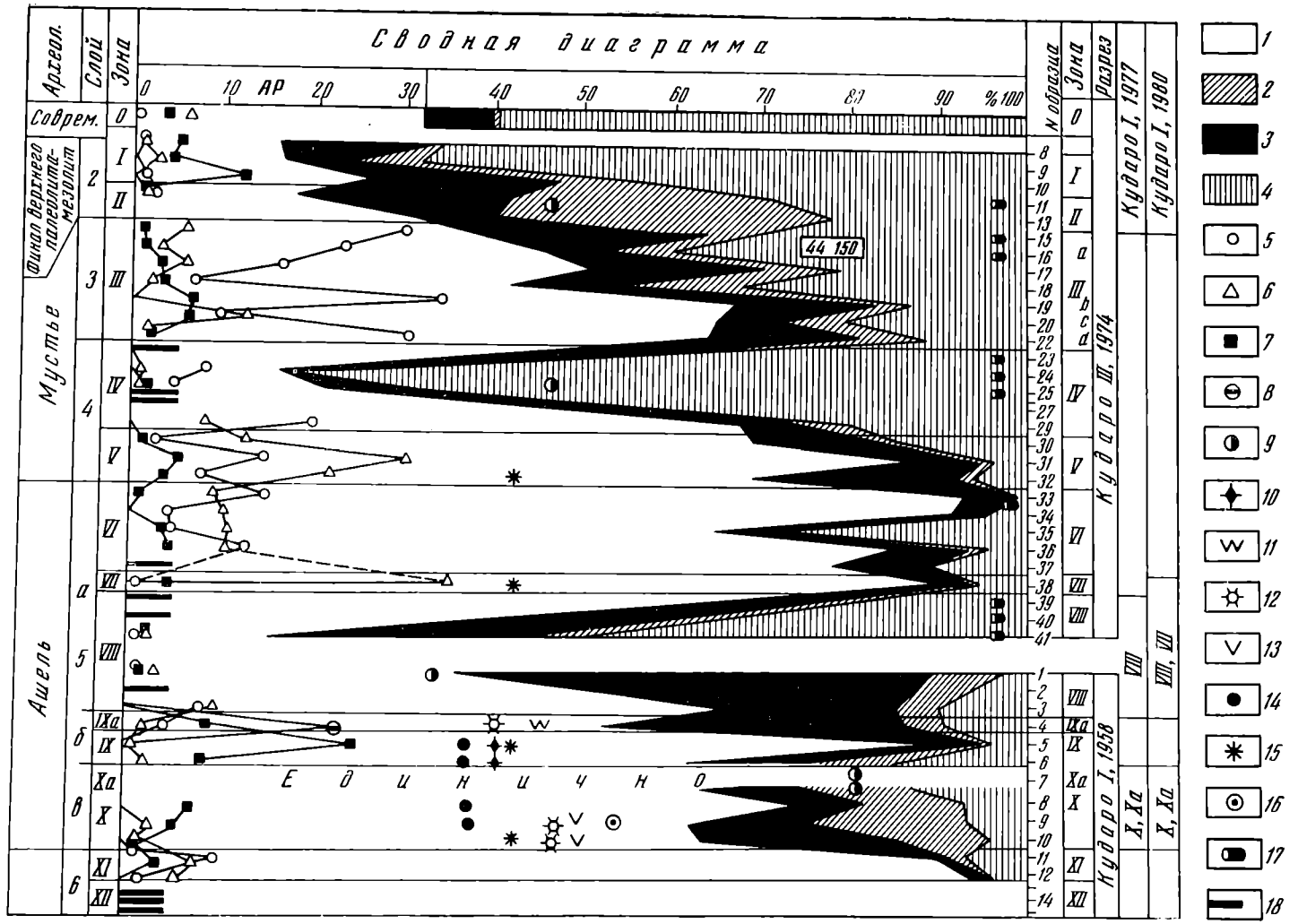


Рис. 3. Сводная спорово-пыльцевая диаграмма разрезов кударских пещер. *1—8* — процентное соотношение наиболее показательных компонентов:

1 — сумма пыльцы древесных пород (AP), среди пыльцы древесных пород господствует пыльца сосны (бо́льшая часть белого поля AP); *2* — сумма пыльцы ксерофильных травяно-кустарничковых растений; *3* — сумма пыльцы прочих травяно-кустарничковых растений; *4* — сумма спор; *5* — Betula sp. (в настоящее время растет на Кавказе у верхней границы лесного пояса); *6* — Picea sp. + Abies sp. (сейчас темнохвойные леса характерны на Кавказе для верхней части лесного пояса); *7* — сумма пыльцы широколиственных древесных пород; *8* — сумма пыльцы растений, образующих на Кавказе ксерофильные леса и редколесья. *9—12* — находки индикаторных форм: *9* — Woodsia alpina (альпийско-субальпийский вид); *10* — Pterocarya pterocarpa (сейчас в Колхиде характерна лишь для влажных низовых лесов); *11* — Ostrya carpinifolia (встречается в виде примеси в широколиственных лесах, но самостоятельные ценозы образует в верхнем лесном поясе лишь в Мегрелии и некоторых районах Средиземноморья); *12* — Celtis sp. (характерен для каменистых и сухих склонов гор). *13—16* — находки пыльцы экзотических растений, в настоящее время отсутствующих в колхидской ботанико-географической провинции Кавказа, к которой относится район исследований, или встречающихся здесь лишь в культурных насаждениях): *13* — Tsuga sp.; *14* — Taxodiaceae-Cupressaceae; *15* — Juglans sp.; *16* — Parrotia sp. *17* — скопления остатков древесных углей в поле зрения микроскопа; *18* — образцы, слабо насыщенные пыльцой и спорами

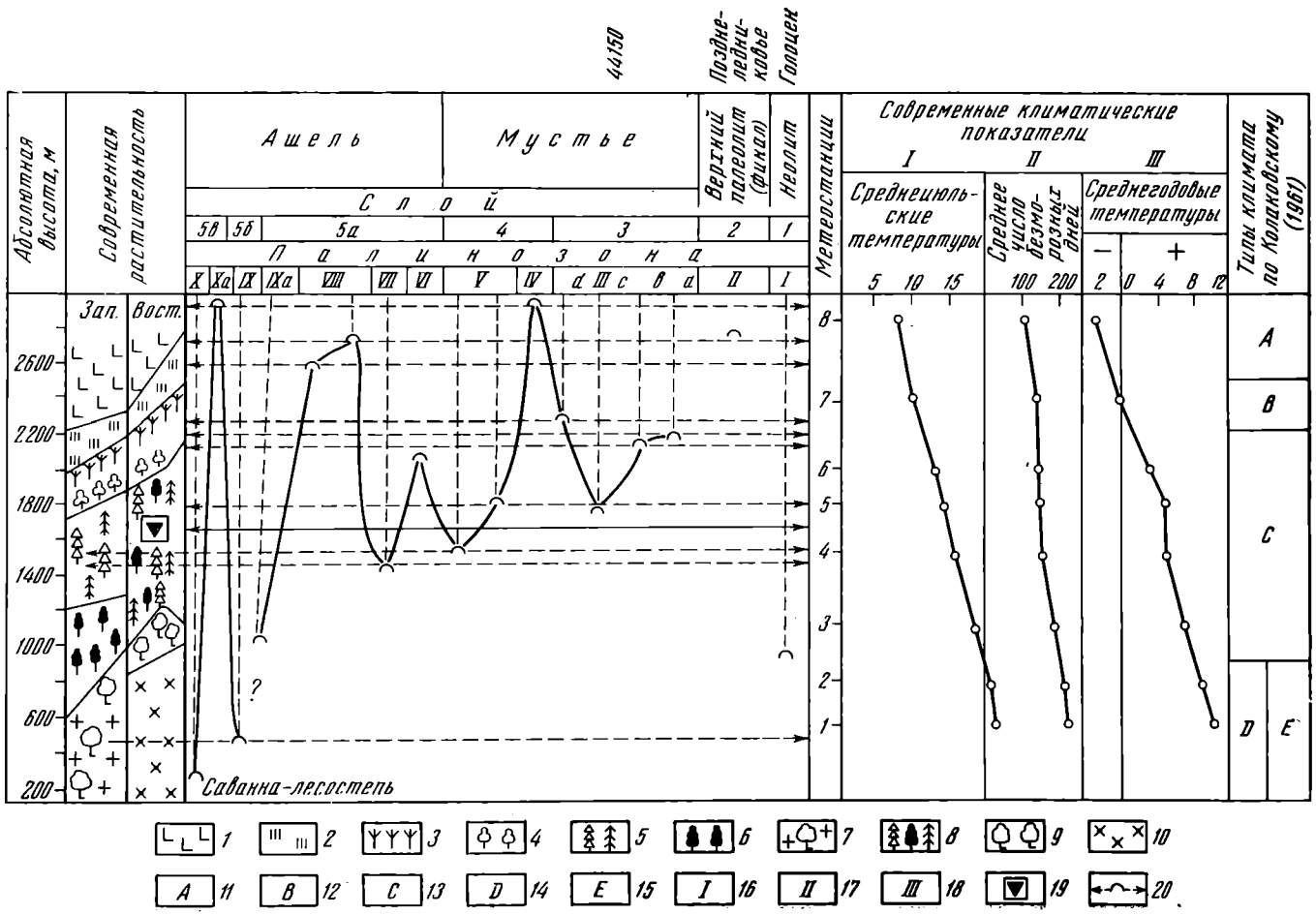


Рис. 4. Динамика растительности и климата в Кударском районе в различные этапы плейстоцена и голоцена. Современные вертикальные растительные пояса западной (Зап.) и восточной (Вост.) частей колхидской ботанико-географической подпровинции:

1 — альпийские луга; *2* — субальпийские луга; *3* — заросли рододендрона и субальпийское высокотравье; *4* — субальпийские березняки; *5* — леса из Abies nordmanniana-Picea orientalis; *6* — евксинские леса из Fagus orientalis; *7* — евксинские смешанные широколиственные леса (колхидские леса с вечнозеленым подлеском); *8* — полидоминантные леса из Fagus, Carpinus, Picea, Abies, Pinus; *9* — обедненные леса колхидского типа с господством Quercus; *10* — предгорные леса на степных почвах с господством Quercus.

Типы климата (по Колаковскому [15] и др.): *11* — альпийский; *12* — субальпийский; *13* — умеренный; *14* — влажный субтропический (колхидский); *15* — субтропический средиземноморский. Климатические показатели современных растительных поясов по данным некоторых метеостанций: *16* — среднеиюльские температуры; *17* — среднее число безморозных дней; *18* — среднегодовые температуры; *19* — современное положение кударских пещер; *20* — реконструируемые растительные и климатические пояса (климатические реконструкции для этапов X, IXa и II не приводятся, так как они не имеют аналогов в современной растительности колхидской ботанико-географической подпровинции. Характеристика этапа Xa уточняется)

изредка встречались североамериканско-юго-восточноазиатские, а также гирканские и средиземноморско-североафриканские виды. Лесостепь-саванна отличалась от современных лесостепей и саванны.

Второй оптимум (5б, зона IX). Условия влажных субтропиков. Господствует лесная растительность. В районе пещер (сейчас верхняя часть лесного пояса) встречались леса из разнообразных широколиственных пород, похожие на современные леса Колхидской низменности. Флора богаче современной. Климат влажный. Среднегодовые температуры почти в 2 раза выше современных. Число безморозных дней в 2 раза больше, чем сейчас.

Третий оптимум (?), или заключительная аридная фаза второго оптимума (5б, зона IXа). Лесные и безлесные сообщества ксерофильны. Лесные формации напоминают леса и редколесья, развитые на Кавказе в нижнем, реже в среднем поясах гор в области распространения восточно-средиземноморских кустарниковых формаций (район г. Новороссийска и др.).

Поздний ашельский оптимум (средний уровень слоя 5а, зона VII). Климат близок к современному, но несколько теплее. Леса имеют некоторую аналогию с современными среднегорными лесами из Picea-Abies и Pinus района исследований. Флора богаче современной (два вида Picea, два вида Abies, Juglans).

В фазу ухудшения климата фиксируется смещение границ растительных поясов вниз. Первая фаза ухудшения климата (верхи 5в, зона Xа) требует уточнения. Условия не благоприятствовали продуцированию пыльцы растениями или сохранению их в почве. Определены споры cf. Woodsia (эти растения характерны для верхнегорного—альпийского пояса). Вторая фаза ухудшения климата (низы 5а, зона VIII) холодная, влажная. Распространены субальпийские луга. Третья фаза ухудшения климата (верхи 5а, зона VI) умеренно холодная. Пещеры располагались на верхнем пределе древесной растительности.

Таким образом, в эпоху ашеля в кударском районе зафиксировано два межледниковых оптимума (фазы X и IX) и один теплый межстадиал (фаза VII). Впоследствии, возможно, будет обоснована самостоятельность еще одного оптимума (фаза IXа). Ранний межледниковый оптимум был более засушливым, чем следующий. Оптимумы чередовались с этапами ухудшения климата.

В эпоху мустье климат был неустойчивым (рис. 4): сначала межстадиальным, таежным (фаза V, похожая на ашельскую фазу VII), позже — альпийским (фаза IV) и, наконец, (фаза III) субальпийским с переходами временами к умеренному. В конце верхнего палеолита — мезолита (фаза II) существовали перигляциальные условия. Позже (фаза I) условия несколько теплее современных.

Каменный инвентарь. Для изготовления орудий ашельские люди кударских пещер широко использовали местное сырье (песчаники, алевролиты, известняки, сланцы, кремень), находимое главным образом в виде галек и валунов по берегам и террасам р. Джоджори и в виде обломков у выходов известняковых и сланцевых пород. В обнажениях плитчатых известняков близ пещер видны, в частности, слои окремненных сланцеватых известняков и пачки переслаивания последних с алевролитами и глинистыми известняками. Все эти породы весьма разнообразны по своим достоинствам: песчаники варьировали от средне- до тонкозернистых, алевролиты — от кварцевых до тонкослоистых, сланцы — от кварцево-слюдистых и глинисто-кремнистых до глинистых. Кремень и кремнистые породы разнообразились по цвету (светлый, желтый, розовый, серый, черный), примесям, характеру излома. Преобладают плохие кремнистые породы, трещиноватые, не дающие, как правило, раковистого излома, происходящие, очевидно, из отмеченных окремненных известняков. Сырье не местного происхождения, как кажется, представлено немногочисленными светлыми, розовыми и красными кремнями и единственным обсидиановым предметом (лимас из слоя 5в) [5].

[5] Все определения пород выполнены Н. Б. Селивановой.

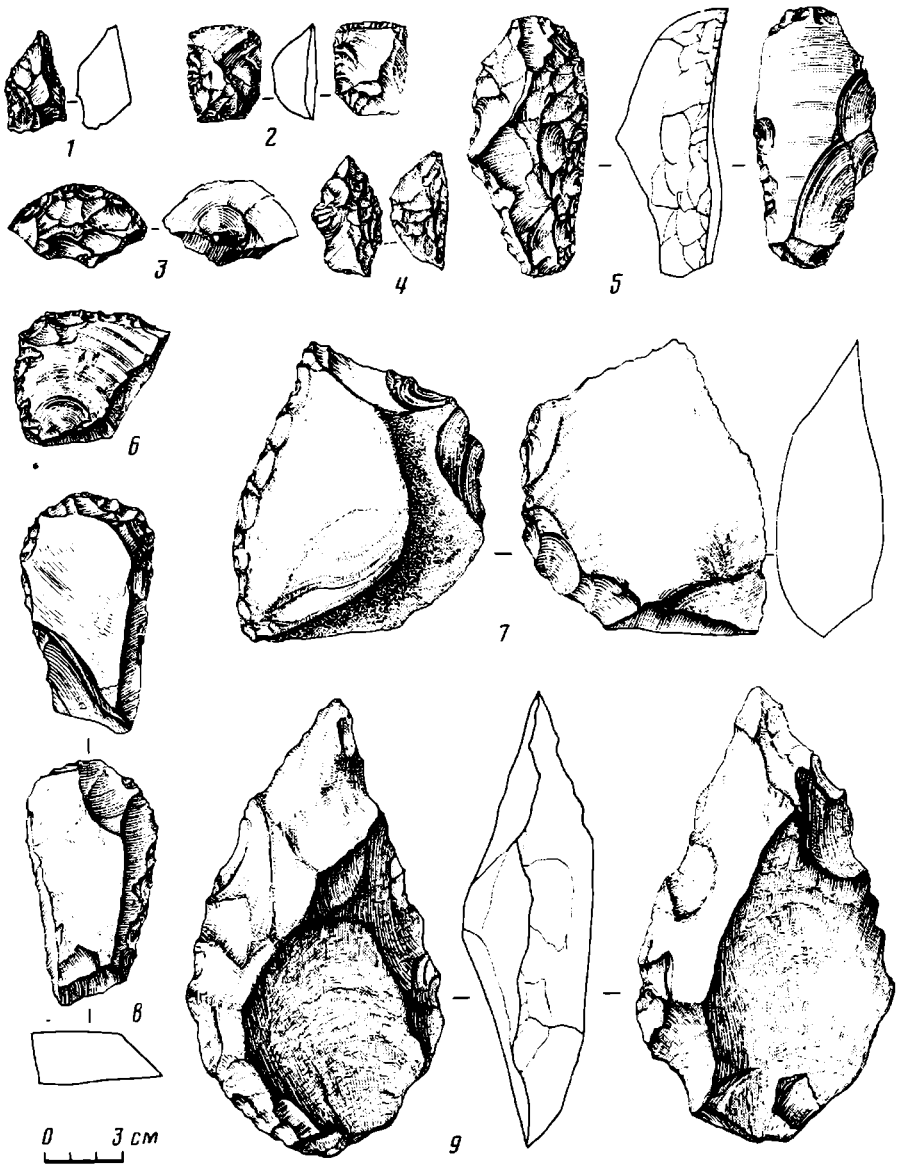


Рис. 5. Кударо I. Образцы ашельских орудий. *1* — массивное острие; *2*, *3*, *5*—*7* — скребла; *4* — лимас; *8* — примитивный скребок; *9* — бифас

Наибольшее количество изделий изготовлено из песчаника, последующие места занимают кремень и кремнистые породы, алевролиты, сланцы, известняк. Привлекает внимание определенное различие в составе пород, использовавшихся на разных ашельских уровнях. В нижнем из них (слой 5в) довольно широко (более $^1/_3$ всех изделий) использовалось низкосортное местное кремнистое сырье из пачки переслаивания известняков — сланцеватых, глинистых и окремненных; в верхних уровнях (5а, б), когда, видимо, производился более строгий отбор сырья, объем кремнистых пород заметно сокращается и возрастает роль алевролитов, сланцев и кремней.

Наличие в коллекции отбойников (валунов со следами многочисленных ударов на выступающих участках), нуклеусов и значительного количества краевых и полукраевых снятий свидетельствует о расщеплении камня непосредственно в пещере. В то же время немногочисленность мелких сколов отделки и аморфных осколков, изобилующих при обработке столь грубых в основном видов сырья, предполагает, что часть этой обработки производилась где-то на стороне.

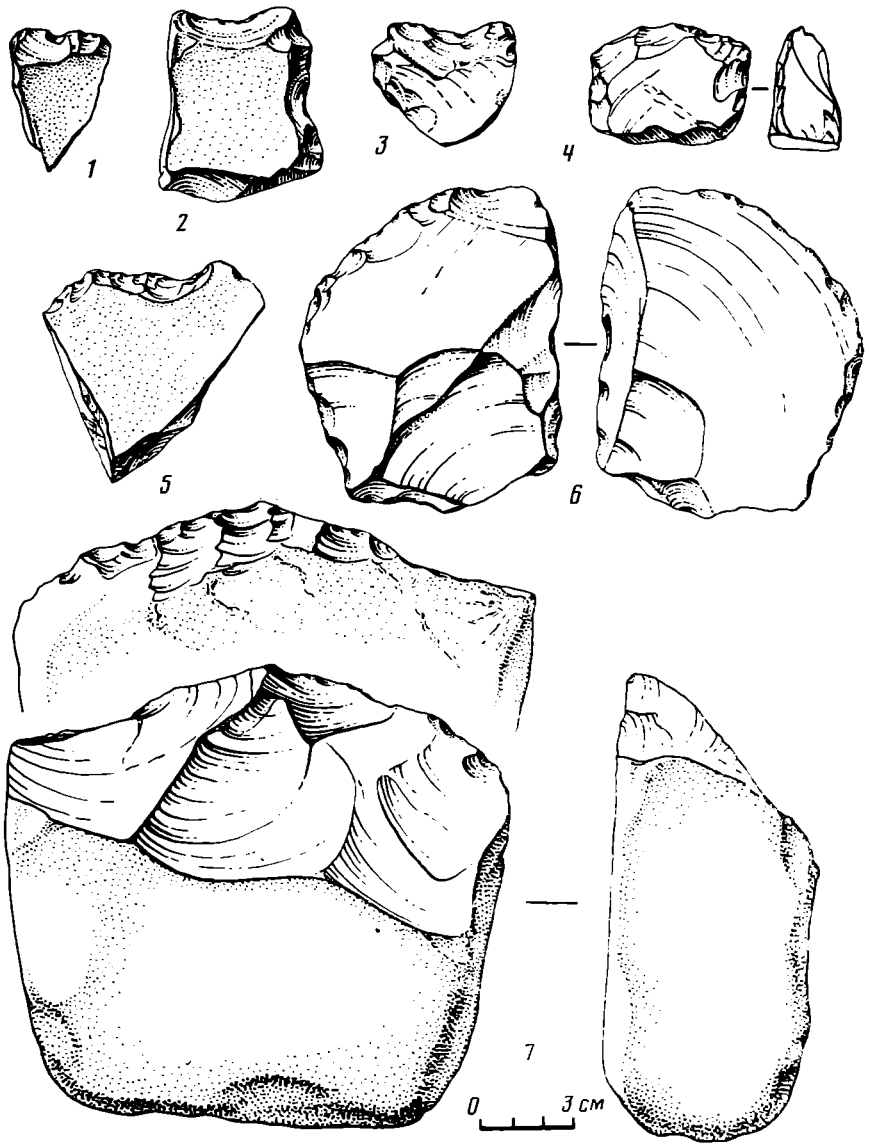


Рис. 6. Кударо I. Образцы ашельских орудий. *1—3, 5* — выемчатые орудия; *4, 6* — скребла; *7* — чоппер

Нуклеусы. Варьируют от грубых шаровидных форм до примитивных одноплощадочных и дисковидных. Отдельные остаточные экземпляры последних из слоя 5а, б имеют, однако, довольно развитый облик (небольшие размеры, плоские центростремительные снятия по всему периметру). Расщепление производилось жестким отбойником, техникой, не предопределявшей морфологии сколов: они имеют различную форму и толщину; широкие, сильно скошенные, гладкие (часто покрытые коркой) или грубопродавленные ударные площадки; хорошо выраженные конусы от удара, крупные, выпуклые ударные бугорки. Признаки эти лучше выражены на сколах из твердых пород (песчаники, кремни, окремненные алевролиты). Для сланцев, сланцеватых и глинистых известняков, алевролитов они менее характерны. Среди сколов из твердых, но хрупких песчаников наблюдаются случаи двойных конусов от удара (следы повторных ударов) и раскалывания отщепов по оси скалывающих ударов (так называемые accident siret).

Инвентарь ашельских слоев характеризуется чрезвычайно высоким процентом орудий и сколов со следами утилизации: те и другие составляют около 50% всех оббитых камней. Типология орудий довольно разнообразна: здесь представлены чопперы, чоппинги, бифасы, скребла (в основном ординарные — боковые и поперечные), примитивные скреб-

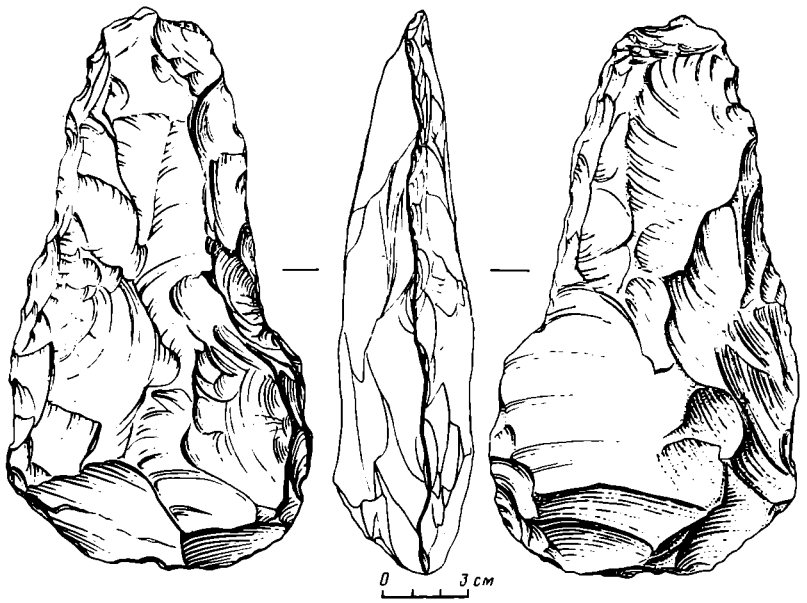


Рис. 7. Кударо I. Бифас

ковые формы, анкоши (крупные, клектонские), грубые клювовидные и зубчатые изделия, лимасы, острия типа кинсон, треугольники с выемкой и др.

Среди приемов вторичной обработки отметим ретушь чешуйчатую (иногда ступенчатую), высокую (surélevée) и более обычные виды краевой пологой или полукрутой ретушной отделки. Изредка встречается отвесная ретушь (abrupt). Довольно часто практиковалось оформление лезвий со стороны брюшка (рис. 5, *6*). Применение распространенной и сплошной ретуши незначительно. Анкоши использовались для изготовления собственно анкошей, выделения клювовидных выступов, зубцов и т. д. Фиксируется также намеренное рассечение заготовок и стремление к получению обушков, искусственных — в виде крутых намеренных обломов (fractur volontaire) и естественных — натуральных (покрытых коркой), образовавшихся по плоскостям расслоения пород и т. д.

Технологические особенности каждого вида сырья в значительной мере регламентировали типы изготовляемых орудий. Так, типологический аспект орудий, сделанных из валунов, песчаника, определяют в основном крупные чопперы (рис. 6, *7*), чоппинги, бифасы (рис. 5, *9*), скребла (рис. 5, *7*, 6, *6*). Грубые (клектонские) анкоши и клювовидные формы (рис. 6, *2, 5*). Орудия же, изготовленные из малогабаритного, судя по всему, кремневого сырья, отличаются небольшими размерами (длина их редко превышает 5—6 см), лучшей отделкой, лучшей морфологической выраженностью (рис. 5, *1—6*, *8*), и при этом, как кажется, некоторые орудия представлены в ашеле Кударо только в кремне (острия типа кинсон — pointes surélevées, лимасы) (рис. 5, *1*, *4*). Среди других кремневых орудий отметим мелкие скребла — боковые, поперечные, ладьевидные (racloir carénoïde) и др. (рис. 5, *2*, *3*, *5*), клектонские анкоши, немногочисленные скребковые (рис. 5, *8*), зубчатые, клювовидные формы.

В наборе орудий из мягких пород камня (окремненные сланцеватые известняки, алевролиты, сланцы) наблюдается также известное своеобразие. Орудия эти, несмотря на выветрелость и оглаженность их поверхности, в целом имеют более «плитчатый» характер (брюшковые поверхности сколов или фрагментов сколов, на которых они изготовлены, более плоские и часто нераспознаваемые). Скребла в большинстве небольшие и подчетырехугольных очертаний (рис. 6, *4*). Ретушь чаще всего пологая или полукрутая. Встречаются предметы типа примитивных

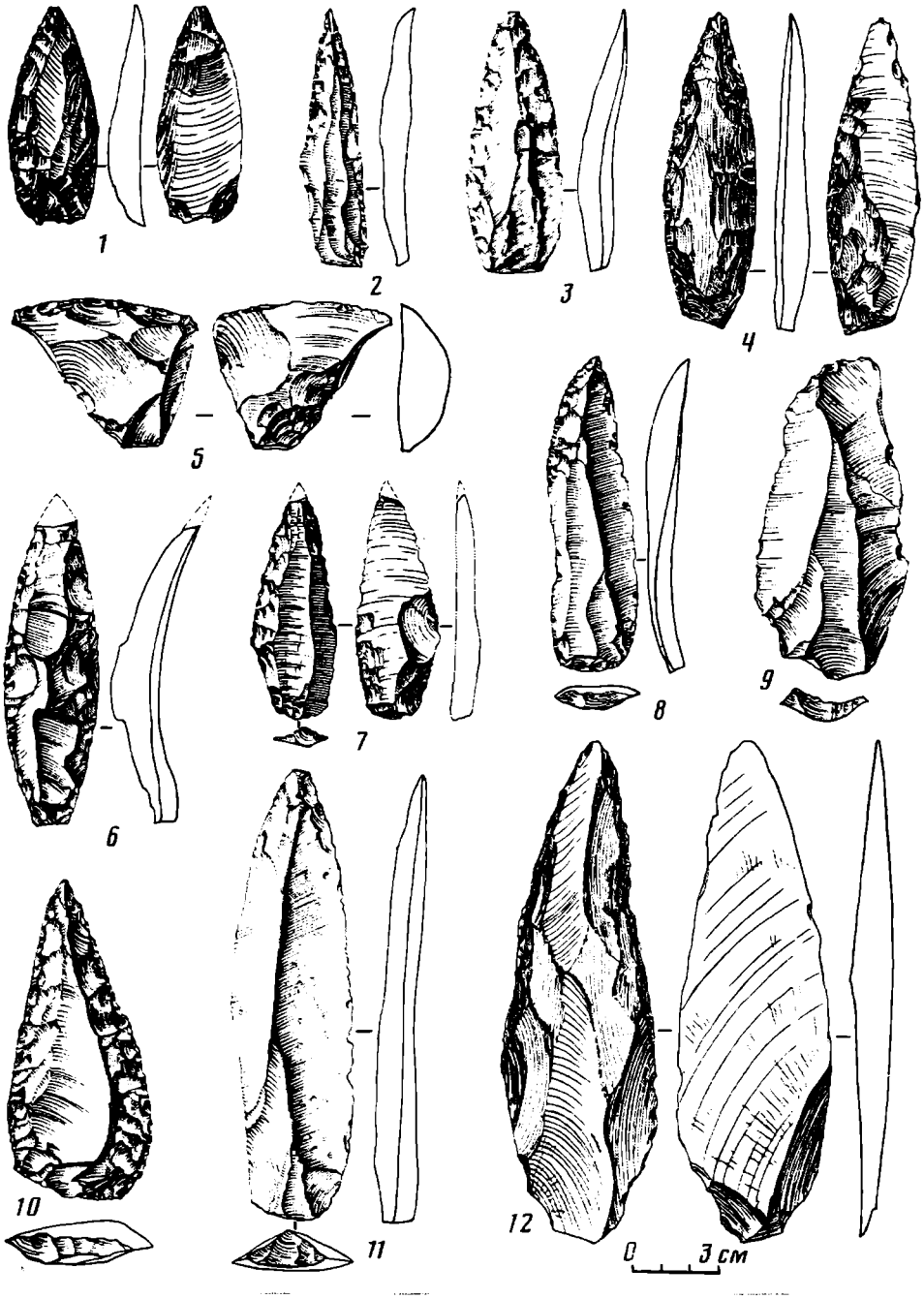


Рис. 8. Образцы мустьерских орудий. *1—3*, *5—12* — пещера Кударо I; *4* — пещера Кударо III

«мустьерских транше» и чаще, чем в других видах сырья, треугольники и четырехугольники с выемками (рис. 6, *1*, *3*) или зубчатыми лезвиями. Из кусков этого же сырья оформляются иногда скребковые формы, чопперы и (особенно в слое 5а, б) бифасы (рис. 7). Здесь же обнаружено оригинальное сланцевое орудие типа «цалди», впервые выделенное А. Н. Каландадзе в родственном, видимо, ашельском, инвентаре Цонской пещеры [17, рис. 9]. Орудие это, крупное, плитчатое, удлиненное, напоминает топор-тесак с выделенной рукоятью.

Что касается бифасов, то они весьма варьируют по размерам и типам. Для их изготовления служили все виды сырья, кроме кремня. Некоторые изготовлены на отщепах и являются частичными. Есть формы типа скребел — бифасов. Бифасы из песчаника (миндалевидные, сердцевидные) выглядят более архаичными (рис. 5, *9*).

В ашельское время в Кударо I существовало долговременное поселение человека: многочисленный (около 4000 экз.) каменный инвентарь ашельских слоев, как отмечалось, содержит значительное количество отходов производства и изобилует разнообразными орудиями. Охотничьим лагерем кударских ашельцев являлась, видимо, Цонская пещера: в ашельских слоях этой пещеры найдено 120—130 «отборных» каменных орудий (более 50 бифасов, унифасы, скребла и др.), сходных с кударскими. Только в ашеле Кударо I и Цоны встречены оригинальные орудия типа «цалди». Ашельский инвентарь Кударо I и Цоны позволяет ставить вопрос о выделении археологических культур и в ашельскую эпоху.

Каменная индустрия мустьерских уровней Кударо I представляет собой мустье типичное, пластинчатое, фации леваллуа, характерной особенностью которого является удлиненные и очень удлиненные остроконечники [6], в первую очередь на пластинах и листовидные, частично бифасиальные (рис. 8). Отсутствие ядрищ в отходах производства, немногочисленность инвентаря (100—150 предметов) и крайне выборочный «охотничий» состав орудий (остроконечники типа наконечников дротиков и копий; боковые скребла на пластинах) свидетельствуют о том, что в мустьерское время пещера использовалась в качестве временного охотничьего лагеря, связанного, по всей видимости, с сезоном охоты на пещерных медведей и временем нереста лососей (в мустьерских слоях только одной восточной галереи пещеры Кударо I встречено свыше 30 тыс. костей лосося) [7].

Тождественный (в типологическом и функциональном отношениях) состав орудий выявлен в мустьерских слоях Цонской пещеры, расположенной в 5 км южнее кударских. Кударо I и Цона — специализированные охотничьи лагеря одной и той же общины охотников, основное, долговременное поселение которых, как предполагается, было расположено в 50 км южнее, в полосе предгорий, в пещере Джручула. Типологическое ядро кударско-джручульских индустрий составляют формы, которые ни в ансамбле, ни в известной мере порознь не находят себе соответствий на Кавказе. Кударо I, Цона, Джручула — группировка родственных мустьерских индустрий (существовавших, как это сейчас представляется, в период 80—45 тыс. лет), локальное образование типа археологической культуры, свидетельство различных проявлений социально-экономической деятельности одного человеческого коллектива [18, 19].

Геохронология. Определение возраста отмеченных климатостратиграфических подразделений отложений кударских пещер по-прежнему вызывает большие затруднения. Ранее, исходя из материалов исследований первых лет, предполагалась рисс-вюрмская дата базальных ашельских горизонтов Кударо I [6; 9, с. 151; 20, с. 18; 21, с. 61], хотя были серьезные оговорки в отношении возможности их более древнего возраста [7, с. 250; 22, с. 165, 166; 23, с. 173].

В настоящее время, в результате главным образом раскопок Кударо I в 1980 и 1983 гг., получены палеомагнитные данные: зона обратной намагниченности Матуяма обнаружена в слое 6, на котором залегает нижний ашельский слой 5в (устное сообщение М. А. Певзнера). Появились новые важные биостратиграфические свидетельства (обнаружены костные остатки таких индикаторных форм, как этрусский носорог, медведь Денингера и др.; выявлены новые палинологические зоны Ха и IXа; уточнена характеристика некоторых зон, установленных ранее). Возникла необходимость вернуться к вопросу датировки низов ашельской толщи на новой основе.

Наибольший интерес представило обнаружение в базальной части слоя 5в (палинозона X) в совместном залегании остатков макака, медведя Денингера и этрусского носорога. В Западной Европе остатки медведя Денингера встречаются в отложениях гюнц-миндельского и миндельского

[6] Длина удлиненных остроконечников больше их ширины в 2—3 раза, очень удлиненных — в 3 раза и более.

[7] Прослежена связь очажных пятен с остатками лосося.

[24, с. 120] (Мауэр, Франкенбах, Мосбах, Зюссенборн и др.). На Русской равнине они описаны из тираспольского гравия [25, с. 91]. Настоящий Ursus spelaeus появляется в Европе (Штейгенгейм, Геппенлох) в миндель-риссе, но широко распространяется лишь в рисское и особенно в вюрмское время [24, с. 121].

Этрусский носорог встречался в Западной Европе в раннем плейстоцене до конца миндаля [11, с. 1054]. Его остатки найдены в Испании, Италии, Франции (Аббевиль, Солейяк, Валлоне), Англии (Форестбед Кромер), ФРГ (Мауэр, Франкенбах, Мосбах I) и Палестине (Убейдиа).

В фауне Европы совместное присутствие позднего подвида этрусского носорога, медведя Денингера и макака отмечено для Мосбах I (гюнц-миндель — ?, миндель), носорога и макака — для Валлоне во Франции (гюнц). Остатки носорога и медведя Денингера найдены в местонахождениях эпохи гюнц (Бамменталь и Йокримм в ФРГ), гюнц-миндель (Хангетбиттен во Франции, Мауэр I в ФРГ) и миндель (Нотерн во Франции). Судя по видовому составу (отсутствие Allophaiomys, Mimomys, Homotherium, Eucladoceros), кударский комплекс млекопитающих может быть отнесен к минделю и сопоставлен с поздней тираспольской фауной Русской равнины, для которой характерны медведь Денингера, этрусский носорог, некорнезубые виды полевок [26, с. 39], или с поздней галерийской фауной Западной Европы [27, с. 124]. Сходная с кударской, но более сухолюбивая териофауна описана из ашельских слоев 5 и 6 пещеры Азых в Азербайджане [28, с. 35].

Экологический облик животных эпохи накопления базальной части 5в указывает на лесостепные или саванноподобные ландшафты и теплый климат. Сходные ландшафты и климат реконструируются и по палинологическим данным (табл. 1). Совпадение палинологических и палеозоологических свидетельств наблюдается также и выше по разрезу: те и другие фиксируют похолодание в верхах 5в (зона Ха) и второй оптимум в 5б (зона IX). Так, в верхах 5в (зона Ха) найдены остатки горнолуговых видов млекопитающих и птиц: сурка кавказского Marmota paleocaucasica Baryshn., прометеевой полевки, снеговой полевки (Chionomys qud Satun., кавказского тетерева Lyrurus mlokosiewicsi Tacz., а межледниковый характер слоя 5б (фазы IX) подтверждает присутствие лесных (бобр, соня-полчок, косуля) и теплолюбивых (крупный дикобраз) видов.

Таким образом, новые материалы как будто позволяют выдвинуть новую версию датировки ашельских отложений пещеры Кударо I. Низы слоя 5в (зона X) могут быть отнесены к минделю, 5б (зона IX) — к миндель-риссу. Не будем, однако, торопиться ставить точку над «и». Приведем некоторые свидетельства противоположного характера. Отдельные исследователи, например, отмечают низкие темпы эволюции ряда животных (Ursus deningeri — Ursus spelaeus) в плейстоцене Кавказа, длительное переживание в кавказской фауне ряда древних форм (крупная пищуха рода Proochotona) и предполагают своеобразие путей развития животного мира этой области [7, с. 249; 29, с. 22]: «Причину этого можно видеть, вероятно, в длительной изоляции кавказской фауны» [10, с. 76, 77] и в наличии на Кавказе в ледниковое время природных убежищ типа Колхиды.

По палинологическим данным (табл. 1) ашелю соответствуют четыре теплых оптимума (X, IX, IXа—?, VII). Формирование низов ашельской толщи происходило на протяжении двух межледниковых оптимумов. По влагообеспеченности [30] наиболее древний ашельский оптимум с климатом более засушливым, чем современный, имеет некоторое сходство с ксерофильными оптимумами миндаля или рисса (в миндель-риссе и рисс-вюрме во многих районах Европы количество осадков значительно превышало современное).

В составе флоры двух ранних оптимумов еще встречались Taxodiaceae-Cupressaceae Tsuga sp. Обнаружено пока лишь пять зерен Taxodiaceae-Cupressaceae не выше низов зоны IXа. Tsuga росла в районе в неблагоприятных эдафических или климатических условиях (из шести встреченных зерен пять не вызревшие). В приморских горийских райо-

нах Колхиды [31—34] Tsuga исчезла из состава лесов ко времени карангатской трансгрессии, а Taxodium продолжал расти, но изредка на болотах даже в карангате [8].

В Западной Европе история семейства Taxodiaceae различна в разных районах [38, 39]. Комплекс Tsuga—Carya—Pterocarya иногда рассматривается в Европе как один из показателей границы раннего и среднего плейстоцена [40, 41]. Но в Северной Европе он теряет свое значение к кромеру [42], в Италии — после миндель-рисского межледниковья [43, 44]. Отдельные представители этого комплекса сохранились и дольше. Так, единичные находки Pterocarya на севере Европы отмечаются постоянно в конце зоны III миндель-рисского межледниковья [45]. Одиночные находки Tsuga canadensis и Pterocarya известны из миндель-рисских отложений некоторых районов европейской части СССР [46]. В Колхиде (Гурия) по палинологическим и карпологическим данным Tsuga пока не прослежена позднее среднего плейстоцена, Carya есть и в позднем плейстоцене, а Pterocarya растет и сейчас [31—34, 47]. Палеоботанические данные говорят о более позднем вымирании плиоценовых реликтов во флоре Колхидской ботанико-географической провинции по сравнению с Западной Европой и другими районами Кавказа. Это связано с особенностями климата (условия влажных субтропиков сохраняются здесь и в настоящее время).

Приведенные данные призывают к осторожности при датировке отложений по наличию в комплексах единичных реликтовых форм, представленных к тому же немногими пыльцевидными зернами, тем более что и в настоящее время поражает «стабильность Колхиды как рефугиума древних реликтов» [47, с. 111]. Основное ядро флоры Колхиды третичнореликтовое [15, 48], а около 20% видов флоры Кавказа являются эндемиками и нигде больше на земном шаре не встречаются [16, с. 316]. Но состав реликтов все же говорит о более древнем, чем рисс-вюрм, возрасте базального ашельского слоя 5в.

Формирование основной части мустьерского слоя 4 происходило по палинологическим, фаунистическим и литологическим данным (темнохвойные леса с примесью широколиственных пород; увеличение количества остатков благородного оленя, косули; сталагмитовые покровы, следы значительного размыва) в условиях умеренного и влажного климата межстадиала (вероятно, один из межстадиалов раннего вюрма).

Верхи слоя 4 и слой 3 формировались в условиях чередования климата холодного и умеренно холодного (переслаивание суглинистых и щебенчатых уровней, наличие горизонтов кальцитовой цементации и пристенных натеков; распространение субальпийских березняков, временами — верхнегорных лесов; холодные фазы — по фауне — в низах и верхах слоя 3). Это было, вероятно, в основном время калининского оледенения на Русской равнине (Вюрм II), что подтверждается и радиоуглеродной датой (по кости) верхнего мустьерского уровня 3а — 44150±2400/1850 (Gr. № 6079). Формирование низов слоя 2 происходило в перигляциальной обстановке позднеледниковья.

Таким образом, материалы новейших исследований допускают как будто удревнение датировки базальной части ашельских отложений пещеры Кударо I: низы слоя 5в (фаза сухого и теплого климата) могут быть сопоставлены с одним из внутриминдельских потеплений. Датировку эту, однако, нельзя считать окончательной: своеобразие путей развития животного и растительного мира Колхиды затрудняет сопоставление его с европейскими биостратиграфическими схемами.

Продолжающиеся комплексные исследования кударских пещерных стоянок позволят, как ожидается, внести дальнейшие уточнения в вопросы о времени первичного и последующих этапов заселения этих стоянок человеком, о характере ашельских и мустьерских индустрий кударских

[8] Карангатская трансгрессия датируется по-разному. По мнению большинства исследователей, она сопоставляется с рисс-вюрмом [35—37], по В. А. Зубакову и И. И. Борзенковой [30],— с риссом и рисс-вюрмом.

архантропов и палеоантропов, об особенностях развития среды их обитания в Колхиде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Любин В. П.* Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия).— ИВГО, 1959, т. 91, № 2.
2. *Прасолов Л. И., Соколов А. А.* Почвенно-географический очерк Юго-Осетии.— В кн.: Производительные силы Юго-Осетии. Тр. Совета по изуч. производ. сил. при АН СССР. Сер. закавказская, вып. 2. Л., 1931.
3. *Михайловская О. Н.* Почвенные исследования в горных районах Юго-Осетии. Тр. Совета по изуч. производ. сил при АН СССР. Сер. закавказская, сб. 4. М.— Л., 1936.
4. *Церетели Д. М.* Современные ледники и признаки древнего оледенения рек Рионн и Джоджори.— ВГМГ, 1943, т. XII—А (на груз. яз.).
5. *Тинтилозов З. К.* Карстовые пещеры Грузии. Тбилиси, 1976.
6. *Любин В. П., Рентартен Н. В., Черняховский А. Г., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М.* Пещера Кударо I. Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа.— В кн.: Путеводитель совместного советско-французского полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества». М., 1978.
7. *Барышников Г. Ф.* Природная обстановка и фауна млекопитающих Центрального Кавказа в позднем антропогене.— ИВГО, 1977, № 3.
8. *Любин В. П., Левковская Г. М.* Пещера Кударо III (Юго-Осетия).— МИА, 1972, № 185.
9. *Левковская Г. М.* Палинологическая характеристика отложений в пещерах Кударо I и Кударо III.— В кн.: Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М.: Наука, 1980.
10. *Барышников Г. Ф., Дедкова И. И.* Пещерные медведи Большого Кавказа.— Тр. Зоол. ин-та АН СССР, 1978, т. 75.
11. *Guerin C.* Les rhinocéros (Mammalia, Perissodaktyla) du miocène terminal au pleistocene supérieur en Europe occidentale.— Docum. Lab. Géol. Lyon, 1980, № 79.
12. Растительность европейской части СССР. Л.: Наука, 1980.
13. *Буш Н. А., Буш Е. А.* Растительный покров восточной Юго-Осетии и его динамика.— В кн.: Производительные силы Юго-Осетии. Тр. Совета по изуч. производ. сил при АН СССР. Сер. закавказская, вып. 5. Л., 1936.
14. *Гроссгейм А. А.* Флора Кавказа. М.: Сов. наука, 1949.
15. *Колаковский А. А.* Растительный мир Колхиды. М., 1961.
16. *Павлов Н. В.* Ботаническая география СССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948.
17. *Каландадзе А. Н.* Цовская пещера и ее культура.— In: Actes du Congres internat. speleologie en Yougoslavie (12—26.IX.1965). Ljubliana, 1969.
18. *Любин В. П.* Нижний палеолит.— МИА, 1970, с. 166.
19. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.
20. *Барышников Г. Ф.* Динамика высотных ландшафтных поясов Большого Кавказа по палеотерилоическим данным: Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1980.
21. *Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.* Остатки млекопитающих в восточной галерее пещеры Кударо I (раскопки В. П. Любина 1957—1958 гг.).— В кн.: Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М.: Наука, 1980.
22. *Любин В. П.* Некоторые итоги изучения литолого-стратиграфических и биостратиграфических показателей кударских пещер.— В кн.: Кударские пещерные стоянки в Юго-Осетии. М.: Наука, 1980.
23. *Любин В. П.* Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа.— В кн.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
24. *Громова В. И.* Краткий обзор четвертичных млекопитающих Европы. М.: Наука, 1965.
25. *Давид А. И.* Отряд Carnivora. Хищные.— В кн.: Плейстоцен Тирасполя. Кишинев: Штиинца, 1971.
26. *Алексеева Л. И.* Териофауна раннего антропогена Восточной Европы.— Тр. Геол. ин-та АН СССР, 1977, вып. 300.
27. *Azzaroli A.* Quaternary mammals and the «end-Villafranchian» dispersal event — a turning point in the history of Eurasia.— Palaeogeogr., Palaeoclimatol., Palaeoecol., 1983, t. 44.
28. *Мамедов А. В., Алескеров Б. Д., Сулейманов М. А., Сулейманов М. Б.* Палеогеография района древнепалеолитической стоянки Азых в эоплейстоцене и плейстоцене.— В кн.: Физическая география и геоморфология. Баку: Изд-во Азерб. ун-та, 1982.
29. *Маркова А. К.* Микротериофауна из палеолитической пещерной стоянки Азых.— Палеонтол. сб., 1982, № 19.
30. *Зубаков В. А., Борзенкова И. И.* Палеоклимат позднего кайнозоя. Л.: Гидрометеоиздат, 1983.
31. *Мамацашвили Н. С.* Палинологическая характеристика четвертичных континентальных отложений Колхиды. Тбилиси, 1976.
32. *Мчедлишвили Н. Ш.* Значение рода Tsuga Carr. для геохронологического подразделения плиоценовых и плейстоценовых отложений Западной Грузии.— В кн.: Четвертичная система Грузии (к XI конгрессу ИНКВА). Тбилиси, 1982.

33. *Шатилова И. И.* Палинологическое обоснование геохронологии верхнего плиоцена и плейстоцена Западной Грузии. Тбилиси, 1974.
34. *Шатилова И. И.* Палинологические комплексы узунларских отложений Гурии (Западная Грузия).— В кн.: Четвертичная система Грузии (к XI конгрессу ИНКВА). Тбилиси, 1982.
35. *Федоров П. В.* Плейстоцен Понто-Каспия. М.: Наука, 1978.
36. *Арсланов Х. А., Герасимова С. А., Измайлов Я. А., Локшин Н. В., Муратов В. М., Островский А. Б., Тертычный Н. И., Щеглов А. П.* О возрасте голоценовых и верхнеплейстоценовых отложений Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманского района.— БКИЧП, 1975, № 44.
37. Стратиграфическая схема четвертичных отложений Черноморско-Каспийской области и корреляция их с Западной Европой.— В кн.: XI конгресс ИНКВА. Путеводитель экскурсии А-16. М.: Наука, 1981.
38. *Lona F.* Correlazioni fra alcune sequence micropaleobotaniche Plio-Pleistoceniche continentali e marine dell' Italia centro — settentrionale e Europa centro — occidentale con riferimento al limite Tiberiano. L'Ateneo Parmense.— Acta nat. Parma, 1971, № 8 (1).
39. *Michaux J., Suc J. P., Vernet J. L.* Climatic inference from the history of the Taxodiaceae during the Pliocene and the Early Pleistocene in Westen Europe.— Rev. Paleobot., Palynol., 1979, № 27.
40. *Zagwijn W. H.* Vegetation, climate and time — correlation in the Early Pleistocene of Europe.— Geol. Mijnb., N. S., 1957, № 19.
41. *Гричук В. П.* Флора и растительность.— В кн.: Четвертичная система. М.: Недра, 1982.
42. *Zagwijn W. H.* Pleistocene stratigraphy in the Netherlands, based on changes in vegetation and climate.— Verhandel. Nederl. geol. Mijnbouwkund. Genootschap. Geol. Ser., 1963, del. 21—22.
43. *Paganelli A.* Ricerche sul Quaternario della Pianura Padana, 2. Analisi polliniche di sedimenti torbo-lacustri di Ca Marcozzi (Della Padano).— Rend. Ist. Sci. Univ. Camerino, 1961, № 2.
44. *Folleri M.* Vegetational features of some Mindel-Riss and Riss-Wurm deposits in Italy and remaining Europe.— Rev. Palaebot. and Palynol., 1967, № 2.
45. *Turner Ch.* The correlation and Duration of Middle Pleistocene Interglacial periods in Nothern Europe.— In: After the Australopithecines. P., 1975.
46. *Ананова Е. Н.* Саковичская флора и ее соотношение с межледниковыми флорами Русской равнины, Польши, ГДР, ФРГ и Дании.— В кн.: Проблемы палеогеографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.
47. *Чочиева К. П.* Реликты позднеплиоценовых и плейстоценовых флор Колхиды и их стратиграфическое значение.— В кн.: Четвертичная система Грузии (к XI конгрессу ИНКВА). Тбилиси, 1982.
48. *Сосновский Д. Н.* Основные формы растительного покрова Кавказа в их географическом размещении.— Сов. ботаника, 1947, т. 15.

V. P. Lyubin, G. F. Baryshnikov, G. A. Chernyakhovsky,
N. B. Selivanova, G. M. Levkovskaya

THE KUDARO I CAVE

(an attempt at comprehensive approach)

Summary

The authors give a detailed description of the Kudaro I cave, a multi-level Lower Palaeolithic site in the Caucasus. They discuss its geology, geomorphology, stratigraphy and lithology, the stone industry found in the cave and the results of the pollen analysis of its deposits. Much attention is paid to the fauna. Their studies have led the authors to conclude that the lower Acheulian layer 5B should be considered to be earlier than the Riss-Würm-Mindel time.

КОЛЬЦОВ Л. В.

О СЕЗОННОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК

(по материалам Волго-Окского междуречья)

До сих пор в нашей литературе не ставилась проблема сезонного функционирования отдельных мезолитических стоянок в пределах одной культуры и даже одной локальной группы. В западноевропейской и американской литературе такое направление разрабатывалось [1, с. 1—13; 2, с. 776; 3], однако ни один из зарубежных специалистов, занимавшихся этими вопросами, не сформулировал четко своих методических приемов. Кстати говоря, методика, применявшаяся западными исследователями, для наших работ не всегда подходит.

Большинством исследователей принято мнение, что мезолитические стоянки существовали очень непродолжительное время: может быть, в течение одного сезона или даже еще меньше. Автор настоящей статьи в общем согласен с этой точкой зрения. Тем не менее интересно установить, когда, в какое время года и в течение какого промежутка времени существовал конкретный мезолитический памятник. Постараемся это показать на примере мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья, раскопанных на большой площади в последние годы.

Но прежде мы хотели бы установить, какие же критерии и методические правила нам могут помочь: 1) необходимо учитывать условия расположения памятника (мыс или останец, близость к водоему, превышение над древним уровнем водоема и т. д.); 2) надо иметь в виду отсутствие или наличие жилищ и их характер (шалашевидное легкое, наземное утепленное, полуземлянка); 3) важно оценить характер производственной площади поселения: степень насыщенности находками как дна жилища, так и культурного слоя за пределами жилища, наличие за пределами жилища хозяйственных ям, очагов, мастерских; 4) нужно дать оценку составу охотничьего вооружения памятника; 5) необходимо уяснить характер орудий для обработки дерева, найденных на памятнике (наличие и соотношение между топорами, теслами, долотами, а также как часто встречаются мотыги и кайла); 6) следует рассмотреть качественный и количественный состав других категорий орудий, применявшихся как для обработки продуктов добычи, так и для подготовки средств производства — скребков, резцов, скобелей, ножей; 7) требуется проведение трасологического анализа, желательно всего комплекса найденных на памятнике изделий; 8) нужно учитывать весь состав фаунистических и макрофлористических остатков, найденных при раскопках.

Разумеется, все эти данные о том или ином поселении можно получить только при условии большой раскопанной площади на нем, высокой степени тщательности раскопок и большой представительной коллекции изделий, полученных при исследовании памятника. При этом не всегда все указанные компоненты могут быть в наличии. Так, например, на некоторых стоянках, расположенных в песчаных отложениях, зачастую отсутствуют фаунистические и флористические остатки; иногда на памятнике, даже при большой раскопанной площади, не встречены остатки жилищ. Не всегда в коллекции представлено охотничье вооружение. Но даже в таком случае детальный анализ остальных компонентов дает возможность получить интересные результаты. Покажем это на примере ряда мезолитических памятников, изученных Верхневолжской экспеди-

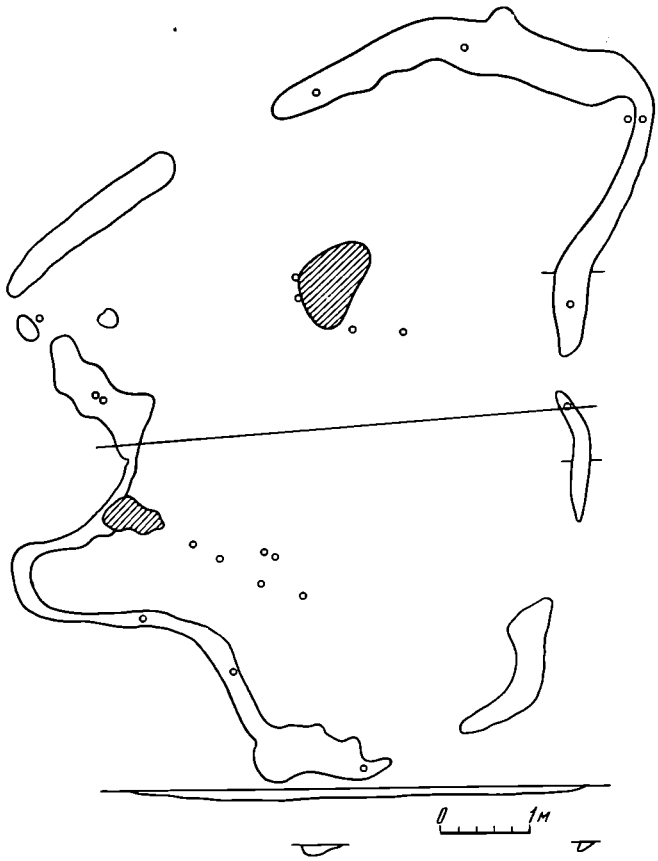


Рис. 1. План жилища 1 на стоянке Иенево II

цией Института археологии АН СССР. Постараемся учитывать один хронологический и пространственный срез — материалы одной культуры одного микрорайона, стоянки в котором находились примерно в равных экологических условиях.

За последние годы в окрестностях г. Калинина экспедицией были раскопаны четыре позднемезолитических поселения, относящихся к иеневской археологической культуре: Иенево II (площадь раскопа свыше 460 м²), Староконстантиновская IV (площадь раскопа свыше 350 м²), Дмитровское I (раскопано свыше 250 м²), Черная Грязь I (площадь раскопа свыше 200 м²). Культурные слои перечисленных памятников находятся в песчаных отложениях, поэтому здесь практически отсутствуют остатки фауны и флоры, что в значительной степени затрудняет наше исследование. Тем не менее в ходе раскопок и камеральной обработки материала у нас появились некоторые соображения относительно времени года, в котором люди поселились на местах этих стоянок.

Здесь, пожалуй, будет уместным сказать, что один из рассматриваемых ниже памятников — Дмитровское I получил по пыльце дату — первая половина атлантического периода. По последним данным Н. А. Хотинского, для этого времени в интересующем нас районе были распространены в основном широколиственные леса. Следовательно, можно предполагать и наличие лесных млекопитающих и птиц, а также водоплавающих птиц [4, с. 59, 60].

Стоянка Иенево II [5, 6] располагается на узком, шириной до 40 м, останце обтекания первой надпойменной террасы левого берега Волги. Останец вытянут в направлении В—З и расположен между долинами двух ручьев или двух рукавов одного ручья, берущего начало из древнего озера. Место истока ручья находится в 150 м к востоку от стоянки. В настоящее время это большое озеро заболочено, однако весной и осенью на нем еще останавливаются на отдых стаи перелетных уток и

гусей и т. д. В атлантический период озеро, вероятно, еще существовало и было полноводнее.

Во время раскопок на стоянке обнаружены остатки двух жилищ размером 10×6 м подовальной или подпрямоугольной формы (рис. 1). Жилища были, по-видимому, наземные, так как только центральная их часть углублена всего на 0,05—0,1 м по сравнению с краями, вероятно, от утаптывания земли еще в древности. Стенки жилищ отмечены в культурном слое в виде прерывистой зольной полосы. Они имели каркасную конструкцию: нами прослежены ямки от столбов, входивших в состав стенок и наклоненных к центру жилища. В каждом жилище расчищено по два очага: один располагался у выхода, второй — в одной из торцовых частей постройки. В жилищах обнаружено большое скопление находок, что свидетельствует о том, что здесь осуществлялась часть производственной деятельности. Обе жилые постройки можно считать наземными утепленными. Они, по-видимому, были одновременными, поскольку основное скопление находок зафиксировано между ними и к югу от более северной постройки. К западу и востоку от жилищ находок почти не обнаружено. Между жилищами выявлено несколько очажных пятен и хозяйственных ям, что говорит об использовании этой площади в хозяйственных целях. В южной половине поселка, к востоку от южного жилища, обнаружено несколько рядов ямок от столбиков, которые, вероятно, являлись остатком какого-то сооружения. Его характер установить не удалось. Можно только предполагать, что оно предназначалось для вяления (?) охотничьей добычи. Подчеркнем, что значительная часть хозяйственной деятельности осуществлялась и на открытом воздухе — за пределами построек.

Из охотничьего вооружения найден только один целый острый наконечник стрелы (условно назовем такие наконечники колющими). Зато в комплексе орудий этой стоянки имеется еще три черешковых наконечника с поперечным лезвием и 29 трапеций. Трасологический анализ трапеций, проведенный М. Г. Жилиным, практически не дал следов работы на них, что позволяет считать эти орудия наконечниками стрел с поперечным лезвием. Таким образом, можно заключить, что основным охотничьим вооружением на стоянке были стрелы с наконечниками с поперечным лезвием, которые предназначались для нанесения болевого шока, иначе говоря, для охоты на животных, не обязательно находившихся на земле, которых надо было сбить на землю и там уже добить. Небольшие размеры наконечников с поперечным лезвием и трапеций стоянки Иенево II заставляют предполагать, что охота велась на небольших животных или птицу (рис. 2, *1—3*).

Макролитические орудия представлены здесь тремя топорами (рис. 2, *10*, *11*). Топоры некрупные, применявшиеся, по-видимому, для обработки деревянных заготовок небольшого размера: обтесывания столбиков, древков стрел, обрубания веток. Преобладают топоры с перехватом, столь характерные для иеневской культуры. Отметим также находку мотыги с перехватом, служившую, вероятно, для выкапывания ям. Обращает на себя внимание полное отсутствие тесел.

Остальной кремневый инвентарь поселения служил в первую очередь для обработки продуктов охоты (рис. 2, *4—9*). В его составе 187 скребков по преимуществу концевых форм, хотя встречаются и боковые. Как показал трасологический анализ, часть скребков применялась для работы по шкуре, а часть — для работы по дереву. Резцов найдено 66. Их относительно небольшое число говорит о подчиненной роли обработки кости на памятнике. Качественно эта категория орудий разнообразна: преобладают формы на сломанном углу заготовки, но в достаточно большом количестве представлены и резцы с ретушированной площадкой скола, срединные и поперечные. Имеется 32 экз. пластинок-вкладышей с ретушью по краю. Кроме того, в микролитическую группу включается 23 пластины и отщепа с затупленным концом или основанием. Среди острий 33 косых с разной степенью скошенности конца и 4 ланцетовидных острия с выпуклым затупленным краем. Среди 63 ножей большинство составляют крупные об-

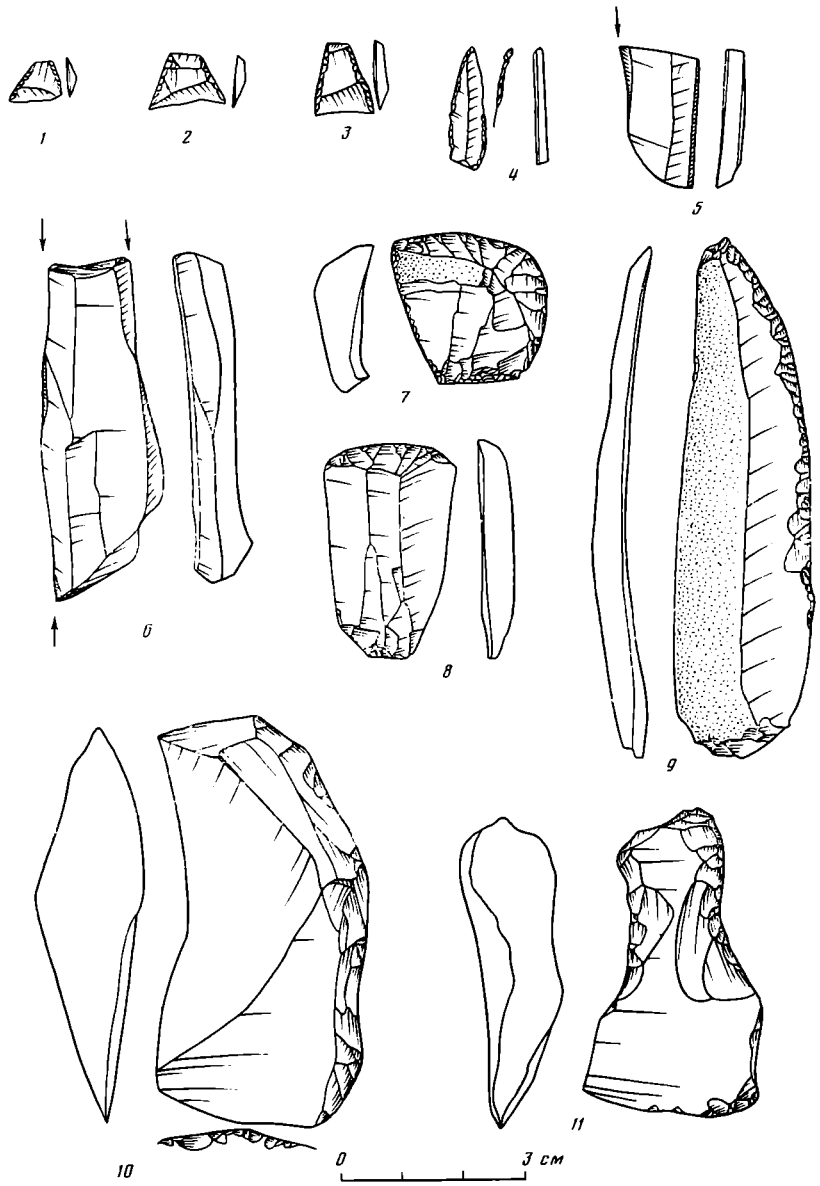


Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Иенево II. *1—3* — трапеции; *4* — острие; *5*, *6* — резцы; *7*, *8* — скребки; *9* — нож; *10*, *11* — топоры

разцы, предназначенные для работы по дереву. 30 найденных скобелей имеют по преимуществу узкие и мелкие выемки, что хорошо объясняется мелкими размерами наконечников стрел. В группе перфораторов — 9 сверл и 28 проколок, в основном асимметричных, характерных для иеневской культуры. Найдено 20 комбинированных орудий, среди которых больше половины резцов-ножей; кроме того, есть скребки-резцы, скребки-ножи, скобели-сверла.

К сожалению, фаунистических остатков и признаков макрофлоры в песке не сохранилось. Поэтому о фауне и флоре применительно к этой стоянке мы ничего сказать не можем.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, можно сделать ряд выводов. Небольшое возвышение останца (максимально на 4 м над уровнем поймы) не позволяет считать поселение Иенево II весенним, так как островок, на котором располагалось поселение (а оно приурочено к его пониженной части), заливался водой. Каркасная конструкция жилищ, видимо, исключает зимний период существования стоянки, поскольку жилища не углублены, как на стоянке Дмитровское I (см. ниже). Однако наличие двух очагов в каждом из жилищ позволяет считать их

наземными утепленными и предполагает относительно холодное время года. Характер охотничьего инвентаря предполагает охоту на мелкую дичь, скорее всего на перелетную птицу и на мелкого пушного зверя. О последнем говорит трасологический анализ скребков. В начале лета, когда у водоплавающей птицы начинается линька, на нее можно было охотиться с помощью палок: птица совершенно беспомощна в это время и не может подниматься на крыло. Вместе с тем в комплексе стоянки Иенево II охотничье вооружение представлено достаточно широко. Оно могло с одинаковым успехом использоваться во второй половине осени и в начале зимы и на перелетную птицу, и на мелкого пушного зверя. В этой связи небезынтересно проследить сроки осенних перелетов водоплавающих птиц, часть видов которых и сейчас отдыхает около недели поблизости от стоянки и на которых могла производиться охота. Серый гусь летит в октябре-ноябре, так же поздно летит утка-кряква. Срок отлета чирка — конец октября — начало ноября, серой утки — сентябрь — до конца октября. Свиязь улетает в октябре, нырок — в октябре, чернеть — в октябре, гоголь — с сентября по ноябрь [7, с. 110—157]. Примерно к тем же срокам мелкие пушные звери наших лесов — зайцы, белки, норки, горностаи, бурундуки — покрываются зимним мехом [8, с. 131—147; 9, с. 332—348]. По-видимому, все же нет оснований говорить о том, что данная стоянка была заселена в середине зимы, поскольку значительная часть производственной деятельности отмечена вне жилищ. Отсутствие тесел в инвентаре тоже свидетельствует в пользу поздней осени, так как зимой лодки не нужны, следовательно, не нужны и орудия для их изготовления. Таким образом, мы можем заключить, что стоянка Иенево II существовала во второй половине осени и, может быть, в начале зимы.

В 150 м к северу от стоянки Иенево II располагается стоянка Староконстантиновская IV («У вилки дорог») [5, 10, 11]. Она по ряду признаков, несомненно, относится к той же иеневской культуре. Площадь этого памятника значительно больше площади стоянки Иенева II, примерно в 2,5 раза. Топография ее совершенно иная. Поселение располагается на мысу высокого уровня первой надпойменной террасы того же берега Волги. Превышение ее над уровнем поверхности стоянки Иенево II более 4 м. Поверхность террасы в данном месте достаточно ровная, над уровнем поймы возвышается около 8—10 м.

Памятник раскопан Ф. И. Ивановым, Д. А. Крайновым и автором настоящей статьи на площади свыше 350 м^2. Стоянка двухслойная: здесь представлены слой позднемезолитической иеневской культуры и слой с ямочно-гребенчатой неолитической керамикой, которые достаточно четко отчленяются планиграфически и стратиграфически. При раскопках в мезолитическом слое не встречено никаких следов жилищ. Однако наличие в нем нескольких очагов, иногда очень больших размеров (до 1,8—2 м), свидетельствует о достаточно интенсивной производственной деятельности, о характере которой мы скажем несколько ниже. О том же говорит мощность культурного горизонта памятника (до 0,6 м) и сильная насыщенность его находками (общее число орудий свыше 1000). Следы производственной деятельности мезолитического времени встречены на всей раскопанной площади поселения.

Охотничье вооружение Староконстантиновской IV стоянки отличается от охотничьего вооружения стоянки Иенево II. Прежде всего следует указать, что на Староконстантиновской стоянке не встречено ни одной трапеции. Обнаружен только один наконечник с поперечным лезвием. Зато в ее комплексе 36 наконечников стрел острых, т. е. колющих, асимметричных форм, характерных для иеневской культуры. Среди них резко преобладают крупные экземпляры, явно предназначенные для охоты на крупных животных. Кроме того, есть и мелкие наконечники таких же форм (рис. 3, *1*, *2*, *4*). Здесь же встречен один сегмент, тоже, по-видимому, служивший колющим наконечником.

Интересен набор орудий для обработки дерева: тесло и четыре топора. Один топор с перехватом полностью аналогичен топорам, найденным на стоянке Иенево II. Обращает на себя внимание отсутствие мотыг.

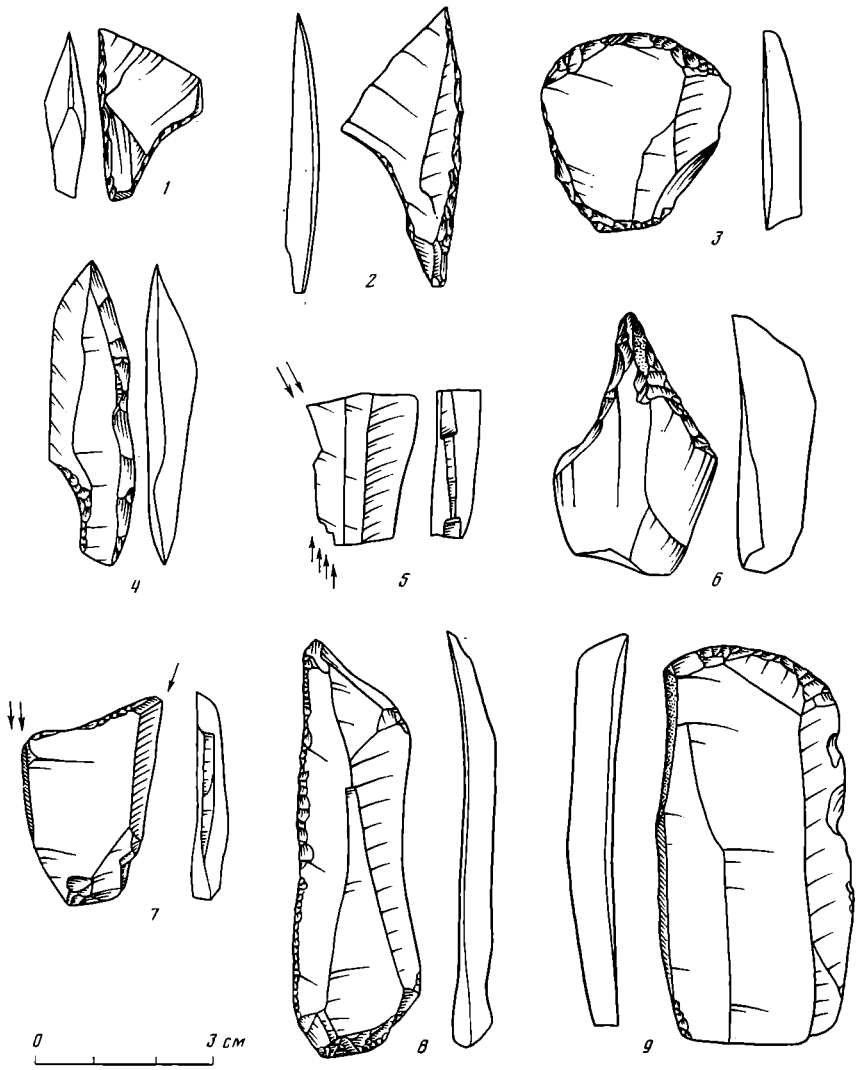


Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Староконстантиновская IV. *1*, *2*, *4* — наконечники стрел; *3*, *9* — скребки; *5*, *7* — резцы; *6* — сверло; *8* — нож

Остальной комплекс инвентаря в значительной мере повторяет инвентарь Иенева II (рис. 3, *3*, *5—9*). Скребков найдено 166 экз., среди них подавляющее большинство составляют различные варианты концевых форм, хотя найдены и подокруглые, и скребки неправильной формы. Резцов 135, что говорит об их значительной роли в производственной характеристике поселения. Больше половины из них составляют формы на сломанном конце заготовки, широко представлены резцы с ретушированной площадкой скола, значительно меньше срединных. Микролиты кроме указанного сегмента представлены четырьмя орудиями с вогнутым концом, затупленным ретушью, и 21 вкладышем на пластинах. Среди острий преобладают формы со скошенным ретушью концом (12 экз.), однако встречены и два ланцетовидных. Обнаружены 33 ножа разных форм и две пилки. Обращает на себя внимание небольшое количество скобелей (9 экз.), но все они отличаются от скобелей Иеневской стоянки: если там скобели в соответствии с размерами наконечников имели узкие и мелкие выемки, то здесь у всех скобелей выемки широкие и глубокие, что подчеркивает более крупные размеры стрел. Группа перфораторов представлена четырьмя сверлами и семью проколками. Есть в коллекции и комбинированные орудия.

К сожалению, и здесь не найдено никаких фаунистических и флористических остатков.

Что касается времени года, к которому относится эта стоянка, то высокое расположение заставляет предполагать существование памятника в

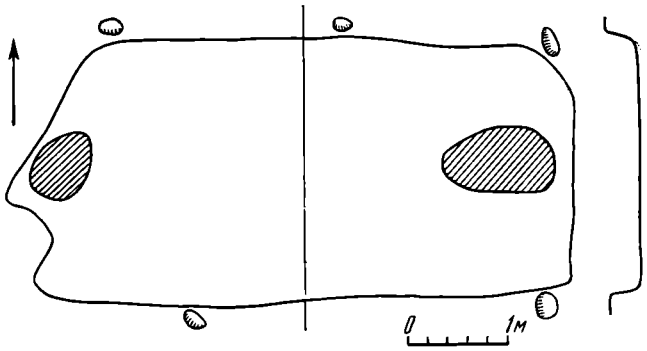


Рис. 4. План жилища на стоянке Дмитровское I

период высокого стояния уровня воды в водоемах. Это могло быть только во время весеннего половодья, которое в средней полосе европейской части СССР падает на вторую половину весны, т. е. на конец апреля — май, иногда доходя и до первой декады июня. Уровень поднятия водоемов во время осенних дождей не настолько высок, чтобы вынудить человека подняться на самую высокую точку террасы. Производственная площадка стоянки очень велика: она занимает всю раскопанную площадь. Большое количество очагов позволяет предполагать интенсивную обработку охотничьей добычи. Отсутствие жилищ может свидетельствовать о довольно теплом времени года, т. е. совсем не исключает конец весны — начало лета. Охотничий инвентарь предполагает охоту, главным образом на крупных животных. Здесь следует, видимо, обратиться к срокам рождения молодняка у крупных лесных животных, поскольку население пеневской культуры, как уже отмечалось, жило, безусловно, в лесу. Итак, у благородного оленя рождение молодняка происходит в конце мая — июне, у кабана рождение поросят — в марте — мае; рождение молоди у косули приходится на апрель — май, у лося — на апрель — июнь, наконец, у зубра или тура — на май — июнь [12]. Нужно отметить, что у всех этих животных при самках после рождения молодняка часто удерживаются и годовалые особи. Совершенно ясно, что охота на самок с молодняком легче и продуктивнее, чем охота на одиночных крупных животных. Наличие в одном комплексе крупных и мелких наконечников стрел, по нашему мнению, подтверждает это предположение. Интересны также находки среди рубящих орудий в одном комплексе не только топоров, но и тесел, что предполагает здесь и производство лодок для использования не во время половодья, а в надвигающийся меженный период стояния водоемов. Таким образом, сумма всех приведенных данных позволяет утверждать, что люди на месте стоянки Староконстантиновская IV («У вилки дорог») жили в период поздней весны и начала лета.

Перейдем еще к одному памятнику — стоянке Дмитровское I, находящейся на удалении 15 км от двух предыдущих выше по течению Волги на том же левом берегу [13]. Она находится на краю первой надпойменной террасы Волги, на берегу старицы. Расположение стоянки не на мысу террасы, а в ее центральной части свидетельствует, что место размещения поселения в данном случае не играло существенной роли.

На стоянке под руководством автора настоящей статьи была раскопана площадь свыше 260 м^2. Необходимо отметить, что стоянка этим раскопом не исчерпана, однако покрывающий ее лес сделал продолжение работ невозможным. Во время раскопок обнаружено подпрямоугольное жилище, углубленное в материк на 0,3 м. Размеры жилища 5,5×2,5 м. Вход, по-видимому, вел в юго-западную сторону, в направлении старицы Волги. Жилище имело очаг, служивший, вероятно, как для обогрева, так и для приготовления пищи. По краям углубления жилища снаружи обнаружено несколько крупных камней, которые, возможно, придавливали края кровли, сооруженной, может быть, из шкур крупных животных (рис. 4). Во всяком случае, трудно иначе объяснить такое расположение

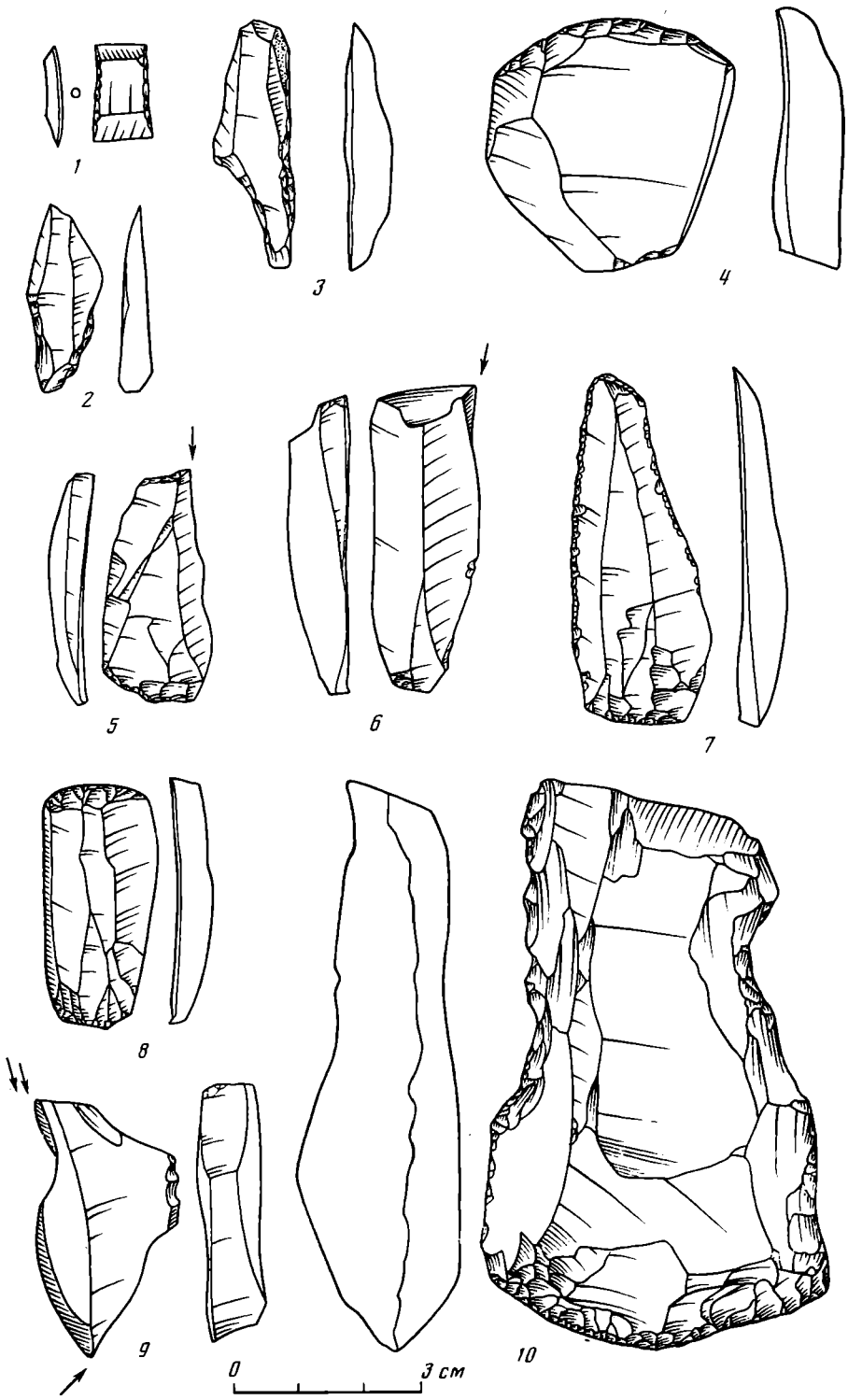


Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Дмитровское I. *1* — трапеция; *2*, *3* — наконечники стрел; *4*, *8* — скребки; *5*, *6*, *9* — резцы; *7* — нож; *10* — топор

камней. В самом жилище находок было немного. Никаких следов очагов за пределами жилища на открытой площади не выявлено. В непосредственной близости от жилища были обнаружены следы какой-то конструкции, буквально насыщенной кремневыми отходами: отщепами, осколками, сработанными нуклеусами и незначительным числом испорченных орудий. Рядом обнаружено несколько небольших ям, тоже насыщенных кремнем. Размеры указанной конструкции 2×1,5 м, и она могла быть специальной постройкой для «мастерской», где велась обработка кремня.

Таким образом, часть производственной деятельности могла осуществляться в этой постройке, а часть — в жилище. Отходы выбрасывались в специально приготовленные ямы. За пределами построек производственная деятельность на стоянке, возможно, и не велась.

Охотничье вооружение этой стоянки содержит как наконечники колющие, так и трапеции, служившие в качестве наконечников с поперечным лезвием (рис. 5, *1—3*). Количественно преобладают первые над вторыми (соответственно 7 и 2 экз.), что говорит о преобладании охоты на млекопитающих над охотой на птиц. Видимо, охота велась на всех животных, которые попадались охотникам, без особой специализации.

Рубящие орудия представлены семью топорами (рис. 5, *10*). Такое количество топоров легко объясняется необходимостью в их большом числе в зимнее время. Интересно, что большинство топоров крупного размера. Это заставляет предполагать обработку массивных деревянных изделий, может быть, сруба, опущенного в углубление, вырытое для жилища, и крепких конструкций перекрытия. Характерно, что ряд топоров с перехватом относится к типу, характерному для неневской культуры. Совершенно отсутствуют тесла, найдено одно долото. Есть еще две сильно сработанные мотыги с перехватом из опоки, которые могли употребляться для рыхления земли при выкапывании ям.

Остальной кремневый инвентарь не отличается от инвентаря описанных выше стоянок. Он, безусловно, служил для обработки продуктов охоты (рис. 5, *4—9*). В его составе 36 скребков, среди которых резко преобладают концевые формы, 34 резца, где примерно поровну представлены формы на сломанном конце заготовки и с ретушированной площадкой скола, но есть и срединные и поперечные. В микролитическую группу следует отнести кроме трапеций два микролита с затупленным ретушью концом и один вкладыш с затупленным краем. Четыре острия по типам делятся поровну на косые и ланцетовидные. Найдено 14 ножей. Среди шести скобелей примерно поровну экземпляров с узкими и широкими выемками. В группе перфораторов только проколки (6 экз.). Как и на других памятниках неневской культуры, широко представлены комбинированные орудия.

В отличие от предыдущих стоянок при раскопках поселения Дмитровское I обнаружена единичная находка остатков фауны — лопатка молодого бобра (определение В. И. Цалкина).

Подводя итоги изучения стоянки Дмитровское I, можно сказать, что ее обитатели не придавали особое значение выбору места для поселения. Хочется подчеркнуть, что небольшая дюнная возвышенность, расположенная к северу от памятника, могла в какой-то мере прикрывать поселение от холодных северных ветров. Утепленное жилище свидетельствует о существовании стоянки в холодное время года. Охотничий инвентарь говорит об охоте на любых животных, что скорее всего могло быть зимой. Отсутствие тесел свидетельствует также о холодном сезоне, когда лодки были не нужны. Производственная деятельность на поселении ограничивалась только постройками. И наконец, бобра, остатки которого найдены в раскопе, лучше было убивать именно зимой, когда у него хороший теплый мех, а его упитанность за лето и осень и запасы жира позволяют употреблять его в пищу. Совокупность этих данных позволяет нам предположить зимнее поселение мезолитического человека на стоянке Дмитровское I.

В 500 м к западу от стоянки Дмитровское I находится стоянка Черная Грязь I, раскопанная под руководством Д. А. Крайнова [14]. Она располагается на мысу низкого уровня первой надпойменной террасы того же левого берега Волги, между ее старицей и впадающей в нее долиной ручья Черная Грязь, в настоящее время дренированного. Памятник открыт ветрам с запада, севера и юга, с востока его прикрывает большая дюна, расположенная на первой надпойме. Общая величина исследованной на поселении площади свыше 200 м^2. В раскопе I, по-видимому, вскрывшем центр стоянки, не встречено никаких следов жилища, хотя обнаружены открытые очаги. Судя по скоплениям находок, вся производственная дея-

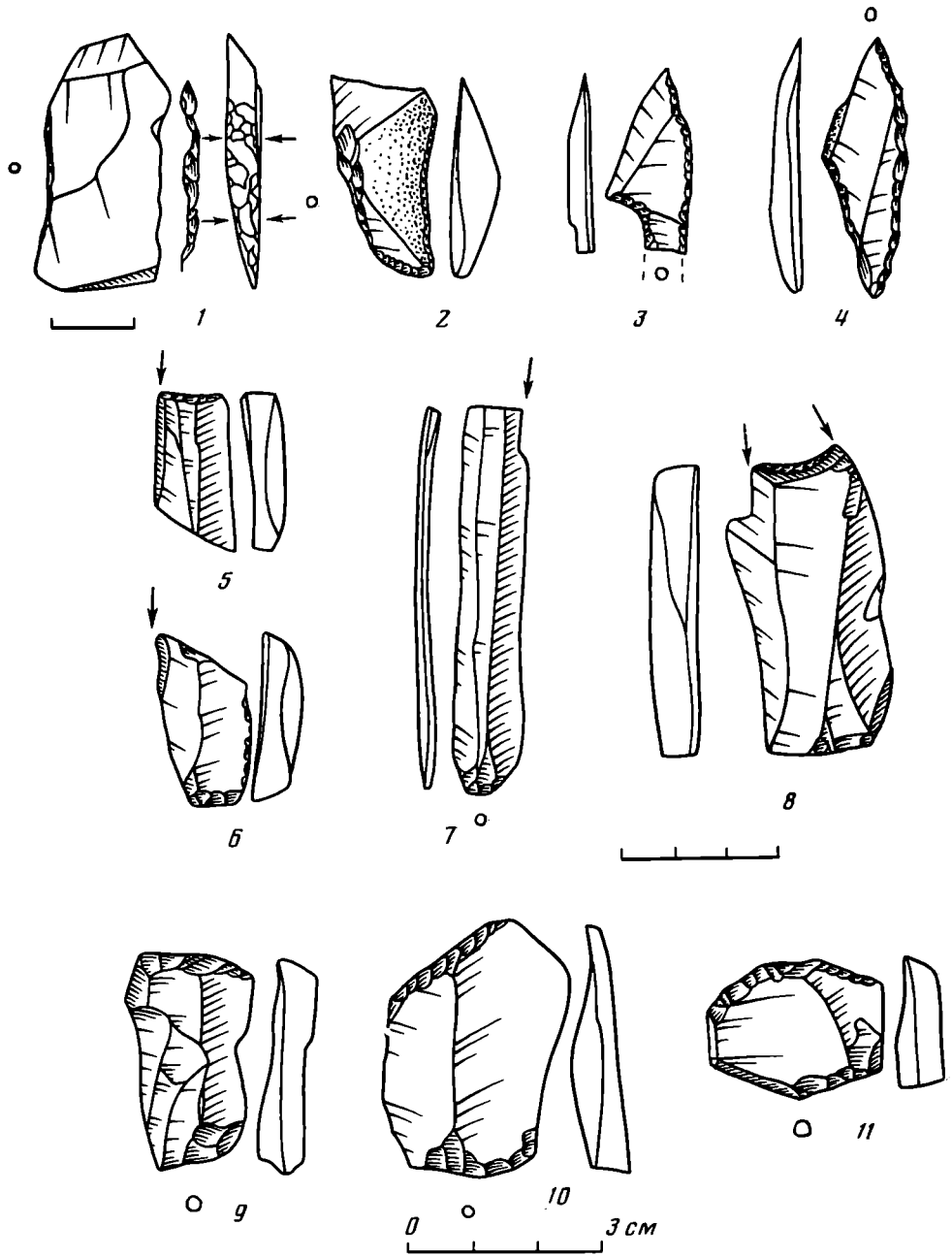


Рис. 6. Каменный инвентарь стоянки Черная Грязь I. *1* — трапеция; *2—4* — наконечники стрел; *5—8* — резцы; *9—11* — скребки

тельность на поселении осуществлялась у этих очагов, очевидно, под открытым небом или у ветровых заслонов, что было возможно только в теплое время года.

Охотничий инвентарь стоянки представлен разнообразными наконечниками стрел. Это прежде всего три асимметричных, характерных для пеневской культуры колющих наконечника стрел на отщепах. Кроме того, найдены наконечник стрелы с поперечным лезвием и грубая симметричная трапеция, тоже, вероятно, служившая наконечником с поперечным лезвием (рис. 6, *1—4*). Такой характер оружия предполагает недифференцированную охоту на разных животных, что было вполне возможно летом. Рубящие орудия представлены только обломком топора.

Остальной инвентарь стоянки не отличается от комплексов находок описанных выше памятников (рис. 6, *5—11*). В комплексе 18 скребков, главным образом концевых, 41 резец, в основном на сломанном конце

заготовки, хотя встречены и резцы с ретушированной площадкой скола. В микролитическую группу кроме указанной трапеции входят сегмент и два вкладыша. Острия представлены формами со скошенным ретушью концом (2 экз.); найдено четыре ножа. 20 отщепов со случайной ретушью, по мнению Д. А. Крайнова, служили ножами, скобелями и т. д. Из этого краткого перечня можно заключить, что инвентарь служил для обработки продуктов охоты.

Сравнение этих данных с описаниями предшествующих памятников позволяет считать стоянку Черная Грязь летним поселением. Об этом говорят плохая защищенность площадки поселения от ветров, отсутствие жилищ, концентрация производственной деятельности у открытых очагов, набор охотничьего инвентаря.

Итак, нами изложены материалы четырех стоянок одной локальной группы одной позднемезолитической культуры. Здесь представлены, как мы полагаем, памятники, оставленные в разные сезоны года. Их дальнейшее сравнительное изучение должно помочь восстановить годовой экономический цикл занятий населения, оставившего иеневскую культуру.

В настоящее время на большой площади раскопано значительное число стоянок этой культуры в районах Верхнего Поволжья, верхнего течения Оки и в бассейне р. Москвы. Практически о всех раскопанных памятниках мы можем сделать заключение относительно их сезонной принадлежности. Однако данная статья не может преследовать эту цель, так как потребовалось бы слишком много места для всестороннего анализа памятников. Мы лишь стремились показать, что даже очень ограниченная сумма фактов позволяет высказать предположение об отнесении того или иного мезолитического поселения к определенному времени года. Думается, что анализ сведений о поселении даст возможность распространить этот метод и на памятники других эпох каменного века. А такие данные в свою очередь значительно расширят наши представления о палеоэкономике первобытного общества, образе жизни людей, рациональной целенаправленности их хозяйства. С другой стороны, этот метод показывает, как могут быть опасны попытки датировок поселений по их расположению на различных высотных отметках и разных террасовых уровнях. Только всесторонний анализ топографии памятника, его инвентаря, фауны и бытовых конструкций, полученных во время раскопок, должен быть надежным критерием относительной (а иногда и абсолютной) хронологии того или иного памятника.

Следовало бы остановиться на еще одном вопросе. Наши европейские коллеги часто, как нам кажется, слишком упрощенно подходят к оценке охотничьего инвентаря мезолитических памятников, не учитывают сезонных различий между ними и на основе небольшой, порой определяемой статистически разницы в составе инвентаря принимают однокультурные стоянки за разнокультурные. Полагаем, что в таких случаях необходимо быть крайне осторожным. Изложенные выше материалы показывают, что стоянки одной и той же культуры могут иметь разный охотничий инвентарь в зависимости от сезона их функционирования. Статистика в таких случаях чревата серьезными ошибками, а математическая модель может исказить реальное положение вещей. Это, разумеется, не значит, что мы резко отрицательно относимся к статистике. Мы призываем обращаться со статистическими результатами с чрезвычайной осторожностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Clark J. G. D.* Seasonality and the Interpretation of Lithic Assemblages.— In: Estudios dedicaelos al professor dr Luis Pericot. Barcelona, 1973.
2. *Brinch Petersen E.* A Survey of the Late Palaeolithic and Mesolithic of Denmark.— In: The Mesolithic in Europe / Ed. Kozlowski S. K. Warsaw, 1973.
3. *Jochim M. A.* Hunter-Gatherer Subsistence and Settlement. A predictive model. New York, 1976.
4. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977.
5. *Кольцов Л. В., Бодунов Е. В., Жилин М. Г.* Работы Верхневолжской экспедиции в Калининской области.— АО—1975. М., 1976.
6. *Кольцов Л. В., Воробьев В. М., Жилин М. Г., Максимов А. Д.* Работы в Калининской области.— АО — 1976. М., 1977.

7. *Михеев А. В.* Отряд гусеобразные.— Жизнь животных, т. 5. М., 1970.
8. *Наумов С. П.* Отряд зайцеобразные.— Жизнь животных, т. 6, М., 1971.
9. *Новиков Г. А.* Отряд хищные.— Жизнь животных, т. 6, М., 1971.
10. *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции.— АО — 1970. М., 1971.
11. *Крайнов Д. А.* Исследование Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях.— АО — 1971. М., 1972.
12. *Банников А. Г., Флинт В. Е.* Отряд парнокопытные.— Жизнь животных, т. 6, М., 1971.
13. *Кольцов Л. В.* Раскопки в Ярославской и Калининской областях.— АО — 1970. М., 1971.
14. *Крайнов Д. А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I.— КСИА, 1972, вып. 131.

L. V. Koltsov

ON THE SEASONAL USE OF MESOLITHIC SITES

(on the materials of the Volga-Oka interfluve)

Summary

The author offers some methods for establishing seasons in which some Mesolithic sites were used. They were elaborated as applied to a local group of Mesolithic sites of the Ienevo culture. The methods include: description of the site's topography and its environments; establishment of the nature of the settlement's dwelling and production areas; characteristic of stone industry, particularly hunting and wood-working implements; studies of the results of the trace-wear analysis; description of the nature of faunal and macrofloral remains. The combination of similar data defines the Ienevo II site as a late autumn — early winter camp, the Staraya Konstantinovka IV site is regarded as a camp used in late spring and early summer, the Dmitrovskoe I site was a winter settlement, while the Chernaya Gryaz I site was used in summer. The author cautions against an indiscriminate definition of the cultural affiliation and dating of the sites when due account of the seasonal uses of the sites should be taken.

НИКОЛОВА А. В., РАССАМАКИН Ю. Я.

О ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

Исследования последних лет существенно изменили представления археологов о времени появления в степях Украины первых подкурганных захоронений. Среди материалов древнейших курганов этой территории выделена особая группа энеолитических погребений, которые отличаются от древнеямных по обряду и инвентарю и стратиграфически им предшествуют. Эти памятники известны в литературе как погребения «нижнемихайловского типа» и «вытянутые» [1—5]. Однако основные вопросы их культурной атрибуции, хронологии, связей с синхронными культурными группами пока далеки от удовлетворительного разрешения и требуют детальной разработки. Выяснение данных вопросов осложняется в первую очередь из-за отсутствия четких критериев выделения обоих типов памятников. Так, О. Г. Шапошникова и Д. Я. Телегин к памятникам «нижнемихайловского типа» относят все «неямные» подкурганные погребения с различными могильными конструкциями и разным положением умершего

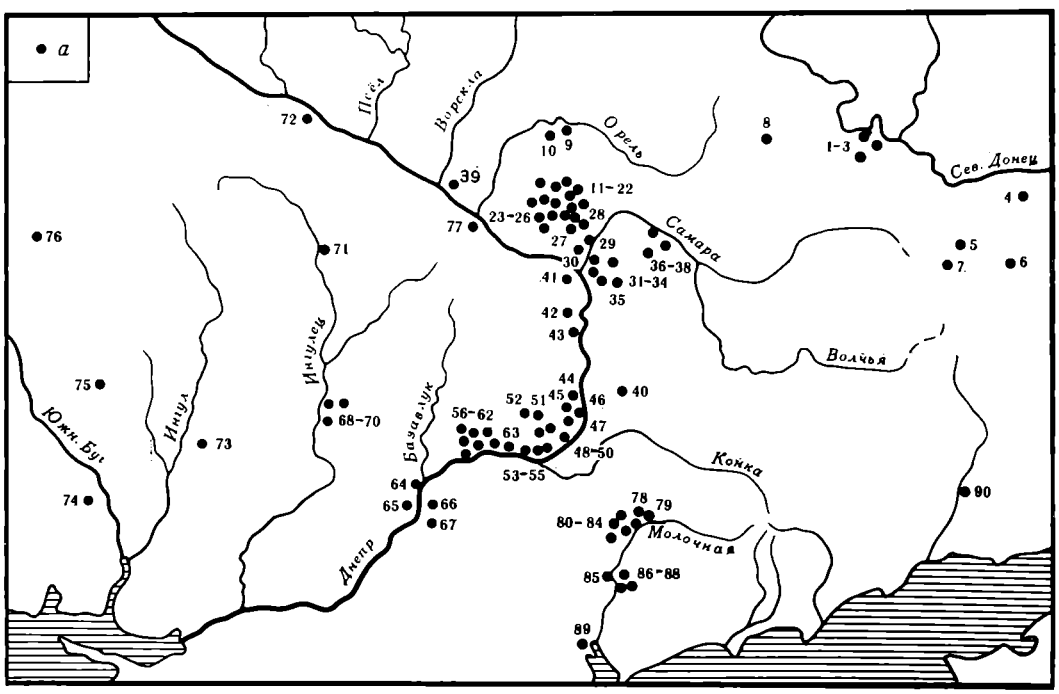


Рис. 1. Схема распространения курганов с «вытянутыми» энеолитическими погребениями на территории Украины (до Южного Буга). *а* — курганы; *1* — Каменка; *2* — Коваловка; *3* — Шпаковка; *4* — Ступки; *5* — Родионовка; *6* — Переездная; *7* — Камышеваха; *8* — Князево; *9*, *10* — Бузовка; *11—22* — Верхняя Маевка; *23—26* — Хащевое; *27* — Подгородное; *28* — Спасское; *29*, *30* — о. Самарский; *31—34* — Соколово; *35* — Чапли; *36—38* — Булаховка; *39* — Орлик; *40* — Любимовка; *41* — г. Днепропетровск; *42* — Калиновка; *43* — Орехово; *44*, *45* — Разумовка; *46* — Верхняя Хортица; *47* — Нижняя Хортица; *48—50* — Марьевка; *51* — Выводово; *52* — Садовое; *53—55* — Верхняя Тарасовка; *56—62* — г. Орджоникидзе; *63* — Никопольское курганное поле; *64* — Нововоронцовка; *65* — Золотая Балка; *66*, *67* — Первомаевка; *68—70* — Широкое; *71* — Чечелиевка; *72* — Пушкаровка; *73* — Старогорожено; *74* — Ковалевка; *75* — Петропавловка; *76* — Серезлиевка; *77* — Млынок; *78* — Шовтневое; *79* — Заможное; *80—84* — Виноградное; *85* — Терпенье; *86—88* — Ново-Филипповка (Аккермень I); *89* — Юрьевка; *90* — Раздольное

№ п.п.	Курганная группа, курган	Курган №	Погребение №	Количество энеолитических погребений в кургане	Стратиграфическое положение погребения		Характеристика кургана			
							размеры кургана, м		конструктивные детали	
					основное	впускное	высота	диаметр	ров	кромлех, крепида
1	Группа Богдановского карьера	2	3	3		+	5	60		
2	То же	2	17	3		+	5	60		
3	»	2	25	3	+		5	60		
4	Группа Шевченковского карьера	1	1	2		+	1,80	18		+
5	То же	1	10	2	+		1,65	12		
6	Группа Испановых Могил	2	9	1	+		0,8	8		
7	Курган «Долгая Могила»	1	12	1	+		0,5	12		
8	Группа Чкаловская	3	10	7		+	3,5	33		*
9	То же	3	11	7		+	3,5	33		
10	»	3	16	7	+		2,5	22		
11	»	3	19	7	+		2,5	22		+
12	»	3	25	7	+					
13	»	3	29	7	+		2,5	22		
14	»	3	32	7	+		2,5	22		
15	С. Верхняя Тарасовка	59	21	2	+		3,0	26		
16	То же	59	2	2		+	3,0	26		
17	»	65	1	1	+		1,0	24		
18	»	79	13	1	+		1,7	11		
19	С. Выводово	94	5	1	+		1,3	20		
20	С. Садовое	101	12	1	+		3,5	17		+
21	С. Марьевка	14	7	1	+		1,6	10,5		+
22	С. Марьевка	17	2	1	+		1,0	26		
23	»	21	4	1	+		1,3	18,4	+	
24	С. Изобильное	2	2	1	+		0.5	15		
	Всего:	14 кург.		24	18	6			1	4

(от вытянутого до скорченного, на спине или боку). Объединяющим признаком в основном служит наличие керамики, технологически близкой керамике нижнего слоя Михайловского поселения [1, 3]. В то же время И. Ф. Ковалева на основании анализа погребального обряда большой группы захоронений, сосредоточенных в междуречье Орели и Самары, приходит к выводу, что погребения с вытянутым положением покойника — особое явление. Памятники этого типа отличаются от «нижнемихайловских» [5, с. 50—53].

На Левобережье Днепра, в частности в Орельско-Самарском междуречье, выделение И. Ф. Ковалевой особой компактной группы «вытянутых» погребений не вызывает сомнений. На Правобережье, где также сконцентрировано большинство ныне известных энеолитических погребений (рис. 1), картина более сложная; она характеризуется многообразием как погребального обряда, так и инвентаря, что существенно осложняет определение культурной принадлежности энеолитических памятников этой территории. Согласно мнению О. Г. Шапошниковой и Д. Я. Телегина, район степного Днепровского Правобережья входит в область распространения единой культуры, представленной памятниками «нижнемихайловского типа» [2, с. 8; 3, с. 15], тогда как И. Ф. Ковалева считает, что появление «вытянутого» обряда на этой территории связано с проникновением в инокультурную среду населения с Левобережья [5, с. 53]. В свое время В. Г. Збенович высказал предположение о том, что в энеолитическую эпоху на территории степной Украины, и в частности на Пра-

Таблица 1

энеолитических памятников Правобережья

Характеристика могильного сооружения														
тип могильного сооружения		перекрытие			форма ямы		ориентировка могильных сооружений				размеры могильных сооружений, м		
яма	ящик	деревянное	каменное	прямоугольная	овальная	«ладьевидная»	В	С-В	С-З	Ю-В	длина	ширина	глубина (высота)
	+		+	+				+			2,7	1,7	0,6
	+		+	+				+			2,8	1,2	0,7
+		+			+		+				1,4	1,0	0,8
	+		+	+				+			2,1	1,2	0,55
+			+			+		+			2,7	1,0	0,5
+			+			+	+				1,7	0,65	0,65
+					+		+				1,8	1,06	0,6
							+				—	—	—
+			+		+		+				1,24	0,6	0,58
+			+		+			+			1,05	0,55	0,6
+			+		+			+			0,85	0,65	0,59
+					+		+				1,12	0,68	0,72
+		+			+		+				2,0	1,5	1,06
+					+					+	0,72	0,61	0,6
+				+			+				2,0	0,8	0,4
	+		+	+				+			2,2	0,7	0,7
+		+		+			+				2,0	1,0	0,85
+				+			+				1,4	0,8	1,05
+		+			+		+				2,05	1,2	0,7
+						+	+				1,9	0,75	0,8
	+		+	+				+			2,1	0,8	0,66
+				+			+				2.1	0.8	0,5
+				+					+		2.0	1,0	0,85
+					+				+		?	0,8	0,7
18	5	4	10	10	10	3	13	8	2	1			

вобережье, существовали различные группы населения, имеющие разные генетические корни [6, с. 66]. Таким образом, остается открытым вопрос: принадлежат ли энеолитические подкурганные памятники Днепровского Правобережья к одной культуре или они представляют несколько отдельных культурных групп? В этой связи важно привлечь новые материалы, добытые Орджоникидзевской и Верхнетарасовской экспедициями Института археологии АН УССР на территории Днепропетровской и Запорожской областей [1].

В предлагаемой статье рассматриваются 24 энеолитических погребения из 14 курганов, исследованных на небольшой территории, ограниченной с севера широтой г. Запорожья, с востока и юга — Днепром, а с запада — его притоком р. Базавлук (рис. 2). Могильники, в которых были обнаружены эти погребения, располагались на плато, вблизи водных источников. Все 24 погребения являлись древнейшими в курганах; с ними связано сооружение первых насыпей и досыпок (табл. 1). Высота насыпей непосредственно над энеолитическими погребениями колеблется от 0,5 до 3 м, диаметр — от 8 до 26 м. В одном случае с погребением связан ров, в четырех случаях — каменные кромлехи и крепида (рис. 3; рис. 4, *7*). Вокруг погр. 10 кург. 3 (группа Чкаловская) обнаружен кромлех из бычьих черепов (рис. 5, *1*), Могилы были перекрыты в четырех случаях деревом, в 10 случаях — каменными плитами. Ямы имели размеры

[1] Приносим благодарность начальникам экспедиций Б. Н. Мозолевскому и Н. Н. Чередниченко за разрешение опубликовать материал.

№ п.п.	Курганная группа, курган	Курган №	Погребение №	Характеристика						
				положение погребенного			ориентировка погребенного			
				вытянуто	скорчено на спине	скорчено на боку	В	С-В	С-З	Ю-В
1	Группа Богдановского карьера	2	3	+				+		
2	То же	2	17	+				+		
3	»	2	25	Разрушено						
4	Группа Шевченковского карьера	1	1	+				+		
5	То же	1	10	+				+		
6	Группа Испановых могил	2	9	+			+			
7	Курган «Долгая могила»	1	12	+			+			
8	Группа Чкаловская	3	10	+			+			
9	То же	3	11	+			+			
10	»	3	16	+				+		
11	»	3	19			+		+		
12	»	3	25	+			+			
13	»	3	29	Разрушено						
14	»	3	32			+				+
15	С. Верхняя Тарасовка	59	21	+			+			
16	То же	59	2		+			+		
17	»	65	1	+			+			
18	»	79	13	+			+			
19	С. Выводово	94	5	+			+			
20	С. Садовое	101	12	+			+			
21	С. Марьевка	14	7	+				+		
22	»	17	2	+			+			
23	»	21	4	+					+	
24	С. Изобильное	2	2	+					+	
	Всего:	14 кург.		19	1	2	12	8	2	1

* Погр. 10 кург. 3 Чкаловской группы совершено на поверхности первой насыпи; захоро

от 0,72×0,61 м до 2,7×1,0 м, глубина их составляла 0,4 — 1,06 м. Погребенные лежали в 19 случаях вытянуто на спине, в одном — скорченно на спине с согнутыми в коленях и поднятыми вверх ногами, в двух — скорченно на боку (правом и левом). Ориентировка отмечена на юго-восток, северо-запад, северо-восток, восток (соответственно 1, 2, 7, 12 погребений). Степень окраски скелетов различна. В девяти погребениях обнаружены куски охры, в 10 погребениях присутствовал инвентарь, представленный сосудами, металлическими изделиями, глиняной пластинкой и мелким бисером из створок раковин и антрацита.

Могильные сооружения погребений разделяются на два типа: I — грунтовые ямы, II — каменные ящики. В свою очередь погребения I типа по форме распределяются на три группы: узкие овальные ямы, сужающиеся ко дну, условно названные нами «ладьевидными», четырехугольные в плане ямы (часто с закругленными углами) и расширяющиеся к изголовью сравнительно широкие овальные ямы. Погребения в каменных ящиках ввиду их малочисленности пока не поддаются дифференциации, однако в конструктивных деталях и приемах обработки плит отмечаются некоторые различия.

Сопоставление признаков погребального обряда и соотношение их с типом могильного сооружения позволило выделить следующие группы погребений (табл. 2).

Группа а — сюда вошли три погребения, совершенные в узких, «ладьевидных» ямах, с вытянутыми на спине костяками, ориентированными го-

погребения	положение рук погребенного			окраска охрой		изделие из охры		инвентарь						
	вытянуты	слегка согнуты	согнуты, кисти у лица	интенсивная	отдельные части	формованные куски	аморфные куски	сосуд	бронзовый нож	медные проколки	костяные проколки	изделия из кремня	бисер из раковин	антропоморфные статуэтки
	+	+		+		+			+					
	+			+	+		+							
					+									
	+			+										
	+			+		+						+		+
	+				+	+								
	+					+		+			+			+
			+	+									+	
	+			+				+						+
				+		+		+		+				
	+			+					Фрагмент сосуда на погребенном черноземе					
	+			+								+		
	+			+			+							
	+			+			+	+						
	+			+		+								
	+			+										
	+			+										
					+									
					+									
17	1	1	16	5	5	4	4	1	1	1	2	1	3	

нение окружал кромлех.

ловой на восток и северо-восток (рис. 6, *1—3*). Кости погребенных интенсивно окрашены охрой (в ряде случаев ее слой достигал 3—5 см). В одном случае насыпь над погребением укреплена крепидой (Садовое, кург. 101, погр. 12).

Группа б включает пять погребений, совершенных в четырехугольных ямах, с вытянутыми на спине костяками, ориентированными головой на восток и северо-восток, в одном случае (Марьевка, кург. 21, погр. 4) — на северо-запад. Интенсивность окраски скелетов различна — от очень сильной до окраски отдельных частей. В одном случае погребение окружено рвом (Марьевка, кург. 21, погр. 4).

Группа в включает 10 погребений в широких овальных ямах, с вытянутыми на спине и скорченными на боку костяками, ориентированными головой на восток, северо-восток, северо-запад, юго-восток. Степень окраски скелетов охрой различна, но преобладает интенсивная. Одно погребение окружено кромлехом (группа Чкаловская, кург. 3, погр. 19).

Группа г состоит из пяти погребений, совершенных в каменных ящиках (рис. 7). В четырех ящиках костяки лежали вытянуто на спине, в одном — скорченно на спине с согнутыми в коленях и поднятыми вверх ногами, ориентированы головой на северо-восток. Кости погребенных интенсивно окрашены охрой. Два погребения (группа Шевченковского карьера, кург. 1, погр. 1; Марьевка, кург. 14, погр. 7) окружены кромлехами.

Тип	Группа	Общее количество погребений	Стратиграфическое положение погребения		Подкурганные сооружения		Материал перекрытия		Ориентация погребенного			
			основные	впускные	ров	кромлех (крепида)	дерево	камень	В	С-В	С-З	Ю-В
I	*а*	3	3	–	–	1	–	2	2	1	–	–
	б	5	5	–	1	–	1	–	3	1	1	–
	в	10	8	2	–	1	3	3	6	2	1	1
II	*г*	5	1	4	–	2	–	5	1	4	–	–
Всего:		23	17	6	1	4	4	10	12	8	2	1

Наличие стратиграфических данных позволяет произвести хронологическое членение рассматриваемых погребений по выделенным группам. Стратиграфически все они предшествуют погребениям позднего этапа ямной культуры.

Погребения группы *а* — основные в курганах; одно из них перекрыто насыпью с погребением в каменном ящике (группа Шевченковский карьер, кург. 1; рис. 3).

Погребения группы *б* также все основные. В одном случае могила перекрыта погребением, совершенным в каменном ящике (Верхняя Тарасовка, кург. 59); в другом случае погребение этой группы по ряду аналогий в деталях погребального обряда (обмазка челюстей погребенного смолой и охрой) синхронно, а возможно, и культурно близко основному погребению в каменном ящике, находившемуся в той же курганной группе (Марьевка, кург. 17, погр. 2 и кург. 14, погр. 7).

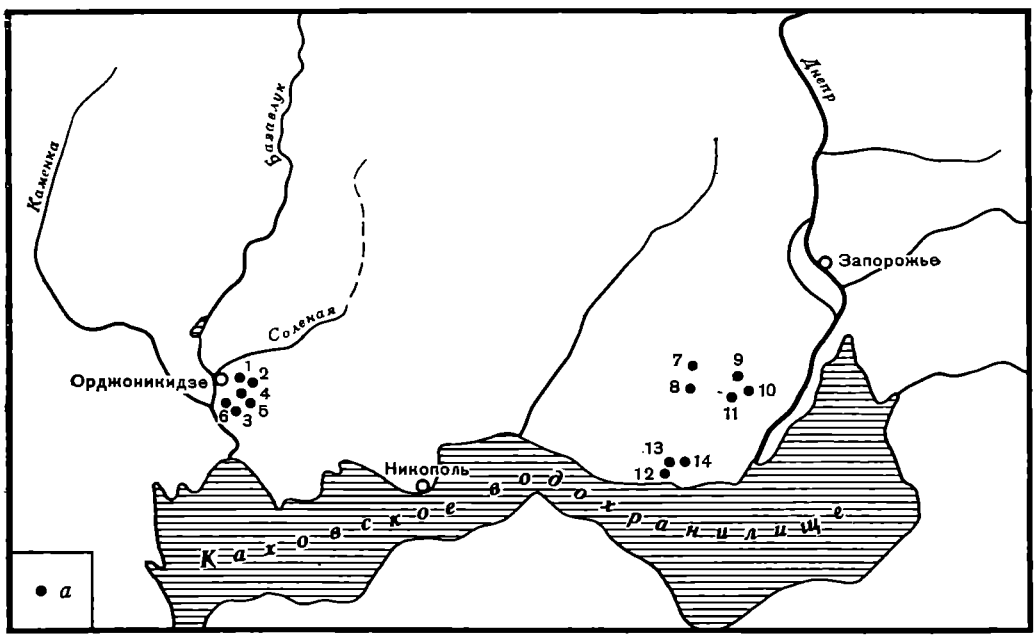


Рис. 2. Схема расположения могильников с энеолитическими погребениями, публикуемыми в статье. *а* — курганы; *1* — группа Богдановского карьера, кург. 2; *2* — Чкаловская группа, кург. 3; *3* — группа Испановых Могил, кург. 2; *4* — Изобильное, кург. 2; *5* — группа Шевченковского карьера, кург. 1; *6* — кург. «Долгая Могила»; *7* — Выводово, кург. 94; *8* — Садовое, кург. 101; *9—11* — Марьевка, кург. 14, 17, 21; *12—14* — Верхняя Тарасовка, кург. 59, 65, 79

обряда по типам могильного сооружения

Положение погребенного				Изделия из охры		Инвентарь				
вытянуто	скорчено на спине	скорчено на левом боку	скорчено на правом боку	формованные куски	аморфные куски	керамика	металл	кость	кремень	глиняная пластика
3	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
5	–	–	–	–	3	2	–	–	–	–
6	–	1	1	4	1	3	1	1	1	3
4	1	–	–	–	1	–	1	–	1	–
18	1	1	1	5	5	5	2	1	2	3

В курганы же, сооруженные над погребениями группы *в*, впущены как погребения, относящиеся к этой же группе (группа Чкаловская, кург. 3), так и погребения в каменных ящиках (группа Богдановского карьера, кург. 2). Особо следует отметить наличие в этой группе погребений единовременного могильника с захоронениями, в которых костяки лежали вытянуто на спине и скорченно на боку. Планировка и стратиграфическое положение этих погребений, впущенных с уровня древнего горизонта и перекрытых одной насыпью, свидетельствуют о синхронности двух видов положения погребенного (группа Чкаловская, кург. 3; рис. 8).

Инвентарь по выделенным группам погребений распределяется следующим образом (табл. 2): группа *а* — инвентарь отсутствует; в группе *б* керамика представлена сосудом (Верхняя Тарасовка, кург. 79, погр. 13) и фрагментом венчика (Верхняя Тарасовка, кург. 59, погр. 21; рис. 9, *5*, *6*). По технологическим особенностям (наличию толченой ракушки в тесте, качеству обжига) они имеют близкие аналогии в первой группе керамики нижнего слоя Михайловского поселения [7, с. 30]. Биконическая форма сосуда не характерна для степной энеолитической керамики и напоминает кубки трипольской культуры. По-видимому, сосуд является грубым подражанием трипольским образцам.

Наиболее многочислен инвентарь в погребениях группы *в*. Керамика обнаружена в трех погребениях (группа Чкаловская, кург. 3, погр. 11, 25, 32). Сосуд из погр. 32 (рис. 10, *4*), несмотря на отсутствие прямых аналогий, имеет определенные черты сходства с керамикой памятников, относимых в настоящее время к «нижнемихайловскому типу». Здесь следует назвать сосуды из Грушевки (кург. 1, погр. 3; кург. 2, погр. 8) [8, с. 47, табл. 1, *1*], Широкого (кург. 1, погр. 3) [9, с. 19, табл. III, *5*], Соколовки (кург. 2, погр. 3) [10, с. 93, 94, рис. 11, *1*]. Сосуды этого типа (рис. 11, *1—4*) имеют шаровидное тулово, округлое или уплощенное дно, высокую горловину-раструб, часто с отогнутым наружу венчиком. Место перехода горловины в тулово часто подчеркнуто неглубокой ложбиной. Все эти сосуды близки и по технологическим признакам: плотности теста, качеству примесей, обработке поверхности (подлощенности) и цвету [2, с. 8]. Миниатюрные сосуды из погр. 25 (рис. 10, *10*) и погр. 11 (рис. 5, *3*) практически не имеют прямых аналогий в материалах степных энеолитических памятников. В некоторой степени сосуд из погр. 11 формой и характером орнаментации напоминает известный сосуд из хут. Попова (кург. 31, погр. 4) [11, с. 385, рис. 27, *6*], но первый, в отличие от второго, не имеет ракушки в тесте. Сосуд из погр. 25 по характеру теста близок позднетрипольским статуэткам, с которыми и были найдены оба сосуда.

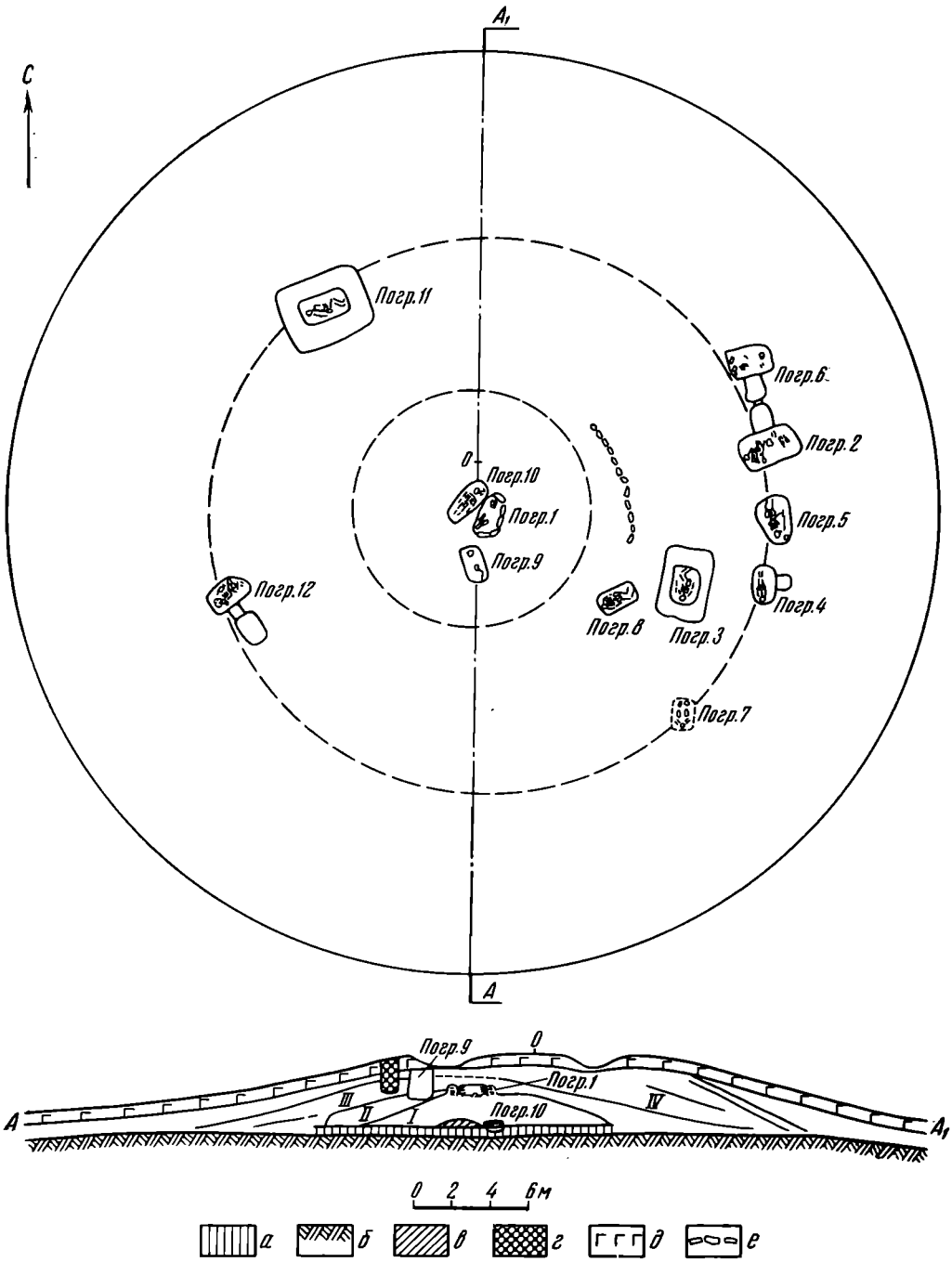


Рис. 3. Кург. 1 группы Шевченковского карьера. План и разрез по линии $А — А_1$. *I*, *II*, *III*, *IV* — насыпи. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — материковый выкид из погр. 10; *г* — окопы; *д* — слой дерна; *е* — камни кромлеха

Следующую и наиболее многочисленную категорию находок в этой группе погребений составляют глиняные антропоморфные статуэтки (четыре целых экземпляра и три в фрагментах) из погр. 11 и погр. 25 кург. 3 группы Чкаловская и погр. 12 кург. «Долгая Могила» (рис. 4, *2*, *3*; рис. 5, *2*; рис. 10, *6—9*). В настоящее время, с учетом публикуемых, на территории Украины известно 26 статуэток так называемого «серезлиевского типа» из 11 погребальных комплексов[2] и один фрагмент, обнаруженный

[2] Серезлиевка — 1 экз. [3, с. 11, рис. 4, *11*]; Ермолаевка, кург. 2 — 9 экз. [12, с. 80—83, рис. 2]; Широкое, кург. 1, погр. 18 — 1 экз. [9, с. 19, табл. III, *4*]; Петропавловка — 2 экз. [2, с. 9]; Новоалексеевка, кург. 6, погр. 15 — 2 экз. [6, с. 61, 62, рис. 1, *5*, *6*]; Баратовка, кург. 1, погр. 16 — 2 экз. [13, с. 252; 3, с. 13]; Александровка (совхоз «Прогресс»), кург. 1, погр. 11— 1 экз.; Заозерное — 1 экз. [14, с. 283, 284]; «Долгая Могила» — 2 экз.; группа Чкаловская, кург. 3, погр. 11, 25 — 5 экз.

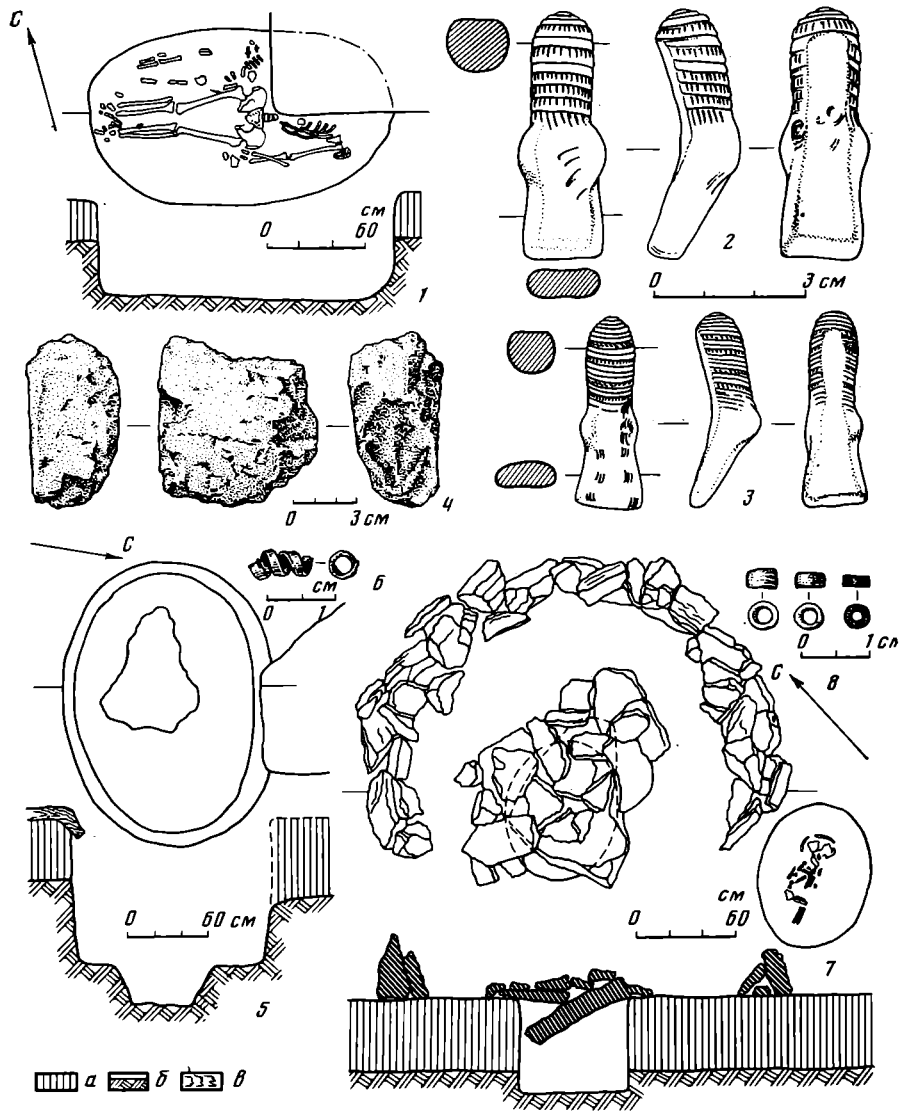


Рис. 4. Кург. «Долгая Могила». *1* — план и разрез погр. 12; *2*, *3* — глиняные статуэтки, погр. 12; *4* — формованный кусок охры, погр. 12. Кург. 3 группы Чкаловская: *5* — план и разрез погр. 29; *6* — медная пронизь, погр. 29; *7* — план и разрез погр. 19; *8* — бисер из раковин и антрацита, погр. 19. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — деревянное перекрытие

на поселении Сандраки [15, с. 18, рис. 5, *15*]. Погребения, в которых обнаружены вышеуказанные статуэтки, в литературе отнесены к погребениям «нижнемихайловского типа» или «вытянутым» [3, с. 14; 9, с. 29—31]. В. Г. Збенович считает, что эти статуэтки характерны для памятников южнобугского варианта позднего Триполья (хотя следует заметить, что специфика этого варианта окончательно еще не выяснена) и появились они под влиянием пластики усатовского типа [6, с. 63].

Костяные изделия представлены 6 экз. проколок из погр. 16 кург. 3 группы Чкаловская (рис. 10, *2*) с утолщенной и хорошо обработанной рукоятью. Аналогичные предметы обнаружены в нижнем слое Михайловского поселения [7, с. 30, рис. 11, *10*] и в погр. 11 кург. 1 у с. Васильевка Херсонской обл. [16, с. 33], которое по всем признакам погребального обряда может быть отнесено к кругу памятников «нижнемихайловского типа» [3]. Не исключено, что подобные изделия являются характерными именно для этого типа памятников.

[3] Приносим благодарность А. И. Кубышеву за возможность использовать неопубликованный материал.

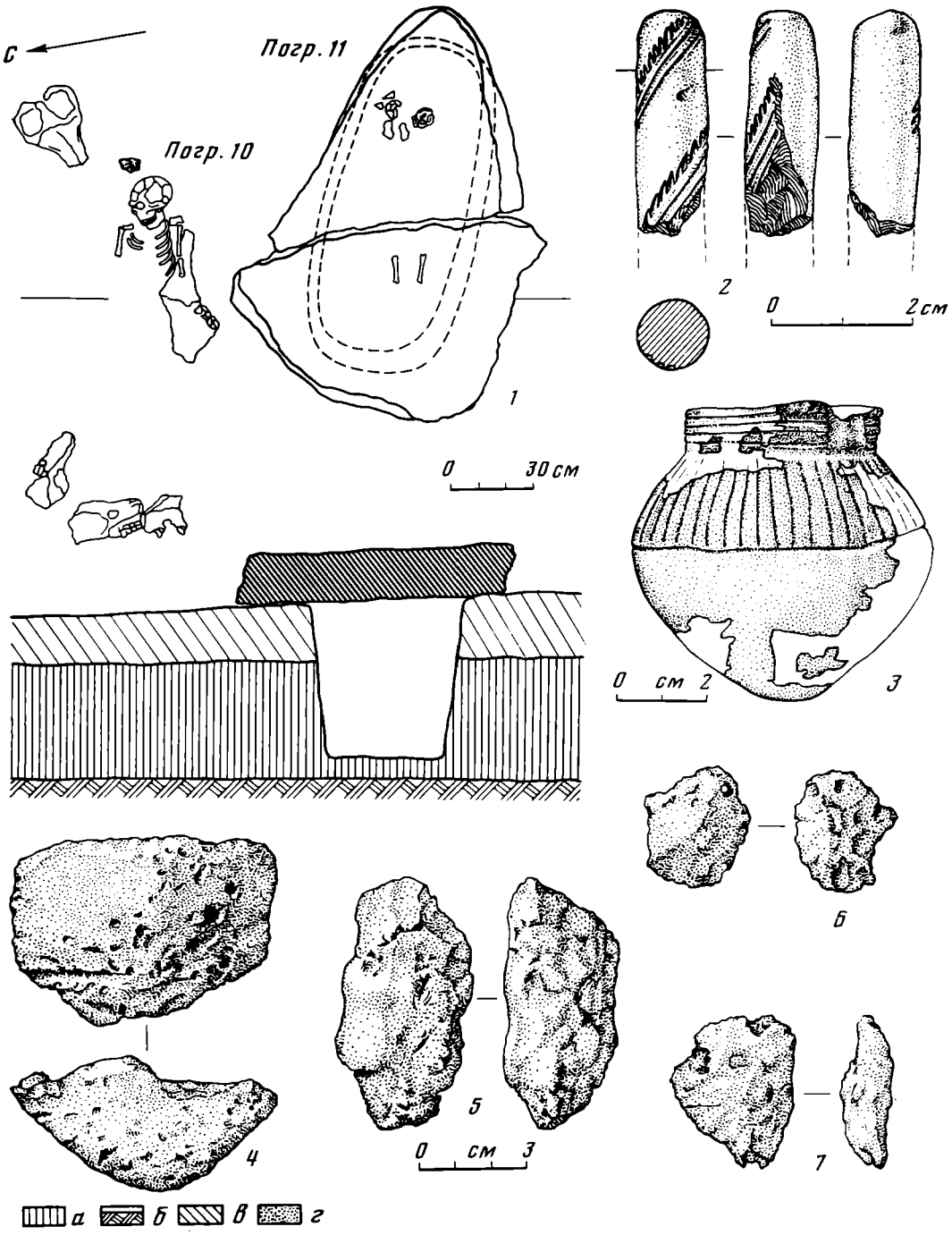


Рис. 5. Кург. 3, погр. 10 и 11 группы Чкаловская: *1* — план, разрез; *2* — фрагмент глиняной статуэтки из погр. 11; *3* — сосуд из погр. 11, *4*—*7* — формованные куски охры из погр. 10, 11. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — первичная насыпь; *г* — охра

Металл представлен двумя медными спиралевидными пронизями в 2,5 оборота из погр. 29 кург. 3 группы Чкаловская (рис. 4, *6*). Многовитковые медные спиралевидные пронизи были обнаружены в энеолитическом «вытянутом» погребении у с. Разумовка (кург. 1, погр. 5) [17, с. 61, рис. 1, *3*]. Для территории Левобережья, и в частности для «вытянутых» погребений Орельско-Самарского междуречья, более характерны трубчатые пронизи [4, с. 68, рис. 3, *4*]. На Правобережье подобные трубчатые пронизи в памятниках рассматриваемых групп известны на о. Хортица в погр. 4, кург. 3 [18, с. 18, 19, рис. 60] и погр. 7, кург. 1 с. Калиновка [19, с. 306].

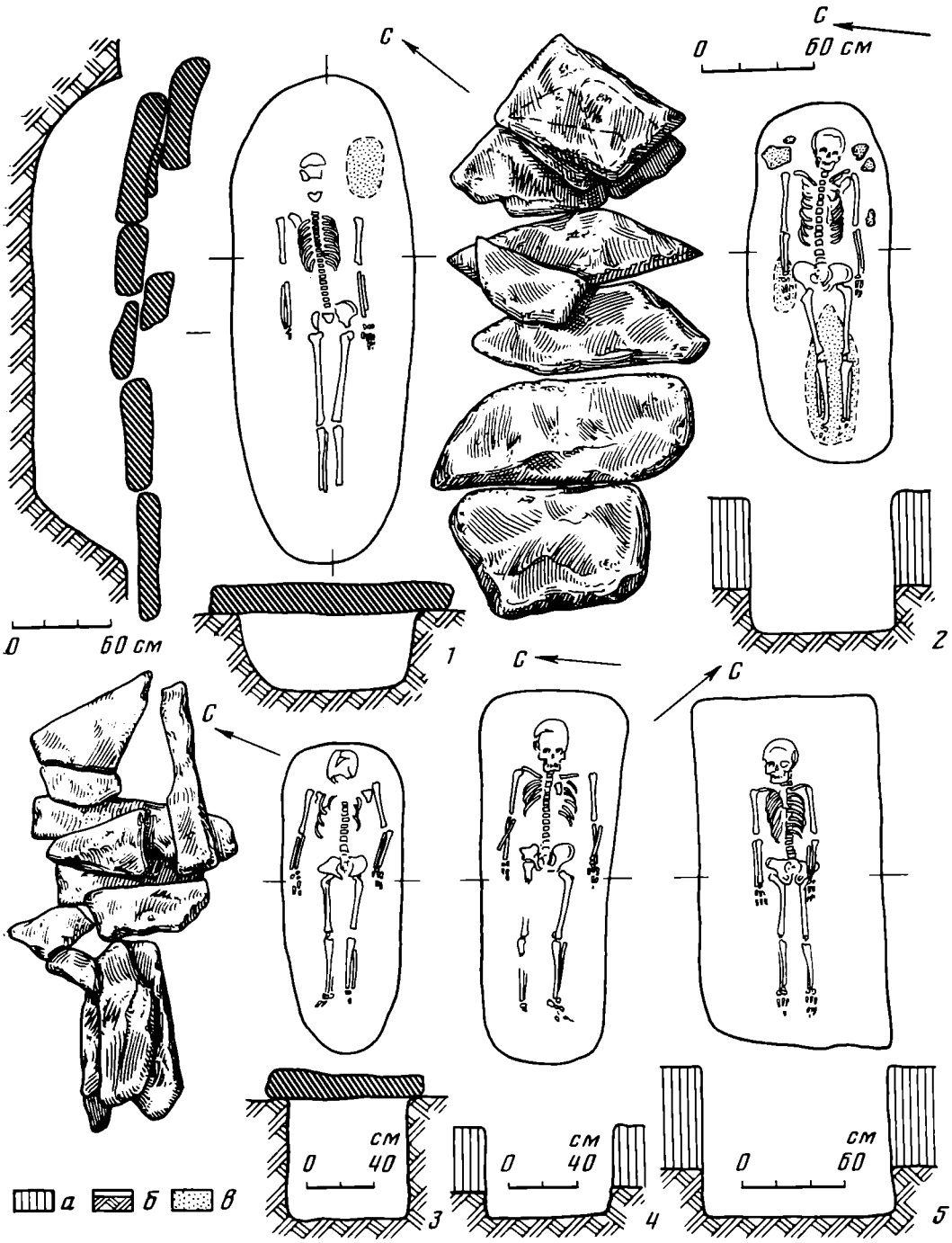


Рис. 6. Планы и разрезы погребений. *1* — группа Шевченковского карьера, кург. 1, погр. 10; *2* — Садовое, кург. 101, погр. 12; *3* — группа Испановых Могил, кург. 2, погр. 9; *4* — Марьевка, кург. 17, погр. 2; *5* — Марьевка, кург. 21, погр. 4. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — охра

Бисер из створок раковин имеет аналогии в материалах погребений усатовского [20, с. 64, рис. 25, *19*] и «нижнемихайловского» [11, с. 386, рис. 27, *4*] типов; он был обнаружен и в «вытянутых» погребениях у с. Разумовки [17, с. 61, рис. 1, *4*] и на р. Молочной у с. Виноградное[4]. Широко представлены подобные украшения в памятниках более восточных районов, относимых к хвалынской культуре [21, с. 25].

В погребениях группы *г*, совершенных в каменных ящиках, обнаружен лишь один бронзовый нож (группа Богдановского карьера, кург. 1, погр. 3; рис. 7, *5*). Подобные ножи узкой листовидной формы, относя-

[4] Исследования 1982 г. Запорожской экспедиции Института археологии АН УССР.

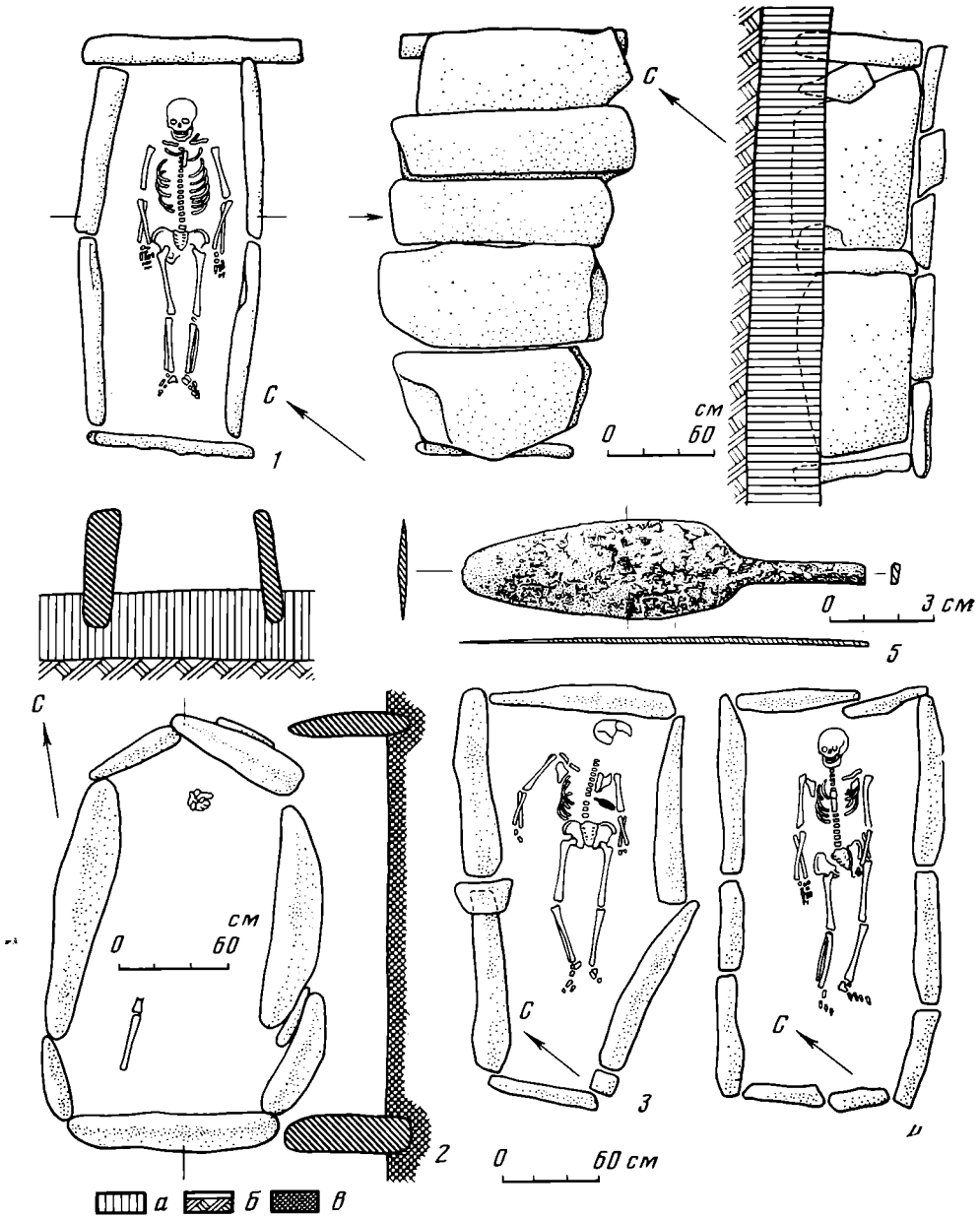


Рис. 7. Планы, разрезы погребений и инвентарь. *1* — Марьевка, кург. 14, погр. 7; *2* — группа Шевченковского карьера, кург. 1, погр. 1; *3—5* — группа Богдановского карьера (*3* — кург. 2, погр. 3; *4* — кург. 2, погр. 17; *5* — погр. 3, кург. 2, бронзовый нож). *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — первая насыпь кургана

щиеся к IV группе, по классификации С. Н. Кореневского, широко представлены в памятниках ямной культуры [22, с. 41—44, рис. 8]. Аналогичный по форме нож был обнаружен и в первом впускном ямном погребении кург. 3 группы Чкаловской.

Таким образом, анализ погребального обряда, инвентаря и стратиграфических данных позволяет выделить среди подкурганных энеолитических погребений Днепровского Правобережья ряд групп, имеющих определенные типологические и хронологические различия.

Наиболее ранний горизонт представлен погребениями группы *а*. В настоящее время подобный тип памятников известен как на территории Днепровского Правобережья (с. Верхняя Хортица, кург. 3, погр. 4 [18, с. 18, 19, рис. 58]; погребения из кургана, исследованного В. Ф. Пешановым у г. Запорожья[5]; Никопольское курганное поле, кург. 1, погр. 16

[5] Материал не опубликован, хранится в Запорожском краеведческом музее.

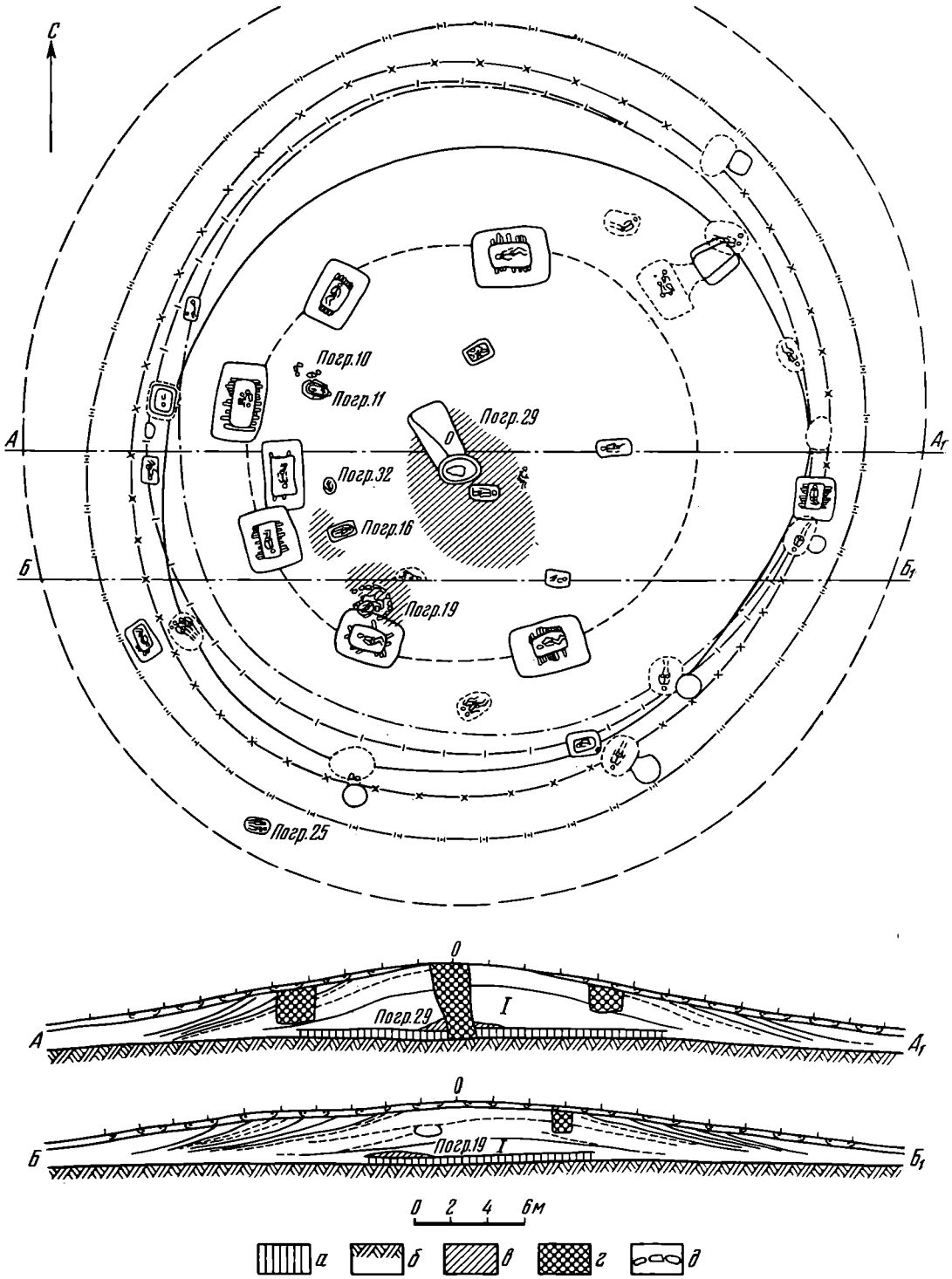


Рис. 8. Кург. 3 группы Чкаловская. План и разрезы по линиям $А — А_1$ и $Б — Б_1$. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — материковые выкиды из погребений; *г* — поздние перекопы; *д* — камни кромлеха погр. 19

[23, с. 27, 28, рис. 9, 7][6]), так и на Левобережье. Погребения в «ладьевидных» ямах обнаружены на Северском Донце (Каменка, кург. 3, погр. 4 [24, с. 216]), в Орельско-Самарском междуречье (Подгорное, кург. 13, погр. 4; Верхняя Маевка, кург. 6, погр. 2 [25, с. 42—46, рис. 1, *1*, рис. 2, *4*]).

[6] Авторами раскопок это погребение отнесено к катакомбной культуре, однако анализ его стратиграфического положения и все признаки погребального обряда свидетельствуют о прямой принадлежности этого захоронения к группе энеолитических «вытянутых» погребений.

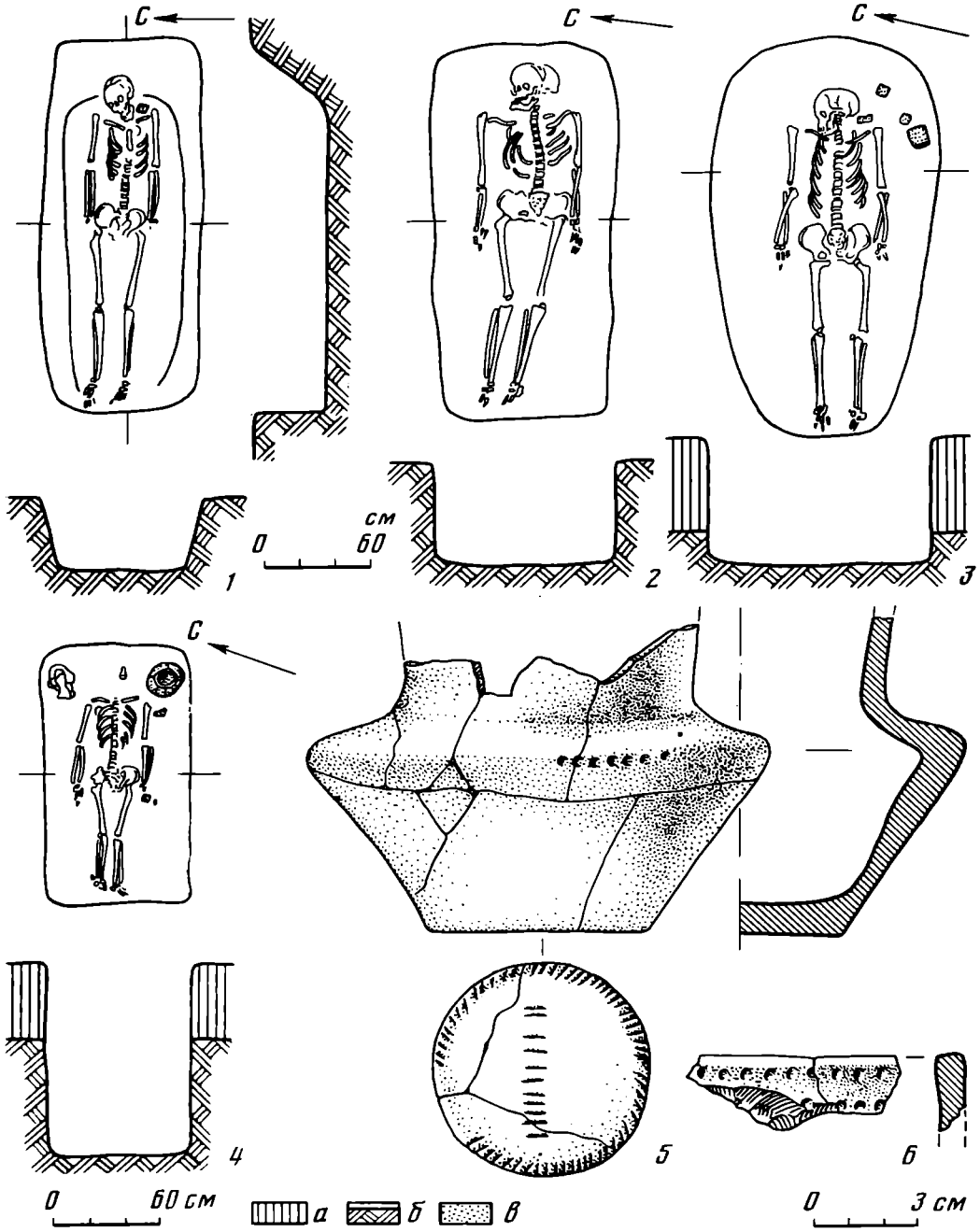


Рис. 9. Планы, разрезы погребений и инвентарь (*1*, *2*, *4—6* — Верхняя Тарасовка, *3* — Выводово). *1* — кург. 59, погр. 21; *2* — кург. 65, погр. 1; *3* — кур. 94, погр. 5; *4* — кург. 79, погр. 13; *5* — сосуд из погр. 13, кург. 79; *6* — фрагмент венчика из кург. 59, погр. 21. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — охра

Подкурганные погребения с вытянутым на спине положением костяка впервые были выделены В. А. Городцовым, указавшим на их архаичность и типологическое сходство с неолитическими памятниками [24, с. 216, 217], но только в последние годы они стали объектом пристального внимания. Энеолитические подкурганные «вытянутые» погребения сейчас широко известны на большой территории, от Волги до Дуная [4; 26, с. 47—51; 27, с. 15; 28], а на Украине основным районом их концентрации является Поднепровье (рис. 2). И. Ф. Ковалева, выделяющая «вытянутые» погребения Орельско-Самарского междуречья в особый культурный тип, названный ею «постмариупольским» [5], перечисляя признаки, характеризующие группу «вытянутых» погребений Орельско-Самарского междуречья, к сожалению, не приводит данные, позволяющие вычленить из всего массива «вытянутых» погребений наиболее ранние и наиболее позд-

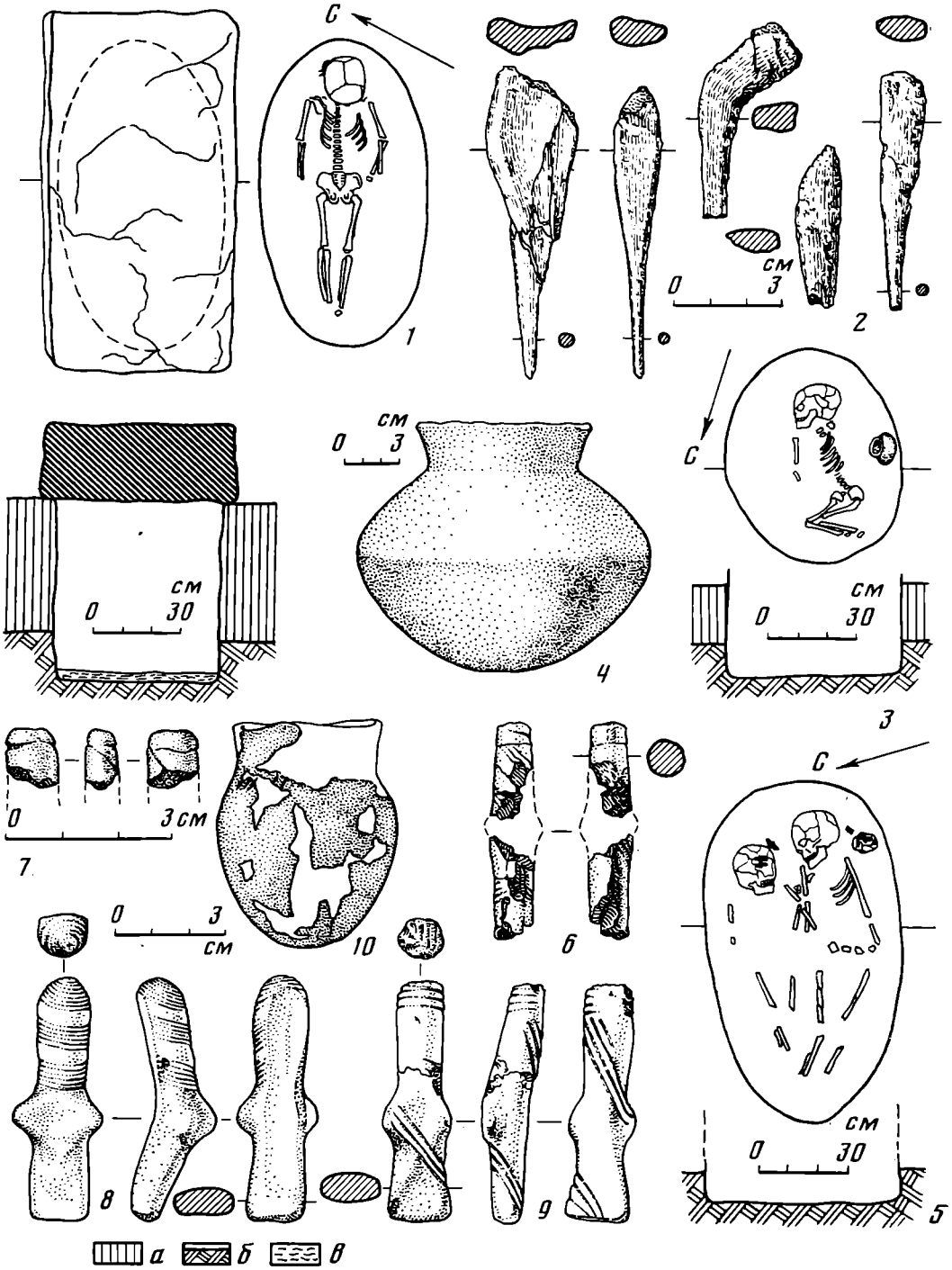


Рис. 10. Кург. 3 группы Чкаловская. *1* — план и разрез погр. 16; *2* — костяные проколки, погр. 16; *3* — план и разрез погр. 32; *4* — сосуд, погр. 32; *5* — план и разрез погр. 25; *6—9* — глиняные статуэтки, погр. 25; *10* — сосуд, погр. 25. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — глинистая подсыпка дна погр. 16

ние. Согласно мнению И. Ф. Ковалевой, «представляется наиболее правильным помещение основной массы подкурганных погребений, произведенных по вытянутому обряду», в рамках конца IV — первой половины III тыс. до н. э., в то время как позднейшие «вытянутые» погребения, заходящие во вторую половину III тыс. до н. э., рассматриваются ею как пережиточные. При этом исследовательница констатирует отсутствие четких хронологических показателей для выяснения абсолютного возраста наиболее ранних памятников, основываясь при их датировке на общих соображениях [25, с. 45, 46]. Спорным является и вопрос о «додревнеямном» возрасте основной массы «вытянутых» погребений Орельско-Самар-

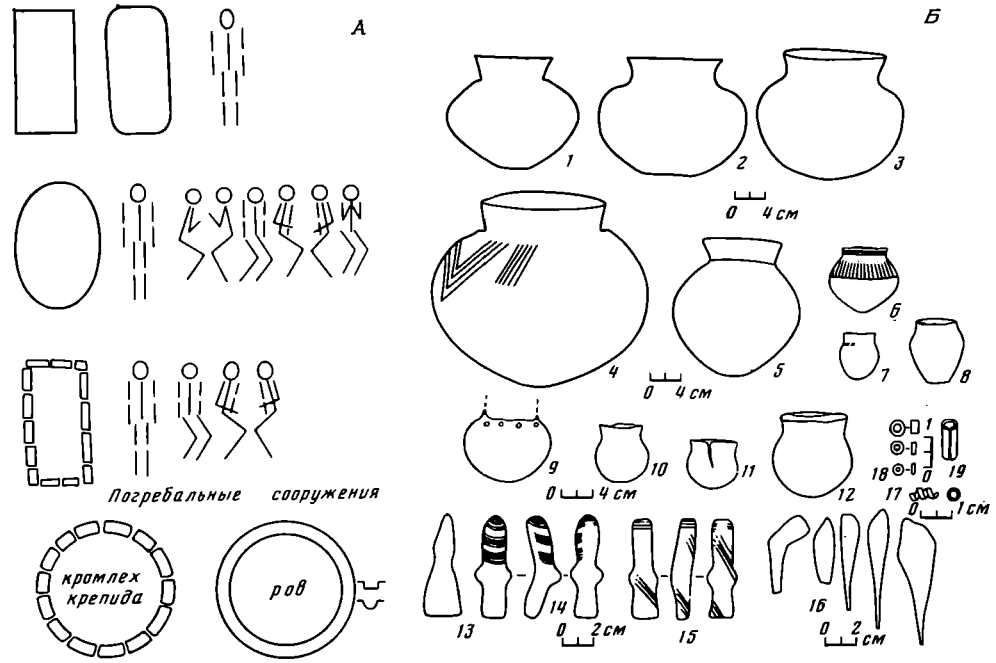


Рис. 11. Погребальный обряд и сопровождающий инвентарь поздней группы энеолитических памятников Правобережья Днепра. *1* — группа Чкаловская, кург. 3, погр. 32; *2* — Грушевка, кург. 1, погр. 2(8); *3* — Соколовка, кург. 2, погр. 3; *4* — Широкое, кург. 1, погр. 3; *5* — Широкое, кург. 1, погр. 18; *6* — группа Чкаловская, кург. 3, погр. 11: *7* — группа Чкаловская, кург. 3, погр. 25; *8* — Баратовка, кург. 1, погр. 16; *9—13* — Александровка (совхоз «Прогресс»), кург. 1: погр. 17, 11, 45, 21, 11; *14*, *15* — группа Чкаловская, кург. 3, погр. 25; *16—18* — группа Чкаловская, кург. 3, погр. 16, 19, 29; *19* — Верхняя Хортица, кург. 3, погр. 4 (*13*, *16* — кость; *14*, *15* — глина; *17*, *19* — медь; *18* — раковина, антрацит)

ского междуречья [25, с. 45], в частности для древнейшего ее этапа, так как на территории Украины в настоящее время пока не зафиксированы случаи прямой стратиграфии между «вытянутыми» и четко датированными древнеямными погребениями, которые можно было бы соотнести с погребениями I хронологической группы Волго-Уральского района, по Н. Я. Мерперту [26, с. 54—60]. Отсутствие же критериев в работах И. Ф. Ковалевой для выделения отдельных этапов в развитии памятников с «вытянутыми» погребениями на территории Днепровского Левобережья значительно затрудняет понимание сущности этих этапов и особенно этапа, определяемого как «пережиточный» [25, с. 45]. Это осложняет сопоставление выделяемых нами групп погребений с материалами Левобережья, в том числе и погребений группы *а* (в «ладьевидных» ямах).

Отсутствие для группы *а* четко датирующего материала, а также прямых стратиграфических данных с погребениями других типологических групп (исключение составляют погребения, совершенные в каменных ящиках) не позволяет точно определить хронологическую позицию данной группы памятников среди всех энеолитических подкурганных «вытянутых» погребений. Тем не менее именно эта группа погребений представляется наиболее архаичной. В пользу подобного предположения свидетельствует как стратиграфическая позиция погребений в «ладьевидных» ямах (они всегда основные в курганах), так и их типологическое сходство в форме могильных ям («ладьевидность») и положении умершего (предполагающее его намеренное связывание) с более древними погребениями из грунтовых могильников, таких, как о. Сурской (закладка 3, погр. 2; закладка 2, погр. 2—2А) [29, с. 162—169, рис. 1, *3*, *5*], поздние погребения Чаплинского могильника (погр. 14, 17) [30, с. 108, 109, рис. 3], относящихся к неолитическому времени [29, с. 169; 30, с. 117] или отражающих азово-черноморскую линию развития степного энеолита Украины, по В. Н. Даниленко [31, с. 88] [7].

[7] Аналогичное предположение об архаичности погребений в «ладьевидных» ямах высказано О. Г. Шапошниковой на заседании отдела энеолита—бронзы ИА АН УССР при обсуждении доклада Д. Я. Телегина 28 января 1983 г.

В то же время наличие на территории Правобережья Днепра погребений в «ладьевидных» ямах, являющихся, по нашему мнению, наиболее древними среди массива «вытянутых» подкурганных погребений, свидетельствует о том, что и этот район входил в зону формирования и развития данного типа памятников, что ранее отрицалось исследователями.

Следующая выделенная группа погребений в четырехугольных ямах (группа *б*) широко представлена как на территории Правобережья (Старогорожено, кург. 1, погр. 30 [32, с. 118, рис. 3, *2*], Разумовка, кург. 1, погр. 5, 15, 16 [17, с. 61, 62, рис. 1], Калиновка, кург. 1, погр. 7 [19, с. 306]), так и в Орельско-Самарском междуречье (Булаховка, кург. 3, погр. 9 и др. [4, с. 61, 62, рис. 1, 3]). Время существования погребений этой группы можно рассматривать в достаточно широких рамках. Прежде всего следует отметить относительную синхронность выделяемых групп *а* и *б*, о чем говорит наличие однотипных костяных фигурных пронизей в обеих этих группах погребений (Разумовка, кург. 1, погр. 5 [17, с. 61, рис. 1, *3*], Верхняя Маевка, кург. 5, погр. 6 [25, с. 43, 44, рис. 2, *4—6*], Булаховка, кург. 3, погр. 9 [4, с. 62, рис. 1, *5*]). Кроме того, в Орельско-Самарском междуречье в погребениях, также относимых нами к группе *б*, встречена керамика среднестоговского времени и фрагменты сосудов, имеющих аналогии в керамике раннеэнеолитических слоев островов Виноградный и Похилый [4, с. 67; 25, с. 45]. На относительную древность погребений группы *б* указывает и обнаруженная на Правобережье керамика, подобная керамике нижнего слоя Михайловского поселения (Верхняя Тарасовка, кург. 59 и кург. 79, погр. 13). С другой стороны, стратиграфические данные и инвентарь отдельных погребений группы *б* подтверждают синхронность этих погребений с погребениями, относящимися к группе *в* (в овальных ямах) и группе *г* (в каменных ящиках). О синхронности всех трех групп погребений свидетельствует как наличие в них позднетрипольских импортов, представленных однотипными антропоморфными статуэтками, так и существование отдельных могильников, состоящих из погребений с различными типами обряда. Так, в кург. 1 у с. Широкое на р. Ингулец из 11 погребений в узких удлиненных ямах, представляющих единый могильник, в 7 погребениях скелеты лежали вытянуто на спине, в 4 — скорченно на боку и спине [9, с. 19, табл. II]. Стратиграфия кургана, детали погребального обряда, инвентарь говорят о хронологическом и культурном единстве этих погребений. Аналогичный случай биритуальности наблюдается и в публикуемом кург. 3 группы Чкаловская (рис. 8). Основу кург. 1 у с. Старогорожено составляют погребение в прямоугольной яме с костяком, вытянутым на спине, и погребения в каменных ящиках со скелетами в скорченном положении [32, с. 99, 143, рис. 1]. О синхронности некоторых погребений группы *б* и погребений группы *г* свидетельствует также и публикуемый могильник у с. Марьевка. Таким образом, на территории Днепровского Правобережья в настоящее время выделяется целая серия погребений, культурно и хронологически нерасчленимых, представленная позднейшими погребениями группы *б*, группой *в* и отдельными погребениями группы *г*, по нашей классификации, датирующихся по наличию в них статуэток «серезлиевского» типа второй половиной III тыс. до н. э. и синхронизирующихся с позднейшими фазами Триполья [6, с. 66; 33, с. 16, 17]. По периодизации Д. Я. Телегина, погребения этих групп представляют широчанско-баратовский этап памятников «нижнемихайловского» типа [3, с. 15; 33, с. 16], а И. Ф. Ковалевой памятники такого типа определяются как позднейшие «пережиточные вытянутые» погребения [25, с. 46].

Обращает на себя внимание тот факт, что обряд и различные категории инвентаря вышеупомянутых групп погребений находят аналогии как среди памятников, относимых исследователями к «нижнемихайловскому типу» (по всей сумме признаков: наличию каменных конструкций, форме могил, положению скелета, специфической керамике и т. д.), так и среди памятников, представленных «вытянутыми» погребениями на Левобережье (форме могильных сооружений, положению скелетов, специфиче-

ских изделий из охры и т. д.). Несомненны также контакты с населением трипольской культуры (антропоморфные статуэтки, использование бычьих черепов в обряде, свидетельствующее о культе быка). Это позволяет говорить о синтезе различных погребальных традиций на Правобережье Днепра в определенный период, что фиксируется находками позднетрипольских статуэток. Такой синтез можно рассматривать как существование своеобразного и синкретичного в своей основе нового культурного явления, определяющего специфику энеолитических подкурганных памятников Правобережья на заключительном этапе их развития. Следует отметить, что в некоторой степени аналогичная картина в указанное время наблюдается и на территории Левобережья, где этот синкретизм проявляется в первую очередь в сопровождающем инвентаре, который, по мнению И. Ф. Ковалевой, носит «заимствованный характер» [4, с. 66; 25, с. 53].

В настоящей статье мы не даем определение критериев для выделения памятников «нижнемихайловского типа» и «вытянутых», это требует отдельного исследования. Считаем вслед за В. Г. Збеновичем и И. Ф. Ковалевой [5, с. 51; 6, с. 66] возможным существование на территории степной Украины нескольких энеолитических культурных групп, близких по уровню своего развития, но имеющих различные генетические корни. Не вызывает сомнений и существование отдельного ряда подкурганных захоронений, культурно соотносимых с нижним слоем Михайловки, на что в наибольшей степени указывает керамика, происходящая из тризн целого ряда погребений и представленная фрагментами крупных сосудов, идентичных керамике поселения (Любимовка, кург. 14 [34, с. 254]; Васильевка, кург. 1 [16, с. 32, 33]; Облои, кург. 2 [35, с. 330]; Августиновка, кург. 7 [17, с. 62, рис. 2, *4*]. Не решенным пока остается и вопрос о времени и характере взаимоотношений между населением, оставившим памятники «нижнемихайловского типа» и «вытянутые» погребения, особенно на раннем этапе их развития.

Новые материалы подтверждают мысль исследователей о том, что в конце энеолита степное Правобережье Днепра, впрочем, как и районы Левобережья и Приазовья, не было территорией, занимаемой какой-либо одной культурной группой. Район Правобережья входил в зону формирования и развития не только памятников собственно «нижемихайловского типа», но и памятников, представленных «вытянутыми» погребениями в Орельско-Самарском междуречье. Доказательством существования последних на данной территории служит наличие выделенной нами группы *а* в «ладьевидных» ямах, отражающих древнейший этап развития памятников с «вытянутыми» погребениями. Рамки этого этапа из-за отсутствия хронологических реперов как на Правобережье, так и на Левобережье пока определить сложно, однако уже здесь намечаются некоторые локальные различия, связанные в первую очередь с географическим положением памятников и их историческим окружением. Учитывая эти факторы, можно понять специфику «вытянутых» погребений Орельско-Самарского междуречья, где инокультурные элементы на всех этапах развития этих памятников проявились в наименьшей степени. На территории Правобережья, являвшейся контактной зоной для носителей нескольких культурных групп, инновации проявились в применении в погребальном обряде различного рода каменных конструкций, отсутствующих в Орельско-Самарском междуречье, в появлении специфической керамики, имеющей параллели в памятниках, представленных нижним слоем Михайловского поселения.

На заключительном этапе развития энеолитических подкурганных памятников Правобережья Днепра картина несколько меняется, и если на более ранних ступенях возможно выделение отдельных конкретных культурных групп, имеющих свою генетическую линию, то на данном этапе происходит процесс их слияния. Именно этот заключительный этап, четко фиксирующийся хронологически находками антропоморфных позднетрипольских статуэток, характеризуется сочетанием в обряде различных погребальных традиций, имеющих различные генетические корни, но

образующих в данном случае единый культурно-хронологический пласт. Очевидно, что для указанного времени на территории Правобережья уже невозможно выделение памятников, относящихся к отдельной культуре, представленной как «нижнемихайловским типом», так и «вытянутыми» погребениями. Здесь мы сталкиваемся с образованием нового культурного явления, обусловленного процессом интеграции различных культурных групп и определяющего синкретизм памятников, характеризующихся разнородностью погребального обряда и инвентаря. Именно инвентарь, имеющий аналогии в различных культурных группах, особенно ярко отражает этот синкретизм.

Доказательством существования культурно-хронологического единства памятников, представленных выделенной серией погребений (наиболее поздние погребения группы *б*, *в* и *г*), является в первую очередь наличие могильников, состоящих из одновременных, но разнотипных погребений и в то же время сопровождающихся отдельными однотипными категориями инвентаря, что в данном случае опровергает мнение о невозможности объединения разновидных памятников в одну культуру [6, с. 64—66].

Особую окраску энеолитическим погребениям придавали тесные контакты с носителями трипольской культуры, что неоднократно отмечалось исследователями. Эти контакты прослеживаются на всех этапах развития степных энеолитических памятников, но именно на позднем этапе они претерпели качественное изменение, определившее во многом специфику энеолитических памятников всего Днепровского Правобережья.

Причинами образования нового культурного явления в развитии позднеэнеолитических памятников степного Правобережья Днепра являются, с одной стороны, длительное сосуществование населения по меньшей мере трех разнокультурных групп, представленных памятниками «нижнемихайловского типа», «вытянутыми» погребениями и позднетрипольскими, а с другой — исторически сложившиеся между ними тесные контакты. Очевидно, также произошло изменение исторической обстановки — продвижение носителей ямной культуры на запад, на позднем этапе ее развития. Экспансия племен ямной культуры могла послужить наиболее важной причиной как консолидации энеолитического населения на Правобережье Днепра, так и причиной его исчезновения [3, с. 15; 6, с. 68].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шапошникова О. Г.* Пам'ятки типу нижнього шару Михайлівки.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ: Наук. думка, 1971.
2. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула.— В кн.: Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
3. *Телегін Д. Я.* Єнеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу.— Археологія, 1971, № 4.
4. *Ковалева И. Ф.* Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—II тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1979.
5. *Ковалева И. Ф.* К вопросу о культурной принадежности вытянутых подкурганных энеолитических погребений.— В кн.: Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепровского ун-та, 1980.
6. *Збенович В. Г.* К проблеме связей триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
7. *Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л.* Михайлівське поселення. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962.
8. *Бліфельд Д. І.* Курган епохи бронзи в с. Грушівка.— АП, 1961, т. X.
9. *Крилова Л. П.* Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964—1966 рр.— В кн.: Наш край. Дніпропетровськ: Промінь, 1971.
10. *Шарафутдинова И. Н.* Северная курганная группа у с. Соколовка.— В кн.: Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
11. *Столяр А. Д.* Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.— МИА, 1958, № 62.
12. *Рыбалова В. Д.* Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге.— АСГЭ, 1964, вып. VI.
13. *Елагина Н. Г., Петренко В. Г.* Раскопки курганов на Игульце.— АО — 1968. М., 1969.
14. *Калмыкова В. А., Коновалов А. А., Павлов В. А.* Курганный могильник у дер. Заозерное.— АО — 1974. М., 1975.

15. *Збенович В. Г.* Хронологія пізнього трипілля.— Археологія, 1972, № 7.
16. *Кубышев А. И.* Отчет о работе Херсонской экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1977 г.— Архив ИА АН УССР, 1977/23.
17. *Ляшко С. Н.* Энеолитические «вытянутые» погребения в Днепровском Надпорожье.— В кн.: Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веке. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1981.
18. *Попандопало З. Х.* Отчет о раскопках курганной группы у с. Верхняя Хортица.— Архив ИА АН УССР, 1981/81.
19. *Крылова Л. П., Елинов И. М.* Раскопки курганов в Днепропетровской области.— АО — 1974. М., 1975.
20. *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1974.
21. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.
22. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур.— СА, 1972, № 2.
23. *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115.
24. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. в 1903 г.— Тр. XIII АС. Т. I. М., 1905.
25. *Ковалева И. Ф.* Кильченская группа энеолитических вытянутых погребений и общие вопросы их датировки.— В кн.: Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1980.
26. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
27. *Синюк А. Т.* Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона.— СА, 1981, № 4.
28. *Алексеева И. Л.* О раннеэнеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья.— МАСП, 1976, вып. 8.
29. *Лагодовська О. Ф.* Кам'яні закладки Надпоріжжя.— АП, 1949, т. II.
30. *Добровольский А. В.* Могильник в с. Чаплі.— Археологія, 1954, т. IX.
31. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
32. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балушкин А. М.* Курганная группа близ с. Старогорожено.— В кн.: Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
33. *Телегин Д. Я.* Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Юга Украины.— СА, 1977, № 2.
34. *Лесков А. М.* Раскопки Каховской экспедиции.— АО — 1968. М., 1969.
35. *Евдокимов Г. Л., Ольговский С. Я., Рассамакин Ю. Я., Николова А. В.* Работа Краснознаменской экспедиции.— АО — 1978. М., 1979.

A. V. Nikolova, Yu. Ya. Rassamakin

LATE AENEOLITHIC SITES ON THE RIGHT BANK OF THE DNIEPER

Summary

A group of late Aeneolithic sites quite distinct from the pit-grave ones can be singled out from the earliest mound sites in the steppe Ukraine. They are classed among the Nizhnyaya Mikhailovka type, or are defined as post-Mariupol sites. An analysis of their burial rite, grave furniture and stratigraphy has permitted to group the Aeneolithic mound burials of the right bank of the Dnieper. The earliest group embraces extended burials in oval pits. They exhibit an indisputable typological proximity to the Neolithic ground burials of the Ukraine.

The later Aeneolithic mound burials on the right bank of the Dnieper are marked by the combination of burial rites of different genetic origin. They form, nevertheless, a single cultural and chronological layer dated, on the strength of the late Tripolie imported artifacts, by the second half of the third millennium B. C. The newly obtained materials indicate that it is impossible to determine any specific culture, be it the Nizhnyaya Mikhailovka or the post-Mariupol culture, on the given territory for the period under review. What we have here is the formation of a new cultural phenomenon born by the integration of various cultural groups which lent the site its syncretic nature. Close contacts with the Tripolie culture tribes rendered a specific colour to the development of the Aeneolithic sites on the territory. The expansion of the pit-grave culture tribes first cause the consolidation of the Aeneolithic population on the right bank of the Dnieper and later its disappearance.

ПЯТЫХ Г. Г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема происхождения срубной культуры была поставлена В. А. Городцовым в начале века, почти сразу же после открытия на Северском Донце подкурганных захоронений в срубах; исследователь сформулировал тезис о миграции носителей этой культуры с другой территории [1, с. 247].

Несколько десятилетий спустя к раннему этапу срубной культуры были отнесены памятники полтавкинского типа, выявленные в Заволжье. Но затем их стали обособлять в отдельную культуру, а срубную продолжали рассматривать как естественное развитие полтавкинской [2, с. 21 сл.]. Окончательно оформленная в монографическом исследовании О. А. Кривцовой-Граковой [3] гипотеза о полтавкинском происхождении срубной культуры на долгие годы стала единственной и широко распространенной. Превратившись с годами в устойчивую историографическую традицию, данная концепция до настоящего времени продолжает оставаться наиболее общепринятой.

Между тем еще в 1960-е годы Б. А. Латынин, а затем Н. К. Качалова выдвинули тезис о том, что роль полтавкинской культуры в сложении срубной была не столь велика, как это считалось ранее. В последующие годы данную точку зрения стали разделять и другие ученые. Основные направления критики таковы: 1. Преемственность в формах сосудов полтавкинской и срубной культур оценивается лишь как «некоторая». 2. Орнаментика керамики обеих культур имеет ярко выраженные различия; в срубный период исчезают предшествующие сюжеты орнамента, меняются техника его нанесения и штампы. 3. Аналогичное явление наблюдается и при сопоставлении металлических изделий, а также иных категорий инвентаря [4, с. 21]. 4. Генетическая основа для некоторых форм сосудов срубной культуры и ряда категорий ее инвентаря в полтавкинских памятниках отсутствует [5, с. 6]. 5. Невозможно также объяснить, как срубная культура, представлявшая огромное образование, могла сложиться на основе небольшой полтавкинской культуры Степного Заволжья [5, с. 6]. Отсюда делался справедливый вывод, что генетическая близость между срубными и полтавкинскими памятниками носит ограниченный характер [4, с. 21] и что срубная культура сложилась, очевидно, на более широкой основе, а полтавкинская явилась лишь одним из компонентов этой основы [4, с. 22]. Отмечалось, что попытки представить Степное Заволжье как единый центр происхождения срубной культуры «особо сомнительны» [6, с. 58].

Параллельно с развитием критического переосмысления проблемы в 1970-е годы началась модернизация представлений о территориальных рамках полтавкинской культуры. Привлекая материалы памятников среднего бронзового века Куйбышевской области, Приуралья, Прикаспия и, вероятно, исходя из гипотезы о существовании более широкой территории сложения срубной культуры в Заволжье [7, с. 18; 8, с. 78], И. Б. Васильев выступил с идеей о выделении «средневолжской», «нижневолжской», «приуральской» и «прикаспийской» «полтавкинских культур», которые он объединил в понятие «полтавкинская культурно-историческая общность» [9, с. 15; 10, с. 17; 11, с. 49]. По мнению исследователя, именно на основе «полтавкинской общности» сложилась срубная культурно-историческая общность [10, с. 17; 11, с. 49]. Тем самым была предпринята попытка не

только пересмотреть вопрос о территориальной ограниченности полтавкинской основы сложения срубной культуры, но и походя решить такую глобальную проблему, как происхождение срубной культурно-исторической общности. Насколько обоснована данная концепция?

Если для выделения «нижневолжской полтавкинской культуры» имеются относительно достаточное количество памятников, сравнительно развернутая аргументация и устойчивая историографическая традиция, то «средневолжская полтавкинская культура» вычленена лишь на основе 22 погребений раннего и 10 погребений позднего этапа [11, с. 29, 34]. Иными словами, целая культура, явившаяся якобы одной из основ сложения гигантской срубной общности, представлена на своем позднем этапе (на базе которого и должна была по логике формироваться срубная культура) всего 10 захоронениями, что, конечно, мало. Далее. Хотя И. Б. Васильев и отмечает, что на позднем этапе «средневолжская полтавкинская культура» имеет много общих черт с «нижневолжской» позднего этапа [11, с. 47], однако он оставляет без внимания вопрос, почему это отдельные культуры, а не варианты одной. Обращает на себя внимание и тот факт, что обе «культуры» помимо большого сходства еще и расположены в одной природно-климатической зоне, а рубеж между ними фактически проведен по границе между современными Саратовской и Куйбышевской областями.

Признавая вслед за Н. К. Качаловой и В. П. Шиловым преждевременность отнесения ряда памятников Приуралья к полтавкинской культуре «в связи с отсутствием в них характерных полтавкинских черт» [10, с. 17], исследователь тем не менее настаивает на выделении «приуральской полтавкинской культуры» и включении ее в «полтавкинскую общность» [10, с. 17]. Противоречия с В. П. Шиловым во взглядах на приуральские памятники снимаются при этом своеобразно: «Этих расхождений во взглядах ... на памятники средней бронзы Поволжья и Приуралья не будет, если рассматривать их в рамках единой общности с рядом отдельных полтавкинских культур: „нижневолжской“, „средневолжской“, „прикаспийской“ и „приуральской“» [11, с. 49]. Совершенно очевидно, что противоречия, основанные на фактах, нельзя снимать путем произвольного объединения разнородных памятников в одну культурно-историческую общность. Археологические культуры, и уж тем более общности, могут выделяться лишь в результате глубоко научного анализа *массового* материала, как это сделано, например, в трехтомном исследовании, посвященном ямной культурно-исторической области [12]. Количества же материала, привлекаемого для выделения «приуральской полтавкинской культуры», явно не достаточно. При исключении нескольких погребений, которые нельзя отнести к эпохе средней бронзы [13, с. 106], остаются только шесть погребений II Мало-Кызыльского могильника, которые к полтавкинской культуре также не относятся [13, с. 105, 106; 14, с. 95, 96].

«Прикаспийская полтавкинская культура» выделена на материалах разведочных сборов. Однако для выделения археологической культуры необходимо кроме керамики иметь представление о типах металлического и иного инвентаря, об особенностях погребального обряда, а также о типах жилищ и поселений (если таковые имелись). Нужно строго научно доказать, что керамика с дюнных стоянок характеризуется набором черт, присущим только полтавкинским памятникам. Между тем керамический материал с прикаспийских дюн и барханов отличается, как отмечает сам автор разведок, рядом своеобразных черт [10, с. 17; 11, с. 48]. Поскольку в полтавкинской керамике, особенно на позднем этапе, широко распространены катакомбные формы [15, с. 53], то данные памятники с равным успехом можно отнести и к какой-либо иной культуре катакомбного времени. Кроме того, без раскопок серии стратифицированных памятников и создания периодизации для этого региона нельзя также утверждать, что «прикаспийская полтавкинская культура» доживает до времени сложения срубной. Отсутствуют и свидетельства, что пустыни Прикаспия были одним из регионов первичного сложения срубной культуры. Наконец, ничего не сказано о том, какие конкретно культурные элементы «прикас-

пийской полтавкинской культуры» унаследовала срубная культурно-историческая общность. Последнее замечание относится и к «приуральской полтавкинской культуре».

Далее. Если даже на чисто гипотетическом уровне спроектировать «полтавкинскую культуру» в Приуралье, то и тогда связать с нею генезис срубной культуры будет трудно, поскольку на стратиграфических данных «в настоящее время убедительно доказано, что абашевские древности на Южном Урале предшествуют срубным и алакульским» [16, с. 19]. По В. С. Горбунову, срубная культура появилась в Южном Приуралье лишь тогда, когда абашевской там уже не существовало [17, с. 61]. К мнению, что на Южном Урале срубной культуре предшествовала абашевская, пришел в своем исследовании и Ю. А. Морозов [18, с. 14]. Иными словами, в Южном Приуралье после «приуральской полтавкинской культуры» около 200 лет [16, с. 20] существовала абашевская культура, и только потом здесь появилась срубная. Если все это действительно так, то каким образом местная полтавкинская культура (если, конечно, она была) могла принять участие в ее сложении?

Аналогичная ситуация прослеживается и в Среднем (лесостепном) Поволжье. Согласно положениям Е. Н. Черных [19. с. 67] и А. Д. Пряхина [20, с. 117], абашевские памятники Среднего Поволжья в целом синхронны приуральским, а следовательно, и в Среднем (лесостепном) Поволжье они, вероятнее всего, предшествуют срубным. Из этого напрашивается вывод, что если бы существование «средневолжской» («лесостепной») и «приуральской» «полтавкинских культур» и было доказанным фактом, то и тогда их участие в сложении срубной культуры было бы труднодоказуемым из-за хронологического вклинивания между ними и срубной культурой абашевской.

Рассмотрим другие аргументы, используемые в настоящее время для доказательства генетической связи полтавкинской и срубной культур. Как правило, к элементам, будто бы унаследованным срубной культурой от полтавкинской, относят большие размеры могильных ям, деревянные накатники, керамику баночных, остроребериых и горшковидных форм, положение погребенных скорченно на левом боку и восточную ориентировку скелетов. Иногда проводятся параллели между орнаментами на срубной и полтавкинской керамике; при этом обычно не указывается, какие типы орнамента, присущие только полтавкинской керамике, унаследовала керамическая посуда срубной культуры.

Действительно, для погребений, например, раннего этапа так называемой «средневолжской срубной культуры» считаются типичными большие размеры могильных ям прямоугольной или подквадратной формы, деревянные сооружения иногда усложненных конструкций, положение погребенных скорченно на левом боку, с руками перед лицом, преобладание ориентировки на северо-восток и север [21, с. 11, 12]. Почти аналогичны им основные черты, характеризующие раннесрубные погребения Саратовского и Волгоградского Заволжья. Однако при сопоставлении раннесрубных погребений с погребениями позднего полтавкинского этапа, который непосредственно предшествовал срубной культуре и от которого она и должна была унаследовать перечисленные элементы, бросается в глаза разительное несоответствие между позднеполтавкинскими и раннесрубными погребениями. Согласно суммированным данным, позднеполтавкинские погребения как Куйбышевского, так и Нижнего Заволжья характеризуются тем, что «все разнообразные подкурганные и внутримогильные конструкции исчезают, могильные ямы становятся меньше и мельче. Погребенные лежат в основном на боку, очень редко на спине. Степень скорченности более сильная, чем в погребениях третьей группы (т. е. в раннеполтавкинских.— *Г. П.*). Слабее окраска охрой, иногда она отсутствует совершенно, мало проявлений культа огня. Наряду с прежней проявляется юго-восточная и южная ориентировка... Все эти черты погребений четвертой группы близки второй группе полтавкинских памятников Нижнего Поволжья по классификации Н. К. Качаловой» [11, с. 46, 50], т. е. позднеполтавкинским памятникам Нижнего Поволжья. Следует до-

бавить, что руки погребенных в позднеполтавкинских захоронениях чаще всего вытянуты к коленям; здесь мы имеем дело с позой, характерной для катакомбных культур [1].

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что вывести срубную культуру из позднеполтавкинской на основе погребального обряда невозможно. Это очевидно и для самых убежденных сторонников полтавкинской концепции. В работе одного из них можно найти такое справедливое признание: «Мы не можем раннесрубные погребения Куйбышевского Заволжья просто связать с позднеполтавкинскими погребениями (приводится сравнительный анализ позднеполтавкинских и раннесрубных погребений.— *Г. П.*). Погребальный обряд раннесрубных средневолжских погребений имеет больше сходства с раннеполтавкинскими погребениями» [10, с. 17, 18]. Однако далее следует совершенно неожиданный вывод: «Таким образом, мы можем предположить формирование срубных племен Среднего Поволжья на основе смешения местного раннеполтавкинского и пришлого с территории Нижнего Поволжья позднеполтавкинского населения» [10, с. 18]. В другой работе предложена более сложная схема, принципиально не отличающаяся от приведенной выше [11, с. 50, рис. 8]. Вместе с тем автор считает, что две разновременные группы Куйбышевского Заволжья хронологически соответствуют двум разновременным группам Нижнего Поволжья [9, с. 14, 15; 10, с. 16]. Но если две раннеполтавкинские группы Куйбышевского и Нижнего Заволжья синхронны и соответственно перестали существовать ко времени сложения полтавкинских культур позднего этапа, то каким образом одна из них могла принять участие в сложении еще более поздней по времени срубной культуры? Следует также отметить, что в системе доказательств происхождения срубной культуры от полтавкинской основной упор делается на анализ погребального обряда, что для решения сложных культурно-генетических проблем представляется недостаточным.

Попытки сопоставлений керамических комплексов полтавкинской и срубной культур имеют место, но они чаще всего проводятся на традиционно-умозрительном уровне, а это неизбежно ведет к большой субъективности оценок и выводов. Данное обстоятельство трудно вменить в вину каким-то отдельным исследователям, оно отражает общее состояние классификации срубной и полтавкинской культур. До настоящего времени специальных работ, в которых была бы научно обоснована типология полтавкинской и срубной керамики, не создано. Исследователи пользуются нечеткими определениями: «сосуды горшковидной формы», «сосуд горизонтальных (или вертикальных) пропорций», «сосуд приземистых пропорций», «банка», «закрытая банка», «сосуд с выраженным (слабовыраженным) ребром», «сосуд плавной профилировки» и т. п. На вопрос, чем, например, «закрытая банка» отличается от «слабопрофилированного сосуда», зачастую нельзя получить ответ. А когда исследователи сообщают, что керамика срубной культуры Среднего Поволжья представлена горшками, банками и остроребериыми сосудами, эти определения керамических форм отражают лишь неудовлетворительное состояние современной классификации, ибо под такие определения подпадает и большое количество керамики абашевской, андроновской и иных культур. По-прежнему остается справедливым замечание, что одной только визуальной характеристики срубной керамики без введения точных критериев оценки признаков явно не достаточно [8, с. 75]. Для доказательства происхождения срубной керамики из полтавкинской в первой должны быть научно выделены комплексы таких элементов и характеристик, которые ранее существовали только в полтавкинской. Однако здесь име-

[1] Положение рук, характерное для погребенных среднего бронзового века, и положение, распространенное в памятниках срубного времени,— различие принципиального порядка. То, что его не принимали во внимание исследователи 40-х и начала 50-х годов, можно объяснить уровнем методических представлений того времени. Но чем можно объяснить замалчивание этого крайне важного факта исследователями, сформировавшимися уже в 70-е годы и скрупулезно подсчитывающими самые мелкие особенности полтавкинских и срубных погребений?

ются свои сложности, поскольку критерии, при помощи которых определяют полтавкинскую культуру (особенно на позднем этапе ее развития) расплывчаты. В частности, как отмечается в литературе, керамика данного этапа нередко характеризуется катакомбными формами [15, с. 53]; если даже и будет выработана система параллелей между позднеполтавкинской и раннесрубной керамикой, то как установить, унаследован тот или иной элемент срубной керамики от полтавкинской культуры или от катакомбной?

Характерной чертой полтавкинской концепции является то, что ее сторонники не рассматривают и вопрос об истоках формирования типов металлических изделий срубной культуры, хотя без этого любое решение проблемы будет неполным. Не разрабатывается и типология каменных, костяных и деревянных изделий срубной культуры, а также вопросы происхождения жилищ и поселений. Одна из причин такого состояния — укоренившаяся в сознании исследователей традиция оперировать для решения проблемы происхождения срубной культуры тремя элементами: погребальными сооружениями, обрядом и керамическим материалом.

Полтавкинская концепция в ее модернизированном виде характеризуется и другими аспектами, в значительной степени влияющими на решение проблемы происхождения срубной культуры в Поволжье; один из них — проводимое в отдельных работах искусственное расчленение позднеполтавкинской культуры Степного Заволжья на «нижневолжскую» и «средневолжскую» [10, с. 17; 11, с. 49]. Поволжье — это район современного административно-хозяйственного деления. И в рассматриваемом случае южная граница Куйбышевской области, относящейся к Среднему Поволжью (большей частью расположенному в лесостепи), захватывает северную часть заволжской степи, а именно в этой части степи и расположены памятники так называемой «средневолжской», или «лесостепной», «полтавкинской культуры» и наиболее ранние памятники «средневолжской», или тоже «лесостепной», срубной культуры. Как признает сам автор определения перечисленных культур, «территория ямных и полтавкинских племен — это степные районы Поволжья. Здесь известны ямные и полтавкинские памятники всех этапов развития от ямного до позднеполтавкинского. Северной границей распространения ямно-полтавкинских племен являлись реки Самара и Кинель — естественная граница степи и лесостепи. Единственное исключение — это небольшой участок степи на северо-западе Куйбышевской области..., где мы знаем единичные полтавкинские памятники» [22, с. 40]. Таким образом, основная масса полтавкинских памятников приходится на зону степей. Именно в этой зоне (в том числе в степной зоне Среднего Поволжья) и выделяются наиболее ранние памятники, относимые к срубной культуре [22, схема]. Поскольку, согласно одной из точек зрения, имеющейся в литературе, позднеполтавкинские памятники Нижнего и Куйбышевского Заволжья весьма близки в культурно-типологическом отношении и представляют собой общий хронологический горизонт [9, с. 15; 11, с. 46, 47; 22, схема], это дает основания предполагать существование единого пласта памятников позднего этапа среднего бронзового века Заволжья, пласта, расположенного в одной природно-климатической степной зоне, территориально почти не выходящего за границы распространения здесь памятников ямного типа и совпадающего с ареалом наиболее ранних памятников, относимых к срубной культуре.

Сторонники полтавкинской концепции происхождения срубной культуры уделяют большое внимание антропологическому сходству носителей полтавкинской и срубной культур (выведенному пока отнюдь не на массовом материале), рассматривая его как веское доказательство происхождения срубной культуры от полтавкинской. Появление же срубной культуры в других регионах чаще всего не представляется иначе, как в виде широких, если не тотальных, миграций племен срубной культуры [22, с. 40, 41; 23, с. 42, 43; 24, с. 27; 25, с. 26 сл], оттеснявших, захватывавших и ассимилировавших все другие племена [26, с. 34; 27, с. 172], что тоже нередко подкрепляется ссылками на данные антропо-

логии. Однако известно, что общий антропологический тип сам по себе никак не может свидетельствовать о происхождении одной культуры, в том числе археологической, на основе другой. Развитие культуры какого-то населения при сохранении им на протяжении длительного времени одного и того же физического типа может привести не только к смене материальной культуры, но и к смене религии (что может выразиться в изменении погребальной обрядности) и даже к смене таких важнейших этнических показателей, как язык и этническое самосознание. Так, расселение славян в пределах Болгарии, приведшее к победе их языка, не сопровождалось полной сменой физического типа автохтонного населения [28, с. 37]. В отношении балкарцев и карачаевцев существует точка зрения, согласно которой теснимые монголами кипчаки, переселившись в середине XIII в. с равнины в ущелья Главного Кавказского хребта, передали местному населению свой язык и оказали влияние на его культуру, не повлияв заметно на физический тип [28, с. 39]. Полная тюркизация по языку местного населения Хакассии не сопровождалась сменой населения и разрывом генетической преемственности между этническими группами рубежа нашей эры и современными хакасами [28, с. 40]. Население Египта, восприняв от арабов язык и ислам, антропологически осталось малоотличимым от древнего населения Египта и Нубии [28, с. 41]. Общеизвестны и примеры того, что распространение мировых религий, например христианства и ислама, приводившее к значительным изменениям в культуре населения (в том числе и изменениям в погребальной обрядности), отнюдь не сопровождалось сменой самого населения.

Приведенные примеры свидетельствуют: схожесть, даже единство антропологического типа разновременных групп населения сами по себе не могут служить доказательством происхождения культуры поздней группы от культуры предшествующего по времени этноса. Даже если исследованиями массовых материалов со временем будет доказано, что антропологический тип носителей срубной культуры во многих ее ареалах идентичен ямному, и при этом будет установлено, что распространение такого типа было результатом колоссальных миграций откуда-то из-за Волги, то и тогда эти факты сами по себе еще не будут служить доказательством сложения срубной культуры в волго-уральских степях и последующего ее распространения именно оттуда. Пришлое население, физически растворив аборигенов, могло само подвергнуться с их стороны культурной ассимиляции. Впрочем, в свете современных данных сравнение антропологических материалов из памятников срубной культуры Украины и Поволжья дает довольно сложную картину [29, с. 227 сл.]. Вообще при всем том, что без миграций невозможно представить сложение новых обширных культурных общностей древности, кажутся необоснованными мнения о смене одних огромных культурных образований другими в результате смены соответствующих массивов населения, например свиты культур катакомбного круга срубными культурными образованиями. Подобный подход упрощает и вульгаризирует представления об исторических процессах. Более осторожной и правильной считаем точку зрения, согласно которой формирование древнейших групп носителей срубной культуры, например, в лесостепной полосе, представляло собой достаточно сложный процесс [30, с. 12].

До сих пор распространено мнение о монокультурности основы сложения срубной культуры в Поволжье. Между тем еще в начале 60-х годов отмечалось, что «исследователи занимаются поисками центров происхождения культур и ... не находят их» [31, с. 13]. О том, что «вопросы происхождения ни одной из больших культур не могут быть решены однозначно, ибо каждая из них является результатом сложного взаимодействия различных элементов», пишет и Н. Я. Мерперт [14, с. 125]. Исследователь прямо указывает, что полтавкинские памятники, явившиеся переходным явлением между культурами ямных и срубных племен, «должны рассматриваться лишь как одна из таких переходных групп, отнюдь не всеобщая, а может быть, и не основная» [14, с. 151].

Однако все эти положения, фактически отражающие выход на качественно более высокий методический уровень, создателями модернизированной полтавкинской концепции происхождения срубной культуры в большинстве случаев нигде не рассматриваются. Впрочем, некоторые из них признают перед лицом ярких свидетельств влияние абашевской культуры на сложение срубной культуры в Поволжье (более того, они даже молчаливо относят себя к первооткрывателям этого факта), но ограничивают регион, где это влияние, по их мнению, было, лесостепным Поволжьем [32, с. 18, 19].

Когда настоящая статья готовилась к печати, вышла еще одна работа, посвященная локальным различиям «полтавкинской культурно-исторической общности», о которой автор работы пишет в контексте как о вполне доказанной [33, с. 4 сл.]. По его мнению, различные группы полтавских памятников объединяются по 11 признакам [33, с. 4]. Между тем все эти признаки, причем нередко в комплексе, можно обнаружить в других культурах. Специфически полтавкинскими их назвать нельзя. Признаки, якобы характеризующие «полтавкинскую культурно-историческую общность», лишь декларируются, никаких статистических данных о частоте встречаемости того или иного признака и о частоте его сочетания с другими не приводится. Из-за отсутствия специфически полтавкинских признаков в составе «полтавкинской общности» оказались материалы, аналогии которым находят в катакомбных культурах [33, табл. 2, *11, 30, 35, 37*; табл. 3, *34*; табл. 4, 5]. На табл. 4 нет ни одного изображения сосуда специфически полтавкинского облика; почти то же самое можно сказать и о керамике, изображенной на табл. 5. В конце статьи автор пишет, что в отношении единства групп полтавкинских памятников «еще невозможно определить те формы, в которых оно выражалось, какие компоненты его составляли» [33, с. 17]. Хотя этот тезис и противоречит общему содержанию статьи и самой идее «полтавкинской культурно-исторической общности», он более правильно отражает положение дел.

Разбор обоснований выделения «полтавкинской культурно-исторической общности» показывает, что данные построения не обеспечены необходимым материалом ни в количественном, ни в качественном отношении, в них отсутствует развернутый и строго научный анализ. Таким образом, «полтавкинская культурно-историческая общность» является искусственно сконструированным понятием, содержит явные противоречия и натяжки и в настоящее время вряд ли может рассматриваться даже в качестве гипотезы. Положение о территориальной ограниченности полтавкинской основы сложения срубной культуры на данном этапе исследований по-прежнему остается в силе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года.— Тр. XIII АС. Т. I. М., 1907.
2. *Мельник В. И.* К вопросу о происхождении срубной культуры.— КСИА, 1982, вып. 169.
3. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
4. *Качалова Н. К.* О выделении полтавкинской культуры.— КСИА, 1967, вып. 112.
5. *Чередниченко Н. Н.* О некоторых проблемах срубной культуры.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Донецк: Изд-во Донец. ун-та, 1979.
6. *Латынин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой.— АСГЭ, 1964, вып. 6.
7. *Качалова Н. К.* Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры.— АСГЭ, 1974, вып. 16.
8. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, № 3.
9. *Васильев И. Б.* Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1979.
10. *Васильев И. Б.* Полтавкинские памятники Среднего Поволжья и некоторые вопросы формирования срубной общности.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
11. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы.— В кн.: Древняя история Поволжья. Науч. тр. КГПИ. Т. 230. Куйбышев, 1979.

12. *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тысячелетия до н. э.).— Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2010—2012.
13. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
14. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
15. *Мельник В. П.* К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских памятников.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Донецк: Изд-во Донец. ун-та, 1979.
16. *Горбунов В. С.* История племен абашевской культуры в бассейне реки Белой: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
17. *Горбунов В. С.* Хронологическая интерпретация абашевских памятников в бассейне реки Белой.— В кн.: Неолит и бронзовый век Поволжья. Науч. тр. КГПИ. Т. 220. Куйбышев, 1977.
18. *Морозов Ю. А.* История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
19. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
20. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.
21. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья.— В кн.: Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1983.
22. *Васильев И. Б.* О заселении лесостепных районов Заволжья срубными племенами.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
23. *Пятых Г. Г.* Некоторые замечания о заселении срубными племенами лесостепи.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
24. *Качалова Н. К.* О локальных различиях в лесостепной срубной культуре. АСГЭ, 1977, вып. 18.
25. *Сафронов В. А.* К вопросу о времени сложения срубной культуры, южной и западной экспансии ее племен.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
26. *Сафронов В. А.* Хронология памятников II тысячелетия до н. э. Юга Восточной Европы: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1970.
27. *Сафронов В. А.* Классификации и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Вып. VII. М.: Знание, 1974.
28. *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1968, № 2.
29. *Круц С. И.* Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
30. *Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь.— В кн.: Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж. Изд-во Воронеж. ун-та, 1979.
31. *Третьяков П. Н.* Этногенетический процесс и археология.— СА, 1962, № 4.
32. *Кузьмина О. В.* Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1983.
33. *Качалова Н. К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности.— АСГЭ, 1983, вып. 24.

G. G. Pyatykh

SOME PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY OF THE ORIGIN OF THE TIMBER-GRAVE CULTURE

Summary

Since the 1960s the hypothesis of the origin of the timber-grave culture from the Poltavkino culture, which established itself as a historiographic tradition, has come under severe criticism. The critics assert, in part, that the vast timber-grave culture could not be born by a small Poltavkino culture. I. Vasiliev, followed by N. Kachalova, forwarded a hypothesis that there existed three more Poltavkino cultures, which together with the Lower Volga culture are regarded as the Poltavkino cultural-historical entity. According to these researchers, the timber-grave culture was shaped on the basis of this entity. An analysis of their works, however, has revealed the fact that their assumptions are based of mere declarations and strained interpretations. They lack a genuinely scientific analysis while the key points of the new, much more complicated, hypothesis of the origin of the timber-grave culture from the Poltavkino culture do not conform to the facts. There are no material evidence of the Poltavkino cultural-historical entity's existence.

КЫЗЛАСОВ Л. Р.

ТАГАРСКАЯ РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Выдающийся историк и археолог Сергей Владимирович Киселев (1905—1962 гг.) в 1954—1956 гг. произвел блестящие по своему методическому совершенству и результатам раскопки Большого Салбыкского кургана. Это древнее погребальное сооружение оказалось самым грандиозным по размерам и совершенству строительной конструкции среди известных в Сибири многочисленных больших курганов раннего железного века.

За 220 лет до начала раскопок С. В. Киселева, в 1739 г., этот курган осмотрел и описал попытку его ограбления артелью бугровщиков известный историк Сибири Г. Ф. Миллер. Так как заключение первого ученого, познакомившегося с Большим Салбыкским курганом, не утратило интереса до сих пор, приведем выдержку из его дневника: «На полпути, но несколько ближе к Уйбату, чем к Коксинским рудникам [1], я встретил в степи чрезвычайно много больших курганов, между которыми один, направо от дороги, возбудил во мне желание узнать настоящую величину его. Я смерил подошву его, которая обставлена была, в виде четвероугольника, двойным рядом больших каменных плит и имела в длину, с севера на юг, 100, а в ширину 80 шагов. Вышина его с северной стороны, которая была выше и круче других, составляла около 50 шагов, так что отвесную вышину его можно считать по крайней мере в 10 саженей. Поразительнее всего мне показались огромные камни, окружавшие его. Некоторые из них торчали над поверхностью земли более чем на 2 сажени и при этом были такой же ширины, а толщиною в 1 аршин. Сколько труда стоило, следовательно, привести их сюда, так как поблизости нигде нет скалистых гор. Это обстоятельство, которое я имел случай наблюдать во многих местах, могло бы, по моему мнению, служить доказательством важного значения, могущества и богатства бывшего татарского царства, если бы история, кроме того, не сохранила нам о том неопровержимых свидетельств» [2].

Г. Ф. Миллер, исходя из представлений XVIII в., предположительно определил возраст осмотренного им Большого Салбыкского кургана. Но если бы мы сейчас исправили в его заключении только одно слово «татарского» на современное и правильное «тагарского», то ясно увидели бы: Г. Ф. Миллер справедливо полагал, что Большой Салбыкский курган может служить доказательством бывшего здесь некогда могущественного и богатого тагарского царства.

Смысл заключения исследователя XVIII в. состоит, следовательно, в том, что такой курган мог быть сооружен лишь при «могущественном царстве», т. е., как мы сказали бы теперь, в период классового общества.

К глубокому сожалению, С. В. Киселев не успел опубликовать полностью важных в научном отношении результатов полевых исследований этого интереснейшего памятника, относящегося, по его заключению,

[1] «В 6 верстах от последней рассохи р. Коксы и верстах в 12 от р. Бичьи (Биджи?), по обе стороны дороги» (примечание Г. Ф. Миллера).

[2] Далее прибавлено: «Курган этот, впрочем, подобно большой части остальных, был разрыт. Рассказывали, что 12 человек работало на нем в течение 6 недель и, несмотря на то, что прорыли его в глубину на 12 сажень до самого материка, все-таки не нашли в нем никаких драгоценностей» [1, с. 97, 98].

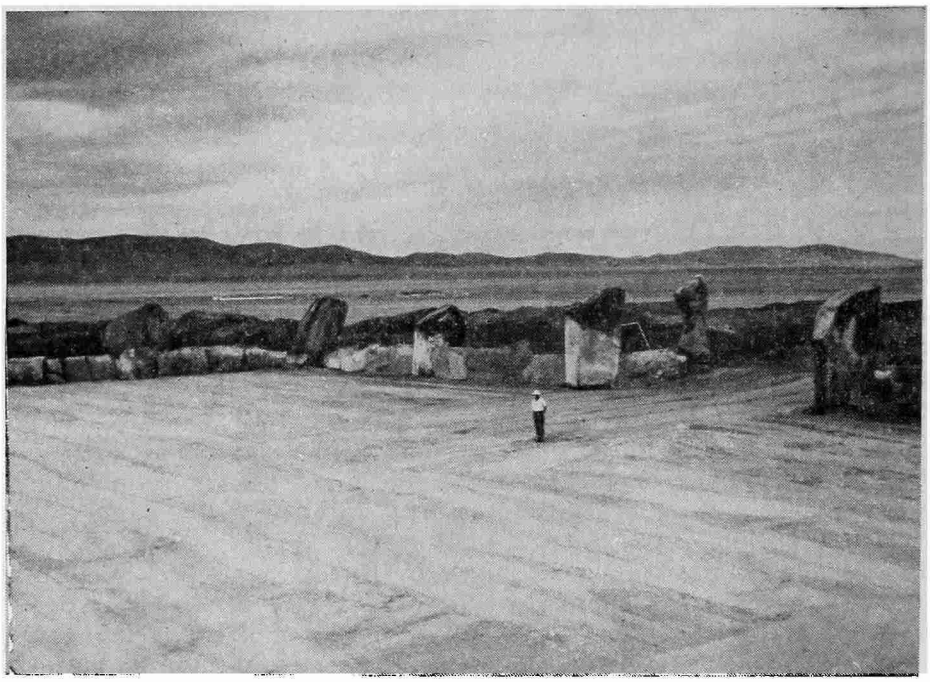


Рис. 1. Вид на вход и северо-восточный угол ограды Большого Салбыкского кургана после ее расчистки в 1956 г. Посредине стоит Сергей Владимирович Киселев. Вид с юго-юго-запада. Фото Л. А. Евтюховой

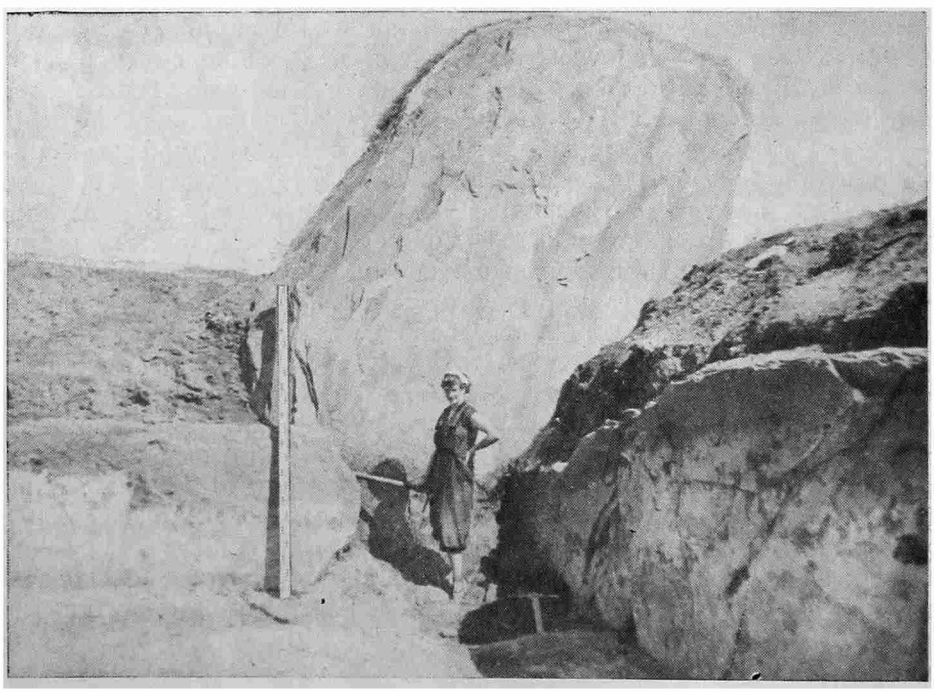


Рис. 2. Место между плитой северной стены ограды и угловой северо-восточной стелой, где был обнаружен нижний жернов ручной вращающейся мельницы. На него указывает участница раскопок 1956 г. Н. Н. Терехова. Вид с юго-юго-запада. Фото Л. А. Евтюховой

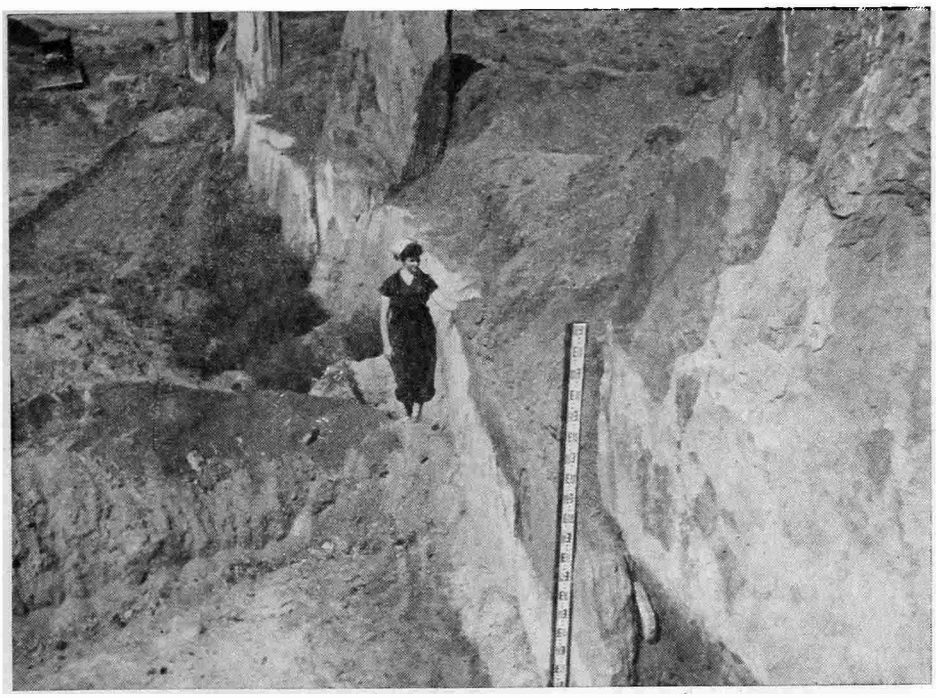


Рис. 3. Северная стена ограды и начало расчистки жернова. Вид с востока. Фото Л. А. Евтюховой

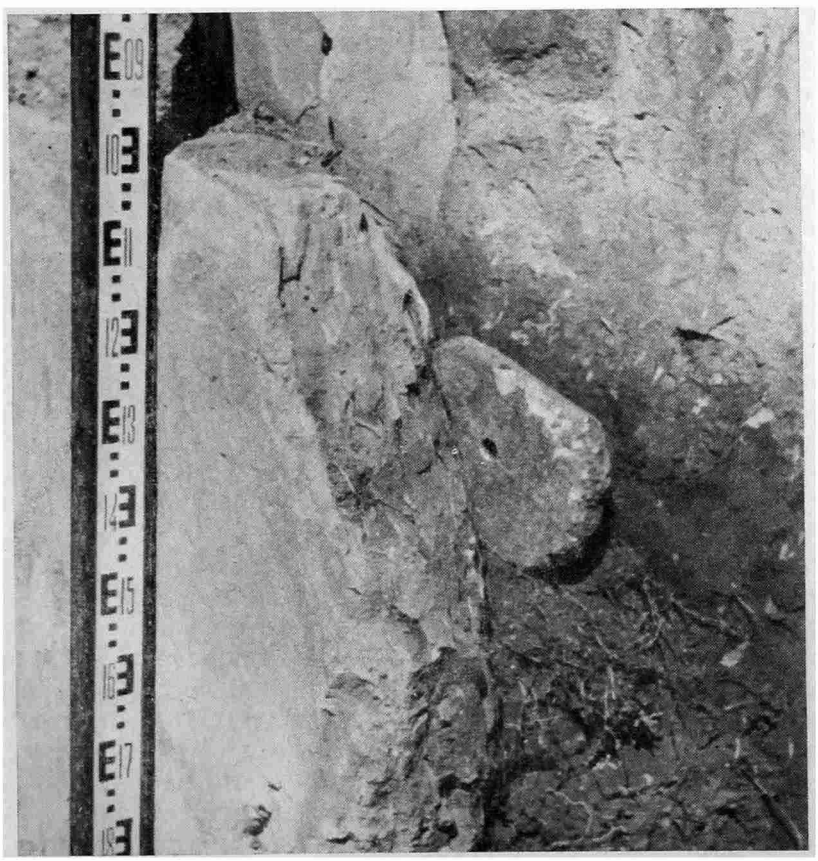


Рис. 4. Нижний жернов тагарской ручной мельницы, заложенный тагарскими строителями между восточной плитой северной стены ограды и северо-восточной ее стелой. Вид с юго-юго-востока. Фото Л. А. Евтюховой

к IV—III вв. до н. э. Напечатаны лишь тезисы доклада, посвященного результатам раскопок первых двух полевых сезонов его экспедиции [2] (см. также [3]). Кроме того, сохранился краткий рукописный отчет о заключительных работах на кургане в 1956 г. [4]. Подводя итоги двухгодичным раскопкам Большого Салбыкского кургана, С. В. Киселев в своем докладе в начале 1956 г. указывал: «Сложность строительных приемов, необходимость затраты большого труда на строительство и доставку материалов (ближайшее место, где могли выкалываться плиты для ограды, находится за 15 км, а стелы выкалывались из приенисейских скал в 75 км) заставляют видеть в тагарском обществе того времени организацию более развитую, чем было определено ранее. Тот факт, что в колоссальном кургане было обнаружено всего одно погребение и что, по-видимому, сооружение кургана было связано с захоронением одного-двух человек (остальные погребались позднее через коридор), заставляет полагать, что общественные отношения в тагарскую эпоху были более сложными, чем это представлялось до раскопок больших курганов» [2, с. 58].

Этот вывод был существенно подкреплен фактами, которые получены исследователем в последний полевой сезон изучения конструкций величественного погребального сооружения — усыпальницы представителей высшего слоя тагарской знати.

В 1956 г. происходило изучение каменной ограды изнутри (рис. 1). Тогда-то при расчистке плит была сделана чрезвычайно важная находка. Вот что об этом сказано в отчете С. В. Киселева: «После того как плиты ограды были установлены (древними строителями.— *Л. К.*), тщательно заделывались все щели между ними. Если это были значительные отверстия, их закрывали плитами, плотно приставленными снаружи и подпертыми специальными контрфорсами. Менее значительные щели заполнялись мелкими обломками плиток. Среди этих плиток и была сделана 18 июля 1956 г. находка исключительной важности. В щели между плитой северной стены ограды и угловой северо-восточной стелой (рис. 2) [3] был обнаружен почти полный нижний жерновок ручной мельницы (рис. 3). Будучи с одной стороны обломан (рис. 4), он за непригодностью был употреблен вместе с мелкими обломками плит для забутовки щели (рис. 5). Находясь безусловно в непотревоженном состоянии, он служит ясным доказательством наличия на Енисее еще в тагарское время ручной вращающейся мельницы[4]. До этой находки считалось, что ручная вращающаяся мельница в Южной Сибири распространилась лишь в середине I тысячелетия н. э.

Таким образом, салбыкская находка позволяет отнести применение в Минусинской котловине ручных жерновков, во всяком случае, на 800—900 лет раньше. Если же вспомним, какое значение придавал К. Маркс введению ручной вращающейся мельницы, в которой он видел показатель процесса сложения „общества с сюзереном во главе", то находка 18 июля 1956 г. представит не только историко-культурный и хронологический интерес.

Указания на гораздо более сложные общественные отношения у тагарских племен, чем чисто родовые отношения, которые восстанавливались археологами раньше, доставили исследования различных элементов грандиозного Салбыкского кургана, его необычно сложного погребального сооружения и самого погребения, содержавшего всего 6 человек.

Находка жернова вращающейся мельницы служит в этом отношении немаловажным фактом, указывающим на относительно высокий уровень развития производительных сил в позднетагарское время, прежде всего в такой существенной отрасли хозяйства, как земледелие. Тагарское земледелие достигло такого уровня производительности, что при перера-

[3] Ссылки на фотографии вставлены автором настоящей статьи.

[4] «Наряду со сломанным жерновом для забутовки щелей употребляли и поломанные зернотерки. Во всяком случае, такая находка была сделана 19 июля 1956 г. при расчистке плит западного прясла южной стены» (примечание С. В. Киселева).

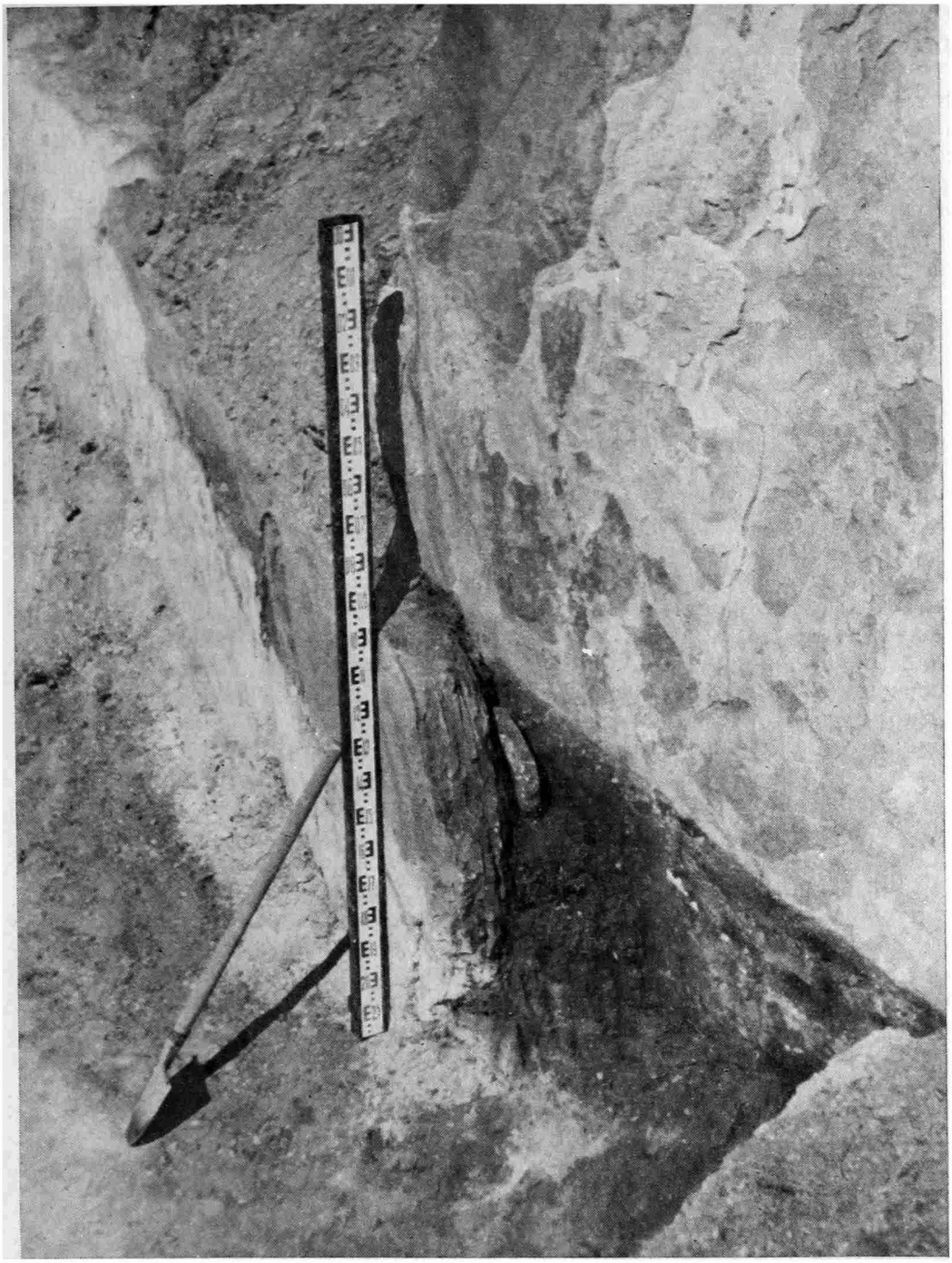


Рис. 5. Расчистка закладки и выявление жернова. Вид с востока. Фото Л. А. Евтюховой

ботке его продукта недостаточной стала древняя зернотерка. Тагарские племена стали применять ручную вращающуюся мельницу, которая, как это доказано экспериментально, в 12 раз производительнее хорошей зернотерки (ср. [5, с. 513, 514, 569].— *Л. К.*). Такое развитие производства, очевидно, не могло не отразиться на всей экономической сфере, не могло не вызвать такого усложнения общественных отношений у тагарских племен, при котором и стали возможны явления эксплуатации, бесправия одних и высокого положения других, столь ярко выразившиеся в Большом Салбыкском кургане» [4, с. 6—8].

Как видим, С. В. Киселев справедливо придавал большое значение сделанной им находке старого круглого жернова от ручной вращающейся мельницы, использованного в качестве строительного материала при

сооружении ограды Большого Салбыкского кургана (о реакции С. В. Киселева во время находки жернова см. [3, с. 154]).

Примечательно, что, несмотря на существенные различия во времени, в мировоззрении, в реальных знаниях по истории древней Сибири и, наконец, в сумме имеющейся археологической информации о памятнике, все же основные выводы об уровне общественного развития тагарцев — строителей Большого Салбыкского кургана, сделанные Г. Ф. Миллером и С. В. Киселевым, совпадают. На новом уровне знаний С. В. Киселев пришел к выводу о классовой структуре общественного строя тагарцев на заключительном этапе развития их культуры.

Со времени раскопок кургана прошло почти 30 лет. Благодаря развитию археологической науки и большим масштабам работ по спасению памятников в обширной зоне новостроек Южной Сибири получено ни с чем не сравнимое количество материалов, по-новому освещающих историческую сущность и значение тагарской эпохи. Открыты целые новые районы, в которых проживало население тагарской культуры, исследованы поселения и жилища, наскальные рисунки и памятники древнего земледелия. Обогатились наши представления о материальной и духовной культуре тагарцев.

При всем том результаты раскопок С. В. Киселевым Большого Салбыкского кургана в 1954—1956 гг. и их значение остались незыблемыми. Новые материалы усилили и подкрепили выводы С. В. Киселева. В настоящее время ясно, что в тагарскую эпоху (VII—III вв. до н. э.) классообразование протекало достаточно интенсивно. Этому процессу способствовало обстоятельство, что к развитому земледельческо-скотоводческому хозяйству приенисейских племен бронзового века в раннем железном веке прибавилось продуктивное ирригационное земледелие. В тагарское время земледелие начинает оттеснять скотоводство на второй план, тем более что частые военные столкновения позволяли получать скот от соседей путем насильственного захвата. При этом угонялся не только скот соседних племен, но и военнопленные. В общественной жизни развивается рабовладельческий уклад.

Ирригационное земледелие, требовавшее сооружения и поддержания сети оросительных каналов, плотин и дамб, а также регулирования забора и распределения воды, способствовало процессу социального расслоения и образованию классов. Если культуры пшеницы, ячменя и проса древнее население Хакасско-Минусинской котловины получило извне (по-видимому, вместе с притоком населения с юго-запада и запада в позднем неолите и энеолите — в конце IV — начале III тыс. до н. э.), то развитие местных форм земледелия вообще, и орошаемого земледелия в частности, протекало на основе накопления собственного опыта выращивания злаков в южносибирских географических и исторических условиях.

Этот длительный самобытный процесс не может быть объяснен только южными заимствованиями. В I тыс. до н. э. Хакасско-Минусинская котловина представляла собой уникальный для северной части Азии центр продуктивного ирригационного земледелия. И уже поэтому трудно переоценить находку древнейшей в северной части Азии ручной вращающейся мельницы в Большом Салбыкском кургане IV—III вв. до н. э.

Появление ручной вращающейся мельницы с двумя круглыми жерновами связано с расширением посевных площадей в эпоху ирригационного земледелия, оно делает несомненным применение пахотных орудий типа сохи и плуга с использованием тягловой силы быков и коней. Обобщением большого исторического опыта применения указанных земледельческих орудий в истории человечества является известное положение К. Маркса о том, что «ручная мельница дает ... общество с сюзереном во главе» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4, с. 133).

Все известные в настоящее время материалы свидетельствуют, что тагарский военно-территориальный союз в IV—III вв. до н. э. создал раннеклассовое самобытное государство среднеенисейских и причулымских племен. Хроники древнего Китая называли его «Динлин го» —

«государство Динлин». Очевидно, Большой Салбыкский курган представлял собой не что иное, как погребальную каменно-земляную пирамиду одного из самых могущественных динлинских царей и членов его семьи. Особое предназначение Салбыкской котловины, посреди которой как впечатляющие архитектурные сооружения возвышались шесть огромных царских пирамид, подчеркивает расследованная автором «дорога духов». Она начиналась в центре котловины и вела прямо в сторону солнечного восхода через гряду холмов, увенчанную величественными каменными воротами из двух огромных плитчатых скал, вертикально вкопанных в землю. По старинным верованиям многих народов Сибири, души умерших расходились по двум дорогам. Вход в нижний мир находился в стороне заката солнца, а в верхний небесный мир путь уходил в сторону солнечного восхода. Именно в верхний мир вела церемониальная дорога, устроенная для душ умерших тагарских царей.

К сожалению, далеко зашедший процесс вызревания собственного государства «тагарцев»-динлинов был прерван нашествием гуннских полчищ, нахлынувших на Южную Сибирь из центрально-азиатских степей около 201 г. до н. э. [6, с. 7—10]. Государство у «тагарцев»-динлинов не успело окрепнуть и развиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3.— МАР, 1894, т. 15, приложения.
2. *Киселев С. В.* Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг.— В кн.: Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1956.
3. *Дэвлет М. А.* Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя.— ИИС, 1976, вып. 21.
4. *Киселев С. В.* Отчет Хакасской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Хакасского НИИЯЛИ за 1956 год.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1315.
5. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
6. *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М.: Высш. шк., 1984.

L. R. Kyzlasov

THE TAGARSKY HAND GRINDER AND ITS SIGNIFICANCE

Summary

The article is dedicated to the memory of Sergei Kiselyov (1905—1962), a prominent Soviet historian and archaeologist. In the 1954/56 field seasons he conducted excavations of the Bolshoi Salbyk mound in Khakassia which were exemplary from the methodological point of view and from theire results. This enormous burial construction dated to the 4th-3rd centuries B. C. was used by the upper strata of the Tagarsky nobility. The study of the stone fence yielded an important find. A small bed-stone of a hand grinder was found between the northern wall and the corner north-eastern stella. Since it was broken and, hence, unusable, it was used together with small stone fragments for filling the slit. It is quite evident that it was not moved since that time so it can be regarded as an evidence of the fact that hand grinder existed in the Enisey region as early as the Tagarsky time. Prior to this find the appearance of hand grinders in Southern Siberia was dated to a later period (mid-first millennium A. D.). This bed-stone is a significant find since it indicates that in the late Tagarsky time the productive forces in agriculture, a most important economic branch, were relatively highly developed.

ТЕРЕХОВА Н. Н.

ЖЕЛЕЗООБРАБОТКА В ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКИХ ГОРОДАХ

В июле этого года Сергею Владимировичу Киселеву исполнилось бы 80 лет. Все, кому посчастливилось работать под его руководством, сохраняют благодарную память о ярком и многогранном ученом, замечательном человеке, чья неиссякаемая энергия и огромный научный энтузиазм заражали всех, кто был с ним рядом.

В настоящей статье приводятся результаты изучения с помощью естественно-технических методов материалов из раскопок Сергея Владимировича.

Археологические исследования под руководством С. В. Киселева на территории МНР и в Южном Забайкалье позволили не только блестяще доказать реальность существования городов у древних монголов, но и показать их значительную роль в развитии монгольского общества как крупных административных и ремесленно-торговых центров [1]. Таковым предстает прежде всего город Каракорум, в котором в 1220 г. была учреждена Чингисханом первая столица монгольского государства. Наивысшего расцвета Каракорум достигает в середине XIII в. К этому времени относится наиболее подробное описание его, оставленное Вильгельмом Рубруком — монахом-миноритом, отправленным в Монголию Людовиком IX со специальной миссией [2, 3]. Однако, несмотря на существование многочисленных свидетельств письменных источников, вопрос о местонахождении Каракорума длительное время дискутировался и окончательно был решен благодаря широким археологическим исследованиям, проведенным в 1948—1949 гг. Советско-Монгольской экспедицией, возглавленной С. В. Киселевым. В процессе раскопок многие объекты, описанные Рубруком, были идентифицированы. Был раскопан знаменитый дворец хана Угедэя, вскрыт целый комплекс ремесленных мастерских и торговых складов, административные здания и т. д. В плане нашей работы особый интерес представляют ремесленные кварталы Каракорума, в первую очередь мастерские, связанные с обработкой металла. Раскопками выявлен примечательный факт особой роли металлообрабатывающих ремесел уже на самых ранних этапах существования города. С нижними горизонтами культурного слоя связаны находки на сравнительно небольшом участке — до 10 металлургических горнов и множества изделий из черного металла [1, с. 177].

Мы уже обращались к технологическому анализу продукции чугунолитейного производства [4]. Как установлено, оно было основано на двухступенчатом процессе: на первом этапе получали сыродутным способом железо, затем в тиглях в смеси с углем и в атмосфере горения каменного угля его науглероживали, получая в результате жидкий металл — чугун. Свойства его были хорошо известны искусным мастерам-литейщикам, изготовлявшим с одинаковым успехом тонкостенные котлы разных диаметров, массивные отвалы, сложной конфигурации втулки от колес тяжелых повозок, гири и т. д.

Продукцию кузнечного ремесла составляли различные хозяйственно-бытовые предметы, инструменты, оружие. Чтобы получить технологические характеристики железных изделий, на основании которых можно судить об их качестве, качестве исходного сырья и мастерстве кузнеца, а в конечном счете об уровне кузнечного производства, необходимы аналитические исследования.

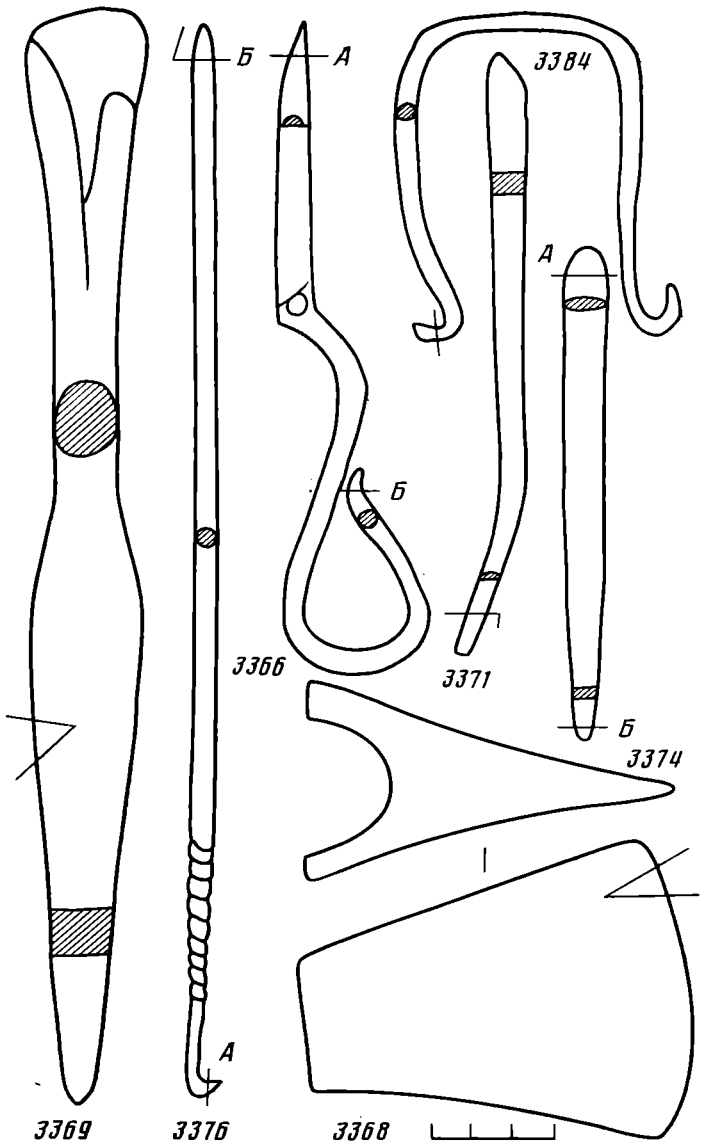


Рис. 1. Железные изделия из Каракорума. Номера на рисунке соответствуют номеру анализа. Место взятия проб показано секущей

Коллекция железных изделий из Каракорума, хранящаяся в ИА АН СССР, невелика — 27 экз. (большая часть находится в музее в Улан-Баторе), однако представляет разнообразные категории кузнечного инвентаря: топоры (1 экз.), мотыги (1 экз.), подковы (1 экз.), шилья (2 экз.), гвозди (3 экз.), крючки (1 экз.), стержни (1 экз.), дужки (1 экз.), ножницы (1 экз.), ключи (1 экз.), инструмент типа развертки (1 экз.), молоток-метчик (1 экз.), пешни (1 экз.), стрелы (8 экз.) пластины (3 экз.). К сожалению, большинство изделий в составе коллекции имеется в единичном экземпляре, что при металлографическом исследовании затрудняет возможность заключения о степени распространенности тех или иных технических приемов.

Характеристику древнемонгольской кузнечной техники дополняют материалы из другого монгольского города — Хирхиры, открытого и исследованного С. В. Киселевым на территории Южного Забайкалья [1, 5, 6].

Как доказывает С. В. Киселев, город являлся резиденцией племянника Чингисхана Исункэ [6] и был построен в начале XIII в. [1, с. 49]. На окраине Хирхиры раскопана мастерская кузнеца, где найдены шлаки, крица [1, с. 49]. Железный инвентарь представлен в основном гвоз-

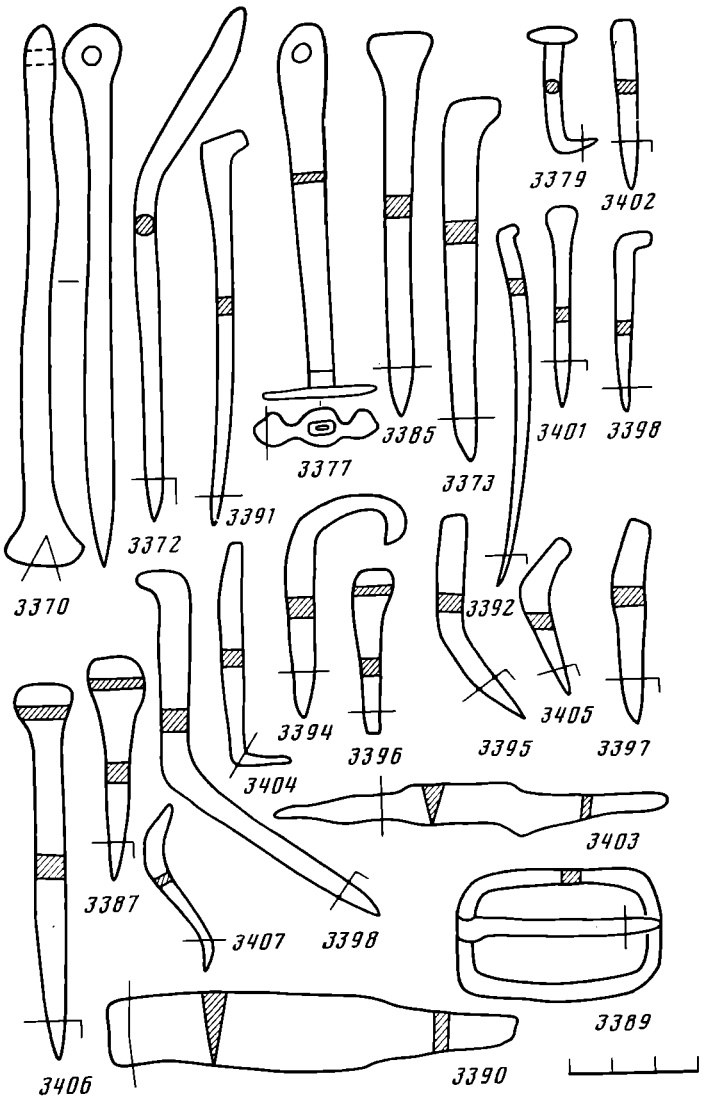


Рис. 2. Железные изделия из Каракорума (ан. 3370, 3372, 3373, 3379, 3385) и Хирхиры

дями (14 экз.), кроме того, найдено два ножа, две пряжки и наконечник стрелы.

Металлографическому изучению подвергнуто 46 экз. железных предметов из Каракорума и Хирхиры. С технологической точки зрения интересны прежде всего изделия, которые по своему функциональному назначению предполагают использование мастером технических приемов по улучшению рабочих качеств, в данном случае это топор, ножи, ножницы, мотыга (рис. 1—3). Как показало микроскопическое исследование, при изготовлении указанных предметов применялись следующие технологические схемы: целиком из стали, целиком из высокофосфористого железа, сварка из трех полос (железа и стали), многослойная сварка. Цельностальная структура обнаружена на ноже (ан. 3403) из Хирхиры. Общая длина изделия 9,5 см. Кончик лезвия обломан, длина сохранившейся части 5,5 см. При переходе от спинки к ручке имеется уступ. Лезвие в значительной степени сточено, тем не менее на шлифе, сделанном на полном поперечном сечении, заметно увеличение содержания углерода в направлении к острию от 0,3 до 0,4—0,5%. Об этом же свидетельствуют и показатели микротвердости — 193 кг/мм² у спинки и 254 кг/мм² на лезвии. Структура феррито-перлитная, мелкозернистая, перлит имеет сорбитообразный характер, шлаковые включения единичные. Таким образом, нож был сделан из хорошо прокованной стальной заготовки. Лезвие, видимо, дополнительно процементировано.

Второй нож (ан. 3390) из Хирхиры несколько иного типа. Лезвие более массивное, плавно без уступов переходит в короткую ручку. Сохранившаяся длина его 7 см. Изделие оказалось сделанным целиком из железа, причем металл был в значительной степени загрязнен шлаками, а сама заготовка плохо прокована (включения шлака крупные, геометрических очертаний).

По характеру использованного сырья интересна мотыга (ан. 3386), найденная в Каракоруме. Она имеет широкое (до 21 см) округлое прямое лезвие, довольно тонкое (3—4 мм), и круглую втулку (диаметр 4,5 см), расположенную по центру перпендикулярно плоскости лезвия. Высота втулки 2,5 см. По своему типу мотыга аналогична среднеазиатским омачам [1, с. 213, рис. 114].

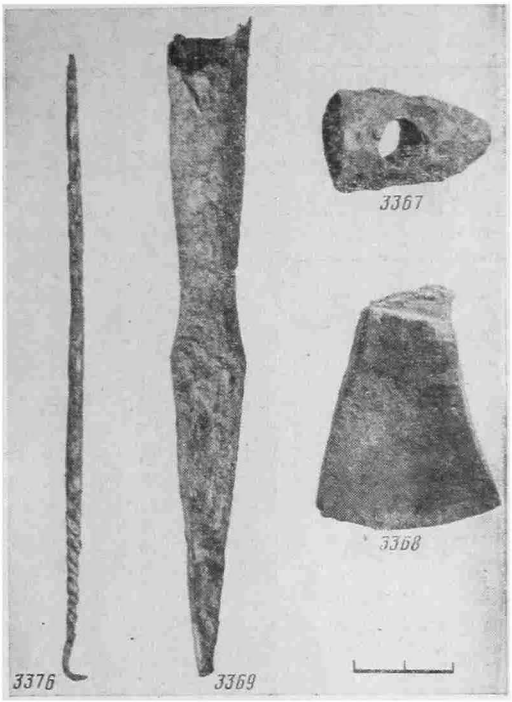


Рис. 3. Железные и чугунные (ан. 3367) изделия из Каракорума

Мотыга оказалась изготовленной из высокофосфористого железа, благодаря чему приобрела твердость, равную высокоуглеродистой стали (микротвердость ферритных зерен 254, 274 кг/мм²). Выбор мастером подобного материала не случаен. При незначительной толщине и широкой плоскости лезвия мотыга, сделанная из обычного железа, оказалась бы просто негодной.

Технологию сварки демонстрируют топор и ножницы из Каракорума. Топор (ан. 3368) найден в сломанном виде, сохранилось лезвие и часть втулки. Лезвие трапециевидной формы (ширина у втулки 3,5, у рабочего края 7 см).

Образец для микроскопического исследования взят с рабочей части лезвия, шлиф изготовлен на продольном сечении. Оказалось, что лезвие сварено из трех полос: двух железных по краям и стальной в центре с выходом на рабочий край. Сварка произведена качественно, сварочных швов не видно, однако по обе стороны от стальной полосы выявляются зоны, где хорошо прослеживается диффузия углерода в железо. Рабочий край был закален в холодной воде, стальная полоса сохранила последовательную смену структур: мартенсит — на острие лезвия (микротвердость 514 кг/мм²), дальше сорбит (микротвердость 350, 383 кг/мм²) и феррито-перлит (микротвердость 236 кг/мм²). Стальная полоса отличается чистотой в отношении шлаковых включений. Полосы из железа прокованы не столь тщательно, размер зерен феррита средний и крупный (микротвердость 143 кг/мм²), есть шлаковые включения.

Трехполосная конструкция лезвия топора с твердой сердцевиной придавала изделию необходимую упругость при ударной нагрузке, твердость и остроту режущему краю. При заточке острие лезвия всегда оставалось стальным. Значительная сточенность одной из боковых железных полос свидетельствует о длительном использовании изделия.

Прием многослойной сварки использован при изготовлении ножниц (ан. 3366), ножницы по типу относятся к шарнирным (рис. 1).

При раскопках Каракорума, как отмечают исследователи, подобные экземпляры встречались неоднократно [1, с. 215]. Аналогичные изделия известны и в другом древнемонгольском городе — Дентерек на территории Тувы [4, с. 77, рис. 40, *2*]. Подобная конструкция ножниц хорошо известна в древней Руси уже в X в. [7, с. 82]. Интересно, что каракорумский экземпляр не только по форме, но и размерам полностью соот-

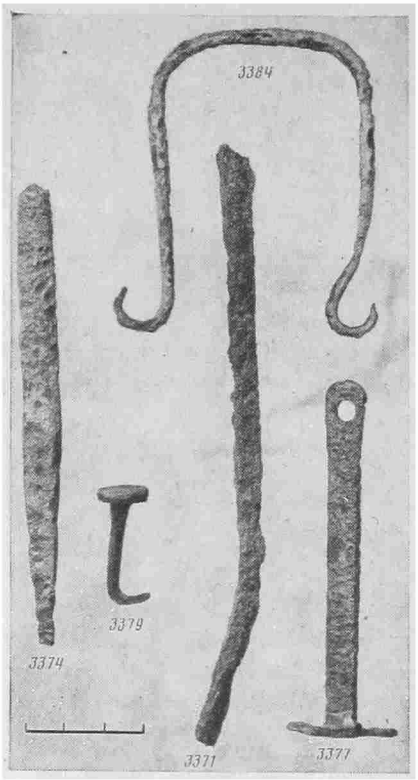


Рис. 4

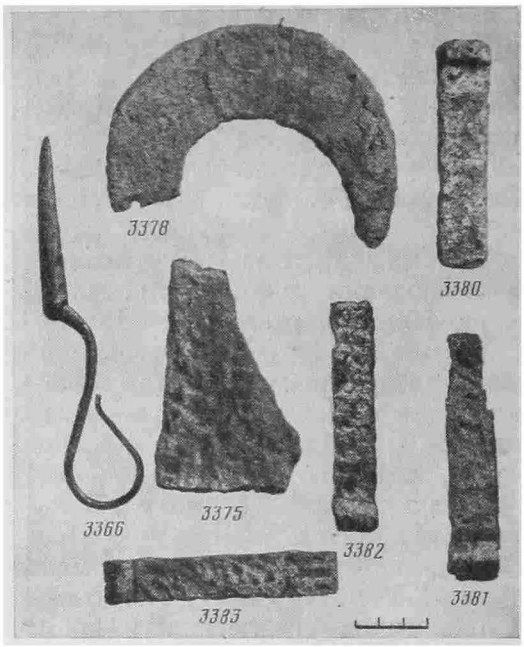


Рис. 5

Рис. 4. Кузнечные изделия из Каракорума

Рис. 5. Железные и чугунные (ан. 3375, 3380) изделия из Каракорума

ветствует древнерусским [7, с. 230]. Общая длина каракорумского изделия 16 см, длина лезвия 8 см. Лезвие, как показало микроскопическое исследование, было сварено из четырех чередующихся полос железа и стали так, что на режущую часть выходила стальная полоса с содержанием углерода 0,3—0,4% (микротвердость — 221, 236 кг/мм²).

Вторая стальная полоса располагалась с внешней стороны лезвия (содержание углерода 0,2—0,3%, микротвердость 181 кг/мм²). Феррито-перлитная структура остальных полос имеет видманштеттовый характер, свидетельствующий о перегреве металла. Ручка откована целиком из железа, сильно загрязненного шлаковыми включениями (микротвердость феррита 151 кг/мм²). По-видимому, лезвие и ручка изготовлялись отдельно, а затем сваривались. Зафиксированные следы перегрева, возможно, связаны с конструктивной сваркой. Лезвия соединялись на подвижной заклепке.

Технологическая схема изготовления ножниц из Каракорума близка древнерусским аналогичным изделиям, характерной чертой которых было сочетание железа и стали при формовке лезвий.

При изготовлении ряда хозяйственно-бытовых изделий использовалась специально полученная в горне сырцовая сталь. К подобным предметам относятся шило (ан. 3372, рис. 2), инструмент типа развертки (ан. 3374, рис. 1), дужка для подвешивания какого-то предмета (ан. 3384, рис. 1; 4) подкова (ан. 3378, рис. 5). Все они происходят из Каракорума. Феррито-перлитная микроструктура этих изделий отличается мелкозернистостью, незначительным присутствием мелких шлаковых включений. Содержание углерода на одном и том же образце колеблется — от 0,2—0,3 до 0,5—0,6%; соответственно изменяются и показатели микротвердости: 187, 221, 254 кг/мм².

Остальные категории хозяйственно-бытового инвентаря изготовлены просто из железа: гвозди, пешня, крючки, ключ, пряжки. Это так называемые некачественные изделия, которым по техническим условиям и не требовалось другого материала. Гвозди в основном происходят из Хирхиры (14 экз.), все они однотипны — это костыли (рис. 2). Стержень имеет квадратное сечение, верхний конец загнут, длина до 10—12 см. Микроструктура всех изделий ферритная с большим количеством шлако-

вых включений (микротвердость 128—151 кг/мм²). Иногда заметны следы случайной науглероженности. Отдельные экземпляры сварены из нескольких полос железа (ан. 3406, 3401). На некоторых образцах отмечается прием холодной обработки острия (ан. 3395, 3397), значительно повышающий его твердость (микротвердость ферритных зерен возрастает до 193, 206 кг/мм²).

Из 3 экз. гвоздей, происходящих из Каракорума, два (ан. 3377, 3385) аналогичны хирхиринским, один (ан. 3379) другого типа (рис. 2). Он имеет тонкий, квадратный в сечении стержень (2×2 мм) и круглую грибовидную шляпку (диаметром 10 мм), общая длина 4 см. Гвоздь сделан из неравномерно науглероженного металла: микроструктура имеет полосчатый характер.

Типы гвоздей и технология их изготовления ничем не отличаются от древнерусских аналогичных изделий [7, с. 126].

Массивное орудие для пробивки льда в замерзшей реке — пешня (ан. 3369, рис. 1, 3) изготовлено также из железа, имеющего следы случайной науглероженности. У пешни четырехгранное острие длиной 14,5 см и втулка длиной 12 см с разомкнутыми краями. Металл засорен шлаковыми включениями, отличается неоднородной зернистостью.

Таким же невысоким качеством характеризуется металл и остальных изделий этой группы: крючок (ан. 3376), пряжка (ан. 3389), стержни (либо заготовки, либо обломки каких-то изделий, ан. 3370, 3371), несколько абсолютно одинаковых пластин с загнутым концом (длина 10, ширина 1,5 см), по-видимому, деталей каких-то конструкций. Сюда же можно включить и ключ от пружинного замка (ан. 3377, рис. 2), однако он интересен тем, что при его изготовлении использована техника горновой пайки, с помощью которой соединены две детали — стержень (ручка) и бородка. Стержень овального сечения, длина 9 см. Один конец его слегка расширен, и в нем пробито отверстие для подвешивания. На противоположный конец насажена фигурная бородка, закрепленная с помощью пайки, способом, хорошо известным по древнерусским образцам. Остроумная конструкция и сложная технология изготовления самих пружинных замков подробно описаны также на примере древнерусских экземпляров [7, с. 152—162].

Наиболее массовым предметом вооружения монголов были, как известно, лук и стрелы. Плано Карпини пишет: «Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы» [3, с. 50].

Наконечники стрел были частой находкой в Каракоруме, причем в слоях со следами большого пожара и разрушений [1, с. 190].

Исследователи связывают слой пожарища с определенным историческим событием — осадой Каракорума в 1261 г. войсками Хубилая. В этот период, после смерти хана Мункэ, началась борьба за власть, в первую очередь между Хубилаем и его младшим братом Ариг-бугой, «начальствовавшим» в Каракоруме. После длительной осады город был сдан [1, с. 191, 192].

Коллекция исследованных микроскопически наконечников стрел включает 8 экз. из Каракорума и 1 экз. из Хирхиры (рис. 6). Типологически различаются наконечники с широким, плоским в сечении пером, расширяющимся — от черешка к лезвию — так называемые срезни — (ан. 3358, 3359, 3360, 3363, 3388), и с более узким вытянутым плоским пером, заканчивающимся треугольным лезвием (ан. 3362, 3364, 3365). Считается, что первые предназначались главным образом для борьбы с кавалерией, а вторые для поражения не защищенного броней противника [1, с. 195, 199]. К последней группе относится, по-видимому, и наконечник с узким вытянутым пером ромбического сечения (ан. 3361).

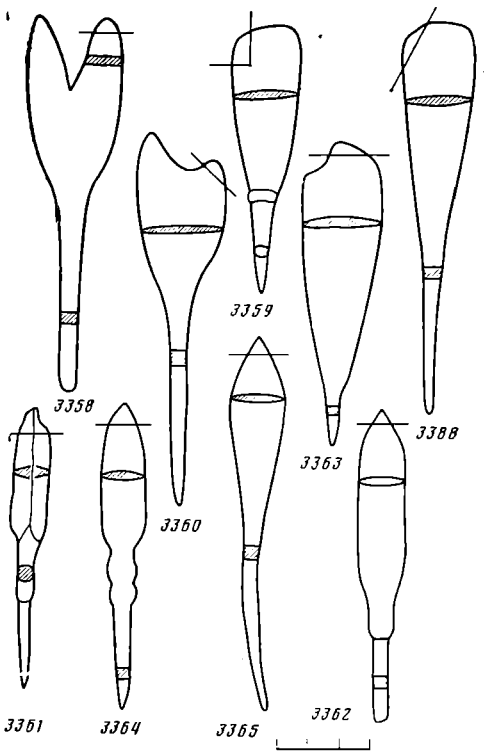


Рис. 6. Наконечники стрел из Каракорума и Хирхиры (ан. 3388)

Описывая монгольские наконечники стрел, Плано Карпини замечает: «Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон, наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел» [3, с. 51].

Как показало металлографическое исследование, материалом для изготовления наконечников стрел служило железо (ан. 3362, 3365, 3388), сырцовая сталь (ан. 3358, 3359, 3361) и так называемый пакетный металл, т. е. сваренные вместе полосы железа или железа и малоуглеродистой стали (ан. 3360, 3363, 3364). Прием пакетования в данном случае был связан с утилизацией сырья. Металл в значительной степени загрязнен шлаковыми включениями. Острие пера на большинстве изделий, как показало микроскопическое исследование, было подвергнуто наклепу с целью упрочнения.

Плано Карпини в своей книге, давая советы, каким нужно обладать оружием, чтобы успешно бороться против монголов, пишет: «Острия стрел для лука или баллисты должны, как у татар, когда они горячие, закаляться в воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзить их оружие» [3, с. 62]. Ни на одном исследованном нами экземпляре признаков закалки не обнаружено, хотя по содержанию углерода некоторые изделия вполне могли воспринять ее. К сожалению, пребывание в слое пожара большинства исследованных нами наконечников стрел не позволяет решить вопрос о термической обработке однозначно.

Металлографическое исследование кузнечной продукции из Каракорума и Хирхиры позволило получить разнообразные характеристики металлообрабатывающего производства в древнемонгольских городах. Как установлено, мастера по обработке черного металла использовали различные виды сырья: железо, сырцовую сталь, сталь, полученную путем сквозной цементации заготовки, высокофосфористое железо. Подбор сырья для того или иного вида продукции осуществлялся целенаправленно. Показательно, что качественные изделия (топор, ножи, ножницы) изготовлены либо из стали, либо из сочетания стали с мягким железом, что было конструктивно оправданно. При необходимости использовалась сырцовая сталь, полученная непосредственно в горне путем умелого науглероживания крицы. Сырцовая сталь в качестве материала для изготовления таких изделий, как подковы, шилья, наконечники стрел, вполне удовлетворяла необходимым техническим требованиям.

Известны были и свойства высокофосфористого железа, отличающегося высокой твердостью. Металл изделий, изготовленных из различных сортов стали, отличается высоким качеством — мелкозернистостью, незначительным количеством шлаковых включений. Основная же масса бытовых предметов формовалась из железа, о качестве которого мало заботились. Оно, как правило, плохо проковано, забито шлаковыми включениями.

Мастера хорошо владели разнообразными приемами свободной кузнечной ковки, с помощью которых придавали изделию любую необходимую форму: вытяжка, плющение, рубка, обрезка, изгиб, пробивка отвер-

стий, скручивание и т. д. Понятно, что для осуществления всех этих операций требовался специализированный кузнечный инструмент (наковальни, молоты, клещи, зубила, пробойники, штампы-обжимки). Безусловно, всеми этими инструментами располагали кузнецы в древнемонгольских городах. Кузнечные горны обнаружены и в Каракоруме («дом на перекрестке») [1, с. 178], и в Хирхире [7, с. 126]. Около каракорумского кузнечного горна были найдены кузнечные клещи и молоток-метчик [1, с. 215], куски крицы.

Исследованный нами металлографически молоток-метчик (ан. 3370) оказался сделанным не из железа, как обычно в средневековом кузнечном ремесле, а отлитым из чугуна. По структуре это белый доэвтектический чугун, производство которого было налажено в Каракоруме и из которого в массовом количестве изготовляли котлы, втулки от колес [4].

Использование чугуна для отливки кузнечного инструмента свидетельствует о тесной связи этих двух производств. Об этом же может говорить и тот факт, что некоторые абсолютно одинаковые по форме изделия изготовлялись как из железа, так и из чугуна. В исследованных нами материалах это пластины с загнутым концом (по-видимому чека) (рис. 5, ан. 3381, 3382, 3383), откованные из железа, и такое же изделие, отлитое из белого чугуна (ан. 3380). Отличие только в оформлении конца: у чугунной отливки оно в форме буквы «Т». В остальном форма и размеры совпадают абсолютно точно.

Мастерские по обработке металлов, как чугунолитейные, так и кузницы, по-видимому, располагались по соседству в ремесленных кварталах, однако это были совершенно самостоятельные производства, требовавшие высокой профессионализации и специализации. Кузнецы в совершенстве владели приемами пластической обработки металла, владели технологией сварки железа и стали, умели применять при необходимости термообработку, и такой прием для улучшения рабочих качеств, как наклеп, знали технику пайки. Чугунолитейщики имели дело с жидким металлом, и перед ними при изготовлении отливок стояли совершенно иные задачи [4]. Можно полагать, что в таком крупном столичном городе, как Каракорум, в среде кузнецов имелись мастера, специализировавшиеся по изготовлению какого-нибудь одного вида изделий, например замков, техника производства которых отличалась особой сложностью, требовала специального инструментария [7, с. 197]. В источниках сообщается, что в завоеванных странах монголы отыскивали среди пленных прежде всего ремесленников, они «спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором», «они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам» [3, с. 54, 58]. Лучшие из ремесленников, видимо, были сосредоточены в Каракоруме, причем ясно, что они сохраняли привычные им производственные традиции.

В керамическом производстве Каракорума большая роль принадлежала китайским ремесленникам [8, с. 100]. С китайскими мастерами возможно связана и технология выплавки чугуна. С. В. Киселев находит в определенных видах каракорумской керамики с соответствующим орнаментом аналогии старорязанской посуде, полагая, что ее могли изготовлять пленники из Старой Рязани [8, с. 100]. Некоторые типы кузнечных изделий и их технологические особенности, весьма близкие древнерусским заставляют думать, что среди каракорумских кузнецов находились мастера и из древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
2. *Рубрук Вильгельм.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.
3. *Плано Карпини Джовани дель.* История монгалов.— В кн.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Госгеографлит, 1957.
4. *Терехова Н. Н.* Технология чугунолитейного производства у древних монголов.— СА, 1974, № 1.

5. *Киселев С. В.* Древние города Забайкалья.— СА, 1958, № 4.
6. *Киселев С. В.* Город монгольского Исунхэ.— СА, 1961, № 4.
7. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
8. *Киселев С. В.* Древние города Монголии.— СА, 1957, № 2.

N. N. Terekhova

IRONWORKING IN EARLY MONGOLIAN TOWNS

Summary

Archaeological investigations in the Mongolian People's Republic and in southern trans-Baikal region headed by Sergei Kiselyov not only convincingly proved the existence of towns in the early Mongolian society but also demonstrated their considerable role as centres of handicrafts and administration in the advance of Mongolian society. The author discusses materials obtained by Kiselyov's expedition illustrating the blacksmith's work. The collection of iron artifacts from Karakorum (on the territory of the MPR), the first capital of the Mongolian state, and the old Mongolian town of Khirkhira in the southern trans-Baikalian area, was studied metallographically. It includes different categories of blacksmith's products: axes, hoes, awls, nails, scissors, horseshoes, keys, arrows and all kinds of implements.

The investigations showed that local blacksmiths used various kinds of raw materials: iron, raw and case-hardened steel. Early Mongolian smiths were experts in plastic treatment of metal, knew how to weld iron and steel, used thermal treatment, riverting and brazing.

МУЖУХОЕВ М. Б.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СВЯТИЛИЩА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

В период средневековья на Центральном Кавказе в горных районах Чечено-Ингушетии, Осетии и Грузии сооружались специальные каменные святилища-здания, посвященные языческим божествам. Повсеместно они сохранились до сих пор, однако их большая часть, к сожалению, сильно разрушена. Сбор полевых материалов по этим культовым сооружениям, осуществляемый автором на протяжении ряда лет, позволил наметить сначала типологический ряд памятников, а затем предложить их хронологию и функциональную интерпретацию [1; 2; 3, с. 158—160, 168; 4, с. 106—112; 5, с. 275—280; 6, с. 177—183; 7, с. 62—95; 8, с. 23—25, 29—31; 9, с. 82—84].

Святилища составляют значительную по численности группу средневековых архитектурных памятников высокогорий Центрального Кавказа. Они подразделяются на два основных вида: I — постройки с полым внутренним пространством — склепообразные, близкие по форме и раз-

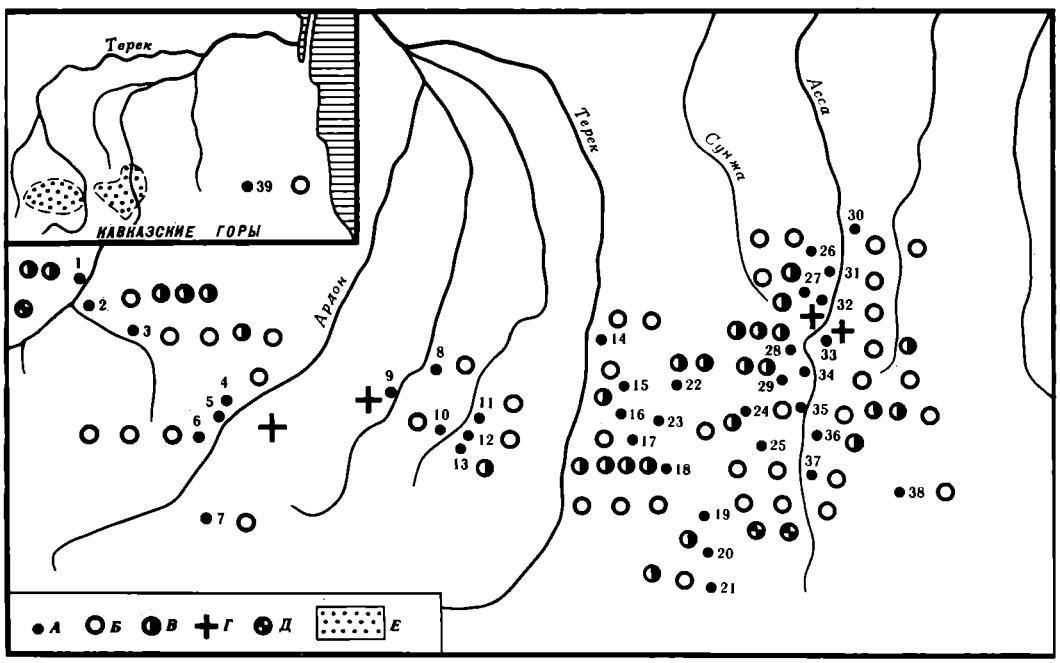


Рис. 1. Картосхема исследованных автором некоторых типов культовых памятников на территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. *А* — селения; *Б* — склепообразные святилища; *В* — столпообразные святилища; *Г* — храмы; *Д* — поминальные камеры; *Е* — районы активного распространения святилищ на Северном Кавказе. *1* — Донифарс; *2* — Фараскат; *3* — Галиат (Авд-Дзуар); *4* — Верхний Садон; *5* — Нузал («Нузал»); *6* — Цей («Реком», «св. Георгий», «св. Мария»); *7* — Нар (Нары-Дзуар); *8* — Барзикау; *9* — Дзивгис (Дзивгисы-Дзуар); *10* — Какадур; *11* — Цакат-Ламардон (Вацилла); *12* — Даргавс; *13* — Верхняя Саниба («св. Георгий»); *14* — Столовая гора (Мятцил, Мятер-Диела); *15* — Джейрах («Мариам»); *16* — Гарак; *17* — Морч (Морч-Спели); *18* — Эрзи (Эрдзели, Итаз-Ерды); *19* — Шуан (Галь-Ерды, Мекал); *20* — Белхан; *21* — Верхний Хулп (Зодцах-Ерды); *22* — Бейни (Бейни-Спели); *23* — Кербита; *24* — Бишт; *25* — Мягот (Маго-Ерды, Соска-Солса); *26* — Дошхакле (Диела); *27* — Карт (Долте-Диела); *28* — Лейми; *29* — Эгикал; *30* — Цей-Лам (Диела); *31* — Бархин; *32* — Хамхп; *33* — Таргим (Алби-Ерды, Таргимский, Ауша-Сел); *34* — Кий (Тушоли); *35* — Оздик (Дзорах-Диела); *36* — Вовнушки; *37* — Бирк; *38* — Галанчож (Мизир-Диела); *39* — Кезеной

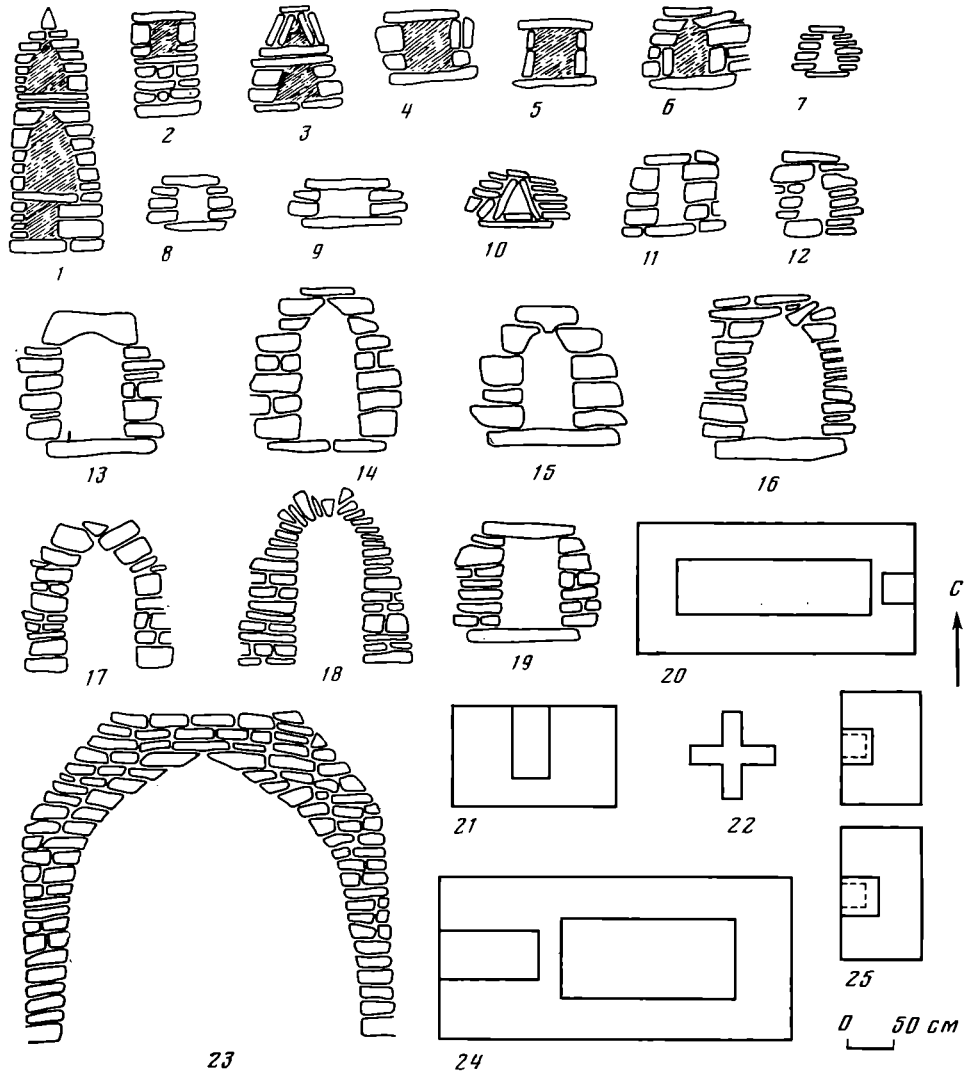


Рис. 2. Планы-схемы и архитектурные детали святилищ Центрального Кавказа. Жертвенники-алтари: *1* — Долте (Диела); *2* — окрестности с. Дошхакле. Ниши: *3* — Дошхаклинское; *4* — Цей-Ламское 1; *5* — Сау-Дзуар; *6* — Долте (Диела). Оконные проемы: *7* — Маго-Ерды; *8* — Верхнекийское; *9*— Авд-Дзуар; *10* — Дзорах-Диела; *11* — Дошхаклинское; *12* — поминальная камера, с. Донифарс. Дверные проемы: *13* — Морч-Сиели; *14* — Цей-Ламское 1; *15* — Мятер-Диела; *16* — поминальная камера с. Донифарс; *17* — Зодцах-Ерды; *18* — окрестности с. Донифарс; *19* — Авд-Дзуар; *20* — Ауша-Сел. Планы святилищ: *21* — Верхняя Саниба; *22* — Лейми; *23* — арка святилища Долте (Диела); *24* — Сау-Дзуар; *25* — Эрзи

личным конструктивным деталям к наземным склепам; II — сооружения наподобие глухого каменного столпа — столпообразные. В горной зоне нами обследовано более 70 памятников обоих видов, а в Чечено-Ингушетии на 28 святилищах склепообразной формы произведены раскопки (рис. 1).

Склепообразные и столпообразные сооружения, как правило, бывают сложены на известковом растворе из рваного камня, иногда, впрочем, довольно тщательно обработанного. Реже используется плиточный камень, связующим материалом для него служила глина. Известна и сухая кладка. Снаружи стены ряда зданий покрыты слоем штукатурки. Отдельные памятники имеют каменные ограды.

Святилища вида I представляют собой прямоугольные в плане постройки различных размеров с двускатно-ступенчатой кровлей из уплощенных камней и шиферных плиток. Крыша завершается гребнем из длинных овальных камней, идущих вдоль кровли. Они служат грузом, удерживающим верхний ряд плиток на крыше, и в то же время являют-

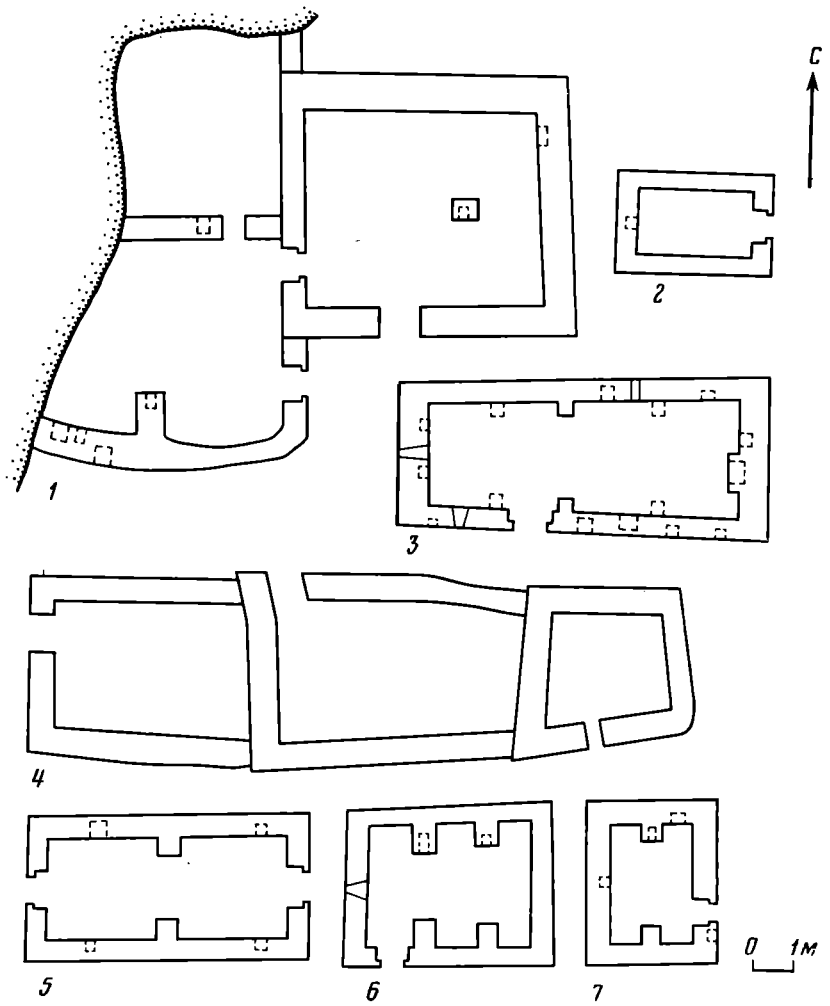


Рис. 3. Планы-схемы святилищ Центрального Кавказа. *1* — окрестности с. Дошхакле; *2* — Мекал; *3* — Долте (Диела); *4* — Вацилла; *5* — Мятцил; *6* — Галь-Ерды; *7* — Верхнекийское

ся ее завершением — своеобразным «коньком крыши». Потолок зданий, как правило, сводчатый. Изредка святилища перекрывались плоской кровлей. Интерьер камерных святилищ прост. Следует отметить такую архитектурную деталь, как стрельчатые арки, которые условно членят помещение на несколько частей (рис. 2, *23*). По числу арок или их отсутствию можно выделить несколько типов склепообразных построек.

Тип *1* — святилища без арок. За редким исключением, это постройки небольшие по своим пространственным размерам (рис. 3, *2*).

Тип 2 — сооружения с одной стрельчатой аркой, изредка смещенной от центра к одной из поперечных стен (рис. 3, *5*; рис. 4, *3*, *4*). Известны святилища с продольной аркой, делящей здание по длине оси (рис. 3, *7*).

Тип 3 характеризуется наличием двух арок, что делит камеру на «притвор», «храм» и «алтарь» (рис. 3, *6*; рис. 4, *5*).

Тип 4 — постройки с тремя арками (центральной и ложными боковыми), которые начинаются только на определенной высоте от уровня древнего пола (рис. 3, *3*).

Говоря о членении камер, следует отметить здания с поперечными стенами. Они бывают глухие или с узкими проходами в виде стрельчатой арки (рис. 4, *1*, *5*). Отдельным типом камерных святилищ следует считать три деревянных сруба Цейского ущелья Осетии. На Северном Кавказе они больше нигде неизвестны. Все три постройки под названиями «Реком», «св. Георгия» и «св. Марии» (Майрам) расположены ря-

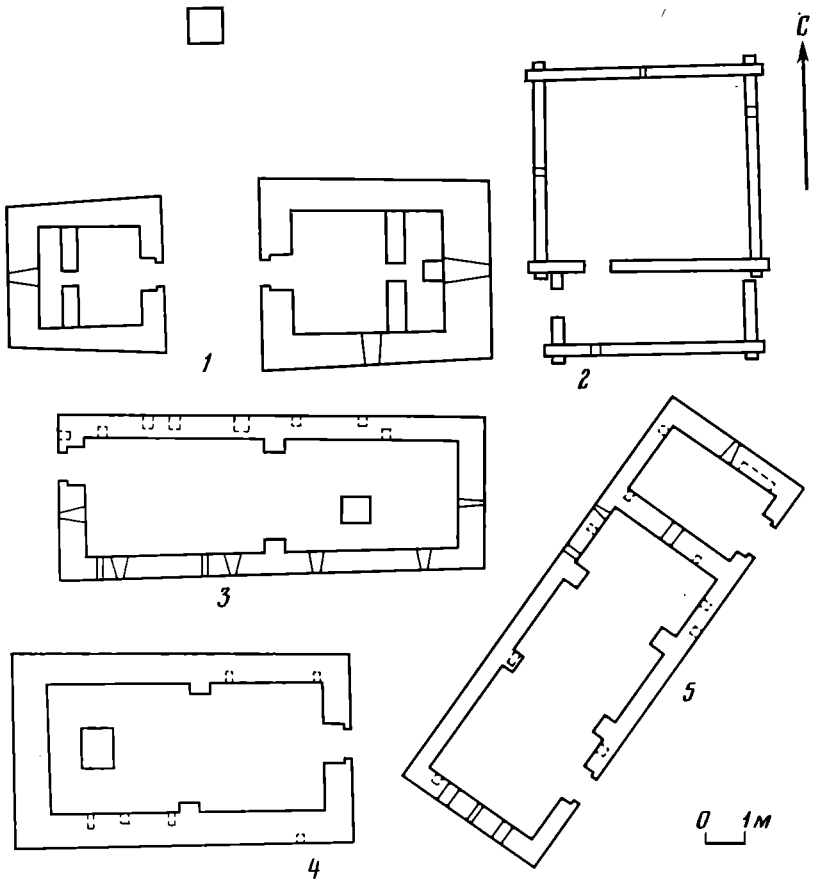


Рис. 4. Планы-схемы святилищ Центрального Кавказа. *1* — Авд-Дзуар; *2* — «Реком»; *3* — Маго-Ерды; *4* — Зодцах-Ерды; *5* — Дзорах-Диела

дом, близки типологически, являются одним комплексом одного культа и одной исторической эпохи. Сооружены они из бревен, рубленных в обло, прямоугольные в плане, имеют досчатые двускатные кровли, украшены одинаковыми изогнутыми резными навершиями с линейным, елочным и лепестковым орнаментами (рис. 4, *2*).

К числу культовых построек с внутренним пространством относится и единственное пока трехкамерное святилище Диела, расположенное на южном склоне горы Цей-Лам, в окрестностях башенного поселения Дошхакле горной Ингушетии. Оно было пристроено к огромной скале и не имело, по всей вероятности, перекрытия. Внутри отмечены жертвенники-алтари с нишами для приношений (рис. 3, *1*).

Давая типологическую характеристику склепообразным святилищам, необходимо указать на известные в единичных экземплярах объекты с глухой без входа камерой и глубокими нишами. Таков, например, исследованный нами памятник Сау-Дзуар на окраине поселения Даргавс или строение у селения Какадур в Северной Осетии [9, с. 83] (рис. 2, *24*). Близкой аналогией им является Ауша-Сел горной Ингушетии (рис. 2, *20*). Все они относятся к переходному типу от склепообразных к столпообразным культовым памятникам [4, с. 125].

Следует также сказать, что на позднем этапе, с XIX в., известны случаи превращения жилых зданий в камерные святилища. Примером может служить комплекс Вацилла в окрестностях селения Цакат-Ламардон Северной Осетии [9, с. 83] (рис. 3, *4*). Ими могли становиться и надземные погребальные памятники, как, например, склеп с открытой поминальной камерой поселения Хамхи горной Ингушетии [10, с. 29]. Близка по своей архитектуре жилой исследованная нами двухкамерная постройка замка Алдам-Гези Восточной Чечни, справедливо интерпретированная В. И. Марковиным как культовая [11, с. 100].

Для средневековых культовых сооружений вида I характерно устройство треугольных, трапециевидных, прямоугольных (последние наиболее распространены) и стрельчатых, иногда значительных размеров, ниш в стенах снаружи и внутри зданий (рис. 2, *3—6*), а также световых щелей-окон подобных же конструкций, часто с внутренним расширением (рис. 2, *7—12*). Дверные проходы с округлым, округло-стрельчатым или реже прямым верхом. Арки проемов бывают высечены в монолитах, а также образованы двумя, тремя и большим числом клиновидных каменных блоков (рис. 2, *13—19*). Внутри отдельных построек вдоль стен отмечаются простые каменные сидения из уплощенных плит и жертвенники-алтари в виде глухого столпа с нишами для приношений; столп не всегда связан общей кладкой со стенами здания (рис. 2, *1—2*; рис. 3, *1*, *3*; рис. 4, *3—4*).

Святилища вида II — столпообразные — представляют собой обычные прямоугольные кладки с плоскими или двускатными крышами, выложенными сланцевыми плитами. Большая часть столпов с фасадной стороны снабжена для приношений одной или двумя нишами квадратной и стрельчатой форм. По числу ниш или их отсутствию можно выделить несколько типов столпообразных святилищ.

Тип 1 — постройки с двускатным верхом, выложенным ступенчато шиферными плитами; имеют одну над другой две ниши, причем нижняя всегда больше по размерам. Обе ниши стрельчатой или стрельчатой и квадратной форм (рис. 2, *25*).

Тип 2 — святилища с двускатным или плоским оформлением вершины столпа, снабженного одной нишей. К этому же типу относится известная пока в единственном числе расположенная близ поселения Нюй в горной Ингушетии [12, с. 34] двускатная постройка со стрельчатой нишей и каменным изваянием человеческого лица в верхней части кладки.

Тип 3 — простой каменный столп с плоским верхом без ниш; форма сооружения прямоугольная.

Тип *4* — святилище на окраине башенного поселения Лейми Ассиновской котловины в Ингушетии; форма в плане крестообразная [7, с. 82] (рис. 2, *22*). Постройка с плоским верхом, оштукатурена, на одной из граней сквозное круглое отверстие, как и на сланцевых плитах стен склеповых усыпальниц. Данный памятник впервые упоминается Е. М. Шиллингом [13, с. 20].

Предложенная типология столпообразных святилищ будет уточняться по мере накопления нового материала по культовым памятникам.

Сложным и спорным является вопрос хронологии культовых сооружений, что в целом объясняется их слабой археологической изученностью, поскольку в настоящее время они продолжают почитаться местным населением. Однако раскопочные материалы памятников Чечено-Ингушетии и ряд других данных позволяют конкретизировать время строительства и продолжительность функционирования обоих видов святилищ всего Центрального Кавказа.

На основе проработки данных по топографии культовых памятников, сопоставления их архитектурных деталей, выяснения принадлежности различным по степени почитания так называемым общеплеменным, региональным, сельским и фамильным языческим божествам и уточнения времени строительства здесь христианских храмов мною ранее уже была предложена эволюция святилищ [4, с. 123—125, 146—149, табл. 3, *4*]. К самой ранней хронологической группе I (X—XI вв.) были отнесены сравнительно небольшие по своим размерам склепообразные постройки вида I с одиночными аркадами или без членения камер, предшественники храмов XII—XIII вв. (типы 1, 2). Все они возведены на почитаемых издревле местах, чаще вдали от средневековых башенных поселений, и посвящены таким основным богам вайнахского пантеона, как Дпела, Тушоли, Мятцил и др. Эти сооружения отличаются тщательностью кладки, подбором хорошо обработанных камней, отсутствием оград и штукатурки на стенах.

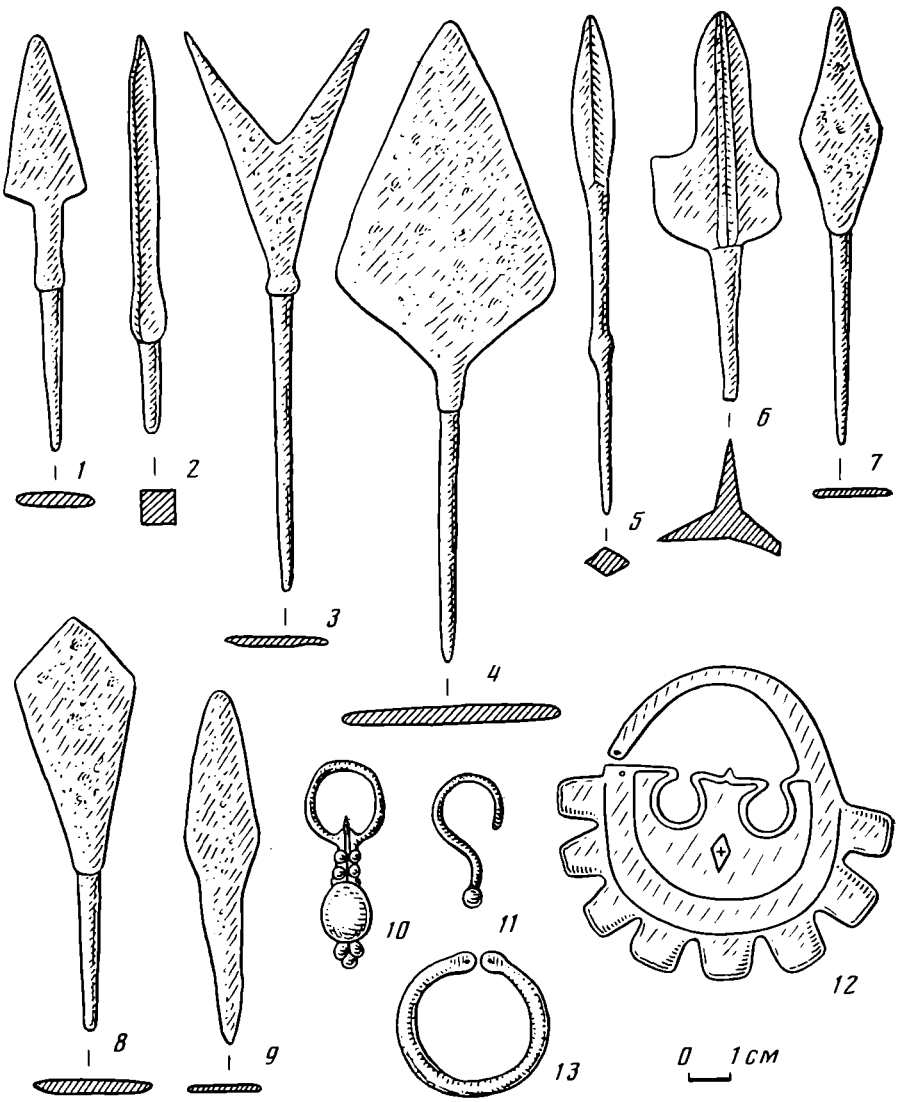


Рис. 5. Предметы вооружения и украшения из святилищ Чечено-Ингушетии. *1—9* — наконечники стрел; *10—13* — серьги

Следующую хронологическую группу II составляют большие склепообразные святилища типов 3 и 4, которые появляются с XIII в. Их объединяет близость архитектурных деталей (внутреннее арочное членение, форма и расположение ниш и световых проемов), расположение на сравнительно низменных местах, вблизи и по окраинам башенных поселений, наличие каменных оград. В противоположность более ранним они были посвящены не общеплеменным, а в каждом конкретном случае более поздним сельским божествам или патронам отдельных горных обществ (Итаз-Ерды, Маго-Ерды, Зодцах-Ерды и др.).

Святилища-здания в ходе своего эволюционного развития значительно упрощаются: сокращается внутренняя площадь, исчезают световые проемы, уменьшается число настенных ниш и т. д. В отличие от хронологической группы I святилища группы III — небольшие постройки XV—XVI вв., связанные в большинстве своем с конкретными поселениями и посвященные сельским и фамильным патронам-покровителям: Морч-Сиели, Эрдзели, Ауша-Сел и др. За редким исключением, они также не имеют арочного членения, а иногда и входов. Кладка, как правило, небрежная, на стены накладывался слой штукатурки.

Самой поздней формой культовых памятников края (XVI—XVII вв.) были определены простые каменные сооружения в виде столпа, являющиеся, как устанавливается, местом почитания отдельных фамилий. Этим завершается эволюция местных святилищ.

Таблица 1

Хронологические группы раскопанных святилищ Чечено-Ингушетии

Святилище	Размеры, м: длина	Размеры, м: ширина	Ориентировка по длине оси	Расположение двери	Божество	Арки (кол-во)	Ограда	Штукатурка на стене
Группа I (X–XIII вв.)								
Мятцил	6,98	3,59	В–З	В и З	Мятцил	1	–	–
Мятер-Диела	3,85	2,72	В–З	В	Мятер-Диела	–	–	–
Амалтынское	3,62	2,65	С–Ю	Ю	Диела	1	–	–
Цей-Ламское 1	4,3	3,16	В–З	З	»	–	–	–
Цей-Ламское 2	1,8	1,3	С–Ю	З	»	–	–	–
Верхнекийское	4	3,3	С–Ю	В	Тушоли	1	–	–
Биштское	3,04	2,2	СЗ–ЮВ	СВ		–	–	+
Группа II (XIII–XV вв.)								
Галь-Ерды	5,35 5,05	4,1 3,8	В–З	Ю	Галь-Ерды	2	+	+
Итаз-Ерды	9,9	4,7	В–З	С	Итаз-Ерды	2	+	–
Маго-Ерды	10,5	4,1 3,8	В–З	З	Маго-Ерды	1	+	+
Дзорах-Диела	11,6	3,9	СВ–ЮЗ	ЮВ	Дзорах-Диела	2	+	+
Дошхаклинское	7	3,9	В–З	В		1	+	–
Долте (Диела)	8,95 8,9	3,96 3,44	В–З	Ю	Диела	3	+	+
Мизир-Диела	9,45	4,05	В–З	В	Мизир-Диела	1	+	–
Бархинское	5,8	3,44	ЮВ–СЗ	ЮЗ		1	+	–
Биркское	4,8	3,27	С–Ю	С		2	+	–
Зодцах-Ерды	8,45	4,75	В–З	В	Зодцах-Ерды	1	+	–
Диела	7,35	6,3	В–З	З	Диела	–	–	+
Нижнекийское	9,15	4,75	С–Ю	З		1	–	–
Хамхинское	6,1	2,84	В–З	В		–	–	+
Группа III (XV–XVI вв.)								
Морч-Сиели	3,68	2,47	В–З	В	Морч-Сиели	1	–	+
Эрдзели	4,1	2,58	СВ–ЮЗ	ЮЗ	Эрдзели	–	–	+
Мекал	3,9	2,52	В–З	В		–	+	+
Мариам	3,75	2,8	С–Ю	С	Мариам	–	–	+
Кербитинское	2,6	2,5	С–Ю	Ю		–	–	+
Алдам-Гезийское	11,5	6,3	С–Ю	З		–	–	–
Соска-Солса	2,45	2,1	С–Ю	З		–	–	+
Ауша-Сел	2,8	1,35	В–З	–	Ауша-Сел	–	–	+

Проведенные в последнее десятилетие раскопки внутренних площадей склепообразных построек в основном подтвердили предложенный эволюционный ряд языческих культовых зданий горной Чечено-Ингушетии. Святилища, как правило, возводились без фундамента, чаще в местах, имеющих небольшой земляной покров, что позволяло строителям несколько углублять в материк камеру. Здесь постепенно нарастал культурный слой (0,1–0,5 м), включавший предназначенные в дар древним божествам предметы обихода и кости жертвенных животных. При раскопках встречены разнотипные черешковые наконечники из железа, являющиеся основным датирующим материалом, серебряные и бронзовые серьги, колокольчики (культовый инвентарь), амулеты в виде зубов животных, ножи, наперстки, поясные пряжки и другие предметы [7, с. 64–81] (рис. 5).

Из всех 28 стратиграфически исследованных святилищ вида I (таблица 1) на 23 найдены наконечники стрел 11 основных типов: трехлопастные, четырехгранные, вытянуто-треугольные, большие ромбические, ланцетовидные, двурогие с упором, лопаточковидные, веслообразные,

удлиненно-ромбовидные, ромбовидные и простые плоские без четких очертаний. Выявлены они на комплексе из двух поминальных камер средневекового могильника Мохде и в христианских храмах Алби-Ерды и Таргимский горной Ассиновской котловины [5, с. 279, рис. 5; 6, с. 180, рис. 4; 7, с. 89—91]. Кроме того, мы располагаем редким стратиграфическим материалом по восьми надземным склепам для коллективных погребений [4, с. 91, 100, рис. 24—31].

Как было установлено, на самую раннюю выделенную нами хронологическую группу святилищ приходятся такие типы стрел, как трехлопастные, четырехгранные, вытянуто-треугольные, ланцетовидные, большие ромбические и крупные двурогие с упором, причем все они в основном прослежены по нижним стратиграфическим слоям (рис. 5, *1—6*). Здесь же были открыты серьги в виде незамкнутого кольца и опущенного вниз стержня, заканчивающегося шариком крупной зерни (рис. 5, *11*), и бородавчатые пастовые бусы голубоватого цвета. Прослеженный в камерах культурный слой до 0,3 м, как правило, насыщен костными остатками жертвенных животных.

С хронологической группой II памятников в основном связаны лопаточковидные и веслообразные наконечники стрел, удлиненно-ромбовидные и ромбовидные (рис. 5, *7*, *8*). Украшения представлены восьмилопастными, бусинными и незамкнутокольцевыми серьгами (рис. 5, *10*, *12*, *13*). Культурный слой до 0,5 м, остеологические материалы многочисленны.

Самые поздние по времени строительства сооружения склепообразной формы характеризуются двумя типами стрел: ромбовидными и простыми плоскими без четких очертаний, сосредоточенными в основном в нижних стратиграфических слоях камер (рис. 5, *9*). Украшений нет. Культурный слой до 0,15 м, кости животных единичны.

Если теперь привести рассматриваемым предметам вооружения аналогии по Кавказу и памятникам Руси, то можно увидеть, что их распределение по хронологически выделенным группам склепообразных святилищ вполне оправданно. Так, наконечники стрел ланцетовидные и трехлопастные в целом датируются IX—XI вв., прототипы последних известны в первых веках нашей эры [14, с. 107, табл. VI, *30*; 15, рис. 43, *11—13*; 16, с. 172, 173, рис. 5, *11*, *14*, *15*, *26*; 17, с. 159; 18, с. 164, 169, рис. 13, *9*, *39*; 19, с. 73; 20, с. 52; 21, с. 35; 22, с. 67, 68; 23, с. 12, рис. 6, *33*]. Вытянуто-треугольные и срезни двурогие в основном определяются X — XIII вв.; последние, крупные по размерам, на памятниках Руси показывают тяготение к ранним раскопочным слоям в пределах X — XIII вв. [18, с. 167, рис. 13, *25, 26*; 24, с. 72, 129, рис. 8, *1*; 25, с. 96]. Граненые наконечники стрел укладываются в хронологические рамки IX — XIV вв. [26, рис. 8, *33, 35*; 27, с. 26—28], крупноромбические — X — XV вв. [27, с. 27, 28, рис. 3, *BIII — BV*; 28, с. 179; 29, с. 74, рис. 2, *11*; 30, с. 158, рис. 1, *4*; *31*, с. 128, 137, рис. 5, *3*; 32, *с.* 179; 33, с. 61; 34, с. 352], лопаточковидные и веслообразные — XIII — XIV вв. [18, с. 167, рис. 13, *32*, *33*; 19, с. 67, 70], массово представленные удлиненно-ромбовидные и ромбовидные — XIII — XVI вв. [35, с. 237, рис. 13, *1*, 15, *1*; 36, с. 347, рис. 2; 37, с. 246, рис. 1, *17*; 38, с. 105, рис. 2, *21—24*]. Наконец, наконечники стрел простые плоские без четких очертаний, по всей вероятности, являются самыми поздними.

Прототипы серег с шариком зерни на опущенном стержне известны еще по материалам кобанской культуры [39, с. 155, рис. 155; 40, с. 235, 236, рис. 17, *18*, *35*], среди погребального инвентаря раннесредневековых могил [39, с. 293, табл. 123, рис. 7, *18*, *19*]. На территории горной Ингушетии они встречены на могильниках из каменных ящиков, датируемых по XI в. включительно [10, с. 45, 46]. Пастовые бусины в высокогорной зоне края на позднесредневековых некрополях не открыты, данный тип украшений также отмечен на кобанских памятниках [40, с. 489]. Здесь, по всей вероятности, можно говорить о вторичном использовании предметов, однако важно отметить сам факт их нахождения на первой ранней группе святилищ. Восьмилопастные серьги, кстати, типо-

логически близкие украшениям вятичей, нами в свое время было предложено датировать XIV—XV вв. [41, с. 267, рис. 1]. Бусинные и незамкнутокольцевые серьги из средневековых могильников Чечено-Ингушетии датируются XIII—XV вв. [42, с. 106; 43, с. 116, рис. 35, *1*].

Таким образом, раскопки подтвердили установленную эволюцию склепообразных памятников, конкретизировали даты трех групп святилищ: малых (X—XIII вв.), больших (XIII—XV вв.), вновь малых (XV—XVI вв.). Все они функционировали, судя по находкам отдельных поздних предметов быта, по XVIII в. включительно, что свидетельствует о сравнительно позднем проникновении ислама в горную Чечено-Ингушетию [44, с. 125—150].

Как уже отмечалось, устанавливаемая хронология святилищ-зданий может быть предварительно распространена и на культовые памятники Центрального Кавказа, которые еще не изучались раскопками. Здесь следует отметить, что некоторые ученые указывают на XIV в. как на возможное время начала функционирования этих святилищ. Известные довольно редкие находки приношений в виде наконечников стрел и украшений, в частности из идентичного северокавказским святилища Сау-Дзуар ущелья Большой Лиахвы Южной Осетии (собрания В. И. Долбежева 1886 г.), позволяют считать, что склепообразная постройка была «местом поклонения в течение многих веков, а именно с X—XII до XVII в.» [45, с. 42]. Предлагаемые даты строительства и действия святилища, как можно видеть, совпадают с установленными для культовых сооружений Чечено-Ингушетии. Конечно же, окончательный ответ на вопрос о датировке данных памятников может быть дан лишь после широких раскопок, когда это станет возможным. Однако святилища, по всей вероятности, также окажутся разновременными, так как они представлены теми же двумя основными видами и прослежены на издревле почитаемых вершинах гор, их склонах, вблизи и по окраинам средневековых поселений [46, с. 36; 47, с. 92, 112]. Как и вайнахские, святилища-здания непосредственно связаны с пантеоном языческих божеств, распадающихся по степени своего почитания на так называемые общеплеменные, региональные, сельские и фамильные [48, с. 144; 49, с. 319—321].

Столпообразные святилища, судя по выявленным плоским наконечникам стрел без четких очертаний, фиксации культовых построек среди раннемусульманских могил у стен поздних жилых строений XVIII—XIX вв. и другим данным наряду с установленной, как отмечалось, их фамильной принадлежностью, общей эволюцией развития в целом памятников культа от камерных построек-зданий к простым столпам, датируются нами XVI—XVIII вв. [7, с. 82—85]. Согласно полевым материалам, столпы-святилища с нишами возводились и до сравнительно недавнего времени. Как правило, это просто сухая кладка камней с уплощенной вершиной. Подобную постройку, посвященную культу «св. Георгия», мы описали, например, на окраине селения Верхняя Саниба [9, с. 83] (рис. 2, *21*; рис. 6).

В истории религиозных верований народов высокогорий Центрального Кавказа заметное место занимает христианство, проникавшее сюда в период средневековья из феодальной Грузии. Об этом свидетельствует, в частности, повсеместное строительство христианских храмов. Однако к последним отдельные исследователи неоправданно причисляют некоторые языческие склепообразные святилища горной зоны. Таким образом, встает вопрос о функциональной интерпретации культовых памятников вида I.

Впервые мысль о конфессиональном различии святилищ-зданий была высказана А. Ф. Гольдштейном, заключившим, «что те святилища, в которых алтарная часть находится у восточной стены, являются христианскими, а те, в которых входной проем ориентирован на восток,— языческими» [50, с. 76]. Это положение было поддержано и другими авторами, допускающими те же ошибки при определении ориентировки святилищ. Между тем у построек Мятер-Диела, Мекал, Зодцах-Ерды и

Рис. 6. Святилище «св. Георгия» (Верхняя Саниба, Северная Осетия)

др., считавшихся христианскими храмами [51, с. 63, 64; 52, с. 27; 53, с. 36; 54, с. 159, 160; 55, с. 148; 56, с. 186, 187], алтарная часть не восточная, а западная.

Если обратиться к материалам, то можно заметить, что храмы в отличие от склепообразных сооружений характеризуются обязательным наличием полукруглой алтарной апсиды с устройством здесь окна и ниш. Ограды храмов и настенные ниши являются более поздними, в Алби-Ерды нет арки и алтаря [5, с. 276, 277; 6, с. 177]. В свою очередь для святилищ характерны ниши для приношений на внутренней и внешней сторонах стен, ограды, арки, жертвенники-алтари, каменные сидения вдоль стен и др. Все большие склепообразные постройки, часть которых объявляется христианскими памятниками, посвящены вполне конкретным языческим божествам, таким как Дзорах-Диела, Галь-Ерды и т. д. Следовательно, они были возведены в честь данных патронов-покровителей. Материалы, полученные при раскопках камер (кости жертвенных животных на полу — материке, наконечники стрел, украшения, предметы культового инвентаря), не оставляют сомнений в происходивших здесь с начала функционирования зданий языческих молениях и жертвоприношениях. Что же касается ориентировки святилищ и устройства входа, то можно отметить, что из 28 камерных построек 15 вытянуты по оси В—З. Предпочтение ей отдавали даже при строительстве столпообразных памятников, языческий характер которых ни у кого не вызывает сомнений. Так, из 21 исследованных нами столпообразных святилищ 10 обращено фасадом на восток, 5 — на запад. Устройство входа, как можно видеть, было в известной мере произвольным. Его оставляли и на поперечных (15 случаев), и продольных (12 случаев) стенах, но в последнем случае он смещался к углам зданий для цельности камер. Однако и при этом проем чаще расположен именно на восточной или западной сторонах [17]. Из общего числа выделенных 15 святилищ 7 имеет вход на восточной стене, 3 — на западной, 3 — на продольных, одна постройка без проема, а на Мятцил он устроен на обеих поперечных восточной и западной стенах, как и у святилища Тушоли [4, с. 146, табл. 3]. Очевидно, можно сделать вывод о том, что при строительстве обоих видов святилищ ориентировке В—З всегда отдавалось предпочтение. Это, по всей вероятности, было связано с культом солнца и огня. Мы видим склепообразные здания с устройством каменного алтаря как у восточной, так и западной стен, есть постройки с двумя входами по данным сторонам света (восход и заход солнца). В этой связи будет интересно отметить, что уже в энеолите, как отме-

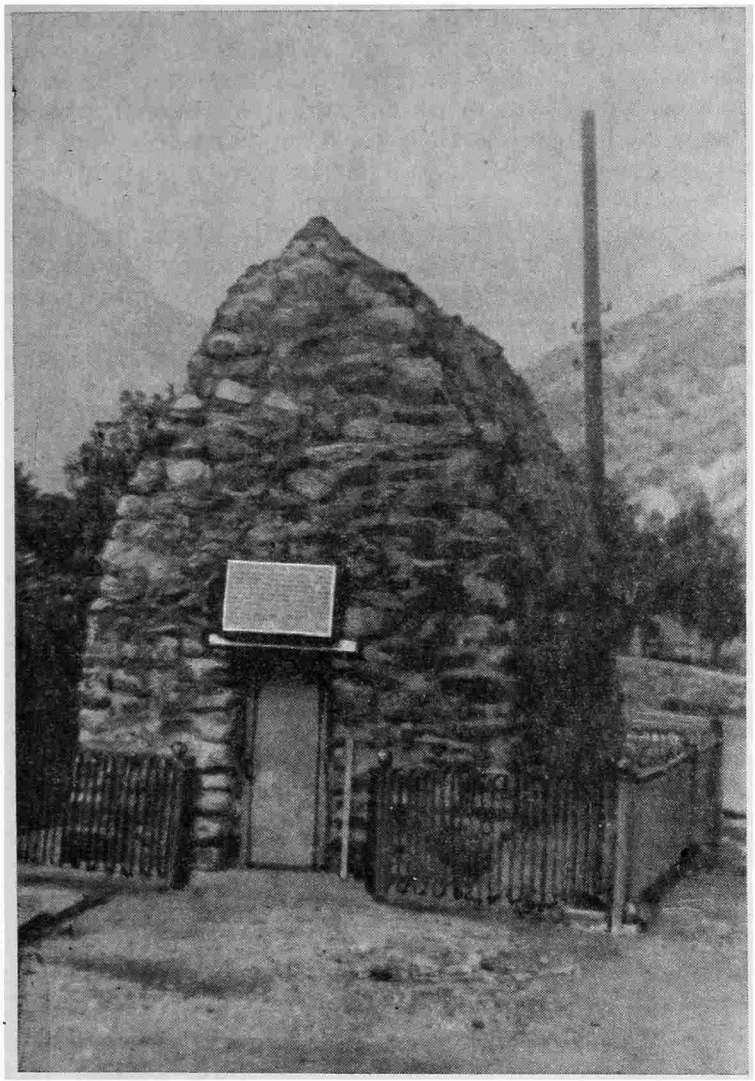


Рис. 7. Постройка «Нузал» Северной Осетии

чает Б. А. Рыбаков, существовала защитительная магия в орнаментике жилых строений посредством изображений элементов макромира. «Анализ этнографических данных,— пишет Б. А. Рыбаков,— показывает, что существовала целая система защитительных символов, состоящая из показа движения солнца по небу посредством размещения солярных знаков в трех позициях: восходящее солнце, солнце в полдневном зените и закатное» [57, с. 7, 8].

В заключение остановимся на вопросе о функциональной интерпретации склепообразных святилищ и на характеристике построек, мнение о христианской принадлежности которых сейчас широко распространено в научной литературе [47, с. 87—95; 55, с. 149; 58, с. 129—159, рис. 24, *3—6, 28, 29*].

Нузальская постройка (селение Нузал Алагирского ущелья) по своему внешнему виду — типичный надземный склеп с двускатно-заостренной кровлей и впущенным в материк по длине камеры каменным ящиком с одиночным погребением, исследованным Е. М. Пчелиной [58, с. 130—132] (рис. 7). Памятник в научной литературе определяется как церковь по росписи стен фресками, а также предполагаемой большой наружной нише на «алтарной» стене (в настоящее время прослеживается заклад), которая «могла служить либо для помещения в нее плиты с изображением ктиторов, как это можно видеть на фасаде храма Тхаба-Ерды, либо в качестве киота для иконы» [58, с. 133, 134]. Мы предполагаем, что постройка «Нузал», связанная с захоронением и

датируемая исследователями XIII—XIV вв., возводилась как склепообразная поминальная камера лишь с последующей росписью стен фресками в период подъема волны христианизации, исходившей со стороны Грузии. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют: а) ориентировка здания по длинной оси не З—В, а С—Ю и устройство входа соответственно не на западной стене, как указывается в литературе, а южной [9, с. 83; 58, с. 131]; б) расположение в свое время памятника на некрополе из склеповых гробниц [59, с. 33]; в) форма кровли, типичная для горской архитектуры погребальных сооружений; г) каменный заклад на северной стене, а не восточной; возможно, он не является нишеобразным углублением для ктиторов, а мог служить первоначальным входом в виде стрельчатой арки (склеп с открытой поминальной камерой на высоком цоколе). Подобные постройки известны и на соседней Северной Осетии территории горной Ингушетии [3, с. 160, 161; 4, с. 160, рис. 8).

На определенном этапе своего функционирования памятник, по всей вероятности, был обновлен. Стены были расписаны фресками, а высоко приподнятый стрельчатый лаз-проем заложен. Тогда же устроен рамчатый вход с юга. Кстати, сам прямоугольный дверной проем, судя по упрощенной кладке камней, не производит впечатления древнего. Отметим также, что погребенный должен был быть достаточно влиятельным и почитаемым лицом, в честь которого, как мы предполагаем, возводится каменная гробница и затем покрывается богатой росписью фресок.

Культовый памятник Авд-Дзуар селения Галиат Дигорского ущелья известен в научной литературе как постройка-церковь XIII—XIV вв. [58, с. 152] или как комплекс из двух каменных сооружений [60, с. 53]. В действительности же, согласно нашим наблюдениям, это три тесно взаимосвязанных между собой святилища, два из которых камерные, вытянутые по оси В—З и входными проемами обращенные друг к другу, а одно — столпообразное (рис. 4, *1*). Сторонники причисления Авд-Дзуар к кругу христианских древностей исходят из того, что одна из камерных построек выстроена с западным входом и жертвенником (алтарем) у восточной стены. Важно отметить, что среди расположенных рядом с ними разнотипных и разновременных погребальных памятников христианские являются самыми поздними (XIX—XX вв.).

Склепообразная каменная постройка селения Фараскат в Дигории имеет западный вход и световой проем с внутренним расширением на восточной стене. Она определяется как церковь XIII—XIV вв. [58, с. 153], но рассматривается исследователями изолированно от расположенных рядом и возведенных в той же технике кладки языческих столпообразных святилищ, украшенных, как и «церковь», крестообразными изображениями. Этот средневековый комплекс, очевидно, следует осмысливать в целом как языческий. Однако на определенном этапе своего функционирования, возможно, в период христианизации в XVII в., но не исключено, что и позже — в XVIII—XIX вв., склепообразную культовую постройку «реконструировали» под церковь: каменная стрельчатая арка заменена деревянной «преградой», пол вымощен досками с образованием ступенчатой солеи, к восточной стене приставлен каменный алтарь. Туфовые плиты с крестообразными изображениями на всех постройках остались, они, по всей вероятности, теперь осмысливались по-новому — как символы христианства.

Культовое сооружение близ селения Донифарс того же Дигорского ущелья представляет собой прямоугольную в плане склепообразную каменную постройку с двускатно-ступенчатой кровлей, ориентированную с небольшим отклонением по длинной оси В—З. Вход ведет в здание с запада. Свет в камеру поступает через окно-щель в центре восточной стены, имеются поперечная стена с арочным проходом и каменные сидения.

Отождествление данного сооружения с христианским храмом В. П. Кобычевым, В. А. Кузнецовым и др. нам представляется спорным [55, с. 149; 58, с. 154]. 1. Памятник разбит на склеповом могильнике

для коллективных захоронений по языческому погребальному обряду и сравнительно поздних мусульманских погребений. 2. По своему внешнему облику и архитектурным формам постройка очень близка отдельным надземным склепам некрополя, что резко бросается в глаза даже по входному проему, который, как в склепах, значительно приподнят над уровнем земли. 3. Интерьер здания с отмеченными каменными сидениями вдоль продольных стен, щелевидным световым проемом с внутренним расширением (кстати, нет и алтаря у восточной стены под «алтарным окном») и некоторыми другими архитектурными деталями весьма напоминает камеры языческих святилищ. 4. Рассматриваемый культовый объект, видимо, связан с шестью столпообразными святилищами, расположенными на различных участках могильника.

Какую же функциональную нагрузку нес рассматриваемый памятник? Думается, что его также нельзя относить и к склепообразным святилищам, потому что он связан непосредственно с могильником и при расчистке камеры не встречено даже единичных костных остатков жертвенных животных, столь характерных, как показывают наблюдения, для языческих культовых построек. Отсутствие остеологического материала в камере не характерно и для христианских храмов, которые повсеместно в горной зоне Кавказа после упадка волны христианизации со стороны Грузии в XIII—XIV вв. превращались в языческие святилища [5, с. 280; 6, с. 183; 9, с. 82—84; 13, с. 26, 27; 61, с. 13].

Невозможность отнесения культового памятника близ с. Донифарс ни к христианским храмам, ни к языческим святилищам, его тесная взаимосвязь со склеповым некрополем позволяют предполагать, что он в свое время выполнял роль поминальной камеры на могильнике. Подобное назначение постройки объясняет и современную заброшенность памятника. Его датировка XIII—XIV вв. [58, с. 155] представляется не совсем убедительной. Может быть, правильнее отнести строительство здания к периоду начала функционирования склеповых гробниц, а эти погребальные сооружения Северной Осетии датируются не ранее XVI в. [62, с. 139].

Указанная выше основная постройка культового комплекса из срубов — «Реком» упоминается в литературе как первоначально христианская церковь XVII в., которая лишь спустя некоторое время была превращена в языческую молельню [47, с. 87, 88]. Мы полагаем, что данное сооружение являлось древним святилищем, которое позже превратили в христианский храм. Об этом свидетельствуют: 1) связь всех трех срубных строений в единый комплекс: 2) языческий характер культа «св. Георгия» и «св. Марии», что признается всеми авторами [47, с. 91]; 3) легенды и предания, связанные со строительством «Рекома» как памятника древнего охотничьего культа [12, с. 65; 47, с. 82; 50, с. 68; 63, с. 394; 64, с. 100]; 4) прослеженное при его реставрации огромное число разновременных языческих приношений (свыше 11 тыс.) в виде разнотипных наконечников стрел, посуды, глиняных фигурок баранов [46, с. 30; 58, с. 90; 63, с. 394; 65, с. 256]. Было также открыто значительное количество черепов и рогов жертвенных животных.

Отмечаемые исследователями кресты из узорчатого железа на дверях сруба, деревянный иконостас в камере, колокол XVII в. с грузинской надписью о том, что он приносится в дар всеосетинскому «Рекому» царем Георгием XI, свидетельствуют, видимо, о попытках приспособить уже функционировавшую языческую молельню под христианский храм.

Комплекс Дзивгисы-Дзуар селения Дзивгис ущелья р. Фиагдон определяется в литературе как языческое святилище и христианский храм, датируемый XVII в. [47, с. 120]. Одна из построек едва ли может быть названа святилищем. Это очень поздний однокамерный дом с открытым навесом, предназначенный специально для отправления кувдов (молебен-пиршество). Главное сооружение комплекса сейчас действительно церковное здание с выступающей снаружи полукруглой апсидой, имеющей сланцево-ступенчатое покрытие. Однако предпринятое предварительное изучение памятника показывает, что апсида не связана об-

щей кладкой со стеной здания и является более поздней пристройкой. Внутри она соединена с помещением через восточную стену, в которой для этой цели был пробит проход в виде стрельчатой арки (постройка внутри и снаружи тщательно оштукатурена). Кроме того, как мы знаем, в камерах культовых сооружений предусматривались поперечные стены с арочными проемами, но подобного случая, чтобы несущая покрытие опорная стена выполняла и роль как бы алтарной преграды, нам неизвестно. И вообще, не проще ли было, если культовый памятник сразу же возводился как церковь, сделать восточную стену алтарной — закругленной или с вписанной в толщу апсидой.

Изложенное позволяет предположить, что апсидиальное помещение, придавшее постройке вид христианского храма, пристроено к основному зданию позже, возможно в том же XVII в., который документируется хранящимся ныне в Северо-Осетинском краеведческом музее дарственным колоколом с грузинской надписью: «Я, царь Карталинский, патрон Георгий, в году 301 (1613 г.) пожертвовал колокол сей тебе, Святому Георгию Дзивгискому, дабы дарована была нам победа» [59, с. 33]. Как и в случае с «Рекомом», в надписи речь идет об уже существующем культовом памятнике, что дает основание датировать его и более ранним периодом. В целом комплекс Дзивгисы-Дзуар и постройка «Реком» являются еще одним ярким свидетельством активизации миссионерской деятельности Грузии на Северном Кавказе в XVII в. [8, с. 40, 41].

Таким образом, рассмотренные культовые сооружения, датируемые исследователями эпохой позднего средневековья, первоначально не были христианскими постройками. Они, как и все разобранные выше, являлись языческими святилищами, которые посвящались различным по степени почитания древним божествам и не случайно назывались их именами (таблица 1).

Поставленные вопросы о типологии, хронологии и функциональной интерпретации средневековых святилищ представляются важными для уяснения исторического прошлого народов Центрального Кавказа, в частности их религиозных воззрений; они требуют дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мужухоев М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии.— АО — 1970—1981 гг. М., 1971—1983.
2. *Мужухоев М. Б.* Полевые отчеты за 1970—1981 годы.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4072, 4389, 4921, 5418, 5442, 6864, 6588, 7221, 7537, 8081, 8388.
3. *Мужухоев М. Б.* Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья.— Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный, 1976.
4. *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1977.
5. *Мужухоев М. Б.* Храм Алби-Ерды.— СА, 1979, № 1.
6. *Мужухоев М. Б.* Таргимский храм.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
7. *Мужухоев М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970—1980 годах).— В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
8. *Мужухоев М. Б.* Проникновение христианства к вайнахам.— В кн.: Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1981.
9. *Мужухоев М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников на Центральном Кавказе в 1980—1981 годах.— В кн.: XII Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1982.
10. *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1963.
11. *Марковин В. И.* Архитектурные памятники чеченского исторического общества Чаберлой.— В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1979.
12. *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии.— МАК, 1888, т. I.
13. *Шиллинг Е. М.* Ингуши и чеченцы.— В кн.: Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.— Л.: Огиз — Моск. рабочий, 1931.
14. *Рунич А. П.* Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях.— В кн.: Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 2. Орджоникидзе, 1969.

15. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
16. *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
17. *Лоховиц В. А.* Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968.
18. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65.
19. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
20. *Тараканова С. А.* Новые материалы по археологии Пскова.— КСИИМК, 1950, вып. XXXIII.
21. *Никольская Т. Н.* Военное дело в городах вятичей.— КСИА, 1974, вып. 139.
22. *Артемьев А. Р.* Наконечники стрел из раскопок Изборска.— КСИА, 1978, вып. 155.
23. *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города).— КСИА, 1980, вып. 160.
24. *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.).— В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1961.
25. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
26. *Тменов В. Х.* Новые археологические памятники на территории Северной Осетии.— В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе. М., 1980.
27. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
28. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
29. *Седов В. В.* Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.— КСИА, 1975, вып. 144.
30. *Нагоев А. Х.* Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем 2.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
31. *Нагоев А. Х., Бетрозов Р. Ж.* Кабардинский курганный могильник № 2 у сел. Чегем 2.— В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик, 1980.
32. *Левашева В. П.* Белореченские курганы.— Тр. ГИМ, 1953, вып. 22.
33. *Акритас П. Г.* Археологические работы в Кабарде в 1954 г.— Уч. зап. КБНИИ, 1965, т. 10.
34. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.
35. *Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М.* Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963.
36. *Милорадович О. В.* Кабардинские курганы XIV—XVI вв.— СА, 1954, № 20.
37. *Марковин В. И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963.
38. *Марковин В. И.* Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии (по материалам раскопок 1966 года).— В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
39. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. VIII.
40. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.
41. *Мужухоев М. Б.* Об одной категории позднесредневековых украшений ингушей.— СА, 1972, № 4.
42. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
43. *Семенов Л. П.* Археологические разведки в Ассиновском ущелье.— КСИИМК, 1962, вып. 46.
44. *Мужухоев М. Б.* Проникновение ислама к чеченцам и ингушам.— В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
45. *Джадтиев Р. Г.* Археологический материал из Саудзуар и Ермен. Изв. АН ГССР, вып. XXI. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
46. *Семенов Л. П.* Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау. Гос. пзд-во Сев.-Осет. АССР, 1952.
47. *Кузнецов В. А.* Путешествие в древний Иристон. М.: Искусство, 1974.
48. *Бинкевич Е. А.* Верования осетин.— В кн.: Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.— Л. Огиз — Моск. рабочий, 1931.
49. *Магометов А. Х.* Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
50. *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975.
51. *Виноградов В. Б.* Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии.— В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
52. *Виноградов В. Б.* К этнической истории Западной Ингушетии в IX—XIII вв.— Всесоюз. сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований, 1976—1977 гг. Тез. докл. Ереван, 1978.
53. *Виноградов В. Б.* Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии.— СЭ, 1979, № 2.
54. *Кобычев В. П.* К периодизации святилищ Ингушетии.— Тезисы докладов. Ереван, 1978.
55. *Кобычев В. П.* Храмов древние стены.— СЭ, 1979, № 4.

56. *Кобычев В. П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв М.: Наука, 1982.
57. *Рыбаков Б. А.* Образ макрокосма в магическом орнаменте.— Советская археология в XI пятилетке. Всесоюз. конф. Тез. докл. М., 1983.
58. *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977.
59. *Пфаф В. Б.* Материалы по истории осетин.— ССКГ, вып. V. Тифлис, 1871.
60. *Тменов В. Х.* Некоторые итоги исследования историко-архитектурных памятников в Дигории.— В кн.: IX Крупновские чтения. Тез. докл. Элиста, 1979.
61. *Лавров Л. И.* Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII—XVI веках.— В кн.: История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т, 1981.
62. *Тменов В. Х.* «Город мертвых» (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе: Ир, 1979.
63. *Магометов А. Х.* Реком.— Уч. зап. СОГПИ, т. 28, вып. 2. Орджоникидзе, 1968.
64. *Миллер В. Ф.* В горах Осетии.— Русская мысль, 1881, № 9.
65. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. 2. М., 1882.

M. B. Muzhukhoev

MEDIAEVAL SANCTUARIES OF THE CENTRAL CAUCASUS

Summary

Sanctuaries are most common mediaeval religious memorials in the Central Caucasus (the mountainous regions of Checheno-Ingushetia, Ossetia, eastern Georgia). They attracted the attention of scholars back in the 19th century but large-scale archaeological investigation was launched only recently. During 13 field seasons the author has discovered, described and investigated a considerable number of similar constructions. The materials obtained in the course of archaeological studies made it possible to determine functions of such sanctuaries, their typology and evolution. Chronological stages are established through exactly dated artifacts, such as arrowheads and some kinds of ornaments. The sanctuaries can be grouped into vault-like chambers and later closed pillar-like construction. Each group can be divided into types. All of them are dated within the 10th-18th centuries period and are regarded as pagan monuments. With Christianity being adopted by the mountain dwellers, the sanctuaries were adapted to suit the new faith.

ЧЕРНЕЦОВ А. В.

О ДЕКОРЕ КУПОЛА БОЛЬШОГО СИОНА 1486 г.

Одна из наиболее крупных серий зооморфных образов в русском прикладном искусстве конца XV в. представлена на центральном куполе (луковице) Большого Сиона (или, если следовать имеющейся на нем надписи, Иерусалима), изготовленного по повелению Ивана III в 1486 г. для Успенского собора Московского Кремля и хранящегося в настоящее время в Государственной Оружейной палате [1, с. 62, 63 (№ 46), табл. 72] [1].

Богатый зооморфный декор обыкновенно считается характерной чертой русского искусства более раннего времени. При этом XV век рассматривается как время исчезновения звериной орнаментики, разложения символики зооморфных образов. Подобные представления приходят, однако, в противоречие с таким фактом, как существование в конце XV в. крупнейшей серии зооморфных образов (более 250 отдельных изображений) на резных посохах, изготовленных московскими мастерами [2]. Декор этих посохов никак нельзя рассматривать как малозначительное, случайное явление в прикладном искусстве своего времени, поскольку они были сделаны для наиболее высокопоставленных заказчиков — великого князя московского Ивана III и его современника, митрополита всея Руси Геронтия — и являлись символами их власти.

Большой Сион Успенского собора неоднократно привлекал внимание исследователей в основном постольку, поскольку принято считать, что он в значительной мере собран из фрагментов реликвария западноевропейской работы XII в. [3, с. 23, 25, табл. 15, 16] [2]. Купол Сиона (рис. 1) детально никем не рассматривался; сомнений в том, что он изготовлен в Москве в XV в., никто из исследователей не высказывал. Действительно, зооморфный декор купола по существу не имеет ничего общего с западноевропейским или византийским искусством; вполне русская и его «луковичная» форма.

Несмотря на то, что на Большом и Малом Сионах Успенского собора имеются сходные надписи с одинаковой датой от сотворения мира [3], созданы они не совсем одновременно. Надпись на Малом Сионе указывает, что он «сделан бысть» в 24-е лето правления Ивана III, а на Большом упомянуто 25-е лето [1, с. 62, 63]. Таким образом, Малый Сион был изготовлен до 27 марта 1486 г., а Большой — в том же году, но после этой даты.

На куполе Большого Сиона имеется 84 отдельных изображения, в подавляющем большинстве — зверей (рис. 2). Различный характер изображений верхней и нижней частей купола свидетельствует о наличии общего замысла декора и осмысленном характере составляющих его образов.

Купол Сиона серебряный, золоченый. Он украшен чеканкой, гравировкой, чернью и позолотой. Декор купола образован чешуйчатой орна-

[1] Автор пользуется случаем выразить глубокую признательность сотрудникам Музеев Московского Кремля Н. С. Владимирской и М. В. Мартыновой, предоставившим возможность детально ознакомиться с декором Сиона, а также И. А. Пальмину, чьи фотографии публикуются.

[2] В настоящее время в свете новых реставрационных работ наметилась тенденция к пересмотру этих представлений.

[3] Впрочем, на Малом Сионе явно ошибочно пропущена цифра десяткое, возможно в связи с близостью начертания церковнославянских цифр 90 — «Ч» и 900 — «Ц».

Рис. 1. Общий вид купола Большого Сиона

Рис. 2. Фрагмент декора купола Сиона

ментальной сеткой, которая, очевидно, имитирует покрытие кровли. Каждая «чешуйка» завершается снизу полукругом и налегает сверху на две другие. Соответственно сверху она завершается заострением и ограничивается по бокам двумя вогнутыми сторонами. Чешуйки оконтурены довольно широкими вогнутыми полосами, разделанными поперечными вдавлениями. Декор чешуек организован двумя способами: одни из них имеют гравированные изображения на черненом фоне, другие, наоборот,— черненые изображения на фоне, заштрихованном гравировкой. Чешуйки с одинаковой трактовкой фона, за небольшими исключениями, размещены косыми рядами.

Подобное оформление сфероидной поверхности может связываться с более ранними образцами торевтики, причем не моделями храмов, а пиршественными чашами. В качестве аналогии может быть приведена известная византийская чаша XII в. из Березова [4, с. 78—99]. Совпадения в характере декора достаточно велики. Это «чешуйчатый» характер разделки сфероидной поверхности, наличие в чешуйках сюжетных изображений, в том числе зверей, звериных и человеческих голов. Фон изображений на сосуде так же, как и у значительной части изображений на Сионе, трактован штриховкой. Здесь необходимо отметить, что речь идет о сходстве (и влиянии) лишь самого общего характера. И в наборе образов, и в их трактовке больше различий, чем сходства. И все же влияние произведений византийской торевтики, подобных чаше из Березова, на декор Сиона трудно отрицать. Одно из существенных отличий декора чаши от декора Сиона состоит в том, что на ней чешуйки расположены выпуклой дугой вверх, а не вниз (поэтому В. П. Даркевич называет их клеймами-арочками). Однако чаши подобного рода бытовали совместно с крышками, а на крышке такого сосуда расположение «чешуек» должно быть скорее всего перевернутым. В случае влияния декора подобной чаши на декор Сиона для оформления купола наиболее вероятно, конечно, именно воспроизведение декора крышки.

Разбирая вопрос о возможности влияния произведений византийской торевтики, подобных чаше из Березова, на русское искусство конца XV в., можно отметить также чрезвычайную близость трактовки голов ушастых грифонов на чаше [4, с. 98, рис. 164] и резьбы одного из посохов Оружейной палаты.

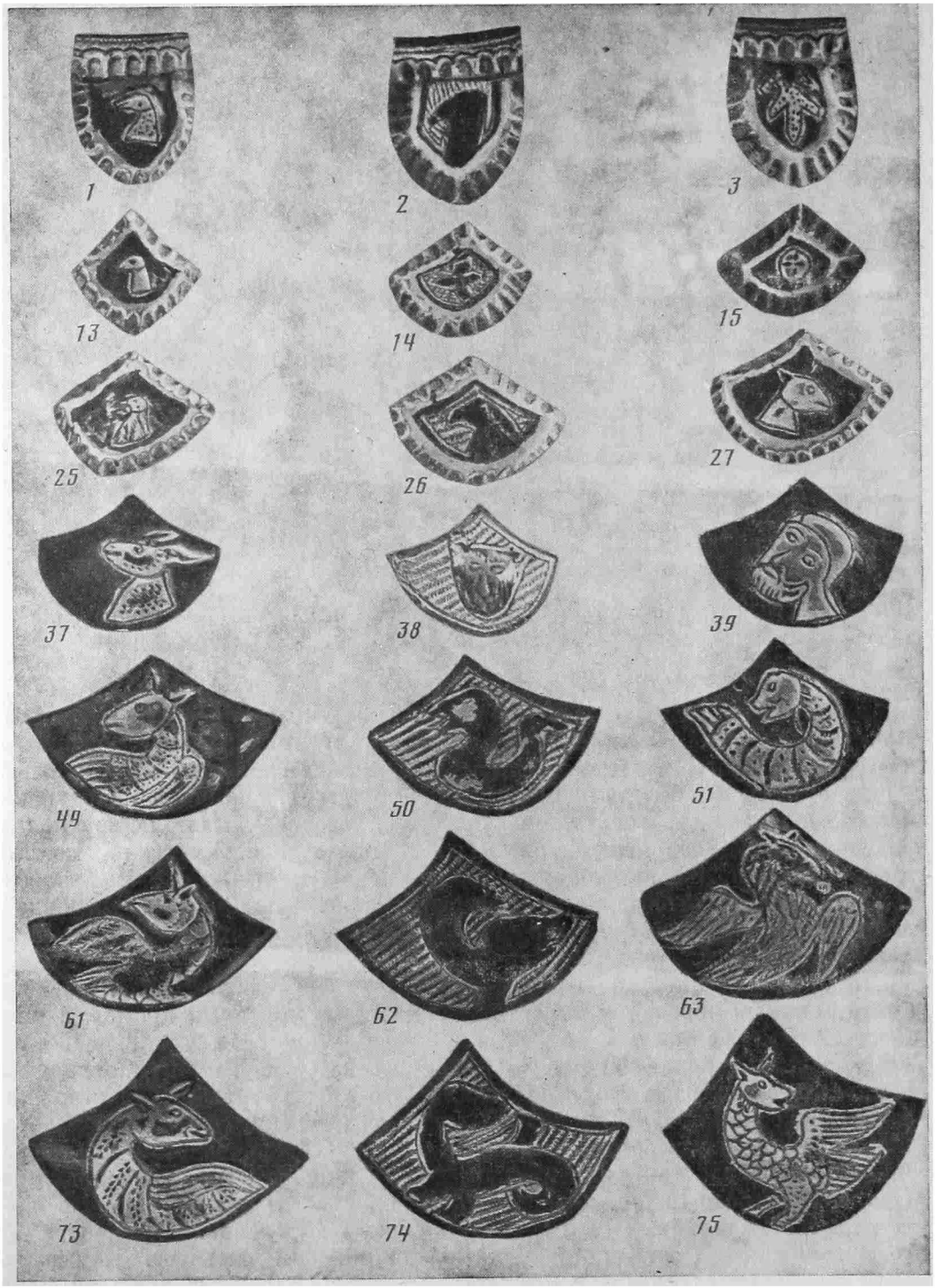


Рис. 3. Отдельные образы декора купола Сиона. Номера на рисунках (3—6) соответствуют имеющимся в тексте описаниям

Перейдем к более конкретному рассмотрению декора главы Сиона (рис. 3—6). Составляющие его чешуйки образуют семь горизонтальных рядов, в каждом из которых насчитывается по 12 отдельных чешуек. Как уже говорилось, в верхней и нижней частях купола они различаются по своему характеру. Отчасти это может быть связано с тем, что верхние чешуйки значительно меньше нижних.

Чешуйки в первом верхнем горизонтальном ряду несут, как правило, изображения растительного элемента с пятью листиками, как бы растущего вниз. Наряду с девятью подобными растениями имеется еще одно,

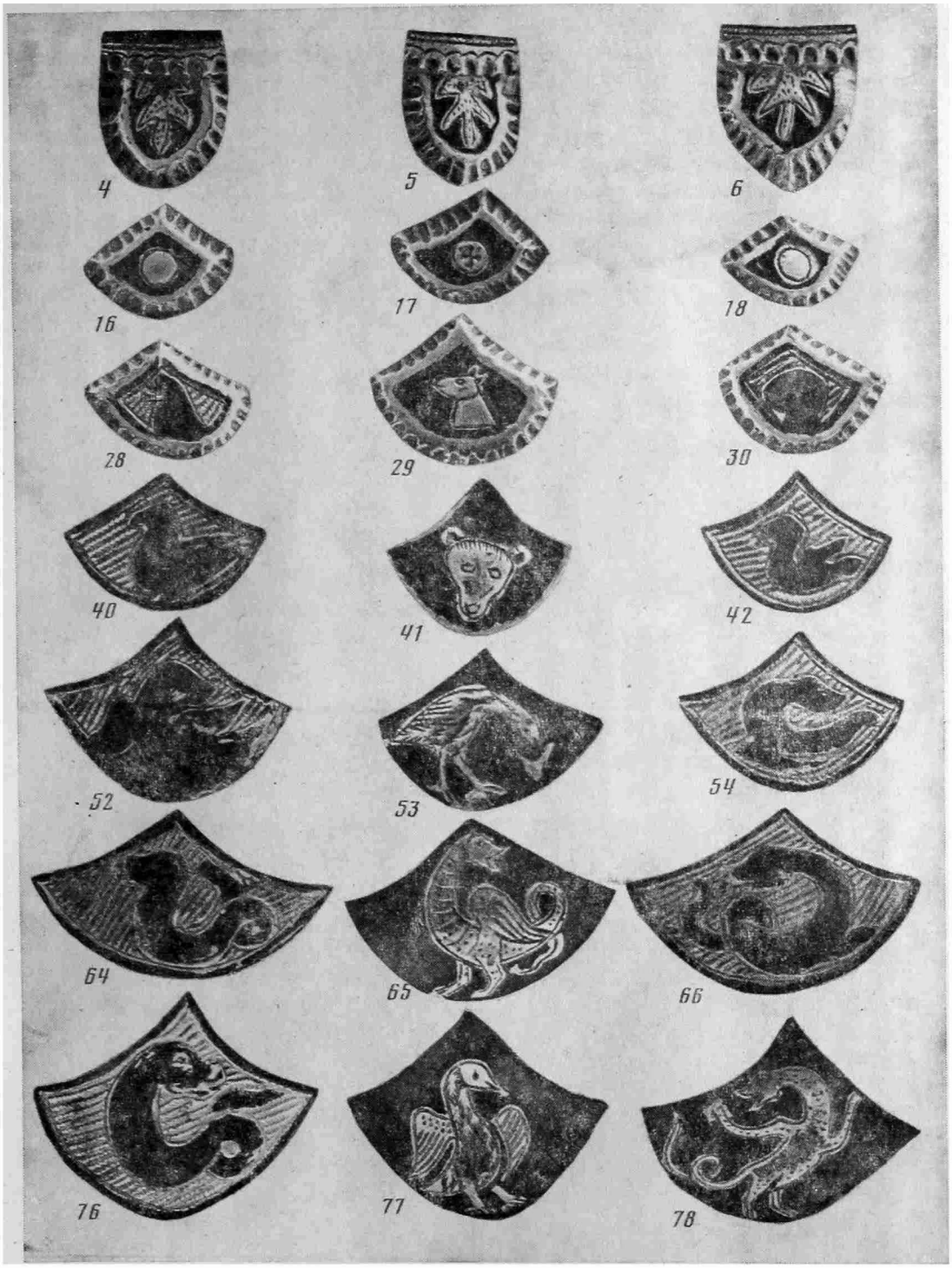


Рис. 4. Отдельные образы декора купола Сиона

несколько более изящных очертаний. В двух чешуйках помещены головы птиц.

Во втором горизонтальном ряду 10 из 12 чешуек несут изображения дисков, причем простые диски чередуются с имеющими крестообразный рисунок. В двух оставшихся чешуйках изображены голова птицы и трилистник. Представляется, что особенности этих изображений и их расположения дают важные сведения о значении декора купола Сиона. Кружки во втором ряду следует рассматривать как изображение небесных светил. С учетом общего количества изображений в каждом горизонтальном ряду (12) полагаю, что диски представляли луну, месяц; соответст-

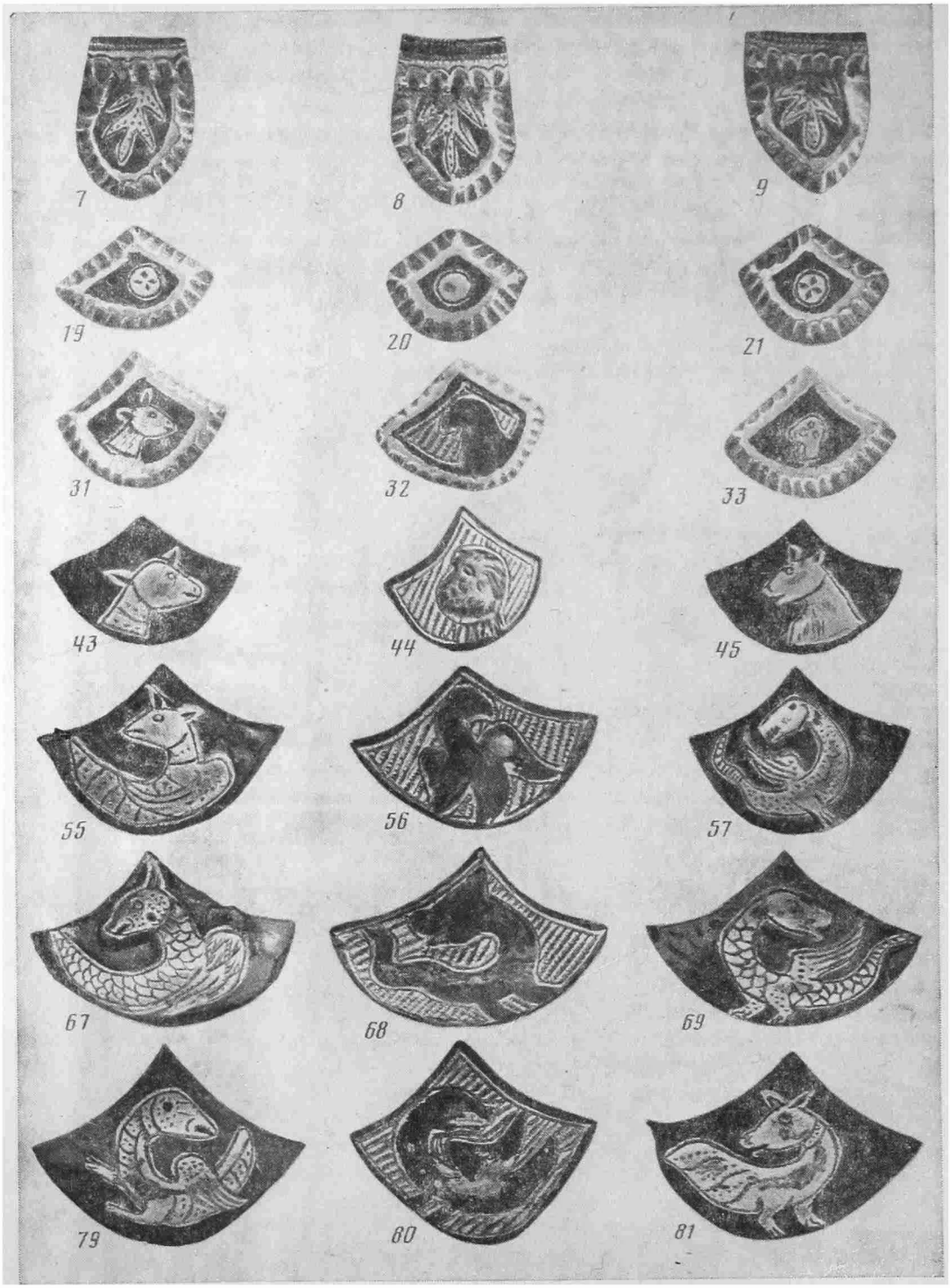


Рис. 5. Отдельные образы декора купола Сиона

венно весь этот горизонтальный ряд являлся аллегорическим (символическим) изображением года, 12 месяцев. Можно было бы связывать эти кружки и с другим светилом — солнцем, но последнее может символизировать разные месяцы лишь в комбинации с изображениями зодиакальных созвездий, которых на куполе Сиона нет. Возникает вопрос: почему не все 12 чешуек заняты изображениями светил? Полагаем, что это связано со стремлением выделить какие-то два месяца, прежде всего отметить начальный, точку отсчета.

Изображения головы птицы и растения во втором ряду расположены (сообразуясь с косыми темными и светлыми полосами на куполе) точно

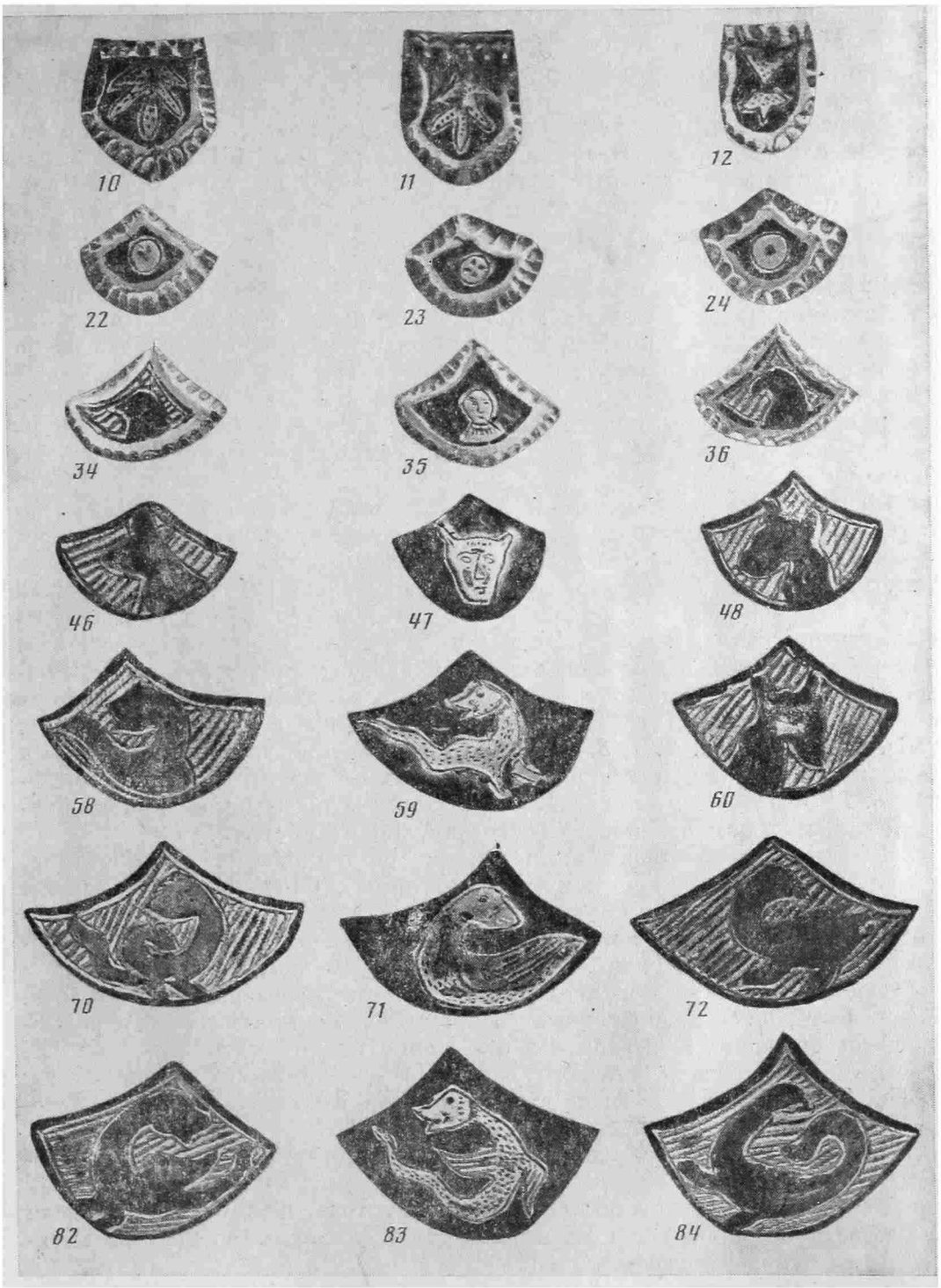


Рис. 6. Отдельные образы декора купола Спона

под двумя головами птиц, также нарушающими однообразие верхнего ряда изображений. Полагаем, что во втором ряду точкой отсчета, символизирующей начало года, является изображение головы птицы, которое следует связывать с весенним месяцем — мартом, ассоциировавшимся с прилетом птиц. Счет времени, согласно которому год начинается месяцем мартом, был действительно распространен на Руси. Изображение растения, вероятно, символизирует пробуждение растительности и второй месяц года — апрель.

Сразу же отметим, что с образом времени связаны не только образы светил во втором ряду и не только число 12, но и священное число 7 — число «планет» и дней недели. Кроме того, с идеей времени, очевид-

но связано и чередование темных и светлых чешуек, по-видимому, ассоциировавшееся со сменой дня и ночи.

Учитывая традиционные представления о связи дней недели и планет, отметим, что размещение месяцев (лун) во втором ряду соответствует порядковому месту дня луны (понедельника) в неделе, счет которой начинали с воскресенья. В таком случае можно было бы ожидать связи первого ряда изображений с солнцем. Действительно, растительные элементы, представленные в верхнем ряду в перевернутом виде, можно рассматривать как стилизованные изображения лучей, исходящих из подножия креста, который увенчивает купол. Такое значение этих декоративных элементов находилось бы в соответствии с традиционной церковной символикой: крест — Христос, Христос — солнце. Возможно, подобная идея повлияла на оформление верхнего ряда изображений. Однако ей до некоторой степени противоречит наличие в том же ряду изображений двух птичьих голов. Эти головы, несомненно, играли важнейшую роль среди образов данного ряда, поскольку они расположены над важнейшими изображениями второго ряда, маркирующими начало года и пробуждение природы.

Образы двух птиц наряду с растительным декором (чаще всего по сторонам деревца) — это традиционная в древнерусском искусстве идеограмма райского сада. Это связано с дохристианским представлением о том, что рай (ирий) — место, куда улетают птицы [5, с. 244], а также о том, что небо — стихия, проницаемая для птиц (ср. обычную иконографию святого духа). О том, что образ двух птиц по сторонам древа еще в домонгольское время сливался с образом рая, свидетельствуют изображения на колтах, где наряду с изображениями таких птиц нередки вполне сходные композиции, где птиц сменяют сирины в нимбах [6, с. 23, табл. 1, с. 25, табл. 2, *1, 3, 5*]. В XVI в. значение композиции с двумя птицами по сторонам растения как идеограммы рая было вполне определенно. Парность птиц определялась не только композиционными соображениями, но и символизировала счастливую брачную пару.

В данном случае перед нами, однако, не традиционная композиция, а лишь элементы, по-видимому, ею навеянные. Фигуры птиц заменены головами по причине миниатюрного размера чешуек, а также под влиянием изображений голов животных, преобладающих в третьем и четвертом горизонтальных рядах. Растительные элементы, представленные в остальных чешуйках верхнего ряда, показаны перевернутыми отчасти, может быть, из-за декоративных соображений, но могли иметь и символическое значение. Перевернутое положение может символизировать потусторонний характер райского сада. На древнерусских композициях, представляющих двух птиц по сторонам древа, нередко встречается перевернутое положение последнего [7, с. 255, рис. 55].

Рассматривая изображения верхнего ряда вместе с таковыми из второго ряда, можно отметить, что единичное растение индивидуальных очертаний соответствует последнему месяцу года. Таким образом, если конец года не маркирован во втором ряду, символизирующем 12 месяцев, то он отмечен в верхнем ряду.

Обращаясь к изображениям третьего и четвертого рядов, следует отметить, что в первом из них представлены только головы, а во втором они преобладают, за двумя исключениями.

В трех оставшихся рядах преобладают полные фигуры животных, среди которых изредка встречаются полуфигуры и один раз — голова. Тенденция к тому, чтобы в ряду многих, преимущественно зооморфных, изображений отдельные изображения голов помещать в верхней части предмета, известна по посохам Оружейной палаты.

Переходим к описанию отдельных изображений по горизонтальным рядам (рис. 3—6). Отсчет начала каждого следующего горизонтального ряда идет не по вертикальной линии, а по косой, сообразуясь с чередованием полос темных и светлых «чешуек».

Первый ряд. *1* — голова птицы. Светлая на темном. *2* — голова птицы. Темная на светлом. *3—11* — растение с пятью листами, растущее вниз.

Все светлые на темном. *12* — растение с тремя изящными листьями на массивном основании, растущее вниз. Светлое на темном.

Второй ряд *13* — голова птицы. Светлая на темном. *14* — трилистник. Темный на светлом. *15—24* — кружки-светила. Все светлые на темном. *15*, *17*, *19*, *21*, *23* — с крестообразным декором; *16*, *18*, *20*, *22*, *24* — гладкие. Примечание об изображениях первого и второго рядов. Здесь не соблюдается последовательность чередования темных и светлых чешуек в связи с их миниатюрностью. Все изображения, кроме *2* и *14*, представлены светлыми на темном фоне.

Третий ряд. *25* — голова птицы. Светлая на темном. *26* — голова птицы. Подобные птицы в этом ряду — *28*, *32*, *34*, *36*. Темная на светлом. *27* — голова зверя. Светлая на темном. *28* — голова птицы. Подобна *26*. Темная на светлом. *29* — голова зверя. Подобна *27*, но зеркально. Светлая на темном. *30* — голова человека. Черты карикатурны. Эфиоп? Черная на светлом. *31* — голова зверя. Подобна *27*. Светлая на темном. *32* — голова птицы. Подобна *26* и *28*. Темная на светлом. *33* — голова человека. Карикатурные черты. Светлая на темном. *34* — голова птицы. Подобна *26*, *28*, *32*. Темная на светлом. *35* — оплечное изображение человека анфас. Светлое на темном. *36* — голова птицы. Подобна *26*, *28*, *32*, *34*. Темная на светлом.

Четвертый ряд. *37* — голова зверя с длинными заостренными ушами. Светлая на темном. *38* — звериная (львиная) маска анфас. Темная на светлом. Подобна одному из изображений на чаше из Березова [4, с. 97, рис. 152, 153]. *39* — голова человека с бородой, на голове — тафья (?). Светлая на темном. *40* — сидящая птица. Темная на светлом. *41* — маска медведя (?) анфас. Светлая на темном. *42* — плывущая (?) птица. Темная на светлом. *43* — голова зверя. Светлая на темном. *44* — голова человека (?). Возможно — дикий человек. Темная на светлом. *45* — голова зверя (вероятно, хищника). Светлая на темном. *46* — голова зверя. Темная на светлом. *47* — голова антропоида с рогами (дьявол?). Светлая на темном. *48* — голова зверя (пушного, соболя?) Темная на светлом.

Пятый ряд. *49* — протома чудовища. Голова звериная с ушами, туловище птицы. Светлая на темном. *50* — змея. Темная на светлом. *51* — змея (?) с членистым телом. Червь — ?, насекомое — ? Светлое на темном. *52* — сидящая птица, обернувшаяся назад с распростертыми крыльями. Темная на светлом. *53* — птица, клюющая неясный предмет. Светлая на темном. *54* — бескрылый дракон с слабовыраженными лапами. Темный на светлом. *55* — протома чудовища (может быть — целое), голова звериная с ушами, тело птицы. Имеет сходство с *49*. Светлое на темном. *56* — птица в «геральдической» позе. Темная на светлом. *57* — обернувшийся назад дракон. Светлый на темном. *58* — бескрылый дракон с слабовыраженными лапами. Подобен *54*, но зеркально. Темный на светлом. *59* — обернувшийся назад бескрылый дракон. Светлый на темном. *60* — голова зверя (пушного — ?). Подобна *48*, но зеркально. Темная на светлом.

Шестой ряд. *61* — протома чудовища. Голова звериная с ушами, тело птицы. Светлая на темном. *62* — стоящая птица, повернувшаяся назад. Темная на светлом. *63* — летящее чудовище — птица с головой ушастого зверя. Светлое на темном. *64* — змея. Темная на светлом. *65* — дракон, обернувшийся назад. Светлый на темном. *66* — дракон без крыльев. Темный на светлом. *67* — протома чудовища. Голова звериная с хохолком, крыло, тело покрыты чешуей. Светлое на темном. *68* — повернувшийся назад бескрылый ушастый дракон. Темный на светлом. *69* — повернувшийся назад дракон. Подобен *57*, но зеркально. Светлый на темном. *70* — повернувшийся назад бескрылый дракон. Темный на светлом. *71* — лежащая птица, повернувшая голову назад (протома?). Светлая на темном. *72* — идущая птица, обернувшаяся назад. Темная на светлом.

Седьмой ряд. *73* — протома чудовища. Голова ушастого зверя, намечены крылья. Светлая на темном. *74* — бескрылый дракон. Темный на светлом. *75* — птицеобразное существо со звериной головой, стоящее, обернувшись назад. Тело покрыто чешуей. Светлое на темном. *76*—

змея. Темная на светлом. *77* — сидящая птица. Светлая на темном. *78* — танцующая рептилия. Светлая на темном. В 3—7-м горизонтальных рядах это единственное изображение, нарушающее правильное чередование темных и светлых. *79* — дракон с коротким хвостом. Светлый на темном. *80* — стоящая птица, обернувшаяся назад. Темная на светлом. *81* — чудовище с головой и передними ногами четвероногого и хвостом птицы или дракона. Светлое на темном. *82* — обернувшийся назад дракон. Темный на светлом. *83* — дракон без ног. Светлый на темном. *84* — бескрылый дракон, обернувшийся назад. Темный на светлом.

Набор образов, представленных на куполе Сиона, отличается значительным своеобразием. Прежде всего отметим большое количество «нестандартных», нетрадиционных образов чудовищ: птиц с головой ушастого зверя (*63*, *75*), змееподобного существа с членистым телом (*51*) протомы, завершающейся толстым коротким хвостом птицы или дракона (*81*). В ряде случаев фантастические образы представляют собой своеобразную загадку, особенно когда представлена протома, возможное завершение которой неясно. Это протомы с головой зверя и более или менее выраженными крыльями, причем неясно, предполагалось ли снабдить их также и хвостом дракона (*49*, *55*, *61*, *67*, *73*). Наряду с изображениями драконов, имеющих и лапы, и крылья, многочисленны также образы бескрылых драконов с лапами, представлен и крылатый змей без лап (*83*); часты также изображения змей, которые в древнерусском искусстве в качестве самостоятельного сюжета обычно не фигурировали.

Дважды изображены змеи со слабовыраженными лапами (*54*, *58*), которые представляют собой как бы раннюю стадию развития более крупного змея с закрученным хвостом и отчетливо выделенными лапами (*66* и *70*). Такие змеи в обоих случаях помещены непосредственно рядом, в одном косом ряду. На той же линии можно найти и третью стадию «процесса»: одна змея с двумя лапами превращается в рептилию с четырьмя конечностями (*78*), у другой помимо двух ног появляются крылья (*82*).

Идея близости размещенных рядом изображений прослеживается и в других случаях. Например, это — птицы с головами зверя в разных позах (*63* и *75*), ряды протом с головами зверя и крыльями (*49*, *61*, *73*; *55*, *67*, *79*). Оба эти ряда как бы открываются головами зверей (*37*, *43*), вторая из которых по существу тождественна голове расположенного рядом чудовища (*55*). Такое соседство дает основание для двойственного толкования других голов на куполе Сиона как частей тела, или реальных существ, или чудовищ, имеющих смешанную природу.

Некоторые изображения животных группируются таким образом, что часть из них, несомненно, специально представлена в сходных позах, а другие образуют симметричные пары. Например, *57*, *68*, *69*, *79* — *81* (где симметричные пары образуют между прочим различные существа), *68* — дракон без крыльев и дракон с крыльями — *69*, а также птица *80* и зверь с птичьим или драконьим хвостом — *81*. Подчеркнуто сходство позы птицы *80* с драконами *79* и *69*. В группе изображений *72*, *83* и *84* птица *72* и бескрылый дракон *84* представлены идущими с головой, повернутой назад, а крылатый безногий дракон *83* и бескрылый дракон *84* с ногами образуют симметричную пару.

Размытость иконографического типа дракона может быть проиллюстрирована также наличием двух необычных изображений этих чудовищ, которые по своим пропорциям скорее напоминают птиц. Дракон *65* отличается выделенным корпусом и высокой стойкой на ногах, дракон *79* представлен с очень коротким хвостом.

Наличие отмеченных особенностей указывает на значительное стремление мастера к разнообразию сюжетов. При этом мастер не полностью воспользовался набором популярных образов древнерусского прикладного искусства. Так, среди изображений на куполе отсутствуют кентавры, сирины, грифоны (четвероногие с крыльями). Не представлены многие животные, образы которых встречаются в русском прикладном искусстве, как знакомые мастерам по повседневной жизни (петух, корова, баран, ко-

зел, заяц, олень), так и экзотические (слон, верблюд, птица с лировидным хвостом (фазан?), павлин). Нет среди рассматриваемых изображений и встречающихся изредка в древнерусском искусстве образов рыб.

Определенная зыбкость иконографии многих образов, представленных на куполе, и прослеживающаяся в ряде случаев тенденция к «перетеканию» общих черт у соседних изображений могут быть связаны с идеей метаморфозы, оборотничества.

Особое внимание привлекают изображения человеческих голов на куполе Сиона. Поскольку в декоре купола такая голова не одна, то образ не является исключительным и центральным в системе декора. Две из человеческих голов (*30* и *44*) представлены темными на светлом фоне и скорее всего изображают чужеземцев («диких людей» или эфиопов, а символически — темное начало, бесов). Более крупная голова *44*, сильно обросшая волосами и бородой, вероятно, отражает представление о «диких людях» (возможный вариант о косматых сатирах или обезьяне). Обе темные головы, а также светлые головы (*33* и *39*) показаны в несколько неестественной позе — смотрящими вверх, на возвышающийся под куполом крест. Голова *33* очень миниатюрна. Она также слишком непривлекательна для того, чтобы в ней видеть положительный образ. Голова *35* представлена в более строгом фронтальном положении в ближайшем соседстве с демонической рогатой маской *47*. Наиболее крупное изображение человеческой головы *39* представляет бородатое лицо, обращенное кверху. Голова покрыта облегающим головным убором (тафья). Последняя черта препятствует тому, чтобы видеть в ней образ праведника или носителя христианских добродетелей. Можно отметить, что рядом с этой головой расположена львиная маска (*38*). Помещенные рядом головы человека и зверя на рукоятях двух посохов Оружейной палаты отражают идею правителя. Вместе с тем следует отметить, что на Сионе рядом с рассматриваемой головой имеется также изображение членистой змеи *51* (червя?). Если оно действительно представляет червя, то по контрасту с человеческой и львиной головами оно отражает идею бренности земной жизни и мирской славы.

Оценивая набор изображений на куполе Сиона в целом, отметим, что среди них, как это ни странно на первый взгляд, чрезвычайно высок процент темных, демонических образов. В трех нижних горизонтальных рядах змеи, разные вариации дракона и рептилия преобладают. Если к этому прибавить чудовищ с чертами зверя и птицы, также, по-видимому, имеющих демонический характер, то роль демонических образов еще более возрастет. В четвертом ряду к темным силам следует отнести демоническую рогатую маску *47*, а также темную голову человека *44*. Соответственно сюда же следует отнести и темную голову *30* в третьем ряду. Таким образом, если исключить из подсчета изображения растений и небесных светил, то в декоре купола Сиона явно демонических образов почти столько же, сколько всех остальных, вместе взятых.

Это несколько удивляет, если учесть, что купол храма обыкновенно воспринимался как символ неба. В декоре купола Сиона это отчасти отражено: во втором ряду представлены небесные светила. Однако ниже следуют изображения другого характера. Можно предполагать, что ниже пояса планет представлена воздушная стихия, в которой, согласно Новому Завету и молитвенному обиходу, обитает или даже господствует дьявол[4]. Возможно, подобная трактовка купола Сиона была предназначена напоминать грешникам об ожидающих их после смерти «воздушных мытарствах».

Можно предположить и иную символику изображений на куполе, а именно астральную. Теоретически она здесь вполне допустима, так как купол — символ неба. В какой-то мере это символика действительно пред-

[4] «Князь, господствующий в воздухе» упомянут в послании апостола Павла Ефесянам (2, 2). В том же послании см. про «духов злобы поднебесных» (6, 2). Ср. текст канона молебного на исход души: «Воздушного князя, насильника, мучителя, страшных путей стоятеля и напрасного сих словоиспытателя, сподоби мя прейти невозбранно...».

ставлена в виде изображений небесных светил. Изображения животных в принципе могли отражать идею созвездий, как зодиакальных, так и иных. Однако традиционный набор аллегорических изображений зодиакальных созвездий на куполе отсутствует. Возможно, мастер просто знал о том, что зодиакальный пояс подразделяется на 12 «животных» (название знаков зодиака в древнерусских текстах) [8, с. 995], но не знал их порядка и набора. Неясно также, что могли бы символизировать 84 образа. Астрологическая символика знает помимо 12 созвездий для каждого из 12 месяцев и другие аллегорические изображения, представляющие созвездия или их части, связанные с более дробными частями года [9, с. 181, 182; 10, табл. IX, X]. Из них наиболее популярны так называемые деканы, по три на каждый месяц. Еще одна серия аллегорических изображений, не пользовавшаяся большим распространением, присваивает особое изображение каждому дню года (точнее — каждому градусу небесного экватора). Ясно, что 84 изображения не могут соответствовать по своему количеству ни этому набору, ни менее многочисленным аллегориям деканов. Таким образом, если в декоре купола Сиона идея образа звездного неба, возможно, и присутствует, то конкретного астрального или астрологического значения украшающие его отдельные изображения не имеют.

Если исключить из подсчета образов самый миниатюрный верхний ряд, занятый, за двумя исключениями, растительными образами, то число остальных изображений оказывается 72 — довольно популярное священное число по средневековым, в частности русским, представлениям. В древнерусских рукописях встречаются представления о том, что на земле существует 72 народа [5, с. 5], что столько же различных рыб, птиц и деревьев, а также «островов великих» [11, с. 433]. Известен в русских рукописях и текст о 72 именах божиих [11, с. 339] (отметим, что каббалистам было известно семидесятидвухбуквенное имя бога) [12, с. 441]. Таким образом, если в декоре купола отразилась символика цифры 72, то она могла быть связана с представлением о полном наборе существующих живых тварей. Все же исключение из общего подсчета 12 верхних изображений может быть допущено только как предположение. Общее число антропо- и зооморфных изображений на куполе — 63.

84 изображения могут быть сопоставлены с числом дней в 12 неделях, т. е. округленно — в трех месяцах, что соответствует представлению об одном времени года.

Декор Большого Сиона Успенского собора Московского Кремля имеет весьма значительные отличия от сюжетов резьбы посохов конца XV в. Эти различия прежде всего стилистические и в значительной мере определяются различной техникой исполнения. Вместе с тем некоторые образы обнаруживают значительную близость. Имеется несомненное сходство и в принципах размещения изображений на куполе Сиона и поверхности посохов. И здесь, и там обыгрывается использование, с одной стороны, изображений голов людей и животных, а с другой — целых их фигур. В обоих случаях головы концентрируются в верхней части, а целые фигуры преобладают в средней и нижней частях. Однако по другим признакам декоры купола Сиона и посохов существенно отличаются друг от друга. Так, в декоре купола значительную роль занимают образы, представляющие собой переход от изображений голов к целым фигурам,— протомы. В резьбе посохов такие образы полностью отсутствуют. Важную роль в декоре купола Сиона играют помещенные во втором ряду сверху образы небесных светил. В декоре посохов подобных сюжетов нет.

Значительные различия в декоре посохов и купола Сиона не должны удивлять, так как это — объекты совершенно разного назначения и их символика в целом носит различный характер (идея власти, основная в декоре посохов, не была и не должна быть выражена в декоре купола Сиона культовой, богослужебной принадлежности). Имеющееся сходство декора столь различных объектов — одно из свидетельств универсализма средневековой символики, в которой и идеи политической власти, и рели-

гиозные идеи могли соотноситься с образом вселенной как единого целого, в частности средневекового «бестиария».

Богатый декор на столь различных по своему характеру объектах, как посохи и Сион, свидетельствует о том, что в конце XV в. русская звериная орнаментика не только не находилась в упадке, а, напротив, была представлена крупнейшими сериями и развитыми формами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.— САИ, 1971, вып. Е1—49.
2. *Чернецов А. В.* Три резных посоха XV в.— СА, 1980, № 2.
3. *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.).— САИ, 1967, вып. Е1—57.
4. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. Произведение византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М.: Искусство, 1975.
5. Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, 1962, т. 1.
6. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали древней Руси. М.: Наука, 1975.
7. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
8. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М.: Гос. изд-во словарей, 1958.
9. *Буше-Леклерк.* Из истории культуры. Истолкование чудесного (ведовство) в античном мире. Киев, 1881.
10. *Boll F.* Sternglaube und Sterndeutung. Lpz.— B., 1926.
11. *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863.
12. *Budge E. A. W.* Amulets and Talismans. N. Y., 1968.

A. V. Chernetsov

ON THE ORNAMENTATION OF THE GREAT ZION'S DOME (1486)

Summary

The so-called Great Zion (Jerusalem), a lavishly embellished silver mode of a cathedral, was made in 1486 for the Kremlin Cathedral of the Assumption. The decoration of the dome includes 84 mainly zoomorphic images arranged into 7 rows, 12 images in each. Both numerals carried a commonly recognised symbolic connotation denoting the number of weekdays (and also of planets known at that time) and the number of months (and of Zodiacal constellations). The alteration of darker and lighter images probably represents the alteration of the day and night. The second row contains representations of the lunar disc associated, most likely, with astral and calendar symbols. Other images found on the dome are not directly connected with the planetary or Zodiacal symbols but are by no means devoid of any meaning which is supported by their places in the composition. Plants and lunar discs are found in the upper part, animal heads—in the fourth and third rows and their complete figures—in the lower part. In some cases neighbouring figures can be regarded as forming a typologically developing series (54, 66, 78; 58, 70, 82; 49, 61, 73; 43, 55, 67, 79). It can be surmised that they represent the idea of lycanthropy, an extremely popular notion in Russian folk beliefs and folk tales. About half out of the total 63 anthropo- and zoomorphic images is of an undoubtedly demonic nature, the three lower rows being dominated by them. A cathedral's dome was usually interpreted as a sky which in our case is supported by the lunar disc representations. Demons found in the decoration of the dome can be tentatively associated with the space lower than the planetary sphere which, according to religious texts, was inhabited and even dominated by the devil. The rich zoomorphic decoration of the Zion's dome is another valuable contribution to the history of zoomorphic symbolics in the Old Russian art.

Публикации

ТРУСОВ А. В.

ЗАРАЙСКАЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Наличие палеолита в районе Зарайска было установлено еще в 1971 г., когда краеведом А. Камакиным в Стрелецком овраге, в 1 км к югу от Зарайска, в 1,5 км от р. Осетр, был обнаружен верхнепалеолитический нуклеус. Место находки было осмотрено В. В. Сидоровым. Нуклеус происходил, по-видимому, из стоянки, уничтоженной оврагом: зачистки на обоих берегах оврага выявили в слое лёсса над брянской почвой, залегающей на глубине 2—2,4 м и попорченной мерзлотными деформациями, угольки и кости [1].

Зимой 1979/80 г. автору данной работы были переданы на определения несколько расщепленных кремней, которые были найдены главным хранителем Зарайского краеведческого музея Л. И. Максимовой у северной стены кремля, в промоине, прорезавшей склон кремлевского холма. Знакомство с материалом и условиями его нахождения позволяло надеяться на существование здесь верхнепалеолитической стоянки.

Летом 1980 г. автором было начато изучение этого местонахождения и произведена его шурфовка [2, 3].

Зарайский кремль располагается на правом, высоком берегу р. Осетр, на крупном мысу, образованном с одной стороны оврагом, сильно прорезавшим коренной берег Монастырки, впадающей в Осетр, с другой стороны (под северной стеной кремля) — сухим оврагом, по которому к р. Осетр спускается из города мощенная булыжником дорога. Находки (отщепы и пластины кремня и мелкие осколки пластин зубов мамонта) встречены в основном по обнажениям левого борта этого сухого оврага; встречаются они и по другую сторону оврага (что может говорить, видимо, о его позднем образовании), в основном на площадке третьей надпойменной террасы (44—45 м над уровнем р. Осетр).

Всего на стоянке заложено три шурфа 1×2 м (рис. 1). Шурфы 1 и 2 заложены под северной крепостной стеной, непосредственно в зоне наи-

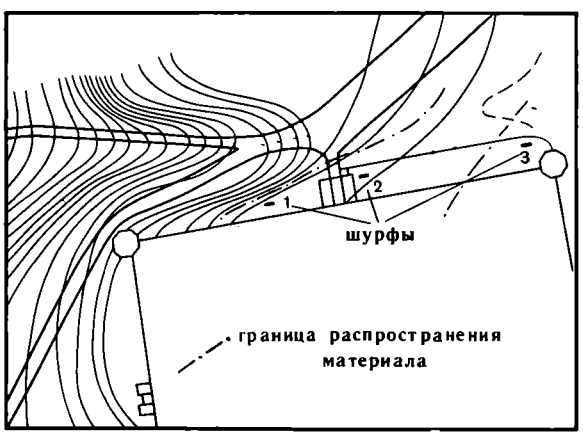


Рис. 1. План Зарайской стоянки и расположение шурфов

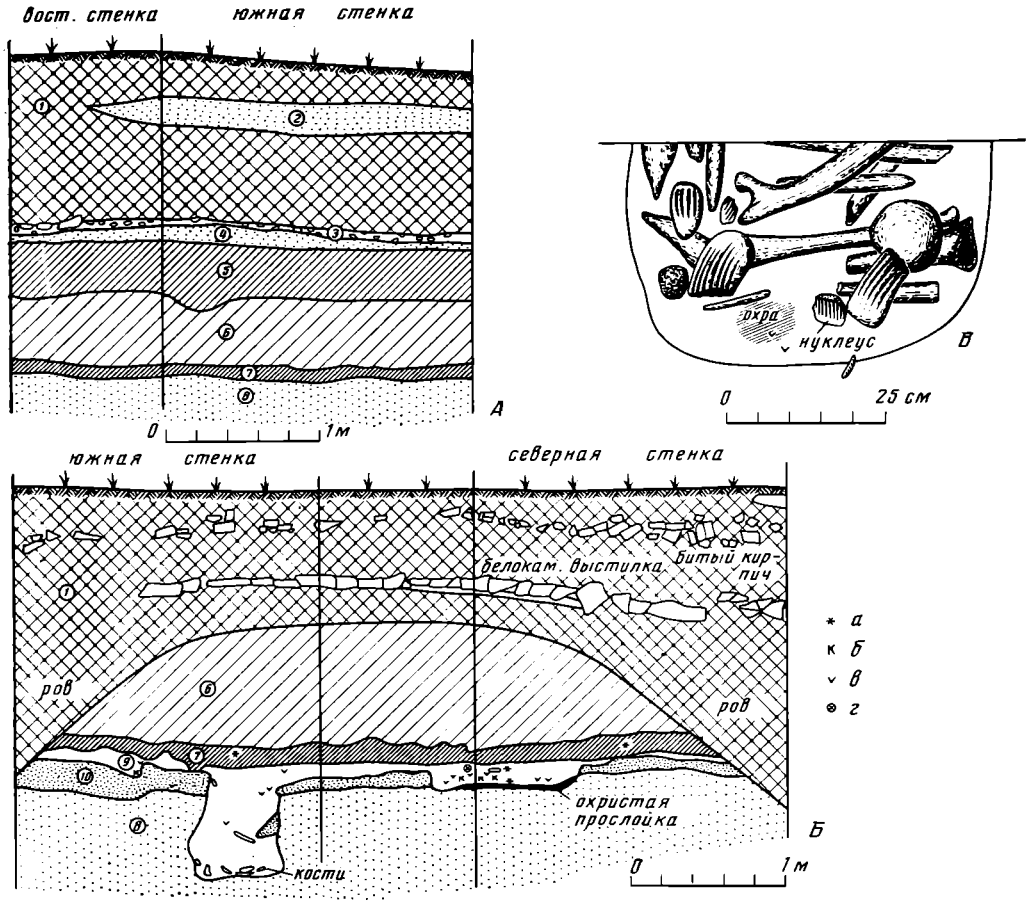


Рис. 2. *А* — шурф 1, разрез; *Б* — шурф 2, разрез (*а* — кремни; *б* — мелкие обломки костей; *в* — костный уголь; *г* — крупинки охры; *В* — шурф 2, скопление костей на дне ямы

большей концентрации подъемного материала, в 42 м один от другого, по разные стороны от проездной башни, на высоте 44 м; шурф 3 заложен в 72 м вверх по склону от шурфа 2, на высоте 45 м над р. Осетр.

Приведенная ниже стратиграфия отложений дана по восточной стенке шурфа 1, где она наименее нарушена (рис. 2, *А*): 0) 0—10 см — дерн; 1) 10—110 см — темно-серая гумусированная супесь — культурный слой XVII—XVIII вв.; 2) линза серовато-коричневого среднего суглинка и темно-желтого песка (материковый выброс), мощностью до 20 см, залегает в верхней части слоя 1, на глубине 23—30 см от поверхности; 3) 110—118 см — прослойка извести со щебенкой и обломками белого камня — строительный горизонт времени постройки крепостной стены, 1531 г.; 4) 118—122 см — прослойка коричневого суглинка и темно-желтого песка — выброс из траншеи под фундамент стены; 5) 122—160 см — интенсивно окрашенный черный средний суглинок с фрагментами керамики XII—XIII вв., контакт с нижним слоем нечеткий (культурный слой летописного «Красного» села); 6) 160—200 см — темно-коричневый суглинок, переходящий в нижней части в погребенную почву; 7) 200—212 см — погребенная почва — темно-серый средний суглинок, контакт с вышележащим слоем нечеткий, с нижним — четкий; 8) 212 см и ниже — флювиогляциальные (днепровские) слабослоистые коричневые и желтые пески и супеси без находок, пройдены до глубины 230 см.

Расщепленные кремни начали попадаться уже в городском культурном слое. Несколько больше их было в выбросах, происходящих, видимо, из траншеи для фундамента крепостной стены. Здесь же, в городском слое, найдена и небольшая сланцевая плитка с граффити, изображавшим косую решетку (рис. 3, *16*); она, видимо, происходит из палеолитическо-

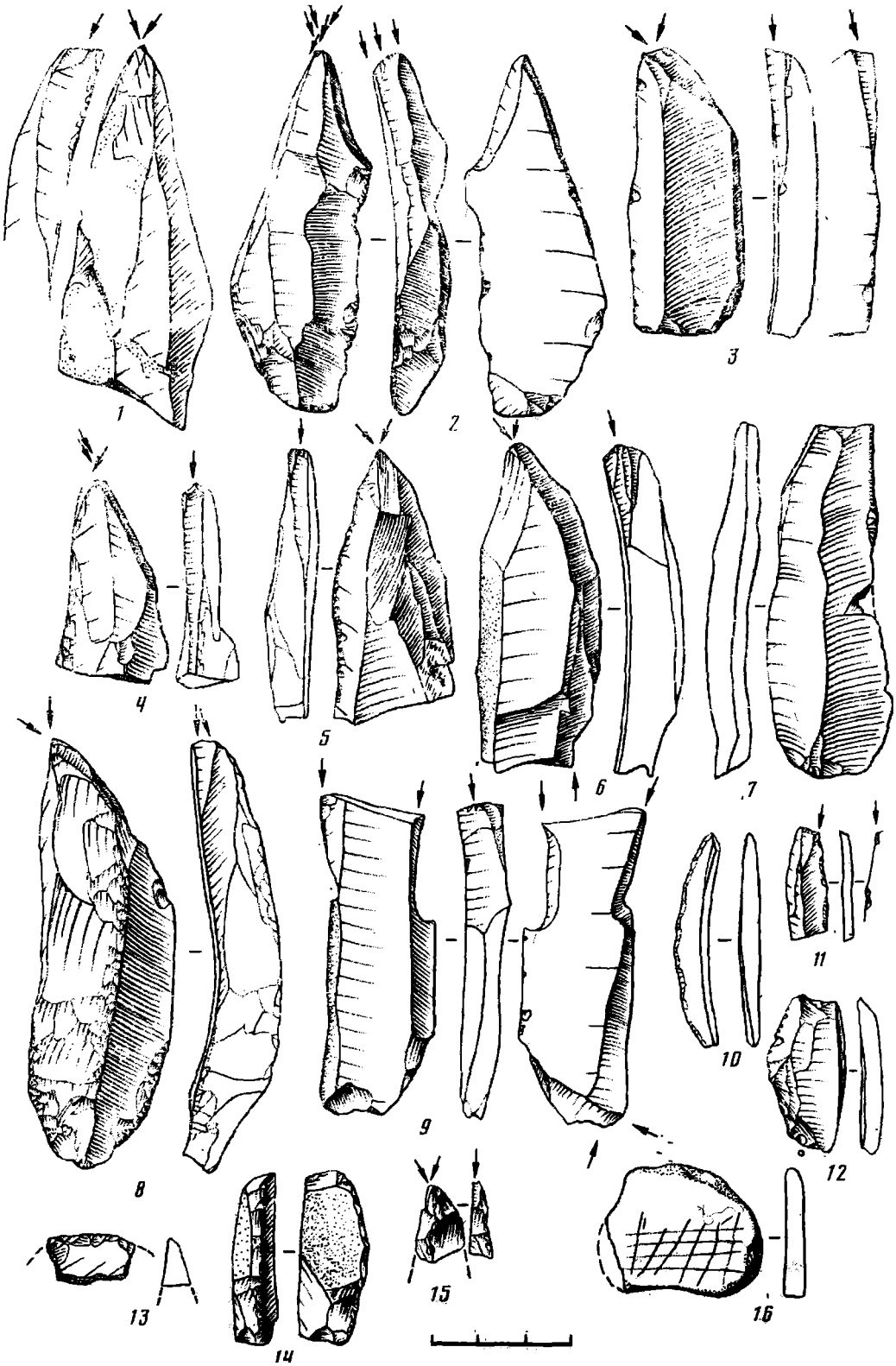


Рис. 3. *1—15* — кремневые орудия; *16* — сланцевая плитка с рисунком

го слоя, попала сюда, как и кремни, в результате позднейших перекопов. Ниже городского культурного слоя несколько кремней было встречено в темно-коричневом суглинке (слой 6). Наибольшая концентрация расщепленных кремней наблюдается в погребенной почве. Здесь найдено 15 кремней. Из них надо отметить резец срединный на крупной пластине (рис. 3, *5*) и нож на крупной пластине (рис. 3, *7*). В этом же слое встречались отдельные крупинки кальцинированной кости и костные угольки.

Стратиграфия шурфов 2 и 3 несколько отличается от стратиграфии шурфа 1, в этих шурфах не отмечено культурного слоя XII—XIII вв.: или они попали за пределы поселения этого времени, или слой XII—XIII вв. здесь был срезан при строительстве кремля. Шурфами 2 и 3 был задет крепостной ров, служивший дополнительной преградой, защищавшей кремль с напольной стороны. В настоящее время никаких следов рва на поверхности под стеной не прослеживается. Ров глубоко пробивает нижележащие слои суглинков и супесей, в том числе и культурный слой верхнепалеолитической стоянки. Заполнен ров культурным слоем XVII—XVIII вв. В шурфе 2 на глубине 58 см прослежена выстилка, сложенная из неправильной формы неотесанных глыб и плит известняка, положенных на песчаную подсыпку. Выстилка имеет небольшой наклон в сторону рва. Погребенная почва в этом шурфе залегает выше, чем в шурфе 1, — на глубине 165 см, ее мощность 10—15 см. Расщепленные кремни, хотя и встречаются в ней, тяготеют в основном к подстилающим ее розоватым легким суглинкам и супесям, мощность которых колеблется от 4 до 16 см (слой 9). На глубине около 186 см они подстилаются зеленоватыми песками без находок. Мощность зеленоватых песков колеблется от 8 до 20 см (слой 10). На контакте их с нижележащим слоем встречались крупнозернистый песок и мелкий гравий. Ниже, на глубине 194 см, залегают отмеченные в шурфе 1 флювиогляциальные слабослоистые красноватые пески и супеси (рис. 2, *Б*).

Шурф 2, вероятно, попал непосредственно на жилую площадку палеолитической стоянки. Участок палеолитического культурного слоя тут оказался наиболее насыщенным находками, здесь собрано более 300 кремней. Одно из наиболее значительных скоплений кремней находилось в северо-западном углу шурфа, в небольшом, до 20 см, углублении, частично задетом шурфом. В нем найдено более 120 кремней, основную массу которых составляли чешуйки и мелкие осколки кремня. Из орудий найдено 5 резцов на крупных пластинах (рис. 3, *1, 2, 4, 6, 8, 15*) и резцовый скол, снятый с края какого-то орудия (рис. 3, *10*). В заполнении этого углубления встречались также довольно много мелкого костного угля, крупинки и небольшие пятна охры, неопределенные обломки костей очень плохой сохранности. Дно этого углубления было буквально выстлано охрой, слой сильно окрашенного охрой грунта с включением довольно крупных кусков охры достигал местами 4 см.

В юго-западной части шурфа обнаружена яма, заполненная культурным слоем стоянки, вырытая в сходных по цвету и составу флювиогляциальных слабослоистых песках и супесях. Из-за сходства слоев выявление этой ямы в плане и профиле было крайне затруднительно. Выявлена она благодаря заполнявшим ее находкам и некоторому различию слоистости заполнения и материкового грунта. Яма имела довольно ровное дно и слегка расширяющиеся книзу стенки. Глубина ее — до 70 см от пола культурного слоя. Ширина ямы в верхней части — 45, у дна — 57 см. Верхние 10—20 см заполнения ямы, как и культурный слой над ямой, содержали расщепленные кремни, крупинки охры, костные угольки, небольшие обломки костей плохой сохранности. Ниже находки кремней практически исчезают, но попадаются обломки костей плохой сохранности и костные угольки. Последние 10 см заполнения ямы у дна представляют собой беспорядочное скопление костей животных (рис. 2, *В*), среди которых было найдено три обломка зубов мамонта, крупный кремневый отщеп, кремневая пластинка и двухплощадочный нуклеус (рис. 4, *1*). На дне ямы также прослежено небольшое, до 10 см, охри-

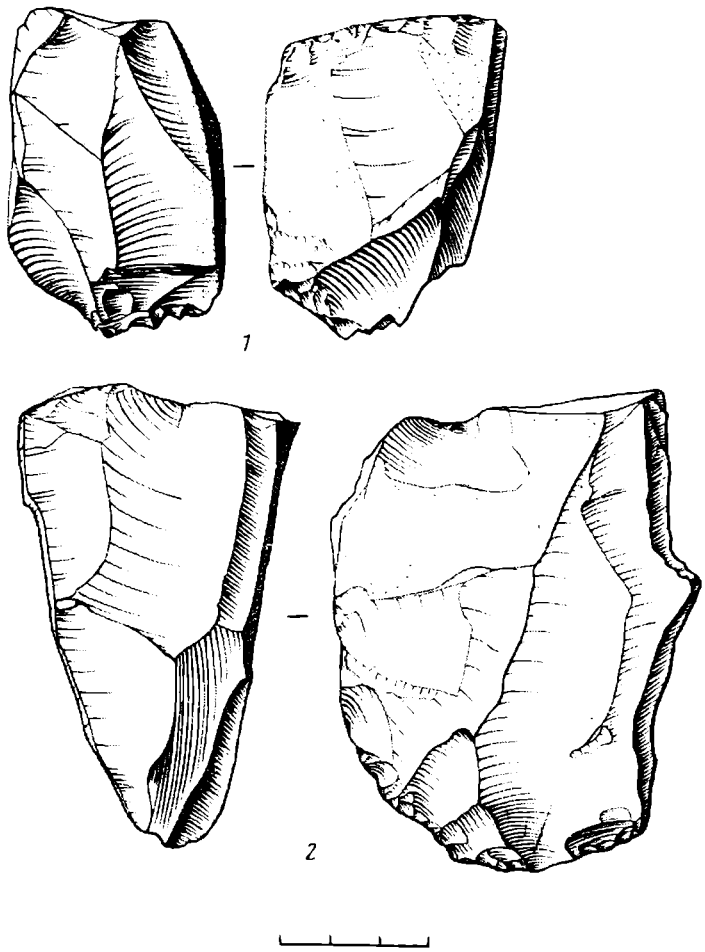


Рис. 4. Нуклеусы. *1* — из ямы с костями (шурф 2); *2* — из Стрелецкого оврага

стое пятно. Вероятно, нами была вскрыта одна из хозяйственных ям, которые на верхнепалеолитических стоянках обычно сопровождают жилище.

В шурфе 3, как и в двух предыдущих, погребенная почва залегает под темно-коричневым суглинком, верхний контакт ее нечеткий, мощность — от 5 до 20 см, она как бы разорвана, возможно, в результате солифлюкции. Залегает она еще выше, чем в шурфе 2, на глубине 153 см от современной поверхности. Сразу под этой почвой, на глубине 167 см, залегает красноватый средний суглинок с включениями гравия и валунов (морена), которые ниже по склону переходят в флювиогляциальные красноватые пески и супесп, отмеченные в шурфах 1 и 2. В этом шурфе находок практически уже нет. В слое темно-коричневого суглинка найдены отщеп и обломок кремневой пластины. В слое погребенной почвы встречена крупинка охры. Других находок ни здесь, ни ниже найдено не было, так что о наличии в этом шурфе верхнепалеолитического культурного слоя говорить не приходится, а верхнюю границу стоянки надо проводить несколько ниже этого шурфа.

В целом палеолитический культурный слой залегает в покровных суглинках третьей (?) надпойменной террасы (44—45 м), на самом ее краю, и приурочен к нижней части обнаруженной здесь погребенной почвы.

Всего на стоянке собрано 450 кремней (включая чешуйки) вместе с находками, сделанными в городском культурном слое (21 шт.) и на поверхности (2 резца; рис. 3, *3*, *9*).

Весь кремень меловой, отличного качества, желтовато-коричневого цвета. На многих отщепах и пластинках заметна легкая беловатая патина. Одна пластина розоватого полупрозрачного кремня (покрыта густой белой патиной). 33% кремней имеют остатки желвачной корки, что может говорить о производившейся на стоянке первичной обработке сырья.

Отщепы и пластины залегают в слое в горизонтальном положении, причем некоторые из них как бы раздавлены, и их осколки лежат в непосредственной близости один от другого.

По группам материал распределяется следующим образом:

Нуклевидные	2	0,78%
Отщепы и их обломки	112	43,92%
Пластины и их обломки	68	26,67%
Изделия со вторичной обработкой или со следами утилизации	25	9,80%
Резцовые сколы	48	18,82%
Всего	255	100%

Кроме того, встречено 126 чешуек и 69 мелких обломков кремня.

К нуклевидным отнесены небольшой обломок кремня со следами попыток скалывания, попавшийся в городском культурном слое, и нуклеус (найден в шурфе 2, в яме с костями). Нуклеус двухплощадочный от пластин и пластинчатых отщепов, площадки слегка скошенные, поставленные перпендикулярно друг к другу, скалывание встречное. Одна из площадок подправлена небольшим сколом. На одной из сторон нуклеуса сохранились остатки желвачной меловой корки. Края ударных площадок в некоторых местах замяты, возможно, от употребления нуклеуса в качестве ретушера (рис. 4, *1*).

Отщепы. Их размеры колеблются от 17×19 до 85×95, но в основном довольно мелкие — 30×30 мм.

Пластины. Их пропорции колеблются от 26×5 до 122×26 мм. Целых пластин очень мало, всего 19, остальные 49 или имеют обломанные концы, или представлены обломками.

К изделиям со вторичной обработкой и кремням со следами утилизации (25 шт.) отнесены 4 пластины и 3 пластинчатых отщепа с ретушью или следами работы по краям (ретушь мелкая, пологая); наиболее вероятная их функциональная принадлежность — ножи (рис. 3, *7*). Отщепов и обломков кремня с ретушью и следами оббивки, функционально не определенных,— 6 шт.

Найдено также 2 обломка скребков: осколок рабочего края скребка (рис. 3, *13*) и часть скребка, расколотого вдоль сколом резцового характера (рис. 3, *14*).

Имеется также резцовый скол с ретушированного края какого-то орудия, возможно ножа; ретушь мелкая, полукрутая, неровная (рис. 3, *10*).

Встречена ножевидная пластинка со слегка скошенным мелкой крутой ретушью концом. Один из ее краев также обработан мелкой крутой неровной ретушью. С усеченного ретушью конца нанесен очень мелкий резцовый скол, который, возможно, получился случайно, от сильного нажима при работе этим орудием по твердому материалу (рис. 3, *11*).

Найден также разломанный вдоль отщеп, на конце которого со спинки выполнена пологой ретушью довольно крупная выемка, на краях — мельчайшие заломы (следы работы) (рис. 3, *12*).

Самой многочисленной категорией орудий являются резцы — 9 шт. Все они изготовлены на крупных массивных кремневых пластинах и очень выразительны. Семь из них представлены типом срединного резца (рис. 3, *1—5*, *8*, *15*), причем четыре имеют резцовую кромку, расположенную по центральной оси орудия (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *5*), а 3 других — сильно смещенную влево (рис. 3, *3*, *8*, *15*). Боковые края некоторых резцов имеют следы сработанности в виде мельчайших заломов и ретуши, а край одного из них представляет собой хорошо оформленное мелкой регулярной ретушью лезвие ножа, со следами довольно сильной заглощенности (рис. 3, *5*). Два резца имеют как бы притупленные мелкой крутой ретушью края у тыльной (бугорковой) части (рис. 3, *2*, *8*). Одно

из этих орудий со стороны брюшка в тыльной части несет уплощающую подтеску, вероятно, для удаления ударного бугорка и придания заготовке более прямого профиля (рис. 3, *2*). В двух случаях срединный резец встречен в комбинации с угловым (рис. 3, *6*, *9*), причем в последнем случае срединный резец явно не удался, резцовые сколы сильно выходят на плоскость брюшка пластины, придавая ему вид плоского резца (рис. 3, *9*).

Интересно, что на девяти резцах зафиксировано 48 резцовых сколов, или почти 19% от всего количества орудий, причем преобладают сколы правосторонние (31 шт.), левосторонних всего 12 шт. и 5 сколов с неясной ориентацией. Такое соотношение резцов и резцовых сколов говорит о том, что резцы в процессе изнашивания постоянно подправлялись, следы такой подправки заметны (рис. 3, *2*, *4*, *6*) и, вероятно, часто полностью переоформлялись. Сильное преобладание правых резцовых сколов над левыми свидетельствует в пользу того, что обновление резца производилось преимущественно справа; возможно, в результате этого некоторые из наших резцов и получили сильно смещенную влево от центральной оси резцовую кромку.

Особо стоит отметить найденную в шурфе 1 небольшую, 33×26×4 мм, сланцевую плитку с граффити (рис. 3, *16*). Граффити нанесено острым предметом на предварительно выглаженную для этого поверхность плитки, причем особо тщательно выглажен только тот участок, на который предполагалось нанести рисунок (этот участок именно выглажен, а не шлифован: заметны следы неровной полосчатой заглаженности, вероятно, костяным лощилом). Другая сторона плитки не носит следов какой-либо специальной обработки. Она имеет неровную от раскола по слою поверхность, слегка залощенную, возможно, от долгого ношения ее человеком при себе как какого-то необходимого культового предмета. Край плитки в одном месте обломан, в остальных местах окатан и не имеет заметных следов обработки. Рисунок представляет собой косую решетку из четырех параллельных длинных линий и пересекающих их под небольшим наклоном шести более коротких. Подобные изображения мы встречаем на меловой корке ряда кремневых пластин Хотылевской верхнепалеолитической стоянки [4, с. 155, рис. 6, *1*, *6*, *12*], а также на дубинке из бивня мамонта со стоянки Авдеево [5, с. 221, рис. 25].

Фаунистические остатки (11 костей из ямы, шурф 2) представлены следующими фрагментами костей животных: фрагмент проксимальной части правой лучевой кости взрослого мамонта (Mammuthus primigenius Blum.), неопределимый фрагмент ребра крупного млекопитающего, скол задней части зуба мамонта, фрагмент проксимальной части первого правого ребра молодого мамонта, фрагмент внешней части проксимального эпифиза левой локтевой кости взрослого мамонта, фрагмент одного из средних ребер взрослого мамонта, диафиз левой лучевой кости молодого мамонта, неопределимый фрагмент черепа крупного млекопитающего, неопределимый фрагмент ребра крупного млекопитающего, фрагмент передней части еще не прорезавшегося зуба взрослого мамонта; фрагмент передней части начавшего прорезываться зуба взрослого мамонта.

Определимые фрагменты костей принадлежат по меньшей мере трем особям мамонта, двум молодым и одному взрослому животному. Неопределимые фрагменты костей происходят из скелетов крупных животных и могли принадлежать тем же мамонтам[1].

Данных для культурной атрибуции памятника у нас пока еще очень мало. Для начала попытаемся выделить основные черты кремневого комплекса Зарайской стоянки. Это хорошо развитая техника получения пластин и использование их в качестве основной заготовки для орудий, преобладание резцов над другими типами изделий и, что особенно важно, преобладание срединного типа над прочими типами резцов. По перечисленным признакам и некоторым другим Зарайская стоянка очень близка Карачаровской. Так, на Карачаровской стоянке использован тот

[1] Определение произведено младшим научным сотрудником кафедры зоологии позвоночных МГУ Е. Е. Антипиной

же самый желтовато-коричневый хорошего качества меловой кремень [6, с. 7]. Судя по рисункам [6, с. 8—9], большинство орудий также изготовлено на пластинах. Как и на Зарайской стоянке, здесь преобладающим типом орудий являются резцы [6, с. 10], причем С. Н. Замятнин срединный тип резца выводит в описании на первое место, особо отмечая, что он «имеется в хороших экземплярах» [6, с. 10]. Л. В. Грехова также считает, что в кремневом инвентаре Карачаровской стоянки больше всего угловых и срединных резцов, боковые резцы единичны [7. с. 21], что, как отмечено нами выше, является особенностью комплекса Зарайской стоянки. На Карачаровской стоянке отмечены в нескольких экземплярах пластинки с концом в виде «слегка вогнутой стамески», обработанным довольно крупной ретушью [6, с. 7, рис. 34—36]. Подобное изделие встречено и на Зарайской стоянке, но выполнено оно на удлиненном отщепе (рис. 3, *12*).

На стоянке Костенки I (верхний слой) резцы также являются преобладающим типом орудия, а среди резцов наиболее выразительны многочисленные срединные: «для них обычно использовались лучшие, более правильные, довольно крупные фрагменты пластинок и орудий» [8, с. 264]. Преобладание среди орудий резцов, а также среди различных типов — резцов срединного типа характерно и для стоянки Гагарино [9, с. 78]. Это явление объединяет, как мы видим, Зарайскую стоянку, Карачарово, Костенки I, Гагарино. Близость Карачарова, Костенок I (верхний слой), Гагарино отмечал Замятнин [6, с. 13], а также другие исследователи [7, с. 22]. В целом они входят в круг памятников так называемой Костенковско-Виллендорфской общности [9, с. 156, 157]. Однако среди памятников этой общности наиболее близкими Зарайской стоянке остаются перечисленные выше (Карачарово, Костенки I — верхний слой, Гагарино), т. е. стоянки, расположенные в бассейне Оки и на Дону. Л. В. Грехова, сравнивая материалы Карачарова и Сунгиря с материалами стоянок Костенковско-Боршевского района, приходит к выводу «о тесной связи населения бассейна Нижней Оки и Костенковско-Боршевского района» [7, с. 22]. Эта связь могла осуществляться как раз по р. Осетр (где и расположена Зарайская стоянка), верховья которой почти смыкаются с верховьями Дона. Сравнение инвентаря Зарайской стоянки с инвентарем памятников бассейна Десны такого сходства не дает. Даже в инвентаре наиболее близко расположенной к донским стоянкам территориально и в культурном отношении стоянки Авдеево преобладают не резцы, а пластины со стесанными концами [10, с. 7].

По времени же Зарайская стоянка может оказаться несколько более ранней, чем сопоставляемые с ней памятники. Это будет, вероятно, в случае, если погребенная почва, к низам которой приурочен культурный слой Зарайской стоянки, окажется той же погребенной почвой WII—III, над которой залегают культурные слои стоянок Гагарино, Костенки I — верхний слой, Авдеево [9, с. 157]. Почва, над которой залегают культурные слои этих стоянок, подстилающая последний вюрмский лёсс, образовалась в период теплого брянского интервала, время которого по ряду абсолютных датировок 29 000—25 000 лет назад [11, с. 41]. Такая возможная датировка Зарайской стоянки не противоречит собранным на ней археологическим материалам.

На настоящий момент в Окском бассейне мы имеем всего несколько стоянок и местонахождений верхнепалеолитического времени. Наиболее известны: стоянка Сунгирь, пожалуй, единственный достаточно хорошо изученный памятник в бассейне Оки [12]; стоянка Карачарово с сильно разрозненной по музеям коллекцией (более 200 кремней, большинство из которых — отщепы и пластины) [6, с. 13]; местонахождения Ясаково, Ялтуново Польное, Подсосенка Верхняя с находками артефактов, сопровождаемыми верхнеплейстоценовой фауной [13, с. 65, 66], а также найденная недавно верхнепалеолитическая стоянка Шатрищи [14, с. 85, 86] — кратковременное стойбище. В связи со слабой в общем изученностью верхнего палеолита бассейна Оки решение многих вопросов (например, таких, как плотность заселения Окского бассейна, характер куль-

туры населения этого края, связи с соседними территориями в это время и т. д.) пока затруднительно. Поэтому открытие любой новой стоянки, особенно такой, как Зарайская (по предварительной шурфовке очень перспективной для археологических раскопок), крайне важно для нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сидоров В. В.* Отчет за 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4547.
2. *Трусов А. В.* Отчет за 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7677.
3. *Трусов А. В.* Найдено древнейшее поселение людей в Подмосковье.— За новую жизнь (Зарайск), 1980, 27 сент., № 117 (8979).
4. *Заверняев Ф. М.* Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки.— СА, 1981, № 4.
5. *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.— МИА, 1953, № 39.
6. *Замятнин С. Н.* Карачаровская палеолитическая стоянка.— В кн.: Аспирантский сборник ГАИМК. Вып. 1. Л., 1929.
7. *Грехова Л. В.* Памятники эпохи палеолита и мезолита.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
8. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
9. *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы, Л.: Наука, 1979.
10. *Гвоздовер М. Д.* Авдеевская стоянка и ее место среди других памятников позднего палеолита: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1958.
11. *Серебрянный Л. Р.* Применение радиоуглеродного метода в четвертичной геологии. М.: Наука, 1965.
12. *Бадер О. Н.* Сунгирь верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978.
13. *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР.— МИА, 1960, № 81.
14. *Фоломеев Б. А., Трусов А. В., Гаврилов А. Н.* Работы в бассейне средней Оки.— АО — 1979. М., 1980.

A. V. Trusov

THE ZARAISK UPPER PALAEOLITHIC SITE

Preliminary report

Summary

In the summer of 1980 an Upper Palaeolithic site was discovered at the walls of the 16th-century Kremlin in Zaraisk (Fig. 1). The Palaeolithic cultural layer was found in the covering loam of the 3rd fluvial terrace above flood-plain on the fringe of the high right bank of the Osyotr River. It coincides with the lower stratum of the buried soil which is found at the depth of 1.5-2 m. Three test pits (2×1 m) were sank on the site, which yielded 255 flaked flints and 195 flint scales and small fragments. The complex is characterised by a well developed flaking technology and by implements on blades, by the greater number of burins as compared with other tool types. Burins of the median type predominate (Fig. 3). Of 11 bones submitted for an analysis, eight belong to three mammoths, other are supposed to belong to mammoths as well.

The dating and cultural affiliation of the site are still open to doubt. One can surmise that the newly discovered site is close to such sites as Karacharovo, the upper level of Kostyonki I, Gagarino which belong to the Kostyonki-Willendorf entity. The supposed date of the site is within the warm Briansk interval (W II-III), the period when the soil stratum in the lower part of which the cultural layer is found was formed. According to the latest data the interval is 29000-25000 years old. This does not contradict archaeological materials collected on the site.

ПЕТРИН В. Т.

ПИСАНИЦА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СВЕРДЛОВСКА

Публикация посвящена несколько неожиданной находке древних наскальных рисунков весной 1979 г. на правобережье р. Исети, возле проточного озера Мелкого (в него впадает и вытекает р. Исеть). Скала с изображениями находится на Еловом мысу в 4—5 км на северо-западе от пос. Палкино, известного своими археологическими находками с середины прошлого столетия, и в 20 км от Свердловска. Естественно, эта местность часто посещается людьми, и удивительно, что рисунки до сих пор не были открыты.

Интересно и другое обстоятельство: рисунки обнаружены непосредственно там, где еще до революции Н. А. Рыжниковым (1885 г.), а затем А. Геккелем (1897—1901 гг.), позднее Ю. П. Аргентовским (1906 г.) и в наше время Е. М. Берс (1951—1952 гг.) [1] проводились археологические исследования, давшие обильный вещевой материал различного времени — эпохи бронзы, сарматского времени [2, с. 255]. Рисунки же замечены не были.

Это объясняется тем, что скальные поверхности ориентированы в сторону труднопроходимого болота. Подход к скальному обнажению с рисунками и сейчас затруднен из-за бурелома, мочажин, залитых водой. Кроме того, рисунки расположены на северной стороне, обычно затемненной двухметровым скальным козырьком стены (рис. 1, 2). Мы совершали разведки весной, когда лед и часть снега еще не сошли, что способствовало ровному и сильному освещению обнажения, кроме того, отсутствовали подтеки воды на скале, мешающие рассмотреть рисунки.

Осмотр других скальных обнажений на Еловом мысу привел к открытию фрагментов рисунков еще на одной скале, расположенной в 60 м на юг от первой писаницы. Но поскольку скальная стена в этом случае была обращена на юг и не защищена ни от солнца, ни от дождя, там сохранились лишь сильно выцветшие пятна краски. Это наблюдение интересно в плане оценки соотношения писаниц, сохранившихся до наших дней и исчезнувших. Ведь почти все уральские наскальные рисунки обращены к солнцу, и естественно предположить, что в ряде случаев они были разрушены. Исчезновение рисунков связано также и с естественным осыпанием поверхности скалы от перепада температур и воздействия влаги, попадающей по микротрещинам внутрь породы и при замерзании разрушающей ее.

Нетипичное расположение данной группы рисунков подчеркивается тем, что здесь всего четыре фигуры (не считая небольшого пятна краски левее их), отсутствует столь обычное наложение множества фигур друг на друга (палимпсест), как на многих других уральских писаницах.

Скалы сложены крупнозернистой серой породой в виде матрацевидных блоков и достигают высоты 7—8 м. Иногда одна сторона их вертикальна, но чаще они идут плавными уступами. Скала с рисунками лежит на северо-восточной оконечности Елового мыса, северная сторона ее вертикальна и прикрыта скальным навесом, с юга она более полога. Эта скала ближайшая к оз. Мелкому, она как бы ограничивает ровную площадку возвышенности. На ней хорошо просматриваются раскопы, заложенные, видимо, Ю. П. Аргентовским.

Рисунки, как уже указывалось, нанесены с северной стороны под навесом на высоте около 0,7—1 м над уровнем болота (рис. 2). Цвет крас-

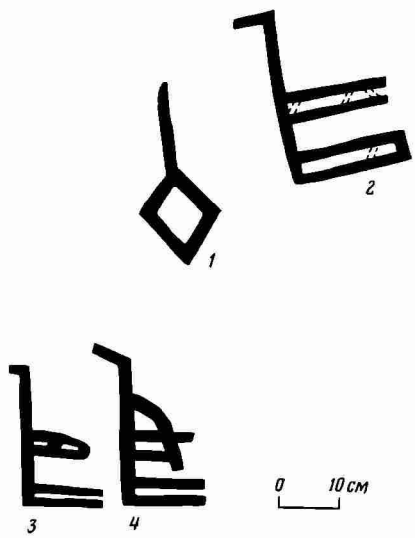


Рис. 1. Изображение писаницы с Елового мыса у оз. Мелкого

ки очень бледный, красноватый. Рисунки видны плохо и только на расстоянии не более 3—4 м, в середине дня (рис. 1).

Самым верхним рисунком является профильное изображение птицы высотой 32 см, нарисованной в спокойном состоянии (плывущей) и слегка наклоненной вперед (рис. 1). Изображение при всей своей схематичности достаточно реалистично, как, впрочем, и все остальные. Линия толщиной 1,5—2,2 см обрисовывает прямоугольное, несколько непропорциональное туловище. Выше двумя горизонтальными параллельными линиями показаны крылья, соединенные очень плохо заметными наклонными черточками, остатками, видимо, зигзагообразной линии. Голова и шея одинаковы по толщине, клюв относительно длинный.

По этому рисунку трудно судить о том, какой конкретно вид птицы изображен, возможно, лебедь. На это как будто указывают и относительно крупные размеры рисунка по сравнению с другими изображениями. Лебедь широко представлен в петроглифах Карелии, а также на сосудах, в частности на орнаментальном фризе сосуда со стоянки Кубенино [3, с. 137]. Левее рисунка имеется фигура в виде ромба с линией, уходящей вверх. Высота рисунка 33 см. Ниже и несколько левее видны изображения двух других птиц высотой соответственно 31 и 29 см, очень похожих на описанную фигуру (рис. 1). Подобрать полные аналогии этим изображениям среди уральских наскальных росписей довольно трудно, хотя рисунки птиц известны на многих писаницах Урала. Обычно птицы изображены с плавными очертаниями туловища, хотя есть и с подтреугольными. Наиболее ярко аналогичный набор фигур представлен на Змиевом камне в композиции охоты на линную птицу [4, табл. XIX,

Рис. 2. Фотография скалы с писаницей

рис. 35—37], там же, но в другой группе [4, табл. XIX, рис. 30] имеются фигуры, отчасти похожие на изображения писаницы у оз. Мелкого. Несколько сходных рисунков есть на камне Двухглазом с р. Нейвы. Особенно близок описываемым рисунок из второй группы изображений на Сокольинских утесах р. Тагил [4, табл. IV]. Такой деталью, как ломаная линия, идущая между прямыми горизонтальными рисунками, писаница у оз. Мелкого сближается с изображениями на Шайтанской писанице на р. Реж. Сразу хочется отметить такую деталь: птицы с прямоугольными очертаниями корпуса, судя по всему, находятся чаще всего в иных композициях, нежели с плавным изображением тела. Возможно, это связано с качественно различными действиями (охота на линную птицу, охота на перелетах, магические действия). Что же касается фигуры 2 на нашей писанице (рис. 1), она вполне может изображать ловчую снасть. Возможно, что это символ более широкого плана, чем непосредственное орудие охоты. В 112 см левее изображения 2 имеется остаток линии высотой 5 см.

Попытаемся разобраться в композиционной взаимосвязи фигур. Чаще всего на уральских писаницах композиции бывают относительно многочисленными. Обычно это связано с многократным использованием скалы для нанесения новых и новых групп рисунков.

Если же рассматривать относительно «чистые» композиции, то они предельно символичны. Это могут быть: а) солнце, небо, звери; б) звери или птица, человек; в) звери или птица, ловушка; г) птица, птица; д) звери и т. д. Наличие трех и более символов встречается значительно реже, чем одинарные и бинарные изображения. Эта бесспорная лаконичность связана с принципиальными чертами мировоззрения, характерного для населения лесной зоны того времени.

Композиция писаницы у оз. Мелкого, видимо, имела в целом охотничье-магическое значение и может быть отнесена ко второму сюжету, по В. Н. Чернецову [5, с. 64—72], хотя и не имеет полной аналогии тем композициям, на основе которых был он выделен. На известных до сего времени писаницах изображение птицы или птиц не сочеталось с фигурой (рис. 1, *1*), которая должна скорее всего быть интерпретирована как ловчее приспособление.

В целом писаница на мысу Еловом не выпадает из круга традиционных сюжетов, характерных для Урала.

Вопрос о датировке писаниц — наименее разработанная тема в громадной проблематике уральских наскальных изображений. Существование традиции рисунка на скалах определяется в широких хронологических пределах — от эпохи мезолита до средневековья [5, с. 108]. Датировка же определенных композиций, сюжетов конкретных писаниц отсутствует. Это в первую очередь связано с тем, что рисунки наносились на одну и ту же скалу длительное время и расчленить их невозможно даже при наличии культурных остатков. А это в свою очередь лишает нас возможности проследить генезис наскальных изображений, выявить закономерности в формировании такого сложного явления, каким, бесспорно, являются уральские рисунки на скалах. Писаницу, обнаруженную на Еловом мысу, можно отнести к редкому типу с «чистыми» комплексами.

Рисунки писаницы имеют много общего с изображениями птиц на керамических сосудах, хорошо известных в северной зоне Восточной Европы и Урала [6], в эпоху неолита, ранней бронзы: таким же образом в виде горизонтальных линий прорисовано туловище птиц, много общего в изображении шеи и головы, они всегда одинаковы по толщине и выполнены в той же манере, что и туловище.

Причины огромного территориального распространения культа птиц не совсем ясны; возможно, достаточным объяснением служит предположение Н. Н. Гуриной о том, что это является отражением не только общности неолитических племен, но и хозяйственно-экономических и культурно-исторических связей древнего населения, обитавшего на смежных территориях [6, с. 45].

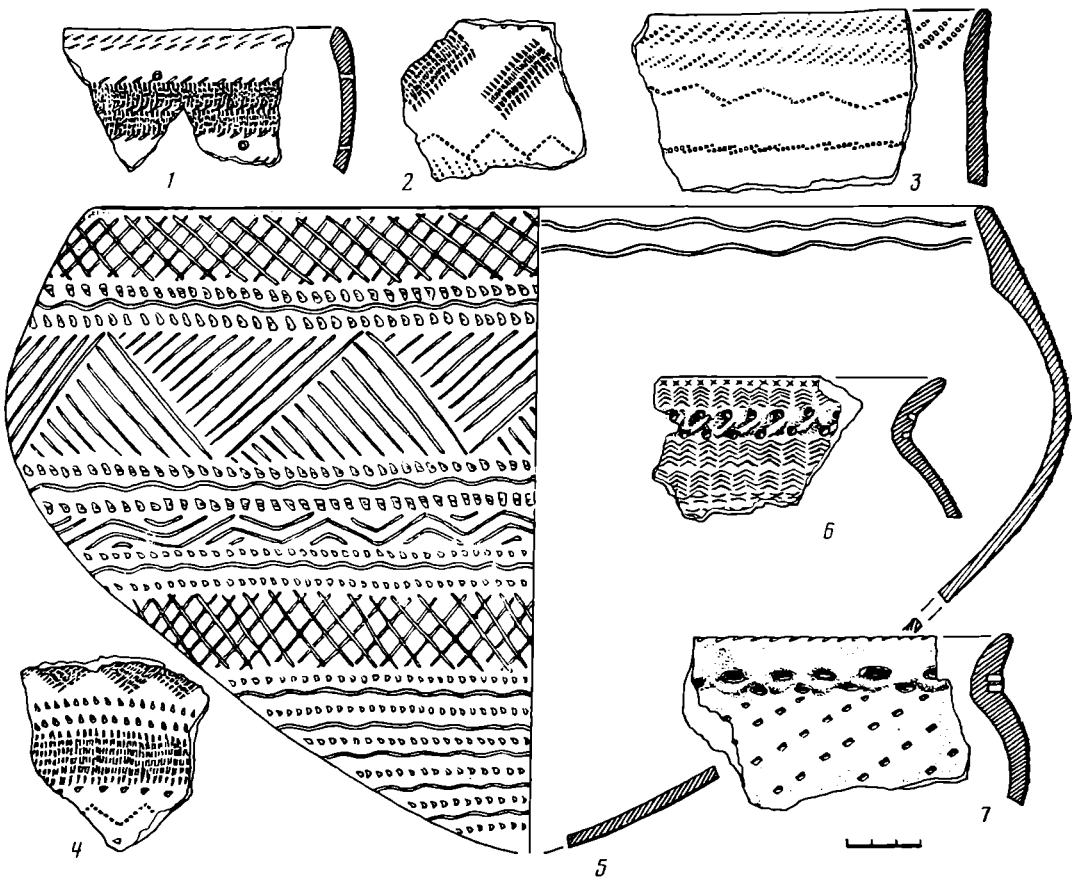


Рис. 3. Фрагменты керамики неолитического и раннебронзового времени с мыса Елового у оз. Мелкого

Культурные остатки, обнаруженные на Еловом мысу в непосредственной близости от скалы с писаницей, датируются эпохой неолита, ранней бронзы и железного века, керамика развитого бронзового века отсутствует. Полученный из раскопа керамический комплекс разделяется на три хронологические группы: керамика переходного периода от раннего к развитому неолиту, керамика ранней бронзы, гамаюно-каменогорская посуда раннего железного века (рис. 3).

Неолитическая керамика представлена фрагментами сосудов яйцевидной формы с прямым венчиком и слабо выраженным наплывом с внутренней стороны верхней части сосуда. Орнамент нанесен по всей поверхности, включая венчик, внутренний наплыв и дно. На внутренней стороне сосуда он представлен двумя прочерченными волнистыми линиями: венчик орнаментирован наклонными вдавлениями палочки. По верхней части сосуда с внешней стороны той же палочкой прочерчена ромбическая сетка, ниже которой идет волнистая прочерченная линия и короткие наклонные вдавления. Далее следует взаимопроникающие заштрихованные треугольники, под которыми под всей нижней частью сосуда следуют ритмично чередующиеся наклонные оттиски палочки и прочерченные той же палочкой волнистые линии (рис. 3).

Керамика эпохи ранней бронзы представлена фрагментами прямостенных сосудов с приостренной шейкой и небольшим наплывом с внутренней стороны. Орнамент, вероятно, покрывал всю внешнюю поверхность сосуда, но с оставлением зон, не заполненных рисунком. Наплыв также орнаментирован. Техника орнаментации исключительно гребенчатая, выполнена наклонными оттисками длинного или короткого штампа по внутренней и внешней стороне сосуда. На некоторых сосудах гребенчатым штампом нанесены горизонтальные зигзаги и, вероятно, заштрихованные ромбы (рис. 3).

Еще одну группу раннебронзовой керамики составляют фрагменты, орнаментированные ложной гребенкой. Последние скорее всего могут быть отнесены к липчинской культуре.

Гамаюно-каменогорская посуда имеет характерную горшечную форму с резко отогнутой наружной шейкой, приостренным венчиком и раздутым туловом. Орнамент типичен для зауральской посуды данного типа. Наиболее характерными чертами являются ямки, расположенные в шахматном порядке при переходе шейки в плечико, кресты на плечике, горизонтальный зигзаг и протащенная гребенка (рис. 3).

Керамический комплекс с Елового мыса, относящийся к первым двум хронологическим группам, имеет большое сходство с сосудами, украшенными рисунками, близкими изображениям на писанице. Учитывая все вышесказанное, полагаем, что писаница может быть отнесена к эпохе неолита или ранней бронзы, к III тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берс Е. М.* Научный отчет по полевым исследованиям Средне-Уральской археологической экспедиции 1952 г.— Архив кафедры археологии УрГУ, ф. II, д. 13, 13а.
2. *Берс Е. М.* Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей.— МИА, 1953, № 21.
3. *Смирнов В. И.* Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино.— КСИИМК, 1941, вып. X.
4. *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. Ч. I.— САИ, 1964, вып. В4-12.
5. *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. Ч. II.— САИ, 1969, В4-12.
6. *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен.— КСИА, 1972, вып. 131.

V. T. Petrin

PETROGLYPH FROM THE VICINITIES OF SVERDLOVSK

Summary

The petroglyph was found near the city of Sverdlovsk, an area well studied by archaeologists. It contains five images, one of them damaged. There are three images of birds and an abstract sign. On the whole, the semantics of the composition is not sufficiently clear though it is evidently connected with hunting subjects. It is very important to note that the petroglyph has its analogies among the ornaments on Neolithic pottery which makes the tentative dating possible. Cultural remains found nearby corroborate the dating. The earliest complex is also dated by the Neolithic which is very important for elaborating periodisation of the Ural petroglyphs.

СИНЮК А. Т., ПОГОРЕЛОВ В. И.

ПАСЕКОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

В 1978 г. экспедицией Воронежского пединститута проведены раскопки четырех курганов в центральной части курганной группы близ станции Пасеково Кантемировского р-на Воронежской обл. [1, 2]. Группа из 11 курганов располагалась на высоком участке водораздела рек Богучарки и Черной Калитвы — правых притоков Дона (рис. 1, *1*). Курганы систематически распахивались, высота их до 1 м. Среди них лишь один выделяется по размерам, его высота до 5 м. Курганы исследовались с помощью бульдозера послойно на снос, все замеры велись от вершины каждой насыпи.

Курган 1. Диаметр 16 м, высота от современной поверхности 0,45 м (рис. 1, *2*). Насыпь состоит из чернозема с глинистыми включениями, материк — глина. Погребенная почва фиксировалась по уровню залегания материкового выкида из основного погребения 2 на глубине 1,15 м, толщина ее 0,25 м. Под насыпью выявлены три погребения.

Погребение 1 (впускное) располагалось в северо-западном секторе, на расстоянии 3 м от центра. Представляло собой остатки катакомбной конструкции с прямоугольной входной шахтой (1,8×1,2 м), вытянутой по линии ЗЮЗ — ВСВ, углубленной в материк на 1 м (рис. 1, *3*). Овальная катакомба устроена под длинной юго-восточной стенкой. Размеры ее 2,15 ×1,4 м. Пол камеры на 0,2 м ниже пола шахты. На полу камеры сохранились следы органической подстилки. Остатков скелета или каких-либо вещей в погребении не обнаружено. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 2 (основное) находилось вблизи центра кургана, несколько смещено к юго-западу. Обширная прямоугольная яма с сильно закругленными углами и с уступом у восточной стенки ориентирована по линии ЮЮЗ—ССВ, длина сторон 2,95×2,15 м, ширина уступа около 0,5 м (рис. 1, *5*). Не исключено, что эта погребальная яма также является остатками катакомбной конструкции, где отмеченный уступ является сохранившейся частью пола шахты. На полу зафиксированы остатки органической подстилки, а также следы охры и меловой подсыпки. Близ восточной стенки найден крупный фрагмент придонной части сосуда — жаровня (рис. 1, *4*). Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 3 (впускное) располагалось в 4,5 м к востоку от центра кургана. Прямоугольная яма ориентирована с запада на восток, размеры ее 1,2 × 0,95 м, углублена в материк на 0,45 м (рис. 1, *6*). Перекрывалась деревянными плахами вдоль длинных сторон. На полу лежали кости ног взрослого человека, судя по расположению которых умерший был погребен в сильно скорченном состоянии на левом боку, головой на восток. В юго-восточном углу ямы стоял глиняный сосуд баночной формы со стянутым верхом и поддоном (рис. 1, *7*). Высота его 13, диаметр верха 15, дна — 9 см. Тесто грубоватое, без видимых примесей, поверхность серо-желтого цвета. По верхней части сосуда нанесен орнамент в виде нарезных горизонтальных линий и вертикальных насечек. Погребение относится к срубной культуре.

Курган 2 располагался в непосредственной близости от предыдущего. Диаметр его 14 м, высота от современной поверхности 0,2 м (рис. 2, *1*).

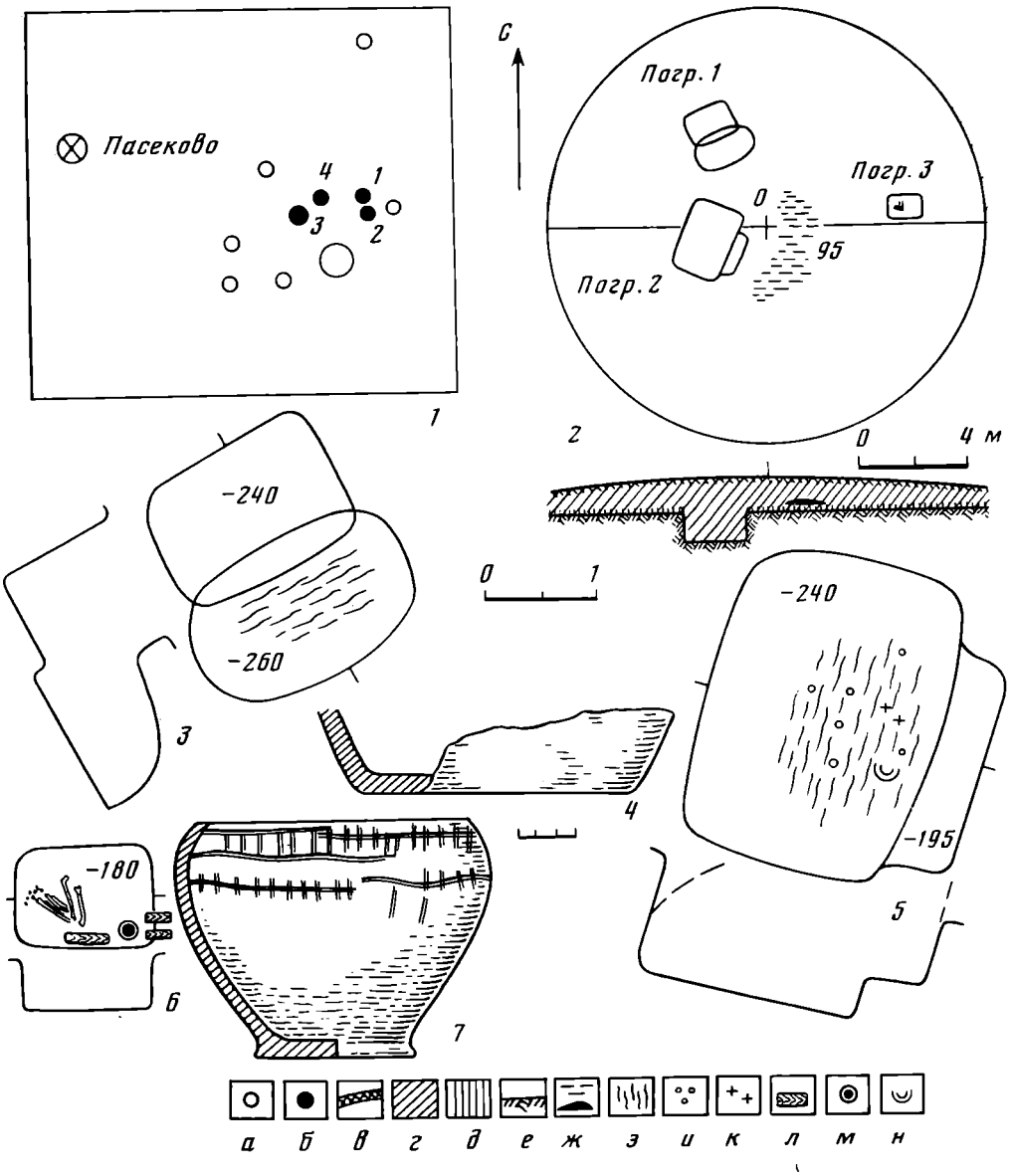


Рис. 1. Пасековский могильник. *1* — глазомерный план; *2* — курган 1; *3* — погр. 1; *4*, *5* — погр. 2; *6*, *7* — погр. 3. *а* — курганы; *б* — исследованные курганы; *в* — пахотный слой; *г* — чернозем; *д* — погребенная почва; *е* — материк; *ж* — могильный выброс; *з* — органическая подстилка; *и* — мел; *к* — охра; *л* — дерево, *м* — сосуд; *н* — жаровня

Насыпь — чернозем, в котором фиксировались кротовины с глинистым заполнением. Толщина погребенной почвы, судя по уровню залегания материкового выкида из ямы основного погребения 4 на глубине 0,66 м, составляла 0,24 м. В кургане выявлены остатки семи погребений.

Погребение 1 (впускное) располагалось на древнем горизонте, на глубине 0,65 м, вблизи от центра, несколько смещено к юго-западу. Вытянутый на спине костяк взрослого человека ориентирован на восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Культурная принадлежность захоронения не определяется.

Погребение 2 (впускное) выявлено в юго-западном секторе кургана, в 4 м от центра, в насыпи на глубине 0,52 м. Представляет собой перезахоронение костей ног и рук взрослого человека, сложенных без анатомического порядка. Рядом находились фрагменты неорнаментированного сосуда баночной формы, судя по которому погребение может быть отнесено к срубной культуре.

Погребение 3 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе кургана, в 3 м от центра. Прямоугольная яма размерами 1,1 × 0,8 м и глубиной

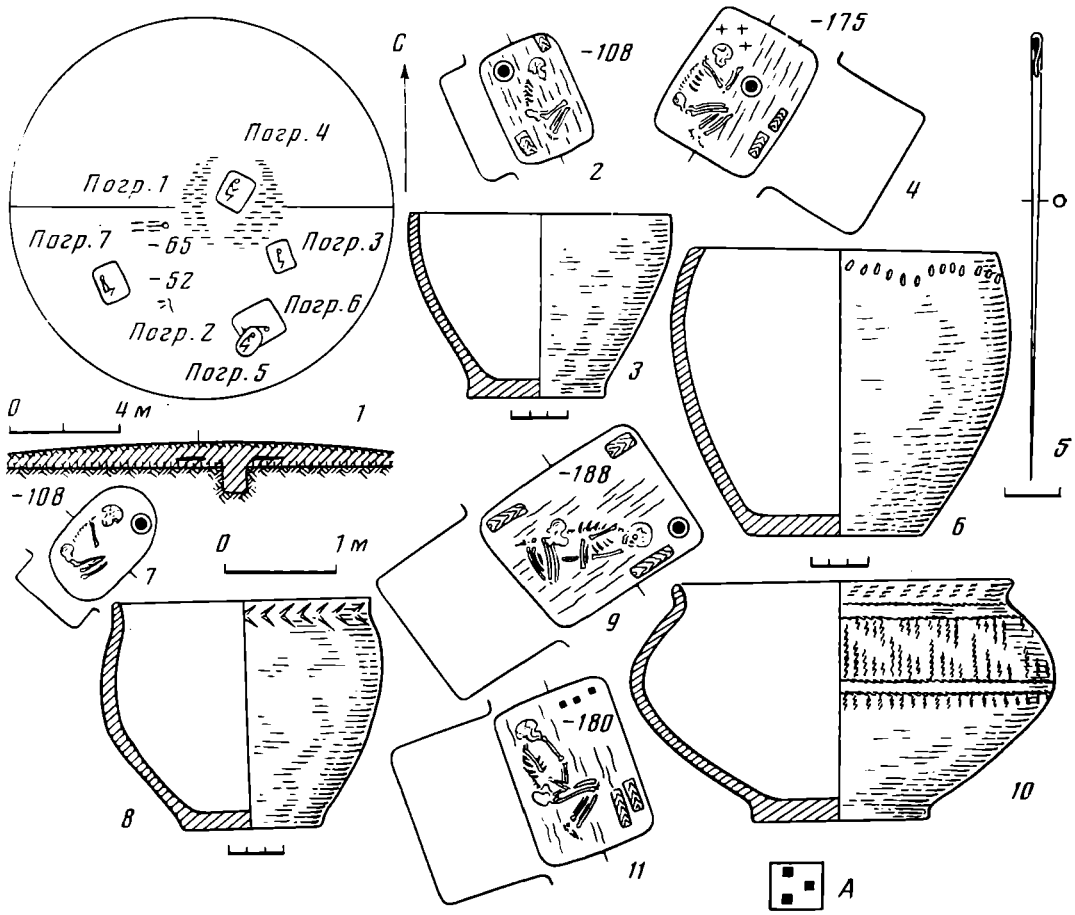


Рис. 2. Пасековский могильник. Курган 2. *1* — план и профиль; *2*, *3* — погр. 3; *4—6* — погр. 4; *7*, *8* — погр. 5; *9*, *10* — погр. 6; *11* — погр. 7. *А* — уголь, остальные усл. обозначения см. рис. 1

в материке 0,28 м ориентирована длинными сторонами по линии ЮЮВ—ССЗ (рис. 2, *2*). В заполнении, вблизи от пола, выявлены остатки деревянных плах, перекрывавших яму вдоль длинных сторон. На полу на органической подстилке находился детский скелет скорченно на левом боку, головой на север. За его головой близ северо-западного угла ямы стоял неорнаментированный сосуд баночной формы с поддоном (рис. 2, *3*). Высота его 10, диаметр верха 14, диаметр дна 7,5 см. Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 4 (основное) выявлено под центром насыпи. Могильная яма с западной и восточной сторон окружена линзами материкового выкида. Яма прямоугольной формы, размерами 1,35 × 1,1 м, ориентирована по линии ЮЮЗ—ССВ, углублена в материк на 0,95 м (рис. 2, *4*) На полу на органической подстилке ближе к северо-западной стенке лежал костяк взрослого человека скорченно на левом боку, головой на север — северо-восток, руки находились перед лицом. Здесь же стоял глиняный сосуд и была бронзовая игла с ушком. Сосуд (рис. 2, *6*) имеет баночную форму. Высота 16, диаметр верха 16,5, дна — 10 см. Тесто плотное, без видимых примесей, поверхность серо-желтого цвета, покрыта мелкой штриховкой. Под верхом сосуда идет горизонтальный ряд из каплевидных вдавлений. Бронзовая игла (рис. 2, *5*) кованая, ушко петлеобразное, кончик «петли» вставлен в специальный паз. В сечении игла круглая, длина ее 8,2 см. Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 5 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе кургана, в 5 м от центра. Овальная яма (1,15 × 0,75 м) углублена в материк на 0,28 м и перекрывает заполнение погребения 6. Ориентирована по

линии ЮЗ—СВ (рис. 2, *7*). В ней находился детский костяк скорченно на левом боку, головой на северо-восток. У черепа стоял глиняный сосуд со слабо профилированным верхом и намеченным поддоном (рис. 2, *8*). Высота его 13, диаметр верха 13,5, диаметр дна 7,7 см. Сосуд грубоватой лепки, поверхности серо-желтого цвета, гладкие. Под венчиком расположен поясок насечек, составленных в елочку. Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 6 (впускное) перекрыто предыдущим погребением. Прямоугольная яма (1,68 × 1,4 м) ориентирована по линии ЮЗ—СВ, углублена в материк на 1,08 м (рис 2, *9*). На полу на органической подстилке лежал костяк мужчины на левом боку скорченно, головой на восток. Правая рука согнута в локте и вытянута вперед, левая располагалась вдоль туловища. В нижней части заполнения ямы находились остатки деревянных плах, перекрывавших ее вдоль. Несколько выше головы, в восточном углу, стоял глиняный сосуд горшковидной формы (рис. 2, *10*) с выделенным венчиком, сильно выпуклыми боками и поддоном. Высота его 13, диаметр верха 18, дна — 10 см. Тесто без примесей, поверхности гладкие, серо-желтого цвета. Орнаментирован сосуд в верхней половине оттисками шнура в виде горизонтальных линий, косых и вертикальных отрезков. Погребение принадлежит срубной культуре.

Погребение 7 (впускное) располагалось в юго-западном секторе, в 3,5 м от центра кургана. Прямоугольная яма размерами 1,55 × 1,1 м, ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ, глубина в материке 1 м (рис. 2, *11*). Стены отвесные, пол ровный. На растительной подстилке близ западной стенки лежал костяк взрослого человека скорченно на левом боку, головой на север—северо-запад. Руки умершего положены между колен. Близ северной стенки выявлены угольки, а вдоль восточной стенки — куски дерева от перекрытия. Погребение относится к срубной культуре.

Таким образом, в исследованном кургане представлена прямая стратиграфия последовательности совершения трех срубных погребений, где сначала было совершено погребение 4, затем погребение 6, которое в свою очередь перекрывалось погребением 5.

Курган 3 располагался в 70 м к западу от кургана 2. Диаметр его 20 м, высота от современной поверхности 0,75 м (рис. 3, *1*). Насыпь — однородный чернозем, включающий линзы материковых выкидов из могильных ям. По уровню залегания ранних выкидов определяется толщина погребенной почвы — 0,3 м (глубина ее залегания 1,4 м), подстилаемой материковой глиной. При изучении расположения материковых выкидов фиксируются интересные конструктивные данные насыпи кургана. Самыми ранними из выявленных восьми погребений являются погребения 1 и 2, выкиды из которых лежат непосредственно на погребенной почве. Над каждым из них в отдельности были сделаны небольшие насыпи диаметрами 5,5 и 6 м, на что указывает форма залегания выкида из погребения 6. После захоронения 6 была сделана подсыпка, объединившая две первоначальные насыпи. Затем, судя по центральному профилю и расположению в нем могильных выкидов, были совершены захоронения 3, 4 и 5. Еще позднее было сделано захоронение 7, с которым связывается последняя подсыпка и оформление современного центра кургана. Наконец, самым последним было совершено погребение 8, которое почти полностью вошло в заполнение предыдущего погребения и фиксировалось лишь по сохранившемуся «уступу» — части пола погребальной ямы.

Погребение 1 (основное в ранней малой насыпи) находилось в юго-западном секторе, в 3,5 м от центра кургана. Окружено кольцом материкового выкида. Овальная яма вытянута по линии ССЗ—ЮЮВ (рис. 3, *2*). Размеры ее 2,2×1,25 м, углублена в материк на 0,9 м. На ровном полу лежал костяк взрослого человека скорченно на спине с легким наклоном вправо, головой на юг—юго-восток. Руки положены на таз. Бедренная кость левой ноги частично обожжена. Вероятно, в левую руку покойному был положен зажженный факел. Рядом с ко-

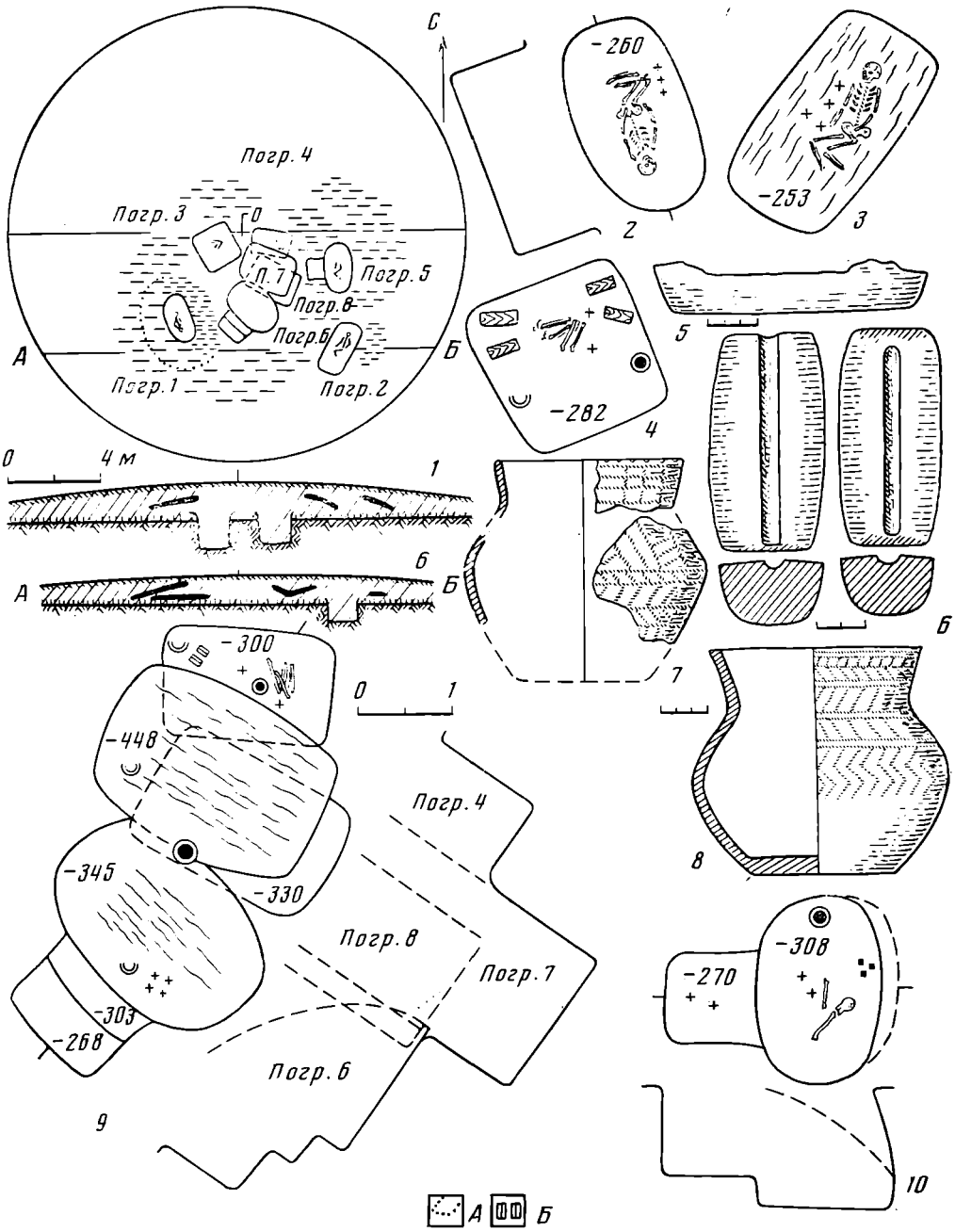


Рис. 3. Пасековский могильник. Курган 3. *1* — план и профиль; *2* — погр. 1; *3* — погр. 2; *4—8* — погр. 3; *9* — погр. 4, 6, 7, 8; *10* — погр. 5. *А* — контуры перекрытого выброса; *Б* — каменные «выпрямители», остальные усл. обозначения см. рис. 1

ленями находился крупный кусок красной охры. Погребение может быть отнесено к ямно-катакомбному времени.

Погребение 2 (основное в другой малой насыпи), как и предыдущее, имеет материковый выкид и находилось под небольшой насыпью. Прямоугольная яма (2,5×1,45 м) с сильно закругленными углами, вытянута по линии ЮЗ—СВ, глубина ее в материке 0,83 м (рис. 3, *3*). На полу на органической подстилке скорченно в полоборота направо лежал костяк взрослого человека. Ориентирован головой на север—северо-восток. Руки слегка согнуты, кисти положены на бедра. Перед умершим, напротив живота, имеется подсыпка охры. Погребение, как и предыдущее, без инвентаря и может быть отнесено к ямно-катакомбному времени.

Погребение 3 (впускное) расположено почти под центром кургана. Квадратная яма (1,82 × 1,8 м) со слегка закругленными углами углублена в материк на 1,12 м (рис. 3, *4*). В заполнении ее встречались

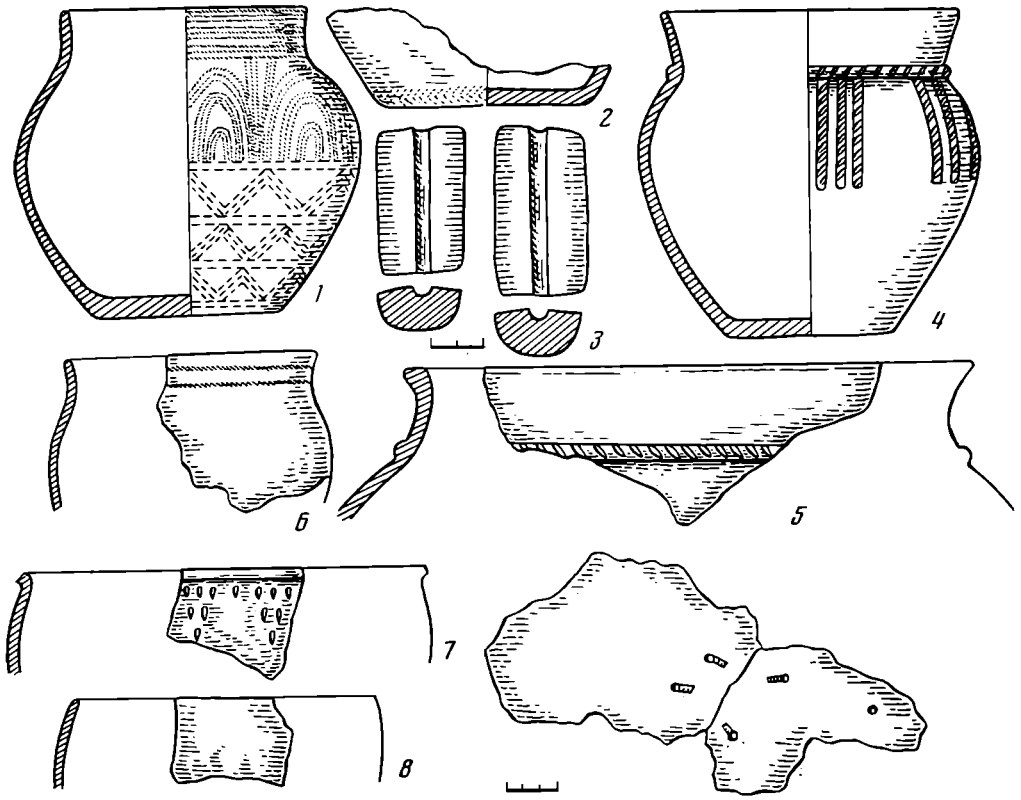


Рис. 4. Пасековский могильник. Курган 3. *1—3* — погр. 4; *4* — погр. 5; *5* — погр. 7; *6* — погр. 6; *7*, *8* — погр. 8

остатки деревянных плах, перекрывавших яму вдоль сторон, ориентированных по линии ЗЮЗ—ВСВ. На полу находился костяк плохой сохранности. По расположению костей ног можно предполагать, что умерший лежал скорченно на правом боку, головой юг—юго-восток, в области ног встречались отдельные вкрапления охры. За спиной умершего, у юго-западной стенки, находилась жаровня, а у противоположной стены — сосуд. Фрагменты еще одного сосуда выявлены в нижней части заполнения ямы. Жаровня (рис. 3, *5*) сделана из придонной части крупного кухонного сосуда с диаметром дна 15 см. Первый сосуд (рис. 3, *8*) имеет горшковидную форму с высоким раструбовидным горлом, раздутым и приземистым туловом. Высота его 15, диаметр верха около 14, диаметр дна 9 см. Тесто плотное, без видимых примесей, цвет поверхностей коричневый. Украшен от верха до середины тулова оттисками шнура в виде горизонтальных двойных и одинарных линий и отрезков, составленных в горизонтальную елочку. Второй сосуд (рис. 3, *7*) восстанавливается графически. Он имеет горшковидную форму, высокий венчик и раздутое тулово. Технологические признаки его аналогичны вышерассмотренному сосуду. Орнаментирован оттисками шнура, образующими горизонтальную елочку и геометрические фигуры. Вероятно, к данному погребению следует относить пару каменных «выпрямителей», найденных в заполнении погребения 7 в кротовине, которая соединяется с погребением 3. Длина «выпрямителей» 9 см (рис. 3, *6*). Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 4 (впускное) располагалось в 0,75 м к востоку от центра кургана. Могильная яма сохранилась лишь частично, значительная ее часть разрушена погребением 7. Тем не менее яма поддается реконструкции (рис. 3, *9*). Она имела прямоугольную форму, ориентирована длинными сторонами по линии запад — восток. Длина ямы 1,85, предполагаемая ширина 1,2 м, углублена в материк на 1,3 м. Ближе к северной стенке лежали кости ног и тлен погребенного. Он был положен скорченно на правый бок, головой на запад. У головы стояла жаровня

и лежали два каменных «выпрямителя». В области живота стоял сосуд, и здесь же фиксировались вкрапления охры. Жаровня (рис. 4, *2*) сделана из придонной части сосуда с диаметром дна 12 см. У перехода к днищу имеется орнамент из оттисков гребенчатого штампа, составленных в горизонтальную елочку. Сосуд (рис. 4, *1*) — горшок с высоким прямым горлом и раздутым туловом, плоским дном. Высота его 18,5, диаметр верха 15, дна — 12 см. Тесто плотное, поверхность светло-коричневого цвета. Орнаментирован по всей поверхности оттисками строенного шнура в виде горизонтальных поясков (по горлу) и полуфестонов (в верхней части тулова), а также оттисками гребенчатого штампа, образующими треугольники. «Выпрямители» (рис. 4, *3*) сделаны из мягкого песчаника, длина их 6 и 7 см. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 5 (впускное) выявлено в 3,5 м к востоку от центра кургана, прорезало выброс из погребения 6. Представляло собой остатки катакомбного сооружения (рис. 3, *10*). Прямоугольная входная шахта в плане фиксировалась частично, ориентирована по сторонам света. Длина стен около 1 м. Пол шахты углублен в материк на 1 м. Овальная камера (2,0×1,5 м) вытянута по линии С—Ю, прирезана к восточной стенке шахты. Пол камеры ниже пола шахты на 0,38 м. Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на север. Руки положены между колен. Напротив груди фиксировались вкрапления охры. Интересно, что бедренная кость погребенного частично была обуглена, т. е. здесь имел место такой же обряд с огнем, какой фиксировался и в погребении 1 этого же кургана. За спиной умершего отмечены отдельные угольки. У головы стоял сосуд (рис. 4, *4*) — горшок с четко отделенным от тулова слегка раструбовидным горлом и плоским дном. Высота его 19,5, диаметр верха 18, дна — 10 см. Технологические признаки его близки сосудам из двух предыдущих погребений. Орнаментирован сосуд налепными валиками, расчлененными косыми насечками. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 6 (впускное) предшествовало сооружению трех предыдущих погребений. Представляло собой остатки сложной катакомбной конструкции со ступенчатым полом входной шахты (рис. 3, *9*). Располагалось в 2 м к югу от центра кургана. Частично было разрушено поздним погребением 8. Шахта прямоугольной формы, размерами 1,0×1,3 м. Овальная камера примыкает к северо-восточной стене шахты, размеры ее 2,5×1,65 м, вытянута по линии СЗ—ЮВ. Глубина в материке первой ступени шахты 0,98, второй — 1,33, пола камеры — 1,75 м. На ровном полу камеры на органической подстилке вблизи от входа находились жаровня и охровая крошка в форме круга — вероятно, лежавшая в деревянной чаше. Следов костяка не обнаружено. Жаровня сделана из верхней части глиняного сосуда с плавно выделенным венчиком (рис. 4, *6*). Диаметр верха около 15 см. По горлу сосуд украшен двумя горизонтальными оттисками шнура. Поверхность темно-серая, тесто плотное. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 7 (впускное) разрушило частично погребение 4. Могильная яма (2,5×1,75 м) ориентирована длинными сторонами по линии ЗСЗ—ВЮВ, углублена в материк на 2,78 м (рис. 3, *9*). На ровном полу сохранились остатки органической подстилки. Близ северо-западной стенки найдена верхняя часть сосуда (рис. 4, *5*) с расчлененным налепным валиком при переходе горла к тулову. Диаметр верха около 34 см. Тесто плотное, без видимых примесей. В нижней части заполнения ямы встречались фрагменты боковин крупного сосуда с отверстиями и кусками бронзовой проволоки в них, скреплявшей сосуд. Не исключено, что эти куски принадлежали тому же сосуду, что и венчик. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 8 (впускное) самое позднее в кургане, перекрыло предыдущее погребение и частично погребение 6. Размеры его можно определить только предположительно — 2,3×1,5 м (рис. 3, *9*). Пол ямы оказался выше перекрытых им ям (1,6 м от уровня материка) и поэтому

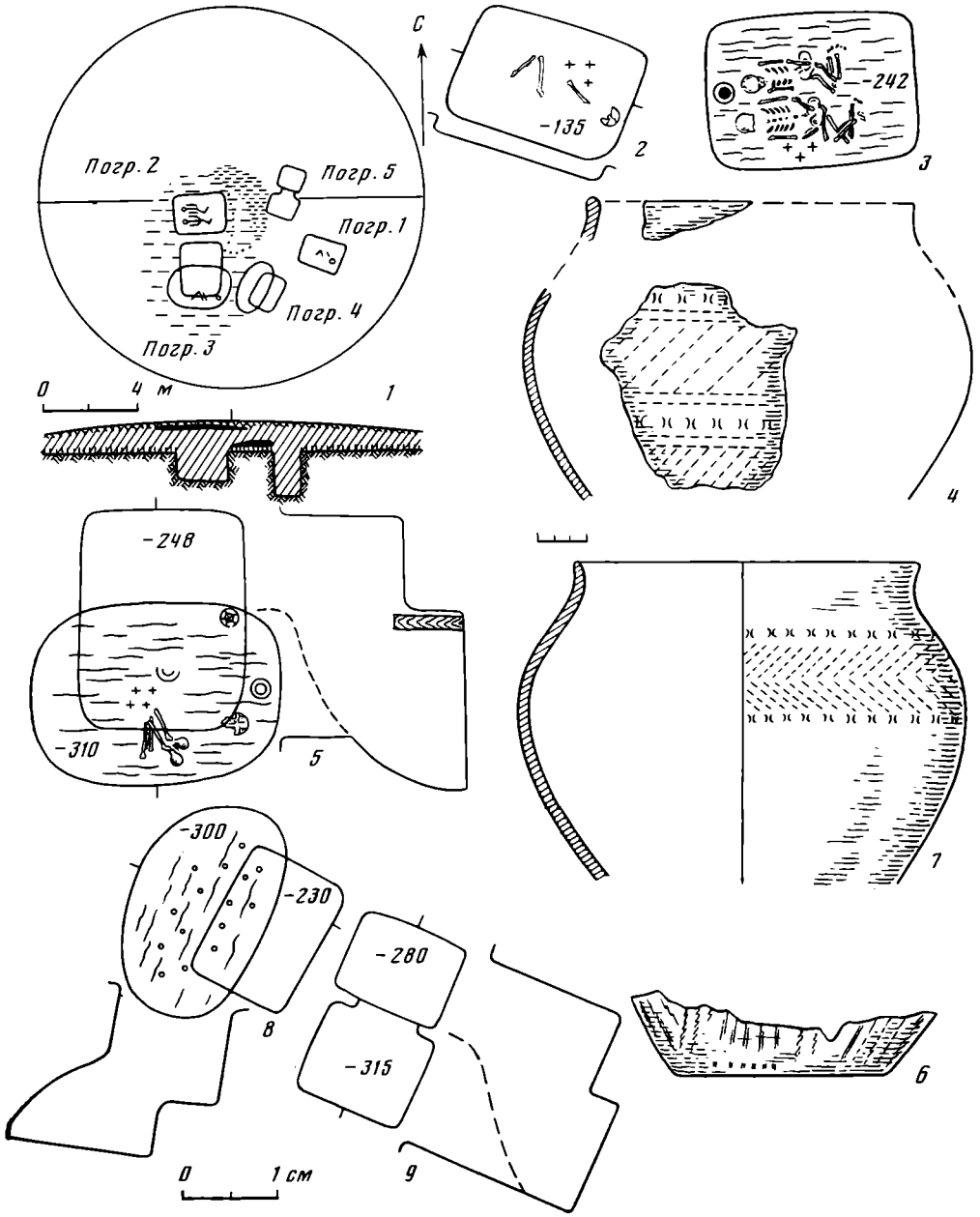


Рис. 5. Пасековский могильник. Курган 4. *1* — план и профиль; *2* — погр. 1; *3*, *4* — погр. 2; *5*—*7* — погр. 3; *8* — погр. 4; *9* — погр. 5. Условные обозначения см. рис. 1

не потревожил последних. Здесь на глубине 3,3 м от верха кургана найдено несколько фрагментов глиняных сосудов. Среди них фрагмент венчика от банки, орнаментированной по верху треугольниками вершинами вниз, составленными из вдавлений (рис. 4, 7), фрагмент неорнаментированной банки со стянутым верхом (рис. 4, *8*) и фрагмент днища с закраиной. Данные материалы позволяют относить рассмотренное погребение к срубной культуре.

Курган 4 располагался в 30 м к северо-востоку от кургана, рассмотренного выше. Диаметр его 16 м, высота от современной поверхности 0,45 м (рис. 5, *1*). Насыпь — однородный чернозем, материк — глина. В насыпи, примерно по центру, выявлены две линзы материковых выкидов, одна из которых залегала сразу под пахотным слоем на глубине 0,25 м, вторая — на глубине 0,75 м. В кургане выявлены остатки пяти погребений.

Погребение 1 (впускное) располагалось в юго-восточном секторе кургана в 4 м от центра. Прямоугольная яма (1,82×1,32 м) ориентиро-

вана длинными сторонами по линии ЗСЗ—ВЮВ (рис. 5, *2*). На ровном полу находились остатки костяка, лежавшего скорченно на правом боку, головой на восток — юго-восток. Перед животом отмечены вкрапления охры. Погребение безынвентарно, но по обрядовым признакам может быть отнесено к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 2 (основное) располагалось почти под центром насыпи с линзой материкового выброса на погребенной почве. Прямоугольная яма (2,15×1,6 м) углублена в материк на 1,18 м (рис. 5, *3*). Ориентирована по линии З—В. На полу на органической подстилке лежали два взрослых костяка скорченно на спине (в полоборота вправо), головами на запад. Правые руки вытянуты, левые слегка согнуты и кисти положены на бедра. Ноги обоих костяков завалились вправо. Скелет женщины или подростка лежал слева от мужского костяка. В головах у них встречены фрагменты от крупного сосуда, положенные в качестве жаровни, а близ правой руки мужского костяка отмечены вкрапления охры. Жаровня (рис. 5, *4*) принадлежала сосуду с небольшим, плавно выходящим из округлого тулова венчиком. Тесто плотное, без видимой примеси, поверхности темно-коричневого цвета. Украшен ниже венчика оттисками «пунктирного» гребенчатого штампа, образующими зоны благодаря рядам пальцевых защипов. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 3 (впускное) окружено кольцом материкового выкида, залегавшим над выбросом из погребения 2. Представляло собой остатки катакомбной конструкции с прямоугольной входной шахтой и овальной камерой. Потолок камеры, вероятнее всего, был сводчатым (рис. 5, *5*). Стены шахты ориентированы по сторонам света, камера сооружена под южной стенкой. Пол камеры ниже пола шахты на 0,62 м. Устье камеры закрывалось вертикальными деревянными столбиками. На полу, близ южной стенки, на остатках органической подстилки лежал плохо сохранившийся взрослый костяк скорченно на правом боку, головой на восток. Близ головы стоял сосуд, а напротив коленей — жаровня. Здесь же отмечены вкрапления охры, Сосуд (рис. 5, *7*) сохранился частично. По форме он аналогичен сосуду из погребения 2. Близки также технологические признаки и орнаментация. Орнаментальный пояс под венчиком составлен из двух рядов оттисков гребенчатого штампа, расположенных в елочку, и двух рядов ногтевых защипов. Жаровня (рис. 5, *6*) представлена придонной частью крупного кухонного сосуда, поверхность которого обработана крупными косовертикальными шнуровидными расчесами. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 4 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе кургана в 3,5 м от центра. Представляло собой остатки катакомбной конструкции с прямоугольной шахтой и овальной камерой (рис. 5, *8*). Размеры шахты 1,5×1,15 м, ориентирована по линии ЮЮЗ—ОСВ. Размеры камеры 2,5×1,4 м, пол ее углублен в материк на 1,8 м, пол шахты — на 1,1 м. В камере отмечены остатки органической подстилки и вкрапления охры. Костяка и каких-либо вещей не обнаружено. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 5 (впускное) располагалось в 1,75 м к востоку от центра кургана. Представляло собой сооружение из двух соединенных прямоугольных ям (рис. 5, *9*). Глубины их 2,8 и 3,15 м. Не исключено, что это остатки катакомбной конструкции. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Таким образом, в исследованных курганах вскрыто 23 погребения, относящихся, за исключением одного (2/1) [1], культурно-хронологическая принадлежность которого не определяется, к эпохе бронзы.

Из них 14 характеризуют специфику погребального обряда среднедонской катакомбной культуры, а 8 могут быть отнесены к срубной культуре Подонья.

---

[1] Здесь и далее числителем обозначается номер кургана, знаменателем — номер погребения.

Погребения среднедонской катакомбной культуры совершены как в прямоугольных ямах, так и в катакомбных конструкциях. Единство основных обрядовых признаков и сопутствующего инвентаря красноречиво свидетельствует о правомерности рассмотрения их в рамках одной культурной принадлежности. Именно в использовании двух видов могильных сооружений заключается своеобразие среднедонской катакомбной культуры, которое вытекает из длительного взаимодействия двух этнокультурных линий — местного докатакомбного населения, главным образом древнеямного, и пришлого катакомбного. Говоря о втором компоненте, слагающем местную культуру эпохи средней бронзы, мы не склонны выводить его только из пределов северско-донецкой катакомбной культуры, хотя определенная доля ее участия в данном процессе безусловна. Но, судя по имеющимся источникам, именно в таком признаке, как устройство катакомб, не прослеживается абсолютных аналогий северско-донецким памятникам, где, как отмечают исследователи [3, с. 31], ведущая форма — Т-образная, совсем не характерная для среднедонских катакомб. Устройство камер под длинной стенкой шахты являлось обычным для предкавказского катакомбного мира [4, 5]. На своеобразное взаимодействие ямных и катакомбных традиций указывают и другие признаки пасековских погребений, в частности встречающиеся безынвентарность, положение скорченно на спине, а также западная ориентировка парного захоронения в яме (4/2), в чем нельзя не увидеть отражение погребального ритуала древнеямного населения [6, с. 45; 7, с. 77, 78]. Но главным образом названная линия преемственности отражается в облике сосудов, о чем будет сказано ниже. В качестве суммарной характеристики пасековских катакомбных погребений отметим наличие органических подстилок — около 60%, охры — 70%, мела — в двух случаях и применение огня — в двух случаях. Безынвентарных погребений более 40%. Следует подчеркнуть нестабильность в ориентировке погребенных в катакомбах, тогда как захоронения в ямах в трех случаях ориентированы в южном направлении, в двух — в западном (в том числе и отмеченное парное захоронение 4/2) и одно (с более выраженными ямными чертами — 3/2) — на север — северо-восток. Стратиграфически ранними являются захоронения в ямах с положением умерших на спине с наклоном вправо (3/1, 3/2, 4/2). Встреченный в одном из погребений этой группы сосуд типологически сопоставляется с материалами павловского (раннего) этапа среднедонской катакомбной культуры, выделенного нами на основании изучения Павловского могильника [8]. В такого типа сосудах еще сильны гончарные традиции ямного населения (слабая профилировка верха, яйцевидность тулова, гребенчатый и защипной элементы орнаментации). Подобные типы сосудов встречаются на широкой территории — там, где обнаруживается взаимодействие древнеямных и катакомбных культурных традиций [3, с. 36—41; 9, с. 55, рис. 9, *3*, *6*, с. 71, рис. 17, *10*; 10 с. 279, рис. 28; 11, с. 409, рис. 35, *2*, *3*, *7*, *10*;12, с. 209, рис. 15, *3*, *6*; 13, с. 14—18; 14, с. 42, рис. 7 и др.]. К рассматриваемой группе погребений хронологически и культурно примыкает захоронение в катакомбе (4/3), где встречен аналогичный сосуд. Далее следует выделить погребения в ямах с положением умерших на правом боку скорченно, ориентированных в южном и западном направлениях, сопоставляющиеся с четвертой обрядовой группой погребений Павловского могильника [8]. Пасековские погребения в ямах, в целом, судя по облику сосудов и наличию каменных «выпрямителей», не выходят за рамки павловского этапа среднедонской катакомбной культуры, хотя отдельные признаки форм сосудов и орнаментальные композиции представляются более развитыми, а в связи с этим могут определять верхнюю его границу. Опираясь на хронологические разработки материалов ямной и катакомбной культур сопредельных территорий [3, с. 129—153; 4, с. 21—22; 6, с. 73—84; 15, с. 28—42], мы склонны определять время павловского этапа от конца III тыс. до н. э. до XVIII—XVII вв. до н. э. Несомненно, более поздним временем (на что указывает и стратиграфия курганов) должны да-

тироваться погребения с сосудами, имеющими налепные валики, представляющие поздний период среднедонской катакомбной культуры. Особенно это относится к погребению 7 (в яме) кургана 3.

Погребения срубной культуры, за исключением одного перезахоронения в насыпи (2/2), совершены в прямоугольных ямах. Во всех фиксируемых случаях умершие располагались на левом боку. В двух случаях ориентировка их не установлена (2/2, 3/8), в одном случае погребенный ориентирован на восток (1/3), в остальных — в северном направлении с отклонением к западу или востоку. Органическая подстилка зафиксирована в четырех погребениях (2/3, 2/4, 2/6, 2/7), в одном — охра (2/4) и уголь также в одном (2/7). Дерево от перекрытия ям выявлено в пяти погребениях (1/3, 2/3, 2/4, 2/6, 2/7). Во всех случаях оно располагалось вдоль ям. Одно захоронение без инвентаря (2/1). Стратиграфически более ранними являются погребения 2/4 и 2/6. Именно им присущи и наиболее архаичные черты — подсыпка охры (2/4) и шнуровая орнаментация керамики (2/6). По обрядовым признакам они сопоставляются с пятым стратиграфическим горизонтом Бережновских курганных могильников [16, с. 30, 31, рис. 2], выделенным Н. К. Качаловой в бережновский (ранний) этап срубных древностей Нижнего Поволжья [17, с. 60], который, по ее мнению, хронологически предшествует покровскому [18, с. 77]. Остальные захоронения могут быть соотнесены с шестым (более поздним) стратиграфическим горизонтом бережновских погребений [16, с. 30, 31, рис. 2], который Н. К. Качалова отождествляет с покровским этапом срубной культуры Нижнего Поволжья [17, с. 60], исключая из последнего группу погребений Покровского могильника с абашевскими чертами [18, с. 171].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синюк А. Т.* Отчет к Открытому листу № 239 о раскопках курганов в Павловском и Кантемировском районах Воронежской области в 1978 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7286.
2. *Синюк А. Т., Килейников В. В., Погорелов В. И.* Раскопки в Воронежской области.— АО — 1978. М., 1979.
3. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
4. *Фисенко В. А.* О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Учебное пособие по курсу истории СССР. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966.
5. *Синицын И. В.* Древние памятники восточного Маныча. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978.
6. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
7. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. М.: Наука, 1974.
8. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
9. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.
10. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское.— МИА, 1959, № 60.
11. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
12. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
13. *Васильев И. Б.* Полтавкинские памятники Среднего Поволжья и некоторые вопросы формирования срубной общности.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья (Науч. тр. КГПИ, 1978, т. 221). Куйбышев, 1978.
14. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы.— В кн.: Древняя история Поволжья (Науч. тр. КГПИ, т. 230). Куйбышев, 1979.
15. *Фисенко В. А.* Племена ямной культуры Юго-Востока. Учебное пособие по курсу «Основы археологии». Саратов. Изд-во Сарат. ун-та, 1970.
16. *Качалова Н. К.* Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников.— АСГЭ, 1979, вып. XX.
17. *Качалова Н. К.* Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
18. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, № 3.

A. T. Sinyuk, V. I. Pogorelov

THE PASEKOVO MOUND BURIAL GROUND OF THE BRONZE EPOCH OF THE MIDDLE DON

Summary

In 1978 an expedition of the Voronezh Teachers' Training College studied four central mounds of the group of eleven mounds at Pasekovo, Kantemirovskya District, Voronezh Region, on the right bank of the middle Don. It discovered 23 burials of the Bronze epoch, 14 of them are related to the middle Don catacomb-grave culture, 8 — to the timber-grave culture, one is not determined either chronologically or culturally. The burials of the middle Don catacomb — grave culture were made both in catacomb constructions and in rectangular pits which illustrate different development stages. The stratigraphically earlier ones can be compared with the Pavlovka (earlier) stage of the middle Don catacomb — grave culture (late 3rd millennium — 18th — 17th centuries B. C.) according to the burial rite (crouched burials on the back or on the right side, mainly south — oriented) and industry (clay pottery with comb and cord ornaments and stone «straighteners»). The second group of burials containing coil-built pottery relates to the later periods of the same culture. One of the groups of the timber-grave burials can be correlated with the Berezhnovka stage of the timber-grave antiquities of the lower Volga, while another—with the Pokrovka stage.

СОРОКИНА И. А.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В НИЖНЕМ ПРИКУБАНЬЕ

Изучение археологических памятников Прикубанья ведется уже давно, однако некоторые периоды истории края все еще недостаточно освещены. Прежде всего это касается памятников эпохи поздней бронзы.

В 1951 г. А. А. Иессеном на основании изучения металлических изделий был выделен прикубанский очаг металлообработки и датирован I тыс. до н. э. [1]. В последующие годы исследователи [2, с. 51, 81, рис. 7; 3, с. 139; 4, с. 71 и др.] писали об этом явлении как о «прикубанской культуре», не рассматривая ее специально, хотя не были определены какие-либо другие (кроме металла) признаки, необходимые при выделении археологической культуры (обряд, керамика, поселения и проч.[1]).

Впоследствии также не было сделано попыток провести такую работу. В настоящее время правомерность выделения прикубанской культуры подвергается справедливому сомнению [5, с. 37]. В данной статье нет места для рассмотрения всех проблем, связанных с этим вопросом. Отметим только, что А. А. Иессеном была четко очерчена лишь южная граница прикубанского очага, в который включалось Закубанье. Что происходило к северу от этой территории, оставалось неясным вследствие недостаточной изученности края. Тем более интересно вернуться к этому теперь, когда получен новый материал по эпохе поздней бронзы.

Вторая попытка определить характер позднебронзовых памятников Прикубанья связана с гипотезой о продвижении племен срубной культурно-исторической общности. Влияние и даже проникновение носителей степных культур в Предкавказье в эпоху бронзы исследователи давно отмечали на материалах таких памятников, как Мекенские курганы [6, с. 67, 68; 7, с. 46], курганы у г. Моздок [8, с. 242—246], селище кобанской культуры Алхасте в Ассинском ущелье [9, с. 165], курганы у с. Манас [10, с. 180—193], Усть-Джегутинский и Суворовский могильники [3, с. 133] и т. д.[2] А. А. Иерусалимская в свое время отметила 70 погребений и находок, свидетельствующих, по ее мнению, о продвижении племен срубной культуры в Предкавказье вплоть до р. Зеленчук [12, с. 47]. В работах В. А. Сафронова [13, 14] речь идет уже о «срубной экспансии» [13, с. 114, 123]. Согласно его точке зрения, этот процесс имел место как в Прикубанье, так и в Калмыкии. Относительно Калмыкии существует, однако, противоположная точка зрения, высказанная И. В. Синицыным, У. Э. Эрдниевым [15, с. 8; 16, с. 100—101], В. А. Фисенко [17, с. 13], В. П. Шиловым[3]. Очевидно, гипотеза о «срубной экспансии» в Прикубанье также нуждается в проверке.

Еще одна точка зрения высказана Э. С. Шарафутдиновой, которая не только отмечает присутствие племен срубной культуры в Прикубанье, но и полагает, что эта территория могла явиться местом сложения кобяковской культуры, которая либо переместилась отсюда на Нижний Дон, либо существовала и здесь и там одновременно [18, с. 76].

---

[1] А. А. Иессен упоминает, что ему известно около 20 погребений, но не рассматривает их [1, с. 76].

[2] Исследователи пишут о влиянии элементов степных культур и роли их в сложении культур эпохи поздней бронзы Кавказа — прикубанской, кобанской и каякентско-хорочоевской [4, с. 71; 11, с. 7, 62].

[3] Доклад «О так называемой экспансии срубных племен в Калмыцкие степи» был прочитан В. П. Шиловым на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР 19 февраля 1981 г.

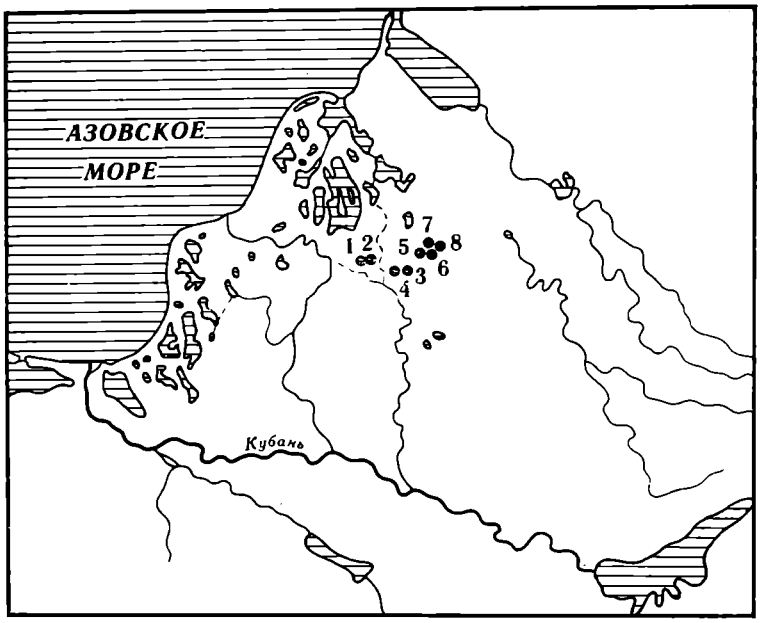


Рис. 1. Памятники, раскопанные Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР в 1979—1981 гг.: *1* — Лебеди I; *2* — Лебеди II; *3* — Ново-Николаевский I; *4* — Ново-Николаевский II; *5* — Греки I; *6* — Греки II; *7* — Греки III; *8* — Малаи I

Как видно, вопрос об эпохе поздней бронзы Прикубанья стоит очень остро. Цель настоящей работы — не только ввести в научный оборот новый материал, но и попытаться внести ясность в некоторые аспекты проблемы.

Три сезона, с 1979 по 1981 г., Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР раскапывался ряд курганных могильников в Калининском районе Краснодарского края: у станицы Ново-Николаевской, хуторов Греки, Малаи и Лебеди (Лебеди I и II, Ново-Николаевские I и II, Греки I—III, Малаи I; рис. 1). В результате была открыта серия захоронений, относящихся к эпохе поздней бронзы. Всего их 38 (учитываются те, сохранность которых позволяет проследить детали обряда, а также имеющие характерную керамику — см. табл. 1, рис. 2, 3). Все они впущены в курганы эпохи ранней и средней бронзы (основными являлись погребения новотитаровского типа и катакомбной культуры), стратиграфически составляют следующий пласт. В кургане встречается от одного до пяти подобных погребений[4]. Высота курганов различна: от 0,3 до 2 м. Глубина погребений от вершины кургана — от 0,4 до 1,3 м. Подавляющее большинство погребений находится в южной поле кургана (24), 8 — в северной поле и 6 — в центре. При этом следует учесть общую тенденцию к расположению в центральной части кургана раскопанных в названных могильниках погребений эпохи бронзы. Сохранность погребений различная, в основном средняя, но поза, как правило, восстанавливается точно. Погребения совершены в насыпи кургана, редко заходят в погребенную почву, еще реже в материк. Яма прослежена частично в двух случаях, полностью также в двух случаях, но у самого дна, так что видна только форма. Прослеженные ямы подпрямоугольны или имеют неправильную форму, ориентированы по линии В—З (ЮВВ—СЗЗ) в одном случае С—Ю (первоначально, видимо была квадратной, погребенный лежал по диагонали, головой на северо-восток). В остальных случаях погребенные лежали по длинной оси ямы.

В инвентаре погребений керамика: один или два сосуда перед лицом или грудью погребенного, в ряде случаев — на костях ног (что, видимо, свидетельствует о малых размерах ямы).

[4] Однако далеко не каждый курган эпохи бронзы содержит подобные погребения. Из 43 раскопанных курганов они встретились в 24.

№ п.п.	Памятник	Курган	Погребение	Расположение в секторе кургана					Прослежена яма	Охра
				центр	СВ	ЮВ	ЮЗ	СЗ		
1	Лебеди I	1	5	–	–	–	+	–	–	–
2	То же	3	4	–	–	+	–	–	+	–
3	»	3	11	–	–	–	+	–	–	–
4	»	4	10	–	–	+	–	–	–	–
5	»	5	2	–	–	–	+	–	–	–
6	»	5	8	–	–	+	–	–	–	–
7	»	5	16	+	–	–	–	–	+	–
8	»	6	4	+	–	–	–	–	–	–
9	»	8	13	–	–	+	–	–	–	–
10	Ново-Николаевский I	1	9	–	–	–	+	–	–	–
11	То же	1	26	–	–	–	–	+	–	–
12	Ново-Николаевский II	3	3	+	–	–	–	–	–	–
13	Лебеди II	1	8	–	–	–	–	+	–	–
14	То же	2	6	–	–	+	–	–	+	–
15	»	8	3	–	–	–	+	–	–	–
16	Греки I	1	11	–	–	–	+	–	–	–
17	То же	2	49	–	–	–	+	–	–	–
18	»	2	74	–	+	–	–	–	–	–
19	Греки II	1	1	–	–	–	+	–	–	–
20	То же	1	7	–	+	–	–	–	–	+
21	»	2	1	+	–	–	–	–	–	–
22	»	3	2	+	–	–	–	–	–	–
23	Греки III	1	2	–	+	–	–	–	–	–
24	То же	1	4	–	+	–	–	–	–	–
25	»	2	2	–	+	–	–	–	–	–
26	Малаи I	1	4	–	–	+	–	–	–	–
27	То же	4	1	–	–	–	+	–	–	–
28	»	6	56	–	–	–	+	–	–	–
29	»	7	4	–	–	–	+	–	–	–
30	»	8	2	–	–	–	+	–	–	–
31	»	8	3	–	–	+	–	–	–	–
32	»	8	4	–	–	–	+	–	–	–
33	»	10	1	–	–	–	–	+	–	–
34	»	10	11	–	–	–	+	–	–	–
35	»	11	1	–	–	–	+	–	–	–
36	»	11	2	–	–	–	+	–	–	–
37	»	11	5	–	–	–	+	–	–	–
38	»	9	3	+	–	–	–	–	+	–

Керамика обнаружена в 25 погребениях (рис. 4—6). Сосуды небольшие, тулово слегка раздутое с выраженным или сглаженным ребром, которое может располагаться как в верхней, так и в средней части тулова (рис. 4). Венчик чуть отогнут или, реже, вертикальный, край его округлен. У дна почти всегда небольшая закраина. Орнамент отсутствует. Исключение составляют 2 экз.: сосуд из погребения 56 кургана 6 могильника Малаи I, на плечиках которого имеется орнамент в виде треугольников, наколотых полой трубочкой (рис. 4, *5*), а также небольшой баночный сосуд из погребения 1 кургана 1 могильника Греки II (рис. 4, *9*; 6). Металл, за исключением одного невыразительного фрагмента бронзового предмета (Лебеди I, кург. 3, погр. 4) отсутствует. В том же захоронении найдено пряслице, сделанное из эпифиза кости животного.

Признаки, характеризующие погребения эпохи поздней бронзы в Прикубанье (табл. 1), сходны с признаками, характерными для позднесрубных погребений Поволжья, Украины, Нижнего Подонья — наиболее близкой к Прикубанью территории, заселенной срубными племенами. Есть, однако, и особенности. Если у донских племен подавляющее число погребенных лежит на левом боку, а положение на правом составляет редкое исключение, то в данном случае это, видимо, не играло такой роли: погребенных клали как на левый, так и на правый бок (40% от общего числа).

Таблица 1

бронзы Нижнего Прикубанья

Органическое вещество	Поза		Правая рука, кисть у лица	Левая рука, кисть у лица	Стопы сведены	Степень скорченности, °	
	на левом боку	на правом боку				угол А	угол Б
–	+	–	+	+	+	56	30
–	–	+	+	+	+	70	40
–	–	+	+	+	+	20	10
–	–	+	+	+	+	?	?
–	+	–	+	+	+	90	32
–	–	+	+	+	+	33	15
–	+	–	+	+	+	30	28
–	?	?	?	?	?	?	?
–	–	+	+	+	+	57	10
–	+	–	+	+	+	20	10
–	+	–	+	+	+	40	10
–	–	+	+				
–	+	–	+	+	+	40	15
–	–	+	+	+	+	53	27
–	+	–	+	+	+	40	20
–	+	–	+		+	51	20
–	+	–	+	+	+	65	32
–	–	+	+	+	+	90	20
–	+	–	+	+	–	90	5
+	+	–	+	+	?	?	?
–	+	–	+	+	+	40	32
–	–	+	+	+	+	47	10
–	+	–	+	+	?	54	35
–	–	+	+	+	–	50	12
–	+	–	+	+	+	36	26
–	–	+	+	+	+	27	12
–	+	–	+	+	+	20	10
–	+	–	?	?	+	?	?
–	–	+	+	+	+	10	10
–	–	+	+	+	+	20	10
–	–	+	+	+	+	20	10
–	–	+	+	+	+	45	25
–	+	–	+	+	?	30	10
–	+	–	+	+	+	42	22
–	+	–	?	+	+	40	5
–	+	–	+	+	–	38	10
–	+	–	+	+	+	60	5
+	–	+	+	+	+	30	10

Была сделана попытка выяснить, однородна ли исследуемая группа погребений по обряду, для чего был использован известный алгоритм классификации, предложенный Я. А. Шером [19]. Погребения попарно сравнивались, и определялся коэффициент сходства по формуле [5]

$$F_{AB} = \frac{S^2}{KL} \cdot$$

На следующем этапе была поставлена задача — выяснить, как взаимодействуют признаки, которыми описаны погребения. Вычислялся коэффициент ассоциации для качественных признаков по формуле [20, с. 76; 21] [6]

$$r_A = \frac{ad - bc}{\sqrt{[(a+b)(c+d)(a+c)(b+d)]}} \cdot$$

[5] K — количество признаков, которыми описан объект A; L — количество признаков, которыми описан объект B; S — количество признаков, общих для двух объектов. F колеблется от нуля до единицы и тем ближе к ней, чем больше сходства между объектами. Расчеты проводились на ЭВМ, что очень облегчило задачу.

[6] a — случаи, когда присутствуют оба признака; b — случай, когда есть признак 2, но нет признака 1; c — есть признак 1, но нет признака 2; d — нет ни того, ни другого признака. Значения a, b, c, d распределяются по клеткам четырехпольной таблицы. r колеблется от +1 до —1; «плюс» появляется, когда $ad > bc$; «минус», — когда $ad < bc$; 0 — если $ad = bc$.

№ п.п.	Ориентировка	Возраст	Пол	Направление лицевой части черепа	Кости животных	Костяные изделия
1	В	Подросток	–	ЮВ	+	–
2	СВ	Взрослый	м	З	+	+
3	В	»	м	С	+	–
4	СВВ	»	м	?	–	–
5	СВВ	»	м	Ю	–	–
6	В	»	?	С	–	–
7	В	»	м	Ю	–	–
8	?	–	–	?	–	–
9	В	Подросток	–	С	–	–
10	ЮВВ	Ребенок	–	Ю	–	–
11	С	–	–	В	–	–
12	ЮВ	Взрослый	?	С	–	–
13	В	»	?	Ю	+	–
14	В	»	?	С	–	–
15	ЮВ	»	?	ЮЮЗ	–	–
16	В	»	–	?	–	–
17	З	»	м	С	–	–
18	ЮЮВ	»	ж?	В	–	–
19	В	»	?	?	–	–
20	В	»	?	Ю	–	–
21	В	»	?	Ю	+	–
22	В	»	?	С	–	–
23	В	»	м?	Ю	–	–
24	В	»	ж?	С	–	–
25	В	»	?	Ю	–	–
26	В	»	ж?	С	–	–
27	В	Ребенок	–	ЮЗ	–	–
28	В	»	–	Ю	–	–
29	В	Взрослый	ж	Ю	–	–
30	В	»	ж	С	–	–
31	СВ	»	ж?	СЗ	–	–
32	В	»	м	С	–	–
33	В	»	м	Ю	–	–
34	ЮЗЗ	–	–	?	–	–
35	СВ	Взрослый	м?	Ю	–	–
36	В	»	м?	Ю	–	–
37	В	–	–	?	–	–
38	В	Взрослый	м?	С	+	–

Примечание. Угол А — угол между позвоночником и бедренными костями. Угол Б — угол
ния антропологического материала из раскопок Северо-Кавказской экспедиции выполнены

Для сравнения была взята равная по численности группа погребений из тех же могильников, совершенных по обряду эпохи средней бронзы. Сравнение показало, что погребения эпохи поздней бронзы имеют следующие признаки, резко отличающие их от контрольной группы: положение рук перед лицом, острый угол в тазобедренном суставе, восточная (северо-восточная) ориентировка. Эти признаки и будут диагностическими[7]. Выделение их может оказаться особенно важным при исследовании безынвентарных погребений в насыпи (культурная принадлежность их может быть определена только на основании черт обряда), а также погребений плохой сохранности с неполным набором признаков. В целом использование ЭВМ на столь малой выборке имело и дополнительную цель — отработка программы, по которой в дальнейшем может быть исследовано любое количество погребений.

Можно утверждать, что погребения, о которых идет речь, единообразны по обряду, основные черты которого: сильно скорченное положе-

[7] В принципе наблюдение не ново. Эти признаки интуитивно учитываются при определении культурной принадлежности, так что в данном случае мы даем лишь более точное тому обоснование. Но в иные моменты, можно, видимо, выделить признаки, закономерность распределения которых выявить, опираясь на интуицию, гораздо труднее.

Окончание таблицы 1

Металл	Положение сосуда					
	перед лицом	перед грудью	в головах	за спиной	у колен	на ногах
–	–	+	–	–	–	–
+	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	–	+	–	–	–	–
–	+	–	–	–	–	–
–	+	+	–	–	–	–
–	–	+	–	–	–	–
–	–	+	–	–	–	–
–	+	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	+	–	–
–	–	+	–	–	–	–
–	–	–	–	–	+	–
–	–	–	–	–	–	–
–	+	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	+	–	–	–	–	–
–	–	+	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	+	–	–	+	–	–
–	–	+	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	+	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	+	–	–
–	–	+	–	–	–	–
–	+	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	+	+
–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	+	–
–	+	+	–	–	–	–
–	+	–	–	–	–	–
–	–	+	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
–	–	+	–	–	–	–

между бедренными и берцовыми костями [35, с. 209, с. 216, рис. 1]. Половозрастные определе- Г. П. Романовой.

ние на левом или правом боку головой на восток (северо-восток), лицом соответственно к югу или северу, руки перед лицом или грудью. В случае, если имелся сосуд, он также находился, как правило, перед лицом или перед грудью (положение у колен при сильно скорченной позе в конечном итоге сводится к положению перед грудью, так как колени к ней подтянуты). О форме могильного сооружения судить трудно в силу плохой сохранности, но в прослеженных случаях, по-видимому, были простые ямы. К тому же подобные погребения часто встречаются почти под почвенным слоем, где другая форма вряд ли возможна. Около 70 совершенно аналогичных погребений дали раскопки других экспедиций, работавших в Нижнем Прикубанье. В то же время имеется небольшое количество погребений, не вписывающихся в основную массу по некоторым признакам (например, по ориентировке — табл. 1, № 10, 16, 17, 33), но вместе с тем и не связанные между собой, т. е. не составляющие отдельной группы. В этом отношении интересно погребение 3 из кургана 9 могильника Малаи I (рис. 7), не имеющее отличий в позе и ориентировке, но содержащее подстилки и остатки дерева[8]. Подобные исключения следует, вероятно рассматривать отдельно.

[8] Сосуд из этого погребения имеет небольшой выступ (рис. 7, *3*).

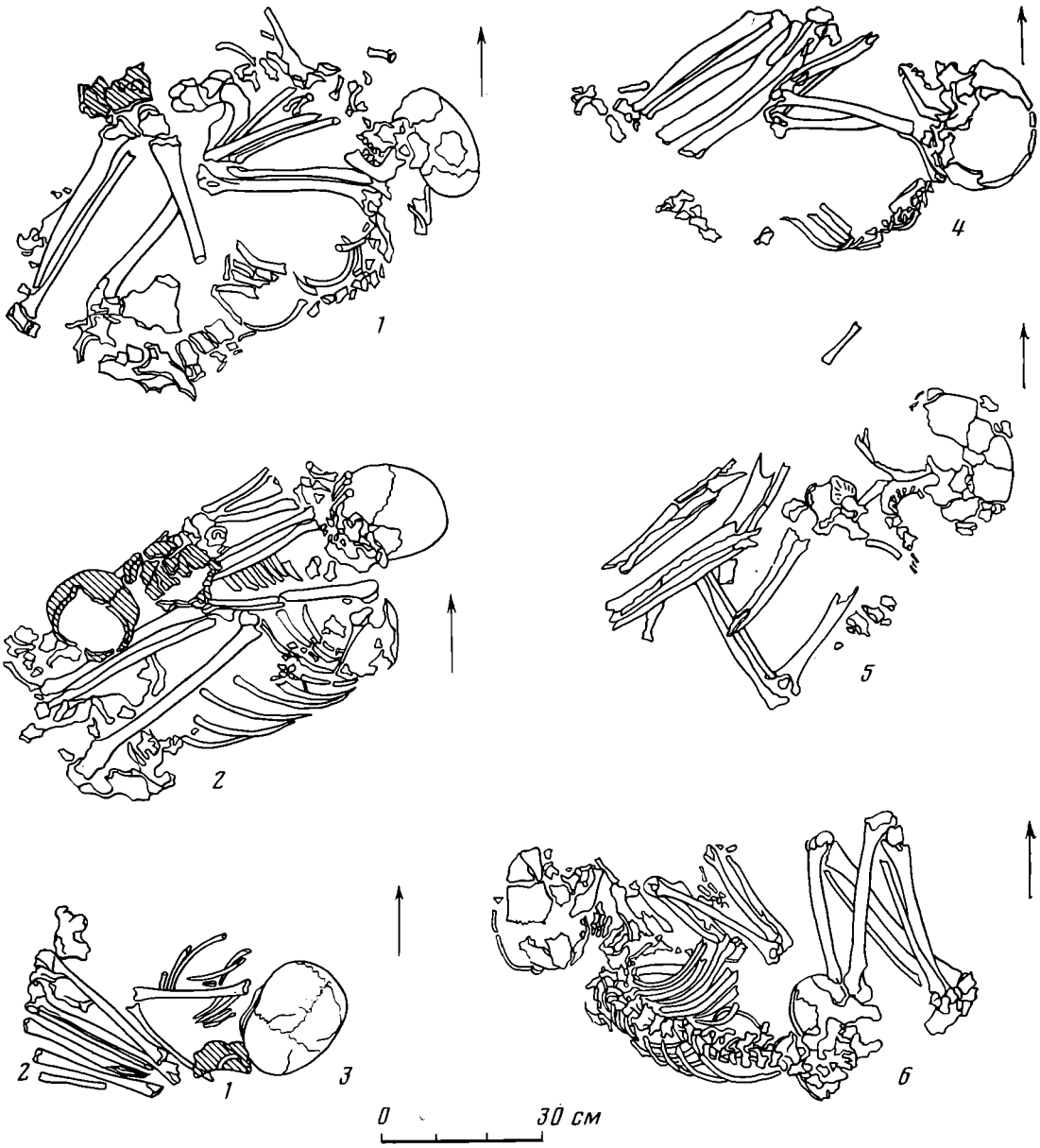


Рис. 2. Могильник Малая I: *1* — кург. 8, погр. 4; *2* — кург. 7, погр. 4 (*1, 2* — сосуды); *3* — кург. 4, погр. 1 (*1* — сосуд); *4* — кург. 8, погр. 3; *5* — кург 8, погр. 2. Могильник Греки I: *6* — кург. 2, погр. 49; *8* — кург. 1, погр. 11 (*1* — сосуд). Могильник Лебеди I: *7* — кург. 5, погр. 8; *9* — кург. 5, погр. 16 (*1* — сосуд)

Выше уже говорилось о несомненном сходстве описанных погребений с позднесрубными на других территориях. Во всяком случае ясно, что никакой особой группы погребений поздней бронзы, которая могла бы принадлежать другой культурной традиции (например, прикубанской культуре), наметить нельзя, по крайней мере при современном состоянии изученности края. Не противоречит этому выводу и анализ инвентаря — керамики. Подобные сосуды представлены в Нижнем Подонье [22, табл. XI, *5*; 23, 24], на Украине [25, с. 45, рис. 2, с. 56, рис. 6, с. 61, рис. 8, с. 64, рис. 10; 26, с. 51, рис. 14, *3*, с. 54, рис. 17, *4*, с. 52, рис. 15, *7*]. В Поволжье более распространены классические срубные формы керамики, но есть посуда такого типа и там [27, рис. 63, *2*, 65, *2*, 61, *2*, 69, *1*]. По-видимому, подобная керамика распространяется в позднесрубный период. От раннесрубной она отличается пропорциями, отогнутостью венчика, наличием закраины у дна, отсутствием орнамента. Интересно, что с Нижнего Дона происходит группа сосудов, орнаментированная подобно раннесрубным, но по форме более близкая прикубан-

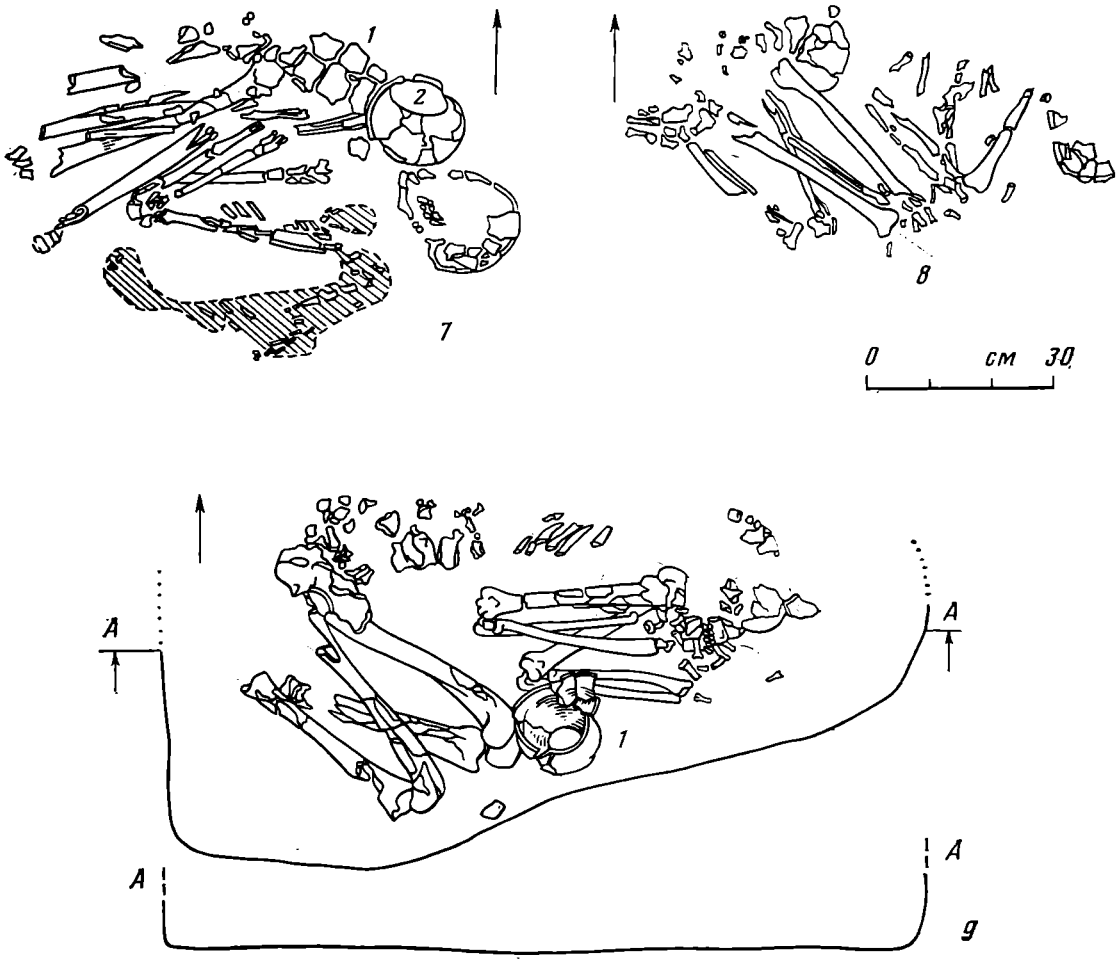
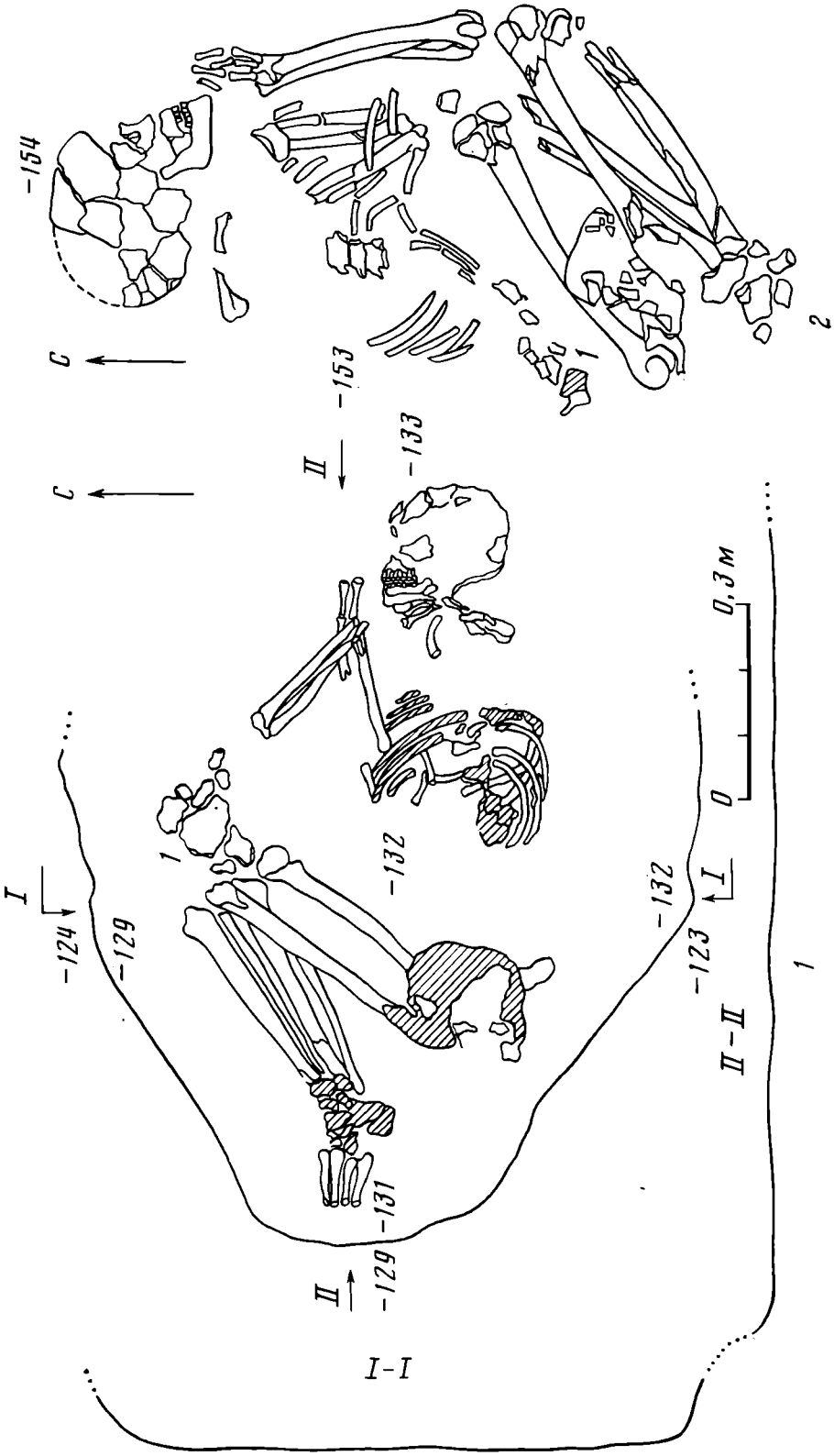


Рис. 2 (продолженпе)

ским [22, табл. VIII, *4*, *7* табл. XI, *10*]. Они составляют как бы промежуточное звено. При этом в Нижнем Подонье хорошо известны сосуды типично раннесрубного облика. В Прикубанье они практически не встречаются. Лишь уже упоминавшийся сосуд из могильника Малаи I (рис. 4, *5*) несколько напоминает донские. Примечательно также небольшое (всего 4 из 29 горшков) количество баночных форм, обычно хорошо представленных в позднесрубных памятниках. В этом, очевидно, следует видеть местную особенность.

Все сказанное выше приводит нас к выводу о том, что раскопанные погребения принадлежат носителям срубной культуры позднего этапа ее развития. Исходя из этого следует определять их дату. Появление их отражает процесс проникновения степных культур в Прикубанье, который представляется исследователями следующим образом: в середине II тыс. до н. э. под воздействием срубных племен, двинувшихся из Поволжья на запад, в области, занятые катакомбными племенами, последние были вынуждены переместиться южнее [3, с. 138; 4, с. 69—71; 10, с. 88]. По В. А. Сафронову, носители срубной культуры появились на Северском Донце и Среднем Дону в первой половине XIII в. до н. э., а в XIII—XII вв. уже имела место «сплошная экспансия» племен срубной культуры в Предкавказье [13, с. 172—173]. А. А. Иерусалимская датировала этот период истории срубных племен XII—XIII вв. до н. э. [12, с. 47], А. Л. Нечитайло [3, с. 133, 134] определяет верхнюю дату верхнекубанского варианта предкавказской катакомбной культуры XIV в. до н. э. (к XIV—XIII вв. до н. э. она относит найденное в кургане 4 Суворовского могильника захоронение, которое считает раннесрубным). К концу II тыс. до н. э. Е. И. Крупнов отнес появление срубных элементов в Северной Осетии [11, с. 62, 64, 70, рис. 27].



-154
-153
-133
-132
-132
-131
-129
-129
-124
-123
C
C
II
II
I
I
II-II
I-I
0
0,3 м
1
1
2

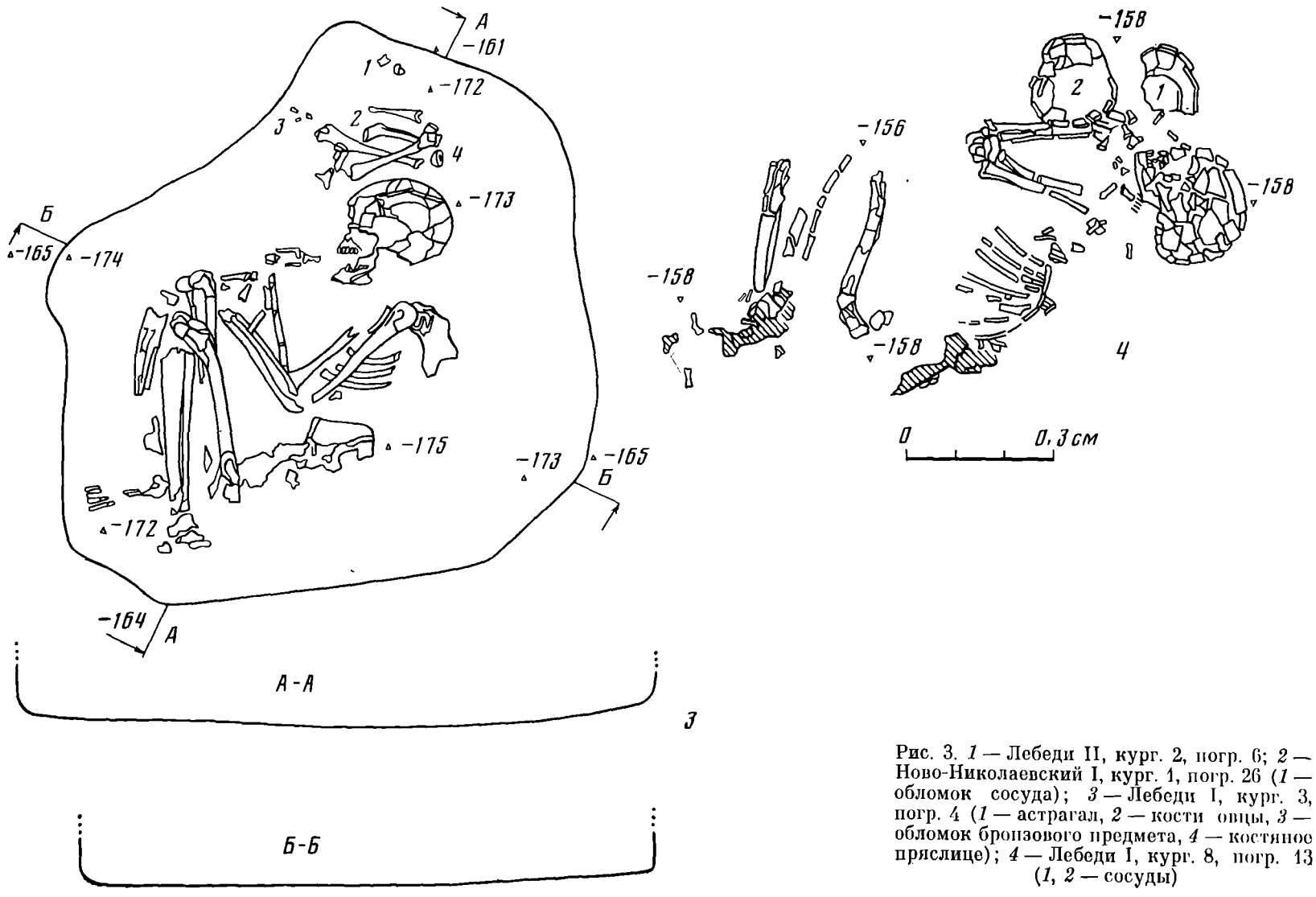


Рис. 3. *1* — Лебеди II, кург. 2, погр. 6; *2* — Ново-Николаевский I, кург. 1, погр. 26 (*1* — обломок сосуда); *3* — Лебеди I, кург. 3, погр. 4 (*1* — астрагал, *2* — кости овцы, *3* — обломок бронзового предмета, *4* — костяное пряслице); *4* — Лебеди I, кург. 8, погр. 13 (*1*, *2* — сосуды)

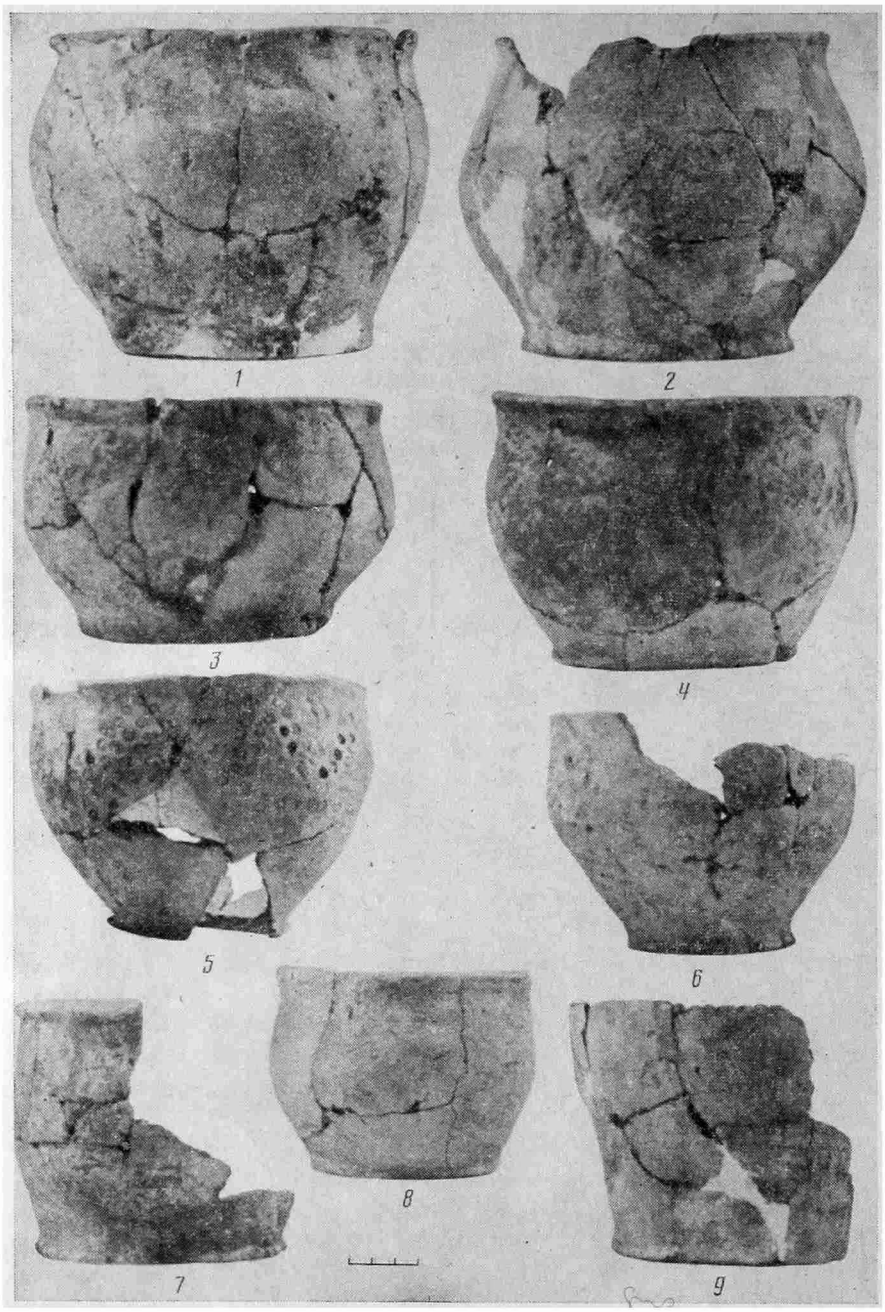


Рис. 4. Керамика из погребений. Малаи I: *1*, *2* — кург. 7, погр. 4; *3*, *4* — кург. 10, погр. 1; *5* — кург. 6, погр. 5б; *6* — кург. 11, погр. 1. Греки II: *7* — кург. 3, погр. 2; *8* — кург. 2, погр. 1; *9* — кург. 1, погр. 1

Поскольку наиболее близкая к Прикубанью территория, заселенная срубными племенами,— Нижний Дон, вполне вероятно, что форма погребального обряда, присущая раскопанным захоронениям, появилась именно оттуда [28, с. 199]. Вместе с тем обращает на себя внимание и тот факт, что наибольшее количество аналогий керамическому инвентарю происходит с Украины. Срубная культура Нижнего Подонья пока изучена недостаточно, но, по-видимому, можно говорить о том, что описанные черты погребального обряда и характерная керамика, имеющие массу аналогий в синхронных памятниках на всей территории срубной культурно-исторической общности, бытуют там в XIII—XII вв. [29, с. 152]. Учитывая наличие раннесрубной керамики, вероятно, следует, первое появление племен срубной культуры на Дону датировать более ранним временем — XIV в. до н. э. Исследователи полагают, что это могло произойти и в середине II тыс. до н. э. [22, с. 86]. Основная

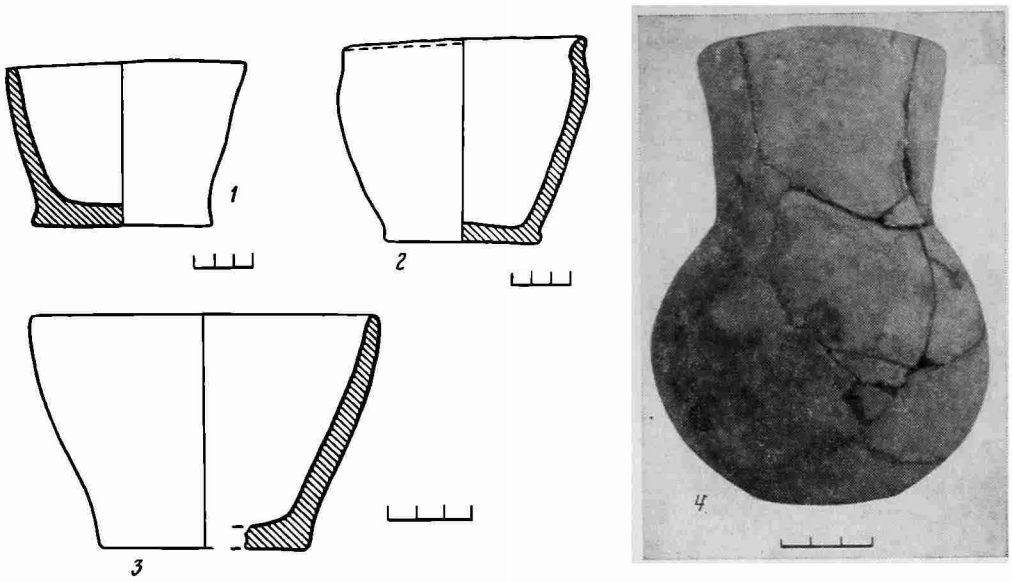


Рис. 5. Керамика из погребений. *1* — Ново-Николаевский II, кург. 3, погр. 3; *2* — Лебеди I, кург. 8, погр. 13; *3* — Лебеди I, кург. 6, погр. 4; *4* — Греки I, кург. 2, погр. 74

же масса погребений, подобных найденным в Прикубанье, составляет компактную однородную группу и относится к сабатиновскому этапу (XIII—XII вв. до н. э.). Логично предположить, что этим же временем датируются и кубанские захоронения. Аналогии донским и прикубанским сосудам также находятся в памятниках сабатиновского этапа [30, с. 14, 15].

Итак, погребальный обряд, присущий племенам срубной культуры, появился в Прикубанье вслед за катакомбным [3, с. 133; 10, с. 88] и, очевидно, связан с продвижением на юг ее носителей. Возникает вопрос о масштабах этого продвижения. По сравнению с Нижним Подоньем, где срубные погребения есть почти в каждом кургане, возведенном в эпоху бронзы[9], и к тому же в насыпях часто встречаются горшки срубного облика, происходящие, по-видимому, из разрушенных погребений, раскопки в Прикубанье дали немного срубного материала[10], т. е. о широком распространении здесь племен срубной культуры говорить не приходится, хотя известное проникновение, безусловно, имело место[11].

Но если срубное население столь немногочисленно, то возникает вопрос, как объяснить этот факт. Возможно, он свидетельствует о том, что плотность населения в эпоху поздней бронзы действительно была невелика (на первый взгляд даже кажется, что меньше, чем в предшествующий период), либо следует предположить, что срубное население сосуществовало с катакомбным. Вторая идея не нова. В свое время М. И. Артамонов, работая на Маныче, пришел к выводу о том, что развитие культуры катакомбных племен в этом районе не было прервано вторжением срубных племен [31, с. 336]. Аналогичное мнение относительно Нижнего и Среднего Дона и Калмыкии высказали А. А. Иессен [32, с. 34], П. Д. Либеров [33, с. 109], В. А. Фисенко [17, с. 13]. Согласно такой точке зрения, катакомбные памятники в Предкавказье,

[9] Эта закономерность, по нашим наблюдениям, распространяется на большинство раскопанных на левобережье Нижнего Дона курганов эпохи бронзы.

[10] Выше говорилось о распределении позднебронзовых погребений в курганах, раскопанных Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР. Такую же примерно картину дают и работы других экспедиций.

[11] В. А. Сафронов, говоря о сплошной экспансии, приводит очень малое число погребений из Прикубанья: семь из Усть-Джегутинского могильника, три из Суворовского (раскопки А. Л. Нечитайло), погребение из кургана 2 у с. Адыге-Хабль [13, с. 123]. Если прибавить к этому материалы из раскопок самого В. А. Сафронова, а также других экспедиций, в том числе Северо-Кавказской ИА АН СССР, то на все Прикубанье получается менее 150 погребений, в то время как на гораздо меньшем по площади участке Донского левобережья, в низовьях Сала и Маныча, их известно более 300.

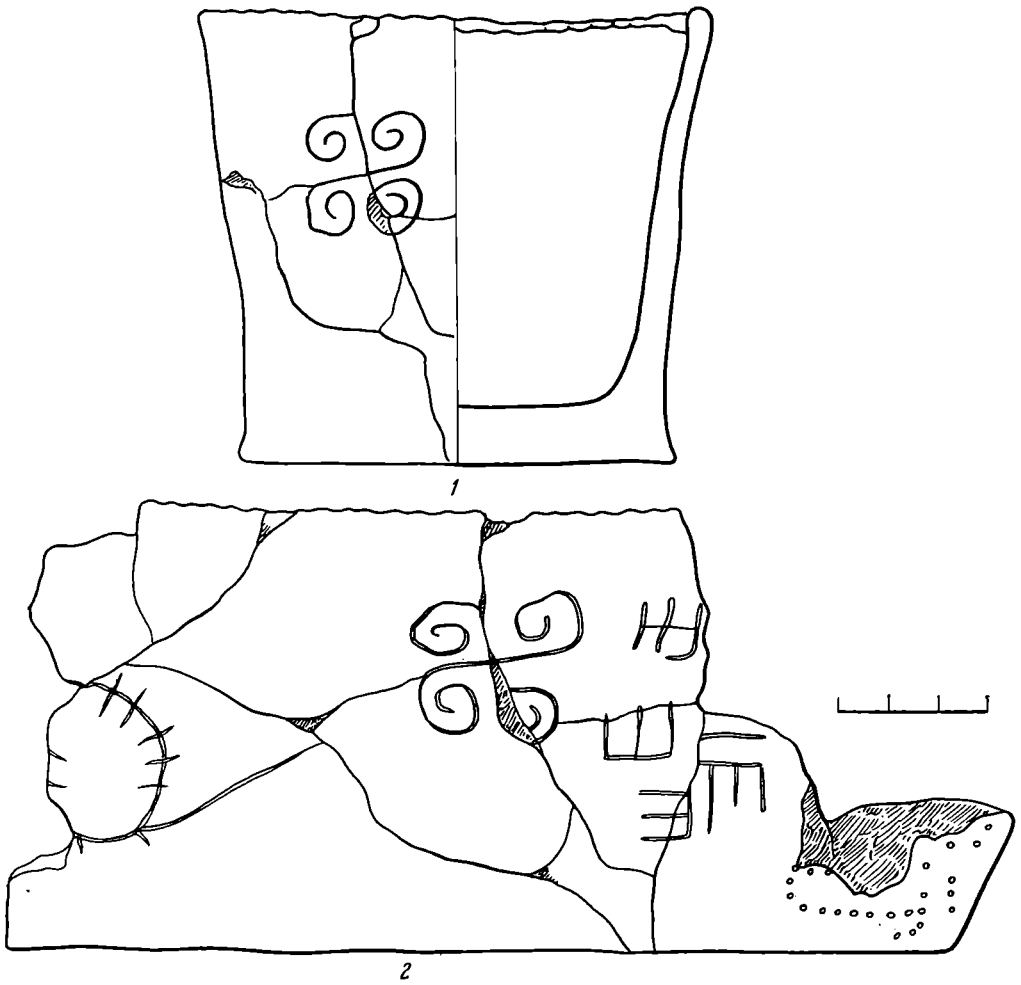


Рис. 6. *1* — сосуд из могильника Греки II, кург. 1, погр. 1, реконструкция; *2* — развертка орнамента

на Нижнем и Среднем Дону продолжают бытовать во второй половине II тыс. до н. э., т. е. прикубанские и донские племена срубной культуры какое-то время сосуществуют с катакомбными на позднем этапе их развития. В отношении Нижнего Дона это едва ли так, поскольку работы 60—80-х годов дали огромное количество материала, относящегося к срубной культуре и свидетельствующего о достаточно широком ее распространении [22, с. 86], что подтверждает мнение А. А. Иерусалимской [12, с. 43] и Т. Б. Поповой [34, с. 9] о вытеснении катакомбных племен. Что же касается более южных территорий, в том числе Прикубанья, вопрос пока остается открытым.

Таким образом, по нашим наблюдениям, племена срубной культуры не были широко распространены в Прикубанье, хотя проникновение срубного населения определенно имело место. На основании единства черт обряда и близости территорий представляется, что оно шло с Нижнего Дона. Вместе с тем видно, что рассмотренные погребения составляют единственный тип погребений эпохи поздней бронзы на данной территории и никакие своеобразные явления, могущие послужить основой для выделения особой культуры, помимо срубной, не выявляются. Но поскольку Прикубанье — далекая периферия срубной культурно-исторической общности, имеется некоторое своеобразие обряда, проявляющееся в неустойчивости положения на левом или правом боку, и типа сосудов, мало представленного на Дону (еще меньше в Поволжье) и довольно явственно оторвавшегося от классических срубных форм, которые широко известны в погребениях с аналогичным обрядом в Поволжье и на Дону и почти полностью отсутствуют в Прикубанье (имеются в виду как баноч-

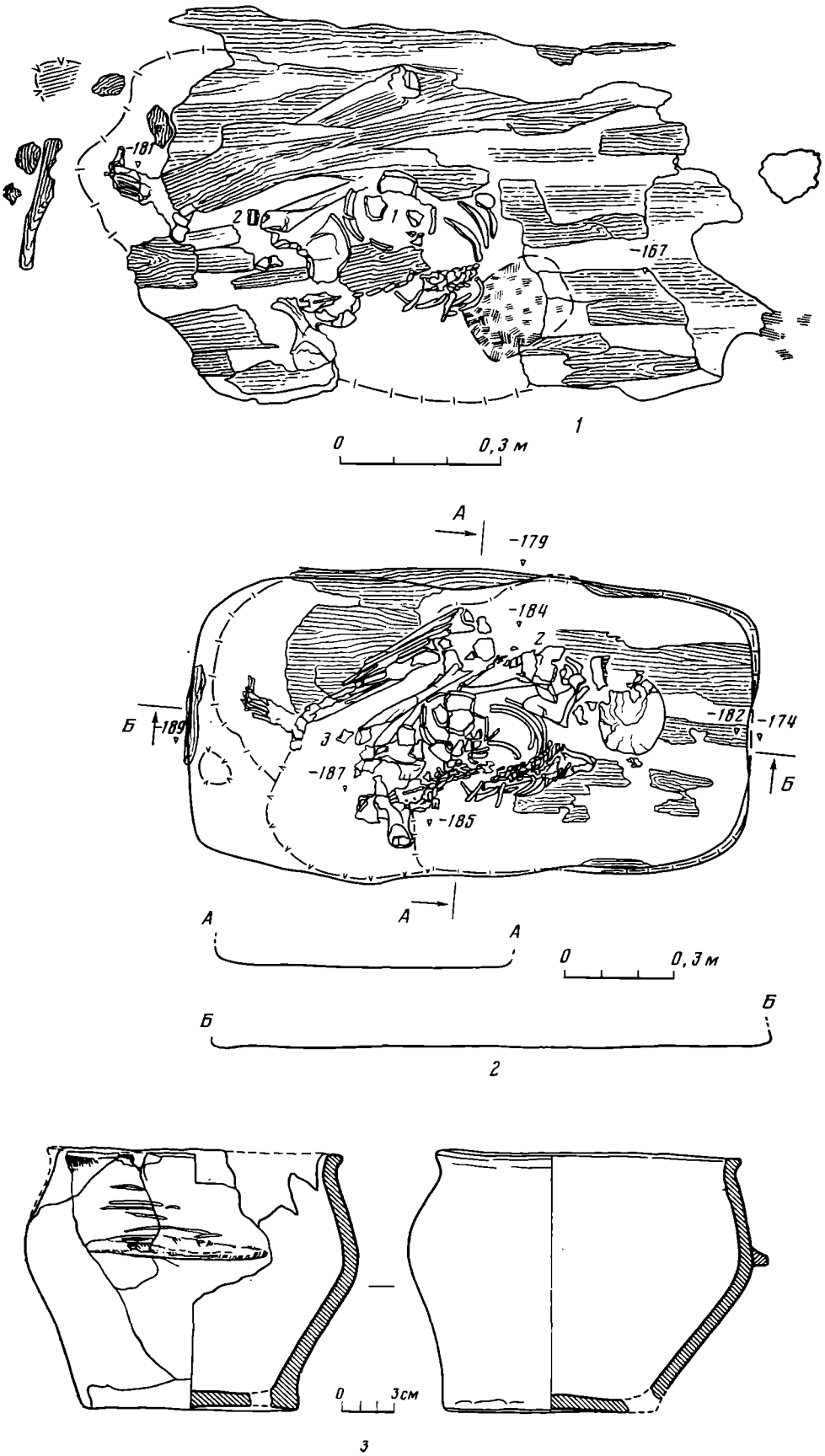


Рис. 7. Малаи I: кург. 9, погр. 3. *1* — верхний уровень; *2* — нижний уровень (*1* — сосуд, *2* — крестец животного, *3* — зуб животного); *3* — сосуд

ные сосуды, так и сосуды раннесрубного облика). Однако наблюдаемая специфика обряда не выходит за рамки срубной культурно-исторической общности.

Не совсем ясно, кем было населено Нижнее Прикубанье в заключительный период бронзового века. Описанные погребения относятся к XIII—XII вв. до н. э.; следующий стратиграфический пласт составляют сарматы, т. е. образуется хронологический разрыв. В Верхнем Прикубанье в это время существует Прикубанский металлургический очаг, отождествляемый с прикубанской культурой, которой предшествуют погребения срубного облика, аналогичные рассмотренным в настоящей работе. Погребения белозерского времени в Прикубанье единичны [12], мало их и на Дону. Для заполнения отмеченной лакуны важной может оказаться гипотеза Э. С. Шарафутдиновой о существовании в Прикубанье кобяковской культуры и связи ее с прикубанским очагом металлообработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23.
2. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
3. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1975.
4. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, 1960, № 93.
5. *Козенкова В. И.* О границах западного варианта кобанской культуры.— СА, 1981, № 3.
6. *Крупнов Е. И.* Прикаспийская археологическая экспедиция — КСИИМК, 1954, вып. 55.
7. *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станицы Мекенской.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963.
8. *Пиотровский Б. Б.* Ст. Моздок, 1936 г.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
9. *Крупнов Е. И.* Археологические памятники в районе Ассинского ущелья.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XII.
10. *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане.— СА, 1956, т. XXVI.
11. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23.
12. *Иерусалимская А. А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры.— СА, 1958, № 2.
13. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Вопросы охраны, использования и классификации археологических памятников. М.: Знание, 1974.
14. *Сафронов В. А.* Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1970.
15. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г.— Тр. Калм. НИИЯЛИИ и Республиканского краеведческого музея, 1968, вып. 1.
16. *Эрдниев У. Э.* Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры.— В кн.: Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики, 1979.
17. *Фисенко В. А.* Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1967.
18. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на нижнем Дону.— САИ, 1980, вып. В1—11.
19. *Шер Я. А.* Интуиция и логика в археологических исследованиях.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
20. *Лакин Н. Ф.* Биометрия. М., 1980.
21. *Doran J. E., Hodson F. R.* Mathematics and Computers in Archeology. Edinburgh, 1975.
22. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. М.: Наука, 1974.
23. *Шелов Д. Б., Лагоцкий К. С.* Отчет I Манычского отряда Донской экспедиции о работах в 1972 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5240а.

[12] Одно погребение известно из раскопок Прикубанской экспедиции ЛОИА, одно происходит из могильника Греки I (кург. 2, погр. 74), раскопанного Северо-Кавказской экспедицией (табл. 1, № 17, рис. 5, *4*), по степени скорченности оно значительно выделялось из основной массы, к тому же содержит сосуд иного типа.

24. *Шарафутдинова Э. С.* Отчет II Манычского отряда Донской экспедиции о работах в 1982 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4879а.
25. *Телегин Д. Я., Круц В. А., Братченко С. Н., Корпусова В. Н.* Вильнянская курганная группа.— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
26. *Кривцова-Гракова О. А.* Погребение бронзового века и скифского времени на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115.
27. *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.— В кн.: Древности Астраханского края. М.: Наука, 1977.
28. *Марковин В. И.* Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязи древних племен.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
29. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
30. *Братченко С. Н.* Погребения срубной культуры.— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
31. *Артамонов М. И.* Раскопки курганов на Маныче в 1937 году.— СА, 1949, т. XI.
32. *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 году.— КСИИМК, 1954, вып. 53.
33. *Либеров П. Д.* Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
34. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры.— Тр. ГИМ, 1955, вып. 24.
35. *Сорокина И. А.* Курганные могильники низовьев р. Сал в срубное время.— В кн.: Древности Дона. М.: Наука, 1983.

I. A. Sorokina

BURIALS OF THE LATE BRONZE EPOCH IN THE LOWER KUBAN AREA

Summary

The author takes as her subject the burial rite and ceramic grave goods from 38 Late Bronze burials studied by the North Caucasian Expedition in the lower Kuban. Other expeditions discovered about 70 similar burials. They are uniform as far as the burial rite and ceramics are concerned. Their analogies are found over the entire territory of the timber-grave cultural-historical entity. Statistical methods were used to compare the burials and establish the degree of their likeness. An analysis of the materials obtained leads to the conclusion that the burials under study belong to the tribes of the timber-grave culture of the later period and are dated to the 13th-12th centuries B. C. The appearance of the tribes in the lower reachches of the Kuban River was part of the overall process of the infiltration of the steppe cultures into the Northern Caucasus. One has every reason to believe that this particular burial rite was brought into the area from the lower Don, the nearest territory settled by the timber-grave culture tribes. They followed the catacomb-grave culture tribes into the Kuban basin and, for some time, probably existed side by side. There are no grounds to believe that the catacomb tribes were completely driven out of the area by the timber-grave tribes since archaeological excavations in the Kuban basin have yielded an appreciably lesser number of timber-grave burials than in the Don region.

ДЬЯКОВ В. И.

ГЛИНЯНОЕ «ЗЕРКАЛО» ИЗ ПРИМОРЬЯ

Две известные сейчас в Приморье культуры, относимые к эпохе бронзы,— синегайская и лидовская — не дают положительного ответа на вопрос о развитии местной металлургии. Среди материалов нескольких десятков (около 50) памятников лидовской культуры только в одном случае найдены капли бронзы и ошлакованная льячка и то, по всей вероятности, попавшие в древний слой из вышележащего средневекового горизонта [1, с. 51]. Также не бесспорной находкой является заготовка медной (бронзовой) подвески на другом памятнике той же культуры [2, с. 14]. Небольшая серия металлических изделий и обломков происходит из континентального Приморья, из местонахождения близ с. Синий Гай [3, с. 271]. Исследователи неоднократно отмечали их «сибирско-карасукский» облик, и вряд ли можно сомневаться, что изготовлены они далеко за пределами Приморья [4, с. 183; 5, с. 195].

Материалы из памятников обеих культур содержат своеобразные предметы из камня, являющиеся имитацией известных в иньско-карасукское время бронзовых изделий (ножей, наконечников, кинжалов, пуговиц-бляшек) [6, с. 109, табл. 11, 15, 19—21; 7, с. 35—42]. Постепенно оформилась гипотеза, согласно которой именно каменные реплики некоторых типов определяют в Приморье конец неолита и начало эпохи металла [8, с. 94—99; 9; 10, с. 82—87]. В этом же плане представляет интерес находка, сделанная на эталонном памятнике лидовской культуры — поселении Лидовка-1 в 1979 г.

Предмет в форме диска был обнаружен в 10 см от верхнего уровня непотревоженного культурного слоя. Он найден в центре западной стороны квадрата Ф/3 в горизонтальном положении, орнаментированная сторона была обращена вниз. Предмет отличался ярко-зеленым цветом и «пластилиновой» мягкостью. Впоследствии цвет изменился и приобрел насыщенный темно-зеленый оттенок, напоминающий патинизированную бронзу, пластичность же сохранилась (рис. 1).

В массе предмета фиксировались различные включения, попавшие из слоя: мелкие камни, зерна кварца, корни растений. Бóльшая часть из них в камеральных условиях была удалена. В средней, но не в центральной части диска обнаружены обломки минерала, обладающего металлическим блеском. В супеси, составляющей культурный слой, такой минерал как естественный компонент не встречается. Анализ показал, что это сфалерит (ZnS) — руда цинка и его постоянный спутник галенит (PbS) — свинцовая руда[1]. Эти руды представлены среди полиметаллических месторождений данного района.

Несмотря на некоторые повреждения поверхности и частичную деформацию, видно, что одна сторона диска была плоской (именно она оказалась вверху), а другая — слабовыпуклая. Диаметр предмета около 8,5 см (от 8,4 до 8,6 см). С плоской стороны по самой кромке диска местами прослеживается едва заметное утолщение.

Орнамент, расположенный на выпуклой стороне, сохранился частично. При боковом освещении прослеживаются фрагменты выпуклого рельефа, имеющего вид мелких шевронов или зубьев пилы, образующих зигзагообразные параллельные линии, начинающиеся у одного края дис-

[1] Исследование проведено ст. инженером-минералогом М. Ф. Остащенко и А. А. Грачевой — сотрудниками Центральной лаборатории Приморского производственного геологического объединения.

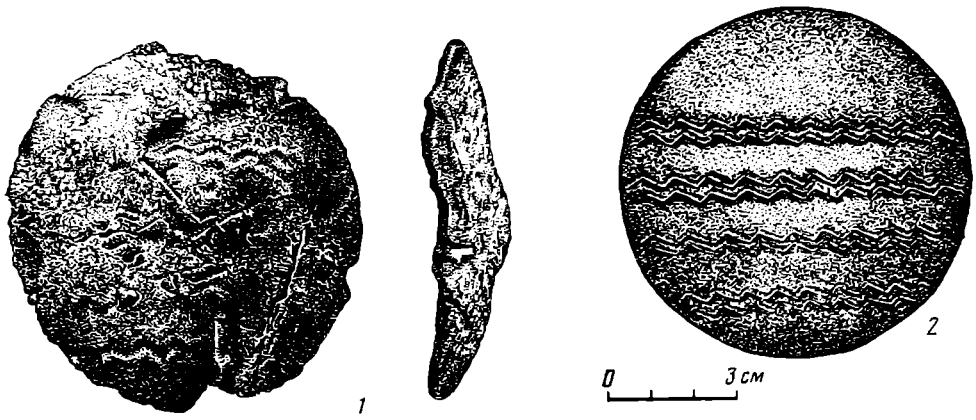


Рис. 1. *1* — глиняное зеркало, поселение Лидовка-1; *2* — реконструкция

ка и, по всей видимости, заканчивающиеся у другого. Таких зубчатых «поясков», расположенных через определенные промежутки и сгруппированных парами, прослеживается восемь. Расстояние между сдвоенными зубчатыми рядами приблизительно одинаково. По законам орнаментальной симметрии на диске должен быть еще один парный ряд, однако он отсутствует, что наводит на мысль о стилизованной сюжетности изображения.

Особый интерес представляет материал, из которого изготовлен диск. После очистки были сделаны срезы образцов для спектрального анализа.

Спектральный количественный анализ проведен в лаборатории кафедры археологии МГУ, полуколичественный — в лаборатории спектрального анализа ДВГУ[2]. Анализировавшиеся образцы взяты на разных участках предмета (в первом случае — с ребра диска, во втором — из центра). В лаборатории МГУ, где исследовался образец как металлический, не выявлена основа, указаны элементы: олово — 0,0001%, свинец — 0,04, цинк — 0,13, серебро — 0,0001, железо — 0,48, никель — 0,016%. В лаборатории ДВГУ выявлена основа, состоящая из алюминия — 50—80%, кремния — 10, титана — 10, цинка — 1%. В следах представлены: свинец, магний — по 0,1, медь — 0,05%. На инфракрасном спектрофотометре был снят ИК спектр поглощения. Расшифровка показала, что образец представляет механическую смесь каолинита с мелкой примесью кварца и с примесью органического вещества[3]. Быстрая растворимость образцов в спирте наряду с другими показателями позволяет считать, что основным органическим компонентом являются жиры.

Относительно функционального назначения предмета возможны следующие соображения: либо это модель для изготовления литейной формы, либо копия (реплика) медного или бронзового изделия.

Первое предположение маловероятно прежде всего из-за излишней пластичности изделия, исключающей возможность многоразового его использования в качестве модели. Для одноразового же использования представляются неоправданными усилия, затраченные на его изготовление. Наконец, на вскрытой площади (1377,5 м²) поселения не обнаружено никаких признаков металлургического производства. Второе предположение теоретически основано на широком распространении реплик именно в данную эпоху. Причем копированию подвергались различные металлические предметы: наконечники стрел, копий, кинжалы, ножи, полушарные бляшки-пуговицы. В пользу интерпретации предмета как реплики говорит использование специальной, отличной от обычного керамического теста массы, скомпонованной из высококачест-

[2] В лаборатории кафедры археологии МГУ анализ № 224 сделан А. Дубровиным, в ДВГУ — доцентом кафедры аналитической химии А. Ф. Гончаровым.

[3] Аналитическое изучение проведено в лаборатории физико-химических методов исследования ИГ ДВНЦ АН СССР Г. А. Нарновым. Автор выражает искреннюю признательность всем товарищам, принявшим участие в работе.

венной, хорошо отмученной глины с добавлением соединений титана и органики. Титан, вероятно, играл роль красителя. Так как изделие по цвету значительно отличается от природных оттенков каолинита, мы вправе предполагать искусственное его окрашивание под «окисленную медь». Таким образом, мы считаем данный предмет глиняной репликой металлического изделия.

Наиболее вероятно, что оригиналом для данной реплики послужило массивное бронзовое зеркало, подобное тому, что описано Ю. С. Гришиным из Забайкалья и которое он датирует «не позже V в. до н. э.» [11, с. 283]. Как и забайкальский образец, наша модель односторонневыпуклая, имеет более тонкий край и сравнительно толстую середину. Эти особенности напоминают характерные черты сибирских зеркал, датируемых серединой I тысячелетия до н. э. [12, с. 82, 89, 90], что в целом согласуется с радиоуглеродными датами лидовского поселения (600±60; 640±45; 565±40; 480±50 л. до н. э.). При этом нельзя не учитывать, что специфика материала, из которого сделана наша находка, видимо, не во всех случаях позволяла мастеру быть точным при копировании оригинала. Возможны и даже неизбежны определенные отклонения, потеря или замена каких-либо деталей. Можно думать, что кусочки сфалерита, расположенные в том месте, где у металлических зеркал этого типа обычно находятся петельки, в сознании мастера представлялись их равноценной заменой.

Большой интерес представляет орнаментация изделий. Основным элементом орнамента является шеврон (синонимичны применяемые другими авторами термины: «треугольник», «зубчик пилы»). Разные виды шевронов, по-разному скомпанованные (иногда дополненные штриховкой), обнаружены в Корее, Маньчжурии, Приморье, Японии [13, с. 65; 14, с. 52, 53, 55 и др.; 15, с. 93, 94]. Наиболее близко, хотя и не тождественно, изображение на одном зеркале, найденном в корейской провинции Пхенань-намдо [16, табл. 12, рис. 3]. Несомненно более поздним (III—VI вв. н. э.) является бронзовое зеркало из Кореи, имевшее, судя по описанию М. В. Воробьева, орнамент, почти идентичный декору нашей находки [14, с. 41]. Различия заключаются в количестве зубчатых рядов (на корейском зеркале их три) и в дополнительной «штриховке» пространства между ними.

Можно думать, что возникновение «зубчатого» орнамента, получившего столь широкое распространение на зеркалах в Восточной Азии, обязано китайской традиции изображения гор [17, с. 425, рис. 345; 18, с. 87, 88]. В раннеханьское время на собственно китайских зеркалах сохранялся лишь фрагмент такого орнамента, передаваемый стилизованным иероглифом шан — «гора» [18, с. 79, 80]. В соседних регионах — Маньчжурии, Корее, Приморье — орнамент приобрел индивидуальные черты, определяемые географической обстановкой — рельефом местности. В связи с данным предположением необходимо отметить и такое совпадение: четыре парные зубчатые параллельные линии на приморском «зеркале» соответствуют восьми параллельным горным цепям хребта Сихотэ-Алинь, в средней части которого и была сделана наша находка.

Характер материала, из которого изготовлено приморское «зеркало», исключает возможность использования его в утилитарных целях. То, что зеркала служили не только как предметы туалета, но и как вещи, наделенные особой силой, магическим действием,— факт широко известный. Есть интересные наблюдения, показывающие, что изображения на зеркалах в некоторых случаях можно интерпретировать как сюжеты наиболее важных мифов [19, с. 291, 293; 15, с. 86]. Описанное глиняное зеркало могло служить символом особого положения владельца в обществе, быть талисманом, оберегавшим от злых духов, использоваться при совершении ритуально-обрядовых действий.

Показательно, что описанная находка относится к комплексу, центром которого является округлая глинобитная площадка, огороженная в древности, судя по расположению многочисленных грузил, сетями. Возможно, это одно из мест, предназначавшихся для обрядовых действий.

Несомненно, глиняное «зеркало» представляет интерес не только как уникальная археологическая находка, но и как новый факт своеобразного развития «дальневосточной» археологической провинции в эпоху бронзы [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дьяков В. И., Семениченко Л. Е.* Нижний слой поселения Круглая долина в Приморье (К вопросу о распространении памятников лидовской культуры).— В кн.: Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979.
2. *Дьяков В. И.* Сихотэ-Алинь в эпоху бронзы. Лидовская культура: Автореф. канд. дис. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1978.
3. *Бродянский Д. Л.* Раскопки у с. Синий Гай в Приморье.— АО — 1971. М., 1972.
4. *Бродянский Д. Л.* Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в 4—1 тыс. до н. э.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 1975.
5. *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
6. *Окладников А. П., Дьяков В. И.* Поселение эпохи бронзы в пади Харинской.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979.
7. *Дьяков В. И., Конькова Л. В.* Функциональное, хронологическое и культурное значение каменных «кинжалов» с односторонней противолежащей заточкой клинка.— В кн.: Материалы по археологии Дальнего востока СССР. Владивосток, 1981.
8. *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
9. *Деревянко А. П.* Проблема бронзового века на Дальнем Востоке.— Изв. СО АН СССР, 1969, № 6. Сер. общ. наук, вып. 2.
10. *Дьяков В. И.* Был ли на Дальнем Востоке бронзовый век? — Природа, 1979, № 10.
11. *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М.: Наука, 1971.
12. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
13. *Воробьев М. В.* Древняя Япония. М.: Изд-во вост. лит., 1958.
14. *Воробьев М. В.* Древняя Корея. М.: Изд-во вост. лит., 1961.
15. *Шавкунов Э. В.* Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка.— В кн.: Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981.
16. The Pictorial Catalogue of Ancient Bronze Mirrors. V. 1. Tokyo, 1977.
17. *Фридрих И.* История письма. М.: Наука, 1979.
18. *Кучера С.* Китайская археология. М.: Наука, 1977.
19. *Сарианиди В. И.* Зеркала древней Бактрии.— СА, 1981, № 1.

V. I. Dyakov

A CLAY «MIRROR» FROM THE MARITIME AREA (FAR EAST)

Summary

An object resembling a patined bronze mirror was found in 1979 in Lidovka, a Bronze epoch settlement of the Lidovka culture. Spectral quantitative and semiquantitative analyses showed that the «mirror» was made of high-grade clay to which titanium and some organic materials were added. It is interpreted as a clay replica and dated to the 6th-5th centuries B. C.

[4] Идея выделения археологической провинции на Дальнем Востоке принадлежит Д. Л. Бродянскому.

ГАЛАНИНА Л. К.

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СКИФОВ С МЕОТАМИ

(по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника)

Келермесский могильник вошел в историю археологии главным образом как памятник, обогативший отечественную науку выдающимися комплексами времени скифской архаики. Между тем первооткрыватели Келермеса Д. Г. Шульц и Н. И. Веселовский в течение 1903, 1904 и 1908 гг. обнаружили там помимо шести раннескифских усыпальниц не менее девяти курганов эпохи бронзы. С тех пор прошло почти 80 лет. Однако мы располагаем лишь частичной информацией об этом могильнике, так как раскопки его не были завершены. Кроме того, документация по дореволюционным изысканиям грешит существенными недочетами. Отсутствие общего плана курганных групп и сведений о расположении вскрытых объектов в их системе, неполнота фиксации картины погребального обряда и вещевого инвентаря, перепутанность материалов отдельных захоронений — все это в значительной степени обесценивает научную значимость келермесских древностей.

Местом хранения последних является Государственный Эрмитаж, где и возникла идея создания специальной экспедиции с целью планомерного изучения Келермесского могильника, в том числе и доследования некоторых курганов, копавшихся в начале XX в.

Станица Келермесская (Гиагинский р-н Адыгейской автономной обл., Краснодарского края) расположена в 25 км к северу от г. Майкопа. Могильник находится в 8 км к юго-востоку от центра станицы, на гребне и склонах плато, возвышающегося вдоль правого берега речки Айрюс, притока р. Ульки. В настоящее время на плато насчитывается 44 кургана, концентрирующихся двумя группами, получившими названия основная и северная. Первая состоит из 31 кургана, вытянутых цепочкой в направлении с северо-запада на юго-восток на протяжении 2 км, и двух курганов, расположенных в 400 м к северо-востоку от этой цепочки. Дореволюционные работы велись преимущественно в пределах основной группы, о чем свидетельствуют следы раскопок 10 курганов, вскрытых характерным для Д. Г. Шульца и Н. И. Веселовского траншейным методом (рис. 1, *1*). Остальные насыпи не имеют сейчас видимых признаков старых раскопок, ввиду чего экспедиция Эрмитажа (под руководством автора статьи) сочла целесообразным продолжать в первую очередь исследование этого участка могильника.

За два полевых сезона (1981, 1982 гг.) было раскопано пять курганов (№ 3, 4, 17, 28, 32), содержащих в общей сложности около 50 погребений, относящихся к периодам ранней, средней и поздней бронзы.

Но наиболее важным итогом новых археологических работ в Келермесе явилось открытие там ранее неизвестного меотского грунтового некрополя, функционировавшего на интересующем нас курганном поле в начальный период скифской архаики.

Как и большинство древних бескурганных кладбищ, оно было обнаружено случайно. В 1981 г. у юго-восточной подошвы кург. 17, за пределами его насыпи выявилось нескольдо безынвентарных могил и два меотских комплекса раннескифского времени (погр. 27, 32). Данное обстоятельство навело на мысль о вероятности существования рядом с курганом эпохи бронзы позднейшего грунтового могильника, тем более

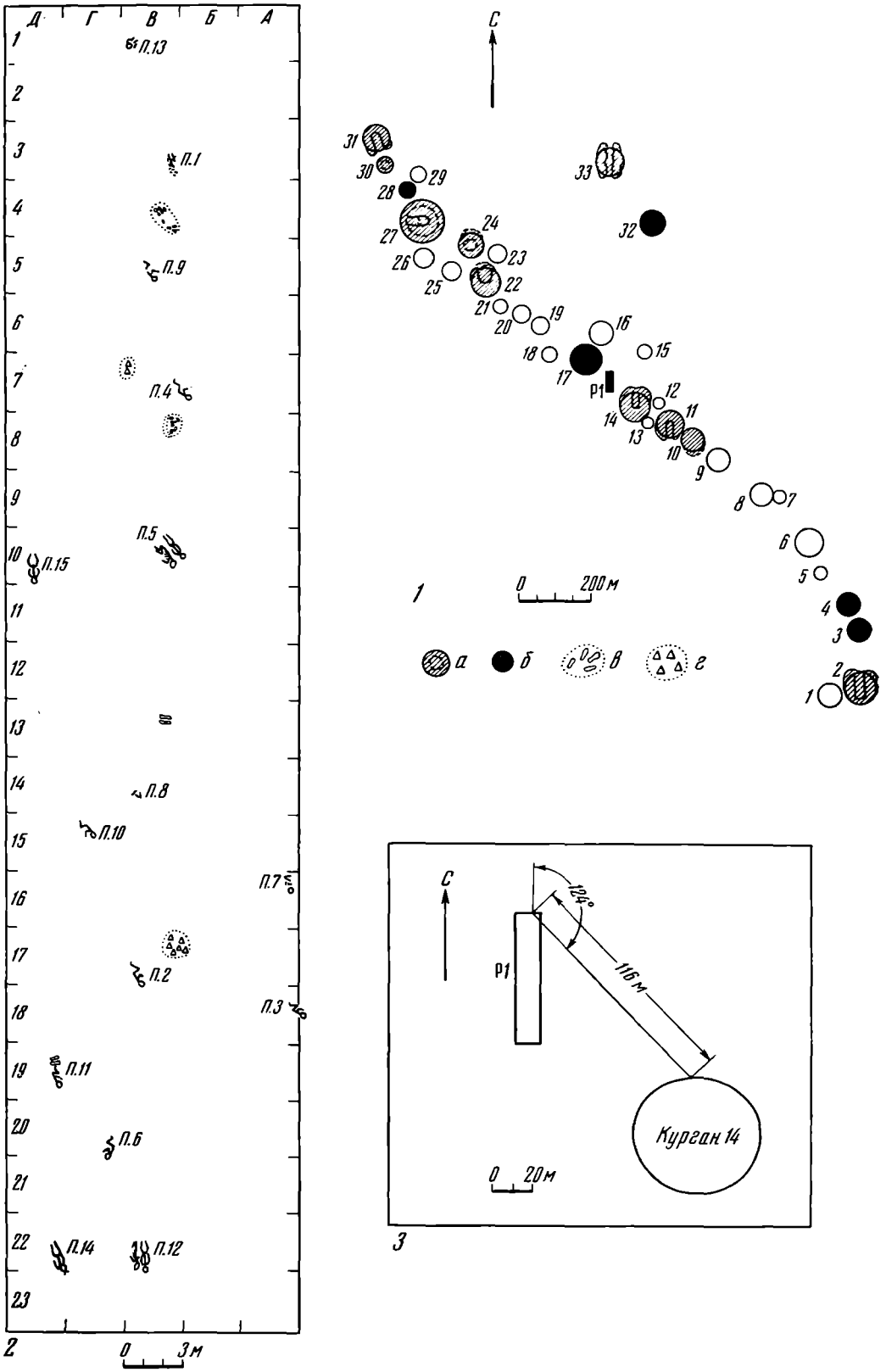


Рис. 1. *1* — план основной курганной группы Келермесского могильника: *а* — дореволюционные раскопки; *б* — раскопки 1981, 1982 гг.; *в* — скопление трубчатых костей; *г* — развал керамики; *2* — план раскопа 1; *3* — привязка раскопа 1 к кург. 14

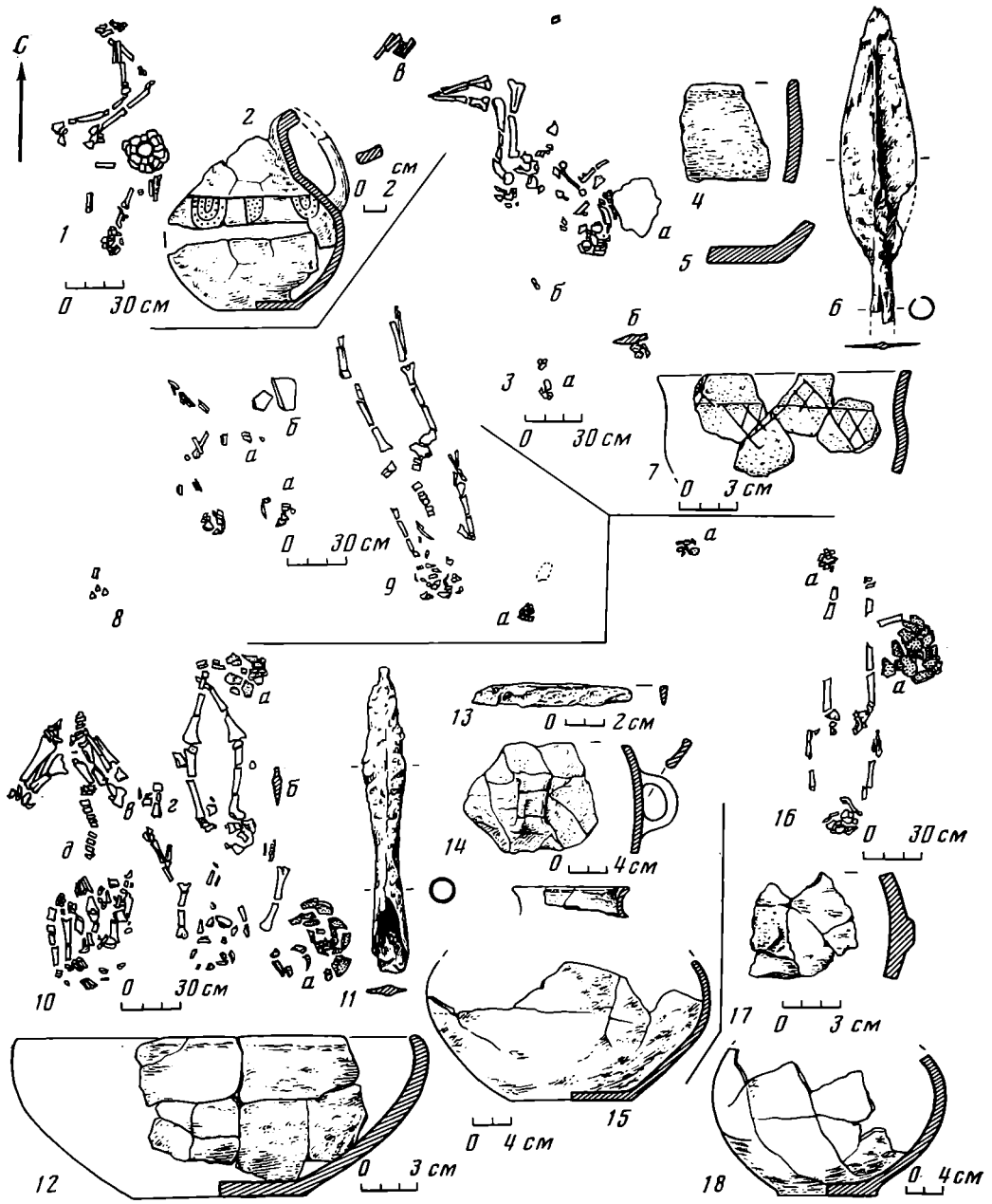


Рис. 2. *1*, *2* — погр. 2: *1* — план (*а* — кувшин), *2* — глиняный кувшин; *3*—*7* — погр. 4: *3* — план (*а* — керамика, *б* — копье и втулка копья, *в* — кости барана); *4*, *5* — обломки глиняного горшка; *6* — железный наконечник копья; *7* — обломок венчика глиняного черпака; *8* — план погр. 9 (*а* — керамика, *б* — каменные плиты); *9* — план погр. 14 (*а* — керамика); *10*—*15* — погр. 12: *10* — план (*а* — керамика, *б* — наконечник копья, *в* — нож, *г* — кости животных, *д* — конский скелет); *11* — железный наконечник копья; *12* — глиняная миска; *13* — железный нож; *14*, *15* — части глиняного кувшина; *16*—*18* — погр. 15 (*а* — керамика); *17*, *18* — обломки глиняных сосудов

что именно такой тип погребальных памятников традиционен для меотских племен Прикубанья.

С целью проверки этого предположения в 1982 г. на участке пашни между кург. 17 и 14 был заложен раскоп длиной 69 и шириной 15 м, площадь которого была разбита на квадраты размером 3×3 м (рис. 1, *3*). В результате удалось зафиксировать еще восемь раннемеотских могил (2, 4, 5, 8, 9, 12, 14, 15) и семь безынвентарных погребений, точная культурно-хронологическая атрибуция которых затруднительна. Тем не менее можно допустить, что все бескурганные захоронения образуют единый этнокультурный пласт. В пользу этого говорит их располо-

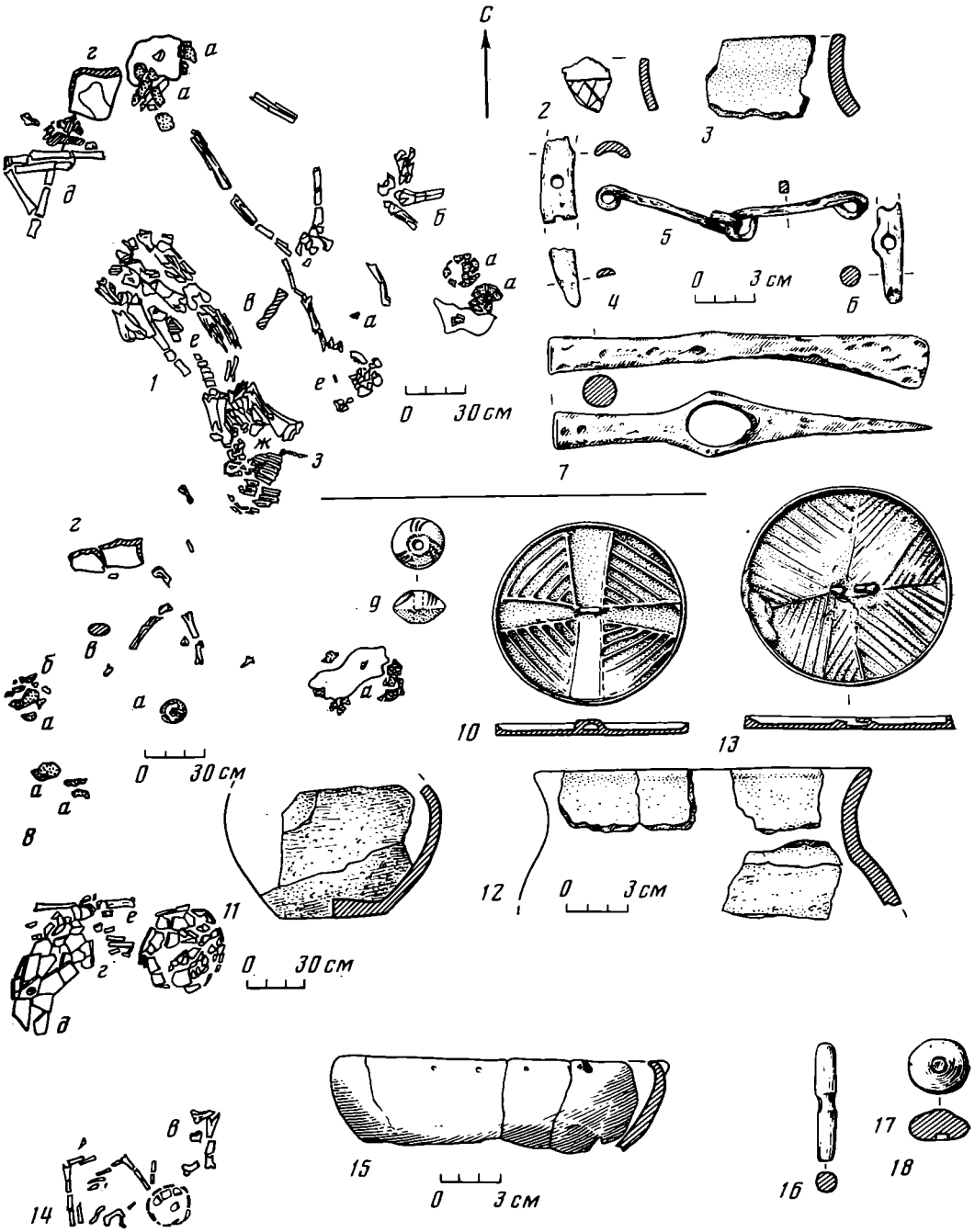


Рис. 3. *1—7* — погр. 5: *1* — план (*а* — керамика, *б* — кости животных, *в* — секира, *г* — каменная плита, *д* — остатки конской шкуры, *е* — конский скелет, *ж* — удила, *з* — псалии, *и* — железный стерженек); *2*, *3* — обломки глиняных сосудов; *4*, *6* — обломки костяных псалиев; *5* — железные удила; *7* — железная секира; *8—12* — погр. 8: *8* — план (*а* — керамика, *б* — пряслице, *в* — зеркало, *г* — обломки каменной зернотерки); *9* — глиняное пряслице; *10* — бронзовое зеркало; *11*, *12* — обломки глиняных сосудов; *13* — бронзовое зеркало из кург. 13 на Константиновском плато близ г. Пятигорска, *14—18* — погр. 32: *14* — план (*а* — керамика, *б* — грибовидный столбик, *в* — кости животных, *г* — каменная плита, *д* — пряслице, *е* — остатки конской шкуры); *15* — глиняная миска; *16* — костяная застежка; *17* — глиняное пряслице; *18* — костяной столбик

жение на одном уровне (на глубине 0,85—1 м от современной поверхности), а также отсутствие случаев перекрытия могил друг другом. Сделанному выводу не противоречит и характер безынвентарных захоронений, так как скорченное положение скелетов с южной ориентировкой встречается (три случая) и в группе комплексов с ярко выраженными признаками меотского обряда.

Из-за структуры почвы (мощный черноземный слой) могильные ямы не прослеживались, но, судя по расположению сопутствующего инвен-

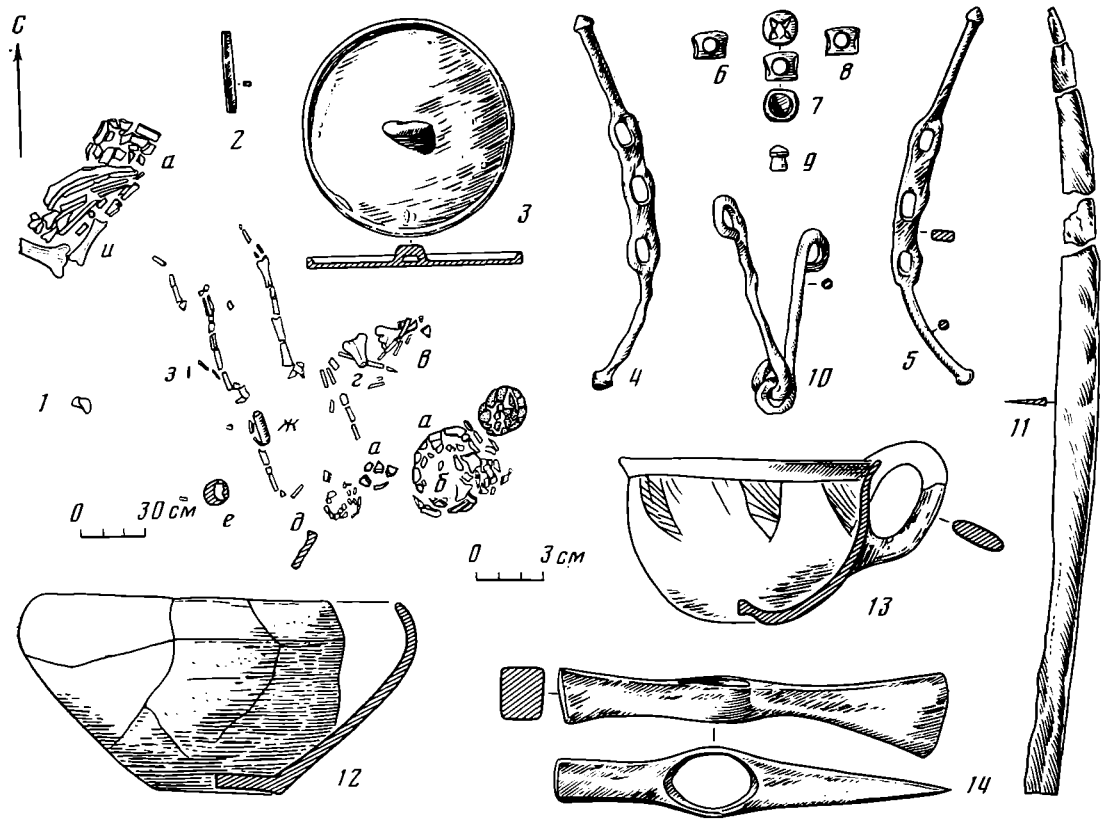


Рис. 4. *1—14* — погр. 27: *1* — план (*а* — керамика, *б* — конский набор, *в* — кости животных, *г* — нож, *д* — секира, *е* — зеркало, *ж* — точильный камень, *з* — железный стерженек, *и* — остатки конской шкуры); *2* — железный стержень; *3* — бронзовое зеркало; *4, 5* — железные псалии; *6—8* — бронзовые пронизи; *9* — костяной столбик; *10* — железные удила; *11* — железный нож; *12, 13* — глиняные миска и черпак; *14* — железная секира

таря, некоторые из них были довольно широкими, прямоугольной формы.

В захоронениях, сопровождавшихся заупокойными приношениями, преобладает вытянутое положение умерших на спине с протянутыми вдоль туловища руками (погр. 5, 8, 12, 14, 15, 27). Чаще всего наблюдается вытянутость ног, иногда — изгиб одной ноги в колене (погр. 5) или перекрещенность голеней в лодыжках (погр. 12). В трех случаях отмечались скорченные позы на правом боку с согнутыми в коленях ногами и кистями рук, обращенными к лицу (погр. 2, 4, 9). Ориентировка покойных устойчивая, преимущественно юго-восточная, реже — южная (погр. 12, 15) и юго-западная (погр. 8) (рис. 2—4).

Остатки мясной напутственной пищи, представленной костями крупных животных и лошади (среди них в двух случаях встречены железные ножи), размещались обычно у правого бедра усопших (погр. 5, 12, 27, 32). Исключение составляет погр. 4, где обнаружены кости барана, лежавшие в ногах женского скелета (рис. 2, *3*).

В ряде могил у стоп погребенных фиксировались находки каменных жертвенных плит неправильной формы (погр. 5, 9, 32), обломков зернотерки (погр. 8), а также единичных кусков необработанных камней (погр. 5, 27; рис. 2, *8*; 3, *1*, *14*).

Пять комплексов содержали конские жертвоприношения двух типов. В погр. 5, 27, 32 у стоп покойных были положены лошадиные шкуры с головами и концами ног животных (черепа лежали на костях ног). Среди этих могил выделяется погр. 5, в котором помимо шкуры оказался и целый остов взнузданного коня, лежавшего на правом боку справа от воина. Аналогичным образом располагался конь без узды при женском скелете в погр. 12.

Сопутствующий умершим вещевой реквизит включал глиняную лепную посуду, железное оружие, конскую сбрую, костяную застежку, зеркала, пряслица, ножи, точильный камень.

По набору вещей примечательно погр. 27, где справа от головы усопшего положили секиру, указывающую на принадлежность его к воинскому сословию, а рядом — бронзовое зеркало в футляре.

Обращают на себя внимание также погр. 4 и 12 с останками молодых женщин (в возрасте 20—35 лет), снабженных копьями. Причем в погр. 12, как уже указывалось выше, было совершено и конское захоронение. Интерес этих келермесских комплексов определяется тем, что они являются наиболее ранними археологическими источниками, подтверждающими сообщения Полиэна и других античных авторов о существовании в меотской среде определенной группы женщин-воительниц, выдающейся представительницей которых была Тиргатао, возглавившая поход язаматов против боспорского царя Сатира.

Керамика занимала видное место в погребальном обряде. В могилу ставилось от одного до шести сосудов (чаще два — четыре), размещавшихся в определенном порядке, как правило, у головы и ступней ног покойного. Только в одном случае (погр. 2) кувшин находился около колен скорченного женского скелета. К сожалению, основная масса посуды сильно фрагментирована, поэтому типы сосудов зачастую не восстанавливаются. В особенности плохо сохранились простые, слабообожженные горшки, сделанные из глиняного теста, с обильными включениями толченых раковин, слюды, кварцевого песка (рис. 2, *4*, *5*, *17*, *18*; 3, *3*, *11*, *12*). Тот же состав примесей свойствен и более тщательно выделанной столовой посуде — черпакам, мискам, кувшинам, формы которых характерны для раннемеотской керамики.

Удалось выделить только две чарки, имеющие коричневато-черную лощеную поверхность с врезным, небрежно выполненным орнаментом из заштрихованных треугольников (рис. 4, *13*) и Х-образно перекрещивающихся линий (рис. 2, *7*).

Миски довольно стандартны. Им присуща коричневая или сероватая лощеная поверхность и загнутый внутрь бортик, плавно переходящий в корпус, сужающийся к плоскому дну. У одной на краях горизонтальные налепы (рис. 2, *12*; 3, *15*; 4, *12*).

Кувшины одноручные, плоскодонные, с лощеной серовато-бежеватой поверхностью. У одного сосуда высокое горло с отогнутым венчиком и длинная ленточная, слегка углубленная посредине ручка, прикрепленная к верхнему краю и тулову сосуда. Плечики украшены оригинальным врезным узором из пояска и полуовалов с точечными наколами внутри (рис. 2, *2*). Второй, несколько более крупный экземпляр, снабжен на корпусе ленточной, слегка вогнутой петельчатой ручкой (рис. 2, *14*, *15*).

Железное наступательное оружие ограничивается боевыми топорами, принадлежавшими воинам-всадникам (погр. 5, 27), и копьями, происходящими из женских погребений (погр. 4, 12).

Боевые топоры относятся к разновидностям секир-молотков скифского типа. У одного образца (длина его 17,5 см) прямоугольный в разрезе обух, овальное, слегка смещенное к тыльной части проушное отверстие и симметрично расширенное лезвие (рис. 4, *14*). Второй топорик (длина его 19,5 см) отличается от предыдущего более длинным и круглым в сечении обухом, расположением проушины в центре корпуса и очертаниями лезвия, расширенного только снизу (рис. 3, *7*).

Согласно общепризнанному мнению, железные секиры данного типа генетически восходят к бронзовым проушным топорам, специфичным для колхидо-кобанской и кубанской культур IX—VII вв. до н. э. [1, с. 67; 2, с. 50]. Созданное на их основе железное оружие (типы 1а, 1б, по классификации М. Н. Погребовой) широко применялось у кавказских народов на протяжении VII—VI вв. до н. э. [3, с. 179 и сл.]. Самые ранние северокавказские аналоги публикуемым находкам происходят из подкурганных дольменов VII в. до н. э. близ г. Геленджика [4, с. 144, рис. 5—7]. В эту же группу входит и парадная, отде-

ланная золотом секира (соответствует типу 1б, по М. Н. Погребовой), из раскопанного Д. Г. Шульцем келермесского кург. 1, который датируется рубежом VII—VI вв. до н. э. [5, с. 248, 249]. Серия подобных топориков того же и несколько более раннего времени обнаружена в Тлийском [6, с. 26, рис. 5, *3*; с. 27, рис. 7, *4*, с. 31, рис. 11, *2*], Куланурхвском и других закавказских могильниках [3, с. 180, рис. 1]. На территории Скифии, в частности лесостепной ее зоны, секиры с длинным молоточковидным обухом неизвестны пока в комплексах древнее VI в. до н. э. [2, с. 36—39, рис. 6, 7].

Наконечники копий характеризуются коротким лавролистным пером. У одного экземпляра перо широкое плоское (длиной 13,6 см) с узким ребром, переходящим в узкую же втулку (рис. 2, *6*). У второго — узкое, ромбическое в разрезе перо (длиной 10 см) утолщается к продольной грани, проходящей по центральной оси (рис. 2, *11*).

Железные лавролистные наконечники копий появились в культурах Северного Причерноморья и Предкавказья в VIII—VII вв. до н. э., но получили массовое распространение с раннескифского периода [1, с. 11, 12, 35 и сл.]. В бассейне Кубани архаические экземпляры железных наконечников копий засвидетельствованы среди материалов из прото- и раннемеотских могильников, таких, как Николаевский [7, с. 109, рис. 2], Кубанский [8, с. 40], Абинский [9, с. 57, рис. 7], Усть-Лабинский № 2 и др. [10, с. 160].

Конское снаряжение представлено двумя уздечными наборами. Комплект, обнаруженный в изголовье воина под раздавленным глиняным горшком (погр. 27), состоит из железных удил с кольчатыми петлями, железных трехдырчатых псалиев, костяного грибовидного столбика и трех бронзовых цилиндрических пронизей для перекрещивающихся ремней конского оголовья (рис. 4, *4—10*).

Своеобразны псалии, в которых сочетаются элементы, свойственные предскифским образцам (овальные отверстия в местах расширений центральной части предметов) и раннескифским железным псалиям второй половины VII—VI в. до н. э. (загнутые стержневидные концы, завершающиеся шишечками). Архаичность келермесской уздечки подчеркивают также бронзовые пронизи с солярным значком на щитке. Идентичные по форме и орнаменту уздечные детали обнаружены в комплексах середины VII в. до н. э.— Алексеевском кургане (Ставрополье) и Рыжановском II (Приднепровье) [11, с. 27, рис. 42, *2*; с. 127, рис. 77, *2*].

Второй келермесский набор, оказавшийся при коне в погр. 5, более скромен. Он включает железные удила с миниатюрными наружными кольцами и фрагментированные непарные костяные псалии (рис. 3, *4—6*). Один из них — трехдырчатый, слегка изогнутый, изготовлен из продольно распиленной трубчатой кости животного. Лицевая поверхность его выпуклая, отполированная. Сохранившийся конец заостренный. Другой псалий — утолщенный и отполированный со всех сторон. Уцелел короткий заостренный конец, круглое крайнее петлевидное отверстие и остаток второго, среднего.

Костяные трехдырчатые и трехпетельчатые псалии весьма обычны для раннескифских памятников Среднего Приднепровья и очень редки в ареале кавказских культур [6, с. 23, рис. 2, *5, 6, 9*]. От основной массы однотипных псалиев келермесские отличаются отсутствием зооморфных и геометрических изображений. Однако в Приднепровье (кург. 346 у с. Теклин [12, табл. XXV, *11, 20*], Западное Бельское городище [13, с. 135, рис. 53, 73) встречены также и отдельные неорнаментированные образцы конских принадлежностей данного вида.

Костяная застежка, имеющая вид округлого стержня с вырезом посредине для петли, найдена не in situ в погр. 32 (рис. 3, *16*). Аналогичные костяные и бронзовые стерженьки многочисленны в предкавказских и северопонтийских памятниках второй половины VII—V в. до н. э. и связываются обычно с колчанами или конской сбруей [14, с. 36—42, рис. 24, 25]. К деталям горита или уздечки принадлежит также обнаруженный вместе с застежкой костяной грибовидный столбик (рис. 3, *18*).

Бронзовые зеркала (погр. 8, 27). Оба дисковидные с вертикальным бортиком по краю и напаянной в центре трапециевидной ручкой-петелькой. Оборотная сторона одного из них украшена рельефной крестовидной фигурой, образованной заштрихованными треугольниками (рис. 3, *10*; 4, *3*).

Происхождение зеркал описанного типа исследователи выводят из Южной Сибири, а время их бытования на юге Восточной Европы определяют в пределах периода скифской архаики. В лесостепной Скифии их изготовление падает на VI в. до н. э. [15, с. 152]. Предкавказская продукция до настоящего времени ограничивалась только двумя петельчатыми зеркалами с закраиной — из Минеральводского могильника [16, с. 330, рис. 14, *3*] и Моздокского, относящегося к VII—VI вв. до н. э. [17, табл. IV, *1*].

Келермесские экземпляры, а также впервые публикуемая нами находка из разрушенного погребения в кург. 13 на Константиновском плато близ г. Пятигорска (рис. 3, *13*), существенно дополняют северокавказскую группу зеркал сибирского типа. Причем исходя из сопутствующих материалов (конский набор, секира), самым ранним в этой серии следует пока считать зеркало из погр. 27, датирующееся второй половиной VII в. до н. э. Индивидуальной особенностью зеркала из погр. 8 и пятигорского образца является геометрическая орнаментация на тыльной поверхности диска. К разновидностям данного типа принадлежат оформленные в зверином стиле, хорошо известные зеркала (бронзовое и серебряное) из старых раскопок в Келермесе.

Предметы бытового обихода — железные ножи (погр. 12, 27), глиняные пряслица (погр. 8, 32), каменный точильный брусок (погр. 27).

Обнаруженные среди остатков мясной напутственной пищи ножи (длиной 8,1 и 35,3 см) имеют прямое лезвие, утолщенную, слегка скругленную к острию спинку и неотделенную от клинка пластинчатую рукоять (рис. 2, *13*; 4, *11*). Такой же нож, но с золотой обкладкой плоской рукояти найден Д. Г. Шульцем в келермесском кург. 1 [1].

Пряслица в форме утолщающегося к центру колесика и биконическое имеют темно-коричневую залощенную поверхность (рис. 3, *9*, *17*). Сходное с нашим колесовидное пряслице встречено в древнемеотском абинском погребении, датирующемся VIII — первой половиной VII в. до н. э. [9, с. 58, рис. 22]. Орнамент второго изделия находит соответствия в коллекции кобанских пряслиц начала I тысячелетия до н. э. [18, с. 163, рис. 2,*5*].

На основании приведенных параллелей меотский грунтовый могильник Келермеса уверенно связывается с периодом скифской архаики, который соответствует раннемеотскому времени по периодизации Прикубанья. Погребение 27 по типу бронзовых пронизей и других уздечных компонентов датируется в пределах второй половины VII в. до н. э. Не располагая ориентирами для точного хронологического распределения всех могил, вполне допускаем, что некоторые могли быть совершены в VI в. до н. э., но едва ли позднее его начала.

В пользу предложенной датировки свидетельствует весьма архаичный погребальный обряд рассматриваемых комплексов. Такие его элементы, как южная ориентировка вытянутых и скорченных скелетов, расстановка посуды в головах и стопах умерших, сопровождение их шкурой коня, фиксируются в Николаевском, Кубанском и Абинском протомеотских могильниках VIII — первой половины VII в. до н. э. [8, с. 48, 49; 9, с. 48]. Вместе с тем позы и ориентировка погребенных, а также помещение в ногах каменной плиты неправильной формы сближают исследуемые погребения с группой архаических усть-лабинских могил конца VII—VI в. до н. э. [10, с. 158, 159, 162]. Очевидно, келермесские захоронения занимают промежуточную хронологическую позицию между позднейшими протомеотскими памятниками и раннемеотскими погребениями Усть-Лабинского могильника 2.

---

[1] Кол. Гос. Эрмитажа, инв. № Ку 1903 2/29, 31.

Отсюда вытекает принципиально важный вывод об одновременности открытых нами меотских могил и богатых скифских захоронений, исследованных на том же плато в дореволюционный период[2]. Как нам уже приходилось отмечать, древнейшие скифские курганы, в частности оба раскопанные Н. И. Веселовским, восходят ко второй половине VII в. до н. э., остальные относятся к рубежу VII—VI вв. до н. э. [19, с. 53].

Таким образом, в результате двухгодичных работ экспедицией Эрмитажа получена ценная информация, проливающая свет на характер политической ситуации, сложившейся в Закубанье в период переднеазиатских походов скифов. Функционирование на одном могильнике двух разноэтничных кладбищ указывает несомненно на самое тесное взаимообщение меотов с осевшими на их землях пришлыми ираноязычными кочевниками. По-видимому, можно предполагать существование в этой части меотского культурного региона военного объединения под главенством скифской знати, представители которой были похоронены в богатых курганах. Но при этом обе группы населения сохраняли верность своим традициям в области религиозно-идеологических воззрений, что нашло отражение в погребальном обряде исследованных памятников.

Разумеется, предложенная историческая интерпретация носит предварительный характер, требующий более развернутого обоснования. В данном случае преследовалась цель обратить внимание на этот в высшей степени примечательный археологический факт, а также ввести в научный оборот новые материалы, расширяющие наши сведения о раннемеотской культуре Прикубанья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4.
2. *Іллінська В. А.* Скіфські сокири.— Археологія, 1961, т. XII.
3. *Погребова М. Н.* Железные топоры скифского типа в Закавказье.— СА, 1969, № 2.
4. *Ханов И. И.* Геленджикские подкурганные дольмены.— СА, 1961, № 1.
5. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
6. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980.
7. *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник у с. Николаевского.— В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
8. *Анфимов Н. В.* Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского).— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
9. *Анфимов И. Н.* Древнемеотский могильник близ г. Абинска.— В кн.: Вопросы истории Адыгеи. Майкоп, 1981.
10. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
11. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
12. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
13. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наук. думка, 1967.
14. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
15. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
16. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.
17. *Пиотровский Б. Б., Иессен А. А.* Моздокский могильник. Л., 1940.
18. *Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска.— СА, 1981, № 2.
19. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам келермесских курганов).— АСГЭ, 1983, вып. 24.

---

[2] Этот вывод подтверждают результаты раскопок 1983 г., в процессе которых на меотском могильнике было открыто еще 13 могил с аналогичным обрядом (погр. 16—26, 28, 29). Среди материалов особо следует выделить три секиры, сходные с экземпляром из погр. 5, а также новые для данного памятника категории вещей: два железных колчанных крючка, три набора с наконечниками стрел келермесского типа и уздечный комплект, включающий помимо железных удил и трехпетельчатых стержневидных псалиев железные перстневидные бляшки. Тождественные комплекты обнаружены в том же году при доследовании скифского кургана (по-видимому, второго из числа раскопанных Д. Г. Шульцем; на нашем плане 24 — рис. 1).

L. K. Galanina

ON THE PROBLEM OF THE RELATIONS BETWEEN THE SCYTHIANS AND THE MEOTES

(according to data obtained through new archaeological excavations of the Kelermesskaya mound burial)

Summary

The author publishes materials obtained by the State Hermitage expedition in the famous Kelermesskaya burial ground (Giaginskaya District, Krasnodar Area), which was partly studied in 1903-1904. The pre-revolutionary researchs enriched Russian science with outstanding Scythian materials. The excavations of 1981 and 1982 brought another discovery—a plain ground burial left by Meotes, the aboriginal population of the region, was found near the mound burials of Scythian nobility. An analysis of the grave goods has permitted the conclusion that the two ethnically different burials were synchronous and were dated to the second half of the 7th — early 6th centuries B. C. The information obtained posed the question of the relations between the Meotes and the newly arrived Scythian tribes.

САЗАНОВ А. В.

ТОПОГРАФИЯ ПАНТИКАПЕЯ I—IV вв. н. э.

Постановка проблем, связанных с изучением топографии Пантикапея римского времени, требует некоторых пояснений. На первый взгляд создается впечатление, что топография Пантикапея достаточно хорошо изучена. Действительно, важнейшие памятники города были картографированы В. Д. Блаватским [1]. Многие памятники были учтены Ю. Ю. Марти в выпуске, приуроченном к юбилею Керченского музея [2]. Планировка северного района горы Митридат была исследована И. Д. Марченко [3]. Планировка фортификационных сооружений Пантикапея, включая и памятники первых веков нашей эры, была рассмотрена в кандидатской диссертации В. П. Толстикова [4]. Однако в большинстве из названных работ преимущественное внимание уделялось памятникам IV—I вв. до н. э. Памятники интересующего нас времени подробно не рассматривались.

Если для предшествующих эпох планировка города в общих чертах ясна, то для города I—IV вв. н. э. даже выявление городского центра достаточно проблематично. Из всего сказанного вытекают основные задачи данной работы: 1) выявление границ города в римское время; 2) выявление общественного центра Пантикапея I — IV вв. н. э.; 3) выявление и локализация основных культовых памятников.

1. Границей античного города обычно была внешняя городская стена, отделяющая его от прилежащей сельскохозяйственной территории и некрополя. Следовательно, для определения границ Пантикапея в римское время необходимо наметить линию внешней городской стены.

Остатков городских стен не сохранилось, но их следы были видны на поверхности в начале XIX в. В таком состоянии они были описаны П. Дюбрюксом [5] и нанесены на планы И. Бларамбергом [6] и А. Ашиком [7]. Следует также отметить два ранее неизвестных плана: Рябова и Дигби [8, с. 85] [1]. На них были нанесены стены города римского времени [1, с. 12]. Наиболее точными являются описание П. Дюбрюкса и план И. Бларамберга [1, с. 31—33]. Рассмотрим общее направление стен, описанных П. Дюбрюксом и нанесенных на план И. Бларамбергом [1, с. 9, рис. 1; 5] (рис. 1) [2].

Внешняя городская стена начиналась у моря, в районе старой таможни, поднималась на северо-запад, потом резко опускалась на юг. Далее она поднималась по южному склону горы Митридат к району Второго кресла. По всей видимости, здесь находился парадный вход в город. Затем стена шла дальше по северному склону горы в северо-восточном направлении и заканчивалась в районе р. Мелек-Чесме. Раскопки В. В. Шкорпила [1, с. 48, № 99, с. 49, № 104] и Ю. Ю. Марти [1, с. 50, № 124] открыли остатки этой стены.

В. В. Шкорпил, раскапывавший в 1905 г. северный склон горы Митридат, позади Эспланадной улицы, за усадьбой 9, обнаружил разрушенную городскую стену толщиной 3 м (рис. 1, *1а*), которая спускалась вниз по склону от Второго кресла горы Митридат и Госпитальной улицы с юга к северу. Она состояла из камней различной величины и обломков черепицы, сложенных на глине. В основании фундамента лежали надгробия, датирующиеся IV в. до н. э. [1, с. 48, № 99]. В 1907 г.

[1] Сведения об этих двух планах сообщены автору В. П. Толстиковым.

[2] Автор выражает большую благодарность В. П. Толстикову, предоставившему для данной статьи публикуемый здесь план.

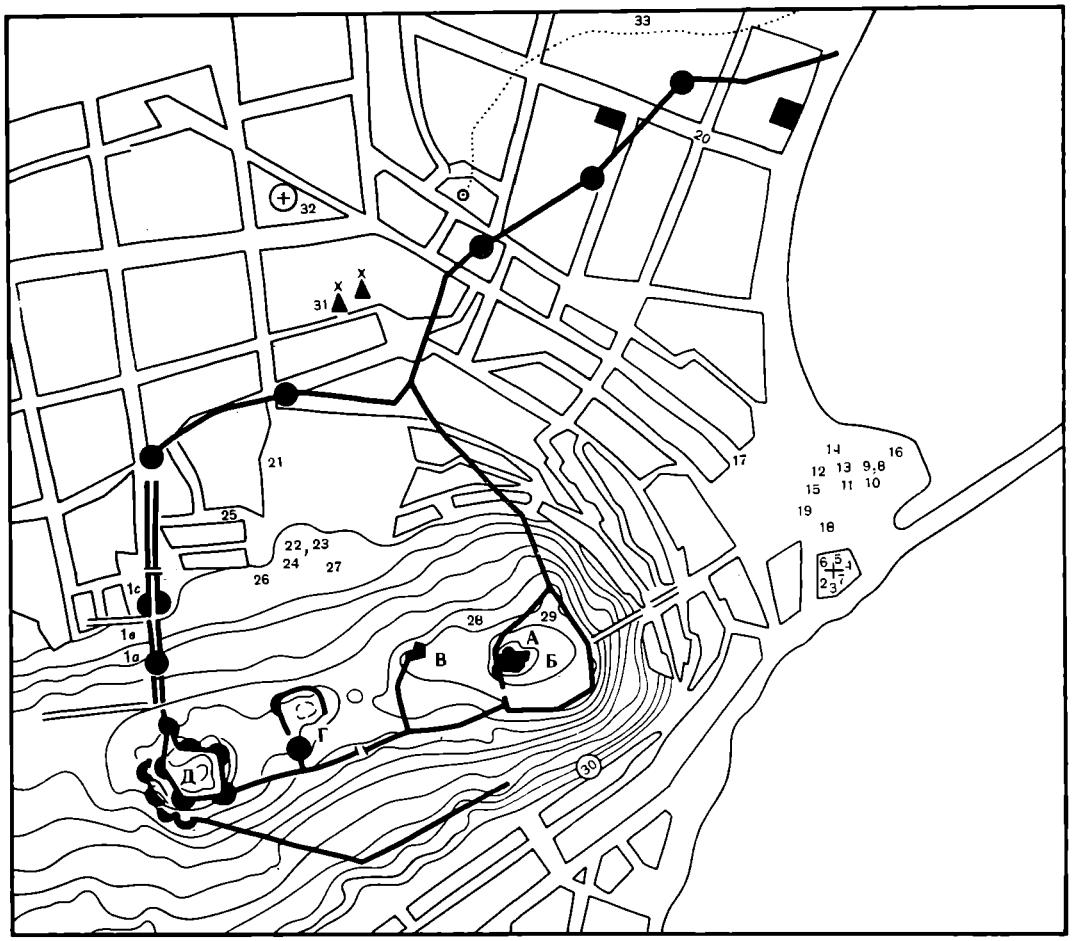


Рис. 1. План Пантикапея, по П. Дюбрюксу (реконструкция В. П. Толстикова и И. И. Кроленко), с нанесенными на него памятниками I—IV вв. н. э. *А* — памятник Стемпковскому; *Б* — Центральное плато; *В* — Западное плато; *Г* — Скалистый выступ; *Д* — Второе кресло горы Митридат.

Городская стена: *1а* — раскопки В. Шкорпила в 1905 г.; *1в* — раскопки В. Шкорпила в 1907 г.; *1с* — раскопки Ю. Марти в 1923 г.

Район I: *2* — постамент статуи Августа; *3* — посвящение Фарнака Зевсу Генарху; *4* — надпись о строительстве второй половины II в. н. э.; *5* — постамент статуи Савромата I (греческая надпись); *6* — постамент статуи Савромата I (латинская надпись); *7* — посвящение Кибеле III в. до н. э.; *8* — постамент статуи Рескупорида III; *9* — памятник Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице; *10* — памятник Аполлону Врачу III в. до н. э.; *11* — постамент статуи Аврелия Родона; *12* — постамент статуи Рескупорида III (вторая надпись); *13* — постамент статуи Савромата I (третья надпись); *14* — постамент статуи Рескупорида V; *15* — рельеф с изображением мужчины; *16* — статуя «Эскулапа»; *17* — рельеф с изображением Сабазия; *18* — малая статуя Кибелы; *19* — надпись о постановке статуи Адриана, архитектурные детали, христианское надгробие.

Район II: *20* — храм Афродиты Апатуры (надписи и архитектурные остатки).

Район III: *21* — постамент статуи Котиса I; *22* — постамент статуи Аспурга; *23* — архитектурные фрагменты от храма первой половины II в. н. э.; *24* — постановление о постановке памятника; *25* — надпись Аврелия Сога (Олимпиана); *26* — раскопки (разведочная шурфовка) 1982 г.; *27* — древняя дорога.

Район IV: *29* — храм Гекаты. Остальные памятники: *28* — большая статуя Кибелы; *30* — храм Диониса. Постройки XIX в., отмеченные П. Дюбрюксом: *31* — мельницы; *32* — Русская церковь; *33* — маршрут П. Дюбрюкса. Точно локализованы: *1а*, *1в*, *1с*, *2—5*, *7—13*, *15*, *17—20*, *22*, *26—27*, *29*. Остальные номера нанесены на план приблизительно

неподалеку от раскопок В. В. Шкорпила было открыто продолжение стены, тянувшейся вниз по северному склону горы Митридат (рис. 1, *1в*) [1, с. 48, № 104]. Она поворачивала на углу Эспланадной улицы и Госпитального переулка. В 1923 г. Ю. Ю. Марти обнаружил оборонительную башню [1, с. 50, № 124] (рис. 1, *1с*). От башни стена шла на север, потом поворачивала на северо-восток и спускалась к морю.

Согласно описанию П. Дюбрюкса и его графической реконструкции [3] [4, с. 25], западный фронт обороны Пантикапея имел сдвоенную линию стен (рисунок). Видимо, одна стена, в основании которой лежали надгробия, датируется эллинистическим, а другая — римским временем, но в какой-то период обе использовались как единая система.

Такова была граница Пантикапея в I—IV вв. н. э. Входов в город, по всей видимости, было несколько, по крайней мере два. Парадный находился в районе Второго кресла горы Митридат, неподалеку от места раскопок К. Е. Думберга. В самом деле, и И. Бларамберг, и Дюбуа де Монпере, а также А. Ашик помещают следы древней дороги именно в этом месте [1, рис. 1—3], что полностью согласуется с данными И. Д. Марченко [3, с. 165].

Ответить на вопрос об архитектурном оформлении парадного входа помогают данные нумизматики. На монетах Рескупорида II и Савромата I изображены разные городские ворота, фланкированные либо одной, либо двумя башнями [9, табл. XLV, *3*, *8*, табл. XLVI, *16*; 10, с. 23, № 13—15]. В первом случае вход украшен аркой и конной статуей [9, табл. XLVII, *3*]. На ряде монет Савромата I изображен пленник, сидящий у горящей (?) крепости [9, табл. XLVII, *8*]. В. Д. Блаватский считал, что здесь изображена горящая вражеская крепость [11, с. 196, 197]. Однако Н. А. Фролова предложила иную интерпретацию. Согласно ее точке зрения, трактовка В. Д. Блаватского субъективна, так как на монете изображены не языки пламени, а ветви деревьев. Деревья же обычно сажали между двумя воротами так, что образовывался небольшой двор, и у врага создавалась иллюзия города, начинавшегося сразу же за первыми воротами [10, с. 25].

На наш взгляд, характер изображения не позволяет уверенно говорить о правоте той или иной точки зрения.

2. Вопрос о локализации общественного центра города I—IV вв. н. э., пантикапейской агоры давно находился в поле зрения исследователей. Большинство авторов помещали агору в районе Предтеченской площади, аргументируя это значительным количеством посвятительных надписей, происходящих из этого района [12, с. 164].

Качественно новой была локализация агоры после раскопок экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством И. Д. Марченко. И. Д. Марченко на основании находки крупного общественного комплекса, так называемого «пританея», предложила считать местом древней и эллинистической агоры район раскопа К. Е. Думберга — северную часть Новоэсплападного раскопа. По мнению И. Д. Марченко, агора на этом месте существовала с VI по I в. до н. э. или по крайней мере до I в. н. э. [3, с. 169]. В таком случае следует предположить, что место центральной городской площади переместилось в другой район. На наш взгляд, таким районом стали Предтеченская и Биржевая площади.

Попытаемся выявить основные памятники I—IV вв. н. э., располагавшиеся на этом месте. Для этого необходимо воспользоваться локализацией посвятительных надписей, сделанной В. Д. Блаватским [1, с. 14, рис. 6]. Однако предварительно необходимо заметить, что на месте Предтеченской и Биржевой площадей находилась крепость. На протяжении столетий ее название неоднократно менялось: Генуэзская, Турецкая, Русская. Генуэзским был, видимо, замок, возведенный на слегка выдающемся в море невысоком мысу [13, рис. 1, *1*]. В числе городов, которыми Генуя владела в Таврпде, упоминается Черкио. Еще А. Ашик отмечал большую генуэзскую каменную башню, находившуюся вблизи адмиралтейства и разобранную при реконструкции города [7, с. 20]. После турецкого завоевания в 1475 г. замок был превращен в цитадель и как один из узлов обороны включен в построенную крепость. Она стала называться Турецкой и под таким названием вошла в литературу XIX в. Городская застройка этого времени группировалась по сторонам крепости.

[3] Данная реконструкция плана П. Дюбрюкса выполнена В. П. Толстиковым и И. И. Кроленко.

В ее пределах оказалась и византийская церковь Иоанна Предтечи [13, рис. 1, *3*]. После победы России в войне с Турцией, с 1771 г., Керчь стала важнейшей крепостью Российского государства на Черном море [13, с. 50] и стала именоваться Русской. В последней четверти XVIII — начале XIX в. крепость была подвергнута перестройке. Она была заново укреплена и расширена, особенно в южном направлении [13, с. 51, рис. 2]. В 1920-х годах крепость утратила военное значение и была разобрана [13, с. 51].

В первой половине 1830-х годов на месте крепости, по красным линиям плана 1821 г., возникли две площади: Предтеченская и Биржевая [13, с. 53, 55, рис. 6, *3*, *2*]. Позднее Биржевая площадь была переименована в Таманскую [13, с. 56].

Большая часть посвятительных надписей происходит именно из фундаментов Турецкой крепости [1, с. 35, № 9, с. 37, № 25, и др.]. Следует учитывать, что при строительстве крепости, а также при ее многочисленных перестройках плиты с посвятительными надписями, использовавшиеся как строительный материал, могли быть свезены из разных частей города. Это обстоятельство, на наш взгляд, исключает дробное районирование Предтеченской и Биржевой площадей. Памятники, здесь найденные, мы выделим в один район, соответствующий территории максимального расширения крепости (Русская крепость).

Следует также сказать несколько слов об археологических исследованиях Предтеченской площади и прилегающего района. Принципиальное значение имеет наличие или отсутствие культурного слоя первых веков нашей эры на этой территории.

В 1934 г. В. Д. Блаватский вел раскопки во дворе церкви Иоанна Предтечи, в непосредственной близости от моря. Под современной насыпью был обнаружен сильно перекопанный культурный слой, содержащий находки от классического до средневекового времени. Слой достигал 4,72 м в глубину. По мнению В. Д. Блаватского, «обследованный участок в античную эпоху, по всей видимости, представлял морской берег, возможно, примыкавший к древней гавани» [1, с. 52].

Позже на месте бывшей Рыночной площади вели раскопки И. Б. Зеест, Т. И. Макарова, А. Л. Якобсон. Были обнаружены средневековые слои, что дало возможность говорить о том, что до VIII в. н. э. этот район не входил в городскую черту. Однако обращает на себя внимание следующий факт: из 13 найденных монет 9 были позднеантичными. В перекопанных слоях часто встречалась античная керамика [14, с. 74]. В средние века указанная часть города была, несомненно, заселена, о чем говорит строительство здесь в VIII—IX вв. н. э. церкви Иоанна. Здесь, видимо, была в VI в. н. э. сооружена византийская крепость, о которой сообщает Прокопий и, скорее всего, на месте которой в XVI—XVII вв. турки построили свои укрепления [15, с. 62]. Раскопки показали, что античный слой здесь отсутствует. Они подтвердили данные работ 1934 г., о том, что в античную эпоху этот участок не входил в городскую черту. Самый ранний слой, образовавшийся непосредственно на месте бывшего берега моря, относится к VIII—X вв. н. э. [15, с. 67].

В прилегающем районе, во дворах двух домов по ул. Р. Люксембург, в 1947 г. был заложен так называемый «Приморский раскоп». Исследовались две площади. На первой площади наряду с другими слоями был обнаружен слой I—IV вв. н. э. Наиболее четко был выражен слой III—IV вв. н. э. На второй площади был также обнаружен слой I—IV вв. н. э. [16, с. 41, 43, 44].

Необходимо отметить, что в районе улиц К. Либкнехта— Я. Свердлова неоднократно находили вещи римского и раннесредневекового времени [17, с. 7, 9, 27]. Эти данные, на наш взгляд, показывают, что район в римское время входил в городскую черту. Видимо, в районе Предтеченской площади слои римского времени были уничтожены при многочисленных постройках и перестройках средневекового и нового времени.

Перейдем к рассмотрению посвятительных надписей и скульптур, происходящих из района церкви Иоанна Предтечи.

Здесь были обнаружены следующие памятники [18, с. 55, № 3; 19, с. 45] (рис. 1, *2—7*). В 1895 г. при рытье котлована для фундамента предела церкви Иоанна Предтечи был найден постамент с надписью «Императора, цезаря, бога, сына бога, Августа (его статую), своего спасителя и благодетеля, (поставила) царица Динамия, друг римлян» (рис. 1, *2*), [19, № 38]. Надпись датируется годами правления Динамии (17 г. до н. э.— 7 г. н. э.). Статуя могла быть пешей или конной [20, XXXIV, *6, 13*].

Вместе с этой надписью было найдено посвящение царя Фарнака Зевсу Генарху [18, с. 53, № 2; 19, № 29] (рис. 1, *3*).

Недалеко от этого места весной 1963 г. в привязке раскопа I, примерно на глубине 0,5 м, в 40 м к северо-востоку от новой апсиды церкви Иоанна Предтечи, в мешанном слое засыпи выше остатков средневековых зданий была найдена надпись, датирующаяся серединой или второй половиной II в. н. э. [21, с. 36, 37] (рис. 1, *4*). Как считает издатель этой надписи А. И. Болтунова, в ней сообщалось, вероятно, о строительстве или ремонте какого-то капитального сооружения...» [21, с. 37].

Вблизи места находки при раскопках на Рыночной площади была обнаружена надпись о постановке статуи царя Савромата I [19, с. 936] (рис. 1, *5*).

В этом же районе Предтеченской церкви в 1839 г. была найдена колонна с латинской надписью — посвящение статуи Савромата I [19, № 46, с. 55; 22, с. 286] (рис. 1, *6*). А. Ашик писал, что, по всей видимости, эта колонна находилась с давнего времени в церкви Иоанна, ее обнаружили при перестройке церкви в 1839 г. В противном случае Ашик бы знал об этой находке [7, с. 87, прим. 1 к № 25].

Следует также отметить находку в XVIII в. посвящения Кибеле III в. до н. э. в полу церкви Иоанна Предтечи [7, с. 61, № 11, прим. 1; 19, № 23, с. 30] (рис. 1, *7*).

Таким образом, в районе церкви Иоанна Предтечи обнаружены памятники, посвященные императору Августу, царю Савромату I, богине Кибеле, Зевсу Генарху, а также надпись о строительстве или ремонте какого-то капитального сооружения.

Следующая группа надписей была найдена в районе Биржевой (Таманской) площади (рис. 1, *8—16*). В 1843 г. на Биржевой площади (рис. 1, *8*), «в 60 шагах от берега моря, по левую сторону древнего Пантикапейского порта, в фундаментах строений турецкой бани» были обнаружены «25 кусков мрамора. Из них достойны внимания четыре подножия с греческими надписями» [7, с. 63, № 15, с. 106, № 39, с. 109, № 40] и «один большой кусок белого мрамора в виде обелиска в 5 аршин длины, $1^1/_4$ ширины и $^3/_4$ толщины, с высеченными с лицевой стороны двумя рельефами, один над другим, из которых верхний изображает две фигуры в хламидах, а нижний — всадника и коня» [23, с. 817, 818; 24, с. 321, 322; 25].

Как видно из процитированных отрывков, плиты с надписями были найдены вторично использованными в фундаменте турецкой бани.

Одна из них представляла собой прямоугольный постамент из белого мрамора. На правой его стороне внизу по краям вырублены две четырехугольные выемки. Венчающая часть и основание профилированы. Вверху плита украшена тремя круглыми акротериями и растительным орнаментом. Надпись гласит следующее: «В добрый час. Происходящего от царей, царя Тиберия Юлия Рескупорида (его статую), сына великого царя Савромата, друга цезаря и римлян, благочестивого, (поставил) город прусийцев, что у Гиппия, своего благодетеля, через посла Марка Аврелия Маркиана, сына Аминия, члена Общего Совета, и Аврелия Филиппиана, сына Прокла, в 520 году, в месяце ДИИ, первого числа» [19, № 55, с. 62, 63] (рис. 1, *8*). Как ясно из текста надписи, она датируется 223 г. н. э. и посвящена постановке статуи Рескупорида III гражданами вифинского города Прусы.

Здесь же был найден большой постамент белого мрамора, увенчанный карнизом на лицевой и боковых сторонах [19, с. 38] (рис. 1, *9*). На лицевой стороне под карнизом расположен рельеф, изображающий два бюста в фас, между ними колонна, ниже надпись с посвящением памятника Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице. Надпись носит исключительный по важности характер, связана с какими-то очень крупными событиями, видимо военной победой, и датируется 70-ми годами III в. н. э. [19, № 36].

Необходимо также отметить и надпись первой половины III в. до н. э. о постановке статуи Аполлону Врачу, найденную вместе с приведенными выше памятниками [7, с. 106; 19, № 25; 25, с. 123] (рис. 1, *10*). Однако нельзя исключать того, что это посвящение могло быть сброшено с горы Митридат вниз. Итак, в одном месте были найдены: архитектурные фрагменты, постамент статуи Рескупорида III, памятник Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице, надпись о постановке статуи Аполлона Врача (рис. 1, *8—10*). Чуть западнее были обнаружены постаменты статуй Рескупорида III, Рескупорида V, Савромата I, надпись хилиарха Аврелия Родона и рельеф (рис. 1, *11—15*).

В 1861 г. между Предтеченской площадью и Таманской пристанью при рытье ям для погребов на участке Аллиауди найдены: прямоугольный постамент с надписью о постановке статуи Аврелия Родона, наместника царской резиденции, хилиарха и римского всадника, датируемый 249 г. н. э. [19, № 58, с. 65] (рис. 1, *11*), постамент статуи Рескупорида III, поставленной в 216 г. н. э. хилиархом Ульпием Антисфеном (рис. 1, *12*) [1, с. 37, № 25; 19, № 53, с. 60; 26, с. VII, VIII].

Интересна находка «на той же земле» рельефа с изображением мужчины с клинообразной бородой и усами [1, с. 37, № 25] (рис. 1, *15*).

Следует отметить, что в 20-х годах XIX в. на Биржевой площади, около фонтана возле Таманской пристани, были найдены архитектурные фрагменты: мраморный карниз и гладкая плита вместе с надписью Аминия 192 г. н. э. [1, с. 37, 38, № 26; 19, № 50, с. 58].

Недалеко от этого места, между Предтеченской площадью и Таманской пристанью, на участке Починского, был обнаружен постамент статуи Савромата I, поставленной союзом молодых никейцев [19, № 44, с. 52; 26, с. VIII] (рис. 1, *13*).

В этом же районе около Таманской пристани в 1850 г. К. Р. Бегичев нашел постамент статуи Рескупорида V, поставленной Юлием Телесином [19, № 59, с. 66; 27, с. 355] (рис. 1, *14*). Необходимо также обратить внимание на следующее свидетельство П. Дюбрюкса: «...особенно знаменательно колоссальное туловище, как думают, Эскулапа, найденное под башней генуэзской крепости» [5, с. 26] (рис. 1, *16*). Прорисовка статуи «Эскулапа» дается в книге А. Ашика [28], однако она настолько неясна, что проверить правильность атрибуции невозможно. Таким образом, в районе Биржевой площади были обнаружены памятники, посвященные боспорским царям Савромату I, Рескупориду III, Рескупориду V, постамент статуи наместника царской резиденции, надпись о сооружении памятника Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице, постамент памятника Аминия, рельеф и архитектурные фрагменты.

Перейдем к рассмотрению находок посвятительных надписей и статуй с территории самой Предтеченской площади.

В 1911 г. при постройке каменных лавок на Предтеченской площади «под прежней мостовой Предтеченской площади, против обоих углов Воронцовской улицы, на глубине 0,70 м» был найден рельеф с изображением Сабазия [1, с. 50, № 111; 29, с. 17, рис. 6] (рис. 1, *17*). Сабазий изображен с зеркалом (?) в левой руке и в неясном головном уборе, от пятки левой ноги извивается змея. Справа изображена женская фигура, обращенная к Сабазию, слева — Гермес с петасом на голове, держащий в левой руке жезл-кадуцей. Рельеф датируется II—III вв. н. э. [30, с. 49, № 40].

В том же году при рытье котлованов для фундаментов новых каменных лавок к юго-востоку от места находки рельефа Сабазия на глубине

2,84 м были обнаружены: часть беломраморной плиты «с христианской надписью», несколько плит с рельефными украшениями, а также надпись о постановке статуи императора Адриана [1, с. 50, № 110; 19, с. 56, № 48; 29, с. 20, рис. 7—10; 31, с. 9] (рис. 1, *19*).

Во время этих же работ севернее церкви Иоанна Предтечи на Предтеченской площади в насыпи с монетами I—II вв. н. э. и краснолаковой керамикой была найдена малая статуя Кибелы [29, с. 16; 1, № 112] (рис. 1, *18*). Может быть, она связана с небольшим храмом Кибелы, располагавшимся в этом районе. Во всяком случае следует отметить, что из церкви Иоанна Предтечи происходит уже упоминавшееся посвящение Кибеле [7, с. 61, № 11, прим. 1; 19, с. 29—30, № 23].

Следует сказать несколько слов о плохо локализованных находках, о которых известно лишь то, что они были найдены на территории Турецкой крепости. Это статуя Геракла «во рву крепости» [5, с. 26], постамент статуи Адриана, поставленной Римиталком [7, с. 98, 99; 19, с. 55, № 47], фрагмент постамента статуи Каракаллы [19, с. 59, № 52], надпись о постановке статуи Рескупорида [19, с. 61, 62, № 54; 32, с. CCXVI], две надписи (о посвящении статуи Нерона и о сооружении царя Радамсада), выполненные на двух сторонах одной плиты [19, № 41, 65].

К сожалению, плохо локализуемой находкой является посвящение Кибеле III в. до н. э., обнаруженное в 1833 г. «при рытье погреба на месте, где существовали стены разломанной Турецкой крепости» [7, с. 61, № 12, прим. 2; 19, № 21].

Теперь попытаемся определить место района I (рисунок) в общей планировке Пантикапея I—IV вв. н. э. Как видно из нашей топографической локализации, здесь были обнаружены статуи римских императоров, боспорских царей, важнейшие общественные и культовые памятники. Здесь мог быть храм, связанный с культом боспорских царей. О внешнем облике этого храма дает представление известная реконструкция храма Аспурга, выполненная В. Д. Блаватским [33, с. 68—71] и существенно дополненная И. Р. Пичикяном [34, с. 92]. Мог здесь располагаться и пятиколонный Капитолий, изображенный на монетах Котиса I. Как считает И. Р. Пичикян, «можно предположить, что обе постройки являлись элементами одного ансамбля, в котором архитектоническое сопоставление сосуществовало с утверждением авторитета боспорского царя» [34, с. 92; 35, с. 18]. Такое обилие неординарных памятников на одной территории приводит к мысли о том, что данный район города в I—IV вв. н. э. мог быть общественным центром Пантикапея. Здесь располагались главные храмы города, стояли статуи боспорских царей и римских императоров. Таким крупным общественным центром могла быть городская площадь — агора. Мы знаем, что в эллинистическое время агора находилась в районе «пританея» [3, с. 175, 176]. Во II в. до н. э. комплекс построек этой агоры гибнет [3, с. 178]. Как показывают рассмотренные выше материалы, ведущая функция переходит к нижней части города, агора перемещается в район Предтеченской — Биржевой площадей. Вторая агора Пантикапея существовала вплоть до IV в. н. э. Сам факт наличия двух городских площадей находит многочисленные аналогии в Афинах, Пергаме, Милете, Тимгаде и других городах [36, с. 74, 148, 201, 205].

Кроме того, существует еще одно, правда косвенное, доказательство перемещения городского центра из района горы Митридат. Раскопки на Центральном раскопе (западное плато района первого кресла горы Митридат) показывают, что жизнь на этом участке города, который со II в. до н. э. по начало II в. н. э. входил в черту акрополя, затухает во II—III вв. н. э. В слоях этого периода находят лишь крайне немногочисленные строительные остатки[4]. Монументальных построек нет.

---

[4] В 1982 г. автор статьи принимал участие в раскопках Пантикапея на Центральном раскопе.

Цитадель на вершине Первого кресла горы Митридат сожжена и разрушена в первые десятилетия II в. н. э. и больше не восстанавливается. Храм Аполлона, сооруженный во второй — третьей четверти V в. до н. э. и разрушенный, скорее всего, в 63 г. до н. э., также не восстанавливается, а его детали применяются во вторичном использовании [35, с. 9, 10; 37, с. 330, 331, 382; 38, с. 26, 27; 39, с. 120—128; 40, с. 18; 41, с. 346; 4, с. 7].

Эти данные указывают на то, что центр города переместился с вершины горы Митридат в припортовую часть.

3. Культовые и общественные памятники вне территории Предтеченской — Биржевой площадей (рис. 1, *20, 30*).

Храм Диониса располагался в районе Босфорской улицы, у южного склона горы Митридат (рис. 1, 30). В 1865 г. его остатки обнаружил А. Е. Люценко. Был найден «каменный помост в три слоя штучных камней длиной и шириной более трех саженей. Найдены были четыре куска статуи юного Диониса, торс и голова пантеры, женская голова, рука статуи, часть базы, карниз. В соседнем дворе помост продолжался и было найдено несколько скульптурных фрагментов и обломок надписи» [42, с. VIII—IX; 43, с. 303, рис. 9]. Статуя датируется IV в. до н. э., однако изображение этой статуи на боспорской монете I в. н. э. дает возможность говорить о существовании храма Диониса в это время [30, с. 81, рис. 26].

Храм Афродиты Апатуры был раскопан в 1962 г. на пересечении улиц К. Маркса и В. Дубинина (рис. 1, *20*). Остатки храма находились на глубине 40 см и были сверху перекрыты более поздней улицей.

Найдены плиты, стоящие ребром на настиле. Над фасадом здания в нише обнаружена надпись с посвящением храма Афродите Апатуре царицей Динамией. На блоках входной стены найдены обетные надписи. Внутри святилище облицовано красной штукатуркой. Вход в него был со стороны моря. Обнаружена и другая надпись, в которой говорилось, что Савромат I восстановил храм Афродиты Апатуры [44].

Приведенные археологические материалы не оставляют сомнения в том, что в 1962 г. был открыт храм Афродиты Апатуры. Таким образом, удалось точно локализовать два важнейших храма Пантикапея — храм Диониса и храм Афродиты Апатуры.

В 1897 г. у южного склона горы Митридат была найдена надпись на архитектурном блоке, относящаяся к периоду правления Савромата I. Надпись содержит следующее: «Царю Царей Тиберию Юлию Савромату, сыну царя Рескупорида (?) ... (какое-то) сооружение и находящуюся в нем картину в свидетельство его доблестной отваги, на собственные средства Тиберий Юлий Фавмаст, хранитель дворцовой казны..., посвятил ... в ... году (?)» [19, № 45].

И. Р. Пичикян, тщательно исследовавший архитектурные фрагменты этой пинакотеки — архитрав с фризом, выбитые в одном блоке, пришел к выводу, что пинакотека была коринфского ордера и построена, вероятно, вскоре после одержанной Савроматом I победы над скифами 106 г. н. э. [34, с. 93, 94].

При топографической локализации пинакотеки следует быть осторожным. Несмотря на то что надпись найдена у южного склона горы Митридат, она вполне могла быть сброшена с самой горы. Наиболее показательна в этом плане находка у подножия горы Митридат в 1840 г. рельефного фриза с изображением шествия богов. Как показал детальнейший анализ этого памятника, сделанный И. Р. Пичикяном, данный фриз относится к храму Аполлона, сооруженному на Верхнем плато горы Митридат [39, с. 125]. Аналогичная история произошла с мраморной базой храма Деметры, найденной Р. Скасси у подножия горы Митридат. Сам же храм Деметры находился на акрополе Пантикапея, вблизи храма Аполлона [39, с. 128]. Достаточно очевидно, что как фриз, так и база колонны были сброшены с горы Митридат вниз, где и найдены. Поэтому от точной локализации пинакотеки, видимо, нужно отказаться.

В районе Старого кладбища было сделано значительное количество находок надписей и скульптур (рис. 1, *21—25*). В основном они локализуются у южной стены кладбища.

В 1862 г. А. Е. Люценко при раскопках некрополя на горе Митридат, около Старого кладбища, нашел надпись на мраморной плите о посвящении статуи Котиса навархом Трифоном [19, № 33; 45, с. V; 46, с. 207] (рис. 1, *21*). Наварх занимал крупную должность в государстве, и постановка им памятника свидетельствует о большом значении этого участка города.

Там же, в юго-западной части кладбища, в 1865 г. на глубине 2,10 м был обнаружен постамент статуи Аспурга, поставленной начальником острова [1, № 33; 19, № 40; 42, с. VII—VIII] (рис. 1, *22*). Должность начальника острова упоминается в надписях наряду с начальником Синдики, начальником Аспургиан, наместником Феодосии, наместником Горгиппии [47, с. 322]. Н. И. Сокольский доказал, что под островом следует понимать Фонталовский полуостров [48, с. 23]. Поэтому речь здесь идет о наместнике Фонталовского полуострова, который был особым военно-административным районом.

В 1882 г. Ф. И. Гросс зарисовал фриз с архитравом, карниз и сложную капитель, найденную за южной стеной Старого кладбища [34, с. 96; 35, с. 18] (рис. 1, *23*). Здание представляло собой храм, датируемый первой половиной II в. н. э. Фасад храма был реконструирован И. Р. Пичикяном [34, с. 98, рис. 5].

Некоторую информацию о характере участка в районе старого кладбища дает надпись на мраморной плите, найденная в 1905 г. в насыпи за южной стеной кладбища: «Поставить... в храме или на видном месте памятник...» [19, № 51] (рис. 1, *24*). По мнению Т. Н. Книпович, надпись представляла собой постановление о сооружении памятника в общественном месте [19, с. 59].

Следовательно, данный участок был связан с каким-то общественным центром города I—IV вв. н. э.

Немного севернее, в Первом кладбищенском переулке (дом № 3), в 1901—1903 гг. была обнаружена надпись Аврелия Сога, наместника Феодосии, выстроившего молельню богу всевышнему (рис. 1, *25*) [19, № 64]. Весьма характерно, что строительство осуществляется лицом, занимавшим видное положение в государстве.

Таким образом, у южной границы старого кладбища располагался общественный центр Пантикапея I—IV вв. н. э., где находились статуи царей, воздвигнутые высокопоставленными людьми. Можно было бы предположить, что здесь располагалась площадь с постройками лиц царской администрации. Однако разведочная шурфовка, проводившаяся на участке дома № 12 по Первой эспланадной улице, находящейся на территории старого кладбища, дала несколько иную картину (рис. 1, *26*). До материка, зафиксированного примерно на глубине 2 м от современной дневной поверхности, залегала насыпь, содержащая материал от конца VI в. до н. э. до I в. н. э. Регулярные напластования отсутствовали. Были обнаружены также два погребения VIII—IX вв. н. э., впущенные в яму. Правда, следует учитывать, что слои римского времени могли быть уничтожены Эспланадой в XIX в.[5]

Можно предположить и вторую интерпретацию. Почти все плиты с надписями располагаются вдоль южной границы старого кладбища. Согласно плану Пантикапея, выполненному Дюбуа де Монпере, рядом с южной стеной кладбища проходила древняя дорога, представлявшая собой городскую улицу или магистраль, ведущую в ворота города [1, № 63] (рис. 1, *27*). Логично предположить, что указанные памятники стояли вдоль нее.

В заключение необходимо остановиться на двух важнейших культовых памятниках на горе Митридат: культовом комплексе, посвященном, вероятно, Артемиде-Гекате, и большой статуе Кибелы.

[5] Информация о разведочных работах на территории старого кладбища получена автором от В. П. Толстикова.

Можно отметить две точки зрения на время находки большой статуи Кибелы со львом [30, с. 33, № 5]. Согласно первой, эта скульптура была найдена К. Р. Бегичевым в 1855 г. между первым и вторым креслом горы Митридат [30, с. 34] (рис. 1, *28*). Однако такая дата вызывает возражения. Впервые статуя была опубликована А. Ашиком в 1849 г. [28, с. 51, рис. XCIX]. Следовательно, скульптура была найдена не в 1855 г., а значительно раньше. Сам А. Ашик отмечал, что статуя Кибелы происходит из коллекции П. Дюбрюкса [28, пояснение к рис. PCI]. Следует привлечь свидетельство Дюбуа де Монпере, на которое по непонятной причине не обращали внимание исследователи. Он пишет, что в 1833 г. Р. Скасси при раскопках горы Митридат к северу от первого кресла нашел у подножия скалы большую статую Кибелы [49, с. 123].

Особое значение имеет исследованный в 1978, 1979, 1982 и 1983 гг. культовый комплекс, представлявший собой, вероятно, святилище Артемиды-Гекаты. Святилище располагалось в районе Верхнемитридатского и Нового Верхнемитридатского раскопов (рис. 1, *29*). Это было сооружение, частично вырубленное в скале, с двумя прямоугольными в плане помещениями, лежащими на разных уровнях. В них были найдены остатки тщательно пригнанной к подтесам мраморной облицовки из архитектурных деталей вторичного использования. Нижнее северное помещение имело цемянковый пол. Здесь, на полу, открыты большие фрагменты мраморных деталей, в том числе известный жертвенный стол с посвящением дочери Скилура [40, с. 19; 50, с. 86]. В святилище был найден крупный фрагмент трехсторонней мраморной гермы, изображающей Гекату и три женские фигуры, которые были размещены по углам [41, с. 346]. Скульптура была исследована и аргументированно атрибутирована Л. И. Акимовой [50, с. 66—87, рис. 1—3]. Святилище датируется концом I в. до н. э.— I в. н. э. [40, с. 19; 41, с. 346].

Подведем краткий итог всему сказанному. Анализ археологических материалов, планов и эпиграфических памятников позволяет выделить следующие общественные и культовые места Пантикапея I—IV вв. н. э.

1. Район Предтеченской — Биржевой (Таманской) площадей (рис. 1, *2—18*). Здесь могла быть агора Пантикапея римского времени. В таком случае, вероятно, можно условно наметить два городских центра, названные нами верхней и нижней агорой. Первоначально, в V—II вв. до н. э., главное значение могла иметь верхняя агора, связанная с комплексом построек «пританея». Во II в. до н. э. происходит разрушение «пританея», жизнь на территории акрополя Пантикапея затухает, и городской центр перемещается вниз, на территорию Предтеченской и Биржевой площадей. В этом районе, видимо, располагались памятники боспорским царям и римским императорам, а также культовые памятники.

2. Район перекрестка улиц К. Маркса — В. Дубинина. Здесь помещался храм Афродиты Апатуры (рис. 1, *20*).

3. Район Старого кладбища (рис. 1, *21—25*). Здесь располагались: молельня богу всевышнему, храм II в. н. э., памятник Аспургу.

4. Район Верхнемитридатского и Нового Верхнемитридатского раскопов, где в конце I в. до н. э.— I в. н. э. существовало святилище Артемиды-Гекаты (рис. 1, *29*).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаватский В. Д.* Материалы по истории Пантикапея.— МИА, 1951, № 19.
2. *Марти Ю. Ю.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
3. *Марченко И. Д.* О планировке северного района Пантикапея.— СА, 1979, № 2.
4. *Толстиков В. П.* Фортификация античного Боспора: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1981.
5. *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на берегу Босфора Киммерийского. От входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук, включительно, при Черном море.— ЗООИД, 1858, т. IV.
6. *Бларамберг И.* Заметки о некоторых памятниках древности в Тавриде, в частности в Пантикапее.— ЗООИД, 1848, т. II.
7. *Ашик А. Б.* Боспорское царство. Т. 1. Одесса, 1848.

8. *Михайлова М. Б.* Александр Дигби — зодчий классицизма на юге России.— Архитектурное наследство, 1980, № 28.
9. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
10. *Фролова Н. А.* Начальные эмиссии меди Савромата I.— КСИА, 1978, вып. 156.
11. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964.
12. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
13. *Михайлова М. Б.* Основные этапы формирования Керчи в XVIII—XIX вв.— Архитектурное наследство, 1976, № 25.
14. *Макарова Т. И.* Средневековый Корчев.— КСИА, 1965, вып. 109.
15. *Зеест И. Б., Якобсон А. Л.* Раскопки в Керчи в 1963 г.— КСИА, 1965, вып. 104.
16. *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.— МИА, 1962, № 103.
17. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
18. *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895—1898 гг.— МАР, 1899, т. 23.
19. Корпус Боспорских надписей. М.— Л.: Наука, 1965.
20. Архитектура античного мира. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1940.
21. *Болтунова А. И.* Античная надпись из раскопок Корчева.— КСИА, 1967, вып. 109.
22. *Мурзакевич Н. Н.* О латинской надписи с именем боспорского царя Савромата II.— ЗООИД, 1844, т. I.
23. ЗООИД, 1848, т. II.
24. Открытие древностей в Керчи, в продолжение второй половины 1843 года.— ЖМВД, 1844, ч. 6.
25. *Ашик А. Б.* О последних археологических раскопках в Керчи.— ЖМВД, 1846, ч. 14.
26. ОАК за 1861 год. СПб., 1862.
27. *Беккер П.* Керчь и Тамань в июле месяце 1852 года.— Пропилеи, 1853, т. III.
28. *Ашик А. Б.* Боспорское царство. Т. 3. Одесса, 1849.
29. ИАК, 1914, вып. 56.
30. *Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М.: Наука, 1978.
31. ИАК, 1912, вып. 45.
32. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891.
33. *Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея.— МИА, 1957, № 56.
34. *Пичикян И. Р.* Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья первых веков нашей эры.— ВДИ, 1976, № 4.
35. *Пичикян И. Р.* Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
36. *Finley M. I.* Atlas of classical archeology. L., 1977.
37. *Толстиков В. П.* Разведка на вершине первого кресла горы Митридат.— АО — 1976. М., 1977.
38. *Пичикян И. Р.* Храм ионийского ордера на акрополе Пантикапея (реконструкция ордера).— Тезисы конференции: Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л., 1973.
39. *Пичикян И. Р.* Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э.— ВДИ, 1975, № 1.
40. *Толстиков В. П.* Раскопки Пантикапея в 1978 г.— Тезисы научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ за 1978 г. М.: Искусство, 1979.
41. *Толстиков В. П.* Раскопки Пантикапея.— АО — 1979. М., 1980.
42. ОАК за 1865 г. СПб., 1866.
43. *Максимова М. И., Наливкина М. А.* Скульптура.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
44. *Чуістова Л.* Святилище Афродиты в Пантикапее.— АП, 1962, т. XI.
45. ОАК за 1862 год. СПб., 1863.
46. ОАК за 1863 год. СПб., 1864.
47. *Сокольский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху.— In: Acta antiqua Philippolitana. Studia archeologica. Gerdicae, 1963.
48. *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976.
49. *Dubois de Montpereaux Fr.* Voyage autour du Caucase. v. V. P., 1843.
50. *Акимова Л. И.* Новый памятник скульптуры из Пантикапея (к проблеме гекатейонов).— ВДИ, 1983, № 3.

A. V. Sazanov

TOPOGRAPHY OF PANTICAPAEUM OF THE 1st-4th CENTURIES A. D.

Summary

The author has set out to localise most important social and religious buildings of Panticapaeum. The following regions where they had stand in the Roman times were identified with the help of the map compiled by P. Dubryuks and reconstructed by V. P. Tolstikov and I. I. Krolenko:

1. The Predtechenskaya-Birzhevaya (Tamanskaya) squares (Fig. 1, *2-18*). Most probably an agora of the Roman times stood here. One can tentatively distinguish two urban centres termed by the present author the lower and the upper agora. In the earlier period, between the 5th and the 2nd centuries B. C. the upper agora was more important. It was connected with the prythaneum. In the 2nd century B. C. it was destroyed, the activity in the Panticapaeum acropolis declined, and the centre shifted to the Predtechenskaya and Birzhevaya squares. It was, perhaps, in this region where monuments to Bosporan kings and Roman emperors were found together with religious buildings.
2. The crossing of Karl Marx and Vladimir Dubinin streets, where the temple of Aphrodite Apatura stood (Fig. 1, *20*).
3. The vicinity of the Old Graveyard (Fig. 1, *21-25*) where a chapel of the Most High, a 2nd-century temple and a monument to Aspurgus were found.
4. The district around the Verkhne — Mitridatsky and the Novy Verkhne-Mitridatsky diggings, where, in the late 1st century B. C. and the 1st century A. D. stood a sanctuary of Artemis-Hecate (Fig. 1, *29*).

КУТАЙСОВ В. А.

ДОМ С АНДРОНОМ ИЗ РАСКОПОК КЕРКИНИТИДЫ

Наиболее крупный из античных населенных пунктов Северо-Западного Крыма — Керкинитида является до настоящего времени малоизученным памятником. Первые раскопки города (не считая исследования его сельскохозяйственной округи и некрополя) в 1917—1918 и 1929 гг. провел Л. А. Моисеев [1, с. 39, и сл.; 2, с. 138—143; 3, с. 27—34; 4, с. 89], в 1933 г. их продолжил П. Н. Шульц [5, с. 252—254; 6, с. 268, 269; 7, с. 18—20] и в 1950, 1952 гг.— М. А. Наливкина [8, с. 114—118; 9, с. 63—72; 10, с. 267—270]. Археологическое изучение памятника до сих пор носило эпизодический и в основном разведывательный характер. Результаты всех этих работ были кратко подытожены в книге А. Н. Щеглова, отметившего крайне недостаточную изученность территории города, отсутствие хотя бы одного полностью раскопанного дома [11, с. 78]. Анализ архитектурных остатков из раскопок Керкинитиды сделан С. Д. Крыжицким [12, с. 48, 53, 54, 57].

В 1980 г. экспедиция Института археологии АН УССР приступила к систематическим раскопкам восточного участка Керкинитиды[1]. Настоящая статья знакомит с одним из интересных и полностью изученных памятников, так называемым домом с андроном.

Как уже было отмечено в предварительных публикациях [13, с. 38; 14, с. 246; 15, с. 28], в восточной части города стратиграфически выделяются четыре архитектурно-планировочных периода, укладывающихся в промежуток времени с рубежа VI—V по II в. до н. э.: первый — с рубежа VI—V по последнюю четверть V в. до н. э.; второй — с последней четверти V по середину IV в. до н. э.; третий — с середины — третьей четверти IV по вторую половину II в. до н. э.; четвертый период приходится на вторую половину — конец II в. до н. э. Для первых двух строительных периодов (VI—V — середина IV в. до н. э.) характерны постройки с сырцовыми стенами на невысоких каменных цоколях, на 0,5—0,6 м возвышающихся над уровнями полов. Третий период совпадает по времени с включением Керкинитиды в состав Херсонесского государства, что со всей очевидностью отразилось в строительной истории города. Так, именно в этот период наряду с традиционными сырцово-каменными сооружениями появляются здания с капитальными стенами во всю их высоту из отесанного и рустованного камня, аналогичные постройкам эллинистического Херсонеса[2]. Характерно и комбинирование таких стен с внутренними сырцовыми стенами на каменных цоколях. Вряд ли это можно объяснить только культурным влиянием Херсонеса и, вероятно, связано с притоком в город нового, в основной массе дорийского населения со своими строительными навыками и приемами, что находит прямое подтверждение в некрополе города [11, с. 46].

Последний период существования города относится ко второй половине II в. до н. э. и связан со строительной деятельностью захвативших Керкинитиду скифов. Хронологические рамки этого этапа определяются не только всей совокупностью археологического материала, но и эпиграфическими памятниками. Так, в одной надписи из Аттики 119/118 гг. до н. э. в честь эфебов упоминается некий сын Аполлония, керкинит

[1] Раскопки связаны с планирующимся строительством новых лечебных корпусов санатория, расположенного на территории памятника.

[2] Эти строительные перемены отмечены еще М. А. Наливкиной [16, с. 56].

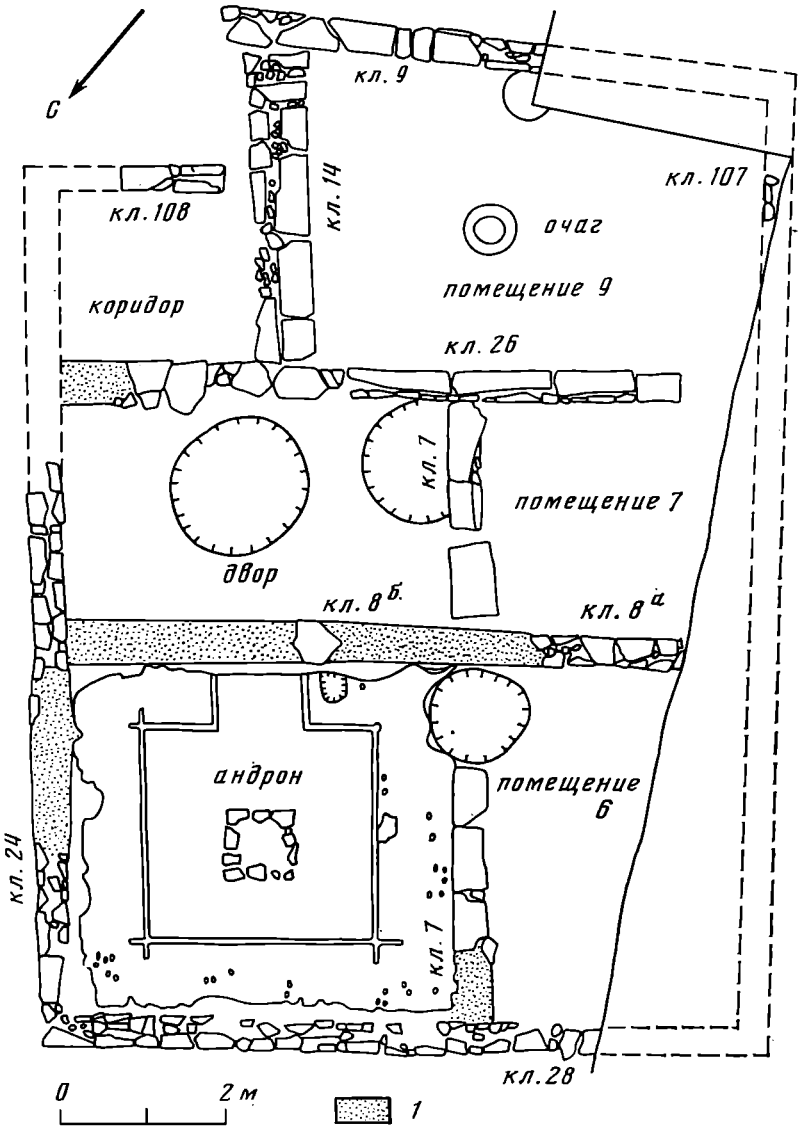


Рис. 1. Дом с андроном. План. *1* — подсыпки из песка

[17, № 6][3], из чего можно заключить, что Керкинитида как греческий город во второй половине II в. до н. э. еще существовала. Из декрета в честь Диофанта 109/108 гг. до н. э. (IOSPE, I², 352) следует, что город, отвоеванный у скифов, был возвращен Херсонесу полководцем Митридата. Не следует ли из сказанного, что скифы владели Керкинитидой совсем недолго? Скифское поселение на месте разрушенного города состояло первоначально из заглубленных в землю сооружений овальной и округлой формы. Лишь спустя некоторое время последние были полностью заменены более долговечными каменными постройками, воздвигнутыми целиком из камня, добытого из разрушенных греческих зданий. Никаких строительных остатков более позднего времени на исследованном участке обнаружено не было.

Остатки дома с андроном относятся к третьему архитектурно-планировочному периоду и расположены посреди одного из открытых раскопками кварталов. Однако внутриквартальная планировка еще требует дальнейшего уточнения. С юго-восточной его стороны проходил проулок шириной 2,1—2,3 м, заканчивающийся возле описываемого дома тупиком.

[3] В греческом тексте издания Б. Н. Гракова патронимик ошибочно назван Аполлонидом вместо Аполлония (IG, II, 1008, col. IV, v. 114).

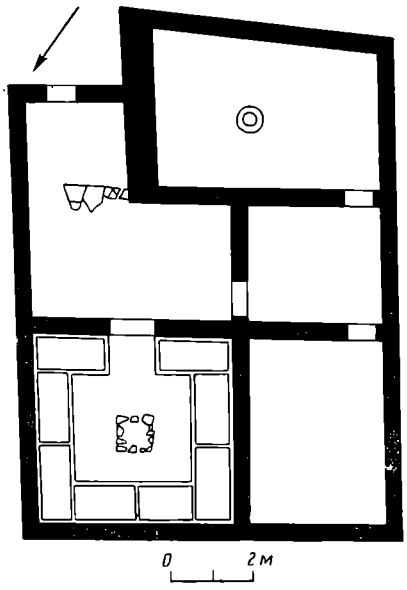


Рис. 2. Дом с андроном. Реконструкция плана

Планировка города в целом в этот период, как и прежде, была регулярной — с перпендикулярным пересечением улиц. Разбивка квартала на жилые комплексы также не претерпела существенных изменений: новые здания, как правило, воздвигались на старых основаниях. Интересен тот факт, что по своей ориентации планировочная сеть города (с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад) полностью совпадает с планировкой эллинистического Херсонеса [18, с. 14, 15], а также с направлением аграрных систем гераклейского полуострова и Калос-Лимена [19, с. 147], что, по всей видимости, связано с одинаковой розой ветров.

Дом с андроном, размерами 8,80—9,0× ×12,25 м, как уже сказано, находился в середине квартала; с юго-запада к нему вплотную примыкал дом 2, с противоположной стороны — дом 4. К сожалению, юго-западная часть этого комплекса задолго до раскопок уничтожена современными земляными работами, а часть его внутреннего пространства была изрыта скифскими ямами II в. до н. э. (рис. 1); тогда же камень из его стен в значительной степени был выломан скифами для своих построек. Но, несмотря на повреждения, понимание планировки дома с андроном не вызывает особых затруднений. Основу ее составляет двор, примыкающий своей северо-восточной стороной к наружной ограде дома; вдоль юго-западной и северо-западной стороны двора располагались жилые и хозяйственные помещения здания (рис. 2—4). Капитальные стены комплекса (кладки 7, 8б, 14, 24 и 28) — однослойные двулицевые, шириной 0,40—0,43 м — на всю высоту были сложены из крупных отесанных блоков известняка. Кладка 7 длиной 8,1 м сооружена вперевязь с кладкой 26. Сохранились в основном плиты ее основания. Лишь у юго-восточного конца стены открыто три блока, установленных на ребро в высоту двух рядов. Со стороны двора их поверхность хорошо отесана, а швы пропилены. Кладка 9 сохранилась в высоту до трех рядов камней и выложена из плоских отесанных блоков толщиной 0,25—0,27 м, уложенных плашмя. Кладка 14 длиной 4,2 м своими концами примыкает к кладкам 9 и 26. Она первоначально была однопанцирной, шириной 0,43 м, а позже стала двухпанцирной, шириной 0,65 м. При этом северо-восточный край стены был частично уложен прямо на землю. Подошвы стен 7,8б и 14 лежат на песочной подсыпке, так называемой «подушке» шириной до 0,6 м, заполняющей траншею такой же глубины. В остальных случаях в качестве цоколя или фундамента использовались каменные цоколи более ранних построек, немного выступающие над дневной поверхностью времени строительства дома (кладки 9, 24, 28). В тех местах, где стены полностью разобраны, их направление и ширина устанавливаются по песочным основаниям и остаткам более ранних кладок, использовавшихся в качестве цоколей.

Раскопками Керкинитиды установлено, что местные строители на протяжении всей истории города заменяли каменные ленточные фундаменты песочными основаниями. Песок под тяжестью стен и кровли спрессовывался, давая устойчивое основание всей постройке. Замена каменных фундаментов всевозможными сыпучими материалами неоднократно практиковалась в Северном Причерноморье в античное время. Так, в Ольвии наряду с подсыпками из песка и глинистыми трамбоками [20, с. 55] еще большее распространение получили так называемые слоевые основания, состоящие из чередующихся плотно утрамбованных прослоек лёсса и

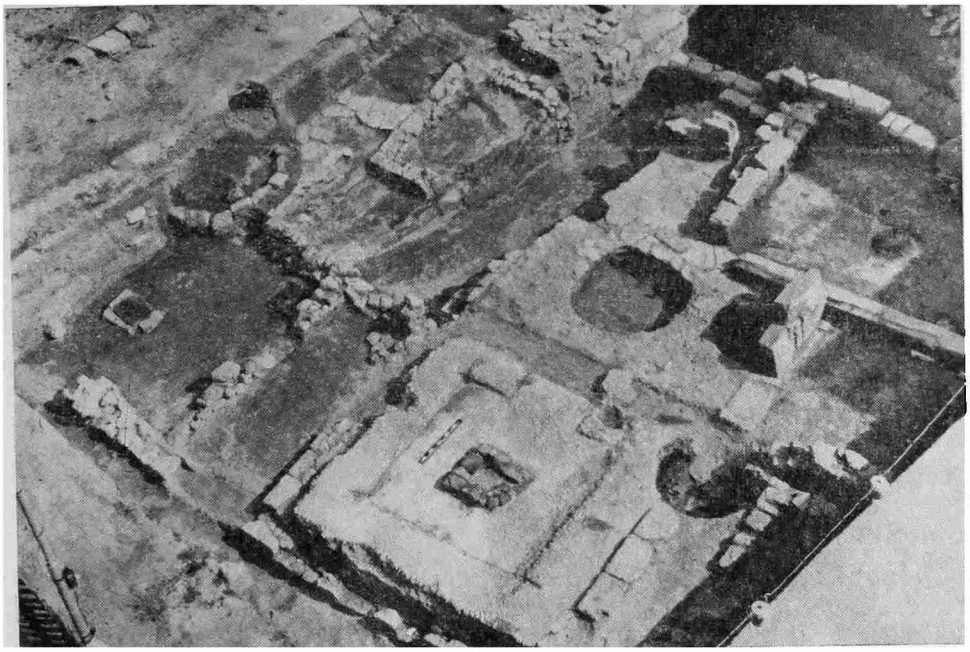


Рис. 3. Участок раскопок 1980 г. На ближнем плане дом с андроном. Вид с запада

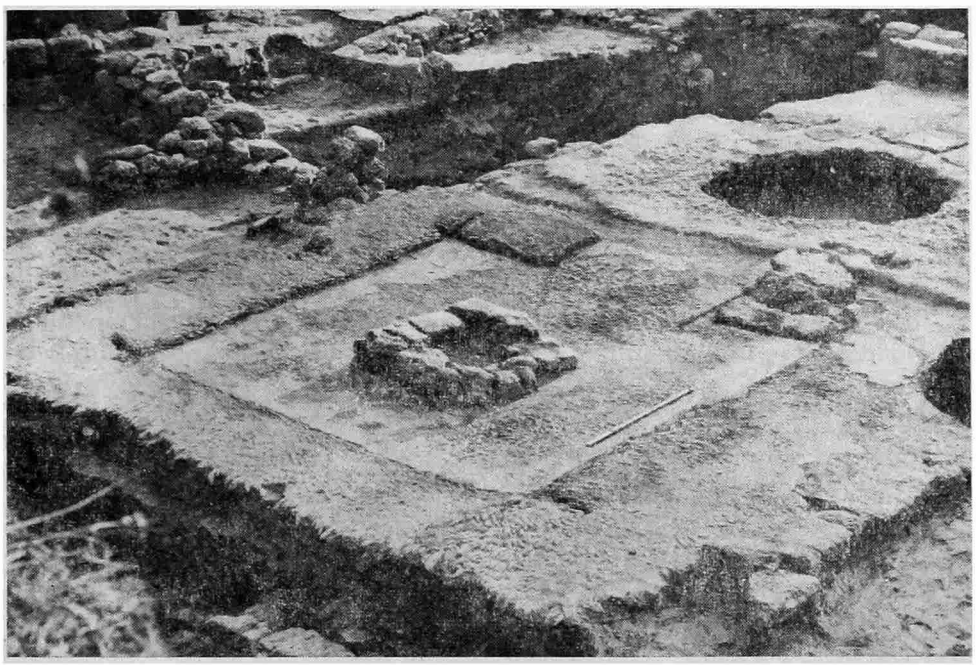


Рис. 4. Андрон. Вид с запада

золистой земли [21, с. 111, 112]. Использование слоевых субструкций, подобных оливийским, известно в Истрии [22, с. 578].

Внутренние стены дома (кладки 8а, 26) двухпанцирные, шириной 0,43—0,45 м, вероятно, в своей верхней части были сырцовыми. Кладка 8а сохранилась в длину на 2 м; ее цоколь высотой 0,9 м сложен из небольшого, подтесанного с лицевой стороны камня на глине. От кладки 26 сохранился лишь первый ряд стены высотой 0,30—0,36 м, с ровной горизонтальной поверхностью. Юго-восточный панцирь стены сложен из пиленых с верхней и внутренних сторон плит толщиной 0,32—0,35 м, клинчатой формы; северо-западный панцирь — из тонких пиленых с наружной стороны плит толщиной 0,10—0,14 м, поставленных

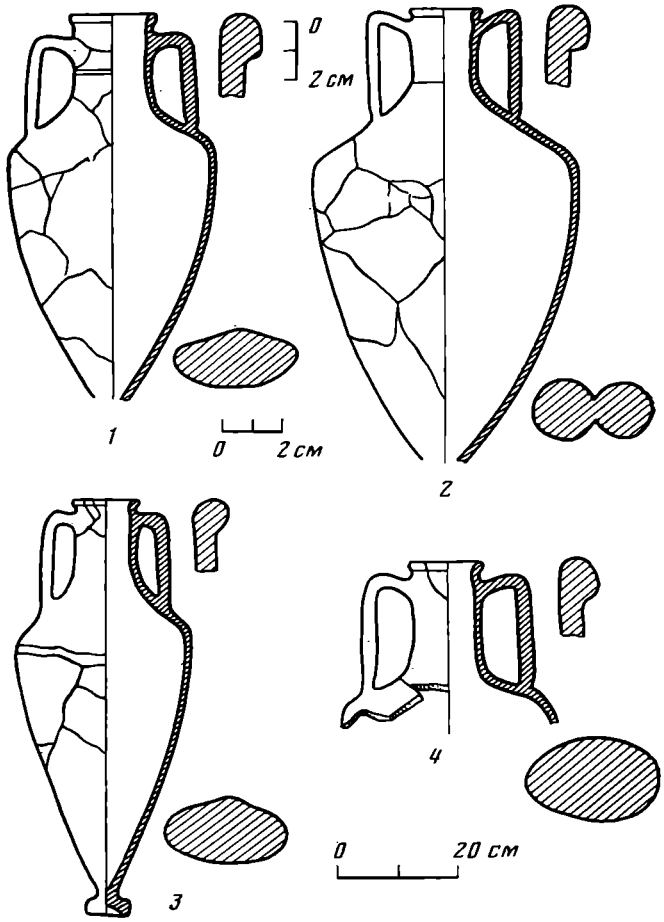


Рис. 5. Амфоры, найденные при раскопках дома с андроном. *1, 3* — херсонесские; *2* — косская; *4* — синопская

на ребро. Обе стены имели основание шириной 0,50—0,55 м, из плоских плит, подошва которых лежит на песочной подсыпке, заполняющей траншею.

Строительные остатки оказались перекрытыми слоем полностью разложившихся сырцовых кирпичей толщиной 0,6—0,8 м. В этом слое найден разновременный керамический материал, относящийся к концу IV—II вв. до н. э. Отметим обломки херсонесской ангобированной амфоры с ножкой на широкой кольцевой подставке (рис. 5, *3*) и горло синопской амфоры (рис. 5, *4*) с плохо сохранившимся клеймом фабриканта Пютея. Отсутствие имени астинома не позволяет датировать клеймо точнее, чем с конца IV по вторую половину II в. до н. э. [23, с. 209; 24, с. 133]. Отметим также находку родосского клейма эпонима Анаксибула, относящегося по классификации В. Грейс к III хронологической группе (220—180 гг. до н. э.) [25, с. 525]. Описанный слой в юго-восточной части здания был перекрыт завалом из небольшого камня и керамики. В нем найдена верхняя часть косской амфоры, покрытой зеленоватым ангобом с двуствольными ручками (рис. 5, *2*). Аналогичный по форме сосуд В. Грейс датировала около 200 г. до н. э., отмечая при этом, что он был найден в заполнении колодца, засыпанного в начале I в. до н. э. [26, с. 186, табл. 19, *8*]. Отсюда же происходит крупный фрагмент (без ножки) херсонесской амфоры (рис. 5, *1*) с клеймом астинома Сократа, первой половины III в. до н. э. [27, с. 148, № 147], книдское клеймо эпонима Аристократа (имя фабриканта не восстанавливается), относящееся по классификации В. Грейс к VI группе (108—80 гг. до н. э.) [28, с. 335, E-105, 138, 191].

Двор размерами 4,9×2,45 м расположен посреди комплекса и занимает 11% его площади (рис. 1, 2). Северо-восточной стороной он примыкает к наружной стене 24 дома. Двор был вымощен плотно утрамбованной известняковой крошкой и соединялся с проулком коридором шириной 2,5, длиной 2,4 м. При переходе из коридора во двор имелась небольшая ступенька высотой 0,1 м, совпадающая по направлению с кладкой 26. Ступенька выложена из одного ряда плоских плит известняка, уложенных плашмя вровень с поверхностью двора, лицевой стороной на юго-восток. Подошва этих плит лежит на песочном основании шириной 0,6 м, заполняющем траншею такой же глубины. Коридор отделялся от улицы однопанцирной двулицевой кладкой 108 шириной 0,4 м, сложенной из хорошо отесанных камней. Сохранился пиленый блок известняка длиной 0,78 м, использованный в качестве порога дверного проема в этой стене, и его юго-западный откос, что позволяет определить ширину входа.

Андрон (рис. 1—4) [4] — наиболее парадная часть дома. Конструктивные особенности подобных помещений, предназначенных для приема гостей и праздничных трапез [29, VI, VII, 3—5], наиболее полно изучены при раскопках Олинфа [30, с. 171—185]. Их отличительной особенностью являются полы, вымощенные галькой на известковом растворе и приподнятые вдоль стен панели для установки пиршественных лож. Нередко центральная часть андрона украшалась мозаикой, пол и панели окрашивались в красный цвет, стены оштукатуривались и расписывались. Такие комнаты являлись обычной принадлежностью дома среднего достатка. Известны случаи находок андронов и в сельских усадьбах [31, с. 28; 32, с. 308].

Описываемый андрон расположен в северном углу жилого комплекса; в плане он близок квадрату — его размеры 4,64×4,86—4,94 м. Стены этой комнаты сохранились крайне фрагментарно, их очертания устанавливаются по уцелевшим плитам основания и более ранним кладкам, использованным в качестве фундаментов. Направление юго-восточной, обращенной во двор стены 8б определяется по песочному основанию, заполняющему траншею шириной 0,6 и глубиной 0,5 м. Поверх него in situ лежала плоская плита толщиной 0,1 м, размерами 0,5×0,64 м. Вероятно, эта и две другие стены андрона были сложены из крупных блоков, аналогично кладке 7. Дверной проем находился в юго-восточной стене шириной 1,2 м и выходил прямо во двор.

Пол андрона и панель вдоль его стен были вымощены галькой, поставленной на ребро на известковом вяжущем растворе, и сверху оштукатурены (следовательно, галька видна не была). Штукатурка не имела окраски и сохранилась к моменту раскопок фрагментарно. Приподнятая на 6—10 см панель вдоль стен была различной ширины: с юго-восточной стороны 0,82—0,84 м, с юго-западной — 0,9, с северо-восточной — 0,84, с северо-западной — 0,93 м. В месте дверного проема панель была разорвана. Окаймленная ею центральная часть пола представляла собой ровную известковую площадку прямоугольной формы (близкой к квадрату), размерами 2,76×3 м (рис. 1—4). По сторонам этого внутреннего квадрата сохранились пазы от деревянной обкладки [5], придерживающей непрочные края панели, залитые во время строительства жидким раствором. В углах квадрата брусья этой деревянной рамы перекрещивались. В центре пола находился очаг квадратной формы, размерами 0,90××0,98 м, выложенный из подтесанных плоских камней, уложенных плашмя прямо поверх галечной вымостки. Все пространство внутри очага было заполнено золой с мелкими угольками. Вероятно, он был сооружен несколько позже самого андрона и связан с приспособлением комнаты к достаточно суровому климату северо-западного побережья Крыма. Интересно, что следы очага были обнаружены и в углу андрона одного из домов Пантикапея [33, с. 46].

---

[4] Первая интерпретация памятника принадлежит С. Д. Крыжицкому.

[5] В Ольвии в аналогичных пазах сохранились остатки дерева [20, с. 67].

Слева от входа, в южной части андрона, открыто углубление неправильной формы, диаметром 0,35—0,40, глубиной до 0,2 м, оштукатуренное известковым раствором. Гальки вокруг углубления уложены плашмя, в то время как везде поставлены на ребро. В его заполнении оказались зола с костями козленка и бычьим ребром. Очевидно, перед нами остатки строительного жертвоприношения.

Пол андрона перекрыт слоем золы толщиной 3—4 см. Непосредственно на поверхности золы лежали фрагменты херсонесских и синопских керамид, обломок края херсонесской чашки со следами ремонта, покрытой светлым ангобом, херсонесская бронзовая монета с изображением на аверсе квардиги с Девой, на реверсе — коленопреклоненного воина[6]. А. Н. Зограф и В. А. Анохин датируют эти монеты третьей четвертью IV в. до н. э. [34, табл. XXXV, *10*; 35, II, III, 36, 56], С. Ю. Сапрыкин — 362—355 гг. до н. э. [36, с. 56]. Возле очага найден рог барана, фрагменты двух лепных горшков.

Как сказано, постройки с андронами наиболее полно изучены в Олинфе, где открыто свыше 30 аналогичных помещений. Большинство олинфских андронов приблизительно квадратной формы, размерами в пределах от 4,5×5 м [30, с. 173]. В Олинфе имеются и андроны, полностью совпадающие по размерам с нашим памятником [30, табл. 1, 19]. Поскольку стены керкинитидского андрона из-за хорошего штучного камня были выбраны до основания, остатков стенной штукатурки обнаружено не было, хотя она и могла тут быть (косвенно на это могут указывать находки красной штукатурки, обнаруженные на соседних участках).

Д. Робинсон и Дж. Грэхэм выявили следующие условия размещения андронов среди других комнат дома: в жилой северной части комплекса с обязательным выходом одной из сторон комнаты на улицу или открытое пространство, необходимое для ее освещения [30, с. 177—178; 37, с. 201, 203]. Наш памятник отвечает этим условиям. Рассматривая ряд аналогичных зданий, отметим в них также тенденцию к угловому расположению андронов [30, табл., с. 184; 31, с. 283; 32, с. 308, табл. 4; 33, с. 95, табл. 9; 38; 39, с. 111, табл. 3], т. е. как и в нашем случае.

Нетрудно вычислить число лож, а значит, и пирующих, на которое рассчитан керкинитидский андрон. Упомянутые авторы считают, что обычный олинфский андрон мог вмещать пять лож длиной 2—2,5 м [30, с. 173]. Однако большинство исследователей вполне справедливо считают длину ложа равной среднему человеческому росту (6 футов, по Витрувию, т. е. около 1,8 м) [29, III, 2] и размещают в аналогичных комнатах до семи лож [31, табл. 4; 32, с. 283; 40, с. 49, табл. 5]. Характерной особенностью андронов, как отмечают Е. И. Евдокимова и Г. Томпсон [41, с. 60; 42, с. 44], является несимметричное расположение двери, перенос ее в одну из сторон на расстояние 6 футов для расположения там ложа. В нашем случае дверной проем находится в середине стены при одинаковых расстояниях по обе стороны входа, достаточных для размещения двух лож. Таким образом, в этом андроне могло поместиться восемь человек. Можно попутно отметить, что еще в 1893 г. при раскопках некрополя Керкинитиды был обнаружен краснофигурный кратер с изображениями трапезы в андроне [43, рис. 22; 44, с. 14].

Дома с андронами в Северном Причерноморье большая редкость. Это, вероятно, связано лишь с отсутствием полностью раскопанных классических и эллинистических комплексов, так как андрон в указанное время является неотъемлемой частью всякого зажиточного дома. Так, например, в Херсонесе известен мозаичный настил, связываемый Г. Д. Беловым с баней [45, с. 279 и сл.]. Однако вторичное использование сюжетной мозаики в качестве пола ванного помещения при доме II в. до н. э. не исключает более ранней даты и первоначально иного назначения памятника. По мнению О. И. Домбровского, реставрировавшего эту мозаику, она является фрагментом большого неполностью сохранившегося настила

[6] Монеты из раскопок Керкинитиды определены В. А. Анохиным.

IV—III вв. до н. э., относящегося к андрону более раннего дома [46] и вторично использовавшегося как пол в бане при доме II в. до н. э. На это указывает низкий уровень залегания пола (до 1 м) по сравнению с поверхностью двора, установка прямо на мозаику каменной ступеньки, ведущей в комнату со двора [45, с. 280], и, наконец, композиционно неправильное положение мозаичной картины по отношению к входу в баню. Видимо, первоначально настил был несколько шире и изображение купающихся женщин обрамлялось на нем фризом из пальметт, от которых сохранилась лишь одна, перекрытая упомянутой ступенькой. Ширина обрамления центральной композиции, равна 0,9 м [45, рис. 4], что обычно для пиршественных комнат. Сказанное здесь, в частности, подтверждается находками кусочков штукатурки, окрашенных в красный цвет [45, с. 280], характерной именно для андронов. Однако ряд вопросов, связанных с херсонесским мозаичным настилом, еще остается нерешенным в связи с неясной планировкой самого дома, к которому он относится[7].

Очень близкие по размерам нашему памятнику андроны найдены в Ольвии. Здесь в 1909—1910 гг. при раскопках большого перестильного дома, датированного Б. В. Фармаковским II—I вв. до н. э., был открыт андрон размерами 4×4 м, с мозаичным настилом в центральной части пола и окрашенной в ярко-малиновый цвет цементной панелью вдоль его стен [20, с. 66—68; 47, с. 208—210; 48, с. 228]. Первая интерпретация памятника как андрона принадлежит Д. Робинсону и Дж. Грэхэму, отнесшим его к III в. до н. э. [30, с. 182, прим. 34]. Предложенная ими датировка была археологически подтверждена Е. И. Леви и А. Н. Карасевым [49, с. 226, 228]. Другой андрон был открыт в Ольвии в 1912 г. при изучении смежного с упомянутым выше комплексом дома [50, с. 24]. Комната имела два разновременных пола: нижний, окрашенный в красный цвет, и верхний, выложенный в центральной части галькой. С андроном также связан широко известный мозаичный настил с несохранившимся изображением в центральном круге, обрамленном фризом с животными. Согласно предложенной С. Д. Крыжицким реконструкции дома, пиршественная комната имела небольшую прихожую, столь характерную для олинфских комплексов и впервые отмеченную в Северном Причерноморье [21, с. 53—57].

Отметим некоторые памятники Боспора. Так, в 1899 г. К. Е. Думберг открыл в Пантикапее помещение с оштукатуренными и расписанными стенами и цементным полом, украшенным сверху вдавленными в раствор гальками белого и черного цвета [49, с. 119—122]. В том же году на другом участке открыто помещение с оцементированным, окрашенным в красный цвет полом. Сверху в цемент были вдавлены кусочки мрамора [49, с. 125]. Группу аналогичных памятников Пантикапея завершает пиршественное помещение — «пританея» (комната А)[8]. Вдоль его стен шла панель, выложенная галькой на известковом растворе, середина пола была украшена мозаикой, сохранившейся крайне фрагментарно [29, с. 46; 52; 53, с. 84—85; 54, с. 49—50; 55, с. 52; 56, с. 88]. У восточной стены комнаты обнаружено два мраморных блока, служивших основанием для лож. Учитывая монументальность здания, его размеры, можно допускать наличие в нем не одного, а нескольких подобных помещений различной величины. Таковым могло быть помещение Г, почти квадратной формы, площадью 22,5 м, пол которого покрыт светлым цементом и украшен в центре разноцветной галькой без рисунка [29, с. 47; 53, с. 86]. Вдоль его стен имелась панель, выложенная из гальки серого цвета. Стены обоих помещений были оштукатурены и расписаны.

---

[7] Предложенная интерпретация принята С. Д. Крыжицким [51, с. 46].

[8] По мнению С. Д. Крыжицкого, рассматриваемое здание было не общественным, а жилым [12, с. 66, 67]. Сказанное, в частности, подтверждается и тем, что на соседней нижней террасе располагалась другая, не менее богатая постройка с трехсторонним портиком, ничем не уступающая по своему архитектурному убранству «пританею»

Андроны в других городах почти неизвестны, скорее всего из-за фрагментарности открытых раскопками строительных остатков. Так, в Фанагории к андрону можно отнести так называемый «красный пол», мощенный галькой на известковом растворе [57, с. 29; 58, с. 60], а также аналогичную площадку, открытую на раскопе «А» и почти полностью разрушенную фундаментом более позднего здания [57, с. 29; 58, с. 22; 59, с. 209]. Не исключена возможность принадлежности к андрону угловой комнаты в северной части еще одного фанагорийского дома с оштукатуренными расписанными стенами и известковым полом, на котором обнаружено большое количество мелких кусков мрамора [57, с. 32; 60]. Последний вполне мог использоваться в простой орнаментальной мозаике в центре пола. На Боспоре известен также андрон западнее Таманского толоса с цементной центральной частью, окаймленной панелью шириной 1 м и вымощенной каменными плитами. По мнению Н. И. Сокольского, в нем могло разместиться 18 лож длиной 1,4 м [61, с. 23, 26, 74, 75] (размеры лож несколько занижены).

Помещение 6 керкинитидского дома с андроном занимает западное угловое положение; размеры открытой раскопками части 2,5×3,7 м. Пол комнаты глинобитный, перекрыт тонким слоем утоптанной золы, толщиной 5—6 см. Найдена бронзовая монета, рассыпавшаяся при чистке. В пределах раскопанной части помещение не имело дверного проема; по всей видимости, оно было смежным с помещением 7. Внутреннее положение этой комнаты предполагает ее жилое назначение. Вероятно, она была спальней.

Помещение 7, так же как и комната 6, сохранилось неполностью; размеры открытой части 3×3,4 м. Вход в комнату шириной 1,10 м находился с северо-восточной стороны. Открыта плита порога размерами 0,6×1,0, толщиной 0,1 м. Вероятно, это помещение было смежным с комнатами 6 и 9. В строительном отесе времени сооружения стен комнаты обнаружены две бронзовые херсонесские монеты третьей четверти IV в. до н. э. с изображением квадриги с Девой на лицевой стороне и коленопреклоненного воина на оборотной [35, табл. II, III, *36—56*], что позволяет более точно определить дату постройки всего дома. Помещение имело два разновременных глинобитных пола. Нижний пол находился на уровне основания кладок постройки, непосредственно над строительным отесом. На нем найдены (рис. 6) обломок железного серпа, железный инструмент неясного назначения с бронзовой цилиндрической рукоятью. Верхний пол находился на 0,17—0,20 м выше первого; он четко отделен тонкой прослойкой утоптанной золы, толщиной 3—4 см. На нем сделаны следующие находки: бортик синопской керамиды; две ножки херсонесских амфор — одна на широкой кольцевой подставке, другая коническая; горло гераклейской биконической амфоры с клеймом фабриканта Дамострата и магистрата Архиппа, второй — третьей четверти IV в. до н. э. [61, с. 39]; чернолаковый канфар IV—III вв. до н. э. (рис. 7, *1*); фрагмент сероглиняной чаши (рис. 7, *4*); сероглиняный гончарный (рис. 7, *3*) и коричневоглиняный лепной горшки (рис. 7, *2*). Здесь же обнаружена пантикапейская монета 330—315 гг. до н. э. с изображением Сатира на лицевой стороне и грифона над колосом пшеницы на оборотной [62, табл. V, *57*].

Помещение 9 (рис. 1—3) размерами 4,2×5,5 м образовано описанными выше кладками 9,14 и 26. От юго-западной стены комнаты (107) сохранились всего три уложенных плашмя камня северо-восточного панциря. Остальная часть кладки уничтожена современными земляными работами. Тем не менее столь незначительные остатки стены при учете общей планировки участка раскопок позволяют точно реконструировать юго-западную границу комплекса. Описываемая комната была смежной с помещением 7 и соединялась с ним через дверной проем в кладке 26. Помещение имело два разновременных пола, оба глинобитных. Нижний пол находился на уровне подошвы стен. В центре круглый в плане очаг диаметром 0,72—0,73 м. Вокруг очага особенно много утоптанной золы (слои толщиной до 10 см). По мере удаления от него слой

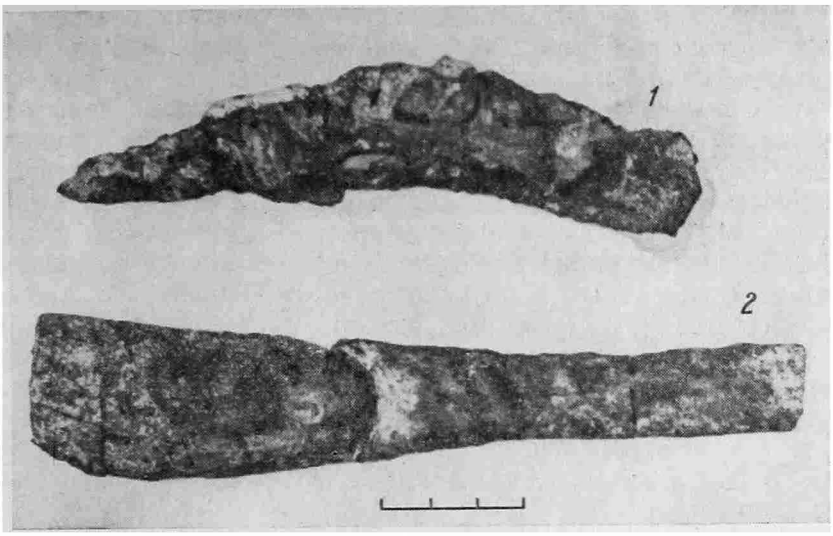


Рис. 6. Металлические изделия из дома с андроном. *1* — обломок железного серпа; *2* — железный инструмент с бронзовой рукоятью

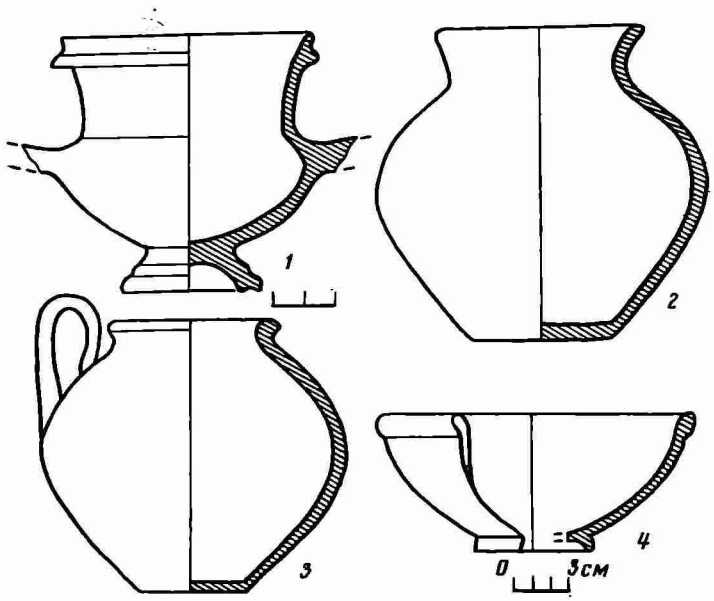


Рис. 7. Керамика из дома с андроном. *1* — чернолаковый канфар; *2* — лепной горшок; *3* — гончарный сероглиняный горшок; *4* — сероглиняная чашка

золы утончается — на краях комнаты всего 2—3 см. У стены на том же полу обнаружены остатки еще одного временного очага, круглого в плане, диаметром 0,65 м. На нижнем полу этого помещения найдено много втоптанных обломков стенок амфор, верхняя часть родосской амфоры со сбитыми ручками. Верхний пол помещения находился на 0,10—0,17 м выше нижнего. На нем не было найдено никаких вещей.

Относительно большие размеры комнаты и очаг в ее центре позволяет видеть в ней ойкос, т. е. наиболее важную часть дома с главным очагом, вокруг которого проходила повседневная жизнь домочадцев [63, с. 384, 389; 64, с. 291]. В Олинфе отмечено устойчивое сочетание ойкоса с ванной и кухней [63, с. 369, 370].

В заключение остановимся на некоторых общих чертах планировки керкинитидского дома с андроном. Если для жилых комплексов Греции в целом характерно расположение жилых комнат в северной части дома с выходом на юг [29, VI, 1—3], то в нашем случае этот принцип не вполне выдержан: планировка дома подчинялась общей планировоч-

ной сети города, ориентированной с юго-востока на северо-запад и с юго-запада на северо-восток. Такая планировка была вызвана местоположением Керкинитиды на вытянутом с юго-востока на северо-запад мысу между двумя лиманами. В данном случае более целесообразным казалось бы размещение жилых комнат в северо-восточной или северо-западной части дома — это и наблюдается в расположенных рядом домах 2 и 4. Однако в рассматриваемом доме жилые комнаты находятся как на северо-западной, так и на юго-восточной сторонах комплекса. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что это здание в два с половиной раза меньше аналогичных жилых комплексов Олинфа [63, табл. 1] и в нем меньше комнат (4 против 10). Указанное обстоятельство определяет если не универсальное, то многофункциональное назначение отдельных помещений. Однако, с другой стороны, можно предполагать тут существование второго этажа, для чего запас прочности стен вполне достаточен. Обычно доказательством существования второго этажа служат каменные основания лестниц [30, с. 214; 64, с. 287, 291]. Однако последние могли вести и на чердак.

Керкинитидский дом по своим размерам очень близок к эллинистическим домам Херсонеса [65, с. 88, рис. 18; 66, с. 257, 258; 67, с. 141, рис. 1] и дому, открытому при раскопках Калос-Лимена [10, с. 272—273; 68, с. 232—238]. Совпадения ориентации планировочных сетей Херсонеса и Керкинитиды, близкие размеры их жилых комплексов, вероятно, могут указывать на близкие принципы архитектурной планировки этих городов. Аналогичные «дому с андроном» безордерные хозяйственно-жилые комплексы составляли основу городской застройки Керкинитиды IV—II вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Моисеев Л. А.* Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г.— ИТУАК, 1918, № 54.
2. *Моисеев Л. А.* Отчет о раскопках в Евпатории в 1917 г.— Архив ЛОИА, р-1, ф-1, № 128.
3. *Моисеев Л. А.* Отчет о раскопках в Евпатории в 1929 г.— Архив ЛОИА, р-1, ф-2, № 130.
4. *Эрнст Н. Л.* Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930).— ИТОИАЭ, 1931, № 4.
5. *Шульц П. Н.* О работах Евпаторийской экспедиции.— СА, 1937, № 3.
6. *Шульц П. Н.* Евпаторийский район. 1933—1934 гг.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
7. *Шульц П. Н.* Евпаторийская экспедиция. 1933—1934 гг.— Архив ЛОИА, ф-2, оп. 1, № 202.
8. *Наливкина М. А.* Основные итоги работ Евпаторийского отряда.— КСИИМК, 1952, вып. 45.
9. *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории.— КСИИМК, 1955, вып. 58.
10. *Наливкина М. А.* Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена (1948—1952).— В кн.: История и археология Древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
11. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
12. *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.— IV в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1982.
13. *Драчук В. С., Кутайсов В. А.* Раскопки Керкинитиды в 1980 г.— Тез. докл. Всес. археол. конф. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
14. *Драчук В. С., Кутайсов В. А.* Раскопки Керкинитиды в 1980 г.— АО — 1980. М., 1981.
15. *Драчук В. С., Кутайсов В. А.* Керкинитида в эллинистический период.— Материалы III Всес. симпоз. по древней истории Причерноморья. Цхалтубо: Мецниереба, 1982.
16. *Наливкина М. А.* Керкинитида и Калос-Лимен — В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
17. *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3.
18. *Белов Г. Д.* Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, 1953, № 34.
19. *Золотарев М. И.* О роли ветровых факторов при организации хоры некоторых греческих полисов.— ВДИ, 1981, № 1.
20. ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913.
21. *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1971.
22. Histria, monografie arheologica. V. I. Bucureşti, 1954.
23. *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.: РАНИОН, 1928.

24. *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э.— В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
25. *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés a Délos.— BCH, 1952, N LXXVI.
26. *Grace V.* Standard pottery containers of the ancient Greek world.— Hesperia, Suppl., 1949, N VIII.
27. *Михлин Б. Ю.* К изучению херсонесских керамических клейм.— ВДИ, 1979, № 2.
28. *Grace V., Savvationou-Pétropoulakou.* Les timbres amphoriques grecs.— Exploration archéologique de Délos, 1970, fasc. XXVII.
29. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936.
30. *Robinson D. M., Graham J. W.* The Hellenic House.— Excavations at Olynthus, 1938, pt. VIII.
31. *Jones J. E.* A Country House in Attica.— Archaeology, 1963, v. 16.
32. *Jones J. E.* Two Attic Country Houses.— ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΑ ΑΝΑΛΕΚΤΑ ΕΞ ΑΤΗΝΩΝ, 1974, № VII.
33. *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг.— Сообщ. Гос. музея изобразит. искусств им. А. С. Пушкина. IV. М.: Сов. художник, 1968.
34. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
35. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977.
36. *Сапрыкин С. Ю.* К типологии двух групп монет Херсонеса.— СА, 1980, № 3.
37. *Graham J. W.* Olynthiaka.— Hesperia, 1953, v. XXII.
38. *Jones J. E.* Town and Country Houses of Attica in Classical Times.— In: Thorikos and the Laurion in Archaic and Classical Times. Ghent, 1975.
39. *Lauter-Bufe H., Lauter H.* Wohnhäuser und Stadtviertel des Klassischen Athen.— AM, 1971, B. 86.
40. *Thompson H. A.* Activity in the Athenian Agora: 1960—1967.— Hesperia, 1968, v. XXXVII.
41. *Евдокимова Е. И.* Архитектурная композиция жилого дома в Греции V—IV вв. до н. э.— Вопр. теории архитектурной композиции, 1958, № 4.
42. *Thompson H. A.* Excavations in the Athenian Agora: 1953.— Hesperia, 1954, v. XXIII.
43. *Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории.— ИАК, 1907, № 25.
44. *Романченко Н. Ф.* К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории.— Археологические известия и заметки, 1894, т. II, вып. II.
45. *Белов Г. Д.* Херсонесская мозаика.— МИА, 1953, № 34.
46. *Домбровский О. И.* О дополнительном исследовании Херсонесской эллинистической мозаики.— Тез. докл. Всес. научн. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1980.
47. *Pharmakowsky B. W.* Archäologische Funde in Jahre 1910. Rubland.— AA, 1911, № XXVI.
48. *Pharmakowsky B. W.* Archäologische Funde in Jahre 1909.— AA, 1910, v. XXV.
49. *Леви Е. И., Карасев А. Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
50. ОАК за 1912 г. СПб., 1916.
51. *Крижицький С.* Архітектура античних міст Північного Причорномор'я.— Пам'ятники України, 1981, № 3.
52. *Марченко И. Д.* Из истории архитектуры Пантикапея.— В кн.: Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
53. *Марченко И. Д.* Раскопки здания II в. до н. э. в Пантикапее в 1963—1965 гг.— КСИА, 1967, вып. 109.
54. *Марченко И. Д.* Город Пантикапей. Археологические памятники Крыма. Симферополь: Таврия, 1974.
55. *Воронов А. А., Михайлов М. Б.* Особенности новооткрытого античного памятника в Керчи.— Архитектурное наследство, 1975, № 23.
56. *Воронов А. А.* Античное общественное здание III—II вв. до н. э. Проблемы реконструкции.— Архитектура СССР, 1975, № 3.
57. *Кобылина М. М.* Фанагория.— МИА, 1956, № 57.
58. *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках в Фанагории в 1936—1937 гг.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XVI.
59. *Кобылина М. М.* Открытия в Олинфе.— ВДИ, 1939, № 3.
60. *Блаватский В. Д.* Фанагорийская стенная роспись.— МИА, 1956, № 57.
61. *Сокольский Н. И.* Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976.
62. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
63. *Mylonas G. E.* The Oecus Unit of the Olynthian House.— Excavations at Olynthus, 1946, pt. XII.
64. *Wiegand T., Schrader H.* Priene. B., 1904.
65. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.
66. *Белов Г. Д.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг.— СА, 1955, т. XXIV.
67. *Белов Г. Д.* Эллинистический квартал в Херсонесе.— ВДИ, 1956, № 3.
68. *Щеглов А. Н.* Жилой дом эллинистического Калос-Лимена.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.

V. A. Kutaisov

A HOUSE WITH AN ANDRON FROM CERCINITIS

Summary

A house with an andron (8.80—9.00×12.25 m) was built between the middle and the third quarter of the 4th century B. C. and remained unchanged up to the second half of the 2nd century B. C. when the city was seized by the Scythians. The outer walls were made of stone, the inner ones—of adobe placed on a low socle.

The complex with its dwellings and household outbuildings is grouped around the yard. The andron (4.64-4.86×4.94 m) with a platform 0.82—0.93 m wide along the walls is of especial interest. The room used for gala meals was paved with pebbles placed edgewise, bound by lime-sand mortar and plastered. The centre of the andron is taken by a square fireplace, probably an attempt to adapt the dwelling to the more rigorous Northern Black Sea area climate. Two other corner rooms can be reached only through the communicating room. The larger of the two has a round fireplace in the centre and can be interpreted as an oecus, another was supposedly used as a bed-room or had many uses. On the whole, the sizes of the house discovered in Cercinitis are very close to those of analogous buildings in the Hellinistic Chersonesus.

АЙБАБИН А. И.

ПОГРЕБЕНИЕ ХАЗАРСКОГО ВОИНА

В апреле 1889 г. в степи у с. Ясиново бывшего Ананьинского уезда Херсонской губернии (ныне Николаевская обл.) после дождя нашли обломок железного меча, или палаша. Находчик перекопал это место лопатой и обнаружил там кости и череп лошади с железными удилами в зубах (рис. 1, *1*), а под костями 11 золотых наконечников ремней и бляшек, два золотых гвоздика, глиняный кувшин, обломки железного палаша и стремени (рис. 1, *2—5*; 2, *1—6*, *11*, *12*; 3; 4) [1]. В 1890 г. на том же месте нашли золотые перстень, пронизь, бляшку и наконечник ремня (рис. 2, *6*, *8*; 5) [2]. Очевидно, ясиновские крестьяне разрушили погребение всадника и боевого коня. Некоторые вещи из захоронения были опубликованы в «Отчетах Археологической комиссии» [3, с. 92, 99] и в монографии Б. Пошта [4, с. 351—354, рис. 213]. Однако кувшин, перстень, пронизь, обломок палаша, бляшка и наконечник до сих пор не изданы. Публикации и анализу всех хранящихся в Эрмитаже и ГИМ вещей из рассматриваемого захоронения, а также определению этнической принадлежности и посвящена данная работа[1]. Находки описаны в следующей последовательности: детали конской сбруи, оружие, детали поясного украшения и глиняный сосуд.

От железного стремени сохранились верхняя часть округлого корпуса из ромбического в сечении прута и нижняя часть пластинчатого ушка, основание которого украшено двумя округлыми вырезами (рис. 1, *2*). По форме ушка и корпуса это стремя аналогично стременам из Вознесенки [5, табл. 1, *1*, *3*; 6, с. 14], найденным вместе с серебряным навершием с клеймами конца VII — начала VIII в. [7, с. 226]. По мнению А. К. Амброза, стремена из Вознесенки типологически близки аварским и тюркским стременам конца VII — первой половины VIII в. [8, с. 93, 94, рис. 1, *17*]. Грызла ясиновских удил состоят из двух стержней, завершающихся петлями. В каждую петлю продето по два кольца (рис. 1, *1*). Общая длина удил 32 см. Подобные удила известны в Европе в VII—X вв. [9, с. 17, рис. 4, IV*a*; 10, рис. 239, 11, табл. VII, *1*].

В фондах Эрмитажа хранятся два обломка меча с узким прямым двулезвийным клинком, выкованным вместе с асимметричным черенком рукояти, снабженным отверстием для крепления обкладки (рис. 1, *5*). Длина рукояти 9,3, длина уцелевшей части клинка 26,2, ширина клинка 2,9 см. По форме черенка и верхней части клинка (у рукояти клинок прямой) публикуемый меч аналогичен раннесредневековым кочевническим палашам [5, табл. II, 13; 12, с. 34—39, табл. IV, *3—5*]. Два обломка узкого, линзовидного в сечении клинка с остатками деревянных ножен другого однотипного меча входят в состав перещепинского комплекса (рис. 1, *6*, *7*), относящегося ко времени не ранее третьей четверти VII в. [13, с. 33]. На одном из этих обломков сохранилась часть ромбического перекрестья с обкладкой из золотой пластины, украшенной поясками из напаянных зернинок и растительным орнаментом (рис. 1, *7*). Ширина клинка 2,9 длина обломка клинка с частью рукояти 22, длина второго обломка 11,6 см. Мечи с узким прямым клинком найдены в аварских могилах конца VII в. в Кишкёре [14, с. 64, 85, табл. 29, *3*, *4*] и второй половины VII в. в Кёрнье [15, с. 54, табл. 32, *3*, *5*, *7*;

[1] Выражаю признательность хранителям Эрмитажа и ГИМ И. П. Засецкой и И. И. Гущиной за предоставление материала.

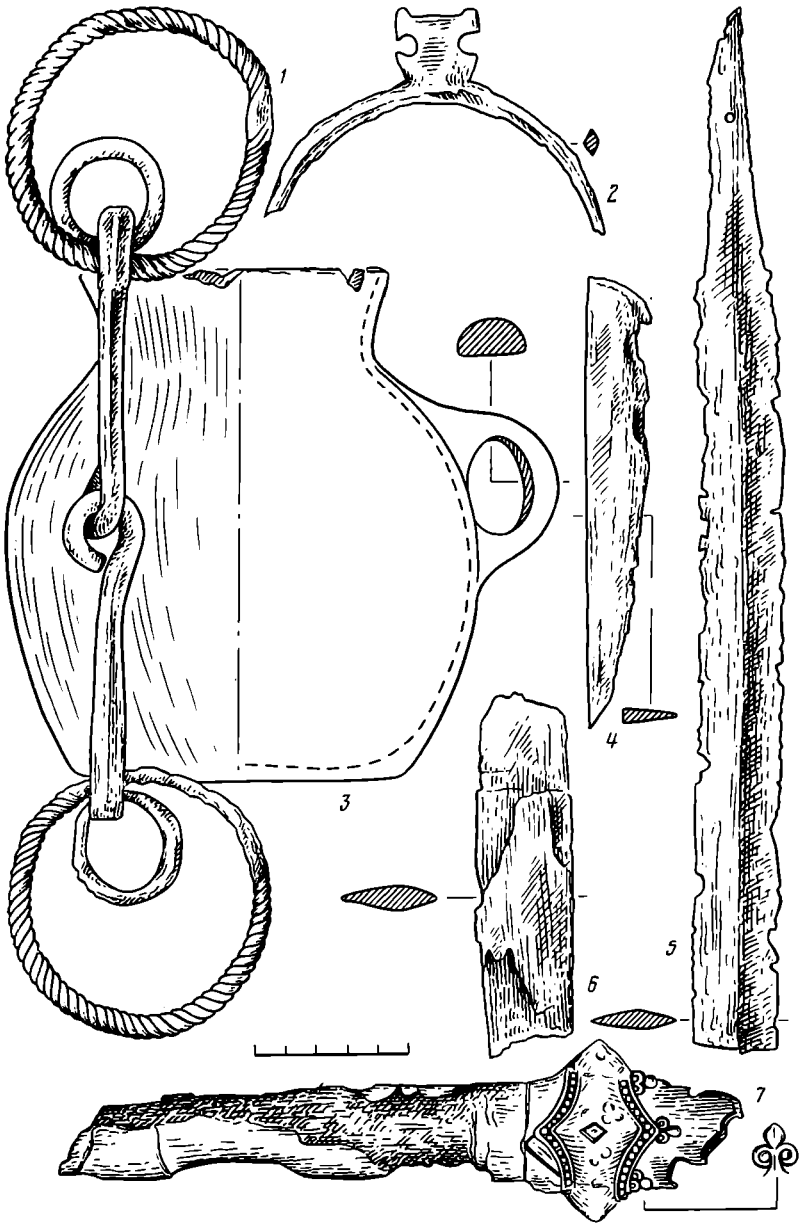


Рис. 1. Вещи из разрушенного погребения у с. Ясиново (*1—5*) и из Перещепино (*6*, *7*). *1* — удила; *2* — обломок стремени; *3* — лощеный кувшин; *4* — обломок клинка палаша; *5—7* — обломки мечей. *1*, *2*, *4—6* — железо; *7* — железо с золотой обкладкой; *3* — глина

16, с. 292, 293], в могиле 302 в Крюковско-Кужновском могильнике вместе с пряжкой первой половины IX в. [17, с. 100, 101, табл. XXXIV, *3*, XXXVII, *6*; 18, с. 102, 103, рис. X, *16*, *17*], в салтовской катакомбе конца IX в. в Дмитриевском [19, с. 157, 158, рис. 43, *2*], в помещении начала VIII в. в Пенджикенте и на свалке с материалами VIII в. на Афрасиабе [20, с. 78, рис. 49, *2, 3*]. По предположению А. К. Амброза [21, с. 129] и В. И. Распоповой [20, с. 78, 79], на согдийских фресках изображены двулезвийные кавалерийские мечи с узким прямым клинком [22, табл. III, IV, VII, VIII; 23, рис. 8, 10, 11, 23]. Судя по рисунку из архива ЛОИА, в ясиновском погребении был обнаружен также обломок однолезвийного острия прямого клинка палаша (рис. 1, *4*). Длина 14,5, ширина клинка 1,7 см. Палаши с прямым однолезвийным клинком найдены в Перещепино [24, с. 75, рис. III, *1*], в погребениях кочевников второй половины VII в. в Арцыбашеве [25, с. 124, рис. 42], в Уч-Тепе [26, с. 174, рис. 25, 26], в Глодосах [6, с. 13; 27, с. 25,

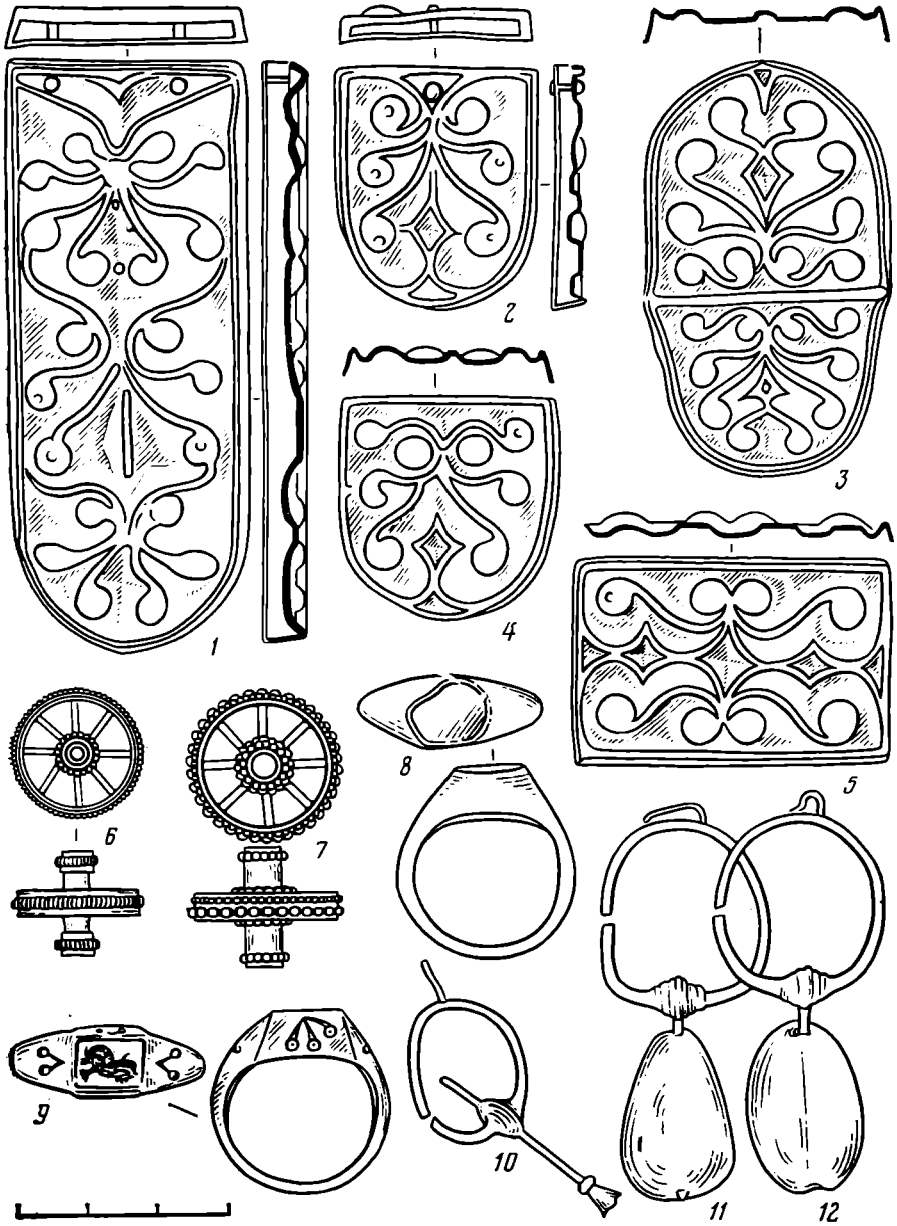


Рис. 2. Золотые вещи из Ясиново (*1—6*, *8*, *11*, *12*), Перещепино (*7*, *9*) и Келегей (*10*). *1*, *2* — наконечники ремней; *3*, *4* — поясные бляшки; *5* — обкладка щитка пряжки; *6*, *7* — пронизи; *8*, *9* — перстни; *10—12* — серьги

рис. 19, *7*, *12*] и в Боча [28, с. 228, табл. XVI, *1*], на кочевническом поминальном памятнике первой половины VIII в. в Вознесенке [5, с. 56, табл. II, *13*, *14*; 6, с. 13, 20, 21], на территории Борисовского могильника [29, с. 127] и в Сибири, в погребениях тюрков [12, с. 34, 36, табл. IV, V].

Ясиновские наконечники ремней спаяны из двух частей: из штампованной пластины с загнутыми краями и гладкой пластины-основания (рис. 2, *1*, *2*; 3, *1*, *4*; 5, *1*). Длина большого наконечника 8,3, ширина 3,4 (рис. 2, *1*), длина четырех меньших наконечников 3,4, ширина 2,8 см (рис. 2, *2*). Большой наконечник крепился на ремне тремя гвоздиками, три меньших наконечника — одним гвоздиком, а четвертый — двумя гвоздиками. На обратной стороне штампованных из тонкой золотой пластинки трех бляшек с закругленным нижним краем (рис. 2, *4*; 5, *2*) и четырех двухчастных бляшек (рис. 2, *3*; 3, *2*; 4, *2*) видны следы зеленоватой пасты. Видимо, для того чтобы тонкие бляшки не

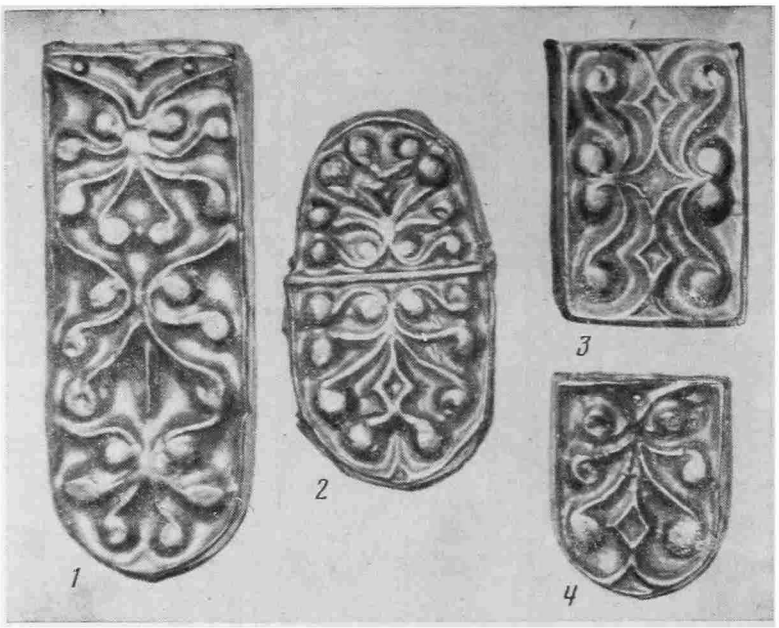


Рис. 3. Золотые детали поясного набора из Ясиново (лицевая сторона). *1, 4* — наконечники ремней; *2* — бляшка; *3* — обкладка щитка пряжки

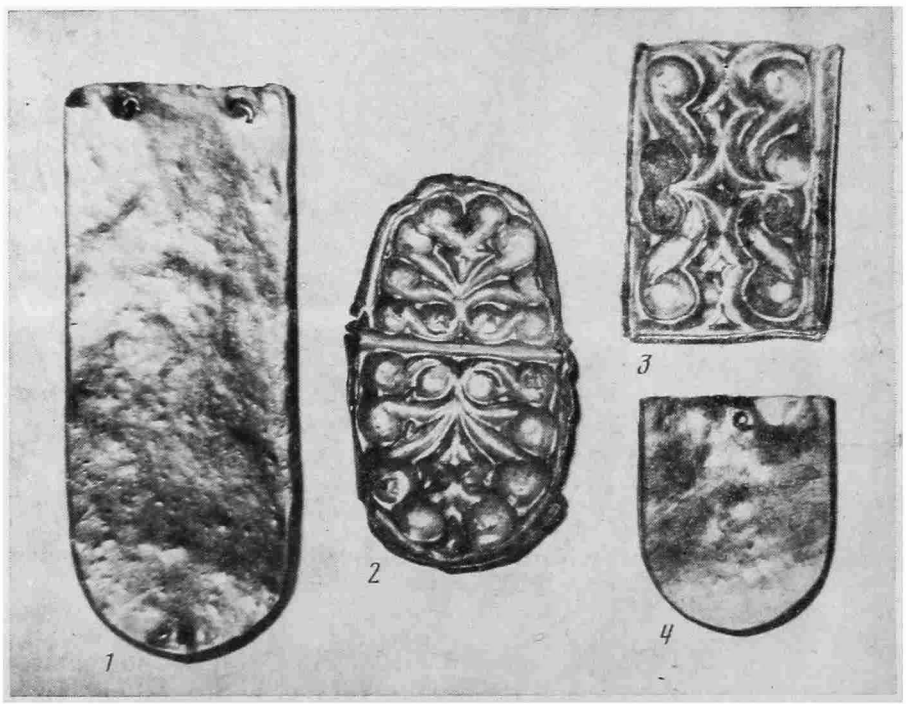


Рис. 4. Золотые детали поясного набора из Ясиново (обратная сторона)

деформировались их середину заполняли пастой. Длина бляшек с закругленным нижним краем 3,2, ширина 3,1, длина двухчастных бляшек 5,7, ширина 3,8 см. У прямоугольной бляшки, штампованной из тонкой золотой пластины, отсутствует одна боковая сторона (рис. 2, *5*; 3, *3*; 4, *3*). На обратной стороне бляшки имеется пятно от окисла бронзы. Длина бляшки 4,3, ширина 3 см. Не исключено, что это обкладка щитка бронзовой пряжки. Исходя из количества и размеров бляшек, можно попытаться реконструировать ясиновский пояс. Он состоял из основного ремня, на концы которого были надеты пряжка и большой наконечник, и четырех дополнительных ремней с меньшими наконечниками

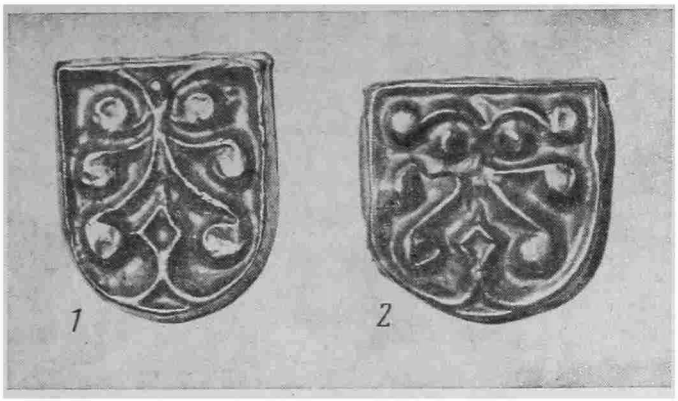


Рис. 5. Золотые наконечник ремня (*1*) и бляшка (*2*) из Ясиново, хранящиеся в ГИМ

(рис. 6, *1*). В местах соединения основного и дополнительных ремней крепились четыре двухчастные бляшки, а между двухчастными бляшками — три бляшки с закругленным нижним краем. Детали поясного набора украшены стилизованной трехлепестковой пальметтой, лепестки которой завершаются кольцом (рис. 2, *1—6*; 3; 4; 5). Подобной пальметтой декорированы бляшка из Чуфут-Кале, из склепа 7, датированного концом VII в. [30, рис. 8], бляшки из хазнидонской катакомбы [31, рис. 6, *4*] и из раскопанного в Крюковско-Кужновском могильнике погребения первой половины VIII в. [17, табл. XXX, *4*; 30, рис. 8], наконечники и обломки обкладок палашей из Вознесенки [5, табл. IV, *1, 2, 5—8, 10*], щитки пряжек из Брод [32, рис. 39, *8*], из Суук-Су — из могилы 123 [33, табл. XVI, *12*] и из Скалистого — из склепа 303 [*30*, рис. 5, 6]. Прототипом подобного узора является пальметта с реалистично выполненными лепестками, представленная на изделиях согдийских мастеров [34, с. 52, 53] и на обкладках седла из Перещепино [35, рис. 45], а также пальметта, лепестки которой завершаются волютой. Такая пальметта изображена на многих вещах из Перещепино (рис. 6, *2*) [35, рис. 31, 49; 36, с. 16, 18], на сбруйных бляхах из Глодос [27, рис. 29, *4*, табл. VIII, *8*] и Келегей [30, рис. 5, *4*]. Золотой наконечник, аналогичный по форме и технике изготовления ясиновским наконечникам дополнительных ремней, обнаружен вместе с монетами 641—668 гг. в погребении кочевника у Новых Сенжар [37, с. 161, рис. 1, 8, 9; 38, с. 36]. Ясиновские двухчастные бляшки по форме подобны штампованной двухчастной бляшке из Вознесенки [5, с. 42, 43, табл. III, *16*]. Однотипные двухчастные бляшки во второй половине VII в. были широко распространены в Подунавье и на территории Византии [8, с. 88, 90, 91; 16, с. 290—293; 21, с. 123; 39].

Кольца золотых ясиновских сережек отлиты вместе с выступающим вверх стержнем. Внизу к кольцу подвижно прикреплен стержень с аметистовой бусиной (рис. 2, *11, 12*). Высота сережек 5,6 см. Аналогичные серьги встречены с монетами второй половины VII в. в Келегеях (рис. 2, *10*) и у Новых Сенжар [37, с. 160, рис. 1, *1, 2*], а в Романовской — с монетой 714—741 гг. [38, с. 27, рис. 18, *4, 5*]. В Перещепино и в Крыму найдены однотипные серьги другого варианта — с кольцом без выступающего вверх стержня [30, рис. 5, 10, 14, 16; 39]. Ясиновская золотая колесовидная пронизь состоит из втулки и ободка, к которым припаяны восемь спиц. Края втулки и ободок украшены напаянной полоской из рубчатой проволоки (рис. 2, *6*). Наибольший диаметр пронизи 1,8 см. Подобные пронизи обнаружены в Макуховке [40, с. 31] и Перещепино (рис. 2, *7*). Диаметр золотого колесика из Перещепино 2,2 см. На его ободке и втулке напаяны зернинки. Золотой ясиновский перстень отлит с высокой полой жуковиной. В заглубленное внутрь жуковины гнездо вставлено овальное зеленоватое стекло (рис. 2, *8*). Диаметр кольца перстня 2,6 см. Подобный золотой перстень входит в состав

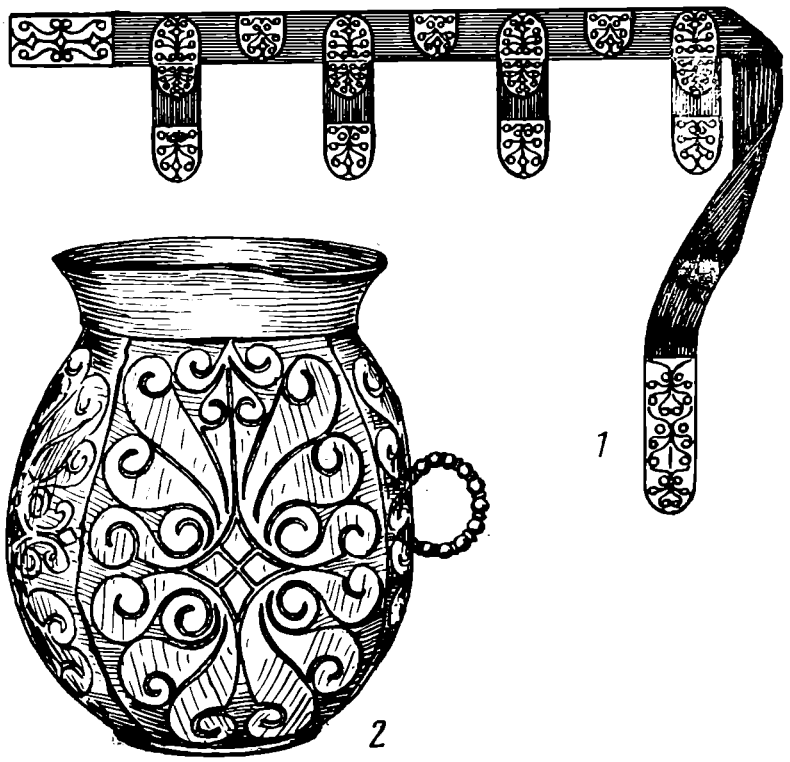


Рис. 6. Реконструкция пояса из Ясиново (*1*); золотая обкладка кувшина из Перещепино (*2*)

перещепинского комплекса. На боковых сторонах жуковины перстня выгравированы знаки в виде углов и геометризированная пальметта. На прямоугольной гранатовой вставке выгравировано изображение льва (рис. 2, *9*). Диаметр перстня 2,7 см.

Гончарный темно-серый кувшин с отогнутым наружу горлом, слегка округлым широким туловом, овальной ручкой и плоским дном сделан из хорошо отмученной серой глины. На тулове процарапаны вертикальные полосы. Поверхность тулова также покрыта коричневатым лощением (рис. 1, *3*; 7). Высота кувшина 16,5, диаметр дна 10 см. Керамика из серой, хорошо отмученной глины изготовлялась в гончарном центре, раскопанном в балке Канцерка в Днепропетровской обл. [41, с. 147]. Аналогичный гончарный центр был обследован Н. Е. Макаренко в Тарановом Яру, близ с. Мачеха Полтавской обл. [42, с. 116—118; 43, с. 17]. Принято считать, что в Канцерке работали аланские мастера [43, с. 17, 18; 44, с. 82—84; 45]. Один из канцерских кувшинов по форме близок ясиновскому [41, рис. 56, *5*]. На основании визуального сравнения глины хранящихся в фондах ИА АН УССР сосудов из Канцерки и находящегося в ГИМ ясиновского кувшина можно предположить, что этот кувшин изготовили в Канцерке. Однако форма ясиновского и канцерского кувшинов с маленькой овальной ручкой нехарактерна для аланской керамики. Видимо, оба кувшина по форме генетически связаны с тюркскими и кыргызскими сосудами [36, с. 15; 46, рис. 90, *3*]. Золотая обкладка деревянного сосуда данного типа (рис. 6, *2*) найдена в Перещепино [36, рисунок на обложке].

О датировке ясиновского погребения следует судить по серьгам, пронизи, перстню, деталям поясного набора и стременам. Время изготовления перстня и пронизи определяется по перещепинским аналогиям (вторая половина VII в.), время бытования серег и деталей поясного набора — по аналогиям из Новых Сенжар, Вознесенки и Романовской (вторая половина VII — первая половина VIII в.), а дата стремян — по аналогиям из Вознесенки (первая половина VIII в.). Приведенные факты подтверждают предложенную А. К. Амброзом датировку ясиновского погребения — первая половина VIII в. [6, с. 13].

По сохранившимся архивным документам довольно сложно реконструировать обряд захоронения в ясиновском погребении. Об условиях находки ясиновских вещей в первом донесении уездного полицейского управления сказано следующее: «Найдены случайно... на степи... сыном крестьянина..., который после выпавшего дождя сначала нашел кусок кинжала, а затем в том же месте раскопал лопатой землю, нашел кости лошади с головой, в зубах которой были удила, а под костями оказались остальные вещи» [1, с. 9], тогда как во втором донесении сказано: «Препровождаю золотые предметы, найденные в овраге степи при сел. Ясиново... Прилагаемые предметы найдены в том же месте, где и находка 1889 г.» [2, с. 1]. В донесениях нет никаких сведений о наличии курганной насыпи, о форме могильной ямы, о человеческих костях и не сообщается, в какой части оврага (на склоне или на дне) находилось погребение. Поскольку обломок палаша был вымыт из земли дождем, то можно предположить, что могила находилась на склоне оврага. Курганная насыпь, вероятно, разрушилась в процессе образования оврага.

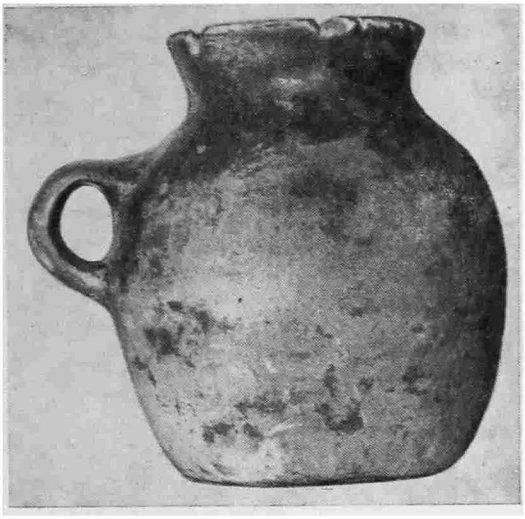


Рис. 7. Сероглиняный лощеный кувшин из Ясиново

В Причерноморской степи известно несколько захоронений воина вместе с костями или со скелетом коня. В Полтавской обл. в степи близ Новых Сенжар, в яме рядом с истлевшими обломками черепа, ребра и костей ног коня обнаружены предметы конского снаряжения, обломки оружия, детали поясного набора, украшения, золотые византийские монеты 602—646 гг. и стеклянный кубок [37, с. 158—165; 38, с. 36]. В Херсонской обл. у Келегейских хуторов, в вытоптанной скотом луговине из переворошенного песка извлекли конские зубы со следами окислов от бронзовых деталей узды, обломки железных стремян, оружия, золотые и серебряные детали поясных наборов, обломки серебряных и глиняных сосудов, украшения и золотые византийские монеты Тиберия I Константина — 578—582 гг., Ираклия — 610—641 гг. и Константина III — 641 г. и обломки дерева [46, с. 15; 47, с. 1—35]. В Херсонской обл., близ Белозерского городища, расположенного между низовьем р. Ингулец и началом Днепровского лимана, в небольшом кургане раскопана могила, на дне которой находился покрытый звериной шкурой скелет человека, ориентированный головой на восток. Среди выброшенных кладоискателями костей оказались череп и кости ног коня. Среди костей собраны серебряные сбруйные бляхи, украшенные золотыми гнездами со стеклянными и гранатовыми вставками (рис. 8, *1, 2*), серебряные поясные бляхи и пряжка (рис. 8, *3—5*) и золотые накладки на обувной ремень (рис. 8, *6, 7*), декорированные напаянной зернью [48, с. 104—106, 126—127, рис. 45—50]. По мнению А. К. Амброза, данное погребение одновременно келегейскому [6, с. 13]. В Николаевской обл., у с. Дымовка, на р. Гнилой Еланец — притоке р. Буг в центре насыпи кургана XIV было обнаружено скопление камней. Под ними в яме на каменной плите и нескольких меньших камнях лежали железные удила и четырехугольная пряжка, треугольная пряжка и медная пуговица. Ниже под каменной кладкой зачищен скелет человека, погребенного на слое белой глины головой на запад. В другой яме, расположенной параллельно, найден череп лошади с удилами, а под ним скелет человека, ориентированный головой на северо-восток. На тазовых костях собраны три медные пряжки (рис. 8, *8—10*), медные наконечник

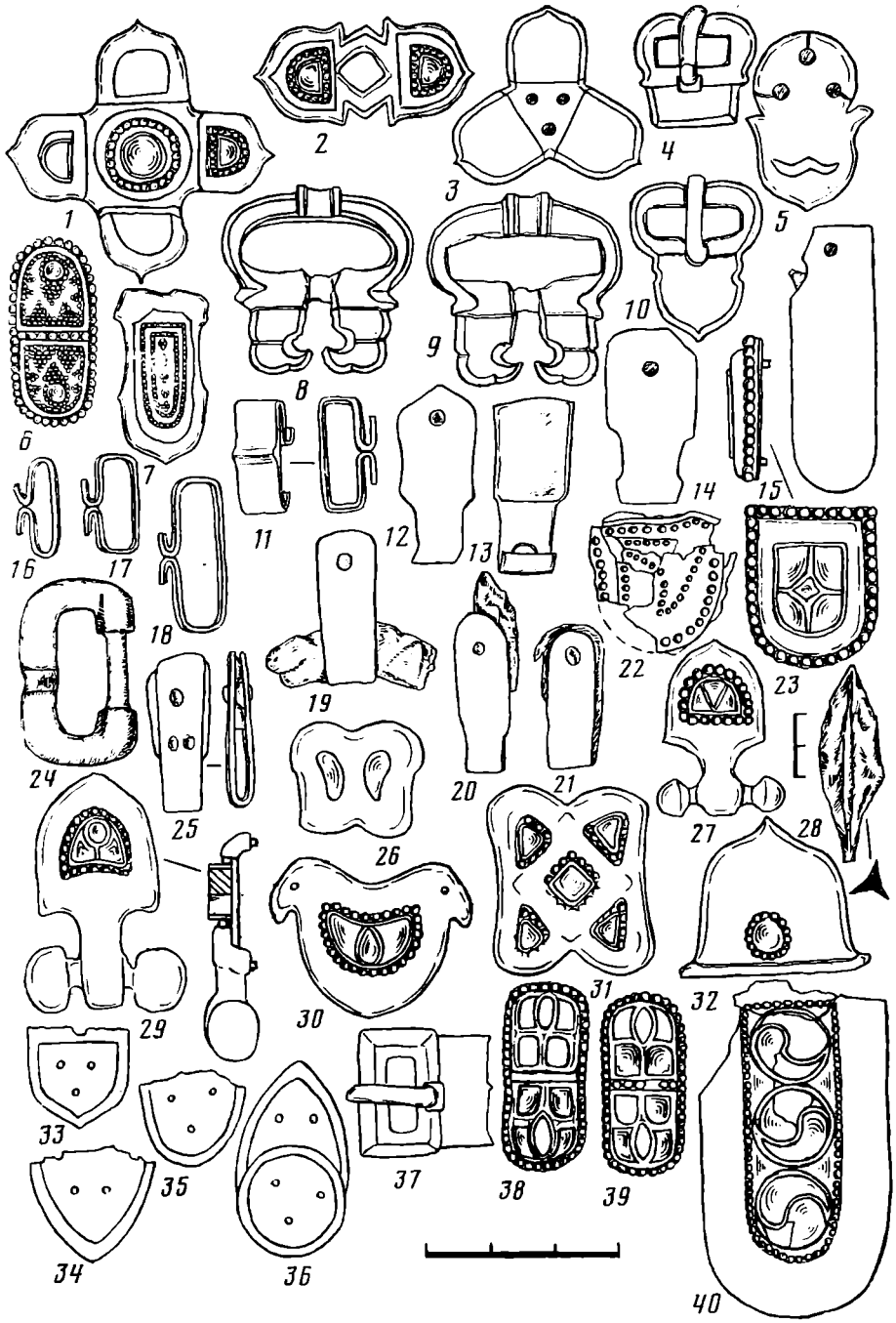


Рис. 8. *1—7* — Белозерский курган; *8—15, 22* — Дымовка, кург. XIV; *16—21, 24, 25* — Ковалевка, кург. 1; *23, 26, 28—31, 33—37* — Портовое; *27, 32, 40* — коллекция А. Л. Бертье-Делагарда; *38, 39* — Херсонес, склеп 2126

(рис. 8, *19*), обоймица (рис. 8, *11*), шесть бляшек из согнутой вдвое пластины (рис. 8, *12—14*), штампованная бляха (рис. 8, *22*), пуговица и обломок узкой прямоугольной пластины с круглыми дырочками. У левой руки лежал костяной предмет [4, с. 266—270, табл. 166, *16—24*; 49, с. 176]. Вероятно, оба захоронения совершены в разное время. Дату первого погребения трудно определить из-за отсутствия в публикациях рисунков происходящих из него вещей. Захоронение с черепом коня датируется по геральдическим пряжкам VII в. [21, табл. IV, *2*, с. 130]. В Николаевской обл., близ с. Ковалевка, в кургане I, во входной яме, обнаружены череп и кости ног коня, лежавшие в анатомическом порядке, и железное стремя. Под захоронением лошади находилась прямоугольная могила, перекрытая деревянными плахами [50, рис. 28]. На дне ямы на травяной подстилке зачищен скелет взрослого человека,

ориентированный головой на северо-восток. Кости рук и ног вытянуты. В области таза найдены две железные пряжки и медная В-образная пряжка (рис. 8, *24*). Под фалангами пальцев лежал железный нож, а выше стоп ног — четыре медные бляшки из согнутой вдвое пластины (рис. 8, *19—21, 25*) и четыре медные обоймицы (рис. 8, *16—18*) [50, с. 53, 55, рис. 23, *5—16*]. Время совершения захоронения определяется по В-образной пряжке. Аналогичная пряжка найдена в Скалистом (склеп 258) вместе с пряжкой второй половины VII в. типа «Сиракузы» [51, с. 236].

В Крымской обл., в Раздольненском районе, близ с. Портовое, у кошары «Сары-Булат», в кургане 12 раскопана впускная подбойная могила 5, на дне которой зачищен скелет взрослого человека, ориентированный головой на северо-восток. Кости правой руки и ног вытянуты. Кости левой руки слегка согнуты в локте. Фаланги кисти лежали на костях таза. У северо-восточного борта ямы находился череп овцы, рядом со ступенькой — кости овцы, а на ступеньке — скелет лошади, ориентированный головой на северо-восток (рис. 9). В могиле найдены[2]: на левой стороне скелета человека — железный меч, у правой плечевой кости — бронзовая пряжка, на грудной клетке — три бронзовые пряжки (рис. 8, *37*) на тазовых костях и под тазом — биметаллические поясные бляшки с инкрустацией (рис. 8, *23, 26, 29—31*), бронзовая пряжка, серебряная пряжка с золотыми гнездами, две серебряные бляшки с треугольным нижним краем (рис. 8, *36*), обломки 12 серебряных бляшек (рис. 8, *33—35*), около плечевой кости — шесть железных трехперых наконечников стрел (рис. 8, *28*), у левой бедренной кости — костяные обкладки лука, на костях ступней — три бронзовые бляшки, на костях коня — обломки железных удил, стремян, псалий, сбруйных железных пряжек и бронзовых бляшек [52, 53, с. 52—53, рис. 87; 54, с. 180; 55, с. 66, 67]. Из данного погребения в Киевский музей исторических драгоценностей поступили 10 биметаллических деталей ремня: семь бляшек (рис. 8, *26, 29—31*) и три наконечника (рис. 8, *23*). Две бляшки — с двурогими краями (рис. 8, *26, 31*), две Т-образные (рис. 8, *29*), три со стилизованными птичьими головками (рис. 8, *30*; углубленной точкой показан глаз птицы). Все детали гладкие серебряные с цветными стеклами в золотых гнездах. Гнезда напаивались на золотую пластину, а та в свою очередь припаивалась к оборотной стороне литой серебряной основы так, чтобы гнезда выступили на лицевую сторону предмета через сделанные для них прорези в серебряной поверхности. Все стекла — красные, лишь в центре наконечников и трех бляшек с птичьими головками вставлены маленькие синие стекла; а в центре двух Т-образных бляшек — маленькие зеленые. Вставки закреплены в гнездах на мастике. Декор дополняет золотая зернь, напаянная на шести бляхах (рис. 8, *29—31*) вокруг гнезд, на наконечниках — по краю. На одной бляхе (рис. 8, *31*) и на наконечниках сохранилась нижняя подкладка из тонкой серебряной пластины, скрепленная с украшением бронзовыми заклепками. Пространство внутри предметов между нижними золотой и серебряной пластинками заполнено пастой. К ремню бляхи прикреплялись двумя или тремя, а наконечники тремя шпеньками. Гнездами со стеклянными вставками, окаймленными напаянной зернью, декорированы сбруйные бляхи из Белозерского кургана (рис. 8, *1, 2*), найденные в Крыму детали поясного набора из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда (рис. 8, *27, 32, 40*)[3], золотые накладки на ремень, якобы происходящие из Керчи [57, табл. XLVI, *1—7*], псевдопряжки и наконечники из кочевнических погребений в Подунавье [28, с. 255, 278—285, табл. XXXV, *1—18*, VII, *2—4*; 58, рис. 33] и из Келегей [46, рис. 18], сбруйная бляха из Верхней Рутхи [59, с. 240, табл. LXIV, *6*] и украшения из Кабардино-

[2] В отчете А. А. Щепинского о раскопках погребения отсутствуют рисунки многих вещей из могилы.

[3] В 1923 г. вещи из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда приобрел Британский музей [56, с. 259—262, табл. XXXVII, XXXVIII]. Фотографии вещей из коллекции хранятся в архиве Крымского областного краеведческого музея (дело № 2502).

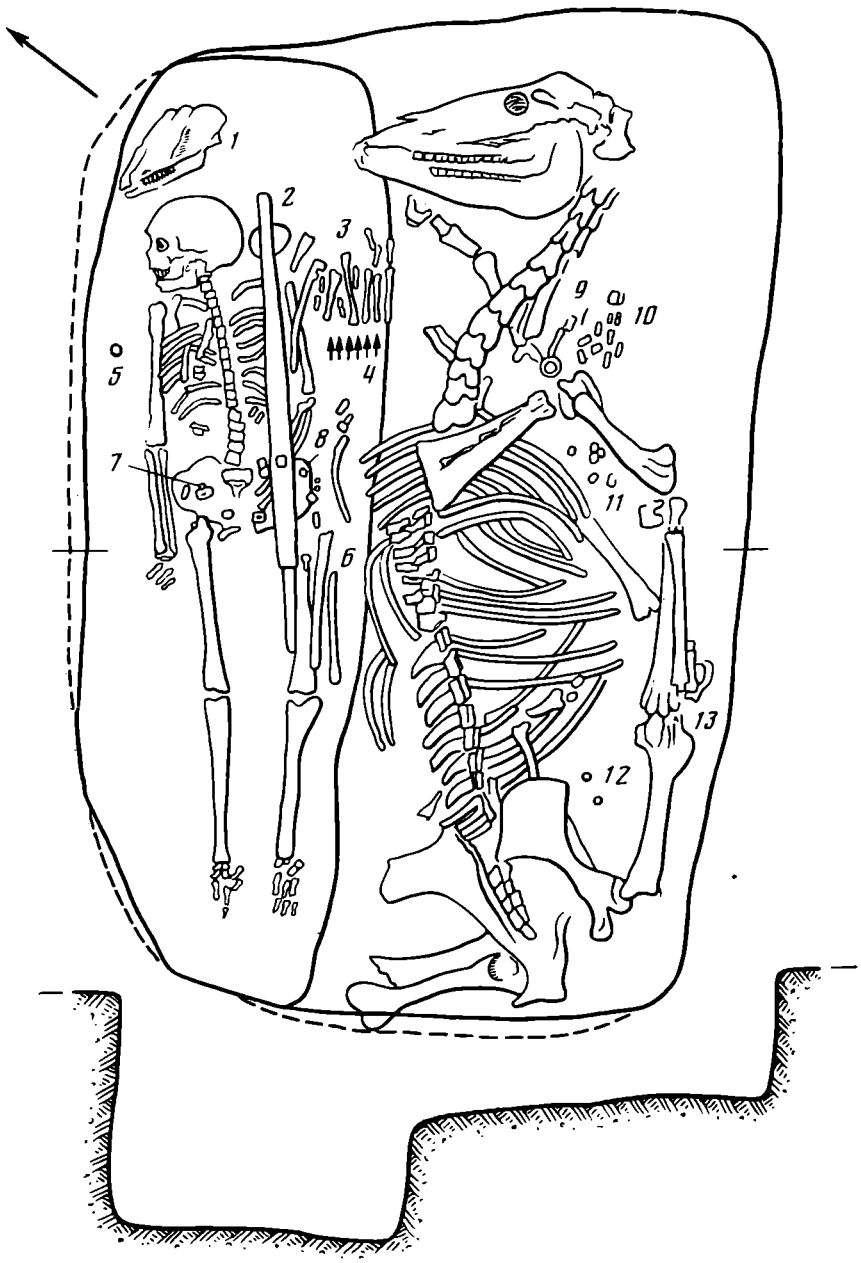


Рис. 9. Портовое, погребение воина с конем. *1* — череп овцы; *2* — железный меч; *3* — кости барана; *4* — железные наконечники стрел; *5* — бронзовая пряжка; *6* — костяные обкладки лука; *7* — большая бронзовая пряжка, *8* — биметаллические инкрустированные цветным стеклом детали поясного набора (рис. 8, *23*, *26*, *29—31*), *9* — обломок железных удил; *10—12* — серебряные сбруйные бляшки; *13* — обломок железного стремени

Балкарии [57, табл. XLVI, *11—20*; 60, рисунок на с. 129]. В гнезда орнаментированных в той же технике золотых перещепинских сбруйных блях вставлены зеленые стекла [35, рис. 52, 54], в гнезда перещепинских наконечников — голубые [60, рисунок на с. 243] и синие стекла (рис. 6, *44*), а в гнезда двух золотых накладок на ремень (рис. 8, *38*, *39*) из Херсона (античный Херсонес) — синие и коричневые стекла [61, с. 127, рис. 20]. Видимо, мода на украшения, орнаментированные полихромными стеклянными вставками и зернью, распространилась у кочевников со второй половины VII в. из Византии [6, с. 17]. Другой элемент орнаментации блях из Портового — стилизованное изображение птичьих головок — характерен для фибул и пряжек VI—VII вв. из Крыма, Подунавья, Испании и Италии [62, с. 10—23, рис. 1] и пастырских фибул и сережек II типа [63, с. 70, рис. 2, 7; 64, с. 6—8,

рис. 4, *б*]. Стилизованными птичьими головками украшены две серебряные пряжки из Дымовки (рис. 8, *8, 9*). Две серебряные пряжки с прямоугольными рамками и щитками (рис. 8, *37*) аналогичны обнаруженным в погребениях кочевников второй половины VII в. в Рисовом [6, с. 13; 65, рис. 83, *6*, с. 219], в Христофоровке (кург. 7, погр. 12) [66, с. 32, рис. XVI] и в раскопанном в Рязанской области, близ с. Арцыбашево, захоронении воина с конем [6, с. 13; 67, с. 124—129, рис. 43, *14*]. По перечисленным датированным аналогиям погребение кочевника в Портовом датируется второй половиной VII в.

Рассмотренная выше группа захоронений имеет следующие общие признаки: в погребении находились чучело, или череп, или скелет коня; скелеты человека ориентированы головой на северо-восток или восток. Могилы данной группы делятся на три варианта: I — в Ковалевке и, видимо, в Дымовке скелет человека лежал в вытянутой яме с закругленными углами, а чучело или череп коня — над скелетом человека на деревянном перекрытии; II — в Белозерском кургане скелеты человека и коня лежали рядом на дне широкой ямы, под звериной шкурой; III — в Портовом скелет человека находился на дне подбоя, а скелет коня — на широкой ступеньке (рис. 9). Судя по содержащимся в архивных документах и публикациях сведениям, у с. Ясиново было разрушено погребение I варианта, а у Новых Сенжар — погребение II варианта [1, с. 9; 2, с. 1; 68]. Сложнее определить тип келегейского погребения. Сообщение о находке вместе с вещами конских зубов со следами окислов бронзы и кусков дерева дает возможность говорить о том, что в могиле лежал череп коня с удилами в зубах. В Приднепровской и Крымской степях известна и другая группа погребений с черепом и костями ног коня. И. П. Засецкая вполне обоснованно связала эти погребения с тюрками, входившими в гуннский союз племен [69, с. 68, 69, 72]. Однако интересующие нас захоронения совершены в более позднее время: в Келегеях, Новых Сенжарах, Дымовке, Белозерском кургане, Ковалевке и Портовом — во второй половине VII в., а в Ясинове — в первой половине VIII в. Ориентированные на северо-восток или восток трупоположения с конем раскопаны на Алтае, в Туве, в Восточном Казахстане и в других соседних регионах. Многие исследователи считают, что в этих могилах захоронены тюрки [70, с. 497; 71, с. 33, рис. 1, *3*; 72, с. 334; 73, с. 61, прим. 9; 74, с. 45, 47—49, 52—57; 75, с. 121, 138; 76, с. 88, 91, 92; 77, с. 195, 201; 78, с. 90, 91; 79, с. 31, 32; 80, с. 121]. Ранние алтайские и тувинские трупоположения с конем обычно датируют VI—VIII вв. [70, с. 497; 73, с. 61, прим. 9; 75, с. 121, 138; 79, с. 32, 33]. А. А. Гаврилова отнесла упомянутые алтайские погребения к кудыргинскому типу — VI—VII вв. [81, с. 58—60, 104—106, табл. XXXI]. По предположению А. К. Амброза, могилы всадников со взнузданными конями появились на Алтае в VII в. [21, с. 121]. Погребения кудыргинского типа он «сдвинул» к концу VII—VIII в. [8, с. 94; 21, с. 126]. Видимо, в приднепровских и крымском погребениях с трупоположениями и костями коня были захоронены тюрки. В литературе высказывались противоречивые суждения об этносе тюрков, которые могли оставить в Приднепровской и Крымской степях данные погребения. По мнению А. А. Спицына, ясиновское, келегейское и новосенжарское погребения по составу вещей аналогичны болгарским погребениям перещепинского типа из Перещепино, Макуховки и Лимаровки [40, с. 27—33]. Болгарам приписывали ясиновскую, келегейскую и перещепинскую находки Н. Феттих, А. Мароши [32, с. 59, 60] и Н. Мавродинов [82, с. 203]. Г. Ф. Корзухина полагала, что степные комплексы перещепинского круга были зарыты в землю во время войны хазар с болгарами [83, с. 68—74, 78, 79]. По словам Д. Т. Березовца, колосковский, мартыновский, перещепинский, вознесенский и глодосский «клады» оставил в Поднепровье народ «рус» или «рос», имевший «самое непосредственное отношение к салтовской культуре» [84, с. 74]. По предположению М. И. Артамонова, перещепинский, келегейский, новосенжарский, макуховский, глодосский

и вознесенский комплексы найдены в тайниках в погребениях с трупосожжениями, принадлежавших тюркским вождям и привилегированным воинам, которые возглавляли хазарские воинские отряды [43, с. 17—20]. С этой гипотезой согласились Б. И. Маршак, К. М. Скалон [36, с. 12], автор данной статьи [13, с. 33; 85 с. 29] и Е. А. Горюнов [86, с. 87]. М. И. Артамонову возразила А. Т. Смиленко. Она считает, что памятники перещепинского типа оставлены в районе Полтавы «местными племенами (болгарами, славянами), разгромленными хазарами» [41, с. 117, 118]. А. К. Амброз убедительно доказал новую атрибуцию некоторых памятников перещепинского круга. По его мнению, в Вознесенке и Глодосах раскопаны кочевнические поминальные храмы, аналогичные поминальным комплексам, выстроенным в конце VII — первой половине VIII в. в честь умерших тюркских ханов и каганов в Монголии и Туве [6, с. 19, 20]. Быть может, из тайника, устроенного в кочевническом поминальном комплексе, были извлечены и перещепинские вещи. В пользу такого предположения свидетельствуют данные, полученные И. А. Зарецким и Н. Е. Макаренко в результате опроса нашедших клад пастушков и местных крестьян и раскопок, произведенных Н. Е. Макаренко на месте находки клада. Вещи лежали в куче в песчаной дюне, на глубине от 18 см до 1 м от поверхности песка, в пространстве около 1,5 м в поперечнике. Между предметами найдены сгнившие куски дубовых «дощатых брусьев» и остатки коричневой шелковой ткани. Ни крестьяне, ни Н. Е. Макаренко не обнаружили на месте находки никаких костей [87, с. 1—4; 88, с. 207—208; 89]. Сейчас уже трудно установить, откуда происходят (из погребений или из поминальных сооружений) два других богатых комплекса вещей перещепинского типа, найденных в Макуховке близ Полтавы и у с. Лимаровки в низовьях Донца [40, с. 31].

На основании сказанного выше попытаемся определить этническую принадлежность погребенного в Ясинове. Очевидно, рассмотренные в статье трупоположения с конем и поминальные сооружения оставлены одним и тем же кочевническим племенем. Состав инвентаря, происходящего из этих погребений и поминальных сооружений, свидетельствует о существовании в племени глубокой социальной дифференциации. В Дымовке и Ковалевке захоронены бедные рядовые воины, в Портовом и в белозерском кургане — более богатые воины, в Ясиново, Келегеях, Новых Сенжарах и, видимо, в Макуховке и Лимаровке — военные вожди разных рангов, а в Перещепино, Глодосах и Вознесенке были сооружены поминальные комплексы в честь представителей родовой знати [6, с. 19, 20], в Вознесенке [41, с. 155], Келегеях 47, с. 29—36 и Ясинове найдена керамика канцерского типа (рис. 1, *3*). Возможно, аланские гончарные центры в Канцерке и Тарановом Яру работали по заказам упомянутой группы приднепровских кочевников. Перечисленные памятники вряд ли можно связывать с протоболгарами. В результате анализа трудов хрониста Феофана и патриарха Никифора И. С. Чичуров локализовал «Великую Болгарию» в Восточном Приазовье [90, с. 80]. Интересующие же нас памятники расположены в Приднепровской и Крымской степях. М. И. Артамонов полагал, что «перещепинская культура связана с хазарами и ее появление в Поднепровье явилось следствием вторжения в эту область именно хазар» [91, с. 127]. Об утверждении хазарского господства в Поднепровской степи свидетельствует сам факт появления здесь в конце VII — первой половине VIII в. подобных тюркским поминальных комплексов в честь умерших каганов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рапорт Ананьинского уездного полицейского управления.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. № 1, 1889 г., д. № 81.
2. Рапорт Ананьинского уездного полицейского управления.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. № 1, 1891 г., д. № 139.
3. **ОАК за 1889 г. СПб., 1892.**
4. *Posta B.* Archaeologische Studien auf russischem Boden. B. I, II. Budapest — Leipzig, 1905.

5. *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенкі на Запоріжжі.— Археологія, 1950, т. III.
6. *Амброз А. К.* Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
7. *Кропоткин В. В.* Экономические и культурные связи восточных славян с Византийской империей.— In: Berichte über den 11. Internationalen Kongress für slawische Archäologie. B. III. B., 1973.
8. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4.
9. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, 1973, вып. Е1-36.
10. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977.
11. *Khalikova E. A., Kazakov E. P.* Le cimetière de Tankeevka.— In: Les anciens Hongrois et les etnies voisines a l'Est. Budapest: Akademiai Kiado, 1977.
12. *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980.
13. *Айбабин А. И.* Стремена перещепинского типа.— СГЭ, 1974, вып. XXXIX.
14. *Garam É.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kisköre. Budapest: Akademiai Kiado, 1979.
15. *Salamon Á., Erdélyi I.* Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Budapest: Akademiai Kiado, 1971.
16. *Амброз А. К.*— СА, 1973, № 4 — Рец. на кн.: Salamon Á., Erdélyi I. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Budapest: Akademiai Kiado, 1971.
17. *Иванов П. П.* Крюково-Кужновский могильник. Моршанск, 1952.
18. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э.— КСИА, 1979, вып. 158.
19. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
20. *Распопова В. М.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
21. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II.— СА, 1971, № 3.
22. Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.: Наука, 1959.
23. *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство древнего Пенджикента. М.: Искусство, 1973.
24. *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в.— СА, 1950, т. XIII.
25. *Монгайт А. Л.* Археологические заметки.— КСИИМК, 1951, вып. XLI.
26. *Иессен А. А.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе.— МИА, 1965, № 125.
27. *Сміленко А. Т.* Глодоські скарби. Київ: Наук. думка, 1965.
28. *László G.* Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars.— AH, 1955, t. XXXIV.
29. *Саханёв В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах.— ИАК, 1914, вып. 56.
30. *Айбабин А. И.* Погребения конца VII — первой половины VIII вв. в Крыму.— В кн.: Древности эпохи переселения народов. М.: Наука, 1982.
31. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
32. *Marosi A., Fettich N.* Trouvailles avares de Dunapentele.— AH, 1936, t. XVIII.
33. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области Крымских готов.— ЗООИД, 1907, т. XXVII.
34. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М.: Наука, 1971.
35. *Бобринский А. А.* Перещепинский клад.— МАР, 1914, т. 34.
36. *Маршак Б. И., Скалон К. М.* Перещепинский клад. Л.: Аврора, 1972.
37. *Смиленко А. Т.* Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
38. *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, 1962, вып. Е4-4.
39. *Айбабин А. И.* О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне.— СА, 1982, № 3.
40. *Спицын А. А.* Аварские древности. Рукопись.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5, д. 31[а].
41. *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степновому Подніпро'ї (II—XIII ст.). Київ: Наук. думка, 1975.
42. *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг.— ИАК, 1911, вып. 43.
43. *Артамонов М. И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья.— ДГО СССР. Этнография, 1970, вып. 15.
44. *Мінаєва Т. М.* Кераміка балки Канперки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі.— Археологія, 1961, вип. 13.
45. *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. Київ: Наук. думка, 1980.
46. *Фабрициус І.* Літопис музею. Вип. 8. Херсон, 1927.
47. *Тахтай А. К.* Келегейський «скарб» 1927 г.— Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 116/48.
48. *Скадовский Г. Л.* Белозерское городище Херсонского у. Белозерской волости и соседние городища и курганы.— Тр. VIII АС, т. III. СПб., 1897.
49. Херсонская губерния.— ЗРАО, 1896, т. VIII, вып. 1—2.

50. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка.— В кн.: Курганы на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1978.
51. *Айбабин А. И.* Салтовские поясные наборы из Крыма.— СА, 1977, № 1.
52. *Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму. Канд. дис.: ИА АН УССР, 1977.— Архив ИА АН УССР, № 571.
53. *Щепинский А. А.* Отчет о работе Северо-Крымской экспедиции в 1966 г.— Архив ИА АН УССР, № 166/33.
54. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.*, Исследования в Северном Крыму.— АО — 1966. М., 1967.
55. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Степные курганы. Симферополь: Таврия, 1972.
56. *Dalton O. M.* Sarmatian Ornaments from Kerch in the British Museum, compared with Anglo-Saxon and Merovingian in the same collection.— The Antiquaries Journal, 1924, v. IV, N 3.
57. *Fettich N.* Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst.— AH, 1951, t. XXXI.
58. *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага: Academia, 1929.
59. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. VIII.
60. *Артамонов М. И.* История Хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
61. *Косцюшко-Валюжнич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г.— ИАК, 1907, вып. 25.
62. *Амброз А. К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.) — КСИА, 1968, вып. 113.
63. *Айбабин А. И.* К вопросу о происхождении сережек пастырского типа.— СА, 1973, № 2.
64. *Артамонов М. И.* Етническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура.— Археология, 1969, № 3.
65. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье. Симферополь: Крым, 1969.
66. *Шапошникова О. Г.* Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1973 г.— Архив ИА АН УССР, 1973/8, № 678.
67. *Монгайт А. Л.* Археологические заметки.— КСИИМК, 1951, вып. XLI.
68. *Тахтай О. К.* Ново-Санджарівський скарб 1928 р.— Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, № 109/17[а].
69. *Засецкая И. П.* Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья.— АСГЭ, 1971, вып. 13.
70. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
71. *Спришевский В. И.* Погребение с конем середины I тыс. н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека.— Тр. Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1951.
72. *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— Тр. ТКАЭЭ, 1966, т. II.
73. *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— СЭ, 1966, № 3.
74. *Арсланова Ф. Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
75. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979.
76. *Нестеров С. П., Худяков Ю. С.* Погребение с конем могильника Тепсей-III.— В кн.: Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979.
77. *Худяков Ю. С.* Типология погребений VI—XII вв. в Минусинской котловине.— В кн.: Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980.
78. *Кубарев В. Д.* Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии: эпохи железа. Новосибирск: Наука, 1981.
79. *Могильников В. А.* Тюрки.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
80. *Деревянко Е. И.* Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н. э.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири: Новосибирск: Наука, 1978.
81. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л.: Наука, 1965.
82. *Мавродинов Н.* Прабългарската художествена индустрия.— В кн.: Мадара. Кн. II. София, 1936.
83. *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, 1955, т. XXII.
84. *Березовець Д. Т.* Про ім'я носіів салтівської культури.— Археологія, 1970, т. XXIV.
85. *Айбабин А. И.* Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма.— СГЭ, 1976, вып. XLI.
86. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
87. *Зарецкий И. А.* Клад, найденный при селе Малая Перещепина Константиноградского уезда Полтавской губернии.— Тр. ПУАК, 1912, вып. 9.
88. *Макаренко Н. Е.* Перещепинский клад.— ИАК, 1912, вып. 46, прибавление.
89. О находке клада золотых, серебряных и др. вещей в с. «Малое Перещепино».— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1912, д. № 174.

90. *Чичуров И. С.* Экскурс Феофана о протоболгарах.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1976.
91. *Артамонов М. И.* Славяне и болгары в Поднепровье.— In: Berichte über den 11. Internationalen Kongress für slawische Archäologie. B. I. B., 1970.

A. I. Aibabin

A BURIAL OF A KHAZAR WARRIOR

Summary

In 1889, peasants from the Yasinovo village, Nikolaev Region, unearthed equine bones and a skull with iron curb-bits (Fig. 1, *1*). Fragments of an iron stirrup (Fig. 1, *2*), of a narrow straight sword (Fig. 1, *5*), a one-sided blade of a broadsword (Fig. 1, *4*), a golden stamped plate which covered a bronze buckle (Figs. 2, *5*; 3, *3*; 4, *3*), six belt plates (Figs. 2, *1*, *2*; 3, *2*; 4, *2*), one large and three small belt ends (Figs. 2, *1*, *2*; 3, *1*, *4*; 4, *1*, *4*), two small golden nails and a burnished earthenware jur (Figs. 1, *3*; 6, *2*) were found under the bones. The next year on the same place peasants found a golden signet-ring with light-green glass (Fig. 2, *8*), a bead (Fig. 2, *6*), a belt end (Fig. 5, *1*) and a belt plate (Fig. 5, *2*). The belt set from Yasinovo (Figs. 6, *1*; 7) consisted of the main and two additional belts. The signet-ring and the bead are dated to the second half of the 7th century with the help of analogies from the Pereshchepina village (Fig. 2, *7*, *9*), the ear-rings and parts of the belt set are dated to the second half of the 7th — first half of the 8th centuries by analogies from the Kelegei village (Fig. 2, *10*), from the Novie Senzhary, Romanovskaya and Voznesenka villages. A golden plate which covered a wooden jur (Fig. 6, *2*) which resembles the one found at Yasinovo was found at Pereshchepina. The stirrups date the Yasinovo burial to the first half of the 8th century. The author thinks that it was a burial of a Khazar warrior.

КУЗНЕЦОВ В. А.

ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС VIII в. В ОКРЕСТНОСТЯХ КИСЛОВОДСКА

Памятник находится в 5 км южнее Кисловодска, при слиянии небольших речек Аликоновка и Мокрая балка, вблизи «Замка коварства и любви». Он был открыт и раскопан в 1964 г. кисловодским краеведом Н. Н. Михайловым, ныне покойным. Рукописный отчет о раскопках был передан в 1969 г. автору настоящей статьи. К сожалению, содержавшиеся в нем данные не позволяли решить многих вопросов, связанных с реконструкцией постройки и ее интерпретацией. В 1977 г. мною было произведено доследование объекта, что позволило уточнить некоторые детали, но восстановить полную планиграфию и стратиграфию, точное местонахождение некоторых находок, характер «очага» и т. п. не представлялось возможным из-за перекопанности памятника[1]. Информативное значение его в значительной степени утрачено.

На основании отчета и иллюстраций Н. Н. Михайлова, наших дополнительных наблюдений выясняется в общих чертах следующая картина.

Северо-западная часть постройки впущена в крутой (до 40°) травянистый склон балки. Эта часть была затянута землей. Юго-западная и северо-восточная стены были заметны на поверхности. В ходе раскопок Н. Н. Михайловым была замечена последовательность слоев в интерьере постройки. Верхний слой, черноземный, толщиной до 40 см, насыщен обломками раннесредневековой керамики. Его подстилал более толстый суглинистый слой, наполненный мелким щебнем, стерильный. Мощность его в отчете не указана. Затем шел «культурный слой». Четвертый слой, выделенный Н. Н. Михайловым,— «слой на полу сооружения». Мощность третьего и четвертого слоев не указана, почвенно-литологической характеристики нет. Наконец, пятый слой — «прослойка пепла», т. е. угольно-золистый слой. Толщина его также не указана. Нет сведений и о конфигурации слоев в разрезе. Профили в процессе раскопок не делались и не фиксировались. Таким образом, в отношении стратиграфии мы располагаем лишь ее схемой. Неизвестно также, в какой части строения Н. Н. Михайлов наблюдал вышеописанную стратиграфию; распространялся ли, например, слой «пепла» на всю площадь помещения или он наблюдался только в районе «очага». Во время нашей зачистки на уровне глиняного материка были выявлены пятна золы и отдельные древесные угольки, тяготеющие к «очагу». Видимо, это и есть остатки того угольно-золистого слоя, который отметил Н. Н. Михайлов.

Не вызывает особых сомнений, что верхний черноземный слой с керамикой образовался в результате размыва и сползания вниз по склону культурного слоя раннесредневекового городища, находящегося выше памятника на ровном плато. Толстый суглинистый слой с щебнем и без археологического материала мог скорее всего представлять собой выброс, образовавшийся при прокладке упоминавшейся пешеходной тропы. Тропа проходит рядом с объектом и ведет от городища и долины Аликоновки вверх по Мокрой балке к одноименному катакомбному могильнику. То обстоятельство, что данный выброс заполнил строение и затем оказался перекрыт немалым слоем гумуса, свидетельствует о древности тропы и ее вероятном функционировании в средневековье.

[1] В доследовании памятника принимали участие Г. Е. Афанасьев, Я. Б. Березин, С. Н. Савенко, М. Гуськова.

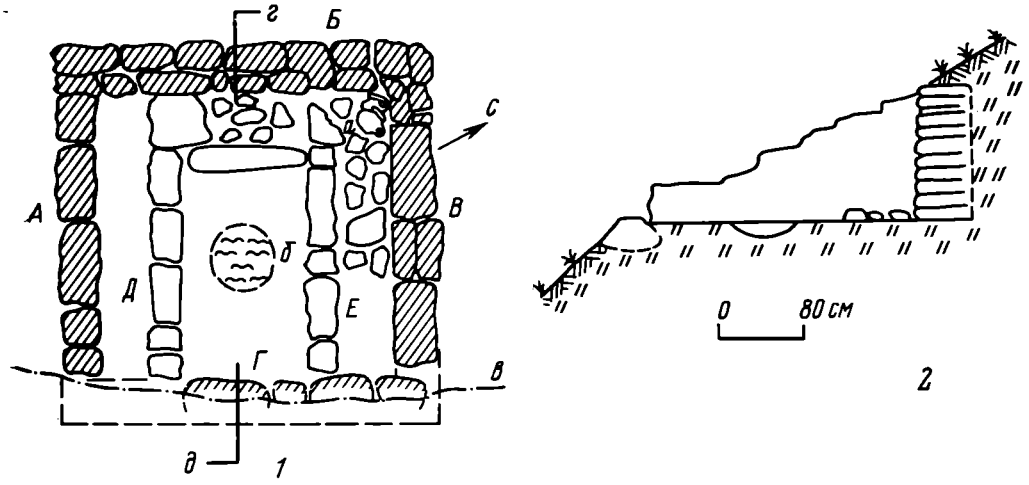


Рис. 1. Здание в Мокрой балке. *1* — план по чертежу Н. Н. Михайлова: *а* — сосуды, *б* — очаг, *в* — кромка склона; *А* — *Е* — стены; *2* — разрез по линии *д* — *г*

Далее, по описанию Н. Н. Михайлова, шел «культурный слой». В тексте отчета он назван «культурным слоем с обломками керамики как аланской, так и эпохи бронзы». Иллюстрации в отчете отсутствуют. По приведенным данным можно предполагать, что этот слой имеет такое же происхождение, что и верхний черноземный культурный слой, т. е. он переотложен с городища. Эта прослойка образовалась в период между запустением постройки и выбросом, образовавшимся при прокладке тропы [1, с. 228—233].

Неясен характер и генезис четвертого слоя — «на полу сооружения», неясно, чем он визуально отличался от предшествующего культурного слоя. Существование его проблематично. Достоверность угольно-золистого слоя подтверждена нашим доследованием. Подтверждено и наличие глиняного материка.

Здание в плане квадратное, четырехугольное, ориентировано по линии северо-запад — юго-восток (рис. 1), размеры 3,15×3,07 м. Сохранились три стены — *А*, *Б* и *В*, четвертая стена, юго-восточная, находилась на краю обрыва и не сохранилась, от нее осталось лишь несколько больших камней. Стена *А* выложена в один ряд кладки из кусков рваного доломитизированного известняка, выломанного из прилегающего скального массива. Кладка — на глиняном растворе, грубая и нерегулярная, без перевязки швов. Длина стены до 3,10 м, ширина 32—35 см, в высоту сохранилась до 1 м (до 10 рядов кладки). Максимальная высота в северо-западном углу — 1,25 м. В ходе зачистки на этом участке установлено, что стены не имели фундамента и покоились на материке.

Стена *Б* впущена в склон. Длина — 3,15 м, толщина — 55 см, сложена в два ряда на глиняном растворе. Высота стены — до 1,20 м. Утолщение стены *Б*, видимо, объясняется ее положением на склоне и большей нагрузкой. Стена *В*, имеющая одну высоту со стеной *Б* в северном углу, сильно разрушена. В юго-восточном направлении она быстро понижается до 48 см и завершается большой плоской плитой размерами 1,12××0,42 м. Такие же крупные плиты замечены и в основании стены *Б*.

Следов входа не обнаружено, и его местоположение неясно. Так же неясно наличие какого-либо перекрытия у этой несложной постройки. Судя по отчету Н. Н. Михайлова и приведенной им стратиграфии, перекрытия не было, здание было открытым с невысокими (примерно до 1,5 м) стенами.

При раскопках 1964 г. на полу помещения были обнаружены две кладки, идущие параллельно друг другу от стены *Б* до стены *Г* и в них упиравшиеся (рис. 1). В 1977 г. нам их найти не удалось. По свидетельству С. Пьянкова (участника раскопок 1964 г.), эти кладки Н. Н. Михайловым были разобраны и выброшены. На основании отчета Н. Н. Михайлова (чертежа здания) и дополнений С. Пьянкова намеча-

ются следующие данные по реконструкции кладок и интерьера помещения.

Кладка *Д* находилась на расстоянии 50 см от стены *А*, кладка *Е* — на расстоянии 70 см от стены *В* (рис. 1); пространство между кладками равнялось примерно 1,95 м (с учетом кладок, ширина которых не превышала 30—35 см). Обе кладки, по-видимому, в высоту имели один ярус. На расстоянии около 40 см от стены *Б* лежала плоская плита длиной не менее 1 м, положенная параллельно стене. Между плитой и стеной *Б* образовалось пространство, пол которого был выложен плоскими камнями. При нашей расчистке здесь было обнаружено скопление камней и углей.

В центре помещения, между кладками Д и Е, согласно отечту Н. Н. Михайлова, расчищена «круглая очажная яма, в которой находился большой слой пепла». На плане указан радиус ямы 25 см, следовательно, ее диаметр был равен 50 см. Глубина «очажной ямы» — 25 см. В процессе зачистки яму проследить не удалось, сохранились только пятна от угля и несколько обожженных камешков, что подтверждает факт существования ямы. Тогда же были выявлены камни вымостки пола между стенами *В* и *Е* (в материалах Н. Н. Михайлова они не показаны).

В ходе раскопок Н. Н. Михайлова внутри помещения было найдено более 100 обломков керамики, из которых удалось восстановить полностью два сосуда, лежавших на северном углу. Один из них — лепной серый горшок с ручкой, начинающейся от венчика, и тремя горизонтальными желобками на шейке, высота сосуда 12 см (рис. 2, *2*). Второй горшок — красно-коричневого цвета, ручка прикреплена ниже венчика, украшенного частыми косыми насечками, высота сосуда — 9,5 см, на дне — гончарное клеймо-свастика (рис. 2, *1*). В отчете упомянуты ручки глиняных котлов (количество их не обозначено). Судя по профилю, напоминающему букву Ч, ручки были наружными. Можно предположить, что вместе с горшками в помещении находился подвесной глиняный котел-казан. В северном углу оказались железные стремена (рис. 3, *12, 13*), обломки железных удил (рис. 4, *1*) и неопределимые обломки железных предметов, обломок железного ножа, семь железных наконечников стрел — два плоских, пять трехгранных (рис. 3, *9*), три бронзовых цельнолитых пряжки: две с квадратной рамкой и квадратным щитком (рис. 3, *1*), одна круглорамочная пряжка-наконечник (рис. 3, *2*). На участке от северного угла вдоль стены *Б* обнаружены обломки костяной обкладки (рис. 2, *10*; некоторые из них кальцинированы до черноты), бронзовый колчанный крюк (рис. 3, *3*). Наконец, вдоль стены *Б*, в «очажной яме» и вокруг нее были найдены «среди золы» бляшки различных форм, серебряные литые, по лицевой поверхности покрытые золотой амальгамой (рис. 2, *3—13*). Одна из них, в виде трезубца (рис. 2, *6*), была по бронзовой основе обтянута золотой фольгой. Часть этих украшений, связанных с воинской амуницией, в настоящее время утрачена, но в 1969 г. мне удалось этот комплекс видеть еще в полном составе в фондах Кисловодского музея. На многих бляшках с внутренней стороны (с лицевой стороны они были почищены) сохранились остатки слежавшейся золы. Тем самым подтверждается связь бляшек с «очажной ямой» и пространством около нее, также заполненным продуктами горения. Отметим, что некоторые украшения деформированы (рис. 2, *11*) или представлены обломками (рис. 2, *7—9, 12, 13*). Преднамеренно были сломаны и все железные предметы (рис. 4); не исключено, что так же поступили с глиняными сосудами.

На полу помещения было встречено несколько мелких и трудно определимых костей животных, а также бараний астрагал. Они концентрировались вокруг «очажной ямы». Можно полагать, что костей животных было больше, но они не зарегистрированы производителями работы.

Относительно хорошо датируемыми являются серебряные золоченые бляшки, содержащие в своей орнаментике розетки, выпуклые «глазки», листья аканта, сердцевидной формы личины и т. д. (рис. 2, *3—13*). Полукруглая пластинка-трезубец (рис. 2, *6*), возможно, представляет

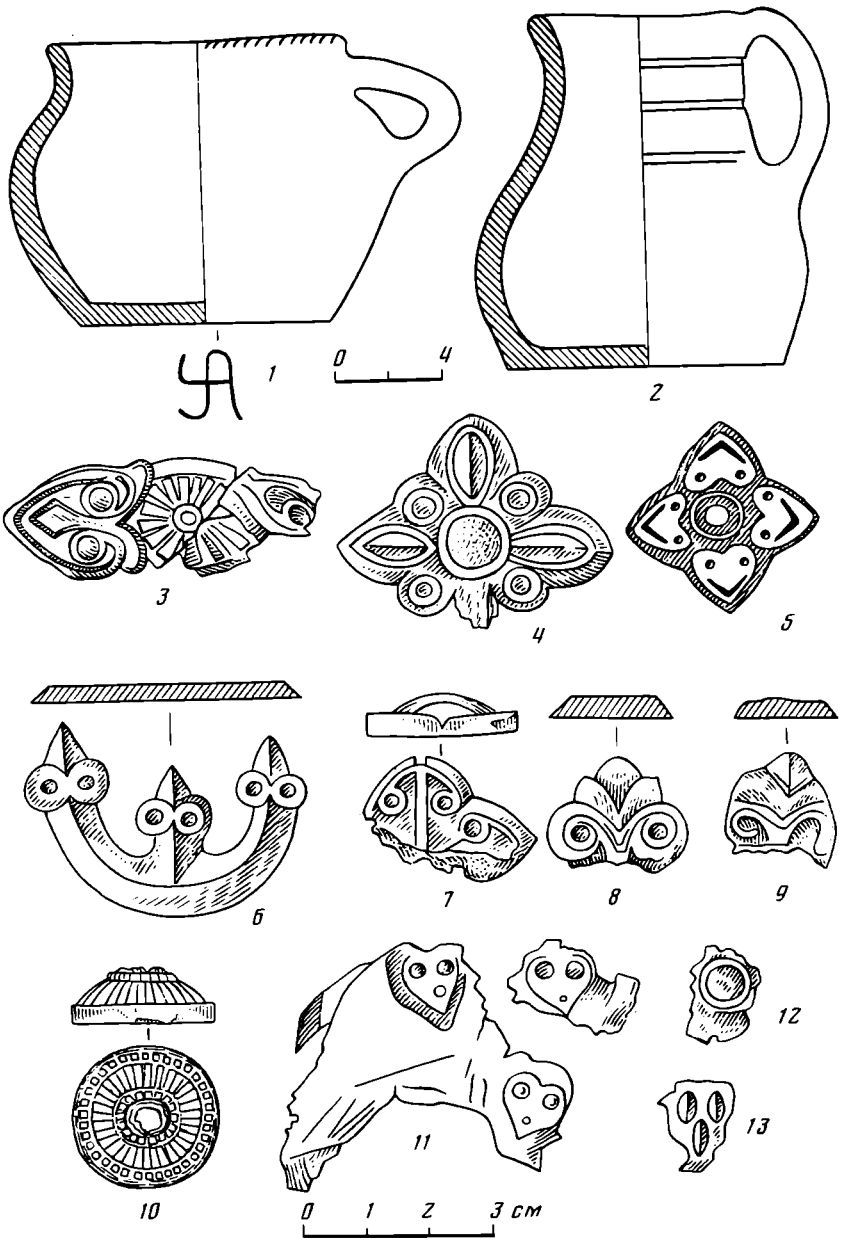


Рис. 2. Находки. *1, 2* — глиняные сосуды; *3—13* — золоченые украшения (*4—6, 8, 11—13* — по рисункам Н. Н. Михайлова)

собой обкладку наконечника ножен [2, табл. II—IV]. Неясно назначение бронзового полусферического предмета с отверстием в центре (рис. 2, *10*); может быть, это навершие венчало рукоять плети.

Некоторые украшения имеют точные аналогии в хорошо датированном кочевническом кладе из с. Вознесенка Запорожской обл. Таковы прежде всего бляхи с розеткой в центре (рис. 2, *3*) и бляхи с четырьмя сердцевидными выступами (рис. 2, *5*; табл. III, *11, 24*). Кроме того, материалы из Вознесенки имеют соответствия в других видах инвентаря: одинаковые круглорамчатые пряжки-наконечники, железные стремена и удила [3, табл. VI, *2*, табл. *I*, *1*, *2*, *5*], трехгранные наконечники стрел. Вознесенский клад датирован концом VII — началом VIII в. по византийскому клейму на найденной там серебряной фигурке орла [4, с. 226]. Так же датирует комплекс из Вознесенки А. К. Амброз не только на основании византийского клейма, но и учитывая стремена как хронологический показатель [5, с. 350]. Исследователь вознесенского клада В. А. Гринченко на основании других данных относит его к VIII в. [3, с. 62]. Целый ряд прямых аналогий (железные стремена, трехгран-

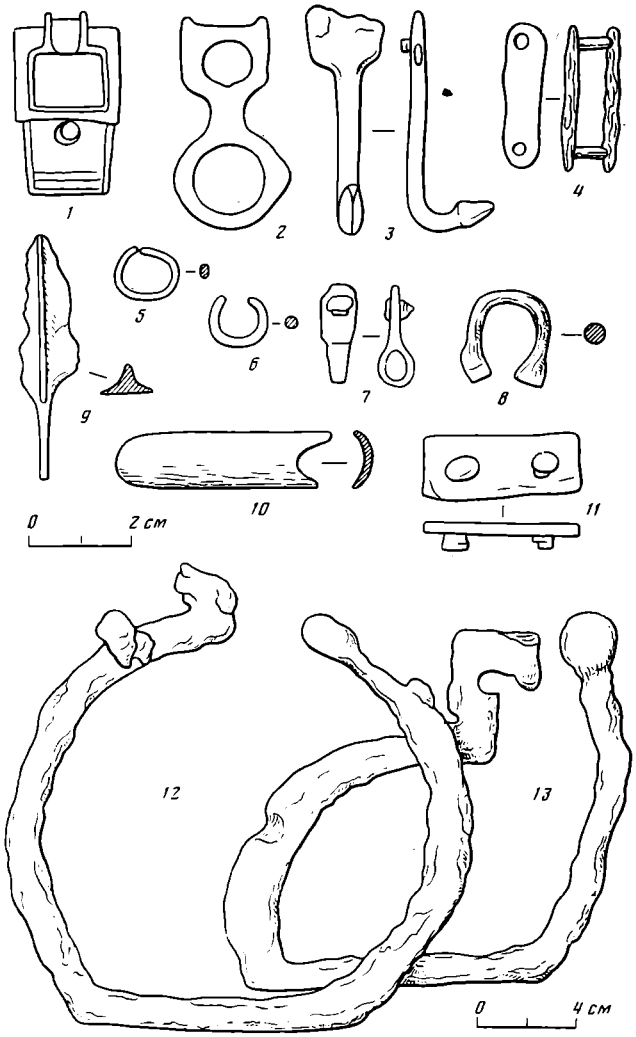


Рис. 3. Находки. *1* — бронзовые пряжки (2 экз.); *2* — пряжка-наконечник; *3* — бронзовый поясной крюк; *4* — бронзовая обойма; *5*—*7* — бронзовые колечки; *8* — петля; *9* — железный наконечник стрелы; *10* — костяная обкладка; *11* — железный предмет неизвестного назначения; *12*—*13* — железные стремена (*1*—*9* — фонды Кисловодского музея, *10*—*13* — по рисункам Н. Н. Михайлова)

ные наконечники стрел и т. д.) можно видеть в не менее известном богатом комплексе конца VII — начала VIII в. в Глодосах Кировоградской области [6, рис. 25, 26].

Датированные аналогии есть и на Северном Кавказе. Из могильника Камунты в Северной Осетии происходят бляшки, аналогичные некоторым бляшкам из описанного выше памятника [7, табл. XIII]. А. К. Амброз относит их к VIII в. [8, с. 115, рис. 5, *73*]. Территориально ближайшие параллели дают катакомбы, исследованные М. П. Абрамовой на Директорской горке близ Кисловодска, на левом берегу р. Аликоновка [9, рис. 3, *13*, 4]. Сходны и другие типы бляшек [9, рис. 3, *14*, 4], а также стремена [9, рис. 3, *40*, 5, *1*—*2*]. М. П. Абрамова считает, что комплекс из Мокрой балки синхронен комплексу из Директорской горки и датирует последнюю первой половиной VIII в. [9, с. 148].

В 1976 г. в докладе на VI Крупновских чтениях в Краснодаре я датировал сооружение, открытое Н. Н. Михайловым, первой половиной VIII в. [10, с. 33]. Сейчас я могу вновь подтвердить эту дату.

Наиболее затруднительной оказалась историческая интерпретация памятника. Попытки в этом направлении мной предпринимались дважды: в 1976 г. на VI Крупновских чтениях я рассматривал постройку как зороастрийское святилище огня-айадана [10, с. 32, 33], в 1978 г. на VIII

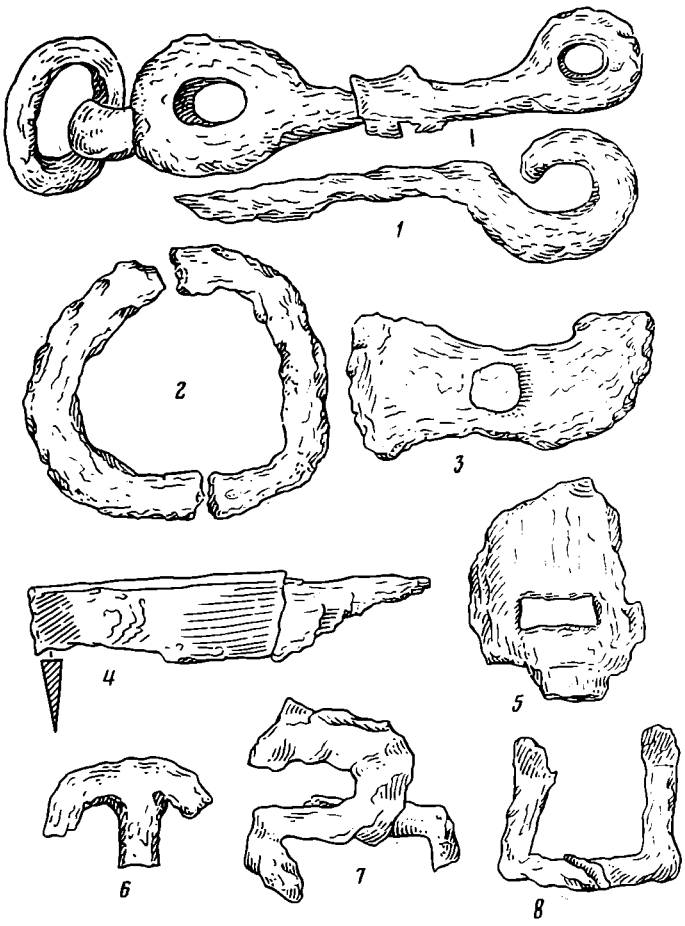


Рис. 4. Железные предметы и обломки. *1* — удила; *2* — кольцо; *3* — назначение неясно; *4* — нож; *5* — петля от стремени; *6—8* — назначение неясно (по рисункам Н. Н. Михайлова, без масштаба)

Крупновских чтениях — как однокамерное жилище воина с очагом в центре [11, с. 81—83].

Благодаря последним публикациям А. К. Амброза о Вознесенке [12, с. 204—222] и М. П. Абрамовой о Директорской горке [9] в нашем распоряжении оказались те выводы и наблюдения, которые могут иметь решающее значение для осмысления рассматриваемого археологического объекта.

Вознесенский комплекс А. К. Амброз интерпретировал как поминальный храм, оставленный в первой половине VIII в. кочевниками-тюрками. Им же рассмотрен и проанализирован широкий круг аналогий на обширной территории от Монголии до Венгрии [12, с. 212—220], что избавляет нас от необходимости вновь обращаться к ним. Разумеется, храм Кюль-Тегина в Монголии и Вознесенский храм на Днепре по масштабам и многим деталям несопоставимы с сооружением в Мокрой балке. Но выделенные А. К. Амброзом «главные специфические черты тюркских поминальников: отсутствие могилы, ограждение стеной участка для церемоний, жертвенные ямы» [12, с. 212] — в сооружении Мокрой балки налицо. Они дают некоторые основания предполагать в последнем рядовой поминальник, посвященный памяти конного воина-дружинника, о чем свидетельствует состав найденного Н. Н. Михайловым инвентаря. «Очажная яма» Н. Н. Михайлова — это жертвенная яма и именно поэтому в ней и вокруг нее оказались почти все вещи, обнаруженные в помещении. Сказанное подтверждается также и наличием костей жертвенных животных. Они обнаружены и в Вознесенке, и в Мокрой балке и в обоих случаях приурочены к жертвенным ямам.

В раскопках М. П. Абрамовой на Директорской горке нет подобных каменных сооружений, но отдельные детали вполне сопоставимы с по-

минальником из Мокрой балки. Прежде всего это две ямы с угольно-золистым заполнением и жертвенными предметами того же состава, что и в Мокрой балке: железные стремена, удила, пряжки, обожженные фрагменты костяных пластин — седельные канты, серебряные позолоченные бляшки с тисненым орнаментом, наконечник копья, разбитый кувшин [9, с. 138]. Одна яма была впущена в дромос катакомбы 5, вторая устроена над погребением коня. Размеры этой ямы близки размерам жертвенной ямы в Мокрой балке: диаметр — 30, глубина — 25 см. Обе жертвенные ямы Директорской горки М. П. Абрамова считает «разновидностью одного и того же ритуала» [9, с. 138], который связывает с культурой тюркоязычных племен Сибири VI—VIII вв., отмечая здесь же определенную близость инвентаря Директорской горки, раннетюркских курганов Тувы и аварских могильников Венгрии [9, с. 148]. Параллели в тюркских памятниках Алтая и Тувы имеют и каменные оградки (или валы), выявленные над катакомбами Директорской горки [9, с. 148]. На основании всего этого М. П. Абрамова пишет о том, что в конце VII — первой половине VIII в. «среди аланского населения в районе Кисловодска прослеживается наличие тюркоязычных элементов» [9, с. 149].

Мы принимаем интерпретации А. К. Амброза и М. П. Абрамовой в качестве исходных предпосылок для осмысления описанного памятника «Мокрая балка». По-видимому, с наибольшей вероятностью его можно считать именно поминальным сооружением в честь воина-дружинника.

Выше говорилось о распространении поминальников у тюрок. Однако, насколько нам известно, тюркские поминальники не делались над могилами, как это мы видим в Директорской горке (хотя в Мокрой балке могилы под поминальником нет). Появление поминальников в районе Кисловодска, возможно, связано с воздействием тюркских этнических групп, проникших сюда около середины VIII в.; вопрос об этом поставлен давно на основании других археологических материалов [13, с. 76; 14, с. 298; 15, с. 76—94; 16, с. 34—39]. Но материал по поминальным памятникам Северного Кавказа еще слишком незначителен. Можно лишь указать, что традиция устраивать поминальные помещения сохранилась в более позднее время и воплотилась в специальных поминальных камерах, примыкающих к фасадным стенам некоторых полуподземных склепов X—XII вв., раскопанных нами на склоне горы Пароход (Нижнеархызское городище в ущелье р. Большой Зеленчук [17, с. 133]). Возможно, к той же традиции восходят и так называемые «лоджии», а фактически поминальные камеры у фасадных стен позднесредневековых склепов Северной Осетии [18, с. 29—31, рис. 9] и Чечено-Ингушетии [19, с. 92; 20, с. 106, рис. 90—92].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рунич А. П.* Энеолитическое поселение близ Кисловодска.— СА, 1967, № 1.
2. *Zakharow A., Arendt W.* Studia Levedica — AH, 1935, t. XVI.
3. *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі.— Археологія, 1950, т. III.
4. *Кропоткин В. В.* Экономические и культурные связи восточных славян с Византийской империей.— In: Berichte über den II Internationalen Kongress für slamische Archäologie. B. III. B., 1973.
5. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы: Докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1973.— Архив ИА АН СССР, р — 2, № 2142.
6. *Смиленко А. Т.* Глодоські скарби. Київ: Наук. думка, 1965.
7. *Chantre E.* Recherches antropologiques dans le Caucase. T. III. Paris — Lyon, 1887.
8. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.
9. *Абрамова М. П.* Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа.— СА, 1982, № 2.
10. *Кузнецов В. А.* Зороастрийское святилище огня близ г. Кисловодска.— В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре (тез. докл.). М., 1976.
11. *Кузнецов В. А.* К вопросу о раннесредневековом жилище Северного Кавказа.— В кн.: VIII Крупновские чтения (тез. докл.). Нальчик, 1978.
12. *Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, 1982.

13. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
14. *Кузнецов В. А.* Рец. на кн.: Плетнева С. А. От кочевий к городам.— СА, 1969, № 2.
15. *Кузнецов В. А.* Аланы и тюрки в верховьях Кубани.— В кн.: Археолого-этнографический сборник. Вып. 1. Нальчик, 1974.
16. *Кузнецов В. А.* Глиняные котлы Северного Кавказа.— КСИА, 1964, вып. 99.
17. *Кузнецов В. А.* Работа Зеленчукской экспедиции.— АО — 1978 г. М., 1979.
18. *Тменов В. Х.* «Город мертвых» (Позднесредневековые склеповые сооружения Таграурии). Орджоникидзе: Ир, 1979.
19. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.
20. *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975.

V. A. Kuznetsov

AN 8TH CENTURY MEMORIAL COMPLEX FROM KISLOVODSK ENVIRONS

Summary

The complex is found 5 km to the south of Kislovodsk, at the Alikonovka and Mokraya Balka confluence. It was opened in 1964 by N. N. Mikhailov, a local amateur-historian and studied in 1977 by the author of the present publication. It was established, that the construction was nearly square and had limestone walls bound by clay mortar. In the highest places the extant walls are 2.5 m high, no traces of a ceiling have been found. There was a sacrifial pit in the centre, the supposition being supported by the distribution and nature of the finds. The site is regarded as an memorial dedicated to a mounted warrior. The fact that constructions of this kind appeared in the vicinity of Kislovodsk is associated with the influence of Turkic ethnic groups which made their appearance in the region in about mid-8th century.

ГАВРИЛИНА Л. М.

КОЧЕВНИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ X в.

В 1928 г. в небольшой книге «Золотоордынские древности ГИМ из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье» А. Кушева-Грозевская опубликовала обломок головки копоушки, принятый ею за нагрудную бляху золотоордынского времени. Автором было отмечено богатство орнамента в виде «сильно стилизованного изображения фантастического животного или птицы» [1, с. 14, 15, т. II). Аналогий фрагменту найти не удалось. С тех пор благодаря раскопкам советских археологов появилась целая серия подобных вещей с идентичным богатым орнаментом, в котором исследователи видели оленя, птицу или древо жизни [2, с. 418; 3, с. 255]. Эта группа вещей, связанная с печенежско-огузскими древностями и датированная X в., привлекает внимание своей целостностью, единством, большим сходством в деталях и загадочной символикой изображения.

Копоушки как туалетная принадлежность были известны многим народам, широко распространены как географически, так и хронологически. На территории Восточной Европы они появляются у сарматов, бытуют у гуннов, широко известны в салтово-маяцких памятниках, хорошо знакомы финно-угорским народам Поволжья, Прикамья, севера европейской части СССР, встречаются в адыго-черкесских погребениях позднего средневековья [4, с. 235—242, рис. 3, *2*; 5, с. 139, 141, табл. 4; 6, с. 21, рис. 9, *8*; 7 табл. VIII, *3—8*; 8, табл. XVIII, *14, 16*; 9, рис. 25; 10, табл. 4, *13, 23*; 11, с. 166; 12, с. 84, табл. XIII, *9—11*]. По данным этнографии, копоушками до недавнего времени пользовались и украшали свой костюм многие народы Казахстана и Средней Азии: казахи, узбеки, киргизы [13, с. 140—141, рис. 43, *1*].

Утилитарное назначение вещи определило ее форму: чаще всего это тонкий перевитый бронзовый стерженек с подобием крошечной ложечки на одном конце и петелькой для подвешивания на другом или костяная палочка с отверстием в верхней части. Иногда рукоять делали слегка уплощенной и покрывали несложными орнаментом в виде точек, полос, насечек, ёлочки. Простые стержневые копоушки часто входили в состав богатого туалетного набора — шейного, нагрудного или поясного, состоявшего из медальона или цилиндра с подвешенными к нему на цепочках копоушкой, ногтечисткой, щипчиками, ситечком, иногда зубочисткой [11, с. 166, рис. 381; 13, с. 140, рис. 41, *3*; 14, с. 108—157, рис. 25].

Как правило, копоушки совмещают в себе два начала: утилитарное и декоративное, являясь украшением костюма. Особняком среди них стоит вышеупомянутая группа печенежско-огузских копоушек, у которых декоративная (возможно, сакральная) сторона начинает явно превалировать над утилитарной. Это крупные бронзовые (иногда из белого сплава) копоушки веслообразной формы с широкими рукоятями, украшенными богатым прорезным узором. В настоящее время известны 23 экземпляра. Все они происходят из кочевнических погребений Волго-Уральского междуречья, Нижнего Поволжья и Подонья, за исключением трех фрагментов, найденных в слое X в. на Саркельском городище (также на Нижнем Дону).

Именно эти степные территории выделяет Г. А. Федоров-Давыдов как наиболее многолюдные в IX—XI вв. Он отмечает, что, судя по карте распространения погребений, в это время «основные массы печенежско-торческого населения концентрировались в восточной части южнорусских

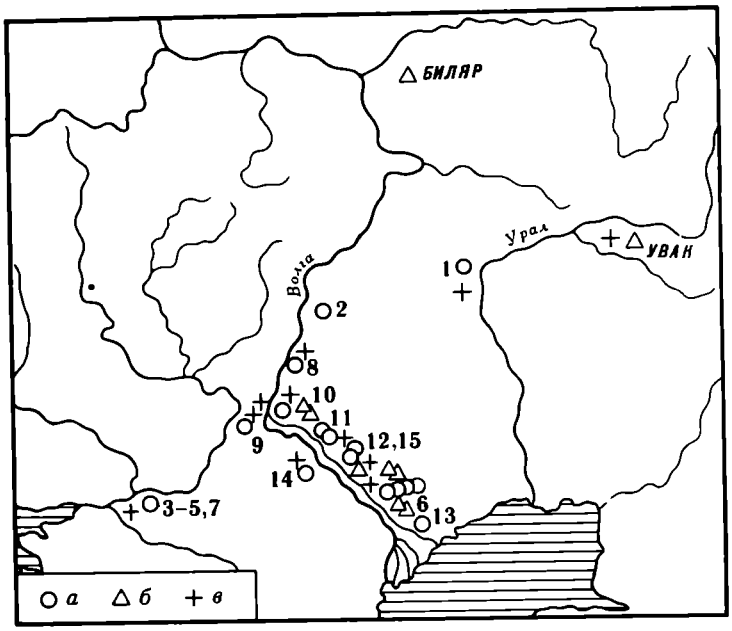


Рис. 1. Карта местонахождений копоушек и птицевидных нашивок. *1* — Уральск, разр. погр., сл. нах. [68, с. 176, рис. 2—5], хр. в УОМК; *2* — Блюменфельд, кург. гр. В, к. 1, раскопки П. Д. Рау, Б. Н. Гракова 1925 г. [1, с. 14, № 116, табл. II], хр. в ГИМ, инв. № 57793; *3* — Ростовская обл., Саркел — Белая Вежа, раскопки М. И. Артамонова 1950 г., ВД-50/470 [3, с. 256, рис. 27, *3*], хр. в ГЭ; *4* — там же, раскопки М. И. Артамонова 1951 г. ВД-51/2385 [3, с. 256, рис. 27, *2*], хр. в ГЭ; *5* — мог. близ Саркела, к. 59, раскопки С. А. Плетневой 1952 г. [там же, рис. 27, *1*], хр. в ГЭ; *6* — с. Лапас Астраханской обл., развеянное погр. в дюне, раскопки В. А. Филипченко 1955 г. [16, с. 236—242], хр. в Астраханском музее-заповеднике; *7* — Саркел — Белая Вежа, раскопки М. И. Артамонова; *8* — с. Быково Волгоградской обл., к. 10, п. 11, раскопки К. Ф. Смирнова 1955 г. [67, рис. 11—15]; *9* — мог., Заканальный, Волгоград, к. 4, п. 4, раскопки В. И. Мамонтова 1967 г. [20], хр. в ВОМК; *10* — с. Верхнее Погромное Волгоградской обл., к. 1, п. 1, раскопки В. П. Шилова 1954 г. *11* — с. Заплавное Волгоградской обл., к. 3, п. 6, раскопки В. П. Шилова 1958 г. [69, с. 36—38], хр. в ВОМК; *12*, *15* — с. Средняя Ахтуба Волгоградской обл., разр. погр., 1960 г. [21, с. 269—271], хр. в ВОМК; *13* — с. Хошеутово Астраханской обл., сл. нах. 1983 г. В. В. Плахов, хр. в Астраханском музее-заповеднике; *14* — с. Старица Астраханской обл., к. 21, п. 2, раскопки В. П. Шилова 1961 г. [70, с. 33, табл. XI, *1*, *2*], хр. в Астраханском музее-заповеднике. *а* — местонахождения копоушек, *б* — местонахождения нашивок типа ДII; *в* — местонахождения нашивок типа ДIII

степей (в Поволжье и Заволжье)... Нашивки типа ДII, ДIII, ДIV, привески-копоушки типа II, а также лепные сосуды типов AI, БI—БIII имеют ареал, ограниченный Поволжьем, Нижнем Подоньем и Приуральем. Эти вещи представляют собой единственные локальные признаки восточных районов печенежско-торческих степей, которые не встречаются на западе» [15, с. 141, 142].

Копоушки в погребениях, как правило, сопровождаются нашивками (типа ДII и ДIII по типологии Г. А. Федорова-Давыдова) [15, с. 67, рис. 12]. Из известных нам вещей 15 экз. происходят из девяти более или менее полных комплексов, остальные являются случайными находками (рис. 1). Погребения с копоушками поразительно близки между собой по обряду захоронения и инвентарю. Ориентировка погребенных западная, с отклонениями к юго-западу, реже к северо-западу, 11 копоушек происходят из женских погребений, четыре — из детских, остальные — из разрушенных комплексов и случайных находок. При женских костяках находятся обычно по две копоушки (лишь в погребении у с. Лапас их было четыре, а у Старицы — одна), при детских скелетах — чаще по одной (только в погребении у с. Верхнего Погромного одна целая и обломок второй). Положение вещей в могиле также имеет сходство. В женских погребениях они расположены на груди, на тазовых костях; в детских — у левого предплечья, на правой ключице. Погребения небогаты, почти все относятся к имущественному разряду Б по классификации Г. А. Федорова-Давыдова.

Рис. 2. Копоушки всех типов (номера соответствуют номерам на рис. 1)

В погребении на дюне у с. Лапас Астраханской обл., исследованном В. А. Филипченко в 1955 г., копоушки были найдены вместе с монетами 954—955 гг. н. э., что надежно датировало эти вещи второй половиной X в. [16, с. 236—242].

Все известные копоушки по орнаментации и композиционным схемам оформления рукоятей можно разделить на пять типов.

I. Копоушки первого типа (11 экз.) крупные (их размеры колеблются от 9 до 13,5 см), с широкими орнаментированными каплевидными ручками (рис. 2, *1—6*). По ободку проходят узкие бордюры рифленого орнамента, затем более широкая полоса кружочков с углублениями в центре. Внутри, на пространстве, ограниченном бордюрами, находится изображение древа жизни, ветви которого напоминают распростертые крылья птицы, украшенные растительными завитками, голову барана или оленя с широко расставленными рогами, над которыми расположен трилистник из длинных узких боковых листьев и более короткого центрального. Завершается композиция кругом, образованным узким плоским бортиком. Орнамент на рукоятках имеет некоторые расхождения: например, копоушка из Саркельского могильника (рис. 1, *5*) украшена одним лишь рифленым пояском без кружочков, а копоушка с городища, наоборот,

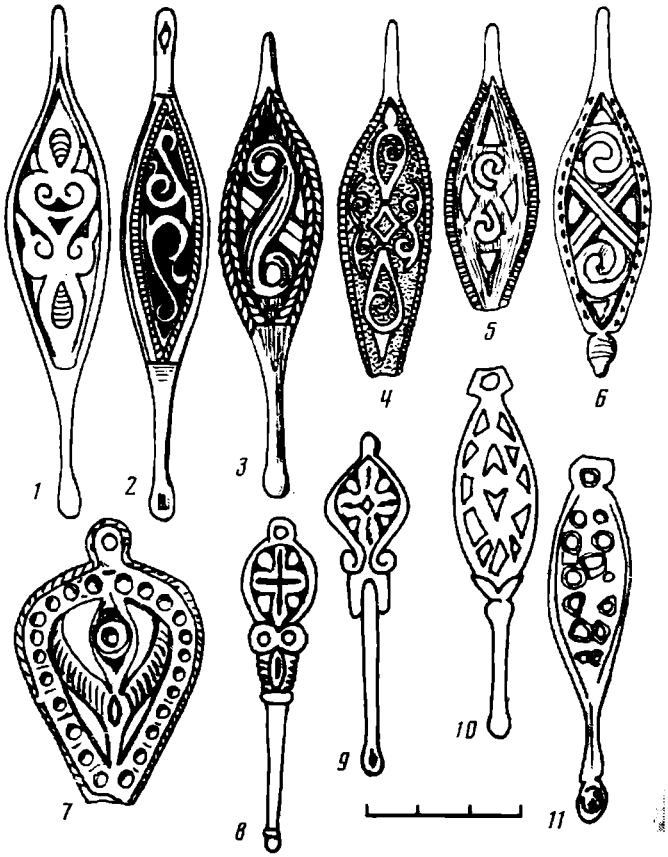


Рис. 3. *1—6* — копоушки древней корелы (по С. И. Кочкуркиной); *7* — бляха из Ур-Бедари; *8—11* — салтовские и аланские копоушки

только кружочками. Но в целом набор элементов и композиционная схема одинаковы: ствол — крылья — голова животного с рогами — трилистник — круг. При имеющихся различиях в более мелких деталях это повторение основных элементов подчеркивает их смысловую нагрузку и значимость. Даже количество кружков в бордюрах копоушек (рис. 2, *1, 2*) одинаково — 28 (остальные копоушки с подобным орнаментом фрагментированы и не дают общей картины).

Прямые аналогии копоушкам этого типа на территории Восточной Европы найти не удалось. Единственной очень близкой аналогией, хотя и происходящей с отдаленной от степей Восточной Европы территории, является ажурная бронзовая бляха (вероятно, также головка копоушки с обломанным стержнем) из подкурганного погребения сросткинской культуры в Ур-Бедари, датированного второй половиной X в. [17, с. 81—83] (рис. 3, *7*). Она близка рассматриваемым вещам по размерам, совершенно совпадает по форме и идентична по оформлению. Узкий бордюр по краю тоже украшен косой насечкой, широкая часть ободка — кружками, а в середине растение с двумя листьями, покрытыми рифлением, как «рога животного» на копоушках, наверху бутон с кругом, т. е. использована та же схема, но более упрощенная, отсутствуют отдельные детали. Определенное сходство с головками копоушек имеют и прорезные сердцевидные бляхи, распространенные в памятниках сросткинской культуры. Они также украшены по бортику выпуклинами, а в центре помещены «бутоны лотоса и стилизованные изображения каких-то животных или птиц» [18, с. 98—111; 19, с. 176—183, рис. 4]. Общность обнаруживают как композиционная схема, так и отдельные художественные приемы.

II. Второй тип копоушек (3 экз.) во многом близок первому, хотя имеет и немало отличий. Вещи чуть меньше по размерам — от 8 до

10 см, имеют более простое и строгое оформление рукояти с изображением растения (рис. 2, *7—9а*). От стержня начинается ствол, далее поднимается вверх побег с расходящимися в стороны листьями. Возможно, это также древо жизни, но в упрощенном варианте. Копоушки этого типа отличает от первого почти полное отсутствие насечки, рифления.

III. Копоушки третьего типа представлены 5 экз. (размеры от 6,8 до 8,7 см). (рис. 2, *9б, 11а, 12*). Форма рукоятей такая же, как у описанных выше, но декор выполнен в ином ключе. В ободок каплевидной формы помещены фигурки птиц в профиль с характерным хохолком на голове, соприкасающимся с хвостом и замыкающим контур тела в круг. На головке копоушки из с. Хошеутово Астраханской обл.[1] (рис. 2, *13*) изображение птицы хотя и стилизовано, но снабжено реалистическими деталями: тонкими врезными линиями показано оперение на шейке, крыльях и хвосте, обозначены глаз, клюв, хохолок. На остальных изделиях этого типа фигурки птиц покрыты поперечной насечкой без детализации. Существует мнение, что это изображение чибиса [20, с. 35, 36; 21, с. 269—271]. Прямых аналогий этому типу вещей найти не удалось, хотя образы птиц были чрезвычайно популярны в средневековом искусстве народов Евразии. Всевозможные подвески в виде водоплавающих птиц особенно широко распространены у финно-угорских народов, однако рассматриваемые изображения на копоушках имеют совершенно иной характер и не могут быть сопоставлены с ними. Сам тип композиции фигуры птицы со сросшимся хвостом-гребнем ведет к памятникам Южной Сибири, Обь-Иртышского междуречья. Там известны подвески в виде двух птиц (фениксов) в геральдической позе со сросшимся хвостом-гребнем [22, рис. 22]; такие подвески неоднократно встречены в курганах Басандайки, в памятниках сросткинской культуры [23, табл. 59, *77*, 84, *21*; 24, табл. LV, *10*]. Все они датируются примерно одинаково — рубежом I и II тыс. н. э. Подобные изображения фениксов в профиль можно увидеть и в качестве наверший металлических булавок аскизской культуры, датированных также IX—X вв. [25, рис. 9]. Образ феникса был очень популярен в прикладном искусстве древних хакасов в VIII—X вв., встречается он и у других народов Южной Сибири. Появившись под влиянием широко распространенного на Востоке сюжета, этот образ был в значительной степени переработан, трактовка его стала более обобщенной, схематичной, иногда лишь гребень да пышный хвост указывают на далекие прототипы [26, табл. X, 8*А*]. Возможно, что изображение птицы со сросшимся хвостом-гребнем на наших копоушках является также отголоском этого сюжета.

IV. Копоушки из Верхнего Погромного (рис. 1, *10*) (одна целая и обломок второй) не вошли ни в одну из указанных групп (рис. 2, *10*). Рукоять одной из них (целой) имеет богатый орнаментальный декор, сближающий ее с вещами первого типа, но композиционная схема совершенно иная. По наружному краю идет полоса рифленого орнамента, имитирующего веревочку. В центре головки фигура, отдаленно напоминающая летящую птицу с расправленными крыльями. В центре фигуры отверстие, ограниченное плоским узким валиком. Никаких аналогий изображению найти не удалось.

V. Особняком в этой категории памятников стоят две копоушки (рис. 2, *11б*, *14*). Они имеют вытянутую веслообразную форму, головка украшена растительным орнаментом без ажурных прорезей. На одной из них углублен фон, а на другой рисунок, заполненный черной пастой. Декор рукоятей совершенно идентичен и представляет собой схематизированный крин, опущенный вершиной вниз, от него поднимается вверх растительный побег в виде пятилепестковой пальметты, заключенной в круг. Такая композиционная схема в виде трилистника или пальметты, заключенных в сердцевидное обрамление, часто встречается в орнаменте

[1] С этой находкой меня ознакомил В. В. Плахов, за что выражаю ему глубокую признательность. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить также В. П. Шилова и В. И. Мамонтова за разрешение воспользоваться неопубликованным материалом из их раскопок.

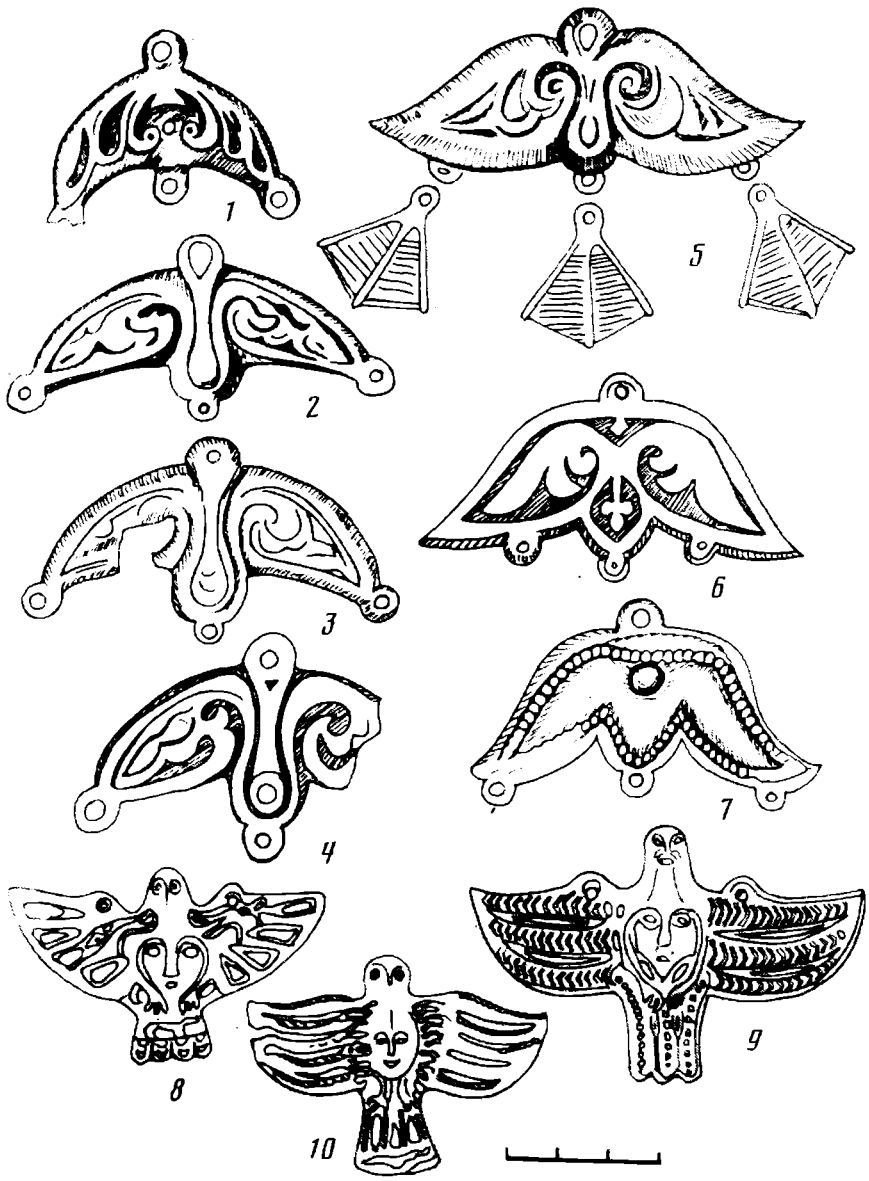


Рис. 4. *1—7* — птицевидные нашивки типа ДII; *8—10* — «чудские бляхи» (по А. А. Спицыну)

казахов, каракалпаков [27, рис. 81; 28, рис. 29; 29, рис. 23, табл. XV, XLVII, *4*, LI, *5*, LIII, *2*, *6*]. На копоушках эта композиция выглядит как упрощенный вариант известного узора.

За исключением отмеченного выше сходства со сросткинскими бляхами, рассматриваемым копоушкам трудно найти прямые аналоги. В круг широких аналогий можно включить копоушки салтово-маяцкой культуры из Дмитриевского могильника, а также аланские копоушки из Змейского и других могильников Северного Кавказа [5, с. 139, 141, табл. 4; 6, с. 21, рис. 9,*8*; 30, с. 408—426, рис. 31]. Они имеют уплощенную овальную рукоять, украшенную прорезным орнаментом, однако они гораздо меньше по размерам и имеют несколько иные пропорции. Головки двух аланских копоушек [рис. 3,*8*, *9*] имеют отдаленное сходство и в способе их украшения крестообразной фигурой, напоминающей растительный побег на наших копоушках второго типа. Кроме того, можно назвать копоушки, широко распространенные у древней корелы в Приладожье, с вытянутыми овальными головками, украшенными богатым орнаментом, гравированным и ажурным [9, с. 115, рис. 25; 10, табл. 4,*6*; 13, табл. 15,*7*, 20,*9*]. Они известны в женских погребениях

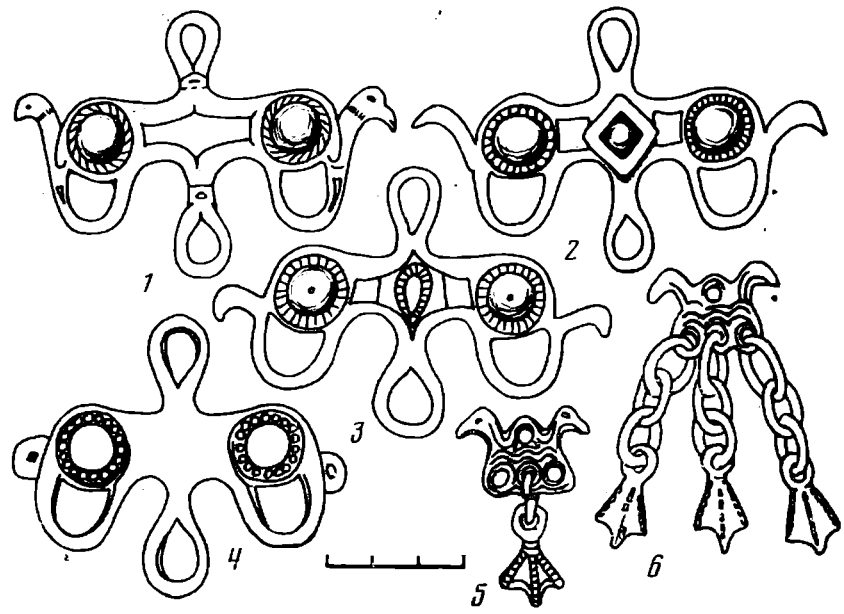


Рис. 5. *1—4* — птицевидные нашивки типа ДIII; *5*, *6* — финно-угорские подвески (по А. А. Спицыну)

X—XIV вв. и входили в состав украшений, носимых женщинами на груди или поясе. Рукоятки также имеют бортик, декорированный часто насечкой или выпуклинами; центр оформлен растительным орнаментом, часто с S-образными фигурами (рис. 3, *1—6*). Вообще копоушки с декоративными рукоятями самых разных видов были широко распространены в финско-угорском мире на огромной территории. Возможно, это способствовало в какой-то мере и распространению у тюркоязычных кочевников богато украшенных копоушек наряду с более характерными для них простыми стержневыми, которые известны в археологических памятниках с гуннского времени. О контактах степных племен с финно-угорским миром свидетельствуют и птицевидные нашивки (рис. 4, 5), сопровождающие в погребениях копоушки. Эти категории вещей настолько тесно связаны друг с другом, что их невозможно рассматривать изолированно. В данном случае это важно еще и потому, что нашивки помогают уточнить направление культурных связей.

Образ птицы был популярен в религии и фольклоре народов Евразии. У многих сибирских народов птицы были онгонами, фигуры летящих птиц устанавливались на высоких шестах у жилища шамана, а впоследствии и у домов простых людей; они являлись как бы посредниками между миром людей и небом [31, с. 109]. Этнографами зафиксировано множество праздников, связанных с весенним прилетом птиц, и приуроченных к ним изображений [32, с. 37; 33; 34, с. 70—75, табл. I—III; 35, с. 140—142; 36, с. 5]. Особенно многочисленны изображения птиц у финно-угорских народов Поволжья, Северо-Восточной Европы и Западной Сибири, что свидетельствует о широко и повсеместно распространенном культе птиц (в особенности водоплавающих) на рубеже I и II тысячелетий. В памятниках материальной культуры многих народов в эпоху средневековья известны различные изображения птиц: в виде отдельных фигур — сидящих, летящих, а также в паре — голова к голове или, наоборот, смотрящих в разные стороны [8, табл. XI—XV; 16, с. 81—93; 37, с. 97—99; 38, с. 87—151; 39].

Из всего этого множества изображений наиболее близки нашивкам типа ДII в виде летящей птицы с распростертыми крыльями (рис. 4, *1—7*) фигурки птиц из так называемых «чудских древностей», распространенных на огромной территории Северо-Восточной Европы и

Западной Сибири. Они схожи по общему абрису, хотя «чудские» образы ближе к натуре изображением глаз, клюва, оперения; только человеческая личина на груди придает им ирреальный, фантастический смысл (рис. 4, *8—10*). Кочевнические нашивки более схематизированы и стилизованы, сохранен лишь общий абрис летящей птицы. На некоторых бляшках орнамент еще напоминает расположение перьев на крыле (рис. 4, *1*), на других — это откровенно орнаментальный мотив в виде растительного побега (рис. 4, *5, 6*). У последних видоизменилась и сама форма: концы крыльев загнулись вверх, как бы следуя упругому растительному завитку, так, что, если перевернуть бляшку, она становится похожей на трилистник. Носили же их как «птиц»: за верхнюю петельку пришивали к одежде, а к трем нижним крепились маленькие привески, иногда в виде «гусиных лапок» (рис. 4, *5*), также очень распространенные как в прикамских древностях, так и в украшениях многих других финно-угорских народов.

Нашивки типа ДIII (рис. 5) также тяготеют к финно-угорским древностям. Они имеют общий абрис летящей птицы, но по сторонам помещены две птичьи головки, а внизу три больших петли, вероятно, для крепления дополнительных привесок. Прямых аналогий этому типу нашивок также неизвестно, в качестве отдаленных, имеющих сходство в общей идее и композиционной схеме можно привести шумящие подвески с двумя головками коней или птиц, повернутыми в разные стороны. Они хорошо известны в финно-угорских древностях Поволожья, Прикамья и Сибири. В особенности это касается подвесок с вытянутой петлей и прорезью на тулове (I тип по классификации Л. А. Голубевой) [40, с. 86, рис. 7, *4*).

Вообще сам тип украшений, имеющих внизу несколько петель для цепей и привесок, был характерен для финно-угорского мира, широко и повсеместно распространен на огромной территории и представлен множеством различных вариантов. У тюркоязычных кочевников такого типа украшения являлись редкостью, потому особенно привлекают к себе внимание. Появление у степных кочевников подобия шумящих украшений, связанных с образами птиц, привески в виде «гусиных лапок», по-видимому, можно объяснить контактами с народами финно-угорской группы, в результате которых произошло заимствование не столько формы, сколько самой идеи вещи. Сходным, очевидно, было и назначение этих вещей как амулетов-оберегов. Кочевнические нашивки, как и копоушки, происходят из женских и детских погребений и могли быть какими-то специфическими амулетами, принадлежавшими только женщинам и детям. По этнографическим данным известно о существовании подобных амулетов и праздников. Так, С. И. Руденко описал праздник древних башкир каргатуй (карга — грач, туй — праздник), отмечавшийся в начале весны, на который собирались только женщины и дети (мальчики допускались до 13-летнего возраста). Праздник был посвящен птицам — покровителям женщин, возможно, он восходит к более древней традиции кормления тотемных птиц, что как бы обеспечивало благополучие в деторождении и в жизни вообще [41, с. 277—288]. В фольклоре многих народов образ женщины неразрывно связан с образом птицы. Именно в птиц — голубок, лебедей, гусей, уток — перевоплощаются героини сказок, тогда как мужчинам свойственно перевоплощение в наземных животных [42, с. 124]. Специфические женские амулеты также были хорошо известны в средневековье. Так, Л. А. Голубева, рассматривая зооморфные украшения финно-угров, отмечает: «Носили подвески женщины. Традиционно и место подвесок-амулетов в женском уборе: на груди или у пояса. Подвески должны были защищать грудь и лоно женщины и приносить ей „плодородие“» [35, с. 6].

Кочевнические копоушки также квалифицировались как амулеты, обереги [2, с. 418; 3, с. 255; 15, с. 68]. Превращение утилитарной вещи в амулет — явление, распространенное в то время. С. А. Плетнева, говоря о салтовских амулетах, отмечает: «Обычная бытовая вещь — накладка, пряжка, ногтечистка и пр.— с изображением определенного сюжета

приобретала священное значение оберега» [5, с. 174]. О том, что это не обычные бытовые копоушки, свидетельствуют их излишне крупные, чем это необходимо для подобного рода утилитарной вещи, размеры (во всяком случае, у изделий первого типа), роскошный орнамент с настойчиво повторяющимися деталями, а также тот факт, что в погребениях они находились по две и даже четыре одновременно — вряд ли была необходимость в таком количестве, если бы они не были украшениями или амулетами.

С. А. Плетнева отметила смысловое и отчасти внешнее сходство кочевнических копоушек с известными «сулде» из «чудских древностей» [43, с. 109, 110]. По сложной символике, многокомпонентности орнаментального образа и даже по общему абрису головки копоушек сходны с прорезными бронзовыми бляхами из Прикамья, в особенности теми, на которых представлена фронтально стоящая человеческая фигура с поднятыми руками, а над ней арочный свод в виде двух голов лосей [34, рис. 1,*2, 7, 9*; 39, № 155, 156, 158, 160, 161]. По вопросу о значении «чудских» блях и интерпретации их сюжетов существует обширная литература, имеются разные точки зрения [44—48]. В последнее время утвердилось мнение о космогонической символике этих изображений, воспроизводящих представления людей о строении мира и связанных с идеей мирового древа [24; 44, с. 81—95; 49, № 1, с. 30—33, № 3, с. 38—40; 50, с. 7—34].

Символика изображений на головках копоушек находится в этом же русле, но представляется более узкой, отражающей мифологические сюжеты о древе жизни, уходящие корнями глубоко в историю, повсеместно распространенные и олицетворяющие жизнь во всем ее проявлении и в противоположности смерти. Наиболее тесно связаны с древом жизни у многих народов представления о женском божестве, дающем жизнь. Нередко само изображение древа переплетается и даже заменяется фигурой женщины — богини-матери [51, с. 396—398; 52, с. 18]. Б. А. Латынин в своем исследовании фольклора и орнамента народов Поволжья, прежде всего мордвы и чувашей, приходит к выводу, что, если мировое древо олицетворяло небо — обитель богов, космос, то древо жизни связано с культом богини-матери, богини воды, плодородия [53, с. 25—31]. С этим культом связан целый ряд праздников, описанных автором. В них фигурируют дерево, жертвенная пища в виде яиц, мяса, птиц, жертвенные животные: овца с рогами, украшенными березовыми ветками, свинья. Главными действующими лицами были женщины разных возрастов и дети. Смысл праздника заключался в молении у дерева, прошении счастливого брака, рождения детей, плодородия, благополучия.

Был известен этот сюжет и народам Юго-Восточной Европы. Изображение древа неоднократно встречается на салтовских изделиях [54, с. 63, 64]. Поклонение священному дереву, празднество вокруг него зафиксированы Моисеем Каганкатваци в его описании религии савиров — одного из тюркоязычных племен, обитавших в средние века в Восточной Европе [55, с. 205]. Таким образом, изображение древа жизни на кочевнических копоушках X в. не является чем-то необычным для этих племен. Изображение древа жизни на головках составлено из нескольких частей: распахнутые крылья птицы с растительными завитком, напоминающим орнамент на нашивках типа ДII, составляют нижний побег, верхний — это голова и рога барана или оленя (а может быть, овцы, украшенной листьями, как в описанном выше празднике?), трилистник и круг (возможно, своего рода плод, венчающий дерево, или солярный знак, он настойчиво повторяется во всех композициях, меняя иногда лишь свое расположение). Эта многокомпонентность символизирует всеобъемлющий характер явления, куда включено все живое: растение, животное, человек, а может быть, представляет атрибуты культа (птица, овца). Ясно одно, что помещение в могилы женщин и детей, а при жизни ношение ими подобных вещей имело сакральное значение. Копоушки могли быть амулетами описанного культа, оберегами, охраняющими женщину — пра-

родительницу рода и ее детей. Они входят в единый сакральный комплекс с нашивками типа ДII и ДIII.

Помимо того что копоушки являются свидетельством определенных религиозных воззрений их владельцев, они интересны тем, что представляют собой прекрасные образцы кочевнического прикладного искусства. Форма их в целом напоминает салтовские аланские и древнекарельские, но имеет и ярко выраженное своеобразие: более крупная широкая головка с характерным каплевидным очертанием, не свойственным копоушкам других народов. В этом отношении единственной параллелью является отмеченная выше сросткинская бляха из Ур-Бедари (рис. 3, 7).

Если по смысловой нагрузке и отчасти по композиционной схеме можно было сравнивать копоушки с «чудскими» бляхами, то, говоря о художественных приемах, их можно только противопоставить. Прикамские бляхи имеют струящиеся, «текучие» формы, линии зыбкие и нечеткие, контуры подвижные. Органичность и взаимопроникновение всего сущего создает единство образа. На копоушках это единство создает графичная декоративность орнаментации.

Богатый орнамент является одной из наиболее примечательных черт этих вещей. Ничего подобного нет на копоушках других народов в это время. Орнамент не только украшает поверхность массивной рукояти, но и активно организует ее. Ободок выделен несколькими бордюрами с тонкой насечкой или рифлением и кружочками. Внутри остается поле листовидной формы для основного, несущего смысловую и символическую нагрузку изображения. Украшенный декоративным рельефным орнаментом ободок-рама придает единство и замкнутость форме. Обнимая центральное изображение, он как бы свидетельствует об особом, бережном отношении к нему, подчеркивает его значимость. Центральное изображение вырастает из самой ножки копоушки, расширяется, как крона дерева, затем плавно сужается, завершаясь кругом.

Принципы композиционного построения орнамента, сочетание отдельных его элементов, использованные мастерами при изготовлении описываемых предметов также можно встретить в прикладном искусстве народов Восточной Европы. Сочетание ободка-рамы с основным изображением применялось салтовцами и аланами в так называемых «солнечных амулетах», которые представляют собой кольцо с вписанным в него всадником или фантастическим животным [5, рис. 49; 56, табл. 37, 64]. Особенно ясно это композиционное сходство прослеживается в копоушках третьего типа с изображением птицы в профиль. На головках с древом жизни противопоставление центральной композиции и рамы-ободка менее заметно: конфигурация дерева такова, что оно заполняет внутреннее пространство почти полностью.

Декоративный эффект ажурных головок построен на сопоставлении гладких блестящих поверхностей, деталей с мелкой насечкой, с более крупными рифлеными полосами и кругами с углублениями в середине, создающими игру света и тени, а также прорезями, сквозь которые видна была одежда. Все эти художественные приемы не были новы для средневековой Юго-Восточной Европы. Рифленые полосы и бордюры с мелкой насечкой по краям изделия широко использовались салтовскими мастерами при изготовлении металлических украшений воинских поясов и конской сбруи [5, рис. 45; 55, табл. 37, *37*, *85*, *88*]. Их можно видеть и на более поздних широко известных сбруйных наборах X в. из Гаевки, Новокаменки, Тузлы, Мирного, с той оговоркой, что там этот прием был претворен в дорогих металлах и дополнительно украшен позолотой [57, с. 94–96, рис. 108; 58, с. 26–28; 59, с. 238–246; 60, с. 281; 61, с. 196, 199]. Однако, как показали исследования, одни и те же приемы могли использоваться при изготовлении стилистически одинаковых, но неравноценных вещей [54, с. 71]. То же самое можно сказать и о поясках ложной зерни, часто используемой в декоре птицевидных нашивок. Этот прием художественного оформления также был популярен в прикладном искусстве салтовцев и сохранился на протяжении всего позднего средневековья в поясных и сбруйных наборах кочевников (так украшен.

например, печенежский сбруйный набор из погребения на Алебастровой горе, находящийся ныне в экспозиции ГИМ) [62, с. 288—299].

Много общих стилистических черт обнаруживает декор копоушек и птицевидных нашивок с металлическими изделиями из Южной Сибири, Обь-Иртышского междуречья. Это и прорезная техника выполнения вещей, ободки, украшенные выпуклинами и кружками, пояски ложной зерни, мелкая насечка края, иногда и сама форма. Можно сказать, что по стилистическим приемам эта группа вещей полностью укладывается в традицию евразийского степного художественного металла.

На сходство поволжских украшений со сросткинскими металлическими изделиями обратил внимание Д. Г. Савинов. Он объяснил появление в Восточной Европе вещей этой группы посредничеством кыпчаков, участвовавших в сложении сросткинской культуры и передавших так называемый «ажурный стиль» (пользуясь терминологией Д. Г. Савинова) печенегам и огузам; они же в свою очередь перенесли его в Европу [63, с. 63]. Связью со сросткинской культурой можно было бы объяснить и финно-угорские влияния, отмеченные в поволжских вещах, так как именно в Южной Сибири отмечены исследователями интенсивные контакты тюркоязычных кочевников с угро-самодийскими племенами, жившими в непосредственной близости, в лесостепи Северного Казахстана, Западной Сибири и Алтая. Именно соединение этих двух компонентов и привело к сложению сросткинской культуры [56, с. 45; 64, с. 17—18]. Однако объяснение Д. Г. Савинова не выглядит очень убедительным. Во-первых, потому что поволжские вещи и сросткинские бляхи (в частности, из Ур-Бедари) датированы одним временем — второй половиной X в. (т. е. нет необходимого интервала на перенос и передачу стиля). Во-вторых, сами кыпчаки, как это отмечает и Д. Г. Савинов, принесли с собой в южнорусские степи культуру совершенно иного облика, не сохранившую никаких черт «ажурного стиля». Это также вызывает сомнения в том, что именно они были его создателями и носителями. Таким образом, хотя связи со сросткинской культурой, по-видимому, были, их характер пока остается неясным.

Рассмотренная группа кочевнических украшений отличается большим внутренним единством и целостностью. Она принадлежала какой-то одной этнической единице печенежско-огузского круга и может рассматриваться в качестве ее этнографического признака. По художественно-стилевым особенностям эти изделия полностью укладываются в традиции степного художественного металла и одновременно обнаруживают определенное влияние со стороны культуры угро-финского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кушева-Грозевская А.* Золотоордынские древности ГИМ из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928.
2. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
3. *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.
4. *Охонько Н. А., Отюцкий И. В.* Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска.— СА, 1982, № 4.
5. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
6. *Кузнецов В. А.* Исследование Змейского катакомбного могильника в 1958 г.— МИА, 1962, № 114.
7. *Генинг В. Ф.* Мыдлань-шай — удмуртский могильник VIII—IX вв.— ВАУ, 1962, вып. 3.
8. *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых.— МАР, 1902, т. 26.
9. *Кочкуркина С. И.* Древняя корела. Л.: Наука, 1982.
10. *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники корелы. Л.: Наука, 1981.
11. ОАК за 1895 г. СПб., 1896.
12. МАК, 1889, т. II.
13. *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Наука, 1964.
14. *Эварницкий Д. И.* Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии.— Тр. XIII АС, т. I. М., 1907.
15. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.

16. *Филипченко В. А.* Погребение X в. в Астраханской области у с. Лапас.— СА, 1958, № 2.
17. *Елькин М. Г.* Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур.— В кн.: Изв. лаборатории археологических исследований. Вып. 2. Кемерово: Изд-во Кемеровск. пед. ин-та, 1970.
18. *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968.
19. *Уманский А. П., Неверов С. В.* Находки из погребения IX—X вв. в долине р. Алея на Алтае.— СА, 1982, № 2.
20. *Мамонтов В. П.* Отчет о раскопках в Волгоградской области.— Архив ИА АН СССР, р-1, д. 3472, 3472а.
21. *Конкин В. Н.* Украшения из половецкого погребения.— СА, 1969, № 2.
22. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М.— Л., 1937.
23. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947.
24. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
25. *Кызласов И. Л.* Булавки древних хакасов.— В кн.: Археология Южной Сибири. Вып. 9. Изд-во Кемеровск. ун-та, 1977.
26. *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886.
27. *Нурмухаммедов Н. Б.* Искусство Казахстана. М.: Искусство, 1970.
28. *Джанибеков У.* Культура казахского ремесла. Алма-Ата: Онер, 1982.
29. *Савицкий И. В.* Народное прикладное искусство каракалпаков. Ташкент: Наука, 1965.
30. *Пчелина Е. Г.* Два погребения времени алано-хазарской культуры из с. Лац.— ТСА РАНИОН, 1928, вып. XL.
31. *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
32. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. М.: Наука, 1975.
33. *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
34. *Валеев Ф. Х.* Зооморфные мотивы и их развитие в орнаменте казанских татар.— В кн.: Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья.— Казань: Изд-во Тат. фил. АН СССР, 1965.
35. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94.
36. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров.— САИ, 1979, вып. Е1-59.
37. *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
38. *Анучин Д. Н.* К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ.— МАВГР, 1899, т. III.
39. *Спицын А. А.* Шаманские изображения.— ЗРАО, 1906, т. VIII, вып. 1.
40. *Голубева Л. А.* Коньковые подвески в Прикамье.— СА, 1966, № 3.
41. *Руденко С. И.* Башкиры. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
42. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977.
43. *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей IX—XIV вв. Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: ИИМК, 1952.
44. *Чижова Л. В.* К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья (по сюжетам культового литья).— СА, 1982, № 3.
45. *Теплоухов Ф. А.* Древности Пермской чуди в виде баснословных лиц и животных.— В кн.: Пермский край. Вып. 2. Пермь, 1983.
46. *Спицын А. А.* Шаманизм в отношении русской археологии.— ЗРАО, 1893, т. XI, вып. 1.
47. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой археологии народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, № 28.
48. *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1976.
49. *Рыбаков Б. А.* Макрокосм в микрокосме народного искусства.— Декоративное искусство СССР, 1975, № 1, 3.
50. *Рыбаков Б. А.* Космогоническая символика чудских шаманских бляшек и русских вышивок.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1976.
51. *Топоров В. Н.* Древо жизни.— В кн.: Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1980.
52. *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.— Тр. ГИМ, 1926, вып. 1.
53. *Латынин Б. А.* Мировое дерево, дерево жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы.— Изв. ГАИМК, 1933, вып. 69.
54. *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Пояс знатного воина из Саркела.— СА, 1983, № 2.
55. *Моисей Каганкатваци.* История агван. СПб., 1861.
56. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
57. ОАК за 1905 г. СПб., 1906.
58. *Кирпичникова А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв.— САИ, 1973, вып. Е1-36.
59. *Кубышев А. Н., Орлов Р. С.* Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки.— СА, 1982, № 1.

60. *Станко В. Н.* Детское захоронение кочевника в XI в. возле с. Тузлы.— ЗОАО, 1960, вып. 1 (34).
61. *Доконт Н. Г.* Кочевническое погребение у с. Мирное.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978.
62. *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г.— ТСА РАНИОН, 1928, вып. XL.
63. *Савинов Д. Г.* Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири.— В кн.: История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979.
64. *Могильников В. А.* Кочевники юга Западной Сибири и Казахстана в раннем средневековье и их западные связи.— В кн.: Этническая история народов Урала и Поволжья. Уфа, 1976.
65. *Федорова-Давыдова Э. А.* Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
66. ОАК за 1893 г. СПб., 1895.
67. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
68. *Кригер В. А.* Погребения и случайные находки IX—XI веков на территории Уральской области.— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
69. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1958 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, д. 1850, 1850а.
70. *Шилов В. П.* Отчет о работах в Астраханской области в 1961 г.— Архив ИА АН СССР, д. 2380, 2380а.

L. M. Gavrilina

NOMAD ORNAMENTS OF THE 10TH CENTURY

Summary

The author has set out to systematise and define a small group of nomad metal ornaments (see Figs. 2-5). She proves that they were used by a single ethnic group and can be regarded as its ethnic earmark. An analysis of their subjects provides an insight into the spiritual life of the steppe tribes and brings out some Finno-Ugric influences.

ПОСТИКЭ Г. И.

ГЛИНЯНЫЕ КОТЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

Одной из наиболее интересных и оригинальных категорий раннесредневековой керамики являются глиняные котлы. Эти сосуды в Восточной Европе известны начиная с середины IX в. у кочевых племен Подонья и связываются с переходом их к оседлому образу жизни [1, с. 109]. В X—XIII вв. глиняные котлы получили широкое распространение на территории Северного Причерноморья, вплоть до Балкан и Центральной Европы (рис. 1). В XIV в. они теряют свое значение и выходят из употребления.

Хотя исследователи неоднократно обращались к изучению этих сосудов [2—10], многие вопросы, связанные с их производством, датировкой, этнической атрибуцией, все еще не решены.

К настоящему времени в Молдавии глиняные котлы известны в 10 пунктах (Ханска, Молешты, Чигирлены, Логанешты, Данчены, Токиле-Радуканы, Калфа, Кишинев, Скиношика и Старый Орхей). Находки их обычно связаны с поселениями балкано-дунайской культуры и известны в сочетании с характерной для данной культуры керамикой. Одновременно с этим следует отметить, что не на всех балкано-дунайских памятниках Молдавии встречаются глиняные котлы. Так, на памятниках Лукашевка V, Петруха, Бранешты XIII, Этулия не обнаружено ни одного фрагмента глиняных котлов [11, 12, 13]. На других памятниках, таких, например, как Калфа, встречались единичные фрагменты котлов [14, с. 18, 19, 23].

Картографирование памятников, на которых были обнаружены глиняные котлы, показывает, что территориально они концентрируются в Центральной части Молдавии, на границе лесостепи со степью, в зоне

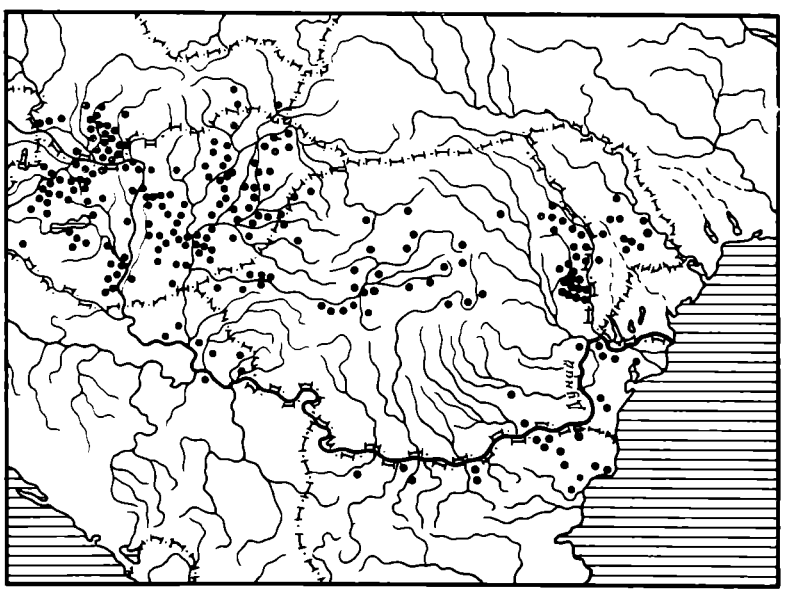


Рис. 1. Карта распространения глиняных котлов в Карпато-Дунайских землях

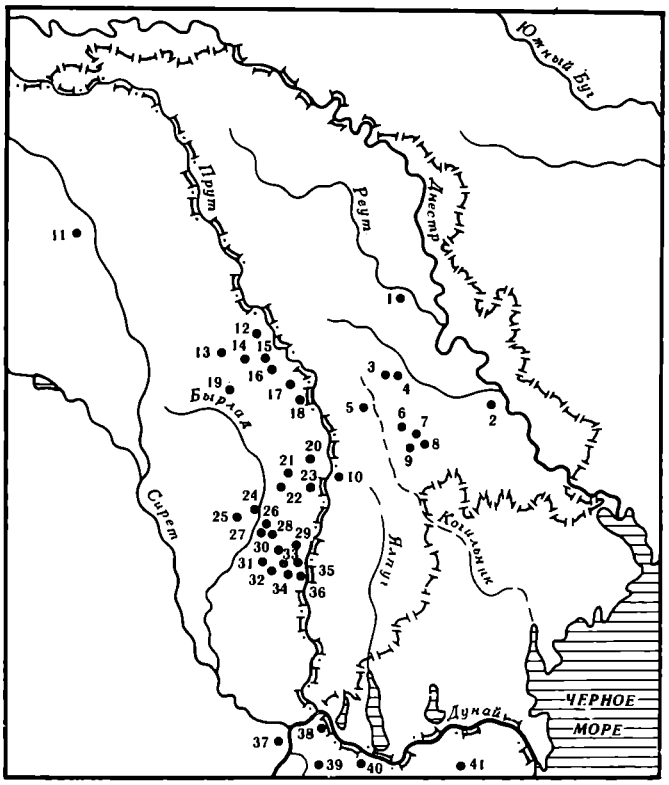


Рис. 2. Карта распространения глиняных котлов в Днестровско-Карпатском регионе. *1* — Старый Орхей, *2* — Калфа, *3* — Данчены; *4* — Кишинев; *5* — Логанешты; *6* — Ханска; *7* — Молешты; *8* — Чигирлены; *9* — Скиношика; *10* — Токиле-Радуканы; *11* — Сучава; *12* — Ларга Жижя; *13* — Спиноаса; *14* — Киперешти; *15* — Аурел-Влайку; *16* — Хлинча; *17* — Кырчешти; *18* — Рэдукэнени; *19* — Дэнешти; *20* — Крецешти; *21* — Олтенешти; *22* — Албешти; *23* — Грумезоая: *24* — Костешти; *25* — Ибэнешти; *26* — Цуцкани; *27* — Сырби; *28* — Додешти; *29* — Гюркани; *30* — Бурсучи; *31* — Епурени; *32* — Мэлуштени; *33* — Бырлэлешти; *34* — Сэрэцени; *35* — Муржени; *36* — Сипени; *37* — Балдовенешти; *38* — Диножеция; *39* — Троесмис; *40* — Новиодунум, *41* — Муригиол

Ганчештских и Оргеевских кодр (рис. 2). Аналогичное явление наблюдается и на других территориях. Так, в Румынии и Болгарии, где глиняные котлы также связываются с памятниками балкано-дунайской культуры, они известны лишь в определенных районах и на определенных памятниках, например в центральной части Запрутской Молдовы, на Нижнем Дунае, в Северо-Восточной Болгарии и Трансильвании [2, с. 252, 253] (рис. 1). Показательно, что поселения из Днестровско-Прутского междуречья, где известны находки глиняных котлов, территориально смыкаются с аналогичными памятниками из Запрутской Молдовы, образуя вместе единую группу в пределах Днестровско-Карпатских земель (рис. 2). В других областях Днестровско-Дунайских земель глиняные котлы встречаются в небольшом количестве и в виде исключения. Петре Диакону считает, что это явление связано с характером перехода кочевников к оседлому образу жизни. По его мнению, концентрация котлов является свидетельством того, что кочевое население оседало компактными группами и в определенных областях [2, с. 257]. В других районах, где глиняные котлы отсутствуют или встречаются редко, по мнению того же автора, продолжался кочевой образ жизни.

Из всех памятников с территории Молдавии наиболее полное представление о глиняных котлах дают материалы с поселения Ханска. Это поселение изучено лучше, чем любой другой памятник эпохи раннего средневековья из Молдавии. За 17 полевых сезонов здесь было вскрыто около 15 тыс. м^2 (рис. 3). Керамический материал балкано-дунайской культуры найден в количестве 45 тыс. фрагментов, из которых 20 тыс.

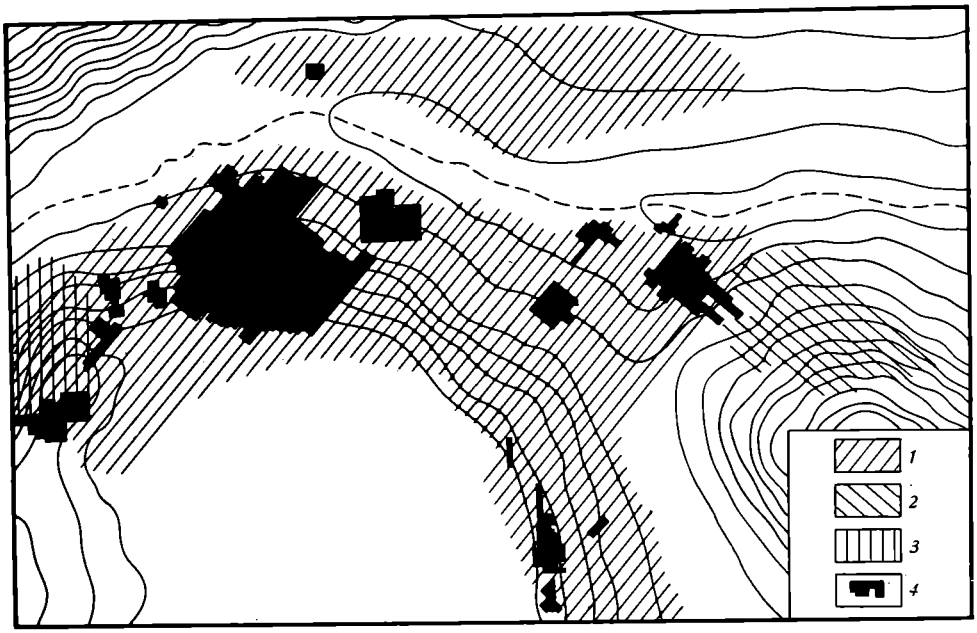


Рис. 3. План раскопок на поселении Ханска. *1* — территория балкано-дунайского селища; *2* — могильник X—XII вв. Кэпрэрия; *3* — могильник XII—XIV вв. Лимбарь; *4* — территория археологических раскопок

происходят из закрытых комплексов. Всего на поселении Ханска найдено около 4 тыс. фрагментов глиняных котлов, что составляет 8,9% от общего количества керамики рассматриваемого периода. Подавляющее большинство котлов (около 80%) было найдено на юго-западной окраине селища. Здесь на площади около 1 тыс. м² было найдено 3122 фрагмента глиняных котлов (92% от общего количества керамики, найденной на этом участке) (рис. 3) [15, с. 53; 16, 17].

На основной территории селища (ее северная половина), где раскопано около 9 тыс. м², найдено лишь 610 фрагментов глиняных котлов (2% от общего количества керамики рассматриваемого периода на данном участке). Из этого числа 110 фрагментов (0,7%) найдено в культурном слое, а остальные 500 фрагментов (3,1%) — в закрытых комплексах. Важно подчеркнуть, что большая часть этих фрагментов (около 400) происходит из северо-западной и западной части селища. На других участках — северо-восточная окраина и внутренняя часть селища — котлы встречались значительно реже (8 фрагментов и 3 целых котла).

В юго-восточной части поселения, где было раскопано свыше 2 тыс. м², а также на его восточной окраине, где раскопано свыше 800 м², глиняные котлы практически отсутствуют (исключение составляют 2 фрагмента из землянки 43 и 2 фрагмента из слоя).

Картографирование котлов с поселения Ханска (рис. 4) показало, что эти сосуды связаны с определенными группами сооружений балкано-дунайской культуры. К настоящему времени на данном селище выделяются по крайней мере 15 групп сооружений балкано-дунайской культуры, из которых только в 6 обнаружены глиняные котлы.

В пределах каждой из этих 6 групп глиняные котлы обнаружены не во всех комплексах, а лишь в двух-трех жилищах и нескольких хозяйственных ямах. О концентрации глиняных котлов в определенных группах древних сооружений говорит и тот факт, что фрагменты этих сосудов из культурного слоя почти во всех случаях были найдены рядом с подобными комплексами.

Значительный интерес для выяснения места глиняных котлов среди других категорий глиняной посуды с селища Ханска представляет анализ распределения этих сосудов по жилищам. Вскрыто более 80 жилищ балкано-дунайского периода, фрагменты глиняных котлов найдены только в 12 жилых комплексах, да и то в основном в единичных экземплярах.

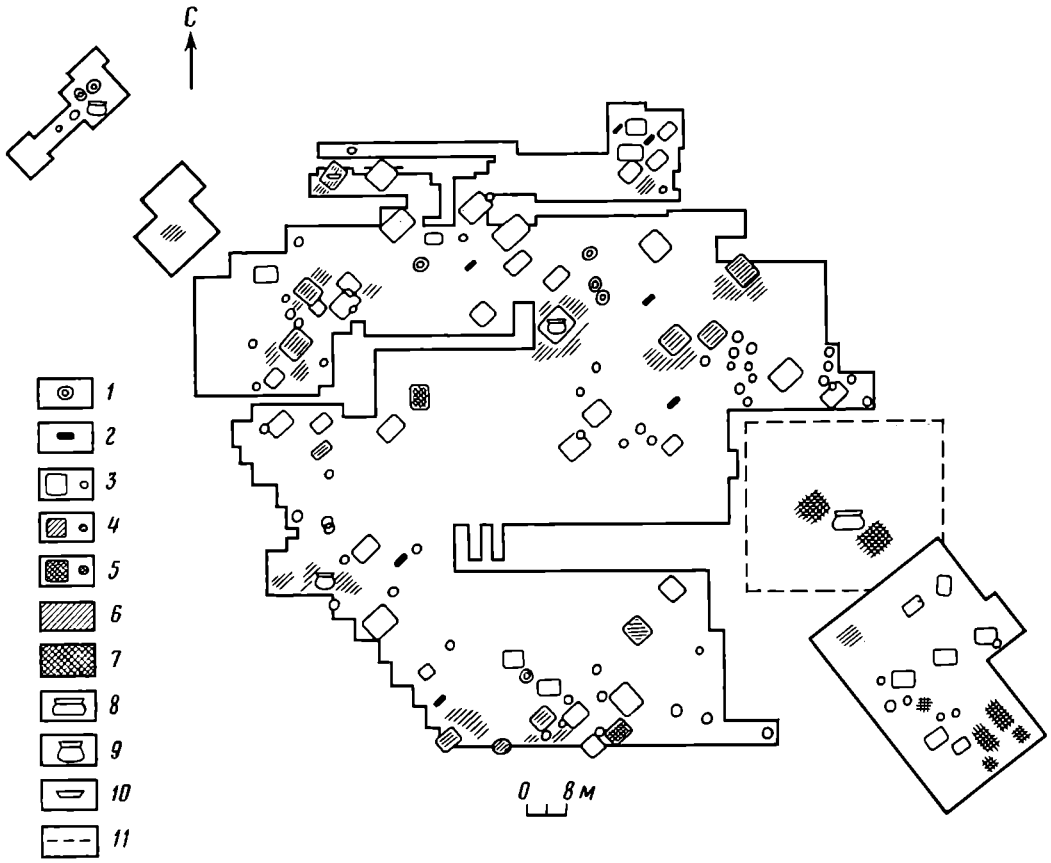


Рис. 4. Картографирование находок глиняных котлов в северной части селища Ханска. *1* — металлургический горн; *2* — глинобитные печи; *3* — жилища и хозяйственные ямы без глиняных котлов; *4* — жилища и хозяйственные ямы с находками казанообразных котлов; *5* — жилища и хозяйственные ямы с находками горшковидных котлов; *6* — находка казанообразных котлов из слоя; *7* — находка горшковидных котлов из слоя; *8* — находки целых горшковидных котлов; *9* — находки целых казанообразных котлов; *10* — находки ведрообразных котлов; *11* — примерная граница раскопа 1980 г.

Лишь в пяти жилищах (5, 41, 60, 95 и 108) найдено 30—175 фрагментов котлов (10—45% от общего количества керамики). В остальных найдено от 1 до 6 фрагментов котлов (0,1—0,9% по сравнению с остальной керамикой, типичной для балкано-дунайской культуры). Кроме обычных полуземлянок на селище Ханска найдены и остатки двух юртообразных жилищ, характерных для кочевников [1, с. 52—58]. Одно из этих жилищ открыто на северо-западной окраине селища [18, с. 176—178]. В его заполнении, однако, найдены только фрагменты грубо изготовленных горшков. Второе жилище открыто на юго-западной окраине селища [19, с. 15; 20, с. 92, 93], на том участке, где преобладали глиняные котлы. В заполнении юрты и около нее найдено очень много фрагментов глиняных котлов. Этот факт является подтверждением того, что глиняные котлы были характерны для осевших на землю кочевников. На остальной территории селища, как уже было сказано, глиняные котлы составляли незначительный процент по сравнению с керамикой балкано-дунайского типа. Это положение, по-видимому, отражает реально существовавшее количественное соотношение пришлого и местного населения. Новый тип посуды не получил широкого распространения и, видимо, не прижился в среде местного населения.

Глиняные котлы рассматриваемого периода достаточно разнообразны как по форме и технологии, так и по орнаментации и назначению. Они изготовлены на гончарном круге и обожжены в специальных печах. Об этом свидетельствуют раскопки поселения Молешты, где в 1979 г. был

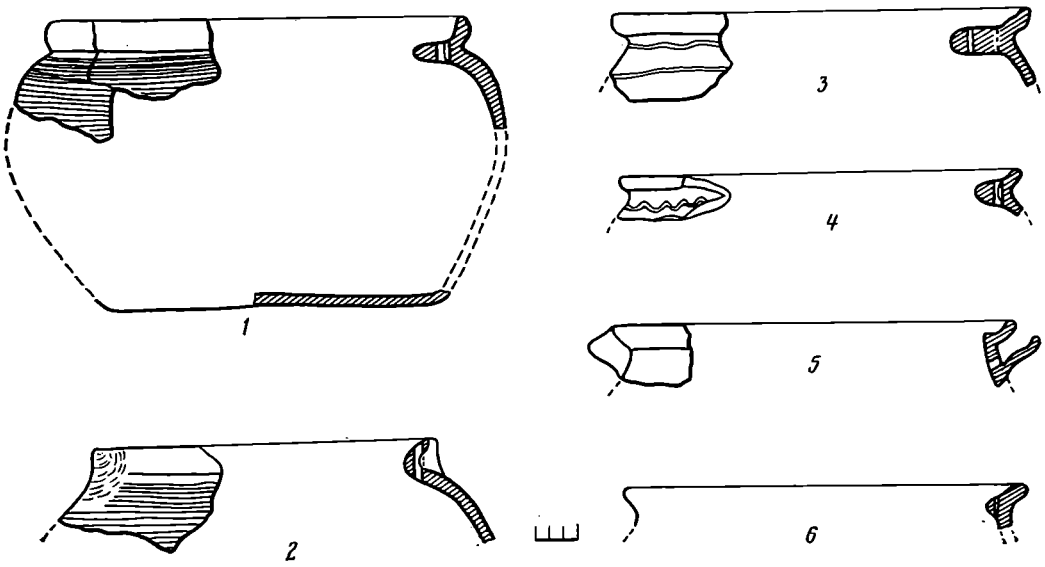


Рис. 5. Горшковидные котлы (поселение Ханска)

обнаружен двухъярусный гончарный горн, внутри которого найдены фрагменты нескольких котлов [19, с. 18; 21, с. 183, 184].

Главной особенностью глиняных котлов, которая выделяет их в особую категорию посуды, является наличие специфических ушек для прикрепления ручки сосуда. Формой эти сосуды восходят как к металлическим сосудам (казаны, ведра), так и к некоторым категориям глиняной посуды (горшки).

По форме тулова глиняные котлы из Молдавии можно подразделить на три типа: I — горшковидные, II — казанообразные и III — ведрообразные.

Тип I представлен сосудами с широким устьем, округлобоким туловом и плоским дном, внешне напоминают обычные кухонные горшки, которые и служили прототипами для их изготовления. На территории Молдавии горшковидные котлы отмечены пока лишь на поселении Ханска. Однако и здесь эти котлы являются редкостью. Так, за долголетние археологические раскопки на селище было найдено лишь около 10 фрагментов от 5—6 горшковидных котлов. Только в 1980 г. в одной из ям в восточной части селища найдены два целых сосуда этого типа [22, с. 386]. Эти котлы изготовлены из глины с примесью толченой ракушки, половы и измельченной травы. Цвет котлов на поверхности желтовато-красный или серо-черный. В изломе черепок черный. Тулово сосудов орнаментировано горизонтальными линиями или сочетанием горизонтальных и волнистых полос, выполненных палочкой или гребенкой. На днищах некоторых котлов с внутренней стороны имеются многочисленные углубления, нанесенные концом заостренной палочки. Диаметр венчика — 26—28, тулова — 30—34, днища — 24—28 см.

По форме венчиков и способу прикрепления к ним ушек для ручек среди горшковидных котлов выделяются четыре варианта.

1. Самыми распространенными являются котлы с отогнутым наружу венчиком, внутренняя сторона представляет собой широкий паз, в который, возможно, вставлялась крышка (рис. 5, *1*, *3*, *4*). У основания венчиков во внутренней части имеются полуовальные утолщения или простые налепы, в которых проткнуты по две пары вертикальных отверстий для прикрепления ручки.

2. Ко второму варианту горшковидных котлов относится фрагмент сосуда из ямы 44 (рис. 5, *2*). Этот котел имел шарообразную форму. Венчик короткий и резко отогнут наружу под углом 45°. С внешней стороны венчика в двух противоположных местах имеются утолщения со сквозными отверстиями, в которые вставлялась ручка сосуда.

3. К третьему варианту относятся 5 фрагментов трех котлов, найденные в полуземлянках 35 и 143 (рис. 5, *5*). Для этих сосудов характерны венчики с резко выраженным пазом, в который вставлялась крышка. О том, что эти котлы закрывались специальными крышками, свидетельствуют и особенности прикрепления ручек у этих сосудов. В отличие от других котлов ушки для прикрепления ручек были проткнуты ниже венчика в стенке. Они состоят из двух элементов и представляют собой налепы на внешней стороне сосуда в форме створки раковины, внутри которой имеется по одному отверстию, проткнутому в стенке котла. Таким образом, ручка продевалась с внешней стороны венчика, что позволяло закрывать сосуд специальной крышкой.

4. Четвертый вариант представлен фрагментом котла из полуземлянки 45 (рис. 5, *6*). Для этого сосуда характерна вытянутая шейка и вертикальный венчик со слегка отогнутым наружу краем, который плавно округлен. С внутренней стороны сосуда ниже венчика имелись два утолщения с отверстиями для вставления ручки.

Горшковидные котлы в эпоху раннего средневековья имели достаточно широкое распространение. Они известны среди древностей салтово-маяцкой культуры [1, с. 108—110], на Нижнем Дунае [2, с. 249] и в северо-восточной части Болгарии [2, 3, с. 28—41, табл. I; 4, с. 32—34, рис. 1, *а*, *б*; 23, с. 67—68, рис. 38, *4*]. Этнически эти сосуды связываются с древними болгарами [1, с. 110; 3, с. 49, 50; 4, с. 34; 5, с. 38, 39]. В районе Дона такие котлы датируются концом IX — началом X в. [1, с. 109], в районе Северо-Восточной Болгарии — второй половиной IX — первой половиной XI в. [3, с. 46, 47], а на Нижнем Дунае — X в. [24, с. 201].

На поселении Ханска горшковидные котлы найдены в основном в восточной и центральной части селища (рис. 3). Они были сосредоточены на трех участках и встречались в сочетании с кухонной и серолощенной балкано-дунайской керамикой. Исходя из этого, горшковидные котлы с поселения Ханска можно датировать X — началом XI в.

Концентрация горшковидных котлов в определенной части селища Ханска свидетельствует о том, что эти сосуды были связаны с определенной группой обитателей данного поселения. В этническом отношении это могла быть группа древних болгар, осевших на данном поселении, что находит подтверждение и в других материалах данного поселения [25, с. 96—102; 26, с. 161—182], и относящегося к нему могильника Кэпрэрия [27, с. 58—62].

Тип II. Глиняные котлы этого типа напоминают металлические котлы-казаны и своей формой восходят к этим сосудам. На территории Молдавии они являются наиболее распространенными: известны в Ханске [25, с. 99; 28, с. 151, рис. 50], Молешты [19, с. 18, рис. 3, 6], Данчены [29, с. 128], Логанешты [19, с. 57], Калфе [14, с. 18, 19, 23], Чигирлены, Кишиневе, Токиле-Радуканы и изучены достаточно хорошо. К настоящему времени на территории Молдавии найдено около 2 тыс. фрагментов таких котлов. Лучше всего они изучены по материалам с поселения Ханска и Молешты, откуда и происходит основная их масса.

Среди котлов этого типа по особенностям тулова, венчиков и ушек для прикрепления ручек можно выделить пять вариантов.

1. Котлы первого варианта имеют усеченно-коническую форму. Они представляют собой сосуды со сравнительно широким устьем и плавно расширяющимся книзу туловом, резко переходящим в выпуклое дно (рис. 6, *1—4*). Изготовлены из глины с примесью толченой ракушки, половы и мелкой травы. Цвет котлов на поверхности светло-коричневый, а в изломе черный.

Эти котлы на территории Молдавии являются наиболее распространенными. На поселениях Ханска и Молешты они составляют более $^1/_3$ от общего количества фрагментов глиняных котлов. Были реставрированы три сосуда — два с поселения Ханска (рис. 6, *1*, *3*) и один с поселения Молешты (рис. 6, *2*) [19, с. 18, рис. 3, 6]. Рассматриваемые котлы достаточно емкие (до 10—12 л), с массивным плоским венчиком, слегка

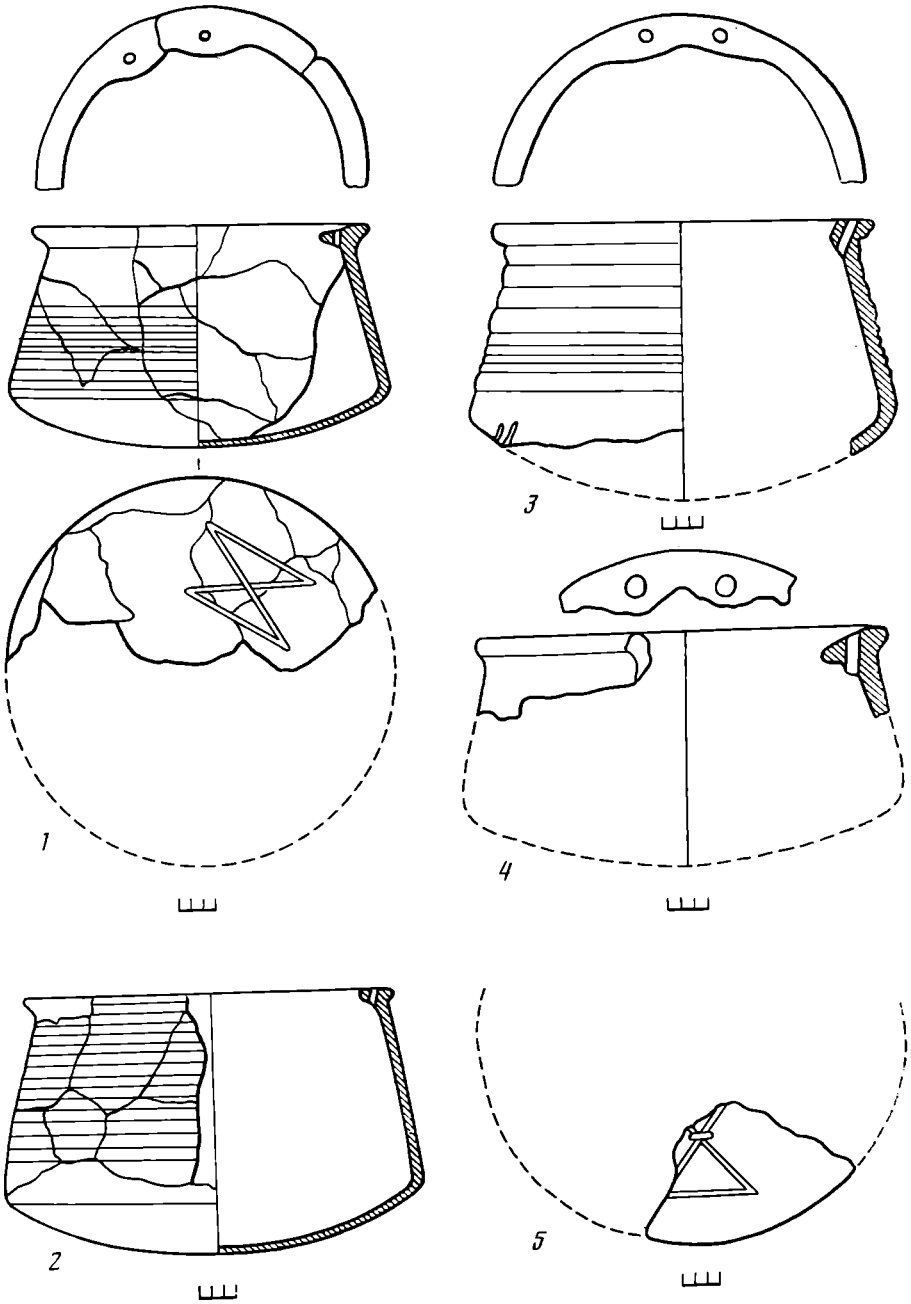


Рис. 6. Казанообразные котлы (*1*, *3*, *4* — поселения Ханска; *2*, *5* — поселение Молешты)

утолщенным к наружной или внутренней стороне в виде букв «Г» или «Т». Наружный край венчика, как правило, округлен, а иногда реберчатый. Верхняя плоскость венчика обычно горизонтальная, за исключением отдельных экземпляров, у которых она слегка наклонена вовнутрь (рис. 6, *4*). У некоторых котлов на поверхности венчика по всему периметру имеется желобок, нанесенный при помощи пальца. С внутренней стороны венчика в двух противоположных местах имеются утолщения, в которых проткнуты по две пары вертикальных отверстий, служивших ушками для продевания веревочки или ремня. Диаметр венчика — 28—29, ширина — 2—2,7, наибольший диаметр тулова — 32—33,5, высота — 20—24 см.

Большинство котлов этого варианта орнаментированы при помощи палочки. Ниже венчика обычно встречается одна волнистая линия, а на поверхности тулова — сплошные горизонтальные линии, переходящие очень часто в рифление. Иногда эти котлы орнаментированы гребенчатым

инструментом в виде прямых и волнистых линий. На поверхности выпуклого дна некоторых котлов имеются руноподобные знаки, нанесенные острым предметом по сырой глине до обжига. Так, на днище глиняного котла из сооружения 133 с поселения Ханска имеется знак в виде двух равномерных треугольников, соединенных между собой вершинами (рис. 6, *1*). Близкий к нему знак обнаружен на глиняном котле с поселения Молешты (рис. 6, *2*) [21, с. 190, рис. III, 7]. На днище другого котла того же селища был еще один знак, сохранившийся частично в виде треугольника. На глиняном котле из полуземлянки 41 с поселения Ханска был изображен знак, от которого сохранились лишь две параллельные линии. На селище Ханска фрагменты руноподобных знаков были отмечены еще на пяти обломках днищ глиняных котлов. Среди них знаки в виде ромба, в виде буквы «Х» и восьмеркообразные, состоящие из двух ромбов.

Аналогичные знаки в раннесредневековый период хорошо известны на огромных просторах, от Орхона и Енисея на востоке до Венгрии и Болгарии на Западе, и связываются с руническим письмом [30—33]. Следует отметить, что факт украшения днища котлов этого периода отмечался неоднократно [2, с. 251—253; 4, с. 35, рис. 3; 10, с. 190—200, рис. 2, *3*, 3, *1*, *2*; 24, с. 148—149, рис. 88, 89, *9*, 106, *11*]. Однако в большинстве случаев на них изображен простой линейный или зооморфный рисунок, но нигде не отмечены руноподобные знаки. С чем это связано покажут дальнейшие исследования.

Котлы данного варианта были распространены очень широко и изучены достаточно хорошо. Они известны на территории Румынии [2, с. 249, 268], Северо-Восточной Болгарии [3, с. 41, 42; 4, с. 32—38] и Венгрии [7, с. 250—264; 8, с. 323—349].

На территории Северо-Восточной Болгарии подобные сосуды датируются с конца X до XI в. [3, с. 47, 48; 4, с. 35]. На Нижнем Дунае эти котлы хорошо изучены на поселении Диногеция, где датированы византийскими монетами второй половиной X — первой половиной XII в. [24, с. 203, 226]. В Запрутской Молдове котлы рассматриваемого типа датируются XI—XII вв. [10, с. 196—205], а в Трансильвании и Венгрии — XI—XIII вв. [2, с. 252—254; 7, с. 250—264].

На поселении Ханска эти котлы были найдены в 25 комплексах (12 жилищах и 13 хозяйственных ямах). Для датировки пригодны материалы из 10 комплексов (7 жилищ и 3 ямы). В четырех сооружениях (жилища 41, 65, соор. 8 и яма 9 А) вместе с обычной кухонной балканодунайской керамикой были найдены и фрагменты серолощенной посуды. Последняя бытовала в Северном Причерноморье до конца X в. [1, с. 114], а на Нижнем Дунае — до первой четверти XI в. [24, с. 201]. В пяти комплексах (жилища 5, 41, 45, ямы 34, 112) встречались фрагменты керамики с примесью слюды в тесте, что характерно для древнерусских памятников Поднестровья в X—XII вв. [34, с. 80—93; 35, с. 123]. В двух жилищах найдены шиферные пряслица с диаметром канала 0,8 см, которые, по мнению исследователей, датируются второй половиной XI — второй половиной XII в. [36, с. 223]. В двух сооружениях (жилища 5, яма 34) найдены медные накладные бляшки круглой формы, характерные для XI—XII вв. [24, с. 291, рис. 127, *19*, *20*, *22—25*, *27*, *28*, с. 293].

В трех жилищах найдены четыре черенковых железных наконечника стрел. В жилище 5 найден остролистный наконечник стрелы с пропорциями пера 1 : 3. Такие стрелы по классификации А. Ф. Медведева в Восточной Европе бытовали в VIII—XI вв. [37, с. 73, тип. 61]. На нижнем Дунае подобные стрелы встречаются в комплексах X—XI вв. [24, с. 343, рис. 182, *34*]. В жилище 65 был найден ромбический наконечник стрелы без упора с пропорциями пера 1 : 3,5. На территории Восточной Европы такие стрелы были характерны для VIII — середины XI в. [37, с. 68, тип 47], а в Карпато-Дунайских землях — для X—XI вв. [24, с. 343, рис. 182, *31*; 38, с. 125, 126, рис. 87, *9*]. В юрте на юго-западной части селища Ханска найдены два наконечника стрел [19,

с. 15, рис. 4, *12*, *13*]. Г. Ф. Чеботаренко датирует их XI—XII вв. Детальный анализ этих предметов, однако, не позволяет согласиться с этим. Первый наконечник имеет ромбовидную форму с широким острием и встречается у кочевых народов южнорусских степей в основном в IX—XI вв., но известен также и в XII — первой половине XIII в. [37, с. 70, жил. 53]. Второй наконечник пирамидальный, четырехгранный с упором и датируется с VIII до XIV в. [37, с. 84, тип 95].

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что рассматриваемые глиняные котлы на поселении Ханска встречаются в сооружениях X — начале XI в. и XI—XII вв. Исходя из этого, широкую датировку данных котлов можно установить в пределах X—XII вв. Корреляция указанных сооружений позволяет, как нам кажется, ограничить нижнюю дату этих котлов второй половиной X или началом XI в. Такое предположение подтверждается материалами из Румынии и Северо-Восточной Болгарии, где аналогичные котлы, как уже указывалось выше, датируются второй половиной X—XII в. и концом X—XI в. Что же касается верхнего предела существования этих котлов, то его, видимо, следует ограничить XII в.[1].

Большой интерес в научной литературе вызвал вопрос о том, кому принадлежали котлы усеченно-конической формы. По этому поводу было высказано несколько предположений.

Румынский археолог П. Диакону [2, с. 257—263], а также болгарские исследователи Л. Дончева-Петкова [4, с. 36, 37] и Д. Димитров [3, с. 49—57] связывают эти сосуды с печенегами. Другой румынский археолог Д. Теодор [10, с. 202], изучивший глиняные котлы из Запрутской Молдовы, предполагает, что эти сосуды были оставлены половцами. Венгерские археологи [7, с. 250—264] считают, что такие котлы принадлежали мадьярам, хотя допускают, что их носителями на Нижнем Дунае могли быть и печенеги.

В связи с этим следует отметить, что на поселении Ханска котлы усеченно-конической формы были найдены в нескольких группах древних сооружений и сосредотачивались в основном на юго-западной окраине селища (рис. 4). В северной, западной и центральной части селища эти сосуды встречались в небольшом количестве, а в восточной части почти отсутствовали. До сих пор не был найден ни один комплекс, в котором сосуды этого типа сочетались бы с горшковидными котлами. Все эти факты, как нам кажется, свидетельствуют о том, что рассматриваемые котлы принадлежали определенной группе населения данного селища, концентрирующейся на его юго-западной стороне. Открытие жилища-юрты на данном участке [19, с. 15] является твердым доказательством того, что здесь обитала группа осевших на землю кочевников, с которыми связаны и эти котлы. Об этом свидетельствуют и другие категории археологического материала, например из погребений [19, с. 15, 16; 20, с. 95]. В этническом отношении это были представители тюркских племен, о чем довольно убедительно свидетельствуют рунические знаки на глиняных котлах из Хански и Молешт. Более сложным является вопрос, к какому из тюркских племен относилось это население. Г. Ф. Чеботаренко склонен связывать эти котлы с половцами [19, с. 52, 53, 57]. Однако, как уже было сказано выше, котлы данного варианта датируются второй половиной X в. или по крайней мере началом XI в. Исходя из этого, более реальной может быть признана гипотеза о печенежском происхождении этих котлов, так как именно они в X в., согласно письменным источникам [1, с. 214—215; 39; 40], обосновались в Днестровско-Дунайских землях, Что же касается половцев, то они в этот регион начали проникать лишь со второй половины XI в. [41].

---

[1] Следует отметить, что в заполнении двух сооружений с поселения Ханска (землянка 36, яма 15) вместе с керамикой балкано-дунайского типа и фрагментами котлов были найдены и несколько обломков золотоордынской посуды первой половины XIV в. Эти данные, однако, пока недостаточны для того, чтобы расширить датировку этих котлов.

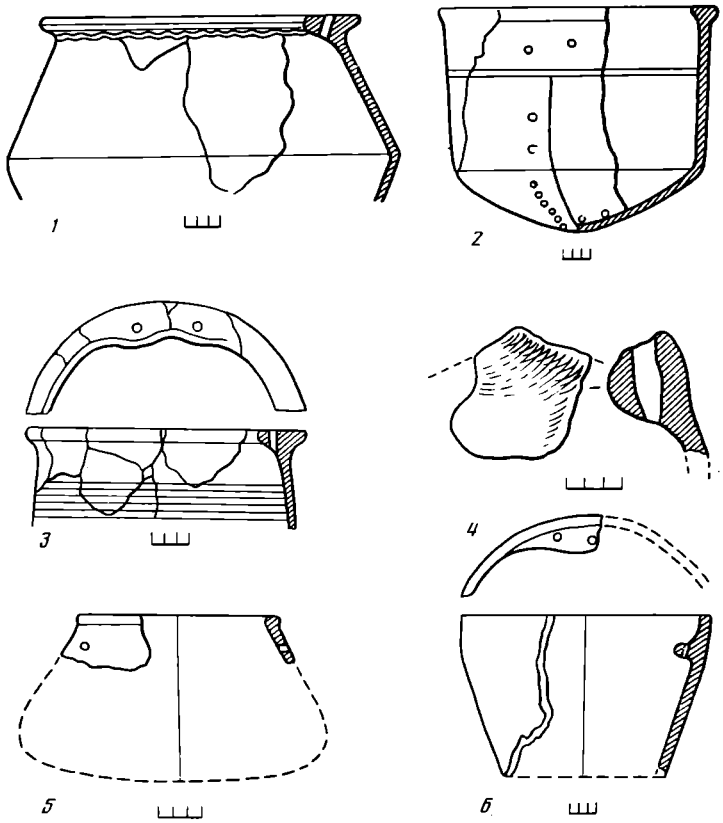


Рис. 7. Казанообразные и ведрообразные котлы (поселение Ханска)

2. Для котлов второго варианта характерны биусеченно-конические пропорции. Эти сосуды встречаются довольно редко и известны по материалам поселений Ханска и Молешты (рис. 7). Данные котлы очень близки к котлам первого варианта. Как и предыдущие, это крупные сосуды с широким устьем и невысокие, наибольший диаметр находился посредине тулова. Венчик массивный и плоский. О форме днища этих котлов мы не имеем данных. Они изготовлены из глины с примесью толченой ракушки и песка. Цвет котлов на поверхности светло-коричневый. На шейке непосредственно под венчиком, как правило, имеется волнообразная линия. Поверхность тулова у одних неорнаментирована, а у других украшена прямыми горизонтальными линиями, нанесенными палочкой.

Котлы биусеченно-конической формы за пределами Молдавии отмечены на Нижнем Дунае [24, с. 180]. Для датировки этих сосудов мы не располагаем твердыми данными. Однако, судя по тому, что они встречаются в одних комплексах с котлами усеченно-конической формы, можно предположить, что они одновременны.

3. Третий вариант представлен котлами цилиндрической формы. Они представляют собой крупные сосуды с широким устьем и вытянутым туловом, плавно переходящим в выпуклое дно. Эти котлы в количественном отношении немного уступают усеченно-коническим котлам первого варианта и встречаются, как правило, в одних с ними комплексах. Судя по имеющимся материалам, можно отметить, что цилиндрические котлы во многом схожи с усеченно-коническими. Как и у предыдущих, для цилиндрических котлов обычны массивные Г-образные или Т-образные плоские венчики с двумя утолщениями внутри и ушками для ручки. В отличие от усеченно-конических у цилиндрических котлов утолщения для ушек часто отсутствуют, а отверстия для ручки пробиты непосредственно в плоскости венчика с его внутренней стороны. Кроме того, встречаются котлы, венчик которых напоминает паз для крышки. Из серии этих кот-

лов был реставрирован один сосуд (рис. 7, *2*). Диаметр венчика 29, ширина 3, диаметр тулова 25,4, высота котла 24,8 см. В тесте этих котлов содержится, как правило, толченая ракушка, измельченная трава и песок. В отдельных случаях встречаются котлы с примесью толченой ракушки и песка или песка и измельченной травы. Цвет котлов на поверхности светло-коричневый или желтовато-красный с пятнами, а в изломе черный. В одном случае на поселении Ханска обнаружен котел черного цвета. По плотности черепка эти котлы ничем не отличаются от усеченно-конических. Поверхность тулова у цилиндрических котлов, как правило, орнаментирована. Некоторые украшены рифленым орнаментом или волнистыми полосами, нанесенными палочкой. У некоторых котлов в верхней части тулова имеется широкая каннелюра, выполненная палочкой с полуовальным концом. На одном из котлов ниже каннелюры острой палочкой нанесен ромбовидный орнамент. В одном случае поверхность котла была украшена штампованным орнаментом в виде квадратных углублений в два ряда. Один из котлов с поселения Ханска имеет орнамент из горизонтальных и вертикальных линий, вдоль которых рядами расположены многочисленные круглые углубления, имитирующие «ковку» и «клепку» металлических котлов. Котлы с подобным орнаментом известны в Карпато-Дунайском регионе на таких поселениях, как Олтенешты [42, с. 135, рис. 6, *5*], Рэдукэнень [10, с. 199], Капидава [43, с. 212, табл. XXVIII, *5*, *7*].

Для датировки котлов цилиндрической формы мы не располагаем твердыми данными. Судя, однако, по тому, что они обычно встречаются вместе с усеченно-коническими, можно полагать что они одновременны. Котлы цилиндрической формы известны в Запрутской Молдове [10, с. 197—199], на Нижнем Дунае [24, с. 147, 174, 180, рис. 88, *2*, 106, *11*] и в Северо-Восточной Болгарии [3, с. 41, 42, 47, 48; 4, с. 34—37], где датируются в пределах X—XII вв.

4. К четвертому варианту казанообразных котлов относится всего один фрагмент сосуда, который был найден в полуземлянке 54 (рис. 7, *4*). Для него характерен вертикальный венчик, шарообразное тулово и, возможно, округлое дно. Ушки для прикрепления ручки находились с внутренней стороны сосуда и представляли собой вертикальные отверстия, образовавшиеся в результате прикрепления к венчику двух массивных глиняных лент. В этих местах венчик котла слегка приподнят вверх, образуя угловатый выступ, а стенка сосуда слегка выпукла.

Этот сосуд изготовлен из глины с примесью толченой ракушки и песка. Цвет коричневый. Шарообразные котлы в Карпато-Дунайских землях встречаются очень редко [2, с. 249]. Такие сосуды характерны для Западной Трансильвании [2, с. 249] и Венгрии [7], где встречаются довольно часто. Датировка и этническая атрибуция таких котлов на территории Молдавии затруднена из-за отсутствия данных.

5. К пятому варианту казанообразных котлов относятся небольшие котелки с диаметром венчика 12—16 и высотой 9—10 см (рис. 7, *5*). Ушки, в которые продевалась ручка, представляют собой сквозные отверстия ниже венчика. О днищах этих котлов нельзя судить из-за отсутствия данных. На территории Молдавии они представлены очень слабо и известны по единичным фрагментам с поселения Ханска. Близкие к этому варианту котелки были найдены на поселениях Диногеция [24, с. 151, рис. 90, *2*) и Олтенешть [42, с. 135, рис. 3, *19*, 6, *2*] в Румынии, где датируются X и XI—XII вв.

Тип III. Котлы этого типа по форме напоминают ведра. На территории Молдавии встречаются очень редко. Фрагменты единственного сосуда найдены на поселении Ханска в полуземлянке 45 (рис. 7, *6*). Это сосуд в виде перевернутого усеченного конуса, с вертикальным венчиком, относительно широким устьем и небольшой высотой. Диаметр венчика 26, высота 18 см. С внутренней стороны сосуда с двух противоположных сторон под венчиком имеются два налепа, в которых проделаны по две пары вертикальных отверстий для продевания ручки. Днище этого сосуда не сохранилось, но оно, видимо, было плоским. Котел изготовлен из

глины с примесью песка. Обжиг горновой, полный и равномерный. Цвет красно-коричневый. Поверхность сосуда ровная и неорнаментированная.

Сосуд найден в одном комплексе с фрагментом горшковидного котла, характерного, как уже говорилось, для X — начала XI в.

Аналогичные сосуды в Карпато-Дунайских землях отмечены на поселениях Диногеция [24, с. 148, рис. 85, *4, 9*, с. 204] и Тыргушор [44, с. 305—309], где датируются X — первой половиной XI в. Близкие к этому типу котлы известны и среди салтово-маяцких древностей [45, с. 222, рис. 10, 11], где датируются концом IX—X в. [1, с. 109].

На основании этих данных можно предположить, что ведрообразный сосуд из Хански датируется X — началом XI в.

Анализируя в целом материалы из Молдавии, можно отметить, что они подтвердили ранее высказанное мнение, согласно которому глиняные котлы возникли в среде осевших на землю кочевников [1, с. 109; 46, с. 55].

В этой связи большой интерес представляет вопрос о назначении глиняных котлов. В научной литературе довольно крепко укоренилось мнение, согласно которому эти сосуды предназначались для приготовления пищи на открытых очагах.

Археологические исследования на поселении Ханска подтвердили, что глиняные котлы использовались для приготовления пищи на очагах. Так, в очаге жилища 5 найдено более 100 фрагментов глиняных котлов, многие из которых были покрыты копотью и сажей. Аналогичные фрагменты встречались и в других комплексах. Детальный анализ материала показал, однако, что не все котлы использовались для варки пищи на огне. Так, на многих из них не наблюдалось никаких следов огня. Наличие орнамента и руноподобных знаков на днищах некоторых котлов свидетельствует о том, что назначение этих сосудов было иное. Они, как полагают некоторые исследователи [2, с. 252], служили для хранения таких продовольственных припасов, как молоко, рыба, вода и т. д.

Типологический анализ глиняных котлов показал, что в Молдавии представлены фактически все формы этих сосудов, известные до сих пор в Восточной Европе. Материалы из Молдавии подтвердили, что разнообразие форм глиняных котлов связано с хронологическими и этническими показателями. Так, горшковидные котлы встречались в комплексах X — начале XI в. и, видимо, связаны с древнеболгарским населением. К этому же периоду относятся и ведрообразные котлы. Во второй половине X или начале XI в. горшковидные котлы уступили место казанообразным котлам, появление которых, видимо, связано с печенегами. Эти котлы широко применялись в XI—XII вв., после чего вышли из употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам,— МИА, 1967, № 142.
2. *Диакону П.* К вопросу о глиняных котлах на территории РНР.— Dacia N. S., 1964, t. VIII.
3. *Димитров Д. И.* Номадска керамика в северо-восточна България.— ИНМВ, 1975: т. XI.
4. *Дончева-Петкова Л.* Средневековне глинияни съедове с вътрешни уши.— Археология, 1971, кн. 4.
5. *Кузнецов В. А.* Глиняные котлы Северного Кавказа.— КСИА, 1964, вып. 99.
6. *Diaconu P.* Cu privire la problema căldărilor de lut in epoca feudală timpuris (sec. X—XIII).— SCIV, 1956, t. VII, N 3—4.
7. *Fodor J.* Cserepüstjeink szarmasa.— AÉ, 1975, 102. K., 2. sz.
8. *Fodor J.* Der ursprunq der in Unqarn Gefundenen Tonkessel.— AAH 1977, t. 29, f. 3—4.
9. *Szöke B.* Cserepboracsaink Kerdeschez.— AÉ, 1955, 82, t. 1a.
10. *Teodor D.* Cîteva observatii în legătură cu căldările de lut de la Răducaneni.— SCIV, 1963, t. XIV, N 1.
11. *Хынку И. Г.* Поселения XI—XIV вв. в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев, 1969.
12. *Чеботаренко Г. Ф.* Поселение Этулия VI.— АИМ — 1972. Кишинев, 1974.
13. *Чеботаренко Г. Ф., Щербакова Т. А.* Раскопки поселения у с. Этулия.— АИМ — 1973, Кишинев, 1974.
14. *Чеботаренко Г. Ф.* Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973.

15. *Хынку И. Г.* Отчет об археологических раскопках могильников Лимбарь, Кэпрэрия, Лутэрия и поселения Лимбарь-Кэпрэрия у с. Ханска Котовского р-на МССР в 1964 г.— Архив АН МССР, № 28.
16. *Чеботаренко Г. Ф.* Отчет о раскопках южнославянской экспедиции в 1979 г.— Кишинев, 1980. Архив Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, инв. № 147.
17. *Чеботаренко Г. Ф.* Отчет о раскопках южнославянской экспедиции в 1980 г.— Кишинев. 1981, Архив Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, инв. № 156.
18. *Хынку И. Г.* Раскопки на селище Ханска X—XIV вв.— АИМ — 1973. Кишинев, 1974.
19. *Чеботаренко Г. Ф.* Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X—XII вв. Кишинев: Штиинца, 1982.
20. *Чеботаренко Г. Ф., Тельнов И. П.* Исследования южнославянской экспедиции в 1979 г.— АИМ — 1979—1980. Кишинев, 1983.
21. *Чеботаренко Г. Ф.* Раскопки на поселении у с. Молешты Кутузовского р-на.— АИМ — 1979—1980. Кишинев, 1983.
22. *Гольцева Н. В.* Исследование средневековых памятников у с. Ханска.— АО — 1980. М., 1981.
23. *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI—XI в. на територията на България). София, 1976.
24. *Stefan Gh., Barnea I., Comsa M., Comsa E.* Asezarea feudală timpurie de la Biserieuta Garvăn. Bucuresti, 1967.
25. *Хынку И. Г.* Некоторые болгарские черты в материальной культуре населения раннего средневековья Молдавии.— In: Etudes Balkanique. Sofia, 1975.
26. *Хынку И. Г., Рафалович И. А.* Славяне и тюрко-болгары в VI—X вв. на территории Молдавии по археологическим данным.— В кн.: Славяните и Средиземноморският свят VI—XI вв. София, 1975.
27. *Хынку И. Г.* Кэпрэрия — памятник культуры X—XII вв. Кишинев: Штиинца, 1973.
28. *Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г.* Очерки истории культуры Молдавии в II—XIV вв. Кишинев: Штиинца, 1971.
29. *Дергачев В. В., Ларина О. В., Постикэ Г. И.* Раскопки 1980 г. на многослойном поселении Данчены 1.— АИМ — 1979—1980. Кишинев, 1983.
30. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской рунической письменности, М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
31. *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах на Саркела — Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов).— МИА, 1959, № 75.
32. *Щербак А. М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе.— СТ, 1971, № 4.
33. *Дончева-Петкова Л.* Знаци върху археологически памятници от средневековна България VII—X в. София, 1980.
34. *Хынку И. Г.* Керамика славян Поднестровья X—XII вв.— Изв. АН МССР, Сер. обществ. наук, 1971, № 2.
35. *Федоров Г. Б.* Городище Екимоуцы.— КСИИМК, 1963, вып. 50.
36. *Розенфельдт Р. Л.* О производстве и датировке шиферных пряслиц.— СА, 1964, № 4.
37. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
38. *Comsa M.* Cultura maretială veche Românească. (Asezările din secolele VIII—X de la Bucov — Ploiesti). Bucuresti, 1978.
39. *Diaconu P.* Les Petchénéques aud Bas-Danube. Bucuresti, 1970.
40. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1959, № 62.
41. *Diaconu P.* Les Coumans aux Bos-Danube. Bucuresti, 1978.
42. *Spinei V.* Săpăturile de salvare de la Oltenesti. Carpica, 1972.
43. *Florescu Gr., Florescu R., Diaconu P.* Capidava. Bucuresti, 1958.
44. *Păunescu A.* Căldări din lut cu torţi interioare descoperite la Tîrgsor, judeţul Prahova.— Cer. Arh, 1975, B. II.
45. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
46. *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.

G. I. Postike

CLAY CAULDRONS ON THE MOLDAVIAN TERRITORY IN THE EARLY MIDDLE AGES

Summary

The so-called clay cauldrons began to be used in the South-Eastern and Central Europe in early second millennium A. D. (Fig. 1). On the territory of Moldavia they are restricted to its central part and are associated with Balkan-Danube sites. Settlements on which clay cauldrons were found and similar sites from Moldova on the right bank

of the Prut River (in the Rumanian Socialist Republic) form a local group (Fig. 2). In Moldavia, vessels obtained on the Khansk settlement, where about 15,000 sq. m. have been studied, are best known (Fig. 3). It has been established that they were concentrated in certain parts of the settlement and were associated with certain dwellings (Fig. 4). Clay cauldrons found in Moldavia can be divided into three types: the pot-like vessels, the boiler-like vessels and the pail-like vessels (Figs. 5, 6, 7). Vessels of the first and third types are dated to the 10th — early 11th centuries, those of the second type—to the second half of the 10th—12th centuries. From the ethnical point of view the vessels of the first type are associated with the ancient Bulgarians, of the second type—with the Pechenegs. The origin of the vessels of the third type is still unclear.

Рис. 1. Пластина с изображением Георгия, выполненным в технике перегородчатой эмали

Рис. 2. Фрагмент оклада из Смоленска

МАКАРОВА Т. И.

ДВЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ ИЗ НОВГОРОДА И СМОЛЕНСКА

Дошедшие до нас изделия с перегородчатой эмалью известны наперечет, поэтому каждая новая находка — событие. Особенно значительным оно оказывается, если представляется возможность точной датировки. Это вполне относится к новгородской находке 1972 г.[1]

Она представляет собой круглую медную пластину, покрытую позолотой. Судя по восьми отверстиям по краям, она нашивалась на ткань. Центральная, слегка выпуклая ее часть занята поясным изображением святого с нимбом и двумя кружками с кринами по сторонам (рис. 1). Святой — безбородый, молодой, с короткими кудрявыми волосами, скорее всего Георгий. Изображение его отличается крайним примитивизмом: лицо с высоко помещенными петельками ушей, близко посаженными кружочками глаз, крупным повисшим носом и низко опущенным ртом невыразительно. Руки не показаны вовсе, а разделка одежд решена в условно-орнаментальной манере. Примитивность рисунка перегородкой сказалась и в исполнении кринов. Неумелому владению азами техники перегородчатой эмали соответствуют и недостатки в применении самой эмали. Употребленная на новгородской пластине эмаль состоит из двух оттенков зеленого: более темного, которым показаны волосы, и светлого, изумрудного оттенка, использованного для одежд,— белого, которым заполнено лицо и детали одежд, и сургучно-красного, использованного тоже в одеждах и розетках.

Интересно, что белая эмаль почти целиком потеряла верхний слой, оставив лишь слабый след на дне лотка. В результате этого перегородки, заполненные белой эмалью, обнажились почти на всю свою высоту. Эмали других цветов тоже местами претерпели разрушение, но оно носит иной характер, образуя в толще красной и зеленой эмали ряд круглых отверстий и выщербин. Очевидно, характер порчи эмали зависел от ее состава, а расслоение белой эмали — результат какого-то технологического просчета в ее рецептуре.

Ближайшую аналогию новгородской пластине представляют нашивные пластины с эмалью, украшающие епитрахиль митрополита Алексея из Оружейной палаты в Москве [1, № 26; 2, с. 86; 3, с. 82, табл. 23]. Они составляют основу композиции жемчужного шитья епитрахили, а жемчужная обнизь, обрамляющая каждую из 10 пластин с эмалью, прикрывает отверстия для крепления их с тканью. Вполне вероятно, новгородская пластина была частью аналогичной композиции, украшавшей какие-то церемониальные одежды.

Пластины с эмалью, нашитые на епитрахиль митрополита Алексея, представляют собой остатки двух разрозненных деисусных композиций, выполненных в одной мастерской и одним мастером. Стилистически они явно связаны с южно-русской традицией эмальерного дела. Об этом свидетельствует сохранение типичной для подобных сюжетов иконографии, примеры которой дают найденные на Киевщине нагрудные церемониальные украшения-бармы с фигурами деисусных композиций [3, с. 54—61, табл. 14, 15, рис. 7]. Не противоречит этому и богатая цветовая гамма использованных на епитрахили пластин. Она включает в

[1] Новгородский государственный музей, кн.— 25 060, А-19/42. Диаметр пластины 3,3 см, толщина — 0,5 мм.

себя эмали синего, голубого, зеленого, красного, белого и телесного тонов.

Новгородская пластина намного примитивнее пластин епитрахили и с точки зрения композиционной, и с точки зрения колористической. Одежды изображенного на ней святого не имеют обычной в таких случаях разделки драпировок перегородками, а цветовая гамма насчитывает всего четыре тона. Однако есть у этих произведений эмальерного дела одна общая черта, или, точнее, общий недостаток: на пластинах московской епитрахили эмаль тоже плохо сцепляется с металлом. Местами слой эмали отвалился, обнажив покрытый насечкой лоток. Характер повреждений, правда, в обоих случаях имеет свою специфику, отражающую особенности технологии изготовления пластин[2]. Но недостатки одного из этапов сложнейшего процесса обжига эмали дают основания утверждать, что время, когда изготовлялись московские и новгородские пластины, скорее всего относится к упадку эмальерного дела, чем к его расцвету. По сумме стилистических и технологических данных московские пластины датировались XIII в., новгородская пластина найдена в слое начала XIV в. Они демонстрируют тот этап эмальерного дела, когда домонгольские его традиции еще не были потеряны, хотя технология его постепенно забывалась. Однако общие недостатки технологии нельзя рассматривать как показатель возможного общего происхождения исследуемых произведений. Новгородская пластина не могла быть изготовлена в одном центре с московскими. Об этом свидетельствует специфическая цветовая гамма ее эмалей. Среди всех дошедших до нас древнерусских произведений с перегородчатой эмалью ни разу не встречено подобного сочетания четырех тонов: зеленого, темно-зеленого, красного и белого, употребленного мастером новгородской пластины. Но именно это сочетание контрастных тонов типично для новгородской живописи. Так, на знаменитой иконе с головой архангела из Русского музея в Ленинграде использована цветовая гамма, построенная на сочетании тех же тонов, взятых в близких пропорциях: зеленый тон заполняет фон, красный использован для одежд, а белый — для деталей [4, с. 120, цветная вклейка]. Эта яркая цветовая гамма, построенная на сочетании светлых, чистых тонов, в которую включаются и светлые охристые тона, составляет отличительную черту новгородской иконописи XIII—XIV вв. [5, с. 139].

Неудивительно, что небольшая пластина с эмалью не вышла из рамок этой традиции. Она представляет собой перенесение излюбленного новгородским монументальным искусством сюжета — изображения святого Георгия — в прикладное искусство, в частности ювелирное, и нет ничего странного, что стилистическая общность в колорите при этом сохранялась. Уже отмечалась стилистическая общность «письма» лиц киевских мозаик и рисунка перегородками в киевском эмальерном деле [3, с. 94]. Не отразилась ли характерная для новгородской иконописи XIII—XIV вв. манера обобщенности в передаче форм без деталей разработки драпировок [5, с. 57] и на той скупости рисунка перегородками, которая бросается в глаза при первом взгляде на новгородскую пластину? Во всяком случае подобная тенденция в иконописи могла сделать необязательной такую разработку деталей и в мастерских эмальеров.

Справедливости ради надо напомнить, что обобщенность в рисунке одежд и лиц отнюдь не типична для известных нам золотых новгородских произведений с эмалью XII в. Но вновь найденное произведение с эмалью нельзя с ними сравнивать: первые относятся к эпохе расцвета этой сложнейшей техники, вторые — ко времени ее упадка, и хронологический разрыв между ними достигает столетия. Имеет значение и тот факт, что новгородская пластина с эмалью — продукт рядового городского ремесла. В этом своем качестве она — пока единственная в Новгороде. И тем не менее найденная пластина вполне отражает специфику новгородского эмальерного дела.

[2] Слой эмали на пластинах епитрахили отвалился вместе с перегородками, дно лотка оказалось покрытым насечкой, вероятно применение грунтовой эмали. Все эти черты технологии на новгородской пластине не имеют места.

Действительно, в Киеве тоже наряду с золотыми произведениями с эмалью, выходившими из рук княжеских мастеров, бытовали и подражания им, исполнявшиеся на меди городскими ремесленниками. Княжеские златокузнецы изготовляли по преимуществу женские украшения, наиболее популярными среди них были колты. Колты делают из меди и городские ювелиры [3, табл. 27, *10—15*]. Новгородские эмальеры украшали перегородчатой эмалью предметы культового назначения. Вероятно, они действовали в рамках ювелирных мастерских Софийского дома [3, с. 100; 6, с. 46]. Отсюда — ярко выраженная не светская тематика их работ. Здесь исполнялись такие произведения, как золотые дробницы с иконы «Знамение», некоторые дробницы оклада Мстиславова Евангелия, медная позолоченная иконка с изображением Ипатия, миниатюрная пластина с изображением Георгия [3, с. 99, 100]. Вероятно, к этой же категории изделий надо отнести и превосходную круглую дробницу с розеткой, найденную при раскопках и опубликованную А. В. Арциховским [7, с. 231, рис. 2, *1*]. По форме, размеру и орнаментации она более всего напоминает бляшки с эмалью, нашитые на саккос митрополита Алексея, значительно уступающие, однако, ей по качеству исполнения. Очевидно, назначение новгородской бляшки было аналогичным.

Новая медная нашивная пластина со святым Георгием безусловно подражает драгоценным украшениям церемониальных, вероятно, церковных облачений. Как и киевские мастера, новгородцы воспроизводят в дешевом материале те украшения, которые выходили из эмальерных мастерских более высокого ранга. Поэтому новая находка изделия с перегородчатой эмалью значительно расширяет наши представления о новгородском эмальерном деле, уводя его из митрополичьих мастерских Софийского дома в ювелирные мастерские городских масс. Вместе с тем она вносит нечто новое и в характеристику последних. До сих пор были известны подражания разным категориям украшений, находимым в домонгольских кладах [8, с. 149—158]. Новгородские мастера отливали в имитационных формах колты, широкие браслеты-обручи, медальоны барм. В литье они подражали более сложной технике — гравировке, зерни, скани. Теперь мы видим, что они пытались в дешевом материале воспроизводить и сложнейшую технику ювелирного дела средневековья — перегородчатую эмаль [9, с. 166, рис. 68].

* * *

В Смоленском государственном объединенном историческом и архитектурно-художественном музее-заповеднике, в коллекции Е. К. Тенишевой (№ КП 3353), хранится часть медной обкладки с перегородчатой эмалью. Это пластина длиной 9,5 и шириной 3,3 см. С одного узкого края она намеренно загнута, с другого оборвана (рис. 2). Один широкий край пластины завершался полосой в 3 мм. Она была пробита четырьмя отверстиями, в двух из которых сохранились гвозди.

Другой широкий край образует подзор со ступенчатыми окончаниями. На нем тоже сохранились три отверстия от гвоздей.

Оба широких края пластины с отверстиями для гвоздей служили для утилитарной цели — прикрепления пластины к деревянной основе какого-то предмета. Для этого они отгибались, оставляя полосу в 2,7 см шириной. Она была орнаментирована перегородчатой эмалью и позолочена.

Орнамент представлял собой бордюр из восьми древ, размещенных в лотках глубиной в 1,5 мм, оттиснутых в медной пластине. Относительно хорошо сохранились только три из них, перегородки из остальных лотков выпали совершенно, видимо, плохо прикрепленные к их дну с самого начала. Три сохранившиеся древа дают представление о бордюре в целом, так как представляют собой рапóрт — повторяющуюся часть бордюра. Состоял этот рапóрт из процветшего креста и двух древ одинакового рисунка, располагавшихся справа и слева от него.

Общий абрис древ с пышной двухъярусной кроной и копьевидной

вершиной типичен для произведений древнерусского эмальерного дела [3, с. 19, рис. 4, *99*]. Традиционна и их внутренняя разделка: две ветви, обращенные вниз, изображают нижний ярус, две ветви, загибающиеся кверху,— средний ярус, вершину образует маленькое древо тех же очертаний, заключенное в сердцевидную фигуру. Общий рисунок дополнен трехлепестковым крином, помещенным между ветвями среднего яруса, и точкой между ветвями нижнего яруса.

Цвета эмалей сохранились неодинаково. Так, зеленый тон пожух довольно сильно и выглядит почти коричневым. Зато хорошо сохранился красный цвет эмали фона и синий — внутренней разделки, хороша и белая эмаль.

По-разному сохранились и сами древа: справа от креста оказались неповрежденными и эмали, и перегородки, слева почти все эмали выкрошились и пожухли, перегородки местами выпали, а местами сохранились в толще потерявшей цвет эмали. Они позволяют заключить, что внутренняя разделка древ была одинаковой.

В лотке между древами располагался крест, который с полным основанием можно назвать процветшим. Ветви его заканчиваются кринами, боковые — трехлепестковыми, верхний — пятилепестковым. Весь крест заполнен хорошо сохранившейся белой эмалью, которую оживляют капли с красной эмалью, расположенные справа и слева от вершины, ромб и кружок — в средокрестии. Цветовую гамму изображения завершала прекрасная синяя эмаль фона. В общем лоток с процветшим крестом очень удался и с точки зрения рисунка, и с точки зрения цветового решения. Чередующиеся лотки с древами и крестами, очевидно, очень эффектно выделялись на позолоченной поверхности обкладки.

Отдавая должное художественному чутью эмальера — исполнителя смоленской находки, надо отметить и его недостатки. Они касаются технологии изготовления перегородчатой эмали. Именно в ней он допустил одну очень важную ошибку: перегородки, которыми выложен рисунок, он не сумел надежно укрепить на дне лотка.

Между тем еще автор «Трактата о разных ремеслах» Теофил предостерегал от такой ошибки. Он призывал «очень внимательно и тщательно» расположить перегородки по своим местам в зависимости от задуманного рисунка и, закрепив их с помощью мучного клея, поставить над углями. «Повтори так дважды или трижды, пока отдельные частицы не закрепятся»,— пишет он [3, с. 128]. Вот этого-то и не смог эмальер, делавший дошедший до нас фрагмент. Со временем весь слой эмали, заполнявший перегородки, выпал вместе с ними.

Однако существенный, но частный, индивидуальный недостаток не мешает признать, что работа эмальера относится ко времени расцвета этого сложного искусства и может быть датирована XII в. Строгость цветовой гаммы, ограниченной употреблением четырех тонов, без желтого и бирюзового, позволяет конкретизировать эту дату, ограничив ее серединой XII в. Несомненна принадлежность искусства эмальера к хорошей традиции, сказывающаяся в общей композиции рисунка и продуманном и строгом цветовом ее решении.

Остается выяснить, какой предмет могла украшать смоленская обкладка. Судя по отверстиям для гвоздей и самим сохранившимся гвоздям, пластина предназначалась для обкладки какого-то деревянного предмета, скорее всего небольшой иконки. К этому решению подводит смысловое содержание орнамента, которым украсил эмальер свой оклад. Оно сводится к повторению одного и того же мотива — креста в двух вариантах: растительном и геометризованном. К этому же решению приводит анализ дошедшего до нас фрагмента оклада с точки зрения использованных в нем размеров.

Последний аспект оказался очень интересным. Пластина предназначалась для изделия с определенными, заданными размерами. Оказывается, мы можем восстановить некоторые из них. Первый такой размер (*а*) — расстояние от сохранившегося края полосы до выступа полосы с отверстиями от трех гвоздей (рис. 3). Это расстояние равно 2,2 см,

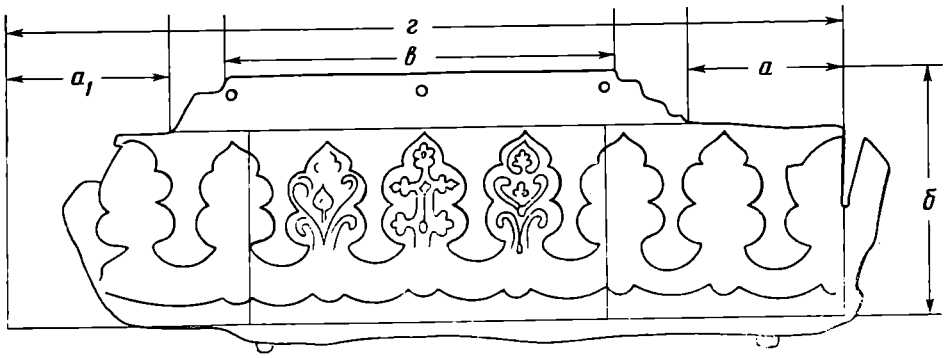


Рис. 3. Реконструкция оклада из Смоленска. $а$, $а_1$ — 2,2 см ($^1/_2$ вершка); $б$ — 3,3 ($^2/_3$ вершка); $в$ — 5,4 ($1^1/_4$ вершка); $г$ — 11 см ($2^1/_2$ вершка)

т. е. половине вершка. Отложив его от другого выступа полосы с отверстиями для трех гвоздей ($а_1$), мы получим первоначальную ширину полосы в целом. Она равна 11 см, т. е. 2,5 вершка.

Небезынтересен и другой размер, а именно длина самой полосы с отверстиями от трех гвоздей. Она равна 5,4 см, что составляет 1 и $^1/_4$ вершка. Наконец, вряд ли случаен размер самих лотков с изображениями. Высота их равна 2,2 см, т. е. половине вершка, а ширина — 1,1 см, т. е. $^1/_4$ того же вершка.

Итак, все доступные промерам и реконструкции части нашего оклада составляют кратные самой мелкой древнерусской единицы мер — вершка.

Благодаря последним находкам в Новгороде нам известна одна категория изделий, размеры которых тоже кратны вершку. Это деревянные заготовки иконок, найденных в усадьбе новгородского художника XII в. [10, с. 116—120].

Действительно, высота новгородских иконок колеблется от 7,9 до 13 см, т. е. от 2 до 3 вершков. Ширина их колеблется от 5 до 8 см, т. е. от 1 до 2 вершков.

Промеры смоленского фрагмента оклада дают возможность установить две ширины: ширину изделия в окладе, равную 11 см, т. е. 2,5 вершкам, и ширину изображения, обрамленную окладом, равную 5,4 см, т. е. 1 вершку с четвертью.

Как видно, новгородские иконки дают те же размеры. Это позволяет предположить, что смоленская находка является частью оклада того типа иконки, заготовки которых найдены в Новгороде. Дополнительным доказательством этого может стать любопытная особенность смоленского оклада — зубчатые скошенные края пластины с отверстиями для трех гвоздей. На новгородских иконках изображения помещались в специальном углублении. Вот такое углубление, вернее скат к нему от доски оклада, и могла прикрывать полоска со ступенчатым краем. Косой скос его диктовался скосом угла, а ступеньки обеспечивали более прочное сцепление с другой полосой оклада.

Конечно, соображения о назначении смоленской обкладки могут быть только более или менее вероятными догадками. Все же высказать их представляется целесообразным: все наблюдения и возможные их истолкования послужат дополнительной характеристикой фрагмента изделия древнерусского эмальера, попавшего в наши руки.

* * *

Большинство известных нам изделий с перегородчатой эмалью связаны с парадным золотым убором княжеско-боярской верхушки древнерусского общества. Вышли они из княжеских мастерских. Новые находки произведений с эмалью относятся к иному социальному слою. Сделанные городскими ремесленниками в дешевом материале, они свидетельствуют, что сложнейшая техника средневековья была на достаточно высоком уровне освоена городским ремеслом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Изобраз. искусство, 1969.
2. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л.: Аврора, 1970.
3. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали древней Руси. М.: Наука, 1975.
4. *Лазарев В. Н.* Живопись и скульптура Новгорода.— В кн.: История русского искусства. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
5. *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV в. М.: Наука, 1976.
6. *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М.: Наука, 1969.
7. *Арциховский А. В.* Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде.— СА, 1958, № 2.
8. *Седова М. В.* «Имитационные» украшения древнего Новгорода.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
9. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
10. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XIII в. М.: Наука, 1981.

T. I. Makarova

TWO CLOISONNÉ OBJECTS FROM NOVGOROD AND SMOLENSK

Summary

The article deals with new finds of cloisonné objects. The extreme rarity of the technique and hence of the Old Russian cloisonné objects (up till now about 160 of them have been found) indicated that each new find deserves special attention. The plate found in Novgorod and a fragment of an icon's frameworks are made of copper. They were made by urban rather than rural craftsmen living in patrimonial estates. The artifacts made by the latter are better known to researchers.

Заметки

ВАСИЛЬЕВ С. А.

КЛАД КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ИЗ МАЙНИНСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

Палеолитические клады принадлежат к числу редких находок. Каждый подобный комплекс, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. Настоящая заметка посвящена описанию клада каменных орудий, обнаруженного в 1982 г. при раскопках многослойной Майнинской палеолитической стоянки в долине Верхнего Енисея (Западный Саян) [1]. Стоянка располагается на левом берегу Енисея, близ впадения в него р. Уй. Верхние культурные слои памятника («А»—«В») приурочены к двухметровому песчаному слою, залегающему на скальном останце. С востока к скале «прислонена» вторая терраса, с отложениями которой связываются нижние культурные слои. В разрезе террасы под современной почвой прослеживаются покровные супесчаные отложения с двумя прослойками погребенных почв. С нижней из них связан культурный

Рис. 1. Клад палеолитических орудий из Майнинской стоянки

слой «О». Далее, на глубину 6 м, идут горизонтально-слоистые аллювиальные пески, в которых залегают культурные слои 1—3, 3*а*, 3*б*, 4—9. Между слоями 3*б* и 4 имеются следы криогенных нарушений в виде псевдоморфозы. Судя по приуроченности нижних слоев к перегляциальному аллювию второй террасы Енисея, они относятся к позднесартанскому времени (13—16 тыс. л. н. [1, с. 139—145].

---

[1] Раскопки стоянки ведутся Саяно-Тувинской экспедицией ЛОИА АН СССР с 1980 г. Вскрыты 15 культурных слоев, получен общий разрез глубиной 11 м, исследованы остатки очагов и рабочих площадок, собрана большая коллекция каменного и костяного инвентаря.

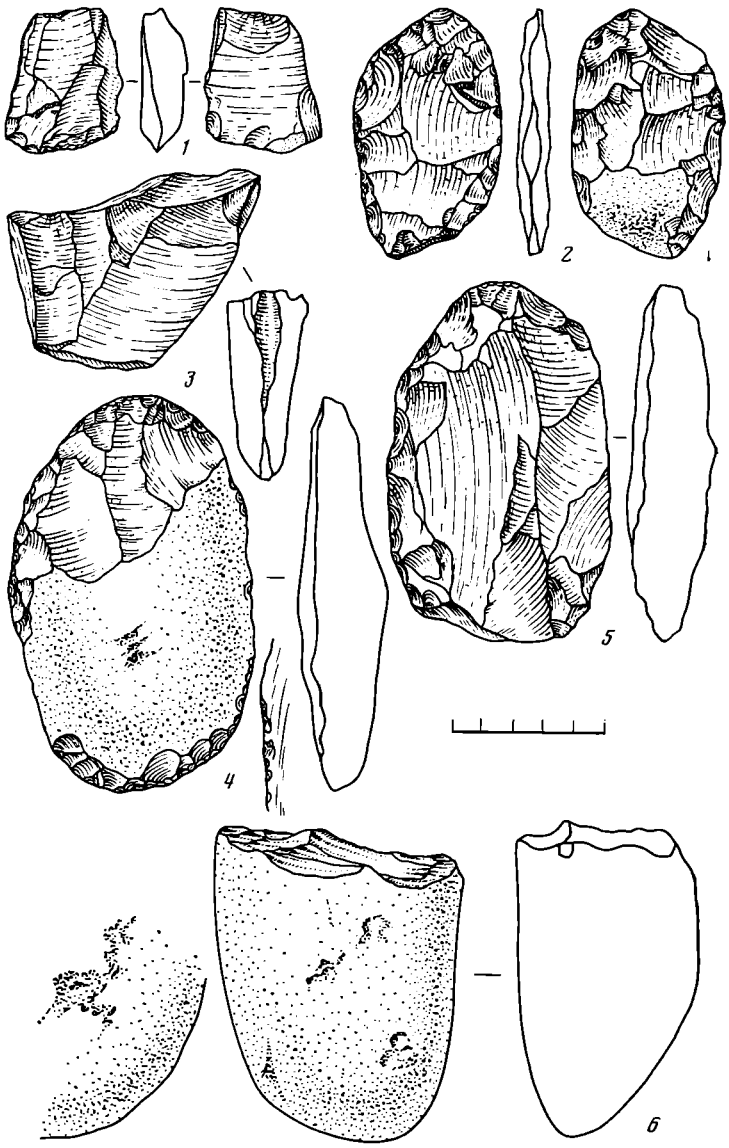


Рис. 2. Каменные орудия из клада. *1* — долотовидное орудие; *2*, *4*, *5* — скребла; *3* — заготовка микронуклеуса; *6* — галечное орудие

Культурный слой 3 в раскопе 6 залегает на глубине 3,9—4,1 м. Здесь, на южной периферии памятника, на кв. Б-II, и был открыт описываемый клад — округлое в плане обособленное скопление из 10 компактно лежащих друг на друге предметов (рис. 1). Скопление окружено участком слоя, практически лишенного находок. Размеры скопления — 20×30 см. Судя по необычно «тесному» соприкосновению изделий, клад, возможно, был обвязан или хранился в мешочке.

В составе клада шесть орудий. В первую очередь отметим прекрасный образец овального скребла на полупервичном отщепе зеленого кремнистого сланца (рис. 2, *4*). Чешуйчатая лицевая полукрутая ретушь охватывает почти половину периметра отщепа, на другом участке видны следы ретуши на брюшке. Противоположный конец изделия отделан крутой ретушью. Второе скребло изготовлено на отщепе черного кварцита (рис. 2, *5*). Крутая ступенчатая ретушь идет по проксимальному выпуклому краю, а грань на спинке образует обушок. Третье скребло — бифасиальное с обработкой почти по всему периметру (рис. 2, *2*). Основ-

ной рабочий край несет следы приостряющей отделки, ударная площадка кварцитового отщепа образует обушок. Отметим галечное орудие зеленого кремнистого сланца со слабовогнутым поперечным рабочим краем (рис. 2, *6*). В центре тыльной стороны изделия прослеживается характерная выбоинка — следы того, что орудие использовалось и в качестве отбойника. Другим отбойником могла служить удлиненная беломраморная галька размерами 13,5×5,5 см. На ней имеются следы одного небольшого скола. Долотовидное орудие с двумя прямыми рабочими краями изготовлено на отщепе черного кварцита (рис. 2, *1*). Одна из сторон заготовки микронуклеуса — трапециевидного обломанного отщепа серого кварцита (рис. 2, *3*) — образует ударную площадку, с которой по торцу изделия сделан пробный скол. Остальные предметы клада: неправильной формы крупная пластина черного кварцита, средних размеров полукраевой отщеп того же материала и массивный удлиненный скол серого кварцита. Все эти изделия могли служить заготовками для производства орудий.

Таким образом, в состав скопления входят законченные образцы отборных орудий, отбойник и заготовки. Преднамеренный характер подобного набора предметов очевиден: перед нами новый образец клада палеолитического мастера.

Подобные клады в палеолите Сибири обнаружены на стоянках Аил (Алтай), Сосновое Озеро (Минусинская котловина) и Тумулур (долина Алдана) [2—4]. Однако характер набора откладываемых изделий в кладах различный. По-видимому, различным было и их функциональное назначение. В Тумулурском кладе содержатся только законченные орудия На Сосновом Озере присутствуют и орудия, и заготовки, но вместе с костяными изделиями. В Аильском же кладе имеются наряду с орудиями и заготовками также ядрища из галек и первичные отщепы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979.
2. *Окладников А. П.* Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у поселка Аил (с. Кузедеево).— В кн.: Из истории Сибири и Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968.
3. *Липский А. Н.* Ямка-кладовочка костенковского типа на р. Абакане.— Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Археология. Красноярск; Красноярск. кн. изд-во, 1963.
4. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977.

СКОРЫЙ С. А.

О СКИФСКОМ ПАНЦИРЕ ИЗ АРТАНДА (Венгрия)

Находки защитного вооружения скифского типа на территории Карпато-Подунавья немногочисленны [1, с. 144, 146; 2, с. 57]. В полной мере это относится к панцирям, имевшим металлический набор. Здесь известны остатки восьми чешуйчатых панцирей, происходящие из пяти мест. Чаще всего это разрозненные бронзовые и железные чешуйки (Хотин в юго-западной Словакии, Тёрёксентмиклош-Шурьян в венгерском Потисье, Симерия в Трансильвании) [3, с. 116, рис. 10, *10*, с. 126, рис. 20, *2*, с. 149, рис. 43, *22*; 4, с. 139; 5, с. 237, рис. 6, *4*] или фрагменты панцирного набора (Тарнабод в Потисье) [6, табл. 3, 4], не дающие оснований для реконструкции конкретного типа доспеха.

В связи со сказанным особый интерес представляет находка панциря из погребения по обряду трупосожжения конца VI — начала V в. до н. э. в некрополе у с. Артанд (обл. Хайду-Бихар в восточной Венгрии). Доспех располагался в бронзовом гальштатском котле. Рядом находились бронзовая пелопоннесская гидрия, два маленьких керамических черпака и фрагменты бронзовых и железных предметов неясного назначения.

Материалы некрополя в Артанде были обстоятельно изданы М. Пардуцом. Исследователь справедливо определил интересующую нас находку как чешуйчатый панцирь скифского типа [7, с. 144, 145, 149]. Представляется, что есть основания реконструировать тип артандского панциря. Несомненно, чешуйчатый набор сохранился полностью [6, с. 39], хотя и утратил первоначальную форму. Исходя из размеров котла (высота 13,4 см, диаметр 23,2 см), следует думать, что доспех был помещен в сосуд в свернутом состоянии. В пользу того, что могила с панцирем не была ограблена, свидетельствует находка в ней помимо котла прекрасной античной гидрии.

При изготовлении скифских панцирей каждая чешуйка обычно перекрывалась соседними сбоку и сверху на $^1/_2 - ^1/_3$ [1, с. 32, 8, с. 102, 9, с. 71]. Следовательно, можно определить площадь чешуйки, приходящуюся на основу панциря. Зная количество чешуек (450 бронзовых, 250 железных) [7, с. 145], нетрудно получить площадь панцирного набора. При средних размерах бронзовой чешуйки, 2,1×1,5 см и железной 2,1×1,8 см с условием, что они перекрывали себе подобные на $^1/_3$ (минимальное перекрытие в панцирном наборе), получаем среднюю площадь бронзовой чешуйки, приходящуюся на основу панциря, равной 1,4 см², железной — 1,68 см². Таким образом, площадь набора из бронзовых пластин равна примерно 650 см², из железных — 420 см². Следовательно, общая площадь панцирного набора из Артанда составляла несколько более 1000 см². Полученные данные говорят о том, что рассматриваемый доспех имел набор с одной стороны (скорее всего, спереди), в то время как спинная часть металлическими пластинами защищена не была.

М. Пардуц правильно определил большие продолговатые железные пластины (некоторые из них с округлыми краями), найденные в Артанде, как детали низа панциря (подол) [7, с. 145]. Аналогичные пластины достоверно зафиксированы на указанных участках доспеха у скифских панцирей Северного Причерноморья [1, с. 32, рис. 13, *1*, *3*, *4*, с. 33, 34]. Примечательно, что две из артандских продолговатых пластин сохранились скрепленными с маленькими железными чешуйками набора [7, табл. XII, *4*, *12*; XIII, *4*, *15*]. Если учесть заключение М. Пардуца и Е. В. Черненко о том, что бронзовые и железные чешуйки артандского панциря составляли два отдельных участка набора [1, с. 145; 7, с. 145], логично предположить, что железные чешуйки защищали нижнюю часть корпуса, а бронзовые — верхнюю.

На некоторых бронзовых чешуйках помимо основных отверстий, посредством которых они крепились между собой и к панцирной основе, имеются дополнительные [7, табл. XI, 7]. Подобная деталь, хорошо известная у ряда скифских панцирей из Северного Причерноморья, служила, по мнению Е. В. Черненко, для фиксации различных украшений [1, с. 36, 37]. Не исключено, что отсутствие таковых на артандском доспехе следует объяснять тем, что они были сняты перед помещением панциря в могилу.

Судя по тому, что среди чешуек набора отсутствовали металлические детали, характерные для рукавов наборных панцирей, изучаемый доспех не имел рукавов, покрытых металлом.

Приведенные выше соображения позволяют думать, что артандский панцирь представлял собой так называемый нагрудник. Этот тип панциря, будучи известным в скифской паноплии, тем не менее не получил широкого распространения в Северном Причерноморье и засвидетельствован в основном в погребениях лесостепи (кург. 2 у с. Шучинка, кург. 490 у с. Макеевка на днепровском Правобережье, а также кург. 1 и 3 у с. Веремеевка и кург. 1 у с. Волковцы на Левобережье) [1, с. 39—40].

М. Пардуц придерживался мнения, что артандский панцирь является продукцией одной из южнорусских мастерских [6, с. 40]. Если доспех верно реконструирован как нагрудник, то, учитывая топографию находок этого типа панцирей, можно предположить, что он изготовлен на территории лесостепи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
2. *Скорый С. А.* Скифский доспех в Средней Европе.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР (тез. докл.). Киев, 1981.
3. *Dušek M.* Thrakisches Gräberfeld der Hallstattzeit in Chotín.— Bratislava, 1966.
4. *Párducz M.* Szkitakorunk ethnikumának és kronológiai helyzetének kérdéséhes.— Antik Tanulmányok, 1958, t. 15.
5. *Roska M.* Sépultures scythiques de Piski.— Dolgozatok, 1913, IV.
6. *Párducz M.* Szkítakori leletek Heves megyében.— Az Egri Múzeum Évkönyve, 1970, t. VII.
7. *Párducz M.* Graves from the Scythian age at Ártánd (county Hajdu-Bihar).— AAH, 1965, t. 17.
8. *Черненко Е. В.* Панцири скіфського часу.— Археологія, 1965, № 18.
9. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4.

ЧЕРНОПИЦКИЙ М. П.

КУРГАН С ПОГРЕБЕНИЕМ «ЖРИЦЫ» НА КУБАНИ

В 1979 г. у ст. Батуринской (Краснодарский край) в курганной группе Батуринская I был раскопан кург. 15, содержавший три погребения эпохи бронзы и два — сарматского времени. Наибольший интерес вызывает погр. 1, которому посвящена настоящая заметка [1].

Погребение было открыто в центре насыпи, сразу после снятия пахотного слоя (рис. 1). Судя по частично прослеженным контурам стенок, могильная яма имела плоское дно и подпрямоугольную форму. Она была сравнительно просторной Восточной частью могильная яма погр. 1 нарушила погр. 2, относящееся к эпохе бронзы. Костяк лежал у северной стенки, вытянуто на спине, с небольшим «завалом» на правый бок. Он был ориентирован на запад — юго-запад. Ноги слабо подогнуты в коленях и обращены к югу. Под правой голенью прослежено пятно темного органического тлена.

[1] Работы Кубанской экспедиции ЛОИА, нач. экспедиции В. С. Бочкарев.

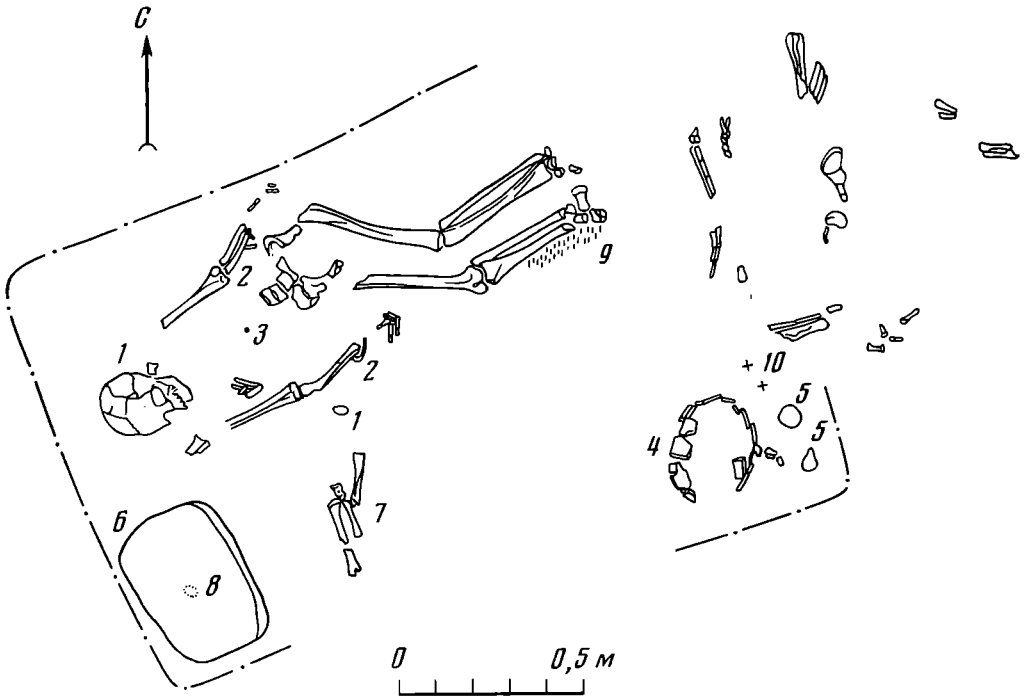


Рис. 1. План погр. 1 кург. 15 в группе Батуринская I. *1* — золотые пластины; *2* — бронзовые браслеты; *3* — золотая бусинка; *4* — сосуд; *5* — камни; *6* — каменная плита; *7* — кости барана; *8* — астрагал; *9* — органический тлен; *10* — реальгар

Рядом с левой височной костью находилась округлая пластина из тонкого листового золота с изображением двух оленей и пальметки. Вторая, парная ей пластина найдена близ правой локтевой кости (рис. 2). В районе позвоночника, где костяк сильно поврежден норами, найдена золотая бочонковидная бусинка. На костях предплечий сохранились частично непотревоженные обломки двух простых бронзовых браслетов с разомкнутыми концами (рис. 3, *1*, *2*). В юго-западном углу ямы наклонно помещалась плоская каменная плита неправильной подпрямоугольной формы. Одна ее сторона отшлифована, другая грубо подтесана. длинные края стесаны «на скос» (рис. 3, *3*). Под плитой найден астрагал, к востоку от нее — кости ноги барана. В юго-восточном углу стоял сероглиняный кувшиновидный сосуд, верхняя часть которого не сохранилась (рис. 3, *4*). За ним у стенки находились два камня и два скопления микроскопических частиц реальгара.

Комплекс входит в группу впускных погребений железного века с западной ориентировкой. Для них характерен инвентарь ранне- и среднесарматского времени. Находки мечей синдо-меотского типа IV—III вв. до н. э. указывают нижнюю дату памятников, а типичные меотские изделия III—I вв. до н. э. (например, сероглиняные канфары, см. [1, с. 189, рис. 10]) фиксируют основной период их существования[2].

Вместе с тем для подобных погребений характерен ряд архаичных, савроматских черт обряда: устойчивая западная ориентировка, присутствие в могилах каменных плит и реальгара. Отмечены и признаки, вероятно, меотского происхождения — положение галек и камней. Представляется оправданным связывать эти погребения с племенами сираков — наследников задонских («геродотовых») савроматов, для которых, как показал К. Ф. Смирнов, характерно длительное переживание (вплоть до рубежа нашей эры) ранних савроматских традиций в погребальном обря-

[2] В настоящее время материалы раннего железного века из раскопок Кубанской экспедиции в 1978—1984 гг. подготавливаются к изданию.

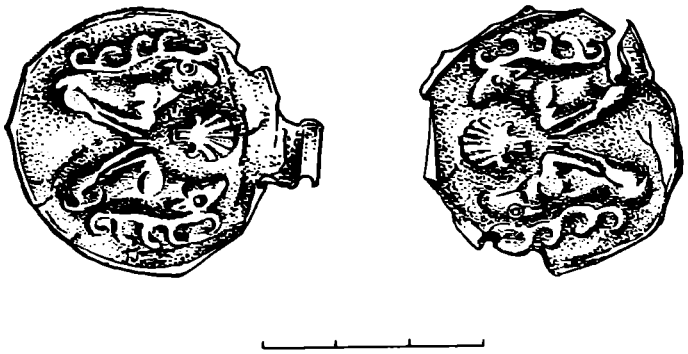


Рис. 2. Золотой наглазник из погр. 1

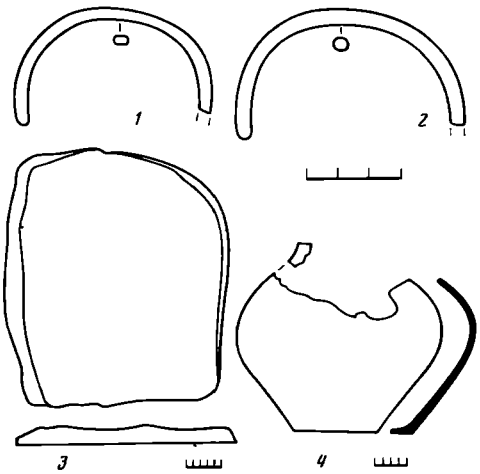


Рис. 3. Инвентарь погр. 1. *1*, *2* — бронзовые браслеты; *3* — каменная плита; *4* — сосуд

де, в первую очередь — сохранение западной ориентировки [2, с. 311; 3, с. 206].

Памятники сираков, занимавших в последние века до нашей эры обширные пространства предкавказских степей, до недавнего времени были известны на Маныче [4, с. 93—132; 5, с. 305—336], в Прикубанье и Восточном Предкавказье [6, с. 108—121], т. е. на крайних рубежах территории расселения этих племен. Лишь в последние годы подобные погребения были зафиксированы на Ставрополье [7, с. 230—247].

Данная группа памятников интересна именно своим расположением в центре предполагаемого сиракского ареала — в междуречье Дона и Кубани. Преобладание западной ориентировки в комплексе с рядом других типично степных черт обряда позволяет говорить о единстве культуры Северного Прикубанья и перечисленных выше территорий в рассматриваемый период, а также подтвердить гипотезу К. Ф. Смирнова о принадлежности погребений с этими признаками историческим сиракам.

Сосуд и браслеты описанного захоронения имеют достаточно простые, широко распространенные формы. Подобные предметы широко датируются последними веками до нашей эры. Каменная плита — вариант так называемых «ритуальных столиков» — относится к типу 2 группы II по классификации К. Ф. Смирнова. Почти полной аналогией для этой находки можно считать плиту из Уакского могильника, датированную К. Ф. Смирновым временем не позднее III в. до н. э. [8, с. 165, рис. 75, *9*].

Наибольший интерес вызывают две совершенно одинаковые пластины с изображениями. Обе они имеют отходящие в сторону останцы ленты, что указывает на существование соединявшей их перемычки. Таким об-

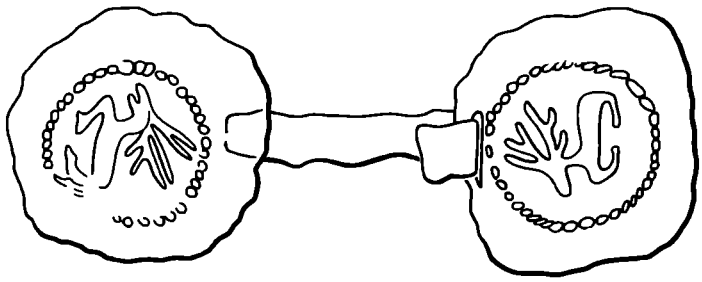


Рис. 4. Золотой наглазник из кургана у ст. Ярославской (прорисовка фотографии в ОАК)

разом, пластины составляли очковидное золотое украшение — наглазник, входивший вместе с нагубником в состав лицевых погребальных пластин. Подобные погребальные пластины известны в некрополях Северного Причерноморья со II в. до н. э. [9, с. 142 сл.; 10, с. 29 сл.]. Правда, фигуры оленей имеют ряд архаичных признаков (подогнутые ноги, форма рогов), характерных для раннескифского звериного стиля. Но аналогичный предмет (рис. 4) был обнаружен и в значительно более позднем комплексе — впускном погребении Острого кургана у ст. Ярославской [11, с. 57, 58]. Это погребение традиционно датируют II—I вв. до н. э. [10, с. 34]. Однако в этот комплекс входит ручка римской патеры с атташе в виде кисти руки[3]. Датировка подобных ручек определяется I в. н. э. [12, с. 182—185, рис. 1, *3*]. Наглазник — предмет, связанный с погребальным ритуалом — вряд ли может быть значительно старше собственно захоронения.

Сходство обоих наглазников наблюдается в ряде признаков. Во-первых, это единственные в Причерноморье экземпляры с круглыми пластинами (ср. [9; 10, рис. 4—12]). Во-вторых, только на этих наглазниках имеются изображения животных (оленей), на прочих изображаются глаза или веки. Лишь на образце из Закавказья есть орнаментальный поясок из фигурок птиц. В-третьих, в изображениях на обоих наглазниках наблюдается своеобразная архаизирующая тенденция, возрождающая в известной степени раннескифский канон, что для наглазника из Ярославской уже отмечала Н. В. Пятышева [10, с. 34]. Объясняется это, по-видимому, определенной модой на старину, возникшей в период позднего эллинизма [13, с. 53 сл.]. В-четвертых, оба предмета выполнены в технике тиснения без обработки краев, что отличает их от большинства причерноморских экземпляров. В-пятых, находки близки территориально — обе происходят из района Прикубанья. Наконец, оба погребения обнаруживают сходные черты обряда: они впущены в центры курганов, костяки ориентированы на запад [11, с. 56].

Однако полностью синхронизировать находки, видимо, нельзя. Батуринский наглазник цельный, ярославский — составной. На первом олени обращены друг к другу и образуют с пальметкой симметричную геральдическую композицию. На втором изображены одиночные олени, обращенные друг к другу спинами. Ось фигур и всей композиции в первом случае горизонтальна и совпадает с общей осью наглазника; во втором она вертикальна и перпендикулярна оси наглазника. Наконец, фигуры оленей Ярославского экземпляра гораздо схематичнее батуринских. В целом наглазник из Острого кургана смотрится как реплика, образцом для которой должны были служить изделия типа батуринского.

Таким образом, при определении даты захоронения встает проблема согласования архаичных признаков обряда (прежде всего присутствия каменной ритуальной плиты, тяготеющей к раннему времени) с находкой наглазника более позднего облика.

---

[3] Это было замечено Л. Березовской (ЛОИА).

Консервативность погребального обряда сираков и длительное сохранение савроматских традиций в ориентировке погребенного дают основания предполагать возможность сохранения обычая класть в могилы каменные плиты-алтари в период и после III в. до н. э. Это вполне отвечает общему архаизму сиракских погребений. Но с другой стороны, с учетом стилистического сравнения наглазников, возможность бытования подобных предметов в Предкавказье в доримское время вполне допустима. Наиболее вероятным путем их проникновения в Северное Причерноморье, как отмечала Н. Н. Погребова, были именно степи Северного Кавказа [9, с. 150—155]. Н. В. Пятышева связывает появление подобных предметов в Крыму с сарматами [10, с. 35, 40]. Из всех известных на сегодня экземпляров наглазник из Батуринской является наиболее детализированным. Нельзя не учитывать и то, что пальметка — типично эллинистический элемент орнамента. Исходя из сказанного, представляется оправданным предварительно датировать захоронение широко — в пределах III—I вв. до н. э.

Погребения с каменными алтарями традиционно рассматриваются как захоронения женщин, выполнявших определенные сакральные функции [8, с. 202—204]. Отметим в этой связи, что признаки батуринского комплекса (алтарь, реальгар, кости барана, камни, золотые украшения) полностью соответствуют всем отличительным чертам погребений савромато-сарматских «жриц», выделенным К. Ф. Смирновым [8, с. 254—256]. Это еще раз свидетельствует в пользу глубоких савроматских корней всей культуры Северного Прикубанья в раннесарматское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
2. *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, 1958, № 64.
3. *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
4. *Артамонов М. И.* Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г.— СА, 1937, т. IV.
5. *Артамонов М. И.* Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г.— СА, 1949, т. XI.
6. *Виноградов В. Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе.— СА, 1965, № 1.
7. *Кореняко В. А., Найденко А. В.* Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке.— СА, 1977, № 3.
8. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
9. *Погребова Н. Н.* Золотые лицевые пластины из погребений Неаполя Скифского.— В кн.: История и археология Древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР.
10. *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса. М.: Культпросветиздат, 1956.
11. ОАК за 1896 г. СПб., 1897.
12. *Раев Б. А.* Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана.— СА, 1974, № 3.
13. *Засецкая И. П.* Изображение «пантеры» в сарматском искусстве.— СА, 1980, № 1.

МКРТЫЧЕВ Т. К.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРРАКОТЫ ИЗ САРЫ-ТЕПЕ II (Южный Согд)

При маршрутном обследовании памятников среднего течения Кашкадарьи, на городище Сары-тепе II [1] в подъемном материале была найдена необычного типа терракота [2] (рис. 1). Терракота небольшого размера (длина 14,5, высота 7,5 см), изображает стилизованную водоплавающую птицу. Устойчивое основание изделия предполагает, что птица изображена плывущей. Грубо выполненная головка с вытянутым вперед клю-

[1] Сары-тепе находится на южном берегу Чимкурганского водохранилища (Кашкадарьинская обл., Камашинский р-н). В период паводков оно заливается водой, что значительно затрудняет изучение памятника. Подъемный керамический материал позволил датировать это городище IV—VIII вв. [1, с. 20—26].

[2] Выражаем признательность З. И. Усмановой, предоставившей находку для исследования.

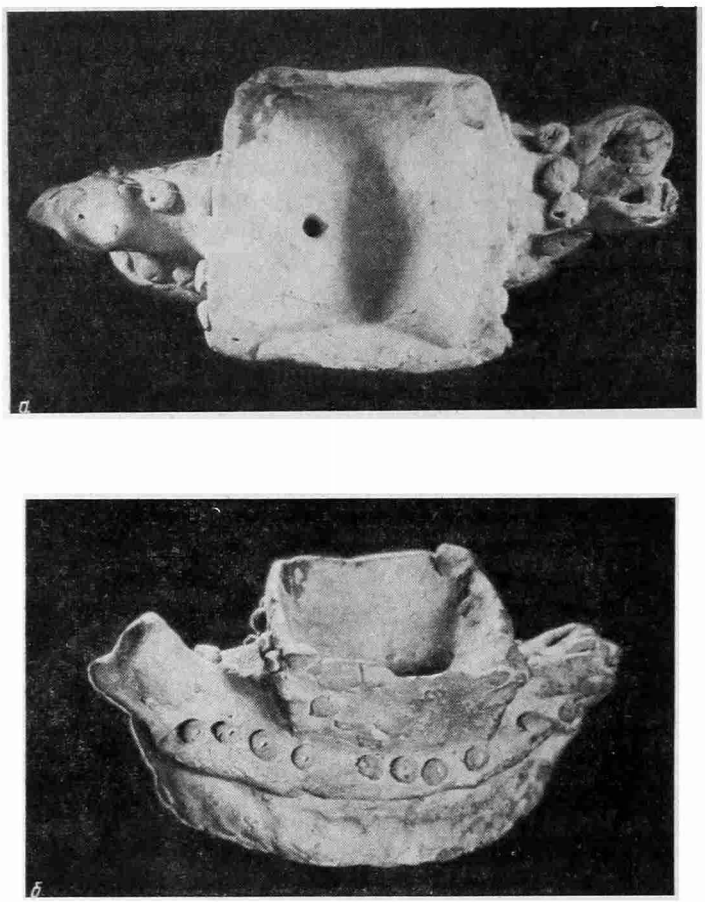


Рис. 1. Терракота из Сары-тепе II. *а* — вид сверху, *б* — вид сбоку

вом ассоциируется с головой утки. Хвост изображен в виде двух согнутых валиков. На спине расположена вогнутая подквадратная площадка с невысоким бортиком, украшенная круглыми налепами. На ней имеется отверстие диаметром 0,4 см. Судя по весу, полость внутри терракоты отсутствует. Вдоль туловища птицы тянется рельефный валик с налепами. Также орнаментированы хвост и основание терракоты.

Образу водоплавающей птицы посвящена многочисленная литература. Как правило, этот образ связан с мифом о создании Вселенной — утка, ныряющая в глубь первичной воды за материалом для творения мира [2, с. 278, 279]. В иранской традиции водоплавающая птица Каршиптар является главой пернатых на земле и олицетворяет собой телесный мир и водную стихию [3, с. 62—64, 68].

В то же время некоторые детали сары-тепинской терракоты характеризуют ее как модель корабля. Во-первых, вместо округлой птичьей груди передняя часть терракоты выполнена заостренной и напоминает форштевень. Во-вторых, рельефный валик вдоль туловища может рассматриваться как обозначение приподнятых бортов. Особый интерес вызывает подквадратная площадка с бортиком, передающая палубу. Отсутствие на ней следов закопчения исключает возможность использования предмета как светильника. Вместе с тем небольшое отверстие в площадке позволяет предположить наличие мачты с парусом.

Образ ладьи (корабля) принадлежит в основном эсхатологическим традициям. Обычно с ним связывают сюжет пересечения вод смерти, ухода в другой мир. При этом в зависимости от направления движения делается акцент на одном из элементов ладьи: корма — закат-смерть, нос — восход-воскрешение. Корпус символизировал период блуждания между жизнью и смертью [4, с. 53].

История кораблестроения дает многочисленные примеры символических украшений на корме и носу судна, в том числе — зооморфных [5, рис. 1, *28*]. В искусстве раннесредневековой Средней Азии единственное изображение лодки с носом фантастического животного (большой загнутый клюв, широко открытые глаза, ухо верблюда и грива льва) зафиксировано в живописи Афрасиаба [6, с. 67, рис. 21, табл. XXXVIII].

Возможно, сары-тепинский кораблик мог быть смоделирован с натуры и не нес символической нагрузки. Однако мы предполагаем, что в данном случае имело место слияние двух семантически близких образов (ладьи и водоплавающей птицы) в предмете культового назначения.

Обращение к религиозным воззрениям, распространенным в Средней Азии, для вероятного истолкования находки наводит на определенные параллели в манихейской теории спасения души. Возникшее в период кризиса античного рационализма, манихейство представляло собой сложный синтез различных религий (буддизма, зороастризма, эллинских воззрений, христианства), в котором все было подчинено главной цели — спасению [7, с. 104]. Это учение широко распространилось по Средиземноморью, Переднему и Среднему Востоку, в том числе и в Средней Азии [8, с. 120, 121].

Следует отметить одну особенность манихейства — использование понятий-образов, заключавших в себе философскую идею и художественный вымысел. Человек в манихействе рассматривался как материальное создание, в котором отражены процессы макрокосма, и прежде всего вселенское смешение двух начал — Блага и Зла (частиц Света-души и частиц Тьмы-материи). Высшая цель учения — спасение — предусматривала разделение частиц Света и Тьмы. Это постулировало один из основных принципов манихейства: мир, в котором живет человек, есть не более чем часть сложного механизма разделения мировых начал, спасения Блага [9, с. 139]. Движение по небу Луны и Солнца, которых, по словам святого Августина, манихеи считали кораблями, приводит к начальному высвобождению частиц Света [10, с. 102]. Не исключено, что признаки водоплавающей птицы являлись отличительной чертой лунного корабля, сделанного из «благой Воды» [11, с. 148]. Возможно, сары-тепинский кораблик выполнял роль Луны в ритуале, обеспечивая в рамках микрокосма отделение частиц Света от частиц Тьмы, и тем самым служил спасению души человека — частицы Света.

Предложенная интерпретация не выходит за рамки гипотезы. Отсутствие в Средней Азии бесспорных манихейских памятников затрудняет вопрос о наследии манихейской традиции. Тем не менее распространение манихейства и уникальность сары-тепинской терракоты делают данное объяснение возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Усманова З. И., Дресвянская Г. Я.* Новые данные к изучению памятников среднего течения Кашкадарьи.— Науч. тр. Ташк. ГУ 1974 [обл. 1975], вып. 473.
2. *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964.
3. *Рапопорт Ю. А.* Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977.
4. *Ерофеева Н. Н.* Ладья.— МНМ, 1982, т. II.
5. *Петерс Б. Г.* О морском деле в Эгейском море.— В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
6. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
7. *Топоров В. Н.* Мани.— МНМ, 1982, т. II.
8. *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-Тепа. Архитектура, Живопись. Скульптура. М.: Искусство. 1971.
9. *Ort L. J. R.* Mani. A Religio-Historical Description of his Personality. Leiden, 1967.
10. *Попов И. В.* Личность и учение Блаженного Августина. Т. I. Ч. 1. Сергиев Посад, 1916.
11. *Сидоров А. И.* Манихейство в изображении Августина.— ВДИ, 1983, № 2.

ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю. А.

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА ИЗ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

В южной части городища Темир-Коруг (в 50 км к юго-западу от г. Ош Киргизской ССР), по сообщению местного жителя Ю. Чалыбаева, в 1977 г. во время земляных работ им была найдена золотая фигурка птицы. Ю. Чалыбаев передал находку в Государственный Эрмитаж [1].

Фигурка птицы — объемная, с подвесками и узкими пластинчатыми крыльями (рис. 1). Она изготовлена из пасты, покрытой сверху тонкой золотой фольгой. Втулкой скульптурка насажена на круглый бронзовый стержень. Размеры в см: высота от верха крыла до низа подвесок — 6,2, длина крыльев — около 3,5, ширина по верху крыльев — 3. С обеих сторон головы и шеи имеются по две круглые, окаймленные зернью напайки для вставок камня. Аналогичное кольцевое гнездо с темно-синим камнем находится посередине груди. На боках — большие миндалевидные углубления — гнезда для вставок, также обрамленные зернью. Они изображают, очевидно, крылья, и птица имеет, следовательно, две пары крыльев. Плоский хвост расположен вертикально, вся поверхность его занята двумя прямоугольными выемками для вставок с зернью по краям. В левом нижнем гнезде сохранилась темно-зеленая вставка. Из шести подвесок до нас дошли пять. Одна из них прикреплена к клюву согнутой скобою из золотой проволоки и состоит из серповидной пластинки, к краям которой подвешены плоские кружки (диаметр 8 мм). На кружках-дисках имеются небольшие проволочные скобы для крепления. Аналогичная серповидная подвеска с тремя дисками привешена к хвосту птицы; боковые диски — ниже центрального. С левой стороны туловища сохранились две подвески, с правой — одна. Крылья птицы серповидно изогнуты и сделаны из тонкой пластинки. Поверхность их оформлена рельефными насечками наподобие пера. На затылке — два отверстия для крепления какого-то украшения. Между крыльями наверху выступает прямоугольная втулка, сзади (у основания хвоста) она скреплена скобой. Вдоль всей фигурки сверху и снизу проходит ровный шов соединения двух половинок тела птицы. Снизу они дополнительно соединены проволочными скобами.

Золотая фигурка птицы из Темир-Коруга — это первая находка украшения «звериного стиля» на территории Ферганской долины. Она, несомненно, имела культово-магическое значение и, возможно, связана с астральным культом. Фигурка вписывается в круг культовых предметов, распространенных в сакское и более позднее время в степях Евразии и памятниках Средней Азии. В кургане Иссык (Семиречье) V—IV вв. до н. э. имеется фигурка птицы без подвесок и вставок, которая венчает древо жизни на парадном головном уборе погребенного сакского вождя. Эта композиция образно представляет космогоническую структуру мира по представлениям древнеиранских племен [4, 5]. Сходные религиозно-мифологические воззрения отражены в женской короне и диадеме, найденных в княжеских погребениях в Тилля-тепе в Северном Афганистане и датированных по находкам монет I в. до н. э.— I в. н. э. [6]. Именно с этими ювелирными изделиями имеет наибольшее сходство ферганская птичка благодаря обилию тонких дисков — свободно свисающих и, должно быть, шумящих подвесок. На короне на изображении древа жизни помещены фигурки птиц.

Приведенные сопоставления позволяют определить функциональное назначение ферганской фигурки. Она по-видимому, также служила укра-

---

[1] Городище Темир-Коруг входит в комплекс археологических памятников у с. Янги-Наукат, состоящий из поселения и синхронного ему могильника. При раскопках исследованы участки застройки поселения, вскрыты скопления человеческих костей и более 80 погребений с бедным инвентарем (глиняные сосуды, единичные украшения). Погребальный обряд и состав находок относят памятник к кругу древностей земледельческого населения Ферганы первых веков нашей эры [1—3].

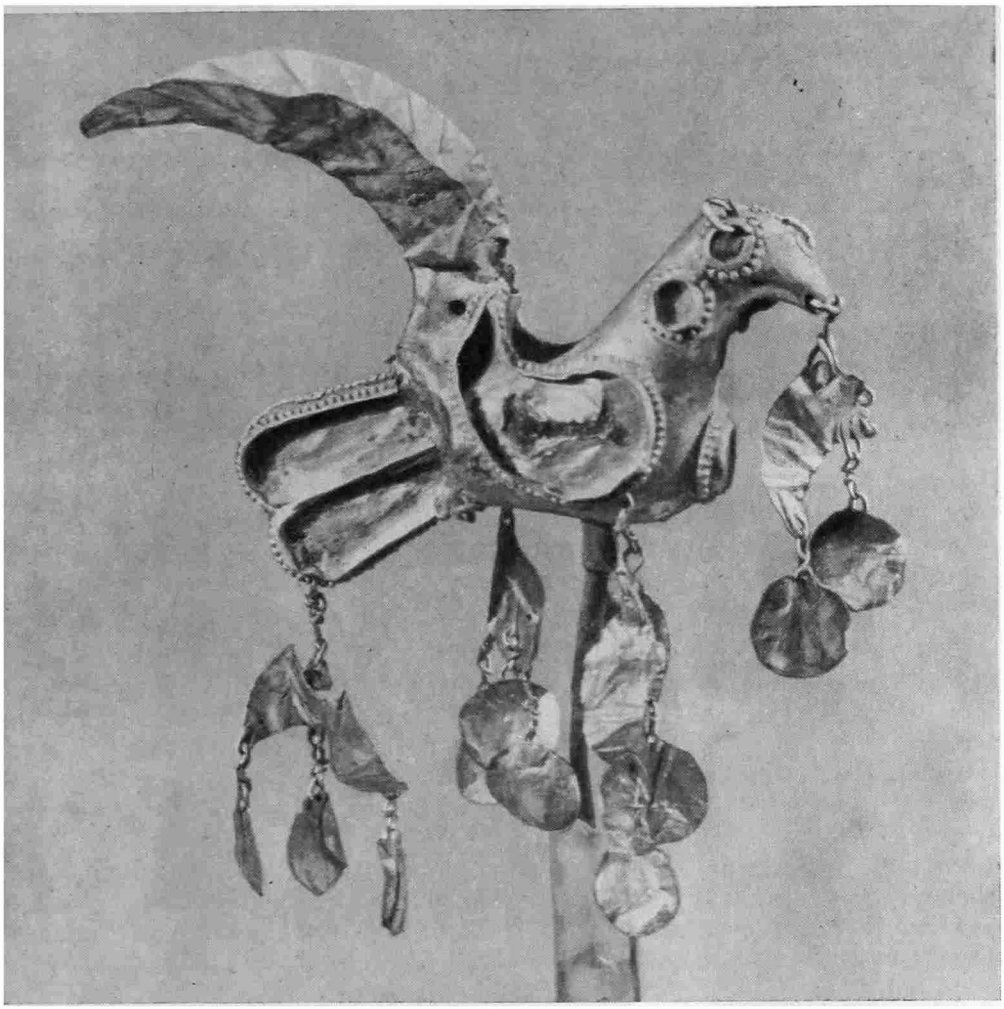


Рис. 1. Городище Темир-Коруг. Фигурка птицы (увеличено). Золото

шением диадемы и, возможно, была связана с культовым представлением о древе жизни.

О популярности этого сюжета у земледельческого населения древней Ферганы свидетельствуют изображения на горшке из Кош-тепинского могильника в Южной Фергане [7, табл. V, *2*]. Сосуд покрыт красным ангобом, по которому процарапаны изображения трех птиц между тремя деревьями. Птицы показаны в профиль и повернуты вправо, в сторону деревьев. Последние изображены схематично в виде елочки, ствол внизу завершается кружком. В птицах по ряду признаков можно усмотреть фазанов. Композиция в целом представляет как бы непрерывное шествие птиц в одну сторону.

Сцена «птица у дерева» связана с широко распространенными у древних народов представлениями о древе жизни — источнике бессмертия, плодородия и всего сущего, с идеей возрождения жизни. Видимо, не случайно горшок с этим изображением оказался в древнем захоронении. Находка в Кош-тепинском могильнике документирует распространение мифологических воззрений у земледельческого ираноязычного населения древней Ферганы, сходных во многом с культовыми представлениями кочевых, скотоводческих племен древности.

Кош-тепинский и Темир-Коругский могильники одновременны и принадлежат к одной культуре земледельцев древней Ферганы времени существования здесь Даваньского государства. Это подтверждается находками в обоих памятниках сосудов с процарапанным орнаментом. Такой прием украшения специфичен для культуры Ферганы только рубежа и первых веков нашей эры. Этим же временем следует датировать золотую фигурку птицы из Темир-Коруга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заднепровский Ю. А.* Некрополь городища Темир-Коруг.— УСА, 1979, вып. 4.
2. *Заднепровский Ю. А., Дружинина Е. В.* Работы в Южной Киргизии.— АО-1977. М., 1978.
3. Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1983.
4. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М.: Наука, 1978.
5. *Акишев А. К.* Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык).— КСИА, 1978, вып. 154.
6. *Кузьмина Е. Е., Сарианиди В. И.* Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика.— КСИА, 1982, вып. 170.
7. *Жуков В. Д.* Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве БФК.— Тр. ИИА АН УзССР, 1951, т. IV.

ГРИШИН Ю. С.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗА И МЕСТНОЙ ЕГО ДОБЫЧЕ НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ (Прибайкалье)

В вышедшей в 1950 г. монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» А. П. Окладников, представляя абсолютную периодизацию археологических памятников этого региона, относил начало железного века здесь к III в. до н. э. [1, с. 139, табл. 8]. Исследователь имел в виду, очевидно, время широкого распространения железа, а не первоначальное его появление в Прибайкалье, так как в почти одновременно вышедшей «Истории Якутской АССР» он описывает кинжал с бронзовой рукоятью, украшенной стилизованными изображениями голов грифонов или зверей, и железным клинком, происходящий из окрестностей Киренска на Лене. Аналогии этому кинжалу А. П. Окладников находит среди западных степных кинжалов скифского времени. При этом исследователь допускал возможное импортное происхождение киренской находки [2, с. 190]. Следовательно, появление первых железных изделий в Прибайкалье может быть отнесено по мнению А. П. Окладникова, ко времени не позднее начала второй половины I тыс. до н. э.

На это же и даже более раннее время могли бы указать находки в Прибайкалье железных ножей с такими важнейшими карасукскими признаками формы, как коленчатость и наличие шипа при переходе от рукояти к лезвию [3, с. 211, рис. 1]. Однако ножи такого типа в восточных районах Сибири все же находятся в употреблении и в последующее время.

Более точное указание на этот счет могут дать изделия малоизвестного, хотя и опубликованного Отонконского клада. Клад найден близ с. Бирюльское, неподалеку от пос. Отонкон, в верховьях Лены (рис. 1). Этот клад[1] состоит почти исключительно из медно-бронзовых изделий, являющихся в основном принадлежностями конской сбруи [2, с. 159—160].

Состав клада весьма характерен: округлые петельные зеркала тагарского типа; круглый цилиндр с чередующимися вздутиями и сужениями (орнаментированными полосами горизонтальных полос), находящий аналогии среди материалов плиточных могил; парные гривастые изображения голов грифов, находящие аналогии в материалах пазырыкских курганов, в том числе фрагмент позднего сильно стилизованного их изображения, превращающегося уже в орнаментальный мотив; пуговицы с петлей-ушком; различного рода подвески и пронизки, нередко рубчатые, в форме цилиндра или полуцилиндра. Среди подвесок имеются отдельные усеченно-конусовидные и значительное число мелких кольчатых или полукруглых. Значительную часть клада составляют колокольчики с петелькой на конце, украшенные в основании тулова орнаментом из не-

[1] Хранится в ОИПК Государственного Эрмитажа, инв. № 1132.

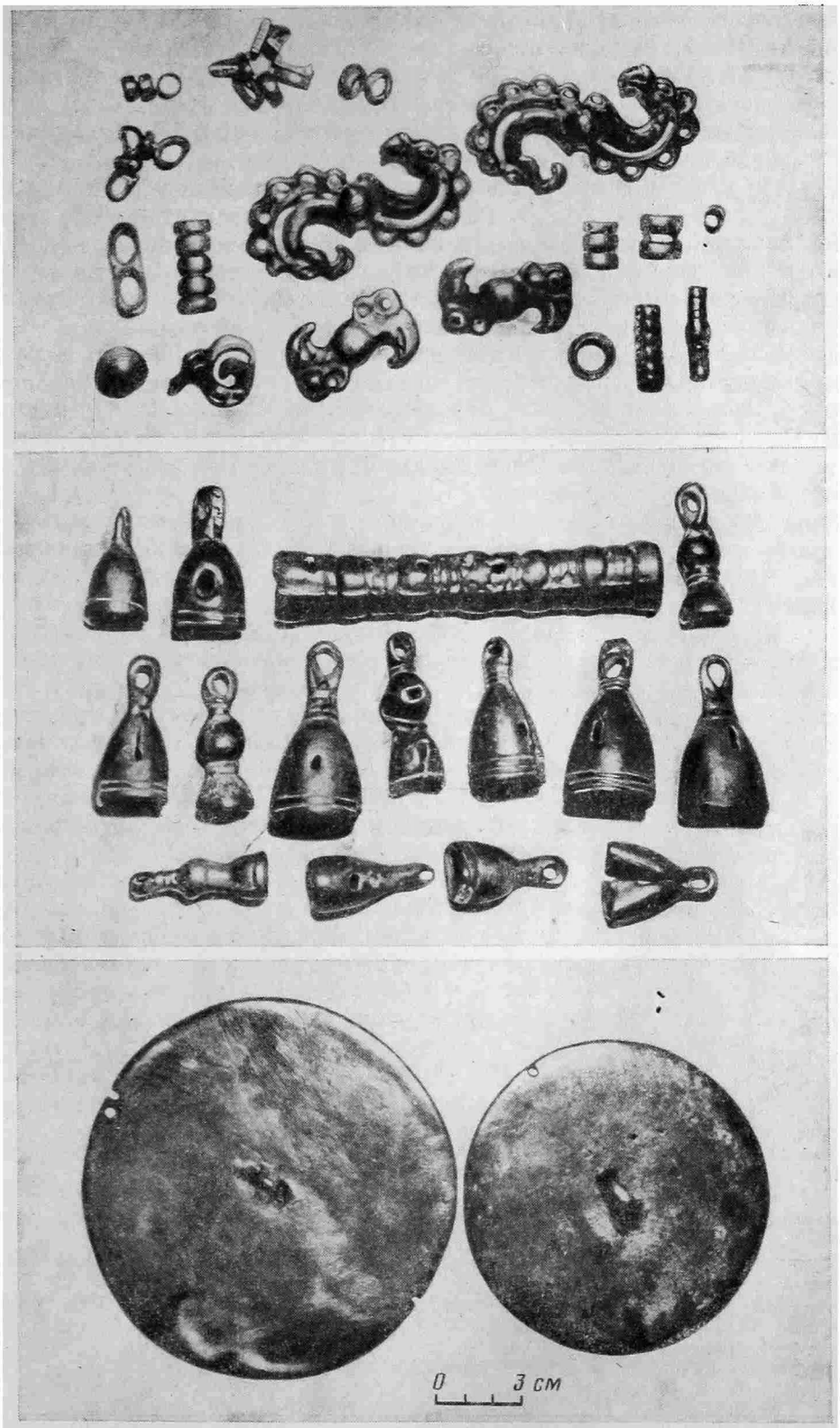


Рис. 1. Отонконский клад (Восточная Сибирь)

скольких линейных полос. Среди них встречаются и «двухъярусные» (разделенные посредине тулова резким суженнем). Близкие по форме колокольчики с петлей для подвешивания известны среди забайкальских гуннских памятников [4, табл. VII, *4—9*]. Не менее близки им деревянные седельные подвески из Первого Туэктинского кургана на Алтае [5, табл. LXXV, *4 — 6*, *13*]. В этом же кургане встречены деревянные украшения в виде сильно стилизованных голов грифонов, аналогичные

одному из отмеченных бронзовых отонконских, а также деревянные рубчатые подвески, близкие отдельным бронзовым отонконским подвескам [5, табл. LXXIV, *1—9*, *12*, *14*; табл. LXXVIII, *1*, *2*]. Радиоуглеродная дата Первого Туэктинского кургана 2480±130 лет [5, с. 355]. В целом она близка дате Отонконского клада, предложенной А. П. Окладниковым, V—IV вв. до н. э.

Железо в это время в Прибайкалье только начинает распространяться; оно высоко ценилось, и из него изготавливались отдельные изделия. В Отонконском кладе лишь среди мелких полукруглых подвесок (12 экз.) имеются железные (2 экз.). Они отличаются от медно-бронзовых технологией изготовления: бронзовые подвески цельнолитые, в то время как железные подвески несут следы механической обработки.

До недавнего времени считалось, что железо в восточных районах Сибири появляется сравнительно поздно. Однако зарегистрированные в соседних районах Забайкалья отдельные железные ножи раннетагарских форм, которые могут относиться к VII в. до н. э. [6, с. 92], показали, что это не так. Население Прибайкалья также могло познакомиться с железом в близкое к этому время.

Вряд ли период от времени первоначального знакомства с железом до его массового распространения и местного производства был длительным. Близ с. Ангинского на Верхней Лене (сравнительно недалеко от местонахождения Отонконского клада) были обнаружены древние ямы для добычи железной руды, где сохранились также и следы железоплавилен [2, с. 192]. Около них был найден своеобразный железный кинжал с коротким подтреугольным клинком, прямым широким подпрямоугольным перекрестием и округлым плоским навершием на рукояти с характерной вырезкой в верхней части [2]. Рукоять этого кинжала очень схематична, но все же достоверно имитирует фигурные навершия известных кинжалов скифо-сарматского времени (как бронзовых, так и железных), с обращенными друг к другу головами птиц или животных, происходящих из близких степных районов Минусинской котловины [7, табл. 4, *8—10*, табл. 11, *9—12*].

Таким образом, население Прибайкалья знакомится с железом не позднее середины I тыс. до н. э. Видимо, не позднее последних веков до н. э., а возможно, и раньше, фиксируется здесь и местная добыча железа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I—II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
2. История Якутской АССР. Т. 1. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
3. *Гладилин А. В.* Металлические орудия железного века Средней Ангары.— В кн.: Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978.
4. *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976.
5. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
6. *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975.
7. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.

[2] Фонды Иркутского областного краеведческого музея, инв. № 522.

ЧАЛЫЙ В. В., ФОМИЧЕВ Н. М.

ДРЕВНЕРУССКАЯ КОСТЯНАЯ БЛЯШКА ИЗ АЗОВА

В 1982 г. при раскопках в г. Азове (золотоордынский Азак) на дне одной из хозяйственных ям была найдена резная костяная бляшка (рис. 1). Бляшка имеет овальную форму, левая нижняя часть отбита в древности. По краям для крепления сделаны два сквозные отверстия. На бляшке в двойной линейной рамке заключено изображение русалки

с крыльями и змееподобным хвостом. Русалка повернута к зрителю левым боком, лицом — в правую сторону. Руки согнуты в локтях, правая с рогом или кубком поднесена ко рту. Индивидуальность лица подчеркивают большие глаза с выделенными веками, прямой нос и округлые щеки. Волосы распущены и прядями развеваются назад. Крылья подняты вверх и оканчиваются небольшими завитками. Змееподобный хвост начинается от пояса и извивается, образуя узел. Шея, нижняя часть туловища и хвоста окантованы рельефной полосой с насечками. Такая же полоса украшает верхнюю часть кубка. Волосы, лицо, пальцы рук и крылья прорисованы тонкими четкими линиями. Выпуклые места хорошо

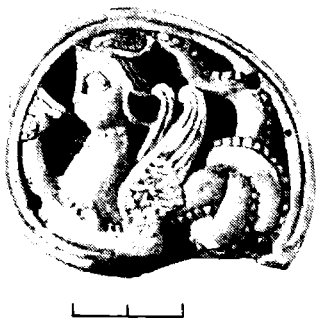


Рис. 1. Костяная бляшка из золотоордынского Азака

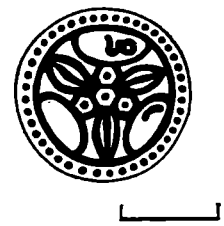


Рис. 2. Изображение на монете (реконструкция)

отшлифованы. Бляшка выполнена в плоскорельефной и сквозной резьбе. Объемность и пластичность изображения достигаются с помощью глубокой прорезки и фона, состоящего из ажурных сквозных кружков. Подобная техника изготовления была распространена на Руси в XIII—XIV вв. [1, с. 380, 381]. Широко известны костяные бляшки с изображениями разнообразных фантастических существ из раскопок в Новгороде [1, с. 381, рисунок; 2, с. 406, 407, рис. 177, 182, 183; 3, с. 86]. Они выполнены в той же технике, что и публикуемая находка.

Определению датировки бляшки из Азака способствуют монетные находки, происходившие из заполнения той же хозяйственной ямы. В ней на разных глубинах обнаружены четыре монеты. На двух монетах (со дна ямы и с глубины 1 м от верхнего края ямы) изображения не сохранились. Первая имеет обрезанные края, ее вес 0,65 г. Вторая использовалась в качестве мониста. Две монеты найдены на глубине 1,2 м. Одна — анонимная, чеканки Сарая, с изображением барса влево, ее вес 0,96 г [4, с. 231, рис. 2, *50—54*]. Такие монеты обычно встречаются в хозяйственных ямах золотоордынского Азака вместе с анонимными монетами 30-х годов XIV в. (с изображениями льва и солнца) [4, с. 229, 230, рис. 1, *6—10, 20—22*]. На другой монете сохранилась лишь часть изображения на одной стороне: в двойном точечно-линейном ободке находится трехлепестковая розетка с четырьмя кружочками по центру и с полуовалами между лепестками. В полуовалах расположены надписи, в одном из них сохранился слог, очевидно, от слова «чекан» (рис. 2), вес 1,22 г.

Таким образом, считаем возможным датировать костяную бляшку из Азака временем не позднее середины XIV в. (30-е годы XIV в.?). Изготовленная русскими мастерами-косторезами бляшка попала в золотоордынский Азак вместе с полоненными русскими людьми [5]. Нельзя впрочем, исключать, что бляшка оказалась в Азаке вместе с другими награбленными завоевателями предметами и затем оказалась выброшенной как чуждая и непонятная вещь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин М. А.* Декоративно-прикладное искусство.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1970.
2. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. М.: Искусство, 1977.

3. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
4. *Фомичев Н. М.* Джучидские монеты из Азова.— СА, 1981, № 1.
5. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.

КОНДРАТЬЕВА Е. В.

НОВОЕ О НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ НИКОЛО-СТОРОЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Каменный Никольский храм бывш. Николо-Стороженского монастыря стоит на самом берегу мыса Избушечного, глубоко вдающегося в Ладожское озеро недалеко от впадения рек Свири и Паши. Это единственная уцелевшая до настоящего времени постройка монастыря. Деревянные строения монастыря не сохранились.

По легенде Николо-Стороженский монастырь, посвященный покровителю мореплавателей Николе, был основан по обету Киприаном, некогда грозным пиратом, чудом спасшимся во время сильной бури [1, № 1009]. На путь иночества Киприана наставил основатель Ондрусовой пустыни Адриан, деятельность которого относится к «половине XVI столетия», в 1550 г. он был убит разбойниками [1, № 344]. Эти обстоятельства являлись исходными при датировании Николо-Стороженского храма XVI в.

Истории Николо-Стороженского монастыря и описанию его храма посвящено несколько публикаций [2—4], поэтому здесь отметим лишь его наиболее характерные композиционные и строительные особенности. Храм представляет собой двухэтажную, прямоугольную в плане постройку без алтарных полукружий, с просторными трапезными в каждом этаже (рис. 1). Собственно церковь, помещавшаяся в повышенной восточной части, покрыта на восемь скатов и венчалась мощной главой на глухом кирпичном барабане [2], над более низким объемом трапезной — двускатная кровля (рис. 2). Барабан был разобран в 1939 г., кирпичом от него были заложены окна постройки.

По своему типу Николо-Стороженский храм является сооружением, совмещающим в одном здании трапезный зал с церковью при нем. По композиционной схеме он подобен аналогичным постройкам в монастырях Новгорода и его окрестностей, где этот тип сооружений сформировался к середине XVI в. Много общего у Никольского храма с новгородскими памятниками и в конструктивном отношении. Это и характер кладки, сочетающей грубообработанный известняк с валунами и кирпичом: из мощных валунов выложен цоколь, рядами валунов на уровне междуэтажного перекрытия укреплены стены в местах распора от сводов. В верхнем этаже внутристенные деревянные связи выходят наружу, где имеют упоры из клиньев, вся конструкция зашита снаружи «скворечниками». Деревянные внутристенные связи первого этажа выходят наружу железными петлями с анкерами, опирающимися на валуны в кладке. Аналогичная система связей применялась в трапезной новгородского Деревяницкого монастыря [1].

Пятиугольные нишки, фризом украшавшие барабан, также являются декоративным элементом, получившим широкое распространение в новгородском зодчестве XVI в. Но в Никольской церкви это единственный декоративный мотив ее фасадного убранства, храм отличается суровостью своего облика. По сравнению с ним пластическое решение аналогичных новгородских сооружений кажется изысканным. По всем признакам принадлежность Николо-Стороженского храма к новгородской строительной школе не вызывала сомнений.

Обнаруженный недавно документ конца XVI в. подтверждает участие новгородских мастеров в строительстве храма и позволяет уточнить его датировку: «Лета 7104 (1596) апреля в 5 день. По памяти за приписью

[1] Благодарю Г. М. Штендера за консультацию по этому вопросу.

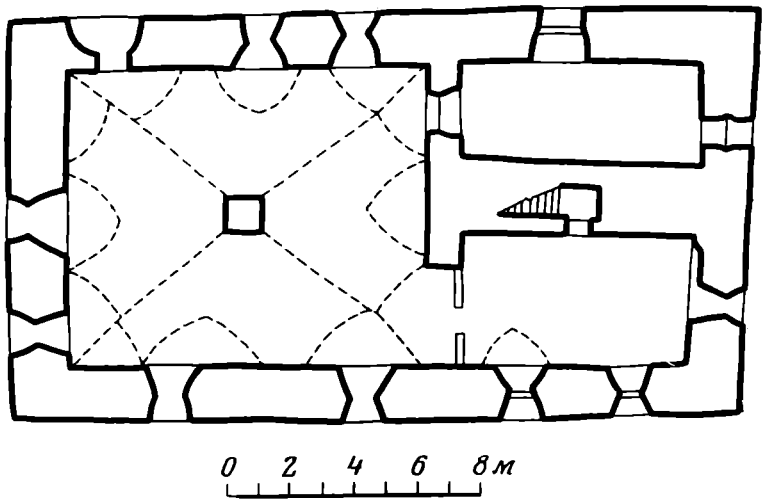


Рис. 1. Никольский храм Николо-Стороженского монастыря. План 1-го этажа (обмеры автора, 1968 г.)

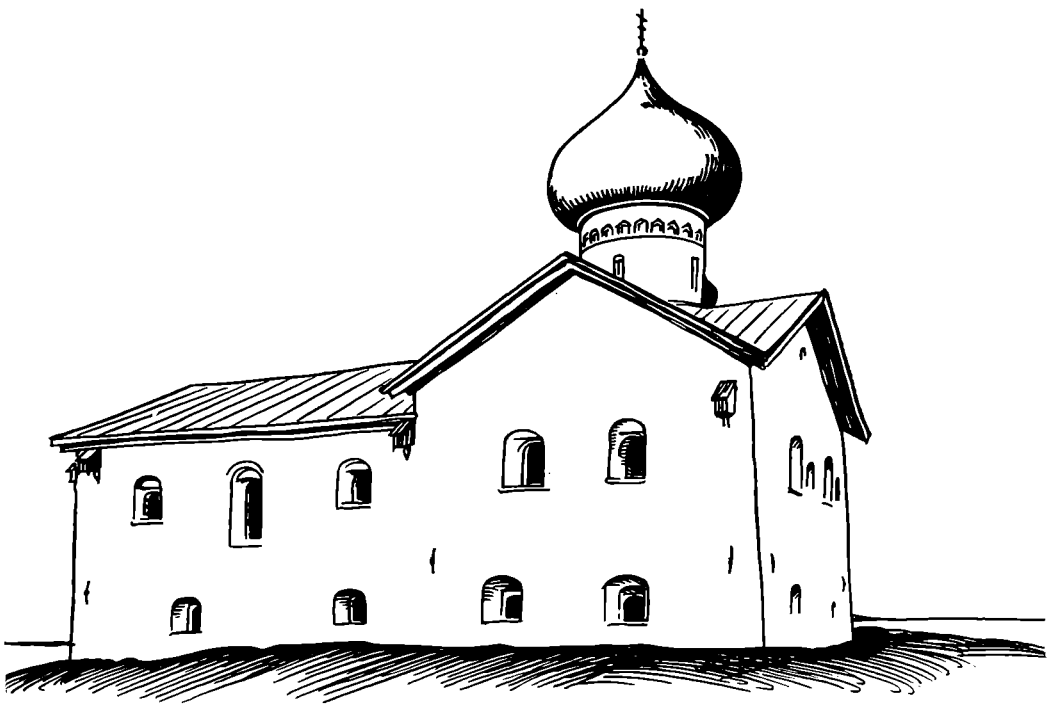


Рис. 2. Никольский храм Николо-Стороженского монастыря. Рисунок по фотографии Н. И. Репникова, 1913 г. (фотоархив ЛОИА, инв. № 0.473/1434-1439)

дьяка Дмитрея Алексеева подьячей Пятуня Иванов послан в монастырь в Никольской в Стороженской на Ладожское озеро для государева каменного дела сыскивати каменщиков и кирпичников, а сыскав, велено прислати к Москве за крепкими поруками. И подьячей Пятуня Иванов, приехав в Никольскоі монастырь Стороженскоі, спрашивал у строителя у Киприяна ноугородских каменщиков Дениска Родионова и Подосенко Фомина и иных каменщиков. И Никольсково монастыря Стороженсково строитель Киприян сказал, что те каменщики Дениско да Подосенко у них в монастыри были, и как они услышили, что их велено сыскивая выслати государю к Москве, и те каменщики от них сошли без вести, не ведомо к Москве, не ведомо куда. И доездные памяти не дали, потому что священника у них нет, был у них священник нанят на время, да съехал прочь, а дьячок в монастыри есть, да писать не умеет, потому

доездные памяти не дали. А память писал подьячей Пятка Иванов» [5].

Отзываемые из Николо-Стороженского монастыря каменщики, имена которых были в Москве известны, вероятно, являлись записными каменщиками Приказа каменных дел [2]. Завершив к осени 1595 г. каменные работы в Николо-Стороженском монастыре, они остались здесь на зиму. Набор на новый строительный сезон происходил ранней весной. Вероятно, в марте 1596 г. в Николо-Стороженском монастыре была получена грамота, отзывающая мастеров к Москве, что и послужило для них сигналом к уходу «неведомо к Москве, неведомо куда». Никакого другого каменного храма, кроме Никольского, в Стороженском монастыре никогда не было, значительных перестроек и обстроек, на которые следовало бы приглашать мастеров, он не претерпел. Следовательно, осенью 1595 г. в Стороженском монастыре было завершено строительство именно Никольского храма.

Настоятелем, «строителем» монастыря все еще являлся Киприан. Если верна легенда, что его духовным наставником был Адриан, погибший в 1550 г., то Киприан к 1596 г. должен быть древним старцем, а монастырь, выстроенный вскоре после его чудесного спасения, вероятно, был весь деревянным. Поднять дорогостоящее строительство каменного храма этому далеко не процветавшему монастырю (что также очевидно из документа) было явно не под силу.

Появление в Приладожье во второй половине XVI в. целого ряда малых монастырей, к числу которых относится Николо-Стороженский, происходило при поощрении правительства, поскольку имело важное экономическое значение [7, с. 14]. Наиболее крупным монастырям, таким, как Тихвинский Успенский, придавалась роль потенциальных военных форпостов. В 1580 — начале 1590 г. в северо-западных районах Русского государства активизировалось крепостное и монастырское каменное строительство [8, с. 20]. Возведенному, по нашему предположению, именно в это время каменному храму Николо-Стороженского монастыря, стоявшему на важном в стратегическом отношении мысу Ладожского побережья, при входе в удобную гавань, могла предназначаться роль сторожевого пункта и маяка. Возможно, название монастыря и было связано с его назначением. Становится понятным, почему его строительство велось при действенной помощи из Москвы, вероятно, не только каменщиками, но и средствами. Суровый облик храма как нельзя лучше соответствовал его назначению.

Спил одной из деревянных вертикальных связей, сохранившихся на чердаке в толще внутренней поперечной стены, дендрохронологически может датироваться 1595 г.[3] На основании приведенного документа 1596 г. и данных дендрохронологии можно с большей степенью вероятности датировать завершение строительства Никольского храма 1595 г. Тогда становятся известными и имена новгородских каменщиков, возглавлявших его строительство — Дениса Родионова и Подосена Фомина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2. СПб., 1892.
2. *Репников Н. И.* Упраздненный Николо-Стороженский монастырь.— ИАК, 1914, вып. 52.
3. *Кондратьева Е. В.* Никольская церковь бывшего Николо-Стороженского монастыря.— В кн.: Архитектура и графика. Краткие содержания докладов к XXVII научной конференции ЛИСИ. Л., 1969.
4. *Андреева Л. В., Коляда М. И., Кондратьева Е. В.* По Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1978.
5. Архив ЛОИИ АН СССР, кол. 238, оп. 2, д. 103/22, подлинник.

[2] Приказ каменных дел был создан в 1583—1584 гг. [6, с. 12].

[3] Ввиду единичности спила нельзя основываться только на его данных, получение дополнительных дендрохронологических материалов затруднено тем, что остальные связи утоплены в кладке. Дендрохронологический анализ проведен в Ленинградском филиале Института «Спецпроектреставрация» А. А. Никоновой с помощью сотрудников дендрохронологической лаборатории Института археологии АН СССР.

6. *Сперанский А. Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.
7. *Мордвинов И. П.* Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Тихвин, 1925.
8. *Косточкин В. В.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964.

ФОРМОЗОВ А. А.

ДОКУМЕНТ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ НАЧАЛА XIX в.

Более 100 лет назад, составляя каталог находок каменных орудий в России, А. С. Уваров обратил внимание на сообщение, затерянное в описании собрания рукописей государственного канцлера графа Н. П. Румянцева. Автор этого описания — знаменитый русский филолог А. Х. Востоков — упомянул о присланном Румянцеву письме, где говорилось,

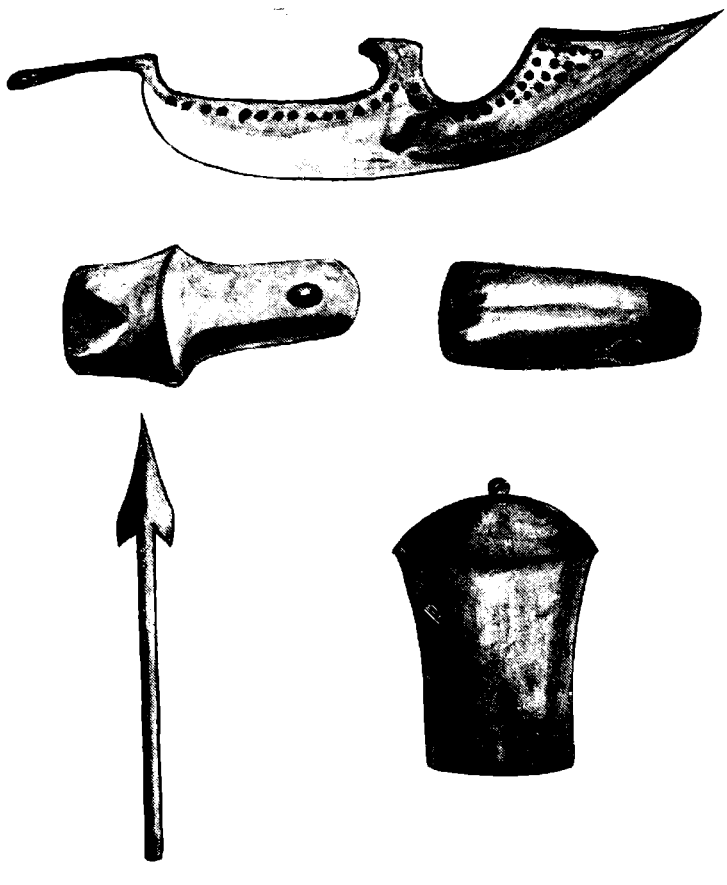


Рис. 1. Рисунок 1820-х годов, изображающий древние вещи, найденные у с. Стряплицы Полоцкой губ.

что у с. Страплицы Полоцкой губ. в урочище Ольгердова дорога найдены в земле четыре глиняных сосуда, каменные и железные топоры [1, с. 221]. Уваров перепечатал эти данные, никак их не комментируя [2, с. 52]. Вошли они и в библиографию белорусской археологической литературы С. А. Дубинского [3, с. 50]. В 1976 г. в выпуске «Археологической карты БССР», посвященном бронзовому веку, В. Ф. Исаенко отметил находку в кургане у с. Стряплицы Городокского р-на Витебской обл. каменных топоров и глиняных сосудов [4, с. 67], сославшись на труд Уварова (в выпуске «Железный век» той же «Археологической карты» находки у Стряплиц не учтены).

Сообщение А. Х. Востокова представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, документ из собрания Н. П. Румянцева рассказывает о забытых археологических изысканиях в России в первой четверти XIX в. (Румянцев умер в 1826 г.), в период сложения археологии как науки в нашей стране. Во-вторых, создается впечатление, что в документе идет речь о кургане бронзового века на севере Белоруссии, а такие памятники здесь пока не выявлены.

Все это заставило нас разыскать сам документ, охарактеризованный А. Х. Востоковым предельно кратко. В настоящее время интересующее нас письмо хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 256, № 177, ед. хр. 15, л. 120, 121). Это стандартный для начала XIX в. сложенный вдвое лист канцелярской писчей бумаги, на которой столь же стандартным писарским почерком очень разборчиво переписано чье-то сообщение научного характера. На обороте л. 121 красками сделан рисунок (рис. 1). Публикуем текст документа полностью по нормам современной орфографии.

ИЗВЕСТИЕ ОБ ОТКРЫТИИ ПРОХОДА И ПУТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО ОЛЬГЕРДА, ШЕДШЕГО НЕКОГДА С ВОИНСТВОМ К МОСКВЕ

Вообще согласуются русские историки в том, что великий князь Димитрий Иоаннович, проименованный Донским, который поразил Мамая, вел также войну и с литовским князем Ольгердом, хотя, впрочем, и не описывают подробностей сей войны. Польский же древний историк Стрыйковский говорит пространно о сем Ольгердовом походе к Москве в книге XII, главе 9-й, но в летосчислении явно не соглашается с русскими писателями, кои относят начало царствования великого князя Димитрия Иоанновича к 1362-му году. Стрыйковский же полагает поход Ольгерда на Димитрия Иоанновича в 1332-м году. Но какова бы ни была сия разность в хронологии, обстоятельное, однако ж, описание мест, коими проходил князь Ольгерд к Москве и кои означает Стрыйковский, говоря, что он проходил тайными дорогами через княжество Полоцкое на Витебск к Москве, подало повод искать следов прохода, как и в самом деле на границе нынешнего Полоцкого уезда с уездами Городецким и Невельским. Над рекою Верузою, впадающею в реку Оболь, в имении г. Маршала Жабы, называемом Страплицами, найдены памятники оного прохода, кои очень согласуются с описанием Стрыйковского, ибо говорит Стрыйковский, что Ольгерд шел скрытными стезями через великие леса, что войско его принуждено было делать новые мосты и насыпи, да и действительно, начиная от Полоцка даже до Бешенковичей, также и вдоль рек Полотвы, Верузы и Оболи просматриваются обширные леса, среди коих находится множество болот и озер, а в вышесказанном имении Страплицах, лежащем над рекою Верузою, крестьяне показывают огромной величины насыпи и лесом поросшие бугры, кои называют Ольгердовою дорогою, в трех же верстах от Страплиц в глухом лесу видны огромные древние окопы, окруженные болотом, кои крестьяне зовут Столище, а узкое место, ведущее внутрь, слывет у них Князиовым мостом. То же утверждал и владетель сего имения, господин маршал Жаба, что он, владея оным уже около 18-ти лет, всегда слышал от крестьян своих, что сим местом проходил к Москве князь Ольгерд. Также и межевые книги многих помещиков, живущих на границе Городецкого и Невельского уездов и некогда размежевавших между собою земли, утверждают сие предание, заключая во многих местах следующее выражение: до **Ольгердовой дороги.** Сверх того и вышесказанные памятники доказывают то же, ибо в оном имени Страплицах, в Городецком уезде над рекою Верузою, между теми же параллельно расположенными буграми пространное впавшее место заставляет думать, что там была некогда дорога. Наконец, когда господин Жаба велел срубить лес с одного бугра и раскопать оный, то найдены там следующие древности: один железный бердыш, одно каменное копие и два каменных бердыша, из серого гранита иссеченных, и четыре урны, с каковых древних редкостей рисунки у сего прилагаются. Урны более всего доказывают истину сего открытия, ибо тогда Литва находилась еще в язычестве, а каменное оружие согласуется с описанием древнего литовского оружия. На некоторых урнах видны какие-то подобные иероглифам знаки, писаные красною краскою, но время так оные испортило, что они не имеют уже никакого подобия письмен.

На этом рукопись обрывается. Ни даты, ни подписи под нею нет. Попробуем прокомментировать этот документ.

Как указывает исследователь истории Румянцевского кружка В. П. Козлов [5, с. 31, 75—77, 92], основным информатором Н. П. Румянцева о древностях Полоцкой земли был смотритель Полоцких уездных училищ Антоний Матвеевич Дорошкевич (иногда именовавшийся и Дорошенко). В ЦГАДА (ф. 17, д. 48) хранится большое число писем А. М. Дорошкевича к Н. П. Румянцеву, охватывающих период с 23 ноября 1822 г. по 2 сентября 1824 г. Одно письмо — от 2 марта 1824 г.— есть и в Отделе рукописей ГБЛ (ф. 255, карт. 8, д. 34, л. 39, 40). В письмах говорится главным образом об архивных изысканиях, но упоминаются и памятники археологии — камни с надписями, монеты. Скорее всего, интересующий нас документ связан с деятельностью А. М. Дорошкевича и датируется тем же отрезком времени, т. е. 1822—1824 гг.

Походы литовского великого князя Ольгерда (1345—1377) на Русь, совершенные в 1368—1372 гг., описаны в документе по хронике польского историка Мацея Стрыйковского (1582), опиравшегося в свою очередь на белорусско-литовские летописи XVI в. [6, с. 50—52, 60—62; 7, с. 48—51].

Народные представления об Ольгердовой дороге известны по литературе XIX [8, с. 88—97] и начала XX в. [9, с. 311, 312]. Крайне сомнительно, что при своем быстром набеге на Русь Ольгерд занимался строительством дорог. Но вполне вероятно, что за следы старых дорог в народе принимали не какие-то естественные бугры, а искусственные насыпи — длинные курганы и валы городищ. Белорусский археолог В. Ф. Исаенко, ознакомившийся по нашей просьбе с публикуемым документом, считает, что упомянутые в нем «огромной величины насыпи» и «огромные древние окопы» — это именно длинные курганы. Иные из них (например, у д. Атоки) достигают в длину 110 м при ширине 10 и высоте 1,5 м.

Обратимся теперь к рисунку. Он не вполне соответствует описанию, содержащемуся в документе. Там сказано о находке каменного копья. Здесь же изображен предмет, явно изготовленный не из камня, а из кости или железа. К какой эпохе может относиться эта вещь, решить трудно. На территории Белоруссии аналогий ей нет.

Три «секиры», показанные рядом, конечно, разновременны. Вверху мы видим железный бердыш XVII в., ниже — два каменных топора. Это едва ли не самая ранняя зарисовка каменных орудий, сделанная для русского ученого. Очертания бердыша переданы относительно правильно, но все же не совсем точно. При таком расположении нижнего конца бердыша, как на рисунке, железную часть нельзя было бы надеть на древко.

Еще менее точен рисунок левого каменного топора. Сверлина на нем чересчур мала, расположена не там, где ее надо было бы сделать, да и вообще топоры этого типа сверлин не имеют. Все же тип изделия знаком археологам. Это обычный для начала II тысячелетия до н. э. черешковый топор. В Белоруссии находки подобных топоров многочисленны в Подвинье и на Гомельщине.

Зарисовка второго каменного топора недоумения не вызывает. Перед нами сверленый клиновидный топор с закругленным обухом и прямоугольным сечением, характерный для более позднего времени — конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Каменные топоры в Белоруссии иногда встречаются и в памятниках начала железного века и даже в средневековых курганах. В последнем случае возможно их использование как целебного колдовского средства [1].

Наиболее загадочна «урна» — прямостенный сосуд без орнамента, прикрытый крышечкой. Никаких сосудов со знаками, нанесенными крас-

[1] Благодарим В. Ф. Исаенко, поделившегося с нами своими соображениями о рисунке.

кой, ни в Белоруссии, ни в Восточной Европе вообще мы не знаем. Конечно, за иероглифы могли быть приняты следы корней или потеки на стенке сосуда. Но дело не в том: мы не найдем сосудов такой формы и с крышками в пределах всей территории СССР. Правда, с известной натяжкой можно привлечь в качестве аналогий почти прямостенные сосуды из культур круга шнуровой керамики [10, рис. 2 и 53; 11, табл. XLIII, XLV, XLVII], связав тем самым сосуд с каменными топорами. Но и эти сосуды не имеют крышек и покрыты орнаментом.

Таким образом, говорить о комплексе находок из кургана эпохи бронзы у с. Стряпицы, включавшем в себя глиняные горшки и каменные топоры, никак нельзя. На рисунке изображены разновременные древние вещи, причем складывается впечатление, что художник зафиксировал их крайне неточно, а порою даже пошел по пути фантазий.

Рассмотренный материал представляет определенный интерес для истории археологии. Он отразил тот момент, когда уже возникло любопытство по отношению к далекому прошлому своей страны и отдельных ее районов, но только складывался научный подход к фиксации древностей. Народные легенды связывали с археологическими находками совсем других эпох, воспринимая разнородные предметы как одновременные и зарисовывая их весьма приблизительно.

Подготавливая обзоры древностей той или другой территории, мы должны учитывать и такие материалы. Что-то из них может быть понято по-новому при сопоставлении с недавними надежно документированными находками. Но собранные данные должны послужить предостережением против некритического использования сведений об археологических находках, затерянных в документах начала XIX в. или более раннего времени. Здесь возможны и фантазии, и путаница, и даже фальсификация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. Спб., 1842.
2. *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. Т. II. М., 1881.
3. *Дубінскі С. А.* Бібліографія па археолёгіи Беларуси і сумежних краін. Менск, 1933.
4. *Исаенко В. Ф.* Археологическая карта БССР. Вып. 3. Памятники бронзового века. Минск, 1976.
5. *Козлов В. П.* Колумбы росспйских древностей. М.: Наука, 1981.
6. Хроника Литовская и Жмойтская.— ПСРЛ, 1975, т. 32.
7. Супрасльская летопись.— ПСРЛ, 1980, т. 35.
8. *Говорский К. А.* Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги.— ЗРАО 1853, т. V.
9. *Семенов В. П., Довнар-Запольский М. В. и др.* Северное Поднепровье и Белоруссия.— Россия, полное географическое описание нашего отечества. Т. 9. Спб., 1905.
10. *Свешніков І. К.* Історія населення Передкарпаття, Поділля и Волині в кінці III — на початку II тысячоліття до нашої ери. Київ: Наук. думка, 1974.
11. *Machnik J.* Studia nad Kultura ceramiki sznurowéj w Malopolsce. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966.

Дискуссии

МАТЮХИН А. Е.

О ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

28—29 ноября 1983 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР проходило рабочее совещание на тему «Становление человека и общества», организованное Секцией истории первобытного и рабовладельческого общества Отделения исторических наук АН СССР и сектором палеолита ЛОИА АН СССР. В работе приняли участие археологи, этнографы, историки, антропологи, палеозоологи из Москвы, Ленинграда и Киева. Целью совещания было обсудить наиболее актуальные и спорные вопросы становления человека и общества, в частности грань между человеком и животным, факторы эволюции, сущность человека, природа и характер труда, и средств труда, а также и общества в разные эпохи палеолита, соотношение между социальным и биологическим, движущие силы процесса становления человека и общества.

Открывший совещание Д. А. Крайнов подчеркнул, что проблема становления человека и общества продолжает волновать не только ученых, но и широкую общественность. Созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическая теория представляет собой цельную систему и является основным ключом для изучения развития исторического процесса. Неправильное ее понимание, искажение или отрицание любого из ее принципиальных положений неизбежно отражается на любой работе. Это в полной мере относится и к проблемам становления человека и общества и смены общественно-экономических формаций. Принципиальное утверждение марксистско-ленинских представлений о социальной сущности человека, о диалектике социального и биологического иногда сталкивается с рецидивами вульгарного социологизма и социобиологизма. Эти взгляды неоднократно встречали отпор, но рецидивы налицо. Необходимо учесть и результаты прежних дискуссий, особенно симпозиума 1968 г. Тогда почти все участники симпозиума признали, что древнейший человек так же, как и Homo sapiens, обладал сознанием и абстрактным мышлением. Его трудовая деятельность была обусловлена не биологическими, а социальными законами, была сознательной, а не рефлекторной. Было единодушно признано, что человеческое общество возникает вместе с человеком и, как бы его ни называть — стадом, ордой, дородовой коммуной, первобытной коммуной и пр., это человеческое общество, а не стадо животных.

За 15 лет, прошедших после симпозиума 1968 г., сделаны новые крупные открытия в области раннего палеолита, появились десятки новых статей и книг по указанной проблеме. Но, в то же время, в печати появились и работы, в которых развиваются взгляды Б. Ф. Поршнева, осужденные участниками симпозиума 1968 г. Поэтому возникла необходимость провести обмен мнениями по этой проблеме.

В докладе «Проблема антропогенеза в связи с новыми данными науки» М. И. Урысон (Институт антропологии МГУ) отметил, что в соответствии с современными естественнонаучными представлениями, основанными на синтезальной концепции Дарвина, антропогенез трактуется как процесс эволюционного преобразования обезьяноподобного предка в человека современного вида (Homo sapiens). Поскольку, однако, человек при всей его социальности — это биологический вид, занимающий вполне определенное место в органическом мире, в частности в отряде приматов, становление человека (антропогенез) есть не что иное, как процесс биологической видовой эволюции, длившийся много миллионов лет и подчинявшийся тем же биологическим законам, которыми управляется эволюция остального органического мира. Согласно современной эволюционной теории, в основе которой

лежит дарвинизм, обогащенный достижениями генетики и молекулярной биологии, важнейшим фактором органической эволюции является естественный отбор. Материалом для него служит мутационная изменчивость. Это значит, что в процессе эволюционного формирования человека, в развитии всех его морфологических структур (мозга, черепа, посткраниального скелета и др.), физиологических особенностей и черт поведения, решающую роль играли мутационная изменчивость и естественный отбор, т. е. те же самые факторы, которые лежат в основе эволюции всех прочих биологических видов.

Однако с появлением древнейших гоминид, т. е. высокоразвитых двуногих приматов (австралопитековых), перешедших от систематического употребления естественных предметов (камней, палок, костей животных) в качестве орудий к их искусственному изготовлению, произошло существенное событие, наложившее отпечаток на все дальнейшее течение процесса биологической эволюции человека. Возник новый тип взаимоотношения организма со средой, не существовавший в период дочеловеческой эволюции. Это — активное приспособление к среде, изменение ее с помощью искусственно созданных орудий, т. е. тот комплекс явлений, который именуется трудовой деятельностью, сыгравшей, как подчеркивал Ф. Энгельс, столь выдающуюся роль в процессе выделения предков человека из животного мира и возникновения человеческого общества.

Значит ли это, что трудовая деятельность коренным образом изменила закономерности эволюционного процесса, преобразовав основные механизмы эволюции, предусмотренные теорией Дарвина? Вытеснил ли труд естественный отбор, став единственной движущей силой эволюции человека, как одно время утверждали многие биологи, антропологи и философы?

В литературе нередко можно встретить высказывания о том, что главными движущими силами процесса антропогенеза были социальные закономерности. Некоторые авторы говорят о «биосоциальных» закономерностях эволюции человека, а самого человека именуют «биосоциальным» видом. Все чаще употребляется термин «антропосоциогенез» для обозначения становления человека и ранних этапов общества как некоего единого и нерасторжимого процесса. Справедливы ли подобные утверждения? Нам кажется, что они ошибочны.

Социальные закономерности управляют развитием человеческого общества, в основе которого лежит материальное производство и все вытекающие из него элементы социальной структуры. Подобно тому как методологически порочно перенесение биологических закономерностей на развитие общества (что ведет к биологизации исторического процесса, социальному дарвинизму и расизму), столь же ошибочно социологизировать биологические процессы, в частности класть в основу эволюции человека как биологического вида социальные закономерности. Равным образом нельзя говорить о каких-то смешанных «биосоциальных» закономерностях.

Как справедливо подчеркивает Я. Я. Рогинский, таких смешанных (биосоциальных) закономерностей не существовало. Преобразование физического типа предков человека, изменение их морфофункциональных особенностей подчинялось биологическим законам. Что же касается орудий труда древних гоминид, то они развивались в силу особенностей производства и совершенствовались путем социальной традиции, т. е. под влиянием новых, социальных закономерностей.

Таким образом, эволюция предков человека и их производственная деятельность подчинялись двум разным закономерностям: первая — биологическим, вторая — социальным, а отнюдь не смешанным (биосоциальным). Дело лишь в том, что биологические и социальные закономерности прилагались к одним и тем же индивидам — носителям коллективной производственной деятельности.

Исходя из этого, термин «антропосоциогенез» представляется неправомерным. Было два процесса: *1*) процесс антропогенеза — становление человека как биологического вида, подчинявшееся биологическим закономерностям; *2*) процесс социогенеза — становление человеческого общества, подчинявшееся социальным закономерностям.

Причина ошибочного употребления термина «антропосоциогенез» заключается в том, что процесс эволюционного формирования человека от Homo habilis через архантропов и палеоантропов до человека современного вида (Homo sapiens) и становление начальных этапов человеческого общества от первобытного стада (олдувай, ашель и мустье) до родового общества (верхний палеолит) протекали параллельно, в рамках одной (хотя и очень продолжительной) эпохи — палеолита.

Но одновременность двух процессов не лишает каждого из них самостоятельности, не означает слияния двух разнородных процессов в один.

Важная особенность процесса антропогенеза заключается в том, что трудовая деятельность изменила направление естественного отбора. С появлением первых орудий труда (олдувайская эпоха) естественный отбор сохранял те особи или группы, которые по своим морфофункциональным особенностям (строение руки, мозга, совершенство прямохождения и др.) были лучше приспособлены к более сложным трудовым навыкам, к изготовлению более эффективных орудий охоты, обладали более высоким уровнем социального поведения, объединялись в более сплоченные коллективы. Тем самым они успешнее создавали искусственную среду (освоение огня, жилище, одежда), а значит, в меньшей степени были подвержены необходимости «телесно» приспосабливаться к изменяющимся условиям среды. В результате этого по мере эволюционного прогресса древнейших и древних людей они все в меньшей степени стали подвергаться действию естественного отбора. Возникла парадоксальная ситуация: под влиянием труда отбор действовал в направлении самоограничения, он как бы работал против самого себя, создавая предпосылки для своего самоустранения.

Лишь с появлением Homo sapiens, на рубеже верхнего палеолита, отбор создал существо, уровень развития мозга и социального поведения которого позволили ему почти полностью выйти из сферы действия естественного отбора и в дальнейшем безгранично развивать технику, культуру и социальные отношения, не подвергаясь сколько-нибудь существенному эволюционному (видовому) преобразованию.

Г. Н. Матюшин (Институт археологии АН СССР) в своем докладе отметил, что начальными причинами антропогенеза могли быть лишь природные особенности прародины человека, ибо прямоходящие гоминиды появились на 3 млн. лет раньше (Лотегем 5,5; Летолил 3,7; Хадар 3,5 млн. лет назад), чем человек (Гона 2,6—2,5; Омо 2,1; Кооби Фора-Олдувай 1,8—1,3 млн. лет назад).

Несмотря на передатировку Кооби Фора с 2,6 до 1,8 млн. лет назад (КБС), перемещение самой древней стоянки на север и удревнение южноафриканских стоянок до 2,6—2,8 млн. лет назад, колыбель человека по-прежнему не выходит за пределы востока Африки и не заходит на запад Африки, где с плиоцена до наших дней обитают практически в неизменном виде антропоиды.

Активизация природных особенностей востока Африки (рифты, вулканизм, тектоника и т. п.) накануне и в начале антропогенеза свидетельствует о закономерной их связи. Материалы Летолила показывают длительность обитания гоминид в условиях активизации мутагенных факторов. Концентрация мощных урановых месторождений и тектоника в плиоцене могли приводить к образованию здесь естественных урановых реакторов типа Окло и усилению мутагенности. Специфика всей фауны востока Африки и отличие ее от фауны запада Африки подтверждает процесс активизации мутагенности на востоке Африки в начале антропогенеза. Сокращение числа хромосом с 48 (антропоиды) до 46 (человек) и другие мутации, видимо, привели к изменениям наследственности гоминид (прямохождение, изменение формы черепа и т. п.). Отсутствие подобных изменений у антропоидов, обитающих на западе Африки, в условиях, отличных от прародины, подтверждает это.

Ослабление средств защиты и добычи пищи у гоминид (потеря клыков, грацильность, потеря двух «рук» из четырех и т. п.) зафиксировано на всех ископаемых останках (Хадар, Летолил). Очевидно, именно это и послужило причиной перехода от случайного использования орудий (что прослежено у антропоидов) к систематическому у гоминид, что привело к появлению около 2,5 млн. лет назад техники изготовления каменных орудий — единственному существенному отличию человека от других гоминид и единственному способу сохранения от гибели человека, как вида.

Последующие изменения морфологии человека, обусловленные геомагнитными инверсиями, не могли играть существенной роли в истории человеческого общества, ибо с начала раннего палеолита она определялась развитием способа производства материальных благ.

С. В. Смирнов (Институт археологии АН УССР) в докладе «Спорные вопросы становления человека и общества» отметил, что проблема антропогенеза имеет ярко выраженный мировоззренческий характер. В зависимости от того, как наука определяет сущность человека, определяется механизм его происхождения. Поэтому считается, что конструктивным принципом теории антропогенеза является сущ-

ность человека. Методология марксизма защищает монистические представления о человеке. Человек — существо биосоциальное по природе и социальное по своей сущности. Природное и социальное в человеке субординировано: ведущим является социальное, природное — основа социального, оно, по К. Марксу, является носителем высшего качества, к тому же природное представлено в человеке наиболее высокоразвитыми формами биологического движения. Отсюда вытекают два важных следствия. Во-первых, становление человека, его психических и физических свойств, определяющих способность к социальной жизнедеятельности, есть процесс непременно целостный. Во-вторых, даже сама постановка вопроса о наличии уже сложившихся социальных феноменов в досапиентных формах развития гоминид ошибочна.

Антропогенез — это переходный период от мира животных к человеческому обществу, состояние в котором биологическое в его чистом виде уже было преодолено, а социальное еще не сформировалось. Обоснованная Ф. Энгельсом идея переходности отрицает возможность поиска уже сложившихся социальных феноменов и самого общественного человека в антропогенезе. Она ориентирует исследователя на изучение генезиса человека и способа его существования. В переходном периоде могли существовать только переходные, по словам Ф. Энгельса, существа, названные им формирующимися людьми. Достижением переходного периода, по Ф. Энгельсу, явилось возникновение членораздельной речи. Поскольку он утверждал, что «объяснение возникновения языка из труда и вместе с трудом является единственно правильным», вторым важным следствием переходного периода явилось возникновение сознательного человеческого труда.

Становление человека есть становление человеческой сущности. Она раскрывается в предметно-практической деятельности, в труде, в производстве. Становление человека, следовательно, есть становление труда, производства, социальных связей и других феноменов, определяющих его качественное своеобразие. Трудовая деятельность в процессе своего становления вовлекает в свою орбиту все другие факторы развития, формирует психические и физические свойства человека, его сознание, язык и коллективность. Иными словами, трудовая деятельность в процессе своего становления формирует человека как субъекта труда. Сказанное объясняет смысл фразы «труд создал самого человека».

Таким образом, целостность, переходность и труд выступают в трудовой теории антропогенеза в качестве ее фундаментальных принципов. Эти принципы — не предмет дискуссий, не схоластические логические построения, не спекуляция с понятиями: они те исходные методологические ориентиры, которые должны лежать в основе оценки конкретных фактов. Они не служат критериями для анализа разногласий между философами и представителями конкретных наук.

Модные в археологии и антропологии идеи о том, что антропогенез есть биологический процесс становления вида Homo sapiens и что он наступает после социогенеза как процесса формирования социальных связей, принципиально неверны. Во-первых, они противоречат принципу целостности и монистическим представлениям о человеке, возрождают дуалистические представления о развитии человека. Во-вторых, они игнорируют тот факт, что сознательное поведение не может возникнуть до завершения процесса формирования органа сознания — человеческого мозга и возникновения форм общественного сознания — искусства и религиозных верований. В-третьих, они переносят становление социальных феноменов в сферу жизнедеятельности биологических предшественников человека, чего не могло быть, ибо социальность есть результат очеловечения обезьяны, а не результат собственно биологического развития. Указанные ошибки искажают диалектико-материалистическую трактовку антропогенеза.

Генезис системы средств труда в антропогенезе выглядит следующим образом. На этапе архантропа имеются разнообразные, но еще примитивные орудия для добывания средств к жизни. Специальных орудий для орудий еще нет: их роль выполняют необработанные природные предметы. На этапе палеоантропа орудия для добывания средств к жизни совершенствуются. Для их изготовления используются необработанные природные предметы, отщепы и обломки искусственного происхождения, для этих же целей начинают широко использоваться орудия, предназначенные для добывания средств к жизни. И лишь в позднем палеолите возникают подлинные орудия для орудий, означавшие окончательное сложение системы средств труда.

Цель науки заключается в раскрытии целостности изучаемых объектов на основе внутренних противоречий. Противоречивость целостного процесса антропогенеза заключается в одновременном действии естественного отбора и сложной орудийной деятельности. Отбор уже потерял значение направляющего фактора, ибо его действие регулировалось орудийной деятельностью. Орудийная деятельность в силу неразвитости еще не смогла взять на себя все приспособительные функции и упразднить действие отбора. При переходе к позднему палеолиту орудийная деятельность превращается в труд и упраздняет естественный отбор. Эпоха антропогенеза сменяется эпохой исторического развития окончательно выделившегося из животного мира человечества.

Теория антропогенеза — сложнейшая философская и общесоциологическая проблема, и преодоление разногласий между философами и представителями конкретных наук возможно только при условии философского осмысления имеющихся в их распоряжении конкретных фактов и отказа от эмпирических средств построения теоретического знания.

В докладе В. Н. Гладилина и В. И. Ситливого (Археологический музей АН УССР) сделана попытка на основе последних открытий в Восточной Африке выделить стадию развития орудий, предшествующую олдувайской. По мнению авторов, олдувайские индустрии достаточно сложны и им должны предшествовать более примитивные орудия. Такие орудия найдены в отложениях формации Шунгура (Эфиопия), датируемых от 2 до 2,7 млн. лет. Некоторые изделия обнаружены в четких стратиграфических условиях, другие собраны на поверхности. Во всех пунктах не встречены изделия типа чопперов, чоппингов. Основная масса находок представлена бесформенными мелкими осколками, редко отщепами длиной 1—4 см. Докладчики считают, что неоправданно во всех случаях искусственную обработку камня связывать с наличием элементарных археологических признаков — ударной площадки, бугорка, точки удара и т. п. При хаотическом разбивании, дроблении такие признаки отсутствуют. Именно такую технику использовали самые древние изготовители орудий. Полученные изделия применялись для совершения разных операций, в том числе и разделки туш животных.

Доклад «Становление сознания как важнейшего социального фактора антропогенеза» А. Д. Столяр (ЛГУ) начал с негативной оценки работ Ю. И. Ефимова и С. В. Смирнова. Он высказался против излишней биологизации антропогенеза и придания ему неопределенного статуса. Понятия «готовое общество», формирующийся труд и т. д. едва ли правомерны. Мы можем считать себя готовыми людьми лишь на срезе нашего времени. Докладчик обратил внимание на то, что социальные закономерности, хотя и достаточно слабые, появляются на самой ранней стадии антропогенеза. Человек — это новая форма жизнедеятельности. Даже в своей изначальной форме труд предполагал целенаправленность, осознанность в качественно новых формах. Недостаточное внимание, согласно А. Д. Столяру, уделяется вопросам изучения человеческого интеллекта, сознания. Каждое изделие следует рассматривать как материализованное сознание. В ашельское время появляются модели орудий. В мустье они становятся еще более сложными. Около 250 тыс. лет назад возникла элементарная теоретическая или предтеоретическая деятельность, не направленная непосредственно на получение материальных благ. Нелогично в свете сказанного делать различие между ранним и средним палеолитом, с одной стороны, и верхним палеолитом — с другой. Труд в палеолите не был рефлекторным. Появлению развитого сознания у верхнепалеолитического человека предшествовала колоссальная работа по его формированию в предшествующие эпохи.

Последним был доклад А. П. Пестрякова (Институт этнографии АН СССР) «Изменчивость абсолютной величины нейрокраниума в постпалеолитическое время (территория Европы и Дальнего Востока)». Как отмечал докладчик, величина головного мозга (вместимость мозговой капсулы нейрокраниума) — важнейший морфологический признак, прогрессивное увеличение которого обусловило антропогенез, т. е. биологическую эволюцию человека. Гипотетический предок человека (хабилис) имел мозг объемом около 600 см³, питекантроп — 900—1000 см³, синантроп — 1100—1200 см³, поздний палеоантроп — 1500—1600 см³, верхнепалеолитический неоантроп (представленный в основном территорией Европы) — 1550 см³ (данные по мужскому полу). Современный человек имеет объем головного мозга (в среднем чуть менее 1400 см³), меньший, чем более ранние верхнепалеолитические формы и даже

мустьерские палеоантропы (неандертальцы). Этот факт требует специального исследования, так как он будто противоречит палеонтологическому принципу Долло, утверждающему необратимость эволюционной изменчивости морфологических признаков. Мы имеем лишь фрагментарные данные по географической изменчивости абсолютной величины головного мозга современного человека. Поэтому почти на 300 современных краниологических сериях мы изучили панэйкуменную изменчивость условного объема черепа (M^3), вычисляемого по формуле $M^3 = \frac{0{,}1l \cdot 0{,}1b \cdot 0{,}1h}{2}$ где l, b, h — длина, ширина, высота черепа соответственно, выраженные в миллиметрах. Внутригрупповая корреляция M^3 с величиной реального объема мозговой капсулы очень велика (как правило, 0,7—0,8). Следовательно, географическая изменчивость условного объема черепа (M^3) современного человечества адекватно отражает изменчивость реального объема мозгового черепа. Последний равен 80—85% первого признака. Исследования географических закономерностей изменчивости параметра M^3 показывают, что его величина в тропических регионах Старого Света (Африка, Аравия, Индия, Индонезия с Новой Гвинеей и Меланезией) несколько меньше, чем в Европе, на востоке Евразии и в Новом Свете. Это очень важный факт для интерпретации хронологической изменчивости объема эндокраниума на изучаемой территории Европы и Дальнего Востока. Была проанализирована хронологическая изменчивость параметра M^3 на территории Европы и Дальнего Востока (в основном Китай и Япония) от верхнего палеолита до современности включительно. Параметр M^3 (условный объем черепа) был вычислен для различных эпох на следующем краниологическом материале (все черепа мужские). Для Европы: верхний палеолит — 16 черепов, мезолит — 52 черепа, неолит и бронза — 21 краниологическая серия (не менее 10 черепов в каждой), средневековье — 36 серий, современность — 30 серий. Для Дальнего Востока: верхний палеолит — 2 черепа (Шандиндун и Дуньдяньянь), мезолит — 1 череп (Куиньван), неолит — 3 серии из Китая (Баоци, Баньпо, Хуасянь) и 3 серии из Японии (Дземон), бронза — 1 большая серия иньского времени (Сибэйган), современность — 4 серии из Северного Китая и большая сборная японская серия (651 череп). Обнаружена выраженная тенденция к уменьшению параметра M^3, а следовательно, реального объема мозговой капсулы, как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Наиболее заметно уменьшение этого параметра в Европе падает на эпоху неолита, а в Китае — на эпоху поздней бронзы (иньское время). Это уменьшение абсолютных размеров мозговой капсулы не может быть объяснено сглаживанием надбровного и затылочного рельефа черепа (грацилизацией), так как обнаружена выраженная тенденция хронологического уменьшения также и высотного диаметра черепа. Следовательно, мы имеем дело с фактом реального уменьшения объема мозговой капсулы черепа на исследуемых территориях Европы и Дальнего Востока со времени верхнего палеолита до современности, с основной переломной эпохой, приходящейся на время неолита— бронзы. Эта тенденция идет вразрез с общим процессом эволюционного увеличения величины головного мозга в процессе антропогенеза. С нашей точки зрения, уменьшение абсолютной величины мозговой капсулы на территории Европы и Дальнего Востока объясняется вторжением демографически более плотного массива неолитических этносов с производящим типом хозяйства из очагов, расположенных ближе к тропическим зонам. А именно из обширной территории, включающей Северо-Восточную Африку, Ближний и Средний Восток, Индию, Индокитай, где и в настоящее время обитает наиболее мелкоголовое население.

Реликты крупноголового краниологического типа донеолитического населения Европы и Дальнего Востока сохранились на периферии этих регионов (северо-запад Европы, Восточная Сибирь, айны Хоккайдо и Сахалина, Микронезия и Полинезия). Это подтверждается краниологическими данными по современному населению упомянутых территорий.

При обсуждении докладов поднимались и вопросы, не затронутые в них, но имеющие отношение к теме дискуссии. Так, рассматривались соответствующие разделы недавно выпущенной книги «История первобытного общества» (М., 1983). П. И. Борисковский признал большую важность анализа таких проблем, как грань между человеком и животным, теория двух скачков и т. п. Но это не должно превратиться в «бесплодный талмудизм». Нельзя отрываться от археологических, этнографических и антропологических фактов. Конечно же, факты нужно рассмат-

ривать на теоретическом фоне. Однако можно взять на себя смелость утверждать, говорит П. И. Борисковский, что открытие П. П. Ефименко многоочажных жилищ в Костенках, А. П. Чернышем мустьерских жилищ в Молодово или О. Н. Бадером интересного погребения в Сунгире оказались для теории первобытнообщинного строя полезней, чем теоретические работы некоторых авторов. По мнению выступающего, прародина человечества захватывает не только Африку, но также юг Европы и Азии. Свидетельством тому являются находки преашельских изделий в Азыхе (Азербайджан), Валлоне, Бильцингслебене. Важны костные остатки рудапитека (сходного с рамапитеком) на территории Венгрии. Что касается находок Ю. А. Мочанова в Якутии, то, хотя они имеют архаичный облик, возраст их пока неясен.

Д. А. Ольдерроге также затронул вопрос о прародине человечества. Как и П. И. Борисковский, он призвал к осторожности в решении этого вопроса. На территории Африки было несколько центров происхождения цивилизации. Касаясь докладов Г. Н. Матюшина, Д. А. Ольдерроге сказал, что нельзя признать непреложной истиной факт появления человека в результате мутации. В лучшем случае это можно принять как гипотезу. Мутации происходят и не только по тем причинам, на которые указывал Г. Н. Матюшин. Д. А. Ольдерроге обратил внимание на то, что в африканских и некоторых азиатских языках камень обозначается и как просто камень, и как камень, дающий при раскалывании острые грани.

Н. А. Бутинов отрицательно отнесся к утверждению отдельных авторов о нечеловеческом труде у палеоантропов, которые в физическом, а может быть, и в интеллектуальном отношении мало чем отличались от кроманьонцев. Животные черты характерны и для современных людей. Борьба зоологического и социального не закончилась и в верхнем палеолите. Исходя из обширных этнографических данных по Австралии, Тасмании, Новой Гвинеи и другим территориям, можно рассматривать первобытное стадо как незамкнутую, нестабильную орду с аморфной структурой. Стадо состояло из отдельных семей. Количество людей в стаде в зависимости от сезона менялось. Семьи могли переходить из одного стада в другое. Для стадного образа жизни было характерно противоречие между зоологическим индивидуализмом и социальным (еще слабым) коллективизмом. Ю. И. Семенов явно преувеличивает роль половых и пищевых инстинктов в первобытном обществе. Для преодоления пищевого инстинкта люди должны были трудиться. Настоящее распределение пищи произошло скорее всего не путем введения табу, а с появлением экзогамии. Она положила начало прежде всего запрету браков, а не способствовала ликвидации половых отношений в пределах стада. Н. А. Бутинов считает, что семья досталась человеку в наследство от животных. Семьи существуют практически у всех сохранившихся отсталых обществ. Безусловно, неправ Ю. И. Семенов, полагая, что даже в верхнем палеолите не существовало семьи — был групповой брак. На деле половые инстинкты проявлялись в пределах семьи, но не стада.

В. М. Массон сказал, что достаточно вспомнить характеристику эпохи питекантропов, которая давалась еще в довоенных учебниках, как безнадежно примитивных существ, чтобы представить тот информационный скачок, который был совершен после африканских открытий 60-х и 70-х годов. Новые открытия и наблюдения связаны с тремя видами источников: палеоантропологией, археологией и приматологией, особенно в ее этологических аспектах. Очень важна методологическая оценка информационных возможностей этих различных видов источников и особенно их взаимозависимости для адекватного использования при исторических реконструкциях. Палеоантропология весьма ограничена в реконструкции поведенческой деятельности, тогда как археологические материалы дают материализованные, предметные результаты такой поведенческой деятельности, выводящие в конечном итоге на древний социум, разумеется, с правильным использованием метода аналогий или моделей, опирающихся на палеоантропологические свидетельства или на этологию. Имеются призывы к построению периодизации эпохи палеолита на основе изменения форм производственных отношений на протяжении первобытной эпохи. Однако если материально-хозяйственная деятельность может быть в той или иной мере обоснована конкретными материалами археологии (надо только изучать их в реальных комплексах, а не выдергивать отдельные примеры для иллюстрации надуманных построений), то с производственными отношениями для обществ более архаических, чем самые архаические группировки, известные этнографии, дело

обстоит значительно хуже. Право же, если для одной, естественно, более ранней эпохи мы будем говорить о «раннепервобытной общине», а другой, более поздней, о «позднепервобытной общине», то едва ли эти термины проясняют разницу производственных отношений на содержательном уровне, не говоря уже о предельной сложности конкретных привязок к реальным историческим периодам, устанавливаемым археологией и, кроме археологии, ни одной другой исторической дисциплине не известным.

Устойчивость традиционного эволюционистического мышления до сих пор стоит на пути реального использования в исторической науке подлинно диалектического подхода с установлением качественных рубежей общественного процесса. С этим связано и стремление растянуть на 2 млн. лет период формирования человека и общества, уже после появления бесспорных орудий труда. Возможно, психологически довлеет и обезьяноподобность палеоантропологических реконструкций. Однако для мустье Ближнего Востока, например, с его огромным фактическим материалом совершенно бесспорно устанавливается отсутствие жесткой связи между прогрессивным антропологическим типом и развитым обликом древних каменных индустрий. Нельзя не заметить, что в разных изданиях сдвигается и грань между «готовым» и «неготовым» обществом и человеком. Наследие теории двух скачков кладет эту грань на начало верхнего палеолита. В только что изданной «Истории первобытного общества», авторы которой с сочувствием повествуют о гигантском периоде формирующегося общества и человека, эта грань уже опускается вниз «по крайней мере в эпоху палеоантропов». Ю. В. Бромлей даже ставил вопрос о том, что в особых условиях у прогрессивно развивающихся популяций поворот в социогенезе опережал поворот в антропогенезе. С чем связано такое углубление? Только с одним — с новыми открытиями в сфере археологии. Именно эти открытия должны быть исходной фактологической базой для исторических реконструкций. Новые открытия, от системы погребального обряда до свидетельств развития сознания, поднимают неандертальца, в целом мало симпатичного на графических реконструкциях, на куда более высокую ступень. После открытия тщательно организованного жилища в Лазаре грань архаизма стремительно уходит вниз.

Олдувай одно время замалчивали. И хотя сейчас положение изменилось, в литературе продолжают встречаться оговорки относительно достоверности следов домостроительства и прочих явлений материальной культуры, свидетельствующих о достаточно цельной системе жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Надо смело смотреть в глаза новым фактам и осмыслять их с позиций материалистического понимания истории. В эту эпоху мы имеем постоянные, видимо, базовые стойбища с овальными жилищами, хорошо изученными, в частности, в Мелка-Контуре. Орудия из камня примитивны, но достаточно разнообразны. Они свидетельствуют о систематическом и целенаправленном производстве. Даже сырье для изготовления орудий иногда приносилось за несколько десятков километров. Есть свидетельства обработки кости. Часть каменных орудий служила для обработки дерева, которое шло и на ветровые заслоны, кольцеобразные в плане. Даже если встать на путь формализованных (если не сказать схоластических, логикообразных) рассуждений, то здесь налицо изготовление (именно изготовление!) орудий для обработки других орудий. Налицо свидетельства и регулярной охоты как основного источника мясной пищи, и благоустройства мест обитания. Таким образом, перед нами целая система, качественно новый образ жизни. Складывается та культурная подсистема, которую Э. С. Маркарян предложил назвать культурой жизнеобеспечения. Это решающий скачок, качественный рубеж. Эпоху формирования скорее всего надо относить к поре тех австралопитековых, которые оставляют следы двуногого хождения и для которых, кстати, имеются и свидетельства использования грубообббитых камней. Я полностью согласен с М. И. Урысоном, когда он использует находки орудий (добавим, лучше всего — целого орудийного комплекса) как диагностирующий признак для человека.

Принцип целостности очень важен, но его следует прилагать к действительно целостным явлениям. О необходимости четкого различения биологического и социального и о противоречивой диалектической природе их взаимодействия хорошо говорит опять-таки М. И. Урысон. Судя по всему, именно Олдувай был решающим, качественным рубежом появления, пусть еще в архаической форме, культурного комплекса, явления, не свойственного ни одному виду животных. Затем следовал ряд качественных рубежей развития, которые устанавливает не этнография,

а археологические открытия, рисующие прогресс материального производства, а также с определенных эпох и других видов жизнедеятельности вплоть до сознания. Методологически обоснованное использование конкретных материалов для исторических реконструкций — наиболее надежный путь исследования. Сбалансированная взаимозависимость источников разного рода — залог успеха.

В. П. Любин коснулся вопроса о прародине человечества. Гипотеза евразиатской прародины человечества с включением Средней Азии и Кавказа может быть оспорена по двум причинам: *1*) на этой территории не обнаружены те звенья, которые должны располагаться между удабнопитеком и ранними из найденных здесь следами обитания нижнепалеолитических людей; *2*) из Европы и Азии антропоидные обезьяны исчезли, наверное, по климатическим причинам еще в плиоцене. Наиболее вероятным местом зарождения человечества следует признать Восточную Африку. Именно здесь прослежен наиболее полный генетический ряд ископаемых гоминид, в том числе и самых ранних их представителей, датируемых около 5 млн. лет. В Африке открыты и самые древние галечные индустрии, возраст которых не моложе 2,6 млн. лет. На территории Южной Азии и Европы столь древние находки не обнаружены. В Европе первые люди появились не ранее 1 млн. лет назад.

Специально В. П. Любин остановился на разборе некоторых положений Ю. И. Семенова в книге «История первобытного общества», а также проанализировал отдельные выводы С. В. Смирнова. Разделы Ю. И. Семенова вызывают серьезные возражения прежде всего потому, что основной фактологической базой построений служат данные этнографии, а археологические материалы привлекаются выборочно и несистематически. Этот недостаток присущ и введению, написанному А. И. Першицем, который, кстати, отрицает все периодизации, кроме этнографически ориентированной периодизации Ю. И. Семенова.

Периодизация первобытного общества, предложенная Ю. И. Семеновым, исходит из принципа распределения продуктов потребления, обуславливаемого характером производства. Впервые производственная (орудийная) деятельность возникла в олдувайскую эпоху, но она была тогда животнообразной, условнорефлекторной (не существовало стандартизированных орудий) и распределения продуктов потребления в то время не было (существовала система доминирования). Олдувайцы не были еще людьми (предлюди) и составляли объединения животных (производство орудий само по себе еще недостаточный признак человека). В силу этого в эту эпоху не возникли еще ни производственные отношения, ни производство в целом. Процесс производства как таковой возник лишь 1 млн. лет назад с появлением стандартизованных орудий (ручные рубила) и коммуналистических (общественных) отношений, определивших равнообеспечивающее распределение продуктов потребления. Только с этого времени следует говорить о становлении человека (питекантропы и неандертальцы — формирующиеся люди) и общества. Подлинные же люди (готовые) и подлинное общество возникло только с начала верхнего палеолита.

А. И. Першиц считает указанную периодизацию наиболее универсальной, наиболее монистически выдержанной. Принцип, положенный в основу этой периодизации, правильный: различение исторических эпох не по признаку технической вооруженности труда, а по признаку производственных отношений, в рамках которых совершался этот труд. Но эта периодизация, как и многие другие, является эклектической (термин А. И. Першица, не заслуживающий, на наш взгляд, осуждения), хотя теоретическая основа ее этнографическая (ретроспекция первобытнообщинных порядков современных отсталых народов на древние палеолитические эпохи). В целом, однако, эта периодизация воспринимается как построение искусственное, произвольное, умозрительное. Имею в виду не столько терминологию автора (термин «эолит» имеет в науке иное содержание; термин «археолит» предлагался ранее, но не прижился в науке и т. д.), сколько безапелляционные утверждения о том, что олдувай относится к дочеловеческой стадии развития, что первые (формирующиеся) люди появились лишь с началом изготовления ручных рубил, что в ашеле и мустье производственная деятельность не переставала быть рефлекторной и т. д. Категоричность утверждений не подкреплена доказательствами.

Схема Ю. И. Семенова может быть принята только как гипотеза. Ее главный недостаток — недооценка археологических источников. Только конкретные археологические материалы могут доставить достоверные данные о социальных отношениях

древних эпох. В каменных орудиях олдувая и ашеля закодирована важнейшая информация о взаимных связях и отношениях людей в процессе производства. Количество олдувайских и ашельских материалов все возрастает, но типология тех и других, к сожалению, разработана пока недостаточно, что затрудняет их интерпретацию. Отмечу и условность деления ранних гоминид на предлюдей и пралюдей, пограничной вехой между которыми является ручное рубило. Веха эта ненадежна и во времени, и в пространстве: ашельские бифасы — явление не обязательно синхронное и повсеместное (их нет во многих областях Европы и Азии). Наконец, истоки стандартизации орудий и известной выработанности приемов обработки камня могут быть прослежены не только на примере ручных рубил; они очевидны и для комплексов без рубил и в какой-то мере для комплексов доашельских.

При рассмотрении так называемой неандертальской проблемы и особенностей развития поздних палеоантропов Ю. И. Семенов снова конструирует модель, опирающуюся на данные этнографии. Он предлагает гипотезу о возникновении в мустьерское время тотемизма, явившегося первоначальной формой осознания человеческого коллектива. Тотемом, становится животное, которое было главным объектом охоты и остатки которого преобладают на той или иной стоянке. С возникновением тотемизма члены разных общин были разделены непреодолимой гранью, что в конечном счете привело к изоляции этих общин, к инбридингу, к застойности и даже регрессу каменных индустрий. В результате стала невозможна сапиентизация, дальнейшее развитие производственной деятельности и т. д.

Гипотеза эта — стройная на первый взгляд — не находит подтверждения в археологических материалах. Если тотемное животное являлось главным объектом охоты, то как быть с тем обстоятельством, что в ряде областей таким животным был только один вид? Так, в обширной альпийской области и в Западном Закавказье в мустьерское время таким видом был пещерный медведь. Следовательно, тотемный вид здесь был одним и тем же у большого числа соседствующих коллективов и постулируемое Ю. И. Семеновым осознание (в форме тотемизма) отличия всех членов одного коллектива от всех других групп с «иным тотемом, иной плотью и кровью» не имело места.

Представление о застойном характере позднемустьерских индустрий также не может быть принято. В многослойных мустьерских стоянках (Кударо I, Джручула, Таглар, Баракаевская и др.) прослеживаются последовательные этапы развития каменных индустрий, совершенствование техники первичной и вторичной обработки. Против «теории застойности» свидетельствуют и такие достижения мустьерской эпохи, как домостроительство, погребения и т. д.

Н. М. Ермолова замечает, что для иллюстрации биологической эволюции человека логичней использовать термин не «антропогенез», а «морфогенез». Антропогенез включает как биологическое, так и социальное. Наличие примитивных орудий не всегда указывает на принадлежность их человеку. Их могли изготавливать и австралопитеки. Не полностью ясна обусловленность мутаций, способствующих, по Г. Н. Матюшину, появлению человека. Мутации могут осуществляться и без обусловленных физических явлений. И почему мутировали только люди, а не обезьяны? Неправомерны попытки сравнивать древних людей с современными, специализированными по сути дела приматами. Эволюционируют обычно неспециализированные формы. Отсутствующие органы защиты у наших предков были заменены орудиями. Н. М. Ермолова допускает существование на начальных этапах антропогенеза института семьи.

В. Н. Гладилин подверг критике тезис С. В. Смирнова о появлении орудий для изготовления орудий только в верхнем палеолите. Чопперы, колуны и рубила скорее всего служили преимущественно для обработки дерева с целью отопления, постройки жилищ, а также изготовления рогатин, копий, дубин и т. п., т. е. оружия. Другой пример — скобели. Этими орудиями можно выделывать только охотничье оружие. И в нижнем палеолите были орудия для изготовления орудий. В верхнем палеолите специализированных орудий не так уж много. С. В. Смирнов поддался заранее запрограммированным теоретическим построениям. Как объяснить такие факты, как отсутствие перехода на некоторых территориях Африки и Юго-Восточной Азии раннего палеолита в поздний? В последнем районе во время европейского позднего палеолита существовали главным образом галечные индустрии. Значит, это не настоящие орудия? Но тогда позволительно спросить, а где же в Юго-Восточной Азии настоящие орудия?

А. К. Филиппов поддержал мнение биологов, признающих различие биологических и социальных закономерностей в антропогенезе. Происхождение человека — сложный процесс, который развивался естественным путем без какого-то внешнего пускового механизма. Необходимо обращать внимание на такие сложные явления у наших предков, как прямохождение, манипулятивная деятельность (прежде всего), сигнализация и т. п. Многие философы используют археологические данные неверно и наивно. Трудно согласиться с теми, кто называет ранний палеолит переходным этапом. Мы и сейчас находимся на переходном этапе. Здесь не следует смешивать философскую и конкретно-научную плоскости суждений. Орудия олдувая указывают на весьма сложную деятельность ранних людей, в том числе и интеллектуальную. Так, расщепление нуклеуса является исключительно многоплановым технологическим процессом. Здесь проявляются планирование, целенаправленность и воля.

С. Н. Астахов обратил внимание на большую роль огня в процессе формирования человека. Наиболее ранние свидетельства появления огня относятся ко времени 300—700 тыс. и даже около 1,5 млн. лет назад. Каждый живой организм живет за счет усвоения энергии. Огонь — это внешний искусственный источник энергии. Вареное мясо для усвоения требует меньше энергозатрат. Дальнейшая история человечества — освоение все новых и новых видов энергии. Велика роль огня для производственной деятельности, охоты и рыболовства. Не случайно Ф. Энгельс придавал факту освоения огня особое значение, считая, что от данного события начинается человеческая история.

Н. К. Анисюткин посвятил свое выступление периодизации палеолита. Он отметил, что в настоящее время существуют две периодизации. Первая основана на эпохах развития: олдувай, ашель, мустье и верхний палеолит. Вторая предусматривает более крупные хронологические подразделения. Периодизация второго типа разработана, в частности, Г. Бозинским для памятников палеолита в междуречье Эльбы и Одера. В обоих случаях границы между временными подразделениями остаются недостаточно обоснованными и ясными. У названного выше исследователя грань между ранним и средним палеолитом проводится на основе локальных группировок памятников и с учетом появления техники леваллуа. Однако некоторые индустрии развились из ашельских и клектонских комплексов в направлении верхнепалеолитических, минуя стадию леваллуа. Периодизация палеолита, изложенная Ю. И. Семеновым,— это по сути дела периодизация Г. Бозинского, но в ином оформлении.

М. В. Аникович отметил, что в проблеме антропогенеза отчетливо выделяются противоречивые моменты, не получающие в настоящее время однозначного решения. Для того чтобы подобное решение стало возможным, необходимо не затушевывать, а, напротив, выявлять, подчеркивать возникающие противоречия.

М. И. Урысон в своем докладе подчеркнул, что он рассматривает антропогенез (морфогенез) и социогенез как два самостоятельных процесса, каждый из которых протекает по своим законам: первый — по биологическим, второй — по социальным. С. В. Смирнов и в своей книге, и в прочитанном здесь докладе выступает решительно против такого подхода. Он считает, что процесс становления человека является целостным процессом и должен изучаться соответствующим образом — как антропосоциогенез. Ведущую роль в этом едином процессе играет социальная сторона — трудовая деятельность. Отвлеченно рассуждая, вторая точка зрения кажется более правильной. Но на современном уровне знания биологических законов вторая точка зрения не реализуется на конкретном уровне: невозможно представить конкретный механизм «социобиогенеза», при котором биологическое опосредовывалось бы социальным. Главное препятствие этому — о чем подробно и доказательно говорил М. И. Урысон — состоит в общепризнанном ныне биологическом законе, согласно которому приобретенные признаки не наследуются. В силу действия этого закона картина морфогенеза, происходящего под воздействием трудовой деятельности, созданная, когда об упомянутом выше законе еще не было известно, и ныне оказывается неудовлетворительной. Следовательно, как бы ни привлекала нас идея о единстве социального и биологического в процессе антропогенеза, до тех пор, пока не будет раскрыт конкретный механизм такого взаимодействия, но уже на современном научном уровне, все призывы к целостному подходу останутся втуне, а точка зрения, разделяющая социальное и биологическое в процессе антропогенеза, останется более соответствующей современным на-

учным данным. С. В. Смирнов не осознал, насколько серьезными оказались последствия развития биологии в XX в. для общего подхода к проблеме антропогенеза. Представляется совершенно невозможным призывать к «целостному подходу» и в то же время трактовать упомянутый закон как нечто сугубо специальное, малозначащее для философского осмысления проблемы антропогенеза.

Явно несостоятельна попытка свести объяснение антропогенеза к внешним факторам, провоцировавшим усиление мутаций. Г. Н. Матюшин, критикуя популярную в свое время гипотезу, также сводившую начало антропогенеза к внешнему фактору (изменение природных условий, в которых обитали древнейшие антропоиды), упомянул, что гипотеза эта в сущности вполне согласуется с библейским мифом об «изгнании из рая». Но, рассуждая подобным образом, не менее легко согласовать с библией и гипотезу самого Г. Н. Матюшина, согласно которой все известные нам ступени в ходе антропогенеза целиком и полностью определялись воздействием опять-таки внешних условий, точнее даже, неожиданных и единовременных изменений внешней среды (усиление радиоактивности, изменение магнитной полярности и проч.). Нетрудно связать каждый из таких внешних толчков с «божественным вмешательством». Разумеется, Г. Н. Матюшин далек от подобных увязок. Но любые гипотезы, ищущие причины развития любого явления не в нем самом, а только в воздействии каких бы то ни было внешних факторов, неизбежно остаются крайне односторонними, не затрагивающими сущности изучаемого явления, и уже тем самым открывают возможность для теологических толкований.

Серьезным препятствием для понимания сущности процесса антропогенеза является предвзятое отношение к существам современного вида, своего рода «сапиенсоцентризм», заключающийся в том, что человек современного вида — Homo sapiens рассматривается как завершенная форма, с возникновением которой наступил конец биологической эволюции рода Homo, завершился морфогенез и дальнейшее развитие протекает уже только в рамках социогенеза. Эта успокоительная точка зрения, позволяющая нам смотреть на себя как на «венец творения», является краеугольным камнем «теории двух скачков» во всех ее вариантах, включая и предложенный недавно в книге С. В. Смирнова. Но есть ли достаточно убедительные основания для таких выводов? Сравнивая мустьерскую культуру, созданную неандертальцами с верхнепалеолитической, созданной людьми современного вида, сапиенсами, убеждаешься в том, что важнейшие элементы подлинно человеческой, социальной жизнедеятельности (постольку, поскольку социальное вообще может быть прослежено в настоящее время на археологическом материале) ярко проявляются уже в мустьерскую эпоху, причем формы этого проявления близки к верхнепалеолитическим (хотя и не тождественны). Попытки представить мустьерские проявления социального как «не вполне сформировавшиеся» в противовес верхнепалеолитическим, трактуемым как «полностью оформившиеся», в свете растущих фактических данных выглядят декларативными, надуманными, а подчас прямо противоречат фактам. Так, по С. В. Смирнову, поздний палеолит принципиально отличен от мустьерской эпохи характером средств труда: в позднем палеолите уже четко сформировались две основные группы орудий — «группа А» (орудия производства для производства орудий производства) и «группа Б» (орудия производства для производства предметов потребления), тогда как в мустье преднамеренно изготовленных орудий «группы А» еще не было, для изготовления орудий производства использовались естественные предметы случайных форм (например, осколки костей в качестве ретушеров). Даже опуская вопрос о правомочности употребления для столь древних эпох политэкономических категорий, разработанных для анализа капиталистического способа производства, необходимо отметить, что утверждение, будто в мустье не было преднамеренно изготовленных орудий для производства орудий труда, попросту неверно. Сейчас в результате трасологического анализа мустьерских орудий доказано наличие среди них особых форм, специально предназначавшихся для обработки дерева. А как следует рассматривать те же мустьерские резцы, о которых упоминает С. В. Смирнов? Ссылка на то, что в мустьерскую эпоху орудий «группы А» было меньше, чем в позднепалеолитическую, ничего не доказывает, так как и в позднем палеолите подобных орудий было ничтожно мало; общий их список едва насчитывает полдесятка наименований. Так что если уж придавать возникновению орудий труда для производства орудий труда столь глобальное значение, решающим моментом приходится считать не количество, а сам факт их появления — в мустьерскую эпоху. Так же

дело обстоит с любой существенной стороной человеческой деятельности, фиксируемой в археологическом материале: домостроительство, погребения, изобразительная деятельность и проч. Рассмотрим ли мы подобные явления в отдельности или совокупно, в любом случае приходится убедиться в том, что все они достаточно ярко и недвусмысленно проявляются по крайней мере уже в мустьерскую эпоху! Все рассуждения о том, что здесь имеет место чисто внешнее сходство, тогда как сущность подобных явлений в мустье и в позднем палеолите различна, или же что в мустье эти явления фиксируют «не вполне» сложившееся социальное, а в позднем палеолите — уже «вполне сложившееся»,— все подобные рассуждения совершенно не убедительны, ибо единственной основой для таких заключений является тот факт, что мустьерская культура связана с деятельностью неандертальцев, а позднепалеолитическая — с деятельностью сапиенсов. Иными словами, для доказательства тезиса о том, что человек стал «полностью социальным» («готовым человеком») только на стадии Homo sapiens, используется сам этот тезис! В настоящее время на основании имеющихся знаний о мустьерской эпохе можно прийти к единственному выводу: несмотря на то что неандерталец был существом вполне социальным — настолько, что это социальное ярко и многосторонне отразилось во внешних формах, фиксируемых археологией,— морфогенез не прекратился и на смену неандертальцам пришли мы, сапиенсы. Разумеется, не зная еще конкретного механизма процесса антропогенеза и не имея материалов для сравнения, мы не можем утверждать с полной уверенностью, что морфогенез будет продолжаться и дальше (как не можем с такой же уверенностью утверждать и обратное). Однако приведенный выше вывод является несомненным, хотя и косвенным аргументом в пользу того, что уровень социального развития, достигнутый сапиенсами, едва ли помешает их дальнейшему морфогенезу. Предположение это еще более усиливается, если учесть, что человеческая деятельность, становящаяся уже космической, приобретает такие масштабы, последствия которых являются совершенно непредсказуемыми, даже если удастся избежать ядерной или экологической катастрофы.

Таким образом, я разделяю точку зрения, прозвучавшую в выступлениях А. Д. Столяра и Н. Д. Праслова: у нас нет оснований считать самих себя, сапиенсов, биологически или социально завершенными существами. Во всех отношениях — и в философском, и в фактологическом — нам следует рассматривать себя как одну, очередную ступень в общем процессе антропогенеза, начало которого совпадает с первыми проявлениями социального как новой, высшей из известных нам формы движения материи, а конец уходит в неизвестность.

За последние 10—15 лет в области разработки теории происхождения и развития человека и общества мы не продвинулись далеко вперед. Причина этого — в различном понимании исследователями фундаментальных проблем антропогенеза и в разных методологических подходах к их изучению. Работы многих философов вносят не ясность, а, наоборот, путаницу в понимание тех или иных вопросов. Так, для подхода Ю. И. Семенова и Ю. И. Ефимова характерно изначальное конструирование логических схем и проецирование на них фактов, которые не только огрубляются, но нередко омертвляются, теряя всякую научную значимость. Некоторые философы, произвольно решая вопрос о соотношении исторического и логического, подменяют реальные закономерности исторического процесса логистическими операциями и фразами типа «подчиняясь внутренней логике развития, животнообразные предки вынуждены были». Археологи видят свою задачу в выявлении конкретного содержания таких понятий, как скачок, сущность человека, становление, производство, формирующиеся люди и т. п. Другими словами, представить эти понятия в виде процесса, а не подменять их научный анализ спасительными цитатами и рафинированными терминами. Касаясь генезиса социального, логично, по-видимому, считать, что оно прямо не вытекало из биологического. Социальное, например, у австралопитеков, проявлялось не как готовая совокупность, а как новое качество, непосредственно формирующееся в ходе сложной, целенаправленной деятельности, результаты которой могли быть биологически неадекватны. Социальное у самых ранних гоминид проявлялось не случайно, не спорадически, а ситуационно, что не одно и то же. Суть антропогенеза в нем самом. И не оправдано уже в наши дни искать какую-то традиционную первопричину. Согласно М. И. Урысону и Г. Н. Матюшину, гоминиды появились случайно, точнее, фатальным образом. Они-де насильственно были вытолкнуты в среду, полную опасности и лишений,

без клыков, когтей, без эффективных приспособительных органов и механизмов. Гоминиды непременно вымерли бы, если бы не обратились к использованию, а потом и изготовлению орудий. Какая жестокая и коварная природа! Г. Н. Матюшин, в частности, считает, что животный, приспособительный статус приматов был подорван в результате генной перестройки их организма, что в свою очередь обусловлено усиленной деятельностью вулканов, магнитными и радиационными процессами в некоторых районах Южной и Восточной Африки. Перед нами по существу завуалированный способ вмешательства исследователя в реальный процесс, его исправление по своему усмотрению. Отказ от одного первичного толчка (исчезновение лесов и распространение саванн) сменился другим.

Движущей силой антропогенеза были сами гоминиды, рассматриваемые как самодвижущаяся, саморазвивающаяся система в пределах общей системы «природа». Наиболее существенными составляющими системы «гоминиды» можно считать физическую организацию, характер связи со средой, орудийную, поведенческую деятельность, общественную структуру коллектива и т. п. Значимость этих факторов и характер их взаимосвязи на разных этапах антропогенеза были различными. Важнейшая роль принадлежит орудийной деятельности. В предметной деятельности гоминид в диапазоне 10—1 млн. лет уместно выделять хотя бы гипотетически ряд этапов и качественных уровней. Элементарное изготовление орудий началось задолго до появления чопперов и чоппингов, орудий отнюдь не примитивных, а сложных с морфологической, технологической, конструктивной, аккомодационной и функциональной точек зрения. Это не самые первые орудия. Стадии только использования предметов в качестве орудий скорее всего не существовало совсем. Практически всякое целевое, по крайней мере рабочее, манипулирование с предметами требует изменения их первоначальной формы. Конкретно: рабочий или аккомодационный участки минимально оформленного орудия могут быть получены в ходе нанесения 1—3 ударов отбойником или о наковальню. Переход к изготовлению полустандартных орудий (чопперов и чоппингов) — это переход не вообще к изготовлению орудий, а к систематическому их изготовлению, т. е. к человеку. Это был высший, но в то же время последовательный и закономерный этап в развитии предметной деятельности гоминид, начало которой относится ко времени примерно 10 млн. лет назад.

Нельзя согласиться с встречаемыми в работах Ю. И. Семенова и С. В. Смирнова резким противопоставлением понятий общество — праобщество, готовые люди — формирующиеся люди, готовые орудия — формирующиеся орудия. По мнению данных авторов, всякие формирующиеся сущности не являются подлинно человеческими, социальными, а животнообразными, рефлекторными. Все сформировалось лишь в верхнем палеолите, когда закончилась биологическая эволюция человека. Здесь не доказано, во-первых, что с верхнего палеолита развитие человека и общества подчинялось только социальным закономерностям, а во-вторых, современное общество по ряду существенных показателей тоже нельзя считать готовым. Произвольным и надуманным является вывод С. В. Смирнова, вульгарно трактующего многие марксистские положения применительно к первобытной археологии, что подлинными орудиями следует считать только орудия для изготовления орудий. На деле подлинный труд, подлинные орудия в своей сущностной (пусть и формирующейся) основе появляются на самых ранних этапах палеолита. Все подлинное, сущее способно к самодвижению, поступательному, прогрессивному развитию, к воспроизведению самого себя во времени и пространстве. И если в палеолите происходило непрерывное и последовательное развитие материальной культуры (смена этапов), эволюция формы, технологии изготовления и функции орудий, усложнение производительных сил, производственных отношений, общественного устройства, сознания, то в основе этих явлений лежат социальные, а не полуживотные закономерности. Что касается понятия «формирующийся», то это особенность всякого изначального развития. Суть вещи, явления — в их потенции, перспективе. К сожалению, работы Ю. И. Семенова, Ю. И. Ефимова, С. В. Смирнова рассчитаны на внешнюю оригинальность, они не затрагивают сущностных сторон интересующих всех нас проблем.

Н. О. Бадер указал, что со времени проведения симпозиума на аналогичную тему прошло 15 лет, сделаны интереснейшие открытия в области археологии и антропологии. Однако непонятно, почему интерпретацию этих материалов осуществляют преимущественно этнографы и философы, а не археологи, которые часто

ограничиваются лишь критикой их взглядов. За этот период мы мало продвинулись вперед на пути решения самых кардинальных проблем становления человека и общества. Не уточнены и не определены многие фундаментальные понятия.

Ю. Г. Колосов привел примеры недостаточно точного обращения С. В. Смирнова с научными фактами. Он использует преимущественно те данные, которые ему необходимы, другие же нередко обходит молчанием. Так, С. В. Смирнов провел достаточно субъективно и неточно источниковедческий анализ проблемы мустьерских погребений.

Н. Д. Праслов в своем выступлении указал на недостаточное внимание археологов к проблеме становления человека и общества, хотя археология располагает многочисленными и очень важными фактами. Вопрос о происхождении человека нельзя решать вне вопроса о сущности человека. Марксистское понимание его определяется трудовой теорией и общественной сущностью человека. Странно, что философы не всегда исходят из этой посылки. Ю. И. Семенов использует археологические факты нередко субъективно, лишь для подтверждения своих положений. Археологи не могут не выступать против многих предложенных им понятий, и в частности термина «рефлекторный труд». Вообще концепции Ю. И. Семенова построены на неверно истолкованных фактах и ошибочных суждениях. Н. Д. Праслов против скачка от палеоантропа к неоантропу. Этому противоречат как антропологические, так и археологические факты.

Закрывая совещание, В. П. Любин подчеркнул, что оно прошло успешно. Он зачитал проект резолюции совещания. В ней отмечается, что новейшие открытия в области приматологии, палеоантропологии и археологии позволяют дать новую оценку ряда общих вопросов, уточнить периодизацию первобытного общества. Большинство исследователей считает, что с самого начала трудовая деятельность выступала как деятельность сознательная, человеческая, а не какая-либо другая — формирующаяся, рефлекторная, животнообразная и т. д. Первые изготовители орудий — это люди как в конкретно-научном, так и философском смысле, настоящие люди, социальные существа. Логично употреблять и понятие «общество», а не «праобщество». Человек, его сознание, труд, общество и т. п. связаны с появлением качественно новых явлений в природе, а не вытекают медленно и постоянно из своих животных аналогов. Появление человека и общества — качественно новый рубеж в развитии материи, ее высшая форма. Воссоздание истории первобытного общества и периодизация самых ранних эпох человеческой истории только на основе реконструкции производственных отношений не могут быть приняты из-за отсутствия для этих эпох надлежащих материалов. Достоверная научная реконструкция способа производства древнейших эпох (как производственной деятельности, так и в какой-то мере общественных отношений) может быть представлена лишь на основе сбалансированных данных разных наук, и гуманитарных, и естественных. В то же время реконструкция материально-хозяйственной деятельности древних обществ может быть обеспечена главным образом конкретными материалами археологии. Методологически обоснованное использование конкретных материалов для исторических реконструкций — наиболее надежный путь исследования рассматриваемых на совещании проблем. Необходимо сконцентрировать усилия археологов, этнографов, антропологов и других специалистов для более целенаправленного и научно обоснованного изучения кардинальных проблем первобытной истории.

ЧЕРНОСВИТОВ П. Ю.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Известно, что ареалы археологических культур с течением времени меняются как в сторону расширения, так и в сторону сужения, трансформируются и черты самих культур: иногда плавно, иногда достаточно резко, вплоть до полной их смены. В таких случаях мы говорим о смене археологических культур в изучаемом регионе. Поскольку археологические культуры являются законсервированными материальными остатками деятельности человеческих коллективов, отождествляемых

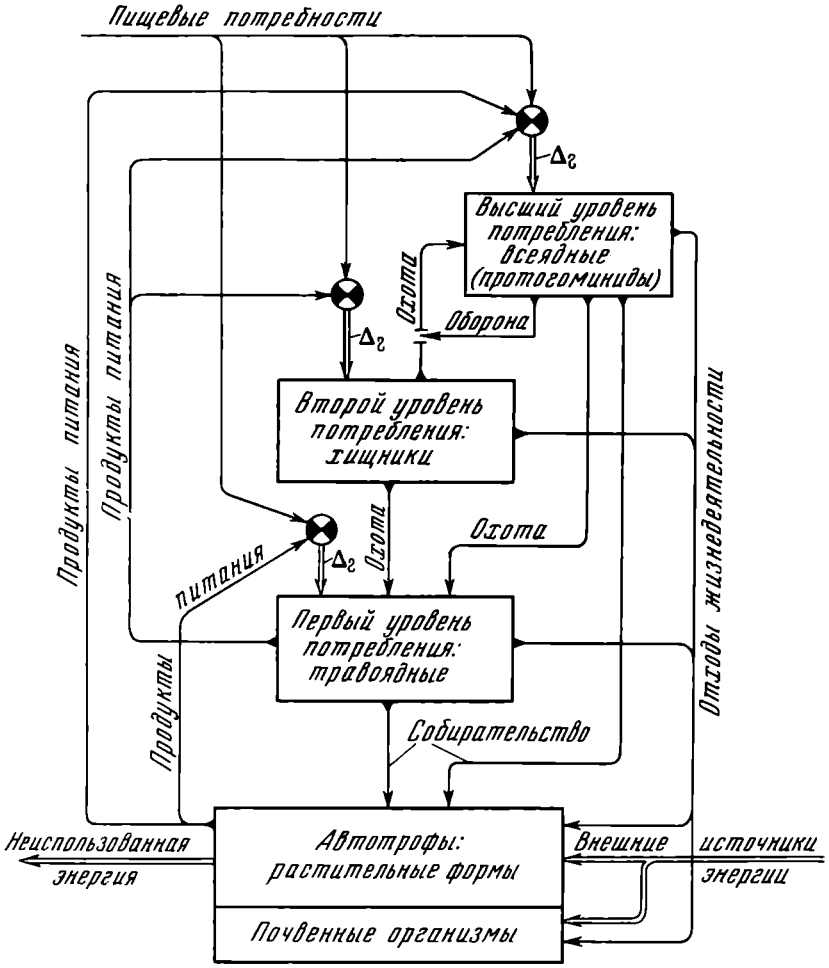


Рис. 1. Биогеоценоз — экосистема на досоциальном уровне организации входящих в нее популяций. $\Delta_г$ — стимул деятельности, голод

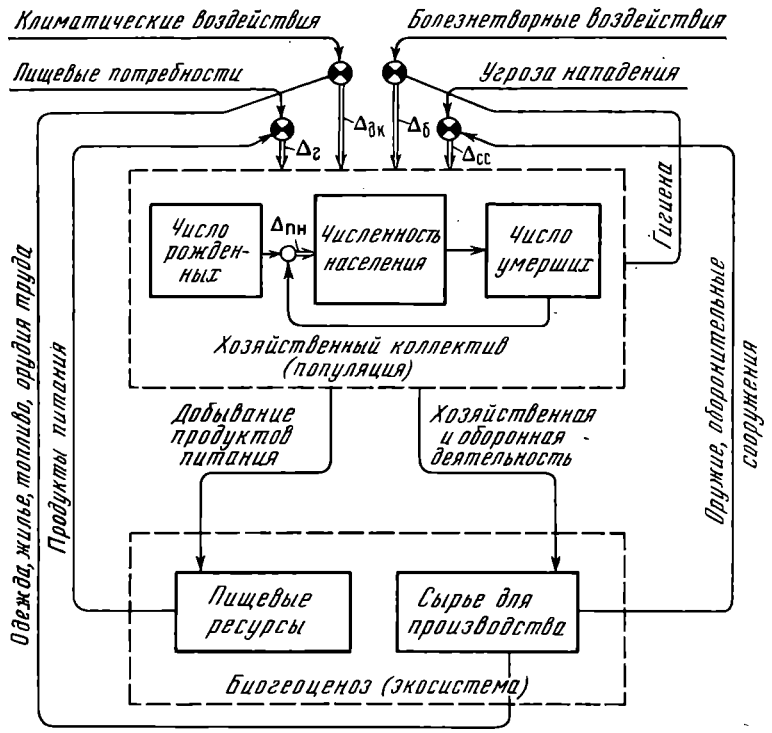


Рис. 2. Антропобиогеоценоз — экосистема на стадии выделения человеческих популяций в хозяйственные коллективы. $\Delta_{пн}$ — прирост населения; $\Delta_г$ — голод; $\Delta_{дк}$ — дискомфорт; $\Delta_б$ — болезни; $\Delta_{сс}$ — страх смерти

с какими-то этносами (культурными образованиями, представляющими собой население, занимающее определенную территорию и являющееся носителем определенных хозяйственных, демографических отношений и т. д.), то и смена культур должна объясняться либо сменой населения, либо изменениями в хозяйственной деятельности этого населения[1]. Последнее представляет особый интерес. Но прежде чем выявить причины, порождающие изменения хозяйственной деятельности населения, важно представить себе хотя бы в общем виде систему жизнеобеспечения самого человеческого коллектива, занимающего определенную территорию.

Современная наука обязывает учитывать тот факт, что любой человеческий коллектив, равно как и популяция любого вида из числа обитающих на Земле, является органической, структурной составляющей биогеоценоза, т. е. какой-то экосистемы. Установлено также, что любой биогеоценоз является саморегулирующейся системой с многочисленными прямыми и обратными связями, главным образом по трофическим (пищевым) цепям. Точнее говоря, она является замкнутой по трофическому контуру и открытой по собственно энергетическому. Экосистема на досоциальном уровне организации входящих в нее популяций изображена в виде схемы на рис. 1. Представление биогеоценоза в виде системы автоматического регулирования помогает понять характер и направление процессов, в нем протекающих. Главная, генеральная задача такой системы состоит в сохранении своей устойчивости — своего гомеостатического состояния в окружающей среде [1, с. 295—329]. А поскольку, как следует из приведенной схемы, все биокомпоненты такой системы связаны трофическими цепями между собой, то искомая устойчивость всей экосистемы в значительной степени зависит от сохранения численного равновесия всех уровней трофической цепи и в идеале достигается сохранением постоянной численности каждой из входящих в данный биотоп популяций. Отсюда понятно, что каждый входящий в экосистему вид также должен вести себя как гомеостатическая система, решая для себя задачу на сохранение постоянства численности состава [1, с. 110—259; 2, с. 8—19].

Поскольку нашей конкретной задачей является рассмотрение человеческих коллективов, то теперь попытаемся представить себе экосистему как *антропобиогеоценоз*, выделяя из всего биотопа (т. е. из всей собственно биологической составляющей) системы собственно человеческие популяции в особое, центральное звено системы, замыкающее на себя все ее связи определенным образом. Подобное представление необходимо потому, что основной чертой любых коллективов является трудовая деятельность, в силу чего вся окружающая человека среда является для него полем этой деятельности и источником жизненно необходимых ресурсов, этой деятельностью осваиваемых. Само понятие «антропобиогеоценоз» и приведенная его трактовка впервые было введено В. П. Алексеевым [3]. Проиллюстрировать его можно с помощью схемы (рис. 2). Из нее явствует, что на численность популяции влияют факторы, которые с точки зрения саморегуляции системы могут рассматриваться как факторы внешнего воздействия: 1) пищевые потребности; 2) климатические влияния; 3) нападения хищников или соседствующих коллективов; 4) болезнетворные воздействия внешней среды.

Приведенная схема, несомненно, не отражает всю полноту связей и воздействий, оказывающих влияние на состояние экосистемы, а значит, и на человеческий коллектив, в нее входящий. Кроме этого, следует также учитывать, что данная схема справедлива лишь на достаточно ранних этапах развития человеческого общества, когда внешние хозяйственные и культурные связи данного человеческого коллектива не оказывали существенного воздействия на его выживание.

В рамках данной схемы саморегуляция системы состоит в том, чтобы, извлекая с помощью трудовой деятельности из биогеоценоза все доступные и необходимые средства, максимально возможным образом компенсировать внешние воздействия. Стимулами же для этой трудовой деятельности являются сигналы рассогласования Δ, трактуемые как нескомпенсированная разность между внешними воздействиями и мерами, принятыми человеческим коллективом для их ликвидации.

Если теперь обратиться к демографическим процессам, то становится ясно, что внешние воздействия, оказывая влияние на интенсивность смертности, влияют на

[1] Прочие, безусловно, весьма важные характеристики этноса, такие, как общность языка, мировоззрений, религиозных традиций и связанных с ними ритуалов, мы в данном случае не отмечаем, поскольку они в значительно меньшей степени влияют на интересующие нас аспекты темы.

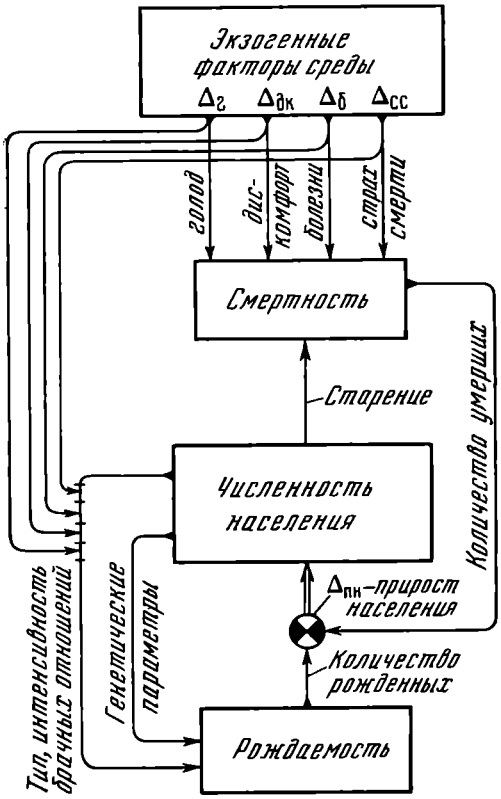


Рис. 3. Демографическая система как подсистема в общей структуре человеческого коллектива

численность населения (рис. 3). Из приведенной схемы следует, что на численность населения влияет также и рождаемость, которая в значительной степени определяется внутренними характеристиками, как-то: генетически обусловленной плодовитостью, принятым в данном коллективе типе брачных отношений, а в некоторой степени и внешними воздействиями. Причем последние влияют на рождаемость как непосредственно, так и через интенсивность брачных отношений. Сложившиеся под влиянием обеих групп факторов демографические отношения принято называть типом воспроизводства населения [2, с. 19—24].

Поскольку, как мы уже говорили, «внутриэкологической» задачей человеческой популяции является стабилизация своей численности внутри занимаемой в экосистеме экологической ниши при данном типе хозяйственной деятельности, то режим воспроизводства населения, при котором смертность определяется главным образом экзогенными факторами, должен быть таким, чтобы прирост населения $\Delta_{пн}$ стремился к нулю.

Мы рассматриваем численность населения, живущего на определенной территории, занятой некоторой экосистемой, все уровни которой объединены между собой главным образом трофическими связями. Следовательно, на самом деле, говоря о численности населения на ограниченной площади как о важнейшем факторе, влияющем на устойчивость экосистемы в целом и каждой входящей в нее популяции (в том числе и человеческом коллективе) в частности, мы говорим об *удельной плотности населения.* Ибо именно ею определяется необходимое и достаточное количество биомассы для питания всей популяции в целом, на каком бы трофическом уровне эта популяция ни находилась. В равной же степени удельная плотность населения важна и для человеческих коллективов, так как с нею в конечном счете связан тот хозяйственно-культурный тип, который этим коллективом реализуется в зависимости от того, в какой экосистеме этот коллектив обитает. С одной стороны, этот хозяйственно-культурный тип достаточно жестко детерминируется удельной плотностью населения коллектива, с другой – способностью экосистемы производить необходимое количество биомассы с каждой единицы площади, ею занимаемой, так как от этих двух характеристик зависит адекватность хозяйственно-культурного типа всей совокупности внешних действий на человеческий коллектив. Главным образом хозяйственно-культурный тип должен полностью удовлетворять пищевые потребности этого коллектива. Поскольку продуктивность различных экосистем колеблется в весьма значительных пределах, то понятно, что и плотность населения, и осуществляемый этим населением тип хозяйства находятся в весьма значительной зависимости от той экосистемы, в которую этот коллектив входит. Как мы уже отмечали, археологические памятники являются законсервированными материальными остатками жизнедеятельности древних человеческих коллективов, примеры такой зависимости должны отражаться на археологических материалах.

Действительно, изучая археологические культуры степей Евразии в эпоху энеолита — бронзы, В. П. Шилов [4], основываясь на остеологических останках, встречаемых в погребениях этого времени на указанной территории, показывает, что качественный состав стада, культивируемого носителями каждой из рассматривае-

мых культур, теснейшим образом связан с той климатической зоной, которую данная культура занимала. Палеоклиматические модели были построены по данным спорово-пыльцевого и почвенного анализов. Сопоставив палеоклиматические и остеологические данные, автор пришел к выводу, что, например, для майкопской культуры, расположенной в предгорной зоне Северного Кавказа, было характерно в основном разведение крупного рогатого скота. Носители культур, занимавших ли стада, состав которых оптимально соответствовал этим условиям: в зонах разнотравья, приречных, лесостепных — стада с преобладанием крупного рогатого скота; в зонах типчако-полынной растительности, полупустынных — стада с преобладанием мелкого рогатого скота. Отсюда и разница в образе жизни и типе хозяйствования даже в рамках каждой отдельной культуры: от оседлого, пастушеско-земледельческого в зонах первого типа до полукочевого, сезонно-кочевого в зонах второго типа. Очень важно отметить также, что выявленная В. П. Шиловым закономерность была присуща всем степным культурам энеолита — бронзы, последовательно сменявшим друг друга (а частично сосуществовавшим друг с другом) на данных территориях, от ямной в энеолите до катакомбной в развитой бронзе и до срубной в развитой и поздней бронзе. Это лишний раз подчеркивает правильность нашего тезиса о теснейшей связи экосистемы с типом хозяйствования живущего в ней населения.

Вернемся к нашим схемам на рис. 2 и 3. Из теории автоматического регулирования известно, что большие системы автоматического регулирования (и, естественно, экосистемы) пребывают в колебательном состоянии относительно положения равновесия. Это же относится и к регулированию численности популяций, входящих в любую из экосистем [1, с. 128—141], в том числе и человеческих коллективов. Отсюда следует, что удельная плотность населения на какой-либо территории не есть величина постоянная и будет колебаться между какими-то переломными, критическими значениями.

Внимательное рассмотрение приведенных схем показывает, что как верхнее, так нижнее критическое значение плотности населения зависит от всех указанных в схеме значений Δ-рассогласований. В самом деле, достигнутое в определенный момент существенно близкое к нулю значение $\Delta_г$, $\Delta_{дк}$, $\Delta_б$, $\Delta_{сс}$ естественным образом снижает смертность и, следовательно, повышает значение $\Delta_{пн}$ (прироста населения). Следующий за этим рост численности приводит к росту удельной плотности населения на данной территории. Это, при условии постоянной величины производимой в экосистеме биомассы, вызывает увеличение значения $\Delta_г$ — голода, так как затрудняет удовлетворение пищевых потребностей. Растет также потребность в средствах борьбы с дискомфортом (например, в материале для жилищ, в топливе), с частотой заболеваний, т. е. растут значения всех прочих Δ. Все это снова повышает смертность, и численность населения может восстановиться, пройдя свое максимальное критическое значение. Но поскольку большая система инерционна, ее возвращение к оптимальному значению численности составляющих ее элементов, как указывалось выше, происходит колебательно и она неминуемо скатится к нижнему минимальному критическому значению численности. Нетрудно понять, что при этом величина смертности упадет, прирост населения снова увеличится и общая численность популяции (человеческого коллектива) снова начнет расти. Однако подобные колебания не всегда происходят в пределах критических значений численности населения (популяций), а выход за эти пределы может привести к потере устойчивости как части системы, так и всей системы в целом.

Как показала практика изучения биогеоценозов как ныне существующих, так и существовавших в историческом прошлом Земли, процессы потери устойчивости экосистемами действительно происходили раньше и происходят сейчас. Они приводили (и приводят) к коренным перестройкам биогеоценозов, зачастую в глобальных масштабах. В сущности, геологическая история нашей планеты со времен протерозоя и есть история непрерывного становления и крушения биогеоценозов. Одним из первых к такому пониманию истории планеты пришел В. И. Вернадский [5]. С тех пор развиваемая им идея получила всемирное признание и повлекла за собой огромное и все растущее число работ в области биогеоценологии по всем природным зонам Земли и на самых различных методологических и предметных уровнях — от геологии до математического моделирования. Для нас же сей-

час важно следующее. Далеко не всегда регуляция численности популяций любых видов происходит достаточно плавно в оптимальных пределах (т. е. в зоне устойчивости). Зачастую превышение верхнего критического предела плотности населения какого-либо вида приводит к жестким, но радикальным мерам «борьбы за устойчивость» экосистемы: либо к массовым миграциям за пределы территории данной системы, либо к повальным эпидемическим заболеваниям, либо к жесткому отбору в генофонде вида на минимальную рождаемость. Естественно, что все это в равной степени касается и популяции вида Homo.

Однако существует принципиальная разница между поведенческой реакцией вида Homo и всех других биологических видов на экологические воздействия. Она заключается в том, что благодаря своей высокой индивидуальной и коллективной организации человеческая популяция, являясь хозяйственно-трудовым коллективом, может сама *активно* искать способы уменьшения неблагоприятных внешних воздействий окружающей среды. Для человеческого коллектива экосистема, в которой он живет, это не просто среда обитания, но и объект активной многоплановой хозяйственной деятельности, позволяющей коллективу сохранять свою устойчивость в значительно более широких рамках плотности своего населения, чем это доступно любому другому биологическому виду. Поэтому если плотность населения выходит за верхнее критическое значение, то человеческий коллектив может не только мигрировать с занимаемой территории, но и перейти к другому типу хозяйствования, обеспечивая тем самым себя всем необходимым в рамках своего биогеоценоза, или сочетать в разных вариантах эти способы разрешения острой демографической ситуации.

Нелишне отметить, что на ранних этапах своего существования (во всяком случае, на тех, которые предшествовали появлению производящих форм хозяйствования) или в случае попадания в очень жесткие экологические ситуации человеческие коллективы прибегали к такому крайнему способу решения острой демографической ситуации, как убийство стариков и детей. Это явление отмечено в этнографической литературе [6, с. 115; 7, с. 345; 8, с. 14]. Важным с демографической точки зрения здесь является то, что таким образом не только поддерживалось постоянство численности населения на докритическом уровне, но и то, что в возрастном составе населения увеличивалась доля наиболее работоспособной его части. А это весьма существенно для выживания человеческих коллективов. Итак, люди решают встающие перед ними экологические и демографические проблемы не инстинктивно, а осознанно.

Задолго до появления собственно системных и экологических исследований внимание основоположников исторического материализма привлекли происходившие в историческом прошлом неоднократные и зачастую грандиозные перемещения людских масс. Изучая их, К. Маркс отмечал, что миграции — это результат взаимодействий между окружающей средой, плотностью населения и уровнем развития производительных сил. Он подчеркивал, что в разное историческое время миграции обусловливались разными причинами и имели различный характер, зависящий от конкретной экономической формации, господствующей на конкретной территории (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8, с. 567, 568).

Археологические источники фиксируют данные процессы в виде изменения ареала и характерных черт археологических культур. Н. Я. Мерперт, говоря о трансформациях и распространении археологических культур [9], предлагает три модели миграций, присущих человеческим коллективам на разных этапах своего становления. На обширнейшем археологическом материале, охватывающем почти все древнейшие центры становления производящих форм экономики, исследователь показывает, каким образом рост численности населения этих центров сказывается на распространении и трансформации археологических культур неолита и энеолита на Ближнем Востоке, в Египте, Малой Азии, на Кавказе, в Средней Азии, а затем в Южной и Центральной Европе. Автор подчеркивает, что сам тип миграции (модель ее) также изменяется со временем, начиная с простейших в организационном смысле перемещений в поисках малозаселенных территорий на ранних этапах истории и кончая военными вторжениями на достаточно культурно развитые и густо заселенные земли в более позднее время, в эпоху бронзы.

Смена черт археологической культуры как следствие изменения типа хозяйствования отчетливо просматривается на примере культур раннеземледельческих центров, особенно восточносредиземноморских. В сущности, сам переход еще в

раннем неолите к производящим формам хозяйства на Ближнем Востоке — это и есть такая деятельная реакция человеческих коллективов на рост плотности населения [10, с. 135], так как только производящие формы хозяйства (и особенно земледелие) способны дать достаточно стабильный прирост полезной биомассы на ограниченной территории, превышающей по величине прирост биомассы любого естественного биоценоза в каждой (любой) из климатических и ландшафтных зон на Земле. Но, что важно, переход к производящим формам хозяйствования, способствуя росту плотности населения в районах, где он был впервые освоен, зачастую приводил к острейшим экологическим и социальным последствиям.

Изучение археологии таких огромных пустынь, как Сахара, Ливийская пустыня, пустыня Аравийского полуострова, показывает, что эти зоны были не только обитаемы, но и достаточно плотно заселены вплоть до конца мезолита, а Сахара и еще позднее [11, 12], что было возможно только при более влажном климате. Однако с течением времени, по мере аридизации климата все названные зоны превратились в цепь безжизненных пустынь, а их обитатели, по-видимому, отчасти вымерли, отчасти переместились к немногочисленным и, вероятно, плотно заселенным земледельческим оазисам, дав тем самым толчок к необходимости создавать здесь оборонительные сооружения. Древнейшее из известных в настоящее время — оборонительная система Иерихона VIII тыс. до н. э. Таким образом, налицо острая социальная конфликтная ситуация, являющаяся результатом роста плотности населения на территориях, окружающих раннеземледельческие центры. Внимательное изучение памятников Сахары, предпринятое в последние десятилетия, навело многих исследователей на мысль, что сам процесс аридизации этого региона был в значительной степени спровоцирован человеческой хозяйственной деятельностью. Анализ изображений фресок Тассили [13] подсказывает, что таковой деятельностью было развитое экстенсивное скотоводство в Северной Африке. Непрерывное наращивание поголовья скота в условиях очень жаркого климата, приводящее к регулярно нарастающему уничтожению растительности, само способствовало сокращению аккумуляции влаги в почве и, как следствие этого, аридизации климата, что в конечном счете привело в Сахаре к разрушению саванной экосистемы и превращению ее в пустынную. Отсюда возникает предположение, что население этой зоны где-то в энеолите в значительной степени само себя уничтожило, подорвав свою экономическую базу [14].

Итак, на основании изучения археологических материалов можно предположить, что обрисованной ранее острой социальной ситуации предшествовала остроконфликтная, возможно, даже катастрофическая экологическая ситуация в Южном и Юго-Восточном Средиземноморье. Притом ситуация затяжная, нарастающая со временем как в экологическом, так и социальном плане. Действительно, первые укрепления Иерихона датируются VIII тыс. до н. э., а ко II тыс. до н. э., когда площади пустынь рассматриваемого региона достигли практически современных величин, весь Ближний Восток превратился в группу хорошо вооруженных государств со всеми основными чертами классового общества.

Разумеется, сам процесс сложения раннеклассовых государств чрезвычайно сложен и многопланов, и полное его рассмотрение выходит далеко за рамки одной статьи. В данном же случае нам надо было подчеркнуть, что описанная выше демографическая и экологическая ситуации были теми «пусковыми механизмами», которые сообщили толчок этому сложному социальному процессу. В нашу задачу не входит рассмотрение экологических и демографических проблем человечества на этапе сложения государственных образований, поскольку предложенные нами схемы не могут охватить всю совокупность факторов взаимодействия человеческих коллективов в рамках государственных формаций с окружающей средой.

Археология дает не менее интересные примеры распространения и трансформации древних культур и на территории нашей страны. Например, изучение частоты встречаемости погребений сарматского круга культур раннего железного века степей Южного Приуралья показывает, что временами указанная территория подвергалась почти полному запустению; это объясняется чрезмерным выпасом, приведшим к деградации растительного покрова данной зоны [15]. Следовательно, еще на рубеже нашей эры скотоводческий кочевой тип хозяйствования подводил население южных степей к острым экологическим и демографическим ситуациям. По-видимому, те же причины вызывали известное из археологических и исторических источников волнообразное движение кочевых народов степи в западном на-

правлении, приводившее периодически к крупным военным столкновениям: войны скифов с киммерийцами, сарматов со скифами.

Еще более сложная картина наблюдается в истории древнейшего населения Западной Сибири. Справедливость палеоэкологических и палеосоциологических реконструкций, проведенных на археологическом материале, здесь зачастую может быть проверена на материалах историко-этнографических. Так, М. Ф. Косарев, анализируя причины и следствия миграций древнего населения Западной Сибири [16], привлекает не только археологические, но и этнографические данные XVII—XVIII вв. по северным народам этого региона. Исследователь справедливо полагает, что поскольку народы Севера до недавнего времени сохраняли охотничье-рыболовческий, а некоторые оленеводческий тип хозяйствования, то характер их взаимоотношений с окружающей средой может служить определенной моделью для коллективов древних людей, ведущих тот же тип хозяйства. Исследование показывает, что в Западной Сибири в эпоху неолита, когда здесь отсутствовали производящие формы хозяйства, плотно были заселены таежная и предтаежная зоны, дававшие бо́льшую полезную биомассу с единицы площади по сравнению со степной зоной. Однако в начале бронзового века степная зона по мере становления у проживавшего здесь населения скотоводства начинает заселяться все плотнее. На рубеже II—I тыс. до н. э., когда граница степного ландшафта в результате наступления ксеротермического периода сильно продвинулась на север, носители степных скотоводческо-земледельческих культур также продвинулись на север, стремясь уберечься от чрезмерного выпаса скота в иссушенной степи. Затем в раннем железном веке вместе с наступлением похолодания и увлажнения следует обратное меридиональное движение рассматриваемых культур. Таким образом, М. Ф. Косарев наглядно показывает связь между распространением, трансформацией археологических культур Западной Сибири и изменением типа хозяйствования; отмечены им также последствия смены типа хозяйства — изменение плотности населения, указано на смещение границ культур в связи со смещением границ ландшафтных зон и стремление при этом населения сохранить, насколько возможно, присущий данной культуре тип хозяйства.

В ряде других работ [17—19] М. Ф. Косарев на обширном археологическом и этнографическом материале доказывает взаимосвязь исторического развития народов Западной Сибири и изменения экологии этого региона. Автор неоднократно отмечает явления социального и экономического «отступления», регресса определенных групп населения в разные исторические эпохи, продиктованного стремлением адаптироваться к ухудшившимся экологическим условиям в некоторых регионах. Перечисленные факты дают нам право утверждать, что уменьшение плотности населения ниже критического значения приводит к упрощению хозяйственно-культурного типа данной группы населения, а иногда может привести к ее ассимиляции представителями другой, более многочисленной группы, являющейся носителем другого хозяйственно-культурного типа, т. е. другой археологической культуры.

Таким образом, демографические сдвиги, происходящие с человеческими коллективами, находят свое отражение в распространении и трансформации археологических культур. Перерастание плотности населения за верхнее критическое значение ведет к расширению ареала археологической культуры и миграции, что в конечном счете может привести к полному угасанию культуры на исходной территории (пример — пустыни Южного Средиземноморья). При переходе населения к новому типу хозяйствования исходная археологическая культура трансформируется, причем на крайней стадии развития процесса — до полного исчезновения своих исходных форм (раннеземледельческие ближневосточные центры). Важен и другой вывод: для построения реальной исторической картины любой из прошедших эпох необходимо воссоздание не только собственно культурно-этнической, но и палеоэкологической, палеодемографической, палеогеографической картины любого изучаемого региона в любую изучаемую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пианка Э.* Эволюционная экология. М.: Мир, 1981.
2. *Вишневский А. Т.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976.
3. *Алексеев В. П.* Антропобиогеоценоз — сущность, типология, динамика.— Природа, 1975, № 1.
4. *Шилов В. П.* Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века.— СА, 1975, № 1.

5. *Вернадский В. И.* Биосфера (Избранные труды по биохимии). М.: Мысль, 1967.
6. *Бьерре И.* Затерянный мир Калахари. М.: Мысль, 1964.
7. *Врангель Ф.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 21, 22, 23 и 24 г. Ч. I, II. СПб., 1841.
8. *Рычков К. М.* Енисейские тунгусы.— Землеведение, 1917, кн. I, II.
9. *Мерперт Н. Я.* Миграции в эпоху неолита и энеолита.— СА, 1978, № 3.
10. *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, 1971, № 180.
11. *Ранов В. А., Буданов В. И.* Коллекция каменного века из Аравийской пустыни (АРЕ). М: Наука, 1973.
12. *Капо-Рей Р.* Французская Сахара. М., 1958.
13. *Лот А.* В поисках фресок Тассили. М.: Искусство, 1962.
14. *Поплинский Ю. К.* Африка и Эгеида во II тыс. до н. э.— Африканский этногр. сб., 1975, т. X.
15. *Железчиков Б. Ф.* Ранние кочевники Южного Приуралья: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1980.
16. *Косарев М. Ф.* О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири.— СА, 1972, № 4.
17. *Косарев М. Ф.* Географическая среда и неравномерность экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытнообщинную эпоху.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1976.
18. *Косарев М. Ф.* Экологические аспекты социально-экономического развития Западной Сибири в эпоху бронзы.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1979.
19. *Косарев М. Ф.* К истории взаимоотношений человека и природы в Западной Сибири.— В кн.: Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.: Наука, 1981.

АМБРОЗ А. К.

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ ПО АРХЕОЛОГИИ ГУННСКОЙ ЭПОХИ В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1971—1984 гг.)

Эта краткая статья не претендует на всесторонний обзор литературы по гуннской проблеме, а ограничена несколькими актуальными вопросами источниковедения.

Обсуждая проблемы степных древностей эпохи кратковременного могущества гуннов в Европе, археологи обычно исходят из убеждения в незыблемости и окончательности сложившихся на сегодня представлений. Они упускают из виду, что даже за последние полвека эти представления разительно менялись. До начала 30-х годов нашего столетия гуннам V в. ошибочно приписывали аварские могилы VIII в. с литыми украшениями в зверином стиле, а все полихромные изделия — догуннским германцам и аланам. Только в 1932 г. А. Алфелди заложил основы современных взглядов, связав полихромные изделия степей с образованием гуннского государства и его разноэтничным населением [1]. У нас «сарматская» гипотеза М. И. Ростовцева была поколеблена еще на 30 лет позднее, уже в 60-е годы, когда И. П. Засецкая показала связь таких древностей Восточной Европы с переменами, наступившими в степях после прихода гуннов [2, с. 60—62; 3]. Исследование затруднено малым процентом научно документированных комплексов, преобладанием случайных находок, неполнотой публикаций. Так что, вопреки расхожим представлениям, этот раздел археологии еще не вышел из стадии становления и дальнейшие изменения в нем вполне возможны.

Подводя в 1956 г. итоги многолетним археологическим исследованиям гуннской проблемы, И. Вернер рассматривал обсуждаемые древности как одно целое. Но именно он первым сделал важный шаг к более дифференцированному изучению этих древностей, отметив существование среди них однородной группы роскошных изделий с обильной зернью, распространенных на обширной территории от Киргизии до устья Дуная и полностью отсутствующих в более западных районах. Объясняя своеобразие группы, И. Вернер предположительно связал его с влиянием на кочевническое ремесло догуннской традиции Боспора [4, с. 63—65]. В остальном же со времени работ Т. М. Минаевой [5] и А. Алфелди понятие древностей гуннской эпохи складывалось постепенно, идя от лучше известного к новому: от таких памятников, как керченские склепы или дунайские находки Унтерзибенбрунн, Шимлеул Сильваней, Якушовице, Печ-Усёг и др., занявших четкую позицию в надежной хронологической шкале Крыма, Средней и Западной Европы,

к специфически степным восточноевропейским находкам, как Верхнеяблочное и Шипово. На первых шагах исследования казалось несущественным то, что часть восточноевропейских и североказахстанских комплексов в чем-то отличается от названной выше «классики». Поэтому, расширяя круг «гуннских» древностей за счет новых данных, никто не находил нужным обосновать это расширение, доказать принадлежность восточных находок к той же культурной общности и эпохе, что и керченские или дунайские погребения.

Занявшись восточноевропейской хронологией, я обратил внимание на эти обстоятельства и попытался привлечь к ним внимание специалистов [6, с. 102, рис. 2; 7, с. 115—120, рис. 10, 11; 8, с. 10—23, 98, 99, рис. 1—10]. Метод группирования прост. Он основан на том, что древности времени европейского могущества гуннов недолговременны: в Керчи культура резко изменилась в VI в., а в Подунавье — даже во второй половине V в. Поэтому наши степные находки, сходные с керченскими и среднедунайскими, бесспорно связываются с гуннской эпохой V в. и могут быть обозначены как основная, I группа. Мужские могилы VIII, IX в Новогригорьевке и женская в Березовке — ключевые находки этой группы. Связанные с ними многими признаками мужская и женская могилы 2, 3 в Шипове и в Верхнепогромном, выделяются необычной для гуннской эпохи поздней (VII в.) геральдической формой пряжек. Постепенно вокруг них наметилась особая, II группа, близкородственная группе I, но более поздняя по времени. Впоследствии реальность ее выделения подтвердилась открытием погребения во Владимировке [9], а существование еще в VII в.— находками в Уфе, Бирске, Преградной, Галайты, Дюрсо вместе с частями геральдических ременных наборов и дважды с седельными фигурными накладками Мартыновского типа [10, с. 56—58; 11, с. 116].

Выделенные И. Вернером обильно зерненные украшения не были механическим вкраплением в иные памятники, но очертили самостоятельную и однородную группу памятников с собственной территорией и связями. Не менее обширная, чем государство Аттилы, она разительно не совпадала с ним по ареалу. За неодновременность обоих образований говорило то, что восточноевропейская часть гуннских владений была и западной зоной III группы, глубинные владения которой остались в Азии [7, рис. 11; 8, рис. 2, *2*, *3*]. Хотя III группа действительно имеет некоторые поздние связи, в том числе с лучше датированной II группой, но их еще весьма мало [7, с. 119, 120; 8, с. 13, 21, 22], в могилах встречены и ранние предметы [8, с. 21], так что спор о ее дате грозит затянуться надолго. III группа тоже представлена женскими и мужскими (Боровое) погребениями. По форме упрощенных лучевых височных подвесок, возможно, с ней сопоставимы и могилы воинов с более скромным снаряжением из Актобе 2 и Кзыл-Кайнар-тобе [8, с. 18, 21, рис. 8, *6*].

Таковы исходные положения начавшейся вслед за этим дискуссии о группировке, хронологии и исторической интерпретации степных древностей «с полихромными изделиями». Участники дискуссии отрицательно отнеслись к моей попытке внести изменения в привычные взгляды, но большинство не смогли привести конкретных контраргументов, ограничившись одним выражением несогласия [12, с. 121; 13, с. 84; 14, с. 225; 15, с. 153, примеч. 11]. Хотя высказывались крупные «специалисты по античности, сарматам и раннему средневековью» [16, с. 106], научные споры решаются, как известно, не большинством голосов. С конкретными развернутыми возражениями выступила только И. П. Засецкая [12, с. 121; 17; 18], впервые попытавшись обосновать традиционное объединение степных древностей с полихромными изделиями «под шапкой» гуннской эпохи. Тщательно проанализировав ее работы, я убедился, что и в них фактически нет аргументов против высказанных мной в 1971 г. положений. Я лишь кратко смог сказать об этом в разделе «Археологии СССР» [8, с. 13], уделив там основное внимание конкретному показу своеобразия каждой из трех обсужденных групп древностей. Непосредственным поводом вернуться к историографическому аспекту темы послужила теперь попытка В. Б. Ковалевской подвести итоги дискуссии по гуннской археологии, в основном результаты нашего спора с И. П. Засецкой [16, с. 103—106]. Излагая мнения сторон, В. Б. Ковалевская избегает прямых оценок и собственное отношение выражает подтекстом, способом подачи сведений. Только по поводу II группы она дважды привела и свое мнение, впрочем, по невнимательности именуя ее то группой II, то группой III [16, с. 105, 106]. К сожалению, читатель не полу-

чил от В. Б. Ковалевской надежной информации и по остальным вопросам дискуссии.

Так, по мнению В. Б. Ковалевской, А. К. Амброз и И. П. Засецкая по-разному используют для исследования фактический материал: И. П. Засецкая «приводит все комплексы... все вещи», А. К. Амброз — лишь часть комплексов, а из вещей только «те, которые „работают" на хронологическую систему» [16, с. 104]. Упрек очень серьезный. И другим моим оппонентам кажется, что мои выводы «покоятся лишь на отдельных случайных фактах» [12, с. 121]. Даже у И. П. Засецкой создалось ошибочное впечатление, что мной использована лишь часть материала, о чем, впрочем, она сказала очень осторожно: «...не упомянуты» [17, с. 69, примеч. 21]. На самом деле при работе над статьей 1971 г. я использовал 32 находки из 34, включенных в сводку И. П. Засецкой, и еще некоторые, менее выразительные, туда не включенные.

Кстати, лишь поверхностным знакомством с гуннской археологией можно объяснить создавшееся у В. Б. Ковалевской впечатление, что «впервые в научный оборот именно как древности гуннской эпохи они во всей полноте были введены И. П. Засецкой» [16, с. 104]. Не желая умалить очень большие заслуги И. П. Засецкой перед гуннской археологией, скажу, что в данном случае рисунки для ее таблицы комплексов в основном взяты из общеизвестных исследований по гуннской эпохе и гуннам [17, рис. 1, *1—4*, *6—11*, *13—34*], используемых каждым, кто обращается к гуннской проблеме, в том числе и мной. А немногие впервые публикуемые на этом рисунке вещи, к сожалению, даны так схематично, что фактически непригодны для научной работы [17, рис. 1, *1—4* (мечи), *5*, *12* (комплексы), *31* (бляха седла)].

Иное дело, что подборка схематических рисунков, сделанная И. П. Засецкой, сильно облегчает чтение статьи неспециалистами. К сожалению, я сделать таких иллюстраций не мог, поскольку рисованные сводки комплексов по всем разделам раннесредневековой хронологии Евразии по объему превышают возможности не только статьи, но даже и книги. Поэтому я мог лишь напоминать, что строю хронологию только из комплексов [6, с. 97, 99 и др.], что «объем текста сильно сжат за счет описаний и количественных показателей, поскольку весь материал опубликован. Например, достаточно просмотреть указанные здесь публикации...» [6, с. 99]. При таком огромном объеме материала и сжатости статьи я мог дать ее только как путеводитель по целому морю комплексов, надеясь, что специалисты по каждой проблеме, заинтересовавшись статьей, не откажутся просмотреть основные публикации фактов и воочию проверить по ним мои наблюдения. Так и по I группе гуннов мной перечислены с указанием страниц и номеров рисунков «подручные» публикации 12 восточноевропейских находок, дающие достаточную информацию по теме [6, с. 102, примеч. 10], а на приложенной карте специалист без труда узнал бы по местоположению 17 известных пунктов с вещами I группы: Кончешть, Тилигул I, Саги, Раденск, Кучугуры, Щербатую котловину, Новогригорьевку, Беляус, совхоз им. Калинина, гору Климентьеву, Красный Сулин, Дмитриевку, Воздвиженское, Паласа-Сырт, Нижнюю Добринку, Березовку, «Восход» [7, рис. 11, *1*] — объем использованных в статье комплексов I группы. Такие же списки публикаций и карты были даны по 23 находкам II и III групп [7, с. 115, примеч. 15, 17, 18, с. 116, примеч. 21, с. 119, примеч. 25, рис. 11, *2*, *3*]. Охарактеризованы также Муслюмова и Федоровка [7, с. 107, 112]. Так что В. Б. Ковалевская не заметила главного: для обоих сравниваемых ею авторов «каждая выделенная группа или подгруппа остается суммой конкретных погребений», а не только системой признаков [16, с. 105].

Обещав разобраться в «сути данного спора». В. Б. Ковалевская увидела ее «прежде всего» в том, что И. П. Засецкая делит материал на пять одновременных подгрупп, А. К. Амброз — на три разновременных. «И. П. Засецкая же считает, что выявленное А. К. Амброзом членение отражает не хронологическое отличие погребальных комплексов, а разделение их по полу (табл. 4)» [16, с. 103, 104]. Она придала последнему утверждению столь важное значение, что даже составила специальную таблицу для его обоснования и популяризации. И вновь В. Б. Ковалевская дезориентирует читателя. По полу погребенных различаются не I—III группы, а только предварительно выделявшиеся И. П. Засецкой меньшие «подгруппы А, В, Г, Д», и то лишь потому, что уже при их создании они были отобраны исследовательницей именно по этому признаку.

Обратимся теперь к основной полемической статье И. П. Засецкой [17]. Внимательно изучать ее очень трудно, так как ход авторской мысли не всегда можно уловить среди обильных перечислений и подчас противоречивых оценок. В конце концов пришлось отдельно по каждому вопросу проследить сквозь всю работу, что говорит о нем автор в разных местах текста. Лишь тогда мне удалось выяснить систему рассуждений И. П. Засецкой и оценить реальные результаты нашей полемики.

Прежде всего сама И. П. Засецкая считает, что обсуждаемые древности надо делить не на пять, а только на две группы: первая в основном совпала с суммой моих I и III групп, другая идентична моей II — вот результаты статьи, по мнению автора [17, с. 54, 69]. Причину такого различия погребений И. П. Засецкая не бралась определить [17, с. 69].

Лишь с вспомогательной полемической целью ею сделано «предварительное деление памятников на отдельные подгруппы, которые обозначены А, Б, В, Г и Д» [17, с. 54]. Выглядит это так. Сначала из групп I и II убраны все погребения с диадемами, исполненными в обычном для этих групп стиле и технике, и объединены в маленькую «подгруппу Г». Важно пояснить, что для «гуннских» могил с тисненными украшениями без обильной зерни (I и II группы, или подгруппы А, Г и Д у И. П. Засецкой) женские погребения до сих пор выделяются исследователями только по наличию диадемы как наиболее специфической особенности убора кочевнических женщин той поры. Поэтому вынести из группы все погребения с диадемами — то же самое, что изъять из нее все женские погребения. Оставшиеся только мужские погребения из I группы И. П. Засецкая обозначила как «подгруппу А», из II — как «подгруппу Д». Затем из I и III групп взяла четыре погребения, в которых оружие или конское снаряжение сопровождались украшениями с зернью, и создала из них маленькую «подгруппу Б». При этом из III группы в «подгруппу Б» переместилось единственное в ней богатое мужское погребение в Боровом с обильно зерненными украшениями, и в группе III, естественно, остались одни женские могилы, получившие название «подгруппы В». Ясно, что ни одна из этих подгрупп не тождественна предложенным мной I—III группам: Б и Г искусственно созданы как новообразования, А, Д, В — лишь фрагменты I—III групп, специально отобранные по признаку пола. Закончив эту трудоемкую работу, на которую ушло 13 из 17 страниц всего объема статьи (считая демонстрирующие подгруппы иллюстрации), И. П. Засецкая констатировала, что ее «подгруппы А и В резко отличаются по составу погребального инвентаря» только потому, «что погребальные комплексы подгруппы А принадлежат мужским захоронениям, а памятники подгруппы В — женским» [17, с. 66]. Это само собой разумеется, если автор статьи только что своими руками удалила из подгруппы А все женские, а из В — единственное мужское погребение. Зачем все это понадобилось, И. П. Засецкая не объясняет и никаких выводов из этого в статье нет [17, с. 66—69].

Можно только догадываться, что в первоначальном варианте текста из этого могло быть сделано заключение, что А. К. Амброз грубо ошибся и выявленное им «членение отражает не хронологическое отличие погребальных комплексов, а разделение их по полу (табл. 4)» [16, с. 104] — именно так поняла это В. Б. Ковалевская. Действительно, в иноязычном резюме рассматриваемой статьи И. П. Засецкой и в преамбуле ее второй, дополнительной статьи такой вывод имеется в одной и той же формулировке: «Причину же особенностей погребального инвентаря... надо... искать не во временном разрыве погребальных комплексов, а в этническом, социальном и половом различии» [17, с. 71; 18, с. 5].

Снова приходится только предполагать, что, дорабатывая основную статью, И. П. Засецкая убрала этот вывод как недоказуемый из текста, не обратив внимания, что он остался в резюме и во второй статье, являющейся продолжением первой. В самом деле, И. П. Засецкая дальше пишет: «Два комплекса из подгруппы Г, в состав которых входят диадемы, вероятно, по стилистическим особенностям последних могут относиться к подгруппе А» [17, с, 68]. Но стоит их туда отнести, как перед нами вновь окажется прежняя I группа, включающая, как говорилось мной выше, погребения и мужчин и женщин. Еще цитата: «К подгруппе Д бесспорно примыкает женское погребение из кургана 2 у станции Шипово (подгруппы Г), которое фактически составляет единый погребальный комплекс с мужским погребением из соседнего кургана 3» [17, с. 68]. Так «воссоеди-

нилась» II группа. Последнее погребение распавшейся подгруппы Г из Верхнегромного И. П. Засецкой, по ее словам, «пока... недостаточно ясно», куда отнести [17, с. 68, 69]. Действительно, диадема там близка изделиям I группы [19, табл. VI, *11*], но по геральдическим пряжкам VII в. это погребение синхронно II группе [7, с. 115, рис. 10, *1*, *2*; 8, с. 17, рис. 6, *23*; 17, рис. 1, *28*]. Поскольку в могиле воина из Борового «обнаружены различные украшения... исполненные в полихромном стиле, характерном для украшений подгруппы В» [17, с. 67, рис. 2; 19, табл. VII, *20*, *22*, *25*, *26*], не осталось оснований говорить об отсутствии мужских могил и в III группе. Так на последних страницах статьи фактически (без прямой констатации этого) вновь воссоздались отрицаемые I—III группы и отпал вопрос об определяющем влиянии половых различий на их своеобразие.

Не берусь оценивать выбранный И. П. Засецкой метод ведения спора. Я вынужден уделить всему этому так много внимания лишь из-за того, что зачастую читатели, не вникая в детали, воспринимают рецензируемую статью И. П. Засецкой как окончательное решение проблемы, как сигнал завершения дискуссии в пользу традиционной хронологии.

Не заметила противоречий в статье также В. Б. Ковалевская и «в поддержку» И. П. Засецкой составила и опубликовала специальную таблицу [16, с. 103, 104, табл. 4]. Правда, в той таблице так перепутаны и номера групп, и сведения о поле погребенных, что при всей внушительности она ничего не иллюстрирует и не доказывает. Но это уже не столь важно, если сама И. П. Засецкая, насколько позволительно судить по вышеизложенному, давно отказалась от популяризируемого В. Б. Ковалевской вывода.

Тем, кто хотел бы составить собственное мнение по этому вопросу, можно посоветовать сравнить между собой не просто I—III группы в их полном объеме, но сначала только могилы воинов этих трех групп (IX могила Новогригорьевки, 3-я могила Шипова, Боровое), потом женские могилы тех же групп (Березовка, Шипово, Верхнеяблочное и Караагач). Легко убедиться, что действительно «резкое» различие трех групп совсем не функционально, т. е. связано не с разным назначением вещей, а с разными культурными традициями, с устойчивыми особенностями декоративного стиля трех самостоятельно существовавших исторических (иначе — археолого-этнографических) общностей [8, рис. 5—7].

Переходя к вопросу о технологических и стилистических сопоставлениях степных древностей, В. Б. Ковалевская информирует читателей, что только «у И. П. Засецкой мы получаем поддающиеся проверке цифровые данные» [16, с. 104], а определения А. К. Амброза нечетки и субъективны [16, с. 104, 105]. Из подтекста этого отрывка следовало бы, что стилистические сопоставления противоречат предложенному А. К. Амброзом делению на три группы. Но, видно, и здесь В. Б. Ковалевская ограничилась беглым знакомством с таблицами И. П. Засецкой: ведь фактически они подтверждают правомерность различения I и III групп.

На составленной И. П. Засецкой «сводной таблице стилистических и технологических признаков» [17, рис. 2] вещи помещены уже не по условным половым «подгруппам», а по обычным группам I и III: и женские [17, рис. 2, *1—8*, *15*, *16*] и мужские [17, рис. 2, *9—14*, *17—24*] вещи есть в каждой группе. По орнаменту основная масса показателей III и I групп различна и лежит в разных углах таблицы. Совпали в основном очертания гнезд, зависящие от формы природных камней, и простейшие способы скрепления металлических ленточек для оправы камней в гнезда, применявшиеся ювелирами в разные эпохи. Главное, что бросается в глаза,— общность технологии декора женских и мужских вещей внутри каждой группы. Комментируя рисунок, И. П. Засецкая признает, что часть женских диадем сделана в том же стиле, как оружие и сбруя в мужской «подгруппе А» [17, с. 68], а у воина из Борового вещи обильно украшены зернью в том же стиле, как и в женской «подгруппе В» [17, с. 67]. Так что анализ технологии не опроверг, а только подтвердил деление на группы I — III, несколько детализировав картину их ювелирного дела. Сначала И. П. Засецкой высказывалось предположение об «общности орнаментальных мотивов» «подгрупп А, В, Д» [17, с. 68], но потом проведенное ею специальное их изучение [20, с. 16, 18, 25, рис. 1, *1*, *3*, *2*, *4*] показало, что в каждой группе они достаточно специфичны.

Остался последний, решающий аргумент И. П. Засецкой: поиск прямых связей между I и III группами (в урезанном объеме именуемыми подгруппами А, В).

В. Б. Ковалевская этот важный раздел вообще обошла молчанием. И. П. Засецкая назвала четыре таких комплекса, в которых, по ее мнению, объединены характерные вещи I и III групп, обозначив их как «подгруппу Б» [17, с. 66—68, рис. 1, *14—17*]. Я уже однажды их кратко рассматривал [8, с. 13]. Типичное для I (бесспорно «гуннской») группы погребение в Беляусе не имеет вещей III группы. Та маленькая сережка с синей центральной вставкой [21, с. 53, рис. 3, *1*], которую И. П. Засецкая связывает с III (В) группой только по наличию зерни, не имеет ничего общего с перегруженными зернью громоздкими «варварскими» серьгами и височными подвесками III группы, у нее даже иной цвет инкрустации. О. Д. Дашевская права, сопоставив эту вещицу с античными и позднесарматскими украшениями. Зернь, в том числе и в треугольниках или ромбах, применялась тысячелетиями, и невозможно любую зерненую вещь из степей относить к III (В) группе. Последняя кроме ряда устойчиво повторяющихся броских признаков выделяется крайне обильным, если не сказать неумеренным, применением зерни, часто с точки зрения современного нам зрителя в значительной мере обесценивающим и дорогой материал, и техническое качество работы. Конечно, могут возразить, что надо ввести измеримые критерии, сосчитать диаметр зернинок, их количество на квадратный сантиметр, площадь всей вещи и т. д., применить статистические коэффициенты. Вероятно, нужно и это. Но нельзя забывать и того, что эти «немые археологические источники» еще и произведения искусства, что делавшие их люди руководствовались не научными соображениями, а тем меняющимся понятием прекрасного, которое отличало разные народы и эпохи. Во всяком случае, мне приходилось слышать, что сравнительно простая диадема I группы из Березовки [4, табл. 13, *3*] созвучнее вкусам нашего времени, чем напоминающая бутафорию диадема III группы из Верхнеяблочного [*19*, табл. VI, *1*].

В Боровом и Мелитополе нет вещей I (А) группы. Одной из них И. П. Засецкая считала чешуйчатые обшивки седел, согласно распространенному мнению, что такой орнамент чуть ли не «паспорт» гуннской эпохи V в. На самом деле он обычен на мечах и седлах вплоть до VI—VII вв. на западе Европы (остготские шлемы VI в. и седла), на Северном Кавказе (Дюрсо, Галайты, Преградная, Кугуль и др.) [10; 11, с. 116; 22, рис. 4, *5*, 8, *4*], в степи (Шипово), Иране (мечи VII в. из Дейлема), на Дальнем Востоке (мечи VI и VII вв. из Кореи), был и в VIII в. (живопись Варахши в Узбекистане).

В 1984 г. И. П. Засецкая фактически (т. е. без ссылки) уже согласилась с моими данными о длительном развитии чешуйчатых обкладок седла от высоких треугольных [8, рис. 3, *7*) до срезанных сегментовидных [8, рис. 3, *44—48*] и о наличии последних в Западной Европе уже в первой половине VI в., но попыталась использовать их для дальнейшей полемики со мной о дате Мелитополя [23, с. 72—74]. Анализ ее внушительных таблиц показал, что предлагаемый в них длинный «эволюционный ряд» таковым не является. Он построен на соотношении длины и высоты обкладок. Но ведь длина прямого основания зависела не от даты, а от ширины украшаемого ленчика, т. е. размеров седла, определяемых габаритами коня и всадника. Степные седла были, видимо, меньше, а древнегерманские крупнее [24, с. 230, рис. 1, *4*].

Реальная эволюция выступа ленчика твердых седел, судя по его оковкам, представляется так: в V в. выступ заострен, в VI—VII вв. со срезанным заострением, в IX—XI вв. прямоугольный со скругленными углами (аланы, ляо), с XIII в. полусегментовидный (закруглен только снизу, как у монгольского седла). Выступание этой детали вперед («высота» пластин) своя у каждого седла. Для различения пластин V и VI—VII вв. по их форме показательны не пропорции, а кривизна фигурного края. От срезанного нижнего угла он сначала шел прямо, потом изгибался. Если точку изгиба спроецировать перпендикуляром на основание, у образцов V в. она окажется выше его середины, ближе к острому концу, у образцов VI—VII вв.— ниже середины, ближе к срезанному углу. Это хорошо видно и без цифровых подсчетов даже по очень схематичным рисункам, приведенным И. П. Засецкой. К последнему варианту относятся все пластины с бордюром, в том числе «кисловодская», найденная в склепе с перемешанными вещами V и VII вв., включая хорошо датированные по монетам VI—VII вв. сосуды [25, с. 20, 21]. Зато на сасанидских блюдах 309—379 и 457—483 гг. [26, табл. XXIX, *57* — XXXI, *59*] (еще одно в Метрополитенском музее) выступы ленчика по кривизне подобны археологическим образцам V в.

И. П. Засецкая права, что чешуйчатые пластины из Мелитополя похожи на образцы V в. [8, рис. 3, *7*], а не на шиповские, но спешит с категорическим выводом об их дате. Пока для них нет сравнительного материала III группы (обрывки из Борового неразборчиво изданы А. Н. Бернштамом): возможно, там ленчики развивались иначе, чем шиповские. Главное же, что формы вещей не всегда исчезали из производства единовременно. Например, в раскопках самой И. П. Засецкой верхнепогромненская диадема, по всем признакам близкая изделиям I группы, найдена вместе с двумя полыми снизу геральдическими пряжками, датирующимися не ранее второй половины VI в., и, следовательно, она синхронна II группе [8, с. 17, рис. 6, *23*; 17, рис. 1, *28*, 19, табл. VI, *11*]. Думаю, что И. П. Засецкая спешит упрекать меня в абсурде [23, с. 77]. Продолговатые пластинки с напаянными гнездами есть не только в I, но и в III группе (Боровое), а в дешевом варианте (с прорезями вместо гнезд) — во множестве во II группе, дважды с бесспорными вещами VII в. (Харачой, Галайты). Характерные для V в. удила с деталями из цветного металла отличаются от мелитопольских, и вообще комбинация на них двух металлов применялась до VII в. (Сахарная Головка). Медные цилиндроконические котелки разного размера и пропорций обычны на Северном Кавказе с V по VII в., а у авар VII в. нередко были во вторичном использовании даже настоящие римские котелки III—IV вв. [27]. Так что спор о дате мелитопольской находки еще не закончился. Хорошо, что он становится конкретнее.

Не связаны с I (А) группой кусочки с перегородчатой инкрустацией из Борового, которые благодаря содействию В. Анадзава (Япония) мне удалось сложить в ножны привозного из Средней Азии или Восточного Туркестана роскошного кинжала VI—VII вв. (8, с. 15, рис. 5, *24*; 19, табл. III, *16, 27, 28, 32*; 28, с. 256, 257, 264—268, табл. I, рис. 2 *2*; 29, рис. 4, *2*, табл. VI, слева].

Только в коллекции из Воздвиженского действительно смешаны характерные конская сбруя I (А) группы и пара женских лучевых подвесок III (В) группы [17, с. 66, 67, рис. 1, *14*; 19, с. 36—40, табл. I, *1*; 30, с. 121, 122, рис. 82—87]. Архивный акт говорит о черепе и костях лошади, но недостаточно ясен в отношении вещей, поэтому И. П. Засецкая справедливо пишет: «Мы не можем наверняка утверждать, что перечисленные вещи происходят из одного погребения» [17, с. 66]. За то, что коллекция происходит не из одной находки, а сборная, говорит присутствие в ней средневековой серьги с гирькой [17, рис. 1, *14*, справа]. Вероятно, на долгом пути воздвиженской коллекции в Эрмитаж в нее включили и вещи из других находок. Во всяком случае, нельзя доказывать синхронность I (А) и III (В) групп по недостоверной коллекции.

Наконец, нет оснований включать во II (Д) группу погребение из «Восхода» [17, с. 68, рис. 1, *34*], оно полностью принадлежит I (А) группе, возможно, ее концу, и не имеет никаких черт переходности [8, с. 15]. И. П. Засецкая считает элементом II (Д) группы в «Восходе» уздечные бляшки с личинами. Это не так. Наиболее яркие признаки II группы — бляхи с «дерюжным» орнаментом, чешуйчатые «рыбовидные» обивки седла с бордюром (обычно из З-образных вдавлений по краю), как в Шипове, могиле VII у Новогригорьевки, кургане 17 у г. Энгельс, Владимировке. Только в г. Энгельс, Владимировке (и депаспортизированная находка в Рутхе) с ними связан устойчивый вариант фаларов с личиной, прочие очень разнородны и относимы ко II группе, если им сопутствовали другие, более характерные вещи, как в Новогригорьевке. Трактовка личин находит параллели на западных фибулах и пряжках V—VIII вв., на сбруйных бляхах V в. из Интерцизы, VII в. из Ирана, VIII в. из Югославии (матрица для их тиснения из Бискупие). Так что одного наличия круглых фаларов и тем более сплошной обкладки ремней сбруи бляшками с личинами совсем недостаточно для отнесения комплекса ко II группе. Не представляет исключения и курган 18 у г. Энгельс, где есть ленточка с личинами: я предположительно отнес его ко II группе не по ней, а по обкладке лука с резко расширенным концом — тенденция к расширению намечена исследователями на аварских материалах.

Так как распалась промежуточная «подгруппа Б», призванная объединить I и III группы, они вновь поляризовались и стали столь же самостоятельными, как при первоначальном их выделении. В каждой из групп I — III есть мужские и женские могилы, инвентарь которых связан внутригрупповым единством и своеобразием.

15-летняя дискуссия показала, что у сторонников традиционных взглядов, кроме приверженности традиции, нет ни одного аргумента против выделения трех групп. Деление подтвердилось не только этим, но и новыми находками. Оно прошло проверку временем и, с разными оговорками, фактически начинает медленно входить в обиход специалистов. Так, в связи с находкой во Владимировке еще раз подтвердилась реальность II группы [9]. Не остались неизменными и взгляды И. П. Засецкой.

До дискуссии И. П. Засецкая не ставила вопроса о каком-либо делении «гуннских древностей» по инвентарю и различала полихромные украшения лишь по характеру инкрустации: с камнями в отдельных гнездах она считала I группой, со сплошной перегородчатой, редкой в степи инкрустацией — II группой [3, с. 97; 19, с. 25]. В ходе дискуссии она фактически уже исходит из глубоко идущей неоднородности степных древностей по целому ряду признаков. Перед тем как процитировать ее высказывания, напомню, что они лишь формально относятся к особым «подгруппам А, Д, В»: эти меньшие по охвату подгруппы сначала были выделены И. П. Засецкой внутри моих групп I—III, а после распада «подгрупп Б, Г» вновь расширились до первоначального объема. Так вот, И. П. Засецкая справедливо подчеркнула, что каждой из ее «подгрупп» (теперь можно читать: групп) присущ свой «одинаковый состав погребального инвентаря, стандартизация форм и общность художественно-технологических признаков изделий» [17, с. 62]. «Общность комплексов подгруппы А» ... «не вызывает сомнения в принадлежности данных комплексов к единому культурному кругу памятников» [17, с. 62], «позволяет рассматривать и погребения подгруппы В как памятники единой культуры» [17, с. 63]. «Подгруппы А и В резко отличаются по составу погребального инвентаря» [17, с. 66]. И отличаются не только потому, что одни принадлежали мужчинам, другие женщинам: внутри групп мужские и женские вещи делались в одинаковой технике и стиле, как это хорошо видно и на опубликованной И. П. Засецкой таблице [17, рис. 2]. Наконец, «наиболее самостоятельной выглядит подгруппа Д» (17, с. 68). В этих цитатах, как и во всех статьях по дискуссии, отражен уже совершенно новый подход И. П. Засецкой к степным древностям: фактическое признание их деления на группы по инвентарю. Реальность этих групп, их яркое своеобразие видны даже на собранных И. П. Засецкой схематических иллюстрациях [17, рис. 1, *1—10*, *16*, *26*, *27*, *34*, рис. 1, *11*, *28—33*, рис. 1, *15*, *17—22*, *24*, *25*]. В конце концов эти различия вылились у И. П. Засецкой в деление изделий по орнаментальным особенностям [20, рис. 1, *1*, *3*, 2, 4], где послужившие первопричиной дискуссии группы погребений I, III переименованы для новизны: I — в III, а III в I стилистические группы.

В 1984 г. И. П. Засецкая (как обычно, «де факто») согласилась, что II группа позднее I, и сдвинула Шиппово, Владимировку и деталь седла из керченского склепа 6/1905 г. на «середину — вторую половину V в.» [23, рис. 2]. Считаю это некоторым сближением наших позиций хотя бы в относительной хронологии.

По-видимому, давно настала пора признать, что I — III группы — не плод досужей фантазии, а объективная реальность. Их разделение позволяет более четко отделить хорошо обоснованное (I группа «эпохи Аттилы») от спорного, нуждающегося в более углубленном обосновании. Думаю, что безусловную реальность самих трех групп не надо смешивать с их датированием и интерпретацией — это уже другие вопросы. Может быть, стоило говорить не об одной I группе, а о группах Iа, Iб. В Iа входят древности Керчи, Унтерзибенбрунна, Гиляча и т. п.— для них характерна женская одежда с фибулами, и они связаны с культурами земледельческих народов. В Iб входят степные древности типа Новогригорьевки и Березовки — с бесфибульной одеждой и диадемами женщин. О таком делении древностей V в. уже писали А. Алфелди и И. Вернер. При большом сходстве форм многих вещей, объясняющемся общностью происхождения и тесными связями, группы Iа и Iб достаточно своеобразны.

Дискуссия затронула вопрос о датах. Еще ранее И. П. Засецкая опубликовала две вещи V в. из погребений III группы (обломок зеркала из Ленинска и стеклянный сосуд из Марфовки [20, с. 37, 46]) и показала, как важно сопоставить степные древности с керченскими [2]. Позднее, уже в ходе дискуссии, она опубликовала хранящиеся в Эрмитаже находки из наиболее ярких керченских склепов гуннской эпохи как эталон для датирования кочевнических погребений [18]. Несмотря на схематизм и приблизительность рисунков, это была первая система-

тическая публикация прославленных комплексов, позволившая археологам разных стран наконец-то составить о них более ясное суждение. Обращает внимание полное отсутствие в керченских склепах V в. каких-либо параллелей со II и III степными группами при обилии ассоциаций с I группой по форме удил, пряжек, наконечников ремней. И. П. Засецкая видит причину в разных вкусах степняков и горожан, перечисляет специфические для тех и других формы изделий. Это верно. В Керчи действительно нет, например, излюбленных в степи тисненых украшений I группы с имитацией филиграни, но зато уздечки с длинными металлическими зажимами, наконечники сбруйных ремней, пряжки одни и те же, хотя с разной техникой полихромного декора. Это действительно свидетельствует «о принадлежности... к одной исторической эпохе» [18, с. 15]. Но ведь для II, III групп таких ассоциаций совсем нет в публикуемых керченских склепах. И. П. Засецкая предлагает компенсировать это тем, что «сходство же погребального инвентаря степных комплексов и керченских склепов наблюдается прежде всего в формах оружия — мечей, наконечников стрел, костяных накладок лука, а также в конструкции удил, седла... в наличии зеркал» [18, с. 14]. Звучит это очень внушительно, но сколькими предметами вооружения II и III групп располагает исследовательница? Составленная ею сводка [17, рис. 1, *11*, *15*, *17—25*, *28—33*] показывает, что мечи и кинжалы II группы (в III группе есть только восточный кинжал) представлены мелкими обломками, а главное, принадлежат к формам, бытовавшим не одно столетие, как и стрелы и седла с обивками. Ничего специфичного только для V в. и неизвестного позднее среди них нет. К тому же о сходстве, например, наконечников стрел трудно судить и потому, что для впервые публикуемых эталонных керченских наконечников, как и концевой накладки лука, ею даже не указан размер [18, рис. 4], хотя он играет не последнюю роль в их периодизации [8, с. 16, рис. 5, справа]. Нет и сопоставимых зеркал: во II группе единственное зеркало с боковой ручкой связано с приуральскими аналогиями VII в. (Бирск, Калмацкий Брод, Кушнаренково), в III группе зеркало из Мелитополя ближе к степным сарматским образцам, из Ленинска — привозное китайское. Так рассмотрение аналогий по каждой группе отдельно дает совсем иной результат, чем суммарное.

Еще о керченских аналогиях. Некоторые параллели для шиповских изделий II группы Т. М. Минаева все же нашла в Керчи [31, с. 207], но преимущественно в тех не включенных в обзор И. П. Засецкой склепах, которые по современным критериям надо относить к послегуннскому времени VI—VII вв.: склепы 6/1905 г. (чешуйчатая пластина седла с бордюром [23, рис. 2, *20*] и стрелы; датируют полые снизу пряжки, обломок псалия), 152/1904 г. (браслет с звериными головками, стрелы; датируют импортная пряжка первой половины VI в. и канделябр VI в.); 78/1907 г. (браслеты с головками; датируют геральдические пряжки и пальчатые фибулы VI—VII вв.). Из склепов действительно V в. Т. М. Минаева назвала лишь 154/1904 г. (стрелы). О том, чтобы в боспорских склепах находили аналогии для вещей III группы, пока сообщений нет, хотя, судя по погребению в Марфовке, кочевники III группы близко подходили к городу Боспору.

Здесь дан лишь критический анализ основных дискуссионных работ. Позитивная часть проблемы, рассмотрение фактического материала предварительно уже дано мной в ряде статей [6, с. 100—104, рис. 2, 3, *1—7*; 7, с. 115—120, рис. 10 и 11; 8, с. 10—23, 98, рис. 1—10; 10; 11, с. 116; 29, с. 18—21]. Поэтому скажу еще только несколько слов о хронологии. Поздняя дата II группы подтвердилась анализом находок из Башкирии, Дюрсо, Преградной, Галайты, западноевропейскими параллелями в Крефельде-Геллепе и Равенне [8; 11; 29]. Можно лишь догадываться, что о своем согласии именно с этой передатировкой пишет теперь В. Б. Ковалевская, по-видимому, спутавшая в тексте номера групп (III вместо II) [16, с. 106].

Наиболее спорны дата и интерпретация III группы, но думаю, что уже самое ее выделение сыграет в их выяснении положительную роль: раньше на III группу просто переносили выводы, сделанные для I группы, теперь она потребует «индивидуального» подхода. В могилах III группы имеются две вещи V в.: кусочек китайского зеркала в Ленинске и стеклянный сосуд с синими налепами в Марфовке. Более спорны даты пряжки и ложки из Зеленокумского погребения. Подобные пряжки появились в V в., но нередки и в комплексах VI—VII вв. [22, рис. 4, *19*, *20*, 7, *9*; 25, с. 21, 22]. Ложку авторы публикации не вполне точно сравнивают

с керченскими V в. У тех (3 экз.), судя по публикациям, передний конец заострен, у этой — круглый; в Керчи и у западных образцов V в. звено, соединяющее с ручкой, постепенно идет из-под дна ложки и имеет вид волюты или звериной головки, в Зеленокумске же начинается от края ложки и иной формы. Зеленокумская ложка близка скорее образцам не позднеримской, а уже «меровингской» эпохи [33, с. 186, рис. 8], но, к сожалению, фрагментарность предмета не позволяет датировать его с достаточной уверенностью ни V, ни VI в. Есть в III группе и вещи, не встреченные пока в V в., но хорошо известные с VI—VII вв.: вытянутая костяная подпружная пряжка с подвижным язычком из Канаттаса [22, рис. 5, *21*, *22*; 34, рис. 4, *31*, 8, *22*], широкие короткие наконечники с рубчатым валиком [22, рис. 7, *12*, 8, *9*] и среднеазиатский кинжал (датированный по аналогиям и по изображениям от Кореи до Италии) из Борового [8, с. 21, рис. 3, *24*, *53*, 5, *24*, 6, *20*]. Наблюдается взаимопроникновение элементов III и II групп: в одной из них — ленточка с тройными рубчиками в Мелитополе, диадема с З-образными оттисками в Ленинске, в другой — тисненые имитации (в частности, на обкладках седел) обильного зернения (особенно ярко — на диадеме III группы из Караагача и седле II группы с ул. Тукаева в Уфе) [8, рис. 3, *25*, *44*, *48*, *51*, *52*, ср. рис. 7, *9*]. Параллели, намеченные И. Вернером уже в 1956 г., ведут от III группы к позднехаринским полихромным наконечникам ремней с очень обильной зернью, датирующимся не ранее VI в. Другие параллели — к древностям Киргизии, а от них через зерненые перстни из Шамси к общепризнанным комплексам VI—VII вв. (Морской Чулек, усадьба Мединститута в Уфе) и через серьги — к украшениям VI—VII вв. из I храма Пенджикента.

Недавно возникла еще одна проблема: археологи стали иногда относить к гуннской эпохе не принадлежащие ей более ранние находки. Так, например, неправильно датировано «самым концом IV—V вв.» богатое погребение из Кишпека в Кабардино-Балкарии, и эта дата находит все большее распространение среди кавказоведов [16, с. 110, 111]. Но в Кишпеке нет ни одной вещи V в., его полихромные изделия с синими стеклами и сердоликами, украшенные фольгой с вытисненными звездочками, дужками, кружками с выпуклой точкой в центре, с широкими рубчатыми валиками (имитирующими зернь и филигрань в более дешевой технике), характерны для провинциально-римского ремесла III—IV вв. на Дунае (например, на парадных офицерских шлемах; есть и мелкие предметы), в Херсонесе и Керчи (могила с золотой маской, могила на усадьбе Месаксуди). В комплексах гуннской эпохи вещь того времени и стиля встречена лишь однажды — это римский шлем из погребения в Кончешть. Недоразумение возникло потому, что в отечественной литературе тема об этих изделиях почти не освещалась [6, с. 100, 102, примеч. 7, 8, рис. 2, *1—5*].

Изучающим гуннскую эпоху археологам еще много есть о чем поспорить. Но хотелось бы, чтобы этот спор принял более четкие, практические формы. Очень важно также полное издание коллекций, в первую очередь эрмитажных, с Украины, из Киргизии. Дискуссия и обмен мнений вокруг нее лишний раз напомнили, что чтение научной литературы — всегда творческий процесс соисследования, требующий от читателя не простого ознакомления и принятия для своего активного пользования той или иной предлагаемой на выбор удобной точки зрения, а прежде всего приложения немалых собственных усилий с целью составить обоснованное критическое мнение о прочитанном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alföldi A.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung.— AH, 1932, t. IX.
2. *Засецкая И. П.* О хронологии погребений эпохи переселения народов Нижнего Поволжья.— СА, 1968, № 2.
3. *Засецкая И. П.* О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV—V в.— АСГЭ, 1977, вып. 18.
4. *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
5. *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением близ гор. Покровска.— Уч. зап. Саратов. ГУ, т. VI, вып. III. Педагогический факультет. Саратов, 1927.
6. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I.— СА, 1971, № 2.
7. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II.— СА, 1971, № 3.

8. *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
9. *Скарбовенко В. А.* Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье.— В кн.: Древняя история Поволжья. Науч. тр. КГПИ, 1979, № 230.
10. *Амброз А. К.* О месте преградненской и галайтинской находок среди раннесредневековых древностей.— В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1982.
11. *Амброз А. К.* О двупластинчатых фибулах с накладками.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М.: Наука, 1982.
12. *Засецкая И. П., Маршак Б. И., Щукин М. Б.* Обзор дискуссии на симпозиуме.— КСИА, 1979, вып. 158.
13. *Шелов Д. Б.* Волго-донские степи в гуннское время.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
14. *Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV—V вв. из Северной Осетии.— СА, 1975, № 1.
15. *Bakay K.* Bestattung eines vornehmen Kriegers vom 5. Jahrhundert in Lengyeltóti.— AAH, 1978, t. 30, f. 1—2.
16. *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984.
17. *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи.— СА, 1978, № 1.
18. *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей.— КСИА, 1979, вып. 158.
19. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975.
20. *Засецкая И. П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным.— Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М.: Наука, 1982.
21. *Дашевская О. Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— МИА, 1969, № 169.
22. *Рунич А. П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья.— СА, 1979, № 4.
23. *Засецкая И. П.* Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи.— В кн.: Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
24. *Амброз А. К.* К статье А. В. Дмитриева.— СА, 1979, № 4.
25. *Амброз А. К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв.— В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
26. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909.
27. *Гарам Е. С.* Римские медные котлы в раннеаварских погребениях.— АЁ, 1982, 109. k., 1. sz.
28. *Anazawa W., Manome J.* The problems on a gold dagger with cloisonné decorations from Kerim-lo № 14 tomb in Kyongju, Korea.— In: Kobunka dansou, № 7. Kita-Kyūshu, april 1980.
29. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
30. ОАК за 1980 г. СПб., 1981.
31. *Minajeva T. M.* Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo.— ESA, 1929, t. IV.
32. *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья.— АСГЭ, 1968, вып. 10.
33. *Böhme H. W.* Löffelbeigabe in spätrömischen Gräber nördlich der Alpen.— Jahrbuch RGZM, 1972, Jg. 17.
34. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.: Наука, 1981.

Критика и библиография

С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982. 176 с. с илл.

Наряду с древними наскальными изображениями первобытная археология знает еще одну особую группу памятников, также не залегающих в земле и не требующих археологических раскопок. Эта группа памятников не очень обширна, но весьма интересна, и интерпретация ее обычно вызывает оживленные споры. К ней относятся каменные лабиринты Беломорья, мегалитические сооружения Бретани, фигурные земляные насыпи Северной Америки.

К этой же группе принадлежит и археологический памятник, которому посвящена рецензируемая книга. Речь идет об открытом М. А. Членовым в 1976 г. на Чукотке, на маленьком островке в Беринговом море, в районе бухты Провидения, своеобразном монументальном сооружении, получившем название «Китовая аллея». Вдоль морского берега на протяжении 300 м в галечный пляж вкопано и закреплено в одинаковом стоячем положении в один ряд около 60 черепов китов. Черепа расположены не равномерно, а образуют 15 групп, разделенных между собой интервалами примерно в 20 м каждый. Вторым элементом Китовой аллеи являются вкопанные в грунт 34 столба из нижних челюстей китов, высотой 4—5 м. В отличие от черепов они расположены беспорядочно. В комплекс Китовой аллеи входят еще около 120 небольших ям, служивших, видимо, для хранения китового мяса, а также расположенная в самом центре комплекса и обозначенная авторами как главное святилище площадка в форме амфитеатра, окаймленная валом из крупных валунов. В середине площадки находится большой плоский валун грубой трапециевидной формы; к площадке приурочен также очаг из небольших камней, заполненный золой. Какие-либо археологические находки с Китовой аллеей не связаны. Впрочем, раскопки здесь не производились.

Китовая аллея, как справедливо подчеркивают авторы, является уникальным монументальным культовым сооружением, не имеющим себе равных в Арктике. Она образовалась не постепенно, а, вероятно, была сооружена в один прием, по единому плану.

Книга С. А. Арутюнова, И. И. Крупника и М. А. Членова представляет собой бесспорный вклад в современное эскимосоведение. В связи с Китовой аллеей в рецензируемой книге обстоятельно рассматриваются многие общие вопросы развития древней эскимосской культуры. Авторы вдумчиво и осторожно подходят к датировке и интерпретации памятника, реконструкции происхождения и функции Китовой аллеи. Сопоставление историко-культурных и геологических данных, а также использование полученных в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР радиоуглеродных дат позволили датировать Китовую аллею XIV—XVI вв. н. э. (с. 139—142). Естественно было бы попытаться выяснить, не смогут ли помочь интерпретации Китовой аллеи расспросы местного эскимосского населения, а также привлечение данных эскимосского фольклора и мифологии. Авторы тщательно и всесторонне рассматривают эти возможные виды своих источников (с. 94—104), но в итоге оказываются вынужденными констатировать следующее: ни ответы и объяснения местных жителей, ни обзор фольклорных текстов и мифологии не приближают к пониманию памятника. Содержательный и интересный обзор обрядности и ритуальной практики азиатских эскимосов XIX—XX вв. (с. 104—113) заканчивается призывом к осторожности в попытках каких-либо прямых сопоставлений структур Китовой аллеи с кажущимися параллелями в эскимосском ритуале начала XX в. Нам представляется, что эта сдержанность и строгость в реконструкции и интерпретациях, хотя поначалу и вызывает чувство некоторого разочарования, заслуживает всяческой похвалы.

Итоговая реконструкция Китовой аллеи, предлагаемая авторами в качестве гипотезы и представляющаяся убедительной, выглядит следующим образом (с. 142—160): Китовая аллея являлась культовым местом, центральным святилищем довольно крупного объединения древнеэскимосских племен, охватывавшего ряд поселков, располагавшихся по соседству. Ритуальные действия совершались здесь раз в год (или в несколько лет) и сопровождались обильными пиршествами. Они носили скорее всего эзотерический характер, были доступны только для членов данного тайного мужского союза. Более или менее постоянный контингент участников, в составе которого не было женщин и детей, регулярно собирался здесь в установленные традицией или заранее обусловленные сроки. Речь идет, вероятно, о промысловых культах, связанных в первую очередь с добычей кита. Открытие на маленьком островке крупного святилища, для сооружения которого потребовались невиданные в условиях Арктики затраты времени, усилий, а значит, и прибавочного продукта, существенно меняет прежние представления об обществе оседлых арктических охотников как о слаборазвитых атомарных социумах, тратящих все свои внутренние силы на тяжелейшую борьбу за выживание в суровой среде обитания (с. 160).

Книга С. А. Арутюнова, И. И. Крупника и М. А. Членова вводит в науку ценный этнографический и археологический памятник, существенно обогащает наши представления не только о первобытной истории Крайнего Северо-Востока Сибири, но и о первобытных верованиях и религиозных обрядах вообще, поднимает и частично разрешает важные вопросы историко-этнографических и историко-археологических реконструкций древних культовых объектов и связанных с ними церемоний и представлений. Появление книги следует приветствовать.

В то же время жаль, что авторы при оценке памятника в свете сравнительных материалов совершенно оставили в стороне проблему широко распространенных первобытных культовых мест, на которых люди складывали (иногда просто кучей, иногда в строгом установленном порядке) все или только определенные кости убитых на охоте животных в надежде обеспечить таким путем возрождение этих животных и удачную охоту на них в будущем. Рассмотрение этой проблемы на современном научном уровне, спустя несколько десятилетий после появления книг Д. Фрэзера и Д. К. Зеленина, вероятно, помогло бы по-новому осветить и некоторые вопросы интерпретации Китовой аллеи. Едва ли случайно знаменитые мезолитические могильники Тевьек и Гёдик в Бретани, как и не менее знаменитый Оленеостровский неолитический могильник на Онежском озере, также располагались на маленьких островках.

Необходимо отметить отдельные недостатки рецензируемой книги, частично отражающие неполноту проведенных на Китовой аллее за четыре сезона (1976, 1977, 1979 и 1981 гг.) полевых работ. Здесь, к сожалению, не были осуществлены рекогносцировочные археологические раскопки. Древний культовый комплекс располагается на поверхности, и для его раскрытия широкие раскопки не были нужны. Но рекогносцировочные траншеи и шурфы помогли бы установить, не связаны ли с Китовой аллеей хотя бы единичные находки каменных и костяных изделий, позволяющие уточнить ее возраст и культурную принадлежность, выявить, не располагаются ли поблизости древние погребения или какие-либо подземные элементы культового комплекса. В этом отношении поучителен опыт полевых археологических работ, проводившихся на каменных лабиринтах Беломорья (А. Я. Брюсов, Н. Н. Гурина). Недостатком является и отсутствие подробных крупномасштабных археологических планов отдельных частей Китовой аллеи, отдельных групп костей; такие планы хорошо бы дополнили схемы, иллюстрирующие книгу.

Рецензируемая книга заканчивается фразой: «Исследования Китовой аллеи продолжаются» (с. 164). Желательно, чтобы при продолжении этих столь успешно развернувшихся и давших столь хорошие результаты изысканий были учтены высказанные замечания.

Борисковский П. И.

А. П. Погожева. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск: Наука. 1983. 145 с., илл.

Трипольская антропоморфная скульптура занимает особое место среди аналогичных комплексов древнеземледельческих культур. Именно на ее основе формировались современные представления о закономерностях развития первобытной скульптуры эпохи производящего хозяйства и связях этой скульптуры с верованиями первобытных земледельцев. Потребность в исследовании, подводящем итоги, изучения трипольской антропоморфной скульптуры, назрела давно.

Таким обобщающим исследованием стала монография А. П. Погожевой. В этой книге обобщены материалы 110 коллекций, насчитывающих в общей сложности более 2 тыс. целых и фрагментированных антропоморфных скульптурок трипольской культуры.

Задача исследования сформулирована А. П. Погожевой следующим образом: «Анализ пластики, выделение различных пластических образов, описание их развития на протяжении истории Триполья, выявление художественных стилей и локализация их на разных этапах этой истории..., попытка проникновения в загадочную сущность глиняных фигурок, в духовный мир и религиозные воззрения древних земледельцев» (с. 6).

Таким образом, в поле зрения А. П. Погожевой попадает широкий круг проблем, связанных с мировоззрением и идеологическими представлениями раннеземледельческих племен юга Восточной Европы. Широта поставленных задач исследования требует не только глубокого осмысления материалов близлежащих территорий Юго-Восточной и Южной Европы, но и учета данных по всей древнеземледельческой ойкумене.

Глава I «Общая характеристика трипольской антропоморфной пластики» открывается кратким историографическим очерком. Затем, после характеристики материала, автор обращается к методам анализа пластики, что невозможно без осознания особенностей объекта изучения.

Первобытная антропоморфная скульптура [1] — специфический памятник. Подходить к ней как к исключительно археологическому объекту — значит, искусственно ограничивать информативность источника. Чем шире круг произведений первобытного искусства, тем настоятельнее задача исследования памятников с привлечением методов искусствознания.

Первобытные изобразительные памятники характеризуются при помощи понятий, почерпнутых в теории искусства, уже давно. Такие термины, как «реалистичное изображение», «схематизм», «условность», «натурализм», «иконография», «содержание», «образ» и т. д.,— неотъемлемая часть практически всех исследований первобытной скульптуры. Сейчас, когда особенности изобразительного творчества древних становятся более определенными, применение искусствоведческой терминологии не должно оставаться интуитивным: любое понятие должно быть осознано как отражающее явление именно первобытного искусства [2].

Недавно Я. А. Шер предложил при классификации изобразительных памятников эпохи первобытности выделять в них элементы содержательные, стилистические и иконографические. Этого деления придерживается и автор рецензируемой книги [3]. Под содержательными элементами понимаются те, которые призваны отвечать на вопрос: *что изображено*? Поскольку изображен человек, чаще — женщина, к содержательным элементам отнесены признаки пола. Стилистические элементы призваны отвечать на вопрос: *как изображено*? Это изменяющиеся во времени, «текучие» элементы, служащие целям датировки. Иконографические элементы (отвечающие на вопрос: *какие атрибуты присущи данному образу*?) близки стили-

[1] В рецензии понятия «скульптура» и «пластика» употребляются как синонимы, поскольку пластика — скульптура из мягких материалов (с. 12).

[2] Вероятно, введение новых понятий создаст лишь дополнительные неудобства, поэтому кажется целесообразным оперирование уже существующими, но в их значения должны вноситься поправки, связанные с интересующим нас материалом. Так, кажется особенно неприемлемым применение без специальных оговорок понятия «реализм» для характеристики некоторых статуэток трипольской культуры, как, впрочем, и статуэток любой другой культуры первобытных земледельцев: передача форм человеческой внешности относительно близко натуре — еще не реализм.

[3] На с. 13 допущена опечатка: в последнем абзаце вместо «иконографические» напечатано «изобразительные».

стическим, но могут играть решающую роль в вычленении различных ипостасей женского божества, т. е. сродни элементам содержательным (с. 13).

В литературе уже обсуждалась предложенная Я. А. Шером классификация [1]. А. П. Погожева отмечает неясность границ подобной классификации и общую неопределенность входящих в каждую рубрику признаков. Представляется, что, будучи формальной (достаточно сказать, что к содержательным элементам отнесены лишь признаки пола и некоторые иконографические), каждая из рубрик может быть заменена другой, не содержащей качественной оценки и на этом этапе исследования — априорных семантических интерпретаций. Используемое автором деление может быть итогом исследования, когда изучены не только формальные характеристики, но и семантика фигурок. Лишь тогда может стать ясным, какие из признаков являются содержательными, стилистическими или иконографическими.

Обращаясь к проблеме происхождения трипольской пластики, А. П. Погожева констатирует тесную связь ее с вопросом происхождения культуры в целом, «которую до сих пор нельзя считать окончательно разрешенной» (с. 14). Наиболее мощный пласт, послуживший основой формирования трипольской пластики, автор видит в боянской, затем гумельницкой культурах, в свою очередь испытавших инокультурные воздействия. Признавая относительную самостоятельность этой проблемы в рамках рецензируемого исследования, все же следует отметить, что сопоставление пластики триполья и других земледельческих культур Юго-Восточной Европы могло быть более глубоким и подробным.

Основная часть работы отводится анализу статуэток на всех этапах развития трипольской культуры (главы II—IV). Базой классификации послужили комплексы раннего триполья, что подчеркивается определением ее принципов в главе II, посвященной именно раннетрипольской скульптуре. Автор выделяет пять ступеней, включающих виды, группы, классы, типы и подтипы. Ступень I выделяется по признаку позы (сидячая и стоячая), ступень II – по признаку пола. Эти признаки относятся к категории содержательных. Ступень III основана на признаке наличия и отсутствия орнамента, т. е. признаке иконографическом (хотя на с. 20 он отнесен к содержательным признакам). Ступень IV определяется иконографическими и стилистическими признаками: особенностями передачи ног, пропорциями, формами нижней части, торса и т. д. Классификация носит генетический характер, поэтому подтипы, выделяемые на ступени V, представляют собой результат развития типов, выделенных на ступени IV. Автор справедливо указывает на возможности совершенствования предложенной им классификации, как, впрочем, и всякой другой (с. 21). Достоинство предложенной схемы в том, что она в рамках этого конкретного исследования «работает». Типы представляют набор взаимосвязанных элементов; удается проследить динамику их бытования внутри этапов (особенно четко — для раннего этапа, см. с. 36—38).

Автор справедливо полагает, что рассмотрение образцов антропоморфной пластики должно быть максимально полным, охватывающим все особенности фигурок — от позы до элементов условных изображений на них.

Несмотря на все оговорки и критическую применимость схемы, изложение принципов классификации оставляет чувство неудовлетворенности: оно недостаточно четкое, приведено слишком суммарно. Хотя работа посвящена пластике трипольской культуры на всех этапах, автор акцентирует внимание (с. 23) на продуктивности классификации лишь для раннего триполья, оставляя читателя в сомнениях относительно среднего и позднего до того момента, как он перейдет к последующим главам.

Информация, содержащаяся в главах II—IV работы, очень велика. К сожалению, не всегда характеризуемые элементы фигурок (признаки) сопровождаются четкими количественными определениями: встречаются указания типа «много» — «мало», «преобладают» и проч. (нередко трудно определить, например, сколько в том или ином комплексе мужских статуэток). Бросается в глаза, что полнота анализа статуэток различных этапов неодинакова: наиболее полно изучены фигурки раннего этапа.

Важным кажется тщательный анализ «орнамента» на статуэтках. Условные изображения, по мнению А. П. Погожевой, были не только декоративными, т. е. орнаментальными (с. 46). Отдельные мотивы рассматриваются ею как устойчиво связанные с определенными зонами фигурок. Интерпретация значения этих изображений, многие из которых были явно символическими, представляет труд-

ности. Сводка большого материала послужит базой дальнейших исследований. Пока же приходится ограничиваться общим заключением о том, что значение орнаментов связано с образами плодородия.

В заключение дается краткий обзор развития трипольской пластики, прослеживается распространение типов во времени и пространстве. К этому обзору примыкает отнесенный автором в конец книги небольшой раздел об эстетических представлениях «трипольцев» (гл. V, раздел 7), в котором также анализируются тенденции развития пластики. Не исключено, что именно после обстоятельного исследования всей трипольской пластики было бы целесообразно обратиться к анализу ее происхождения; посвященный этому раздел помещен в книге перед рассмотрением пластики раннего этапа (с. 14—20) и носит в основном историографический характер.

Выводы автора помогают выявить некоторые общие закономерности в развитии антропоморфной скульптуры первобытных земледельцев Старого света. Так, отмеченный А. П. Погожевой переход от изображения согнутых полных женщин со стержнеобразной головой к стоящим «худощавым» с проработанными чертами лица характерен и для некоторых других комплексов (в том числе для анауского в Южной Туркмении, пластики Двуречья VI—V тыс. до н. э.). То же следует сказать и о постепенном увеличении числа мужских статуэток. Увеличение удельного веса одних признаков из числа перечисленных (поза, пол, оформление головы, пропорции) коррелирует с уменьшением удельного веса других. На среднем и позднем этапах комплекс статуэток становится более дифференцированным, чем на раннем. Несмотря на преобладание черт схематизма, человеческая фигура начинает передаваться через большее, чем прежде, число признаков.

Последняя глава «К вопросу о назначении трипольской антропоморфной пластики» посвящена наиболее сложному аспекту изучения проблемы — семантике антропоморфной скульптуры. В этой главе рассматриваются распределение статуэток на территории поселений и в могильниках, технология их изготовления, позы, дается реконструкция костюма, прослеживается соотношение образа женщины с образами змеи и быка. Представляется, что ряд материалов, помещенных в этой главе, был бы более уместен в предшествующих главах, там, где давалось описание статуэток по этапам. Так, характеристика статуэток была неполна без указания на их распределение в памятниках, без описания технологии их изготовления, без характеристики элементов украшений и одежды (тем более, что орнаментика статуэток раннего этапа анализировалась в соответствующей главе).

Определяя в главе I особенности трипольской скульптуры как объекта семантического исследования, А. П. Погожева пишет: «Образ в трипольской пластике всегда изолирован, представлен отдельной фигурой, в редких случаях с младенцем на руках. В отличие от таких видов первобытного искусства, как пещерная живопись или петроглифы, он не входит в какую-либо композицию. Он не привязан к пространству, неясно отношение образов друг к другу... Единственный путь — черпать информацию из самой фигурки, всесторонне изучая ее и сопоставляя с другими, а также привлекая остальные виды пластики и широкие аналогии, в том числе из области мифологии и этнографии» (с. 13). Таким образом, «единственный путь» предстает перед исследователем, как достаточно широкий. А. П. Погожева анализирует распределение статуэток на поселениях и в некрополях, что позволяет сделать предположение о характере их использования. Трипольские статуэтки обнаружены в жилищах (при этом число их может быть различным — от отдельных экземпляров до нескольких десятков), есть сведения о связи их с печами, особыми (видимо, культовыми) местами в жилищах или святилищах; их находят в сосудах. Автор приходит к выводу о полифункциональности фигурок, понимая под этим не полифункциональность отдельных типов или групп, а всего комплекса в целом (с. 114). По мнению А. П. Погожевой, антропоморфные скульптурки, находимые под полом жилища, служили для охраны дома и его обитателей, находимые близ печи —для охраны домашнего очага, обнаруженные под порогом — для охраны входа в дом. Фигурки, найденные близ зернотерок, по мнению исследовательницы, были «соучастниками» в процессе растирания зерна; фигурки, обнаруженные в сосудах, охраняли пищу; фигурки из погребений способствовали возрождению покойников. Статуэтки в позе оранты, как полагает А. П. Погожева, служили посредниками между людьми и божеством. Некоторые из этих скульптурок были найдены на специальных культовых местах (с. 115),

так что поза оранты, по-видимому, не связана напрямую с определенным местонахождением, а пребывание подобных скульптурок на культовом месте не изолировано от других функций статуэток.

Местонахождение — не единственная характеристика статуэток, которая может быть основанием для исследования семантики (т. е. значения) и функций (т. е. назначения) скульптурок. В следующем разделе речь идет о технологии их изготовления и отчасти о позах. Важно, что «для всех типов пластики (в том числе для группы мужских фигурок) во всех ареалах культуры и на всех ее этапах» характерна примесь зерен в тесте статуэток, а может быть, и муки (с. 116). Не менее интересно и наблюдение о том, что статуэтки лепили из двух половин (нарочитость этого приема подтверждается сваркой из двух половин медных антропоморфных фигур клада из Карбуны), что внутрь некоторых вкладывали два глиняных желвачка (с. 119). В этом А. П. Погожева вслед за другими исследователями видит проявление дуализма женского существа, двойственности, сопоставимой с двойственностью образов Матери хлеба и Хлебной девы, Деметры и Персефоны и т. д. К этому можно добавить, что среди трипольских статуэток есть двуполые — факт, еще требующий объяснения, но явно связанный с представлением об асимметричной парности, двойственности.

Проанализировав различные виды причесок, элементов одежды и украшений, А. П. Погожева реконструирует костюм, который считает ритуальным облачением участницы подчеркнуто земледельческого культа плодородия. В результате анализа поз фигурок она делает аргументированный вывод о преобладании «стоячих» фигур в специфически полусогнутой позе[4] на раннем этапе трипольской культуры. Анализ материальных свидетельств семантики статуэток завершается сопоставлением образа женщины с образами змеи и быка, представляющих, по существующим предположениям, мужское начало.

По мнению А. П. Погожевой, «очевидно, каждый тип и подтип статуэток представляет определенный антропоморфный образ, воплощающий определенную идею в рамках широко понимаемого культа плодородия» (с. 132). Значит ли это, что отдельному типу статуэток соответствовал отдельный образ? Судя по тому, что говорится дальше об эволюции типов, вероятно, нет. В то же время, поскольку речь идет об эволюции то типов, то образов, то образа, полной ясности нет, и может показаться, что автор отождествляет понятия «образ» и «тип», хотя, насколько можно думать, один образ мог передаваться статуэтками разных типов, тем более существовавших диахронически.

Обобщив большой материал в главе о назначении статуэток, автор, как кажется, поторопился, поместив выводы о функциях статуэток в раздел об их местонахождении. Назначение статуэток и их семантика (значение) неразрывно связаны, и выводы о том и другом, вероятно, можно делать при учете технологии их изготовления, специфики поз, элементов одежды и символических изображений. Изучение семантики представляет большие трудности; оно требует изучения древних религий и этнографических материалов, закономерностей отражения в представлениях людей первобытности явлений природы и их собственной жизни. Представляли ли они землю в образе женщины? Был ли антропоморфен их дух урожая? Какую роль в образах, стоявших за статуэтками, играли представления о предках? Представляли ли они существо в женском облике родительницей всего сущего? Число вопросов можно увеличивать, аргументированные ответы на них предложить гораздо труднее. Важно, что увеличение археологических материалов и углубление их анализа дает основания надеяться на перспективность исследований. Работа А. П. Погожевой — один из шагов в этом направлении[5].

Несколько слов об использовании сведений этнографии, без которых невозможно изучение семантики первобытных изобразительных материалов. Учет собственно

---

[4] Автор никак не истолковывает полусогнутую позу. Напомним в этой связи, что еще в 30-е годы Б. Л. Богаевский опубликовал статью, в которой подобная поза рассматривалась в связи с обрядами плодородия [2].

[5] К сожалению, в гл. V встречаются ошибочные положения: в Чатал Хююке фигурки найдены в основном не между блоков стен (с. 108); святилища Чатал Хююка не служили женскими некрополями хотя бы потому, что там были и мужские, и детские погребения (с. 108); неправомерна формулировка «храмовые комплексы» Чатал Хююка (с. 109). На с. 119 упоминается сирийское поселение Тали Бакун, находящееся на самом деле в Иране. Среди обнаруженных там фигурок двуполые представляют исключение, а отнюдь не «обычны» (с. 109).

археологических данных, проливающих свет на значение той или иной фигурки, на ритуальные действия, в которых они фигурировали,— один из путей, но не единственный. Не менее важны исследование закономерностей бытования антропоморфной скульптуры в традиционных обществах, выявление тех закономерностей, которые были присущи и первобытным коллективам. Этнографами установлена связь антропоморфной скульптуры с почитанием предков, преимущественно женских. Известно также, что образы, стоящие за антропоморфными изображениями, как правило, наделялись широкими функциями — от сохранения здоровья и благополучия людей до влияния на погоду. В этих образах переплетались черты реальных людей и сверхъестественных существ — «предбогов», духов и демонов природных явлений.

Книга, подобная рецензируемой, не может быть свободна от недостатков[6]. В ней встречаются декларативные положения типа «Первобытная скульптура прошла путь от идейно незначимых условных элементов к идейно значимым стилизованным» (с. 12). На с. 111 автор говорит о своем впечатлении о едином ближневосточном очаге происхождения «идеологии земледелия» и ее «основных образах», что нуждается в обстоятельной аргументации. Требует обоснования и вывод: «Очевидно, в Европе произошло слияние образа Матери-прародительницы, хозяйки, существовавшего здесь в идеологии верхнепалеолитического населения, с образом Матери-земли, господствовавшим в идеологии раннеземледельческих племен неоэнеолита» (с. 111). А. П. Погожева, достаточно осторожная в выводах общего порядка, здесь, к сожалению, себе изменяет.

Работа А. П. Погожевой показывает, насколько актуальны на современном этапе изучения антропоморфной скульптуры древности четкая постановка задач исследования, формулировка принципов подхода как к классификации материала, так и к его семантике. Особую важность имеют осознанное отношение к терминологии, четкое определение понятий, учет историко-культурного контекста изучаемого материала. Представляется, что книга А. П. Погожевой сыграет большую роль в дальнейшей разработке проблем истории первобытной скульптуры, как трипольской, так и скульптуры первобытных земледельцев вообще.

Несомненное достоинство работы — многочисленные иллюстрации (35 рисунков) и 22 таблицы, позволяющие в компактной и наглядной форме представить распределение отдельных признаков.

Антонова Е. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонова Е. В., Раевский Д. С.* Рец. на кн.: *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.— НАА, 1981, № 4.
2. *Богаевский Б. Л.* К вопросу о значении изображения так называемого «Колдуна» в «Пещере Трех братьев» в Арьеже во Франции.— СЭ, 1934, № 4.

[6] В книге есть досадные опечатки и неточные определения. Вызывает возражение термин «неоэнеолитический период» (с. 118 и др.); вероятно, имелись в виду неолит и энеолит, взятые вместе. Неоднократно встречаются тавтологические сочетания: «содержательный смысл» (с. 23), «жесты рук» (с. 31), «стопы ног» (с. 74), «антропоморфная форма» (с. 99) и др. Телль — понятие, написание которого принято в нашей литературе, пишется почему-то через одно «л». На с. 128 говорится об «органическом обряде».

Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ» (Москва, 1984)

16—18 февраля 1984 г. в Институте археологии АН СССР проходила конференция «Археологические источники и проблемы их интерпретации», организованная Советом молодых ученых ИА АН СССР. В ее работе приняли участие более 70 молодых специалистов из 14 учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и Калинина.

Конференцию открыл доктор исторических наук Ю. Н. Захарук, отметивший актуальность поднимаемых проблем и важность участия в их решении молодых кадров археологической науки.

На первом пленарном заседании было заслушано 4 доклада. Т. И. Ткачук и Н. А. Чмыхов в докладе «Археологические источники в свете сравнительного языкознания» предприняли попытку интерпретации некоторых археологических материалов с позиций языкознания. В докладе В. С. Ольховского демонстрировались возможности системного подхода при изучении погребальной обрядности. С интересом были прослушаны доклады В. И. Мельника («Преемственность в развитии культуры и ее отражение в археологических источниках») и О. Р. Квирквелия («К вопросу об этапах кабинетного исследования археологических источников»).

На секции археологии каменного века было сделано 4 доклада. А. Н. Сорокин охарактеризовал четыре мезолитические культуры и подвел итог изучения эпохи мезолита Окского бассейна. М. Г. Жилин сообщил о результатах трассологического анализа каменного инвентаря мезолитических памятников Волго-Окского междуречья. Д. Ю. Нужный показал генетическую преемственность финального палеолита и раннего мезолита Днепровского Надпорожья. А. А. Яневич проанализировал памятники с кукрекской традицией в мезолите степного Крыма.

На секции археологии бронзового века было заслушано 5 докладов. Л. И. Авилова на примере трипольской культуры предложила опыт реконструкции социальной структуры раннеземледельческих обществ. В докладе И. А. Гей на основе изучения технологии изготовления керамики были затронуты актуальные вопросы, связанные с культурными традициями трипольских племен. М. В. Андреева остановилась на некоторых методических проблемах изучения археологических культур эпохи халколита. Важная проблема закавказской археологии — появление нового погребального обряда в эпоху перехода к ранней бронзе — рассматривалась в докладе С. А. Асланяна. Большой интерес вызвал доклад Р. А. Мкртчан «Палеоантропологический материал Хвалынского могильника», в котором была показана степень сходства исследуемого материала с имеющимися аналогиями.

На секции археологии раннего железного века состоялось 6 докладов. Ю. А. Лихтер посвятила свой доклад методике исследования древнего стекла на примере стеклянных изделий черняховской культуры. Н. В. Полосьмак рассмотрела сложный вопрос взаимоотношений памятников гороховской и саргатской культур. А. Н. Гудим-Левкович проанализировал экономические функции римской монеты в варварском обществе Северного Причерноморья I—III вв. н. э. В. Ю. Зуев подверг критике распространенную точку зрения о принадлежности захоронений с каменными алтариками савроматским «жрицам». Е. В. Переводчикова рассмотрела особенности иконографии животных разных видов в скифском зверином стиле. Н. А. Кренке осветил проблему периодизации дьяковских памятников бассейна р. Москвы.

11 докладов было заслушано на секции античной археологии. А. В. Сазанов предложил новую методику исследования изделий боспорских коропластов римского времени, подчеркнув широкую популярность мистерий у жителей Боспора. М. Ю. Трейстер проанализировал материалы по бронзолитейному ремеслу Боспора IV в. до н. э. Доклады В. К. Голенко и Н. М. Смирновой касались проблемы денежного обращения и монетной иконографии Кавказской Албании и Бактрии. И. Ю. Шауб, интерпретируя материалы кургана Большая Близница, отметил, что в данном случае мы имеем дело с синкретическим слиянием культов Диониса и местной богини. Е. А. Савостина на основании сравнительного анализа боспорских склепов и надгробий сделала ряд важных выводов, касающихся социальной и идеологической сфер жизни эллинистического общества. Б. С. Ляпустин проследил развитие системы водоснабжения и сброса вод на хозяйственной усадьбе клера № 150 на Гераклейском полуострове. В. А. Горончаровский охарактеризовал домостроительство и оборонительные сооружения Илурата.

На секции средневековой археологии было прочитано 14 докладов. Выступления О. А. Щегловой и О. Макушникова были посвящены анализу раннесредневековых восточно-славянских комплексов. Вопросам палеоэкологии и демографии уделялось основное внимание в докладах И. В. Исламовой, А. А. Узянова и О. В. Серова. С интересом был прослушан доклад Н. В. Жилиной (Мясниковой) «Древняя Тверь по археологическим данным», в котором были определены место возникновения города и местоположение ранних городских укреплений. Интерпретация результатов металлографического анализа железных предметов салтово-маяцкой и чепецкой культур предложена в докладах М. М. Толмачевой и В. И. Завьялова. Доклад С. В. Белецкого был посвящен хронологии и атрибуции печатей «княжа Олександрова» из Пскова. Автор соотносит их с деятельностью Александра Михайловича Тверского. А. В. Фомин рассмотрел государственный бюджет Харуна-аль-Рашида как источник по истории обращения куфических монет в Европе в конце VIII—IX в. И. А. Аржанцева, предложив классификацию среднеазиатских мечей на основании анализа настенных росписей Афрасиаба, Пенджикента и других городов, пришла к выводу, что Средняя Азия не являлась районом возникновения и распространения сабли.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны и обсуждены доклады Е. А. Колпакова («О понятии археологических источников»), В. Ю. Дукельского («Роль понятия „культурно-историческая ситуация“ в интерпретации археологических источников»), А. А. Синицына («Некоторые методические проблемы интерпретации археологических источников»). А. С. Голенцов и О. Р. Квирквелия осветили некоторые аспекты исследования подводных археологических объектов.

В единогласно принятой резолюции по итогам конференции была признана необходимость продолжить в дальнейшем проведение подобных конференций и выражено пожелание опубликовать наиболее интересные доклады.

Завьялов В. И., Ольховский В. С.

ВТОРОЙ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО АРХЕОЛОГИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СРЕДНЕЙ АЗИИ (Самарканд, 1983)

С 6 по 10 сентября 1983 г. в г. Самарканде Узбекской ССР состоялся Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Центральной Азии [1]. В центре внимания участников симпозиума находились проблемы происхождения и упрочения основных форм производящего хозяйства — земледелия и скотоводства — в рассматриваемых регионах («неолитическая революция»), а также проблемы формирования городских раннеклассовых цивилизаций, общее и особенное в их развитии (сравнение различных очагов ранних цивилизаций от Индии до Мексики и Перу). Немалое место в докладах симпозиума уделялось и вопросам методики и теории археологических исследований.

Американская делегация была представлена на симпозиуме в Самарканде 10 ведущими учеными-востоковедами из различных университетских центров США. Возглавлял делегацию проф. Карл К. Ламберг-Карловски — директор Музея Пибоди

[1] Первый симпозиум был проведен в ноябре 1981 г. в Музее Пибоди Гарвардского университета (г. Кембридж, штат Массачусетс, США). История организации и проведения двух советско-американских симпозиумов по археологии в краткой форме такова. Во время переговоров между рабочими группами АН СССР и Совета познавательных обществ США в 1979 г. в США была достигнута договоренность о проведении двух советско-американских симпозиумов — первый в США в 1981 г., а второй в СССР в 1983 г.— для рассмотрения проблем социально-экономического и культурного развития Центральной Азии и Ближнего Востока в период VI—I тысячелетий до н. э. Выбор подобной проблематики был обусловлен тем, что большие группы советских и американских исследователей заняты сейчас активной полевой и исследовательской работой в области ближневосточной и центральноазиатской археологии. Известно, что нашими учеными осуществлены огромные по масштабам археологические исследования в советской Средней Азии, а с 1969 г. и на территориях Афганистана и Ирака (Месопотамия). Значительны по результативности и работы, проведенные археологами США в различных районах Ближнего Востока и Центральной Азии. Исходя из этого, основными областями, подлежащими рассмотрению на симпозиумах, были признаны Месопотамия, Иран, Афганистан, Средняя Азия, а также Северо-Западная Индия. Ограничение хронологических рамок проблематики симпозиумов VI—I тысячелетиями до н. э. объясняется тем, что в этот хронологический период население отмеченных областей прошло путь от раннеземледельческих культур до формирования классового общества и государственности. На переговорах было также высказано пожелание о целесообразности постановки на предстоящих симпозиумах и докладов о сравнительном изучении путей сложения производящего хозяйства и государственности в Старом и Новом Свете. (Подробнее о работе Первого советско-американского симпозиума по археологии см. [1, 2].)

Гарвардского университета. В ее состав входили: проф. Роберт Мак-Адамс (проректор Чикагского университета, а ныне — директор Смитсоновского института, Вашингтон), проф. Роберт Дайсон (директор музея Пенсильванского университета, Филадельфия), проф. Фрэнк Хоул (Йельский университет), проф. Уолтер Файрсервис (Вассар-колледж, штат Нью-Йорк), проф. Филип Кол (Уэссли-колледж, штат Массачусетс), проф. Джек Харлан (Сельскохозяйственный колледж Иллинойского университета), проф. Грегори Джонсон (Хантер-колледж, Нью-Йорк), проф. Норман Иоффи (Аризонский университет) и проф. К. С. Чанг (Музей Пибоди, Гарвардский университет).

С советской стороны в работе симпозиума приняли участие специалисты из Института археологии АН СССР, Института востоковедения АН СССР, Института этнографии АН СССР, Института археологии АН УзССР, Института истории АН ТаджССР, Института истории АН ТССР.

Первое заседание симпозиума открыл приветствием в адрес участников международного научного форума академик-секретарь Отделения общественных наук АН УзССР акад. М. К. Нурмухамедов.

Научная программа симпозиума была весьма насыщенной и интересной. В течение 6—10 сентября было проведено в общей сложности семь заседаний симпозиума, на которых заслушано 27 докладов (10 докладов членов американской делегации и 17 — советской), охватывающих широкий круг вопросов развития ряда взаимосвязанных и в равной мере важных очагов древневосточного культурного мира на протяжении нескольких тысячелетий. Наиболее значительными среди вопросов, обсуждавшихся на заседаниях, являются: *1*) проблема «неолитической революции», т. е. перехода человеческих обществ от присваивающего хозяйства к производящей экономике — земледелию и скотоводству — переломного момента в древнейшей истории человечества, определившего весь ход его дальнейшего развития; *2*) вопросы перехода от первобытного общества к первой классовой формации, сложения городов и формирования первых цивилизаций на Ближнем Востоке и в Средней Азии; *3*) изучение хозяйства, торговли, социальной структуры и идеологии древних обществ.

По проблеме «неолитической революции» и связанными с ней вопросами на симпозиуме выступили с докладами Ф. Хоул, Д. Харлан с американской стороны и Н. О. Бадер, В. А. Башилов, Н. М. Ермолова и Г. Ф. Коробкова — с советской.

В докладе Ф. Хоула «Происхождение и развитие земледелия: значение памятников Дех-Лурана» речь шла о достижениях археологии за последние 25 лет в исследовании процесса возникновения и распространения земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке. Автор констатирует наличие многих региональных вариаций процесса одомашнивания различных видов растительного и животного мира и недостаточность имеющихся сейчас данных для однозначного решения проблемы. В качестве примера он ссылается на открытие в Вади Куббания (Египет) среди материалов 18-тысячелетнего возраста бобовых и финиковых со следами доместикации. «Поразительность данного примера,— подчеркивает Ф. Хоул,— состоит в том, что в соответствии со сложившимися представлениями земледелие этого региона не оказывало существенного воздействия на общество, члены которого оставались бродячими охотниками и собирателями. Признаки же оседлого сельского хозяйства появились в этом районе 12 тыс. лет спустя». В этом отношении весьма важны памятники Дех-Лурана (Иран), дающие богатые ботанические и зоологические свидетельства о развитии процесса одомашнивания на протяжении почти 5 тыс. лет (Али-Кош, Тепе-Сабз).

Профессор Д. Р. Харлан, выступивший с докладом «Ресурсная база основных растительных культур Иранского плато и соседних регионов», отметил большое значение исходных природных форм для процесса становления земледелия. Первые опыты по доместикации растений (включая пшеницу и ячмень) относятся (судя по данным ^{14}C) еще к XVIII—XVI тысячелетиям до н. э. (Египет, Нахал Орен), но они не оказали сколько-нибудь существенного влияния на жизнь местного населения. В рассматриваемом регионе появление эффективных систем земледелия датируется не ранее чем X тысячелетие до н. э. (постоянные поселения, возделывание пшеницы, ячменя, гороха, вики и льна, разведение овец и коз, фисташковые сады).

Н. О. Бадер на основе новейших материалов, полученных Советской археологической экспедицией в Ираке, осветил в своем докладе «Истоки Хассунской культуры и становление земледелия на равнине Синджара» вопрос о формировании первых оседлых земледельческих культур на севере Месопотамии. Он выводит их из местных докерамических памятников типа Телль-Магзалия.

В. А. Башилов рассмотрел в своем докладе проблемы периодизации и темпов исторического процесса «неолитической революции» в Новом Свете и на Ближнем Востоке. Сравнительно-исторический метод, широта общего подхода позволили автору довольно четко отделить стадию складывания предпосылок «неолитической революции» от собственно «революции».

К этой же группе примыкают и весьма интересные доклады Н. М. Ермоловой — о развитии скотоводства и охоты у населения Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы и Г. Ф. Коробковой — «Экспериментально-трасологический анализ и изучение экономики древних культур».

Другую группу составили доклады, посвященные сложившимся в результате «неолитической революции» раннеземледельческим культурам, их развитию и кон-

тактам со смежными областями. Это, в частности, доклады Р. Дайсона — о новых, принципиально важных исследованиях на эталонном памятнике Телль-Гиссар в Иране V—II тысячелетий до н. э., которые значительно изменили и уточнили выводы, сделанные на основе весьма несовершенных в методическом плане раскопок 30-х годов, М. А. Итиной — о взаимодействии земледельческих культур Средней Азии с их периферией в эпоху бронзы и И. Масимова — о результатах новейших исследований поселений бронзового века в Мургабе (Южный Туркменистан).

Значительная группа докладов была посвящена проблеме сложения города и раннеклассовых городских цивилизаций, их хозяйства, торговли, социальных отношений и т. д. Среди них особо выделяется содержательный доклад Р. Мак-Адамса «Древние тенденции в развитии хозяйства и общества Месопотамии». Автор закономерно ставит вопрос о роли археологических и письменных источников в изучении древних государств Месопотамии, о возможностях и недостатках каждого из названных видов источников при воссоздании социально-экономических и политических структур месопотамского общества и т. д. Основной тезис доклада — необходимость тесного сотрудничества и взаимодополнения археологической и исторической наук — звучит вроде бы и тривиально, как старая и бесспорная истина. Но здесь следует напомнить, что на Западе, особенно в англо-американских научных кругах, довольно значительно влияние так называемой «новой археологии», главный идеолог которой Л. Бинфорд проводит идею о враждебности и несовместимости исторических (гуманитарных) и научных (естественных) методов исследования и что археология лишь в той мере является «настоящей» наукой, в какой она опирается на методы естественных наук. Но практика работы археологов в Месопотамии подтверждает как раз обратное: для лучшего понимания процессов социальной эволюции и институтов древнего общества необходимо тесное сотрудничество историков-текстологов и археологов, данные которых взаимно дополняют друг друга в целом ряде важных вопросов. Например, археология, даже при наличии множества письменных источников, глубже и полнее способна в некоторых случаях осветить процессы производства и распространения керамики, определить характер местных поселений в древности, взаимоотношения города и округи, иерархию поселений в этой округе, роль сельских поселений в жизни месопотамских обществ, быт и социальную структуру основной массы населения — земледельцев, пастухов, рыбаков, охотников и т. д. С другой стороны, археолог, опираясь только на свой материал, не может без письменных источников успешно реконструировать социально-экономическую основу древних государств.

Профессор К. К. Ламберг-Карловски в своем докладе «Община, техника и торговля (на примере Юго-Восточного Ирана)» на материалах нового интереснейшего памятника Яхья-Тепе реконструирует хозяйство, быт, социальные отношения, торговые и культурные связи местной общины, отмечая интенсивность ее торговых контактов с Индией и Месопотамией (изделия из хлорита и металла, керамика). Для наиболее полного и объективного обоснования поставленных проблем автор широко использует результаты физико-химических анализов металла, керамики и хлоритов из Яхья-Тепе и других памятников Иранского нагорья V—II тысячелетий до н. э.

С интересом встретили участники симпозиума и доклад Ф. Кола «Разнообразие ранних городских центров на Древнем Ближнем Востоке и процесс их трасформации во II тысячелетии до н. э.», прочитанный на русском языке. Автор основное внимание сосредоточил на выявлении различий, характеризующих развитие некоторых ранних государств «ближневосточного типа». В работе сопоставляются, в частности, такие черты, как региональные особенности в планировке поселений, внутренние планы городов, а также социальная дифференциация внутри городских центров и между городскими и сельскими общинами трех довольно хорошо документированных областей — Шумера, долины Инда и южной Центральной Азии.

Вопросы взаимосвязи и взаимовлияния идеологической надстройки и социально-политической и экономической реальности в обществе древней Месопотамии были поставлены в докладе Н. Иоффи «Сферы взаимодействия Месопотамии: к вопросу о макроорганизационных моделях в древней Западной Азии».

Профессор У. Файрсервис на материалах харапских памятников долины р. Инд поднимает в своем докладе «Большие и малые традиции и харапская цивилизация» важные методические и теоретические проблемы: определение понятий «стиль», «традиция», «цивилизация» в археологической науке, соотношение традиций и инноваций, местного и заимствованного элементов в развитии древней культуры и т. д.

К этой же группе докладов относятся и выступления ряда советских исследователей: Б. В. Андрианова и А. Р. Мухамеджанова — «Роль ирригации в социальной истории древней Средней Азии», В. И. Гуляева — «Типология древнейших государств Месопотамии и Мезоамерики», А. А. Аскарова — «Южноузбекистанский очаг древнебактрийской цивилизации», Л. Б. Кирчо — «Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации», Н. Н. Негматова и Т. В. Беляевой — «Проблема начального этапа урбанизации Уструшаны», В. А. Алекшина — «Некоторые закономерности развития общественного строя древнеземледельческих обществ (по данным погребальных обрядов)», Г. В. Шишкиной — «Становление и ранние этапы развития города Самаркандского Согда».

Сюда же должен быть отнесен и доклад Ю. Ф. Бурякова «Динамика древней городской жизни в Ташкентском оазисе (опыт типологического, функционального и пространственного анализа)», хотя он и касался более позднего периода.

Несколько особняком стоят доклады В. П. Алексеева, Т. К. Кияткиной и Т. К. Ходжайова «Палеоантропология Средней Азии в эпоху неолита и бронзы» и И. Н. Хлопина «Изучение могильников эпохи энеолита и бронзы в долине р. Сумбар (ТССР)».

Интересный доклад по вопросам методики археолого-исторических реконструкций — «Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем (в приложении к этнологии и археологии)» — был сделан Г. Джонсоном.

Для сравнительного изучения путей развития древних обществ Ближнего Востока и Средней Азии с другими регионами важное значение имели данные, представленные в содержательном докладе К. Чанга «Древний Китай: обзор последних археологических и эпиграфических работ и исследований древних текстов».

9 сентября, после посещения участниками симпозиума двух интереснейших археологических памятников — раннеземледельческого поселения Саразм и средневекового города Пенджикент — в г. Пенджикенте (ТаджССР), было устроено специальное заседание, на котором с докладом «Саразм — поселение эпохи энеолита в долине Зеравшана» выступил А. И. Исаков.

В результате работы симпозиума определились вопросы, в решении которых наметился определенный прогресс. Выявились и проблемы, требующие дальнейших серьезных изысканий. Симпозиум позволил установить не только круг конкретных исторических тем и теоретических проблем, которыми занимаются в настоящее время американские коллеги, но и выяснить методику и методологическую направленность их работ. Следует особо отметить, что симпозиум в определенной мере способствовал сближению точек зрения советских и американских ученых по ряду указанных выше вопросов. При этом большое удовлетворение вызывает факт все более возрастающего интереса археологов США к методологии советских исследований, к основным положениям исторического материализма. В этой связи весьма показательным было заявление главы американской делегации проф. К. К. Ламберга-Карловски о том, что симпозиум в Самарканде впервые продемонстрировал американским ученым как конкретные результаты, достигнутые советскими археологами при раскопках и исследованиях в Средней Азии, так и перспективность применения их теоретических положений при реконструкциях древневосточных обществ.

Как заявили нам американские ученые, их поразили масштабы и высокий уровень проводимых в советской Средней Азии археологических работ. Они признали, что отныне невозможно изучать многие проблемы центральноазиатской и ближневосточной археологии без учета их результатов. Это обстоятельство должно стать также важным стимулирующим фактором дальнейшего советско-американского сотрудничества в области археологии.

После завершения работы симпозиума его участники побывали на экскурсии в г. Бухаре.

13—15 сентября американская делегация находилась в Ленинграде; она посетила там отделения Института археологии и Института востоковедения АН СССР и Государственный Эрмитаж, где была принята акад. Б. Б. Пиотровским. В Ленинградском отделении Института археологии АН СССР было организовано специальное заседание сектора Средней Азии и Кавказа, на котором заведующий Отделением член-кор. АН ТССР В. М. Массон сделал доклад на тему: «Значение АН СССР в изучении археологии, истории и культуры народов Средней Азии и Ближнего Востока». Американские ученые ознакомились также с новыми материалами, полученными в ходе археологических раскопок в Южном Туркменистане.

16 сентября в Москве американскую делегацию принял директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков. Он рассказал, в частности, о структуре института и основных направлениях его деятельности, выразил удовлетворение позитивными результатами завершившегося в Самарканде симпозиума и надежду на дальнейшее развитие сотрудничества между советскими и американскими археологами. С американской стороны на встрече выступил К. К. Ламберг-Карловски и Р. Мак-Адамс. Они подчеркнули единодушное мнение всех членов делегации о важности и большом значении двух проведенных советско-американских симпозиумов по археологии и о необходимости дальнейшего укрепления и расширения связей и сотрудничества между учеными обеих стран.

Таким образом, Второй советско-американский симпозиум в Самарканде успешно завершился, убедительно показав целесообразность и плодотворность советско-американского сотрудничества в области археологии и обоюдное стремление продолжать и расширять это сотрудничество.

Мунчаев Р. М., Гуляев В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Первый советско-американский симпозиум по археологии.— Вестн. АН СССР, 1982, № 6.
2. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Первый советско-американский симпозиум по археологии.— СА, 1982, № 3.

ПАМЯТИ АЛИСЫ ВЛАДИМИРОВНЫ БАНК

22 августа 1984 г. на 78-м году жизни скончалась Алиса Владимировна Банк, доктор исторических наук, крупнейший специалист в области культуры и искусства Византии, один из старейших сотрудников Государственного Эрмитажа, проработавшая в музее более 50 лет.

На протяжении всей жизни А. В. Банк была неразрывно связана с археологией. Это было обусловлено прежде всего характером ее образования и областью интересов. Она закончила (в 1928 г.) факультет языкознания и истории материальной культуры ЛГУ, позднее — аспирантуру при историческом факультете (где до последних дней жизни вела спецкурсы не только по византийскому искусству, но и курс «Археология Византии»). Начиная со студенческих лет, А. В. Банк участвовала в ряде экспедиций (Херсонес, Эски-Кермен, Судак, Анберд). Даже в преклонном возрасте она пользовалась всякой возможностью для посещения раскопок, посещала Новгород, Псков, Ладогу, Киев, Крым, Закавказье, где знакомилась с новыми материалами по эпохе средневековья. А. В. Банк всегда была в курсе всех археологических дискуссий, в которых и сама принимала участие; в курсе всех новых открытий, будь то Греция или Турция, Румыния или Италия, Изяславль или Новогрудок, Рязань или Смоленск; она постоянно делала обзоры советских работ для зарубежных изданий и знакомила русского читателя с новинками зарубежной археологии и византинистики; ее перу принадлежат острые, но объективные рецензии, в том числе публиковавшиеся в «Советской археологии».

Эту органическую связь работ А. В. Банк с археологией определила и сама избранная ею сфера науки: история Византии, тесно сплетенная с судьбами Руси, Кавказа и Причерноморья. Главной областью научных интересов Алисы Владимировны было прикладное искусство и ремесло Византии, памятники которого часто встречаются в раскопках поселений и могильников эпохи средневековья. В хронологии и атрибуции подобных находок А. В. Банк была одним из крупнейших экспертов в мире. Именно поэтому коллеги-археологи и музейные работники, советские и зарубежные, постоянно обращались за консультацией к Алисе Владимировне как к замечательному знатоку металла и глиптики, керамики, костяной пластики, камня и ювелирных изделий. С истинным бескорыстием большого ученого и неизменным доброжелательством давала А. В. Банк эти консультации — устные и письменные: в ее громадном архиве сотни писем такого характера изо всех городов мира. Лишь некоторые из подобных археологических находок стали объектом ее собственных специальных публикаций: гребень из Саркела, серебряный сосуд из Тартуского клада, литики из Новогрудка, ряд находок из Фессалоник и др.

Особое место среди работ А. В. Банк этого круга, естественно, принадлежит материалам Херсонеса, как новым, так и из старого собрания Эрмитажа. Назовем лишь некоторые из них: «Керамика Дманиси и Херсонеса» (в кн.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938); «Вислая свинцовая печать XI—XII вв.» (МИА, 1953, № 34); «Старые находки из Херсонеса в свете новых данных» (ВВ, 1956, N IX); «Некоторые сходные памятники средневековой мелкой пластики, найденные в Константинополе, Херсонесе и Болгарии» (Byzantinobulgarica, т. VII. София, 1981). Одной из недавних находок Херсонесской экспедиции Эрмитажа посвящена и последняя статья Алисы Владимировны, которая будет опубликована в «Сообщениях Государственного Эрмитажа» уже посмертно.

Много лет А. В. Банк занималась — и в этом видят одну из основных ее заслуг в византинистике — выяснением роли так называемых «местных центров» и их взаимоотношениями с Константинополем и между собой. Серия работ А. В. Банк посвящена памятникам искусства и культуры Сербии и Болгарии, ряд интересных исследований связан с Древней Русью, из числа последних можно вспомнить, например: «Два свидетельства почитания культов Бориса и Глеба вне пределов России» (в сб.: Преслав, т. 2. София, 1976); «Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI—XII вв.» (в кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.: Наука, 1977).

В том же ключе выявления роли различных культур в сложении Византии и установления их взаимовлияний написаны и те работы А. В. Банк, которые, с одной стороны, внесли всеми признанный объективный вклад в византинистику, ярко показав роль Востока для византийской культуры и искусства, с другой же стороны, определили ее прочные связи с археологией Закавказья. Это направление, начатое самыми ранними статьями, продолжало интересовать А. В. Банк до самого последнего времени: анализу под этим углом зрения различных памятников Грузии и Армении посвящены и ее статья в эрмитажном сборнике «Культура Востока. Древность и средневековье» (1978), и ее доклады на международных симпозиумах по армянскому и грузинскому искусству и археологии (среди них хотелось бы выделить прочитанный и опубликованный в 1983 г. в Тбилиси доклад «Взаимоотношение больших и малых форм скульптуры в Византии и Грузии», имевший принципиальное значение).

Алиса Владимировна не просто была старшим товарищем для армянских и грузинских археологов. Многие из них, в том числе занимающие теперь ведущее положение в науке, прошли в свое время через аспирантуру Эрмитажа, которую более 30 лет возглавляла А. В. Банк, всегда проявляя горячую заботу о подготовке кадров для республик нашей страны и, конечно, для самого Эрмитажа.

Эрмитаж, которому Алиса Владимировна была бесконечно предана, вообще занимал особое и, вероятно, главное место в ее жизни. Она проработала здесь

53 года, начав со скромной должности «научного сотрудника II разряда». С 1940 г. А. В. Банк возглавила отделение Византии (сейчас — сектор Ближнего Востока и Византии) в рамках отдела Востока; этот пост она занимала до последних дней жизни, совмещая его со множеством других обязанностей: она была не только бессменным заведующим аспирантурой, членом Ученого совета, Реставрационного совета (возглавляя долгие годы Комиссию при мастерской научной реставрации монументальной живописи), Редакционно-издательского совета Эрмитажа, но и одним из наиболее уважаемых и принципиальных общественников. В годы Великой Отечественной войны А. В. Банк была среди тех, кто спасал ценности Эрмитажа в эвакуации, в Свердловске. В эти трудные годы она была главным хранителем восточных коллекций Эрмитажа.

В 1946 г. А. В. Банк получила благодарность от Комитета по делам искусств при СНК СССР «за успешную работу по сохранению и реэвакуации художественных ценностей, а также восстановление Эрмитажа». В 1964 г. А. В. Банк была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Перу А. В. Банк принадлежит около 150 работ, среди которых такие значительные, как монография «Прикладное искусство Византии. XI—XII вв.» (М.: Наука, 1978), ставшие классическими и издававшиеся на многих языках «Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа» (Л., 1960) и «Византийское искусство в собраниях Советского Союза» (1-е изд., Л.—М., 1966).

Имя А. В. Банк пользуется заслуженной известностью и безусловным авторитетом среди советских ученых и в мировой науке. За рубежом опубликованы многие из ее трудов; она неоднократно приглашалась иностранными научными учреждениями для чтения лекций — в Равенну (1962, 1970 гг.) и Белград (1964, 1968 гг.), в Софию и Берлин, Вену и Женеву.

А. В. Банк много раз представляла нашу науку на международных конференциях, с 1960 г. регулярно участвовала в международных конгрессах византинистов в Оксфорде, Бухаресте, Сопочанах, Афинах, Вене. Ее доклады, как и печатные работы, отличали блестящее знакомство со всей мировой литературой, всесторонний анализ изучаемых памятников и явлений с марксистских позиций, обращение — пусть порой по частному поводу — к самым глобальным проблемам исторической науки и собственно византинистики.

Память о прекрасном ученом и о человеке редкого обаяния, интеллигентности и благородства останется навсегда у всех, кто знал А. В. Банк.

Пиотровский Б. Б., Иерусалимская А. А.

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ЛЕОПОЛЬДОВИЧА ЯКОБСОНА

3 августа 1984 г. скончался один из старейших сотрудников Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, доктор исторических наук Анатолий Леопольдович Якобсон.

А. Л. Якобсон родился в 1906 г. в г. Луге Ленинградской обл. Он учился в школе в Петрограде, а затем в Москве. В 1922 г. А. Л. Якобсон поступил на физико-математический факультет Московского государственного университета. Через 2 года он перешел на археологическое отделение этнологического факультета университета, а в 1927 г. перевелся в Ленинградский университет, который окончил в 1929 г. по отделению истории материальной культуры. В эти годы А. Л. Якобсон участвовал в экспедициях по изучению памятников Херсонеса и Старого Крыма, проводил под руководством И. А. Орбели обследование памятников зодчества Армении. В 1929 г. вышла в свет его первая научная статья, посвященная византийской капители VI в.

В 1930 г. А. Л. Якобсон был зачислен в ГАИМК на должность научно-технического сотрудника. С этого времени вся жизнь исследователя была связана с головным археологическим учреждением страны. В 1931 г. А. Л. Якобсон переведен в младшие, а в 1941 г.— в старшие научные сотрудники. Основные научные интересы А. Л. Якобсона определились в студенческие годы — средневековая культура Крыма и Кавказа. Однако в соответствии с предъявлявшимися тогда требованиями он параллельно работал над изучением раннего мануфактурного производства в России («Ткацкие слободы и села в XVII в.». М.— Л., 1934), в сферу его интересов входила средневековая культура Азербайджана и Хазарского каганата. Он принимал участие в работах Цимлянской (30-е годы), Азербайджанской и Волго-Донской экспедиций (50-е годы).

В 1941 г. А. Л. Якобсон защитил кандидатскую диссертацию на тему «Архитектура средневекового Херсонеса». В 1962 г. им была защищена докторская диссертация «Средневековый Херсонес» (опубликована в двух томах в 1950 и 1959 гг.). И в дальнейшем основные труды А. Л. Якобсона были посвящены средневековому Крыму: монографии «Средневековый Крым» (1964 г.), «Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики» (1970 г.). «Керамика и керамическое производство средневековой Таврики» (1979 г.).

Одновременно А. Л. Якобсон продолжал исследование армянского зодчества. В 1950 г. вышла его книга «Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв.», а затем большое количество статей, посвященных отдельным малоизученным или

неизученным памятникам армянской архитектуры. Исследователь показал общность развития раннесредневекового зодчества Армении и Грузии при наличии в зодчестве каждой из этих стран специфических особенностей. Широкая эрудиция позволила А. Л. Якобсону показать сходство и различия между зодчеством Закавказья и зодчеством Сирии и Болгарии.

Изучение средневекового зодчества целого ряда стран привело А. Л. Якобсона к выводу о наличии определенных закономерностей в их развитии, о наличии в архитектуре этих стран общих этапов, определяемых не только культурными связями, но и общностью протекающих здесь социально-экономических процессов. Эту работу Анатолий Леопольдович подготовил в виде двух самостоятельных томов, первый из которых («Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры») опубликован в 1983 г., а второй подготовлен к печати. В сильно сокращенном варианте содержание работы А. Л. Якобсон изложил в научно-популярной книге в серии издательства «Наука» (1985 г.).

А. Л. Якобсон был хорошо известен не только в Советском Союзе, но и за рубежом как крупнейший специалист в области средневековой культуры и архитектуры Крыма, Кавказа и шире — Юго-Восточной Европы. Он охотно делился своими знаниями с коллегами. Учениками А. Л. Якобсона являются многие ученые. Всегда активный, всегда заинтересованный в работе своих коллег, всегда готовый помочь — таким он останется в памяти всех, кому посчастливилось с ним общаться.

Раппопорт П. А.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВГМГ — Вестник Гос. музея Грузии АН ГССР. Тбилиси
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВОМК — Волгоградский областной музей краеведения
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет. Киев
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва — Ленинград
ГБЛ — Гос. библиотека им. В. И. Ленина. Москва
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ДВГУ — Дальневосточный гос. университет
ДГО — Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Ленинград
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия Гос. Российской Археологической комиссии. СПб.
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Москва — Ленинград
ИГ ДВНЦ АН СССР — Институт геологии Дальневосточного научного центра Академии наук СССР
ИИА — Институт истории и археологии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИИС — Из истории Сибири. Томск
ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии
ИНМВ — Известия на Народния музей Варна
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь
Калм. НИИЯЛИ — Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Элиста
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик
КГПИ — Куйбышевский гос. педагогический институт
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России. Москва
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
МНМ — Мифы народов мира. Москва
НАА — Народы Азии и Африки. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва — Ленинград
СГМИИ — Сообщения Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР
СОГПИ — Северо-Осетинский гос. педагогический институт им. К. Л. Хетагурова
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах
СТ — Советская тюркология. Москва
СЭ — Советская этнография. Москва
Тр. ПУАК — Труды Полтавской ученой архивной комиссии
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Москва — Ленинград
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УОМК — Уральский областной музей краеведения. Свердловск
Ур. ГУ — Уральский гос. университет им. А. М. Горького. Свердловск
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов. Москва
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AAH — Acta archaeologica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest

AÉ — Archaeologiai értesitö. Budapeşt
AH — Archaeologia Hungarica. Budapeşt
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
Cer. Arh.— Cercetări arheologice. Praha
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
IG — Inscriptiones Graecae. Berlin
IOSPE I² — Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. V. I. 2 ed. Petropoli, 1916
RGZM — Römisch-qermanisches Zentral Museum. Mainz
SCIV — Studii si cercetări de istorie veche si arheologie. Bucuresti

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.04.85 Подписано к печати 05.06.85 Т-03478 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0+1 цв. вкл. Усл. кр.-отт. 97,8 тыс. Уч.-изд. л. 32,2 Бум. л. 10
Тираж 3427 экз. Зак. 1302

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6